Валерий Герасимчук

РЕПИН

«Бурлаки на Волге», «Парижское кафе», «Крестный ход»,
«Портрет Мусоргского», «Портрет Стасова», «Иван Грозный»,
«Вечорниці», «Толстой на пашне», «Запорожцы»,
«Портрет Третьякова», «Черноморская вольница»,
«Гайдамаки, или Освящение ножей», «Гопак»,
«Портрет Званцевой»

Биографический роман
в пьесах

Киев
2017

ГЕРАСИМЧУК Валерий Назарович, просп. В. Лобановского, 6-Д, кв. 3, г. Киев, 03037
моб. 066-624-32-31, e-mail: herasymchuk-v@ukr.net

ББК 84.4УКР6-РОС
Г37

На первой странице обложки – фрагменты картины И.Е. Репина «Бурлаки на Волге»

Герасимчук, Валерий.

Г37 Репин («Бурлаки на Волге», «Парижское кафе», «Крестный ход», «Портрет Мусоргского», «Портрет Стасова», «Иван Грозный», «Вечорниці», «Толстой на пашне», «Запорожцы», «Портрет Третьякова», «Черноморская вольница», «Гайдамаки, или Освящение ножей», «Гопак», «Портрет Званцевой»): Биографический роман в пьесах / В.Н. Герасимчук. – К.: …, 2017. – 562 с.

ISBN

Четырнадцать картин – четырнадцать одноименных драм. Как и на картинах Репина, в произведениях драматурга переплетаются известные исторические личности и вымышленные персонажи, реальные события и дорисованные фантазией автора ситуации. А все это вместе взятое складывается в огромную реалистическую картину жизни и творчества одного из величайших художников мира и, словно в многосерийном фильме, отображает его длинный и многотрудный путь. Биографический роман в пьесах «Репин» состоит из драм «Бурлаки на Волге», «Парижское кафе», «Крестный ход», «Портрет Мусоргского», «Портрет Стасова», «Иван Грозный», «Вечорниці», «Толстой на пашне», «Запорожцы», «Портрет Третьякова», «Черноморская вольница», «Гайдамаки, или Освящение ножей», «Гопак» и «Портрет Званцевой» и является продолжением работы автора над «Пьесами о великих». Написан он на основе фундаментальных трудов известных искусствоведов и биографов Ильи Ефимовича Репина (О.А. Лясковской, С.А. Пророковой, В.Н. Москвинова, И.С. Зильберштейна, К.И. Чуковского и др.), а также воспоминаний о художнике, его собственных мемуаров и переписки с друзьями, среди которых были Л.Н. Толстой, В.В. Стасов, Д.И. Яворницкий, И.Н. Крамской, П.М. Третьяков…

ББК 84.4УКР6-РОС

(с) Герасимчук В.Н., 2016

ISBN

«Мое личное мнение то, что в живописном искусстве
нельзя не признать главным самую живопись и что из всего,
что у нас делается теперь, в будущем первое место
займут работы Репина, будь это картины,
портреты или просто этюды».

П.М. Третьяков
(Из письма к Л.Н. Толстому от 18 июня 1890 года).

«…старинная русская легенда объявляет,
что мир на трех китах стоит. Но я нахожу,
что наш художественный мир на одном стоит.
Ну, и слава Богу!»

В.В. Стасов
(Из письма к И.Е. Репину от 12 мая 1906 года).

Бессмертие Репина, или Репин и Украина

I

Он был уже известным в России и далеко за ее пределами живописцем, нарисованные им «Бурлаки на Волге» имели грандиозный успех на Всемирной выставке в Вене, а в зарубежной прессе его – еще совсем молодого Илью Репина – ставили рядом со всемирно известными мастерами… И вот, как рассказывает в своей книге «Репин» С.А. Пророкова, окрыленный этим успехом, награжденный Золотой медалью Академии художеств и обеспеченный правительственной пенсией, он едет во Францию, рисует картину «Парижское кафе», выставляет ее на выставке в Салоне и… терпит фиаско: картина висит где-то под потолком, и на нее никто не обращает внимания. Куинджи, который как раз возвращается в Москву, преподносит это Крамскому как большую творческую ошибку Репина и как полный провал!

И обеспокоенный учитель сразу же (20 августа 1875 года) посылает в Париж письмо, в котором спрашивает своего ученика: «…как могло случиться, что Вы это писали?» По мнению Крамского, нельзя было ему, Репину, браться за подобную тему! Ведь «…человек, у которого течет в жилах хохлацкая кровь, наиболее способен (потому что понимает это без усилий) изобразить тяжелый, крепкий и почти дикий организм, а уж никак не кокоток»! И

дальше И.Н. Крамской, уже спокойнее, но с твердым убеждением в своей правоте, объясняет своему еще неопытному ученику, что надо быть французом и с детской колыбели слушать шансонетки, чтобы осилить такую тему, как парижское кафе…

Какое это великое счастье для нас, украинцев и россиян (да и для всего славянского мира), что Илья Ефимович Репин не был французом и не слушал с детства шансонетки, а родился 5 августа 1844 года в семье русского военного поселенца и местной украинки в украинском городе Чугуеве под Харьковом и с детской колыбели сначала слышал, а потом всю жизнь пел русские и украинские народные песни! А поэтому обессмертил на своих картинах не парижских кокоток и их любовников, а русских бурлаков и запорожских козаков, зафиксировал для будущих поколений проводы новобранца и вечерницы, оставил нам в наследство неповторимые портреты выдающихся деятелей культуры, среди которых Л.Н. Толстой, Т.Г. Шевченко, М.П. Мусоргский, В.В. Стасов, П.М. Третьяков… Его же «Крестный ход в Курской губернии» – это и вовсе тот редкостный стоп-кадр отечественной истории, из которого в наше сознание (и в нашу совесть!) входят – кто в постолах, а кто в ботинках или сапогах – представители всех прослоек современного ему общества…

Всю жизнь Репин крепко держался своих корней. Поэтому такой высокой и широкой развилась крона его творчества – ведь она вырастала из национального чернозема и из черного хлеба, посыпанного «крупной серой солью», который ему не раз пришлось испробовать в детские и молодые годы. Отсюда близость художника к родным истокам, тематика из жизни простого народа и огромная влиятельная сила его картин, которые всегда были не просто в совершенстве нарисованы, а выстраданы, выношены под сердцем, пропущены через душу!

Есть одно очень важное место в статье «Как создавалась картина «Запорожцы», которая принадлежит перу украинского историка Д.И. Яворницкого, предоставившего художнику бесценную помощь во время создания этого шедевра (он позировал для центральной фигуры писаря, подыскивал для Ильи Репина живую «натуру» среди современников, знакомил его с коллекциями древностей, историческими материалами и т.д.). Там приводится их разговор об известном художнике К.Е. Маковском, который, увидев «Запорожцев», тоже захотел нарисовать картину из жизни запорожских козаков. «Вы дайте ему красочную тему, – посоветовал Репин Яворницкому. – Красочность в живописи для него выше всего. И нужно сказать, что тайну сочетания красок он постиг так, как никто из нас. Но дальше этого не ищите у него ничего: ни стонов страдальца, ни жгучих болей души, ни воплей отчаяния, ни отважной борьбы за волю с насильниками, – ничего этого вы не увидите на картинах Маковского»…

Репин имел полное право сказать эти строгие, но очень справедливые слова. Ведь это именно он, как редко кто в мировой живописи, постигнув «тайну сочетания красок», в то же

время передал и «стоны страдальца» в своих «Бурлаках на Волге», отобразил «жгучие боли души» несчастного калеки в «Крестном ходе в Курской губернии», зафиксировал в «Иване Грозном» отчаяние отца, который убил своего сына, создал шедевр про отважную борьбу запорожцев за волю и нарисовал много других гениальных картин…

Ту чрезвычайно высокую оценку, которую Лев Толстой дал картине Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», совершенно справедливо можно распространить на все творчество художника! А Л.Н. Толстой, посетив XIII Передвижную выставку в Москве, на которой был впервые выставлен «Иван Грозный», в конце марта 1885 года написал художнику: «Третьего дня был на выставке и хотел тотчас же писать Вам, да не успел. Написать же хотелось именно вот что – так, как оно сказалось мне: молодец Репин, именно молодец. Тут что-то бодрое, сильное, смелое и попавшее в цель. На словах многое сказал бы вам, но в письме не хочется умствовать… Хорошо, очень хорошо, и хотел художник сказать значительное, и сказал вполне и ясно, и, кроме того, так мастерски, что не видать мастерства. Ну, прощайте, помогай вам Бог забирать все глубже и глубже».

И, словно, продолжил эту мысль Толстого И.Н. Крамской в своем известном письме к О.С. Суворину от 21 января 1885 года: «…Меня охватило чувство совершенного удовлетворения за Репина. Вот она, вещь, в уровень таланту. Судите сами. Выражено и выпукло выдвинуто на первый план – нечаянность убийства! Это самая феноменальная черта, чрезвычайно трудная и решенная только двумя фигурами… И как написано, Боже, как написано! В самом деле, вообразите, крови тьма, а вы о ней и не думаете, и она на вас не действует, потому что в картине есть страшное, шумно выраженное отцовское горе и его громкий крик, а в руках у него сын, сын, которого он убил… человек, видевший хотя раз внимательно эту картину, навсегда застрахован от разнузданности зверя, который, говорят, в нем сидит».

Вот так великий Репин, начав с «Бурлаков на Волге», каждой своей последующей картиной проникал в глубины человеческого духа и человеческих страданий!

Мало владеть великим талантом – надо еще быть способным на сострадание. И надо иметь мужество отстаивать за собой это право… Ох, как отчаянно отбивался Репин, когда не только консервативно настроенные круги, но и некоторые его друзья не восприняли изображенных им нищих и калек в «Крестном ходе в Курской губернии»! «В прежнем «Крестном ходе» была одна-единственная фигура – благообразная девушка, и ту Вы уничтожили; мне кажется, было бы очень хорошо на место бабы с футляром поместить прекрасную молодую девушку», – писал художнику П.М. Третьяков. И сразу же получил от Репина ответ: «Для меня выше всего правда, посмотрите-ка в толпу, где угодно, – много Вы встретите красивых лиц, да еще непременно, для Вашего удовольствия, вылезших на первый план?!» А своему другу Николаю Мурашко, который в суждениях об этой картине

поддерживал Третьякова, Илья Ефимович в письме от 30 ноября 1883 года ответил еще резче: «… я бы себя презирал, если бы я стал писать «ковры, ласкающие глаз»!.. Всеми своими ничтожными силенками я стремлюсь олицетворить мои идеи в правде; окружающая жизнь меня слишком волнует, не дает покоя, сама просится на холст; действительность слишком возмутительна, чтобы со спокойной совестью вышивать узоры…»

Нет, напрасно Крамской так переживал тогда за своего ученика – художник с такими прогрессивными взглядами и такой чуткой душой не мог долго рисовать беззаботных посетителей парижского кафе! Мыслями, замыслами, всем своим существом Илья Репин был уже дома, в Чугуеве, Петербурге и Москве, где его ждали родные пейзажи и родные люди и где ему еще предстояло нарисовать «Крестный ход», «Вечорниці», «Толстого на пашне», «Отказ от исповеди перед казнью», «Не ждали»… И, конечно же, «Запорожцев»!

Еще там, во Франции, Репин перечитывает повести Гоголя и рисует эскизы по сюжетам его произведений. А В.В. Стасову пишет: «Я принялся за Гоголя и такого наслаждения еще ни разу не получал от него, особенно от его малороссийских вещиц…» Уже тогда под влиянием гоголевского «Тараса Бульбы» перед взором живописца все чаще и чаще стали вырисовываться не игривые кокотки, а запорожские козаки. Поэтому когда художник вернулся на родину (преждевременно вернулся – на академическую пенсию Илья Репин имел полное право еще три года жить за границей!) и через два года, гостюя у мецената Саввы Мамонтова в Абрамцево под Москвой, услышал напечатанное Николаем Костомаровым знаменитое письмо запорожцев к турецкому султану, – он уже был готов к этой теме и сразу же – 26 июля 1878 года – набросал первый эскиз «Запорожцев»…

II

Репин безгранично любил Украину. Знал украинский язык (в письмах к друзьям и в «Далеком близком» И.Е. Репин часто употребляет украинские слова и словосочетания, которые нередко переходят в предложения и целые абзацы). Часто носил украинскую одежду («И сам приеду в малорусском костюме», – читаем в одном из писем художника за 1888 год). Пел украинские песни, постоянно принимал участие в поминках по Т.Г. Шевченко, которые каждый год устраивались тогда в Петербурге. (Именно 25 февраля 1886 года, на годовщине великого Кобзаря, И.Е. Репин и познакомился с Д.И. Яворницким в Казанском соборе). А с каким теплом и уважением он отзывается об украинцах в книге мемуаров «Далекое близкое», когда пишет о Чугуеве или вспоминает товарищей из артели иконописцев! ««Кругом города было несколько богатых и красивых сел малороссиян – народ нежный, добрый, поэтичный»; «сначала мы стали по обыкновению петь песни нашим спевшимся хором – большею частию украинские». (Как пишет художник в «Далеком

близком», украинские песни постоянно звучали в доме его первого учителя – талантливого чугуевского иконописца Ивана Михайловича Бунакова, жена которого, Наталья Михайловна, всегда начинала со своей любимой: «Переходом чистим полем Зацвіли волошки, Тим я тебе полюбила, Що чорнявий трошки»).

Г.А. Тюменева в статье «Музыка в жизни Репина» («Репин», «Художественное наследство», т. I), говоря о великой любви Репина к музыкальным произведениям русских и зарубежных композиторов, подчеркивает: «Но самый глубокий след в душе художника оставила украинская народная песня. Репин горячо любил свою родину – Украину, и где бы он ни был, – в блестящем ли шумном Петербурге или в уединении своей финляндской дачи, сердцем он был крепко связан с родной южной природой, с бытом, обычаями и песнями своей милой родины.». Дальше Тюменева приводит воспоминания киевского искусствоведа В.А. Чаговца о том, как он, Илья Ефимович Репин и Н.И. Мурашко плыли по Днепру к Жукову острову: «Тяжелые неуклюжие весла взлетали, как крылья, в сильных руках Репина. Упрямые пряди кудрявых волос то вились, то падали на глаза. Челн прыгал на волнах, и сама собой рождалась песня: «До долу верби гне високі» – и гимн Днепру витал над широкой полноводной рекой». По словам В.А. Чаговца, поющий Репин, вдохновленный красотой весенней природы, был прекрасен…» А еще исследовательница пишет: «Очень любил Репин петь и в классах Академии… Заслуженный деятель искусств С.М. Прохоров – ученик Репина – вспоминает, как охотно пел Репин украинские песни в обществе своих земляков – «певучих хохлов», как дружески называл Репин украинских художников. Особенно любил Илья Ефимович песню «Ой, на горі василечки» и мужской хор «Закувала та сива зозуля» из музыки украинского композитора Нищинского к «Вечорницям»… Много позднее, в преклонном возрасте, Репин с… чувством тонкого юмора и иронии исполнял украинские бытовые песни. Б.В. Афанасьев, посещавший Репина в Пенатах, отмечает при этом и очень своеобразную манеру их исполнения…»

Даже на склоне лет, живя в далекой Финляндии, Илья Ефимович не забыл украинских песен и украинского языка! Так, в 1928 году (на 84 году жизни) он начинал свое письмо к В.А. Гиляровскому словами: «О друже мій, дорогій Козаче! Як Вас Бог милуе?»

Там же, на далекой чужбине, Репин возьмется и за свою последнюю картину, которая будет называться «Гопак»… Оттуда 30 ноября 1926 года поделится этим сокровенным замыслом со своим самым большим советчиком и другом: «Дорогой Дмитрий Иванович!.. *под большим секретом* признаюсь Вам, что я опять взялся за *Запорожье*! Ну, разумеется, опять пошла в ход вся *Украина*. С какой радостью и каким-то родственным трепетом сердца, с жадностью я перечитываю все, что нашлось… Ну, разумеется, начиная с Вас: «Эварницкий – Запорожье»… Несмотря на старость, я набрел на *хороший* сюжет: *Сечь*, вся Сичь в праздности… *Гопак*… Опять Запорожье, и опять Вы мой ментор Вергилий… Я стою перед

Вами на коленях, *в позе приемлющего благословение*… Костер Запорожья… еще не угас передо мною: теперь опять все перечитываю… Запорожье… Ах, уж не бывать мне там, только у Яворницкого на Запорожье – вот моя хата…»

Когда же историк послал своему другу фотографии днепровских лоцманов, Илья Ефимович писал уже на украинском языке: «От счастья сих подарунків я зовсім одурів і ще маю прохати: як бы яких-небудь парубків, наприклад. Сегодня, 9-го, я получив ще, но ці всі вже *полковники – ні одного хлопья*. А мені як би хотілось заполучить *хлопчаків*! *Без всяких прикрас*, які попадуться, – гуртом, нечесаних… Парубков мне очень требуется. Конечно, гопака танцуют парубки…»

Украинская тематика часто фигурирует в произведениях художника: «Бандурист», «Украинка», «Украинка у плетня», «Украинская хата», «Вечорниці», «Ярмарок», «Портрет Т.Г. Шевченко», «Портрет С.М. Драгомировой», «Запорожский полковник», «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», «Черноморская вольница», «Гайдамаки», «Гопак»… Откуда это? Почему? Только потому, что Репин родился на Украине? А может, ответ на эти вопросы лежит значительно глубже? Вспомним статью В.В. Стасова о картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», где этот признанный во всем мире историк искусства на всю Россию заявил: «Запорожцы» – великое произведение русской художественной школы. *Репин – наполовину малоросс родом, и это старинные, неведомые для него самого, глубокие силы родины поднялись у него в груди и зазвучали, когда у него мелькнула мысль написать «круг казаков-запорожцев» (*выделено мною. – *В.Г.)*. Он искал повсюду остатки запорожской жизни … и написал изумительную свою сцену… Фигуры – сама мощь, энергия и красота. Каждая – что ни фигура – великий образец для всей русской школы. Вот как надо учиться завоевывать природу и жизнь, живую человеческую фигуру, характер и всю душу насквозь». (В.В. Стасов, «Вот наши строгие ценители и судьи». Журнал «Северный вестник», 1892, № 1).

А еще раньше, в статье «Илья Ефимович Репин», которая была впервые напечатана в журнале «Пчела» в 1875 году (№ 3), тот же Владимир Васильевич Стасов, восхищаясь картинами Репина, написал: «Превосходен также маленький грудной портрет, написанный им в конце 1872 года с матери: тут у него вышла чудная картина в стиле Рембрандта. *Эта старушка-малороссиянка (*выделено мною. – *В.Г.)* сидит у него, сложа руки и глядя перед собою добрыми глазами, точно одна из великолепно освещенных и наполовину прячущихся в густой тени старушек великого голландского живописца». (И.Е. Репин написал этот портрет матери, когда она приезжала в Петербург познакомиться с невесткой накануне рождения первой внучки. Тогда же мог встретиться с матерью художника и В.В. Стасов, который был на крестинах и стал крестным отцом Веры и которому Илья Репин писал 27 августа 1872 года: «Вчера ко мне приехала мать из Чугуева, с братом-музыкантом, который

учится в консерватории». Как бы там ни было, но, чтобы считать мать Репина «малороссиянкой» и чтобы написать на всю Россию, что «Репин – наполовину малоросс родом», у историка с мировым именем должны были быть очень серьезные основания).

Эти утверждения В.В. Стасова Илья Ефимович Репин ни разу не опроверг. А на слова Крамского про свою картину «Парижское кафе» и про свою «хохлацкую кровь» он ответил письмом от 29 августа 1875 года: «Почему это человек, у которого течет в жилах хохлацкая кровь, должен изображать только дикие организмы? «Специально народная струна»? Да разве она зависит от сюжета? Если она есть в субъекте, то он выразит ее во всем, за что бы он ни принялся. Он от нее уже не властен отделаться, и его картинка Парижа будет с точки зрения хохла…» (В своих письмах и статьях Репин часто рядом со словом «украинец» употребляет слово «хохол», но так подписывать картины он ни себе, ни кому-то другому никогда не позволял. Вот его письмо к В.В. Мате, написанное в 1896 году относительно журнала «Север»: «Дорогой Василий Васильевич, вчера я забыл еще Вам сказать: передайте, пожалуйста, Гнедичу или кто у них заведует редакцией названий рисунков, чтобы они не перековеркивали по-своему подписей под гравюрами с картин и рисунков. Ну, что это за подпись: «Хохол»?! – ведь это ругательное слово во всей южной России»).

III

Возможно, когда-нибудь украинские корни Репина по материнской линии будут подтверждены и документально. Но уже сейчас на основании его украинских картин можно утверждать, что Репин всю жизнь сознательно подчеркивал свою принадлежность к Украине, к ее истории и культуре. И подтверждал это просто титаническим трудом. Особенно – в «Запорожцах», над которыми он работал долгих двенадцать лет…

Какой это был труд! Три поездки в Украину и на Кубань с целью сбора необходимого материала (1880, 1888 и 1890 года), глубокое изучение истории запорожского казачества, подробная зарисовка оружия, одежды, инвентаря, поиски натуры и рисунки из сотен лиц… «С полным основанием можно утверждать, что ни один из русских художников… не проводил подготовительную работу для своей картины в таком объеме, как Репин для «Запорожцев», – отметил в своей статье о Репине известный искусствовед, один из редакторов «Художественного наследства» И.С. Зильберштейн. И дальше продолжал: «Десятки альбомов Репин заполнил рисунками в период создания «Запорожцев». К.И. Чуковский, перелиставший в 1915 г. эти альбомы, пишет: «Одних только этюдов (т.е. рисунков. – *И.З.*) к «Запорожцам» было у Репина несколько сот, и мне чудилось, что в них даже штрих украинский: мягкий, музыкальный, лиричный». А Жиркевич, который в это время часто посещал мастерскую живописца, вспоминает в своем «Дневнике»: «Все эти дни

Репин при мне подмалевывает своих «Запорожцев»… Я заметил, что Репин пользуется для этой картины фотографиями, эскизами, набросками, описаниями. Целый архив служит ему при этом, и нет ни одного предмета в картине, который не был бы исторически верен и обдуман».

Совершенно понятно, что такую непосильную ношу можно было выдержать, перенося на холст только свое, самое родное – где художник взял бы столько энергии и сил, если бы рисовал чужих легкомысленных кокоток?!… А тут же были запорожские козаки – наши бессмертные лыцари, народные герои! Они веками отражали татарские и турецкие набеги, ходили в морские походы и вызволяли из неволи пленных славян, приносили в жертву свою жизнь и личное счастье! И вот теперь великий Репин тоже жертвовал для них всем, чем только мог… У него уже усыхала больная от переутомления правая рука, врачи запрещали ему рисовать, а он, обмотав руку теплой шерстяной повязкой, «работал подолгу, не отрываясь от холста, и морил себя голодом» и вообще отказывал себе совершенно во всем. И никто не знал, в какой нужде находился художник в эти годы… Только после того, как «Запорожцев» купил царь Александр III для предполагаемого Музея русского искусства в Петербурге, Репин сознался в одном из писем к Т.Л. Толстой, дочери Льва Толстого: «Признаюсь Вам, что дела мои вообще были плоховаты: чтобы кончить картину, я два года почти отказывался от всех заказов; почти все сбережения пошли в ход…»

С чем можно сравнить такое самопожертвование?

С.О. Пророкова в своей книге про гения сказала очень точные слова: «…написать такую картину, как «Бурлаки», пять лет неотвязно только о ней и думать, не расставаясь с ней мысленно ни днем, ни ночью, это как донору отдать кровь»… Теперь свою кровь Репин отдавал «Запорожцам». Как он дорожил ими, как старательно все продумывал и переделывал! С каким запалом отстаивал эту картину перед теми, кто не понял его замысла и даже пренебрежительно отзывался о самих запорожцах!

Когда художник Н.Н. Ге сравнил запорожских козаков «с кутилами у Палкина», Илья Репин просто взорвался негодованием и в письме к Стасову от 31 марта 1892 года написал: «…Он не понимает и не верит в запорожцев. Он все забыл или ничего не знает из русской истории. Он забыл, что до учреждения этого рыцарского народного ордена наших братьев десятками тысяч угоняли в рабство и продавали, как скот, на рынках Трапезунда, Стамбула и других турецких городов. Так дело тянулось долго: была даже установившаяся цена на славянина и на немца (немец ценился дороже). И вот выделились из этой забитой, покорной, темной среды христиан смелые головы, герои, полные мужества, героизма и нравственной силы. «Довольно, – сказали они туркам, – мы поселимся на порогах Днепра – и отныне разве через наши трупы вы доберетесь до наших братьев и сестер». И даже в последний свой поход в Крым Сирко вывел оттуда до 6000 пленных христиан... И почему же теперь мы

отвергаемся от этих героев и будем бросать в них грязь и сравнивать их с кутилами у Палкина!!!! О, пустомеля».

Эти твердые убеждения Репина в высокой миссии Запорожской Сечи помогли ему выстоять и так изобразить украинских козаков, что они вызвали восхищение даже у российского царя! «Как он восхищался «Запорожцами»! – писал И.Е. Репин М.В. Веревкиной в ноябре 1891 года после того, как его выставку посетил Александр III. И тут действительно было чем восхищаться… В.В. Стасов в это же время написал художнику, что его «Запорожцы» ни на копейку не уступают… лучшим историческим страницам «Тараса Бульбы», а в «Северном вестнике» назвал это полотно «великим произведением русской художественной школы»! «Русские ведомости» также утверждали, что «нынешняя картина Репина – настоящее событие в текущей летописи русского искусства»! А «Московские ведомости» признали «Запорожцев» «картиной единственною»!

Если добавить сюда золотые медали, которые были присуждены этому шедевру на международных выставках в Мюнхене и Будапеште, станет понятно, почему «Запорожцы» Ильи Репина были тогда у многих на стенах и на устах! И действительно – «ни одна из его картин не разошлась в таком количестве репродукций, как эта, и ни одну не копировали так часто еще при жизни художника. В числе тех, кто хотел иметь копию этой картины, был и А.М. Горький» – пишут исследователи.

Чтобы передать картину всеобщего восхищения новой работой Репина, достаточно привести воспоминания художника и историка искусства А.Н. Бенуа. Даже через сорок лет он писал про картину «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»: «…Боже мой, чем она была тогда, когда она была только что рождена волей художника! Какая сила изливалась из нее, и как эта сила изумляла и покоряла. Какой картина казалась нужной, необходимой, в высшей мере важной. Как радостно и бодряще действовала она на те чувства, которые можно назвать «художественным патриотизмом»…

Да не было бы всего этого, если бы сначала этот патриотизм не проявил сам художник!

«О том, насколько Репин дорожил замыслом «Запорожцев», можно судить хотя бы по его ответу А.В. Жиркевичу, – писал И.С. Зильберштейн. – Тот спросил у художника – когда предполагает он закончить «Запорожцев»? «Я уже несколько лет пишу свою картину и, быть может, еще несколько лет посвящу ей, – отвечал Репин. – …Одно только страшит меня: возможность смерти до окончания «Запорожцев». И великий художник их закончил!

Они отблагодарили его бессмертием.

Валерий Герасимчук

«Бурлаки на Волге»

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Илья Ефимович Репин – русский художник.

Федор Александрович Васильев – пейзажист, друг Репина и Савицкого.

Константин Аполлонович Савицкий – живописец, вольнослушатель академии.

Иван Николаевич Крамской – известный художник-передвижник, их учитель.

Павел Михайлович Третьяков – московский промышленник и коллекционер.

Владимир Васильевич Стасов – искусствовед и критик.

Вася – младший брат Ильи Репина.

Пан-отец – сельский священник.

Галя – его дочь.

Карпо – старший сын пан-отца, чумак.

Семен – меньший сын, тоже чумак.

Ганна – жена Карпа.

Христина – жена Семена.

Канин – волжский бурлак, поп-расстрига.

Другие ***бурлаки*** – товарищи Канина.

Паренек – уполномоченный хозяина барки.

Дамы *и* ***кавалеры***.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

1861–1863 года. Живописное украинское село в Харьковской губернии. В церкви, под самым куполом, стоит на деревянных лесах молодой иконописец Илья Репин и рисует Святую Троицу. Он то водит кистью по стене, то отходит на несколько шагов, чтобы посмотреть свою работу.

Репин *(вполголоса напевает)*.

Ой сів Христос та й вечеряти!

Щедрий вечір, добрий вечір
Добрим людям на здоров'я!

Та й прийшла до нього та Божая Мати!

Щедрий вечір, добрий вечір
Добрим людям на здоров'я!

Ой сідай, ненько, та вечеряти!

Щедрий вечір, добрий вечір
Добрим людям на здоров'я!

Ой спасибі, синку, за сю вечоринку!

Щедрий вечір, добрий вечір
Добрим людям на здоров'я!

(Отступает от образов, рассматривает их и размышляет вслух). Кажется, вот здесь к золотому тону надо красной охры немного добавить… *(Взял небольшой кувшин)*. Или не надо?..

Присматриваясь к нарисованным образам, художник отступает еще на один шаг и вдруг, за что-то зацепившись, падает на леса. Кувшин с охрой выпадает из его рук, летит на каменный пол и разбивается.

Репин *(со страхом посмотрел вниз)*. Господи, это же я мог упасть с такой высоты и разбиться, как этот кувшин… *(Поднялся на ноги, перекрестился)*. Спасибо тебе, Господи, что не дал мне такой страшной смертью умереть… А краску на полу я сейчас вытру…

Илья слезает с лесов и подходит и разбитому кувшину.

Репин. Нет кувшина, был – и нет… Это я должен был сейчас здесь лежать… А возле моей головы растекалась бы такая же лужа – только не охры, а крови… Вот была бы картина… *(Ложится на пол головой к красной луже и, распластавшись навзничь, лежит)*.

В это время в церкви появляется очень красивая дивчина в юбке, легкой вышитой сорочке и с узелком в руке. Это – дочь пан-отца Галя.

Галя *(глядя вверх, на леса, зовет)*. Пане иконописец, я вам полдник принесла! *(Переводит взгляд вниз и от неожиданности упускает узелок)*. Ой, горе! Разбились! Разбились! *(Убегает)*.

Репин *(вскакивает)*. Галя! *(Подбегает к двери)*. Убежала, уже не догоню… Ну вот – нечего было делать… Только дивчину напугал… Но надо же – едва не разбился! *(Собирает черепки по одному)*. Были бы тебе заработки, Илья… Был бы тебе и Петербург… Была бы тебе и академия… Как же! Тебе мало быть простым богомазом! Ты наслушался о Крамском, который из ретушера выбился в художники, и тебе тоже захотелось рисовать живые картины! А разве твои иконы получаются не живые? Разве не один священник уже говорил, что лики угодников на твоих иконах очень уж мирские?! «Хорошо, Илья, у тебя выходит, – говорил батюшка из Сиротино. – Только святой Лука – ну точь-в-точь старый Гнась!» А что бы он сказал, если бы узнал

в евангелисте Марке берестянского шинкаря Иоселя Жмудского, а в Матфее – чугуевского ветеринара Кирилла? *(Дальше убирает)*.

Явление 2

В церковь вбегают пан-отец и Галя.

Пан-отец *(увидев, что Илья собирает черепки)*. Ну жив, слава Богу, наш живописец! *(Перекрестившись, беспокойно)*. Очень ушиблись? Ничего не поломали?

Репин. Да я и не падал совсем! Точнее, падал, но только там, наверху, на лесах… Оступился и упал… А кувшин с охрой не удержал… Вот теперь черепки и собираю… Такая досада – полкувшина краски пропало…

Пан-отец. Да не жалейте вы за этой краской! Слава Богу, что вы остались живы! *(Гале)*. Ох, дочка… Как ты меня напугала…

Галя *(виновато)*. Тату, так они же на полу лежали! А кровь так и лилась из головы!

Репин *(показывает красную тряпку)*. Да это не кровь, Галя. Это – красная охра! *(Опустил глаза)*. Простите, что я вас так напугал… Если честно признаться, то я и сам очень испугался… Это у меня привычка, отче, отскакивать от работы во время писания. А загородки не было… Вот и едва не упал… Хорошо, что только кувшин с краской разбился…

Галя *(поднимает узелок)*. И с молоком тоже… Я оставила вас без полдника…

Пан-отец. Да какой там полдник! Пойдемте, пане живописец, к нам вечерять. Пока нет загородки, я все равно вас туда больше не пущу. А завтра утром наши мастера сделают загородку… Простите мне – это я не досмотрел, ее раньше надо было сделать… Боже мой, какая могла случиться беда!

Репин. Святая Троица меня спасла, отче. Рисовал Святую Троицу – вот она меня и спасла.

Пан-отец. Не иначе, как Святая Троица, не иначе! Бог – есть… И он знает, кого и зачем на этом свете держит… Видно, у него относительно вас свои планы – вот он вас и уберег… Но это красное пятно – тоже неспроста… Что-то оно да значит… Ну, пойдемте вечерять.

Репин. Краску надо вытереть, пока она не засохла, отче. То вы с Галей идите, а я вас догоню…

Пан-отец. И то правда, надо убрать по свежему. *(Гале)*. Бери, дочка, и ты тряпку в руки – вдвоем быстрее будет. А я пойду невестками покомандую, чтобы вечерю на стол накрывали. *(Уходит)*.

Явление 3

Илья и Галя остаются одни. Дивчина берет тряпку, подходит к Репину, который стоит возле красного пятна, и они начинают вытирать пол. Сначала оба молчат, а потом иконописец решается заговорить первым.

Репин. Галя, вы очень испугались?

Галя. Очень.

Репин. Простите мне, ради Бога, – я не хотел вас напугать…

Галя. Я знаю, что не хотели, но это у вас очень хорошо получилось. А вообще я не понимаю: если вы не падали и это не кровь, то почему вы на полу возле этой краски лежали?

Репин. Ну-у…

Галя. Ну вот почему?

Репин. Представил себе, как бы я лежал, если бы и в самом деле разбился… Я же художник – мне надо свое воображение развивать…

Галя. Хорошо развили – у меня сердце чуть не остановилось…

Репин. Галя, я же не думал, что кто-то войдет! Вот как мне искупить свою вину перед вами? Хотите – я нарисую ваш портрет в этой украинской вышитой сорочке? «Бандуриста» акварелью я уже нарисовал, а теперь будет и «Украинка» до пары!

Галя. Спасибо, но пару мне подбирать не надо…

Репин. Не хотите выходить за бандуриста?

Галя. Не хочу.

Репин. А за иконописца пойдете?

Галя *(улыбнулась)*. И за иконописца не пойду.

Репин. То за кого же вы хотите замуж?

Галя. За чумака!

Репин. Почему именно за чумака?

Галя. Потому что они добрые, умные и смелые. У меня братья – чумаки! Карпо и Семен. Ганна и Христина не нарадуются ими!

Репин. А мне всегда казалось, что жены чумаков – самые несчастливые…

Галя. Почему?

Репин. А возле нашего Чугуева часто останавливались чумацкие обозы, которые проезжали по широкому тракту из Харькова на Ростов. Так мы, дети военных поселенцев, все бегали смотреть на чумаков. Боже мой, какими несчастными они тогда нам казались! Лица у них черные, руки в ссадинах, рубахи и штаны вымазаны дегтем! «Оттак здоровіше в дорозі», – говорили они.

Галя. Так это – в дороге! А когда наши чумаки приедут домой, да умоются с дороги, да наденут чистые рубахи, да станут песни петь, то красивее их на всем белом свете не сыщешь… Вот Карпо и Семен скоро вернутся – сами увидите! А что они часто в дегте, так что же… Чумак – в дегте, кузнец – в саже, маляр – в краске… *(Улыбнулась)*. А наш иконописец – в красной охре!

Репин. Господи, я и вправду весь в краске!

Галя. Хорошо, что не в крови… *(Берет чистую тряпицу и краем вытирает краску на его лице)*. Пойдемте вечерять, пане иконописец, – нас давно уже, наверное, ждут.

Явление 4

Украинская хата, просторная чистая светлица. В святом углу, под образами, украшенными вышитыми рушниками и сухими духмяными травами, стоит накрытый белой скатертью стол. Возле него хозяйничают Ганна и Христина – они ставят вечерю. Входят Илья и Галя.

Христина *(весело)*. А вот и наши жених и невеста!

Галя. И совсем не жених и невеста…

Христина. Да я пошутила, Галя! Хотя красивее тебя в нашем селе не найдешь! *(Репину)*. Пане иконописец, вы еще не влюбились в нашу Галю?

Репин. Я, может, и влюбился бы, но Галя хочет выйти замуж только за чумака… *(Вздохнул)*. Не везет мне с девчатами. Мою первую любовь тоже звали Галя! У нее была длинная русая коса, темно-карие глаза и звонкий голос – она очень любила петь украинские песни. Для нее я расписал самую нарядную писанку, с нее первой рисовал портрет акварельными красками. А однажды, когда половина Чугуева, в том числе и Галина семья, ушла в соседнее село на престольный праздник, я решил обрадовать Галю. Вооружившись кистями и собрав все краски (начиная от охры, синьки, шафрана, красок для пасхальных яиц и свекольного сока) я разрисовал лицевую стену Галиной хаты мальвами, пионами и цветущими подсолнухами, а в центре поместил смеющуюся Галину головку.

Ганна. Я представляю, какая это была красота!

Репин. Ну да, красота… Надо было слышать, с какой яростью ругалась мать Гали на «того скаженого, що спакостив хату»! Потом, правда, она немного отошла и, когда стали соскабливать мою «фреску», попросила оставить один подсолнух. «Як живий, будь він неладний, – сказала. – Нехай росте, може, насіння буде». От моей матери мне тоже тогда перепало, и меня отправили учиться к нашему чугуевскому иконописцу Ивану Михайловичу Бунакову. «Пора, Илья, за дело браться, – сказала мать. – Хватит пачкать чужие стены и байдики бить!» Вот я теперь и занимаюсь делом – в новых церквях кувшины с охрою бью…

Входит пан-отец.

Пан-отец. Не переживайте, пане живописец, – не святые горшки лепят, не святые их и бьют! А мастер вы очень хороший! Хвалил мне вас Иван

Михайлович, но я сначала подумал, что он просто так хвалится своим учеником, как это часто бывает. Но теперь вижу по вашей работе – вы и его самого уже обошли! Говорил Бунаков, будто за вами уже и с Воронежской губернии подрядчики не раз приезжали?

Репин. В прошлом году весной из Сиротина были, а теперь зовут в Каменку на всю зиму… Только я собираюсь еще дальше ехать…

Пан-отец. Вот как вас уже знают!

Репин. Да я не про церковные работы, отче… *(Несмело)*. Я… про Академию художеств и про Петербург… Очень хочу на художника учиться, чтобы не только лики святых, но и живых людей рисовать.

Пан-отец. Что же… Может, вы и правильно сделаете… Душа же наша Богу принадлежит. Значит, если душа зовет – то это Бог зовет. А Богу противиться нельзя – он один знает, куда нас ведет… Вот я, например, хотел своих сыновей Карпа и Семена в духовную семинарию отправить – такие высокие и сильные у них голоса. Куда там! «Підемо у чумаки, і тільки в чумаки!» Вот теперь и чумакуют – возят соль, тараню да всякий товар. Это тоже богоугодное дело! Когда-нибудь им обоим это, может, и засчитается…

Галя. Засчитается! Обязательно засчитается!

Аж тут за сценой звучит громкое: «Тпру-у! Приїхали, круторогі!»

Галя. Это – они! Это – они!

Явление 5

В хату входят два чумака в полотняных шароварах и засаленных рубахах. Это – сыновья пан-отца Карпо и Семен.

Карпо *(перекрестился на образа)*. Вот мы и приехали, слава Богу... *(Поклонился отцу)*. Здравствуйте, тату!

Пан-отец *(обнимает сыновей)*. Вернулись, слава тебе Господи! Не обломались нигде, не болели?

Семен. Да что с нами случится, тату? Разве нам с Карпом первый раз?!

Карпо. Не волнуйтесь – и не обломались, и не болели.

Семен. Только устали немного, потому что под гору волам иногда помогали…

Карпо. Как волы, устали…

Семен. Да еще я рубаху свою разорвал.

Христина. Это не страшно, Семен, – я зашью! Я зашью!

Пан-отец. Тогда умывайтесь с дороги, надевайте чистые рубахи и садитесь вечерять. Потому что и вы голодные, и наш гость – иконописец Илья Репин – целый день Святую Троицу под куполами рисовал.

Карпо. Вот кто этот парубок! А я все думаю: кто это стоит возле нашей Гали – уж не жених ли, случайно?

Галя. Шутите-шутите! Вот возьму и выйду за него замуж!

Карпо. Э, нет, сестричка! Нам с Семеном помощь в дороге нужна – мы отдадим тебя только за чумака!

Ганна *(улыбнулась мужу)*. А как же, отдадите… Переоденьтесь сначала с дороги.

Карпо и Семен умываются и надевают чистые рубахи.

Семен. Боже, как хорошо дома! Перед тобой – вкусный ужин, на тебе – чистая рубаха, а возле тебя – красивая жена… Ну, что еще надо для полного счастья?

Карпо. Поблагодарить отца земного, Отца небесного и запеть!

Вместе с женами поют.

«Ой гиля, гиля,
Гусоньки, на став!
Добрий вечір, дівчино,
Бо я ще не спав!

Ой не спав, не спав,

Не буду й спати!
Дай же мені, дівчино,
Повечеряти!»

«Я ж не топила,
Я ж не варила!
На білу постілоньку
Спати кладовила».

«Ой Боже, Боже,
Який я удався!
Брів я через річеньку
Та й не вмивався!

Я ж не вмивався,
Я не втирався!
Чим я тобі, дівчино,
Ще й сподобався?»

Явление 6

Илья Репин уже в Петербурге. В мастерской Академии художеств он стоит перед мольбертом и рисует какую-то картину. Входят его товарищи Константин Савицкий и Федор Васильев.

Савицкий. Вот ты где, Илья… А мы с Федором по всей академии тебя ищем!

Васильев. Мы собрались на этюды – поедешь с нами по Неве до Усть-Ижоры?

Репин. Да я не готов ехать так далеко! Мне надо готовиться к конкурсу и работать над программой «Иов и его друзья». А потом, вы же знаете, что я привык тут, как дома: наложу красок на палитру и спускаюсь безо всякого ящика в наш сад. И натурщик тут же казенный…

Васильев. Ну как тебе не осточертели эти академические мастерские? Все стены да стены – ведь ты тут никакого пространства не знаешь! Забыл, чему Крамской учил нас всех в рисовальной школе? *(Поучительным тоном)*. У кого есть художественное чувство, тому нужна только *натура, свет и тишина*! *Натура* – в первую очередь! *(Сочувственно посмотрел на Репина)*. Эх, посмотрел бы ты, какие живописные берега на Неве! Ну, решайся, бери этюдник и поехали! Обещаю – не пожалеешь!

Репин. Да что там смотреть?! Всем давно известно, что Петербург стоит на болоте и кругом него одни болота.

Савицкий. Начинается… Украинский военный поселянин, как всегда, полон гордой мысли, что, кроме Украины, нигде в мире ничего хорошего быть не может! А ведь на Неве – и сирень, и каштаны, и липы… Красок не хватает, чтобы все это нарисовать!

Васильев. Прелестные места!

Савицкий. Впечатления – незабываемые!

Васильев. Ну, так что? Едешь?

Репин. Ладно, уговорили…

Васильев. «Ладно, уговорили»… Ну, что это за настроение, Илья? На этюды надо ехать, как на праздник! Понимаешь – как на праздник! Потому что, кроме удивительных пейзажей, нас еще ожидают цветники барышень в ярких нарядах, музыка на пристани, широкие дамские шляпы, газовые вуали и упоительные ароматы духов!

Явление 7

И вот уже играет духовой оркестр, по пристани прогуливаются нарядно одетые дамы с белыми, палевыми и красными зонтиками, их окружают галантные кавалеры, среди которых много военных, а в сторонке стоят Савицкий, Васильев и Репин.

Репин. Боже, сколько барышень! И какие нарядные все! С каким изяществом и вкусом одеты! А как они смотрятся на фоне военных мундиров! Вы только посмотрите!

Савицкий. Что – нравится? Да, брат, это тебе не академический садишко и казенные натурщики… Тут высший свет – господа!

Репин. Цветник на солнце! Иначе не скажешь… Глаза разбегаются – ничего не уловишь… Вот это праздник!!! Однако… что это там… движется сюда?

Савицкий. Где?

Репин. Вот то коричневое пятно, которое словно ползет на нашу пристань?

Васильев. А, это бурлаки бечевой тянут барку. Ты их еще не видел? Вот они сейчас подойдут ближе – тоже будет на что посмотреть… Но тут ярких впечатлений я тебе не обещаю…

К пристани, натянув длинную бечеву, приближаются запряженные в лямки бурлаки: у одного разорванная штанина по земле волочится и голое колено сверкает, у других локти повылезали, рубахи так истлели, что одни лохмотья висят, лица у бурлаков угрюмые, взгляды тяжелые… Вот они поравнялись с празднично одетыми господами, миновали пристань и пошли дальше.

Репин. Господи, да что же это такое? Люди вместо скота впряжены!

Васильев. Это еще что… Ты посмотрел бы, как на верховье Волги и по всей системе каналов в лямке бечевой тянут! Там иногда всякой твари по паре впряжено, и все дружно тянут: и баба, и лошадь, и мужик... И все по крутому берегу, из последних сил…

Репин. Неужели нельзя более прилично перевозить барки с кладями, буксирными пароходами, например?

Савицкий. Да, раздавались уже такие голоса… Но буксиры дороги… А главное, эти самые вьючные бурлаки и нагрузят барку и разгрузят ее на месте, куда везут кладь. Ведь так дешевле, чем рабочих-крючников нанимать!

Репин. Но вы посмотрите, какие они грязные и оборванные, какой контраст между ними и этим чистым и ароматным цветником господ!

Савицкий. Все мы видим, Илья… Но что мы можем сделать?

Репин. Не знаю, Костя…

Савицкий. Вот и я – не знаю.

Васильев. Ладно, академики, берите свои этюдники – и пошли…

Явление 8

В той же мастерской стоит перед мольбертом Илья Репин и что-то рисует.

Репин *(рисуя, напевает вполголоса)*.

«Ой Боже, Боже,
Який я удався!
Брів я через річеньку
Та й не вмивався!

Я ж не вмивався,
Я не втирався!
Чим я тобі, дівчино,
Ще й сподобався?»

Входит Федор Васильев – веселый, жизнерадостный, подтянутый.

Васильев. Ну что, брат, все мучаешься над «Иовом и его друзьями»?

Репин. Да нет… Вот для себя сюжет компоную – никак не могу забыть этих несчастных бурлаков…

Васильев. Ага, задело-таки тебя за живое! Вот она, жизнь, это тебе не бутафорские картинки, что их рисуют наши знаменитые старцы… Но знаешь ли, боюсь я, чтобы ты не вдался в тенденцию. Да, вижу, эскиз акварелью… Тут эти барышни, кавалеры, дачная обстановка, что-то вроде пикника; а эти чумазые уж очень как-то искусственно «прикомпоновываются» к картинке для назидания: смотрите, мол, какие мы несчастные! Ох, запутаешься ты в этой картине: уж очень много рассудочности. Картина должна быть шире, проще, что называется – сама по себе… Бурлаки – так бурлаки! Я бы на твоем месте

поехал на Волгу – вот где, говорят, настоящий традиционный тип бурлака, вот где его надо искать; и чем проще будет картина, тем художественнее!

Репин. Может, ты и прав, Федор, но мне не по средствам твоя идея. Да и не вовремя. И я нисколько не жалею.

Васильев. Еще бы, ты же в этой своей академии так засиделся, что даже мохом начал обрастать!

Репин *(с легкой обидой)*. Ничего я не засиделся…

Васильев. О, что это, Илья? Не вздумал ли ты надуться на меня за мои же заботы о тебе?

Репин. Да ведь ты знаешь, что я не имею средств разъезжать по Волге, к чему же дразнить напрасно и выбивать из колеи?

Васильев. Средства?! А сколько тебе средств понадобилось бы? Ну, давай считать…

Репин. Не знаю… Со мной еще брат живет, и его пришлось бы взять. Ведь это – на три месяца! Двоим понадобилось бы рублей двести, не меньше... Так что лучше давай говорить о другом...

Васильев. Ну нет! Слушай серьезно: вот не сойти мне с этого места – через две недели я достану тебе двести рублей. Собирайся, не откладывай! И брат твой нам тоже пригодится. Все же, знаешь, в неизвестном краю лучше, когда нас будет больше. Он у тебя не охотник случайно?

Репин. Охотник.

Васильев. Превосходно! Там замечательная охота! Пусть обязательно возьмет с собой ружье. Ну, прощай, Илюха, и помни обо мне! Через две недели я буду у тебя с возможностями, а через три – мы катим по Волге… А?! Ты только подумай! Ты увидишь настоящих бурлаков!!! А?! Адьё, мон шер! *(Уходит)*.

Репин. Вот нагородил… «Двести рублей – через две недели – буду у тебя с возможностями»… Хлестаков! Чисто Хлестаков! Надо расспросить Крамского, можно ли верить этому баламуту…

Явление 9

В своей мастерской стоит перед незаконченной картиной Крамской и о чем-то серьезно думает. Входит Репин.

Репин. Здравствуйте, Иван Николаевич!

Крамской. Илья Ефимович! *(Даже лицо его просветлело)*. Я очень рад вас видеть! Чем вы там занимаетесь в той императорской академии, что так редко бываете у меня?

Репин. Да хватает работы – то готовлюсь к конкурсу на Малую золотую медаль, то вот на этюды с Васильевым и Савицким ездили… Собственно, я по этому поводу к вам теперь и пришел…

Крамской. Что-то случилось?

Репин. Да вроде бы ничего особенного и не случилось. Но на Неве мы увидели бурлаков, и они меня поразили – какой нечеловеческий труд, какие изможденные и отрешенные лица! Вот я и задумал картину…

Крамской. О, это уже интересно! А ну расскажите!

Репин. Тут и рассказывать еще нечего, Иван Николаевич, – я только набросал первый эскиз… А Васильев узнал и решил повезти меня на Волгу, чтобы я увидел настоящих бурлаков… Я говорю – у меня нет средств! А он смеется и отвечает: «Собирайся! Через две недели я достану тебе двести рублей!»

Крамской. Ого! Федор Александрович пообещал вам свою протекцию! Можете быть уверены, что он это сделает. У него есть большой покровитель, граф Строганов: это рука-владыка в Обществе поощрения художеств; а главную действующую роль как исполнитель тут, конечно, сыграет Григорович. Он тоже души не чает в Васильеве! Они его в последнее время совсем избаловали, но Васильев этого стоит. Это, батюшка, такой феномен, какого еще не было на земле!.. Талант! Да ведь какой талант! Я такой одаренной натуры еще не встречал: его можно сравнить с баснословным богачом, который щедро разбрасывает свои сокровища направо и налево, не считая и даже не ценя их… Вы видели его картины?

Репин. Еще нет… А где их можно видеть?

Крамской. У него дома! А еще – у Шишкина и у меня! Вот посмотрите этот его пейзаж… *(Показывает Илье небольшой холст)*.

Репин *(рассматривая)*. Боже мой… Иван Николаевич, вы меня просто ошарашили! Я никогда не видывал так дивно вылепленных облаков… А как они освещены!!! Да и все это как-то совершенно по-новому… Неужели Васильев сам это нарисовал?.. Где же он так преуспел? Ведь он же и в академию еще не поступил!

Крамской. Ну, учитель у него превосходный – Иван Иванович Шишкин, один из лучших пейзажистов России и муж его родной сестры! Он-то и передает нашему юному гению свои секреты. Так что Васильева ожидает блестящее будущее! А что он не учился в Академии художеств, так в этом, может быть, и есть его счастье. Васильев в живописи – поэт! И ему нужна полная свобода! А академия – это рутина, которая никогда не позволяет своим ученикам выходить за рамки академических программ! Вот какую программу вы сейчас готовите на конкурс?

Репин. «Иов и его друзья».

Крамской. А почему не бурлаков? Ведь вам хочется писать бурлаков, как вы говорите.

Репин. Очень хочется…

Крамской. Вот видите! Вам хочется рисовать одно, а вас заставляют делать совсем другое… Разве это творчество? Творчество – это когда в работу вкладывают всю свою душу! А как можно «вложить душу» в то, к чему душа не лежит?

Репин. Так что же мне делать, Иван Николаевич?

Крамской. Как что делать?! Бросать Иова и его друзей, собираться и ехать на Волгу! Васильев прав – только на Волге вы увидите настоящих бурлаков! Только там вы сможете представить себе свою картину! Иначе у вас ничего не получится – я это по своему горькому опыту знаю… Вот посмотрите на этот холст – картина называется «Русалки» и пишу я ее по повести Гоголя «Майская ночь». Пишу в Петербурге, на севере, а повесть-то – о юге, об

Украине! Я уже наизусть выучил все, что написал Гоголь про украинскую ночь, заново перечитал повести нашего Основьяненко, вспомнил украинские песни, которые пела моя мать! А не идет у меня эта картина, Илья Ефимович! Что ни делаю, как ни бьюсь – не идет! Потому что художнику – *видеть* надо! Мне – Украину, а вам – Волгу и бурлаков!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 10

Лето 1870 года. Илья Репин, его брат Вася и Федор Васильев уже на Волге: Репин с альбомом в руках, а его спутники с ружьями за плечами стоят на широком берегу могущественной реки, рядом сложены их сундучки, чемоданы, этюдники, большой самовар… Издали слышен гудок парохода, который отдаляется.

Васильев *(восхищенно)*. Вот она – наша Волга… Ширь и простор… На Неве такого раздолья никогда не увидишь…

Репин. Да, пространства на Волге – просто поразительные!

Васильев. Значит, на картине тоже должно быть много пространства в ширину – это вывод номер один!

Репин. Я с этим согласен, но до картины еще очень далеко, Федор Александрович… Картины вообще может и не быть… Как и ваших охотничьих трофеев…

Васильев. А это уже зависит от того, как мы организуем нашу охоту, Илья! Поэтому я тебе советую завтра же подыскать подходящее место для засады… То есть надо найти отмель, где бурлаки останавливаются и делают передышку! Пока они сложат лямки да подберут бечеву, пока поставят котелок на огонь и приготовят пищу, ты все успеешь – и рассмотреть их, и даже зарисовать!

Репин. Хороший план…

Васильев. Конечно! Тем более, что сей Ширяев буерак с его пологими берегами и частыми отмелями прекрасно для этого подходит! Ну что –

пойдемте устраиваться? С хозяевами договорено: 13 рублей за пол-избы на все лето – это почти что даром! Но готовить будем сами – как бурлаки! Самовар и спиртовка у нас есть, макароны и крупа тоже. Кончатся продукты – до Самары 15 верст! А завтра рыбаки стерлядки принесут – стерляжью уху будем варить! Как вам такая жизнь?! А?! Василий, ты готовить умеешь?

Вася. Да сколько той хитрости… Как говорили чумаки в нашем Чугуеве: «А хіба ж ні?! Як пшоно та сало, то й дурень кашу зварить!»

Васильев. Прекрасно! Быть тебе кухарем на все лето! И музыкантом тоже – по вечерам будем песни петь! Флейта твоя – при тебе?

Вася. А как же! Правда, я только начинаю к ней привыкать после украинской сопилки, но вроде бы получается…

Васильев. Все у нас, братцы, получится – без трофеев мы отсюда не уедем! Это же – Волга! Боже, какой тут чистый воздух! Как легко дышится! Ах, как хорошо…

Явление 11

Следующий день. Репин и Васильев идут с этюдниками золотистым песчаным берегом, подбирая место для наблюдений за бурлаками.

Васильев. Смотри, Илья, какое удобное место для наблюдений – на гористой стороне, как раз против чистой отмели… Отсюда и до реки недалеко, и, пока бурлаки будут к тебе приближаться, ты сможешь представить себе общий план…

Репин. Отличное место.

Васильев. Я думаю, где-то на этой косе они и должны устраивать свой привал. Видишь вон, на песке, пепел от костра? Это наверняка рыбаки или бурлаки уху там варили…

Репин. У тебя зоркий глаз, Федор…

Васильев. Ну, я же – охотник! А на охоте надо сразу все схватывать! Дичь очень пугливая – если она тебя первой заметит, можешь даже ружья с

плеча не снимать! Ах, как тут живописно… Посмотри, как в воде отражаются облака! Это надо зарисовать! Боже, какая прелесть!

Васильев ставит свой мольберт и начинает быстро рисовать. Репин зачарованно наблюдает за его уверенными мазками.

Репин. Так темно и так солнечно! Другой тут обязательно пересолил бы белилами! *(Восхищенно)*. Как ты справляешься с небом такими маленькими кистями?

Васильев. А я всегда работаю маленькими, колонковыми: ими так хорошо лепить и рисовать формочки… А мазать квачами, как заборы, такая гадость, ненавижу мазню…

Репин. Да где же ты так научился?

Васильев. У Шишкина, у Крамского… А прибавь сюда еще самую великую нашу учительницу: натуру!

Репин. Но ведь у них многие учатся! Почему же у других так не получается?

Васильев. Ну, не знаю… По-моему, тут – как и на охоте – тоже необходимо чутье… А еще – понимание того, что и на охоте, и в живописи наиболее важен сам процесс… Процесс поиска – дичи и колорита… Ну вот… Вроде бы похоже…

Репин. Замечательно вышло!

Васильев. Ты так считаешь? Ладно, пусть остается… У нас тут сейчас другая картинка вырисовывается… Видишь вон там, на светлой полоске, каких-то комаров, которые едва-едва движутся вперед, держась за тоненький волосок? Это бурлаки тянут бечевой барку… Теперь, Илья, твой черед: раскладывайся и поджидай своих бурлаков. А я пойду на другой косогор – пейзаж надо искать, он сам никогда не приходит! *(Уходит)*.

Явление 12

Репин открывает свой этюдник и начинает рисовать, пристально вглядываясь в даль. К нему, волоча барку, медленно приближается ватага из одиннадцати бурлаков. Один среди них особенно выделяется – его голова повязана какой-то тряпицей, на нем длинная рубаха без пояса, что была когда-то набойкой, и штаны из грубого полотна – все в заплатках, на ногах – разбитые лапти. Но лицо, лицо! Загорелое, с густой бородой, оно чем-то похоже на лицо древнегреческого философа – та же глубина взгляда, тот же большой, умный, интеллигентный лоб… Поравнявшись с художником, бурлаки останавливаются и снимают лямки. Один подходит к Репину.

Первый бурлак. Барин, а барин! А нет ли у те-е папироски?

Репин. Есть, есть! Всем, кто курит, дам по папироске… *(Раздавая папиросы, показывает на бурлака с повязкой на голове)*. А можно вот с этого портрет списать?

Первый бурлак. Патрет? Слышь, Канин, барин баит: патрет с тебя писать?!

Канин. Чего с меня писать? Я, брат, в волостном правлении прописан, я не беспаспортный какой…

Репин. Да ведь я не даром – я заплачу!

Первый бурлак. Слышь ты, баит: заплачу! А много ли ты заплатишь?

Репин. Да вот постоит часа полтора или два и получит двадцать копеек.

Первый бурлак. Стало быть, на полкварты? Вишь ты!

В это время с барки на берег сходит по длинной сходне какой-то паренек (очевидно, это – уполномоченный хозяина барки) с железной треногой, казанком и продуктами в руках. Он держится очень самоуверенно и начинает командовать бурлаками.

Паренек *(грозно)*. Павка, брось трепаться – помогай бечеву подбирать! *(Самому молодому бурлаку)*. А ты Ларька – ставь треногу и разводи костер! *(Бросает на песок треногу, казанок и продукты)*. Долго обедать некогда! Нам сегодня еще в Царевщину за известью идти – не теряйте времени даром! *(Исчезает)*.

Бурлаки дружно подбирают и складывают на берегу длинную бечеву, которой они тянули барку. Потом один из них ставит на песок железную треногу и подвешивает на нее казанок. Другие занимаются кто чем: кто-то расчесывает свои скомканные волосы, кто-то снимает и сушит рубаху, кто-то достает из кармана кисет с табаком. Канин, достав иглу, начинает подшивать одну из заплаток на своей рубахе, а Репин зарисовывает его издали. К художнику подходит один из бурлаков и с интересом наблюдает за его работой.

Репин. Это только набросок – это еще не портрет… Ну, как – похож?

Второй бурлак. Кто похож?

Репин. Ну, этот же… Канин…

Второй бурлак. А, это вы про расстригу спрашиваете!

Репин. Разве он расстрига? Канин – расстрига? Он был попом?

Второй бурлак. Да, Канин, как же, он лет десять после того при церкви пел, регентом был, а теперь уж лет десять бурлакует…

Репин. Вот оно что! А я думаю, кого он мне напоминает?!

Второй бурлак. Да, Канин у нас самый грамотный… И самый добрый… Не то что тот молокосос, который нами командует… Вот же стерва: как за хлеб, так за брань!

Репин. Да, да, стерва… А позови-ка мне Канина, браток…

Бурлак идет к Канину и что-то ему говорит, показывая рукой в сторону Репина. Канин прячет иглу и подходит к художнику.

Репин. Так что же, можно будет нарисовать или написать твой портрет?

Канин. Да ведь мы сейчас в Ширяеве опять на барку сядем и перевалим к кургану, в Царевщину, – нам сидеть некогда…

Репин. А оттуда назад? Ведь будете же опять с известью идти?

Канин. Так что ж… Разве только во время обеда…

Репин. Вот и хорошо!

Явление 13

Прошло несколько недель… В чистой крестьянской избе Вася сидит возле окна и играет на флейте. Входит Илья с этюдником за плечами и мольбертом в руках.

Репин. Ну что, Вася, вечеря уже готова?

Вася. А когда я не успевал, Илья? И стерлядь почистил на уху, и макароны приготовил! *(Вздохнул)*. Немного однообразное питание у нас на Волге получается…

Репин. Зато все свежее!

Вася. Говорил Федор, что после Петрова дня уже разрешается охотиться в этих местах – тогда, может, и мясо будет…

В это время возвращается и Васильев.

Васильев. Мясо точно будет, Василий! Дичи тут – хоть отбавляй! *(Снимает с плеча этюдник)*. Я такие угодья на здешних озерах разведал – утки, чирки, лысухи! А на болотах – вальдшнепы, бекасы, дупеля! Ох и славно мы здесь поохотимся!.. Ну, подавай нашу любимую стерлядь – я голодный, как волк!

Вася. У меня все готово! Прошу к столу!

Садятся за стол, ужинают.

Васильев. Боже, как вкусно! У тебя талант не только к музыке, Василий! Если ты научишься и дичь так готовить, то дома нас не узнают! Ах, Илья, какой удивительный пейзаж я сегодня на Волге видел… Представь: у изумрудного берега стоят барки под парусами, рядом, на золотистом песке, у костра, сидят рыбаки, а над всем этим – лазурное небо с белыми клубами облаков!

Репин. Прелесть! А я еще двух бурлаков на переправе зарисовал – отставного солдата и бывшего моряка… Запоминающиеся типы… Но такого, как Канин, здесь больше нет… Типичнее бурлака, чем он, для своего сюжета я уже не найду…

Васильев. Ну, потерпи… Ждал две недели – подождешь еще день-другой… Он ведь сказал, что на обратном пути из Царевщины они снова тут остановятся… Ты над эскизом думай… Удачная композиция – это половина успеха!

Репин. Эскиз уже есть, Федор. Но я им недоволен…

Васильев. А ну-ка, покажи!

Репин показывает Васильеву первый эскиз «Бурлаков».

Васильев *(посмотрел и поморщился)*. Если честно, Илья, то мне он тоже не очень нравится… И знаешь почему? У тебя все бурлаки с опущенными головами бечеву тянут! Точь-в-точь, как у Некрасова:

Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки…

(Показывая на эскиз). Нет, это не годится… Надо придумать что-то свое! Во всяком случае, надо хотя бы некоторым бурлакам поднять головы, чтоб было видно характеры. Вот ты говорил, что Канин похож на древнегреческого философа… Хорош будет философ – с опущенной головой!

Репин. Но оно только так и получается, Федор! Когда бурлак крепко упирается ногами и тянет бечеву, то не может высоко поднять голову… Он тогда, как вол, понимаешь? Я пробовал приподнять им головы. И что выходит? Грудь наклонена вперед, а голова опрокинута назад – совершенно глупая поза получается!

Васильев. Значит, надо улучить момент, когда они не очень сильно напрягаются… Бывают же на Волге и несложные места, где бурлаки хоть на какое-то мгновение могут распрямить плечи…

Репин. О, это уже идея! Надо только подсмотреть во время их движения, когда они могут это сделать…

Васильев. Конечно! Ведь ради этого мы на Волгу и приехали! Ладно, хватит о бурлаках. Василий, бери свою флейту. Переходим к вечернему отделению нашей каждодневной программы, но «Коль славен» и «Поле росится» оставим на потом. Начнем с Некрасова, который писал не только про бурлаков… Ан, нет, постойте! Надо прекрасной даме надеть на голову платок, иначе у меня не будет вдохновения! *(Повязывает платок на мольберт, словно женщине на голову)*. Вот теперь в самый раз… Будем считать, что этот романс посвящен не только женщине, но и живописи! Маэстро, музыку…

Вася играет на флейте, а Васильев поет, артистично разыгрывая перед покрытым платком мольбертом сцену страданий влюбленного кавалера.

Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей;
Не говори!.. близка моя могила,
А ты цветка весеннего свежей!

Тот день, когда меня ты полюбила
И от меня услышала: люблю, –
Не проклинай! близка моя могила,
Поправлю все, все смертью искуплю!

(При словах «поправлю все» будто бы что-то поправляет кистью на «закутанном» мольберте, а потом поет дальше).

Не говори, что дни мои унылы,
Тюремщиком больного не зови:
Передо мной – холодный мрак могилы,
Перед тобой – объятия любви!

Я знаю: ты другого полюбила,
Щадить и ждать наскучило тебе…
О, погоди! близка моя могила –
Начатое и кончить дай судьбе!..

Явление 14

Возле мольберта стоит Васильев и рисует тот волжский пейзаж, о котором он рассказывал раньше (это его будущая картина «Вид на Волге»): у берега стоят барки, на золотистом песке рыбаки готовят уху, а над всем этим распростерлись сине-голубые небеса с белыми клубами облаков. Федор вдохновенно водит кистью и вполголоса напевает: «Не говори, что молодость сгубила Ты, ревностью истерзана моей; Не говори!.. близка моя могила, А ты цветка весеннего свежей…»

Васильев. Ну, все – на сегодня хватит… Барки пришвартованы, рыбаки накормлены, облака привязаны к парусам… Пора собираться, иначе мы до темноты не успеем! *(Зовет)*. Василий! Василий!

Держа в одной руке вещевой мешок, а в другой – казанок, появляется Вася. Он уже подпоясан патронташем, за плечами у него – простая одностволка.

Вася. Я здесь!

Васильев. Ты уже собрался?

Вася. Да. Осталось только еду в мешок положить.

Васильев. Еды надо взять на четыре дня – три ночи придется под стогами ночевать. До угодий далеко – туда-сюда не набегаешься!

Вася. Понятно.

Васильев *(сам себе)*. А где мои охотничьи доспехи?.. Ага, вот они где! *(Достает из-под кровати новенькую двустволку, потом вынимает из чемодана разное охотничье снаряжение)*. Та-ак, ружье есть… Патронташ тоже… Ягдташ есть… Даже два ягдташа – большой и маленький! *(Васе)*. У тебя есть ягдташ, Василий?

Вася. Нет. У меня все в мешке.

Васильев. Мешок – это хорошо. Но ягдташ – намного лучше! Он удобней, понимаешь? Висит сбоку, ничем охотнику не мешает. И главное – все у тебя под рукой! Потому немцы так и говорят «ягд-таше», то есть охотничья сумка! *(Протягивает один ягдташ Васе)*. Возьми этот, маленький, – дарю!

Вася. Спасибо, Федор. *(Надев ягдташ)*. Теперь я – настоящий охотник!

Васильев. По снаряжению – да. Но что касается опыта – тут тебе придется еще многому у меня научиться. *(Подпоясываясь патронташем)*. Охота – сложная наука. Так что – смотри и запоминай! *(Вздохнул)*. Эх, жаль, что легавой у нас нет… Или хотя бы спаниеля… Без собаки трудно болотную дичь добывать… *(Надел ягдташ)*. Ничего не поделаешь – придется самим мочить ноги… Но это не страшно. Азарт – он того стоит! *(Забросил на плечо ружье)*.

В избу входит Репин.

Репин. Ну что, охотники, вы уже готовы? Не передумали идти с ночевкой?

Вася. Нет, не передумали.

Репин. И хочется же вам на болотах ночевать!

Васильев. Иначе не получается, Илья. Полдня – туда, полдня – обратно… В один день мы все равно не уложимся. А так: пришли, переночевали в стогу сена и с рассветом – на утреннюю зорьку! И днем поохотиться можно! А после вечерней зорьки – снова под стог…

Вася. Красота!

Репин. Ладно. Только помните, что ночи здесь холодные: тепло оденьтесь и возьмите пледы.

Васильев. Это само собой! *(Протягивает Васе свой вещевой мешок)*. Василий, укладывай в мешки пледы и еду.

Вася. Слушаюсь, ваше благородие!

Взяв вещевые мешки и казанок, Вася выходит.

Репин. Федор, будьте там осторожны – болота, они и есть болота…

Васильев. Не волнуйся, Илья. Я к охоте приобщился раньше, чем к живописи, – тут у меня опыта много! Во всяком случае, его хватит, чтобы мы вернулись живыми и с трофеями. Ты гляди – Канина своего не проворонь!

Очень он уж запал тебе в душу… Кажется мне, что именно этот бурлак и вытянет твою картину…

Репин. Да, я уже решил, что поставлю его впереди всех!

Явление 15

Широкий берег Волги. Прицепив к барке лямку и влезши в нее грудью, Канин повис, опустив руки – он терпеливо позирует Репину, который рисует с него масляный этюд. Мимо них проходят другие бурлаки, товарищи Канина, и подтрунивают над ним.

Первый бурлак. Смотрите – наш Канин списывается!

Второй бурлак. Что, тащишь? Тащи, брат, тащи!

Третий бурлак *(показывая рукой на Репина)*. А ведь я видел: он тогда, во время обеда, все на Канина глядел да что-то в грамотку записывал… *(Канину)*. Это он с тебя кликатуру спишет, я знаю...

Первый бурлак. Быть тебе, Канин, в кликатуре! Вот буду не я!..

Третий бурлак. А нам покажешь?

Второй бурлак. Ладно, хватит зубоскалить – пошли…

Идут дальше.

Репин. И совсем не для карикатуры… Не слушай их, Канин! Я здесь для того, чтоб написать картину про бурлаков.

Канин. Да что нас писать… Эти заплатки на старых лохмотьях?

Репин. И заплатки тоже. Почему же нет? Пусть наши наряженные господа хоть на картине это увидят!

Канин. А вы думаете, они не видят? Мало мимо нашей барки разных пароходов плывет? И все барышни, все господа… Видят они наши лохмотья, все они видят… Но и Бог видит все… *(Умолк)*.

Репин. А я испугался, что ты обидишься на своих товарищей и снимешь лямку…

Канин. За что мне на них обижаться? Одним берегом ходим и одну бечеву тянем… От Саратова – до Самары, от Ставрополя – до Казани, от Нижнего Новгорода – до Ярославля… Волга – большая-то река… Берега здесь крутые, а вода очень быстро идет – тут барку тянуть тяжело, как же еще и обиду тащить за собою?.. Нет, нельзя нам обижаться… Да и не на кого – они ведь незлобивые, наши бурлаки… Бывают, правда, грубоваты и едковаты, но это не от злого характера – это лямка им душу натерла… Она же – как раз на груди!.. Вот и давит на душу…

Репин. Поэтому бурлаки и не поют?

Канин. Вы и это уже заметили…

Репин. А как не заметить – за эти три недели мимо Ширяева буерака много барок тянули, но я ни разу не слыхал поющих бурлаков…

Канин. Я раньше тоже этому удивлялся. Почему это, думаю, они никогда на ходу не поют – ведь такое приволье вокруг, такой чистый воздух!.. А как только сам стал бурлачить, сразу понял, что это и неудобно и тяжело, особенно в местах быстрых, когда надо крепко упираться ногами, чтобы не сорвало назад… Тогда не то что петь – дышать почти невозможно… И грудь страшно болит, и тело все ломит… Какое тут может быть пение?.. А чуть отдышишься на привале, как снова впрягайся! *(Тяжело вздохнул)*. Вот так оно у нас и получается: мы мало поем, потому что все время приходится тянуть лямку и упираться ногами… *(Опять умолк)*.

Репин. Канин, ты поправь лямку, если тебе неудобно…

Канин. Да что тут неудобного?.. Делать вид, что тянешь – это нетрудно. Тянуть лямку по-настоящему – вот что тяжело… Кто постарше, те ее еще как-то выдерживают… А был у нас парнишка один – все на ходу поправить свою лямку пытался, а потом не вытерпел – убежал…

Репин. Молодой?

Канин. Совсем еще молодой! Вот как те два охотника, которые к нам приближаются… *(Кивнул головой в противоположную сторону)*.

На берегу появляются Васильев и Вася с ружьями за плечами и дичью у каждого на тесьме. Видно, что они охотой довольны, но Федор сильно кашляет.

Вася. Илья, мы с трофеями!

Репин. Ну, наконец-то вернулись! А я четыре дня во все окна вас выглядываю!

Васильев. Так мы и шли на четыре дня… Все в порядке, Илья, не волнуйся. Смотри, сколько дичи настреляли! *(Кашляет)*.

Репин. Меня больше волнует твой кашель, Федор.

Васильев *(отмахивается)*. А, ерунда… Простыл немного на болоте…

Вася. Ночи и вправду были очень холодные!

Васильев. Ничего страшного – пройдет… *(Опять кашляет)*.

Репин. Ну, идите домой – отдыхайте. Вася, сразу же поставь самовар, и напейтесь горячего чаю.

Вася. Это само собой!

Вася и Федор уходят. Издали еще долго слышен кашель Васильева.

Канин. Не нравится мне его кашель… Среди наших бурлаков есть один чахоточный старик – у него чахотка после такой же сильной простуды появилась…

Репин. Так это ему, бедняге, наверное, лечиться было нечем, а я завтра из Самары лекарств от простуды Федору привезу! Организм у него молодой, крепкий – все как рукой снимет!

Канин. Дай-то Бог…

Явление 16

И вот Репин уже в Петербурге. Перед ним на большом мольберте картина «Бурлаки на Волге», а вокруг развешаны солнечные волжские этюды, с которых на художника смотрят зарисованные им бурлаки с загорелыми лицами и натруженными руками, в изорванной одежде и разбитых лаптях. Картина уже почти окончена, но художник и дальше что-то в ней поправляет. В мастерскую осторожно заглядывает Крамской.

Крамской *(негромко)*. Илья Ефимович, можно?

Репин *(обернулся к двери)*. Входите, Иван Николаевич, входите!

Крамской. Я вам не помешаю?

Репин. Что вы! Как это учитель может помешать ученику? Да еще такой учитель, как вы!

Крамской. А я вернулся из Украины и первым делом – к вам… Так не терпится увидеть, как вы переделали своих «Бурлаков»!

Репин. Вы были на Украине?!

Крамской. Был. Под Сумами, в усадьбе Строганова. В селе Хотень. Федор Васильев мне оттуда написал и так расхвалил тамошнюю украинскую природу, что я не мог не поехать!

Репин. Как он, Федор? Ему уже лучше?

Крамской. Нет, к сожалению, его здоровье снова ухудшилось, и он поехал на лечение в Крым. Мы разминулись всего на несколько дней… Но это хорошо, что Общество поощрения художников его туда послало – в Крыму чахотку хорошо лечат... Будем надеяться, что наш Федор Александрович там выздоровеет.

Репин. Он должен выздороветь – такая щедрая душа и такой яркий талант редко у кого бывают…

Крамской. Это святая правда. До сих пор еще никому не удавалось в двадцать лет нарисовать обычную оттепель так, чтобы картину купил Третьяков!

Репин. Сейчас ему, наверное, не до живописи…

Крамской. Э, нет, плохо вы его знаете! В Ялте Васильев заканчивает еще один прекрасный пейзаж – «Мокрый луг»! А я, спасибо ему, дорисовал в Хотени своих «Русалок»… Он не случайно меня туда звал – он знал, что я бьюсь над этой картиной уже много лет… А там, в Хотени, было то, что мне нужно –и украинская хата над кручею, и высокие тополя – аж под небеса… Кстати, Федор Александрович о вас тоже помнит: «Об укрывательстве Ильи Репина сообщите, что знаете», – просит он в письме.

Репин. Это, наверное, Савицкий ему написал, что я закрылся вместе со своими «Бурлаками» и никого к ним не подпускаю… А как тут не закрыться, Иван Николаевич? С тех пор, как я показал на выставке первый вариант «Бурлаков на Волге», мне наши «опытные художники» проходу не дают! Одни советуют приглушить яркий тон песка, ибо, по их мнению, «такого *не бывает*», другим хочется, чтобы я «стер вон ту лодочку, мелькающую вдали белым парусом», третьим еще что-то не нравится… Скоро начнут заплатки на бурлаках считать! А если к этому добавить еще и то, что меня самого не устраивает, то эту картину вообще надо выбросить и забыть!

Крамской. Боже сохрани, Илья Ефимович! Как это можно «выбросить и забыть» такой шедевр?! Тут же что не бурлак – то характер, то отдельный портрет! Меня в свое время поразил нарисованный вами академический сторож Ефимов. А теперь, глядя на «Бурлаков», я еще больше убеждаюсь, что только вы обладаете способностью показать русского мужика именно таким, каков он есть. Я же знаю многих художников, изображающих мужиков, и хорошо даже, но никто из них даже приблизительно не может сделать так, как вы… Я, например, уж как ни стараюсь, а не могу же не видеть разницы. Даже у Перова мужик более легок весом, чем он есть в действительности. Только у вас он такой же могучий и солидный, как он есть на самом деле. Я представляю, что скажет Стасов теперь, если он еще после первой выставки хвалил «Бурлаков» на всю Россию!

Репин. С тех пор на картине многое изменено…

Крамской. Да я уже вижу.

Репин. Я действительно ничего не испортил, Иван Николаевич?

Крамской. На картине – ничего. Но если говорить о противниках русского национального искусства, то тут, Илья Ефимович, вы испортили настроение очень многим!

Явление 17

Репин дальше что-то исправляет в «Бурлаках», когда на пороге появляются двое статных мужчин. Это – Стасов и Третьяков.

Стасов *(тоже осторожно, как и Крамской)*. Илья Ефимович, можно вас потревожить?

Репин. Уже можно, Владимир Васильевич. Входите смело – я уже почти все закончил! *(Подает руку Стасову и Третьякову)*. Вас, Павел Михайлович, я тоже очень рад видеть! Простите, что в прошлый ваш приезд не смог уделить вам достаточно времени – много работы было возле «Бурлаков»…

Третьяков. Что вы, Илья Ефимович, я же видел, как вам тяжело приходилось тянуть эту лямку…

Репин. Да, это было похоже на лямку… Но теперь, кажется, уже все! *(Стасову)*. Что же вы раньше не заходили, Владимир Васильевич?

Стасов. Боялся вам помешать. А как прочитал в вашем письме: «Бурлаки» уже учатся ходить и кланяются крестному папаше», так еле-еле удержался, чтобы сразу же не броситься к вам! Только с Павлом Михайловичем теперь вот решился… Ну, показывайте, что вы переписали…

Репин. Вот, пожалуйста… *(С гордостью показывает на картину)*.

Стасов *(смотрит)*. Господи, Илья Ефимович! Да они не просто учатся ходить, ваши «Бурлаки», – они уже пошли! *(Восхищенно)*. Они уже бечеву тянут! И не только бечеву – они уже *тянут* на лучшую картину в русской живописи! По глубине содержания, по историчности взгляда, по силе и правдивости типов, по художественному исполнению – по всему, совершенно по всему! *(Третьякову)*. Ах, Павел Михайлович, если б вы только знали, с каким нетерпением ждали мы эту картину после того, как Илья Ефимович привез с Волги свои поразительные этюды масляными красками! Что ни холст, то тип, то новый человек! Как мы радовались, рассматривая эти этюды в правлении академии, куда они были доставлены на осмотр великому князю! Там было точно гулянье, так туда толпами и ходили художники и смотрели на эти солнечные холсты, привезенные без подрамков и лежащие на полу… А потом эта картина появилась на выставке Общества поощрения художников и

поразила всех, кто ее видел. Но тогда она была почти еще эскизом… Сам художник был ею недоволен и – вот! Теперь много в ней переделано и изменено, возвышено и усовершенствовано! Вы только посмотрите на этих бурлаков – что это за людская мозаика с разных концов России! Сколько разных характеров нарисовалось тут – и шагающие впереди могучие коренные во главе с Каниным с его «вселенской грезой» о какой-то иной, лучшей жизни, и кашляющий чахоточный старик, у которого пот катится с лица, и мальчуган, которому лямка еще не по силам… Тут и крепкие, и слабые, и покорные, и свирепые… Ах, как много дала вам ваша поездка на Волгу, Илья Ефимович! Так и чувствуется, что вы трогали эти натруженные руки, вглядывались в эти глаза, видели эти лохмотья, нужду, бедность, загрубелость и добродушие – все это отпечаталось на вашей картине! Все! У меня нет слов!.. Нет, слова я, конечно, найду! Да такие, что об этой картине заговорит вся Россия! Но теперь я просто потрясен!.. *(Внимательно присматривается к картине)*. Так… Горы, тянувшиеся зеленовато-серой грядой по ту сторону Волги, вы на холсте уничтожили…

Репин. Без них лучше, Владимир Васильевич.

Стасов. Конечно, лучше! Теперь чувствуешь ширь и раздолье, когда видишь Волгу, безбрежно разлившуюся во все края…

Третьяков. Получается, что не только Волга безбрежная, но и вся Россия…

Репин. Да!

Стасов. И бурлаки, получается, уже не только волжские…

Репин. Конечно!

Стасов. И смотрят они отовсюду нам прямо в глаза… Постойте, этот бурлак в белой повязке прежде шел с низко опущенной головой, а теперь он смотрит зрителю прямо в глаза!

Репин. Пусть смотрит, Владимир Васильевич. Он заслужил это право – посмотреть каждому прямо в душу…

Стасов. Но этим он уже показывает характер! Это уже меняет весь смысл картины!

Репин. Меняет. Но когда великий князь Владимир Александрович делал мне заказ на эту картину, то мы с ним не оговаривали, какой конкретно должен быть ее смысл…

Третьяков *(ревниво)*. И зачем она ему вообще понадобилась?.. Ведь сюжет картины – совсем не дворцовый…

Репин. Да, сюжет совершенно не дворцовый – контрастировать будет очень сильно, это правда…

Третьяков. Илья Ефимович, тогда, может, лучше я у вас «Бурлаков на Волге» куплю?

Репин. Я не против, Павел Михайлович. Наоборот, я был бы очень рад, если бы эта моя картина попала в знаменитую коллекцию Третьякова! Но, к сожалению, мы сможем говорить об этом только в том случае, если от картины откажется великий князь…

Стасов. Он не откажется. Надо совершенно ничего не понимать в живописи, чтобы отказаться от такого шедевра! Не за «Воскрешение дочери Иаира», а за «Бурлаков на Волге» вам надо бы дать первую Золотую медаль и право на шестилетнюю заграничную поездку на казенный счет! Ну, да теперь это уже не имеет значения… Когда вы отправляетесь за границу?

Репин. Как только купит великий князь «Бурлаков на Волге» – сразу и отправимся! У меня ведь и жена, и ваша крестница – маленькая дочь…

Стасов. Что значит – молодость! И жениться вы успели, и «Бурлаков» написать! Так и дальше держите, Илья Ефимович!

Третьяков. Помогай вам Бог!

Явление 18

Начало марта 1873 года. Возле нарисованных «Бурлаков» спит Илья Репин. В мастерскую тяжело входит Иван Николаевич Крамской. Увидев своего сонного ученика, он опускается на стул и так долго сидит в глубокой печали. Но вот Илья просыпается и садится на свою постель.

Репин *(отходя ото сна)*. Простите, Иван Николаевич, я не услышал, когда вы вошли… Прилег на минуту и уснул возле своих «Бурлаков на Волге»…

Крамской. Это ничего, Илья Ефимович… После такого труда вам и надо хоть немного отдохнуть.

Репин. Если бы не тяжелый сон, то, может быть, и вправду отдохнул бы… Но приснилось мне то, что уже было когда-то со мною – стою я на высоких лесах в церкви и рисую святые образа… И так у меня Святая Троица хорошо получается! Только вот там, в одном месте, надо добавить красной охры… И вот я по привычке отступаю на несколько шагов от нарисованного, цепляюсь за что-то и падаю… Не на леса падаю, как тогда упал, а прямо вниз – с высоты! А потом лежу на каменном полу, и из моей головы течет кровь… Кровь, а не охра, которая из разбитого кувшина тогда вытекала!.. Как вы думаете – что все это значит?

Крамской *(через силу)*. Не знаю, Илья Ефимович… Я теперь уже ничего не знаю…

Репин. Что случилось? *(Присматривается к Крамскому)*. Господи! Иван Николаевич, на вас же лица нет!

Крамской *(еле сдерживается, чтобы не заплакать)*. Умирает наш друг, Илья Ефимович… Васильев наш, Федор Александрович, в Ялте от чахотки умирает… Вот, может, последнее письмо мне написал… *(Взволнованно развертывает сложенный вчетверо лист и читает)*. «Что касается вашего покорного слуги, то он почти два месяца ведет самую отчаянную борьбу за жизнь, не смея выходить даже в другую комнату. На основании этого не стану предполагать, что со мною будет… Доктор сомневается в том, чтобы мне можно было жить зиму в Петербурге…

Еще ко всему всегда черт дернет заковырнуть что-нибудь замысловатое. В настоящем случае я желаю изобразить утро над болотистым местом. О болото! Болото! Если бы Вы знали, как болезненно сжимается сердце от тяжкого предчувствия! Неужели не удастся мне опять дышать этим привольем,

этой живой силой просыпающегося над дымящей водой утра? Ведь у меня возьмут все-все, если отнимут это…

Все, кто посещает мою мастерскую, очень хвалят все, мною начатое… Вчера посетил меня Айвазовский, который теперь в Крыму.

Какие тут прелести! А море-то! Море! Тихо катятся перламутровые, блестящие волны; белая, как снег, чайка сидит и охорашивается; глубоко, глубоко на горизонте потонули облака в солнечной пыли. Чудо, как хорошо. И вдруг, среди этого спокойствия и наслаждения, как-то сам собой, ярко выступит другой загнувшийся песчаный берег с одной стороны, песчаный берег – с другой. Тихо, не шелохнет. Тянется длинная вереница бурлаков; туго натянулась бечева, на конце которой столпились мощные люди с мощными руками и грудью. Идут они, идут от самой Астрахани до Твери, мерно раскачиваясь то вправо, то влево. Господи, да что же это такое? Я опять начинаю хворать… Мне вообще кажется, что здоровье мое ушло куда-то и никогда не вернется даже настолько, чтобы не мучиться, по крайней мере.

Я совершенно забыл ощущение здорового человека. Грудь очень болит; тяжесть и слабость. Лекарств принимаю столько, что времени не хватает: и пилюли и капли, и еще пилюли и микстуры…

Ну, чему быть, того не миновать, а только у меня на душе скверные предчувствия… Здоровье мое все хуже и хуже… Похудел я жестоко, зато глаза постоянно так чисты и блестящи, как у меня, у здорового, никогда не бывало…»

Репин. Это он за «Бурлаков» моих заплатил…

Крамской. Хорошие песни он заберет с собою в могилу*…

Опустили головы Репин и Крамской. И романс Некрасова зазвучал уже совсем иначе…

Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей;
Не говори!.. близка моя могила,
А ты цветка весеннего свежей!

Занавес.

---

*Ф.А. Васильев умер в Ялте 8 сентября 1873 года, так и не увидев уже значительно улучшенных Репиным «Бурлаков на Волге». В книге воспоминаний И.Е. Репина «Далекое близкое» о болезни Васильева рассказывается так: «Стали они с братом моим уходить на охоту на всю ночь; ночевали под стогами, на болотах. Все бы это ничего, но Васильев стал сильно кашлять, этого равнодушно нельзя было слушать: кашель казался мне подозрительным, – он-то и свел его впоследствии в могилу во цвете юных сил и блестящего таланта». Что же касается истории с лесами, с которых Репин, будучи иконописцем, едва не упал, то эту подсказку дали мне слова из раздела «Дилижанс из Харькова в Москву»: «А как страшно вспомнить и сейчас даже, что я едва не упал там с высочайших лесов на каменный пол церкви, когда писал «Святую троицу». Это привычка у меня отскакивать от работы во время писания. А загородки не было, – так за авось сколько гибнет мастеровых!» Подсказку к персонажам пан-отца, его сыновей-чумаков и их жен, которые «были изумительно, по-южному красивы», автор тоже нашел в «Далеком близком» (раздел «Юность», подраздел «Пристен»). Только образ дочери пан-отца Гали там вымышлен. Сцены, в которых идет речь о зарождении замысла картины и первом знакомстве с Каниным (6,7,8 и 12), для полной достоверности почти полностью выписаны из книги воспоминаний художника (раздел «Бурлаки на Волге»). Монолог Стасова перед «Бурлаками» (явление 17) написан на основе многочисленных статей критика об этой картине.

«Парижское кафе»

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Илья Ефимович Репин – русский художник.

Вера Алексеевна – его жена.

Иван Николаевич Крамской – выдающийся художник-передвижник, учитель И.Е. Репина.

Василий Дмитриевич Поленов – художник, друг И. Репина.

Константин Аполлонович Савицкий – живописец-жанрист.

Евдоким Алексеевич Егоров – живописец по фарфору, хозяин керамической мастерской.

Николай Дмитриевич Дмитриев-Оренбургский – жанрист и баталист.

Наталия Васильевна – его жена.

Савва Иванович Мамонтов – крупный промышленник и меценат.

Елизавета Григорьевна – его жена.

Алексей Петрович Боголюбов – профессор живописи, представитель от Академии художеств в Париже.

Александр Карлович Беггров – художник-пейзажист.

Зоя Григорьевна Ге – племянница художника Н.Н. Ге.

Мария Григорьевна – ее старшая сестра.

Художники, музыканты и другие участники вечеров в салоне Боголюбова.

Посетители парижского ресторана.

Натурщица (одалиска).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

1876 год. Франция, Париж. В уютной мастерской, напевая по-французски какую-то песенку, Илья Репин что-то поправляет на своей картине «Парижское кафе». Рядом стоит мольберт с холстом меньших размеров – это «Негритянка». Входит художник по фарфору, хозяин Русской керамической мастерской в Париже Евдоким Алексеевич Егоров.

Егоров. Вы, как всегда, за работой, Илья Ефимович! Что – не отпускает вас «Парижское кафе» из своих объятий?

Репин *(не отрываясь от работы)*. Это я его не отпускаю, Евдоким Алексеевич. Может, и к лучшему, что эту картину не купили на выставке – есть время еще кое-что поправить. *(Отошел от картины, присматривается к ней)*. Вот я и подмалевываю свою кокотку, чтобы доказать моему дорогому учителю Ивану Николаевичу Крамскому, что он – не прав…

Егоров. В чем не прав?

Репин *(дальше рисует)*. Как? Я вам не рассказывал эту историю? После того, как мою картину «Парижское кафе» поместили в Салоне под самым потолком и на нее никто не обратил внимания, Куинджи расценил это, как полный провал и, возвратясь в Петербург, рассказал об этом Крамскому. Иван Николаевич принял это близко к сердцу и написал мне, что я вообще не должен был браться за подобную тему, потому что *(подняв вверх кисть, цитирует по памяти)* «…человек, у которого течет в жилах хохлацкая кровь, наиболее способен (потому что понимает это без усилий) изобразить тяжелый, крепкий и почти дикий организм, а уж никак не кокоток»!

Егоров. Он не прав.

Репин. Конечно, не прав! Почему это человек, у которого в жилах течет хохлацкая кровь, должен изображать только дикие организмы? «Потому что понимает это без усилий»? Да почему бы ему и не поднатужиться иной раз, чтобы сделать то, что он хочет, что его поразило? И потом – сколько мне помнится, я не давал клятву писать только дикие организмы…

Егоров. Не слушайте никого, Илья Ефимович. «Парижское кафе» очень художественно написано. А ваша «Негритянка» – это вообще настоящий шедевр!

Репин. Ну, до шедевра она не дотягивает, но получилось неплохо. Я думаю, что Мариано Фортуни моя «Негритянка» понравилась бы – в ней что-то есть от его африканских этюдов.

Егоров. Совсем немножко, Илья Ефимович…

Репин. А если и больше, чем немножко, то ничего страшного, Евдоким Алексеевич. Не стыдно поучиться у Фортуни с его изяществом форм, колорита и силой света!!! Помните его «Битву при Тетуане»? А «Нищий старик на солнце», «Главный араб», «Марокканцы»! А та его картина, на которой академики Сан-Лукской Академии, глубокие старики, осматривают натурщицу для классов? Превосходная вещь, столько там юмора и комизма при изумительном исполнении! А «Одалиска перед зеркалом» и другая его «Одалиска»? Разве они не жемчужины? Да, колорит – это неотъемлемая черта испанцев. Это – великая школа!!! На парижских выставках я многому у них научился. Но Крамской и Стасов все равно считают, что я здесь напрасно потерял время…

Егоров. Вы не потеряли эти три года, Илья Ефимович. «Негритянка» – лучшее тому подтверждение. Она изумительно хороша! Увидев эту пластическую завершенность формы, Крамской уже не скажет, что вы можете писать только тяжелые и дикие организмы!

Репин. Да, уже не скажет. *(Хитровато посмотрел на Егорова)*. Как вы думаете, может, мне для Крамского еще и свою «Одалиску перед зеркалом» написать?

Егоров. Лучше – «Одалиску на блюде»!

Репин. Ну, это в вас уже художник по фарфору и хозяин керамической мастерской заговорил. Если бы ваша воля – вы меня заставили бы и «Бурлаков» на блюде нарисовать…

Егоров. А что – было бы неплохо! Пусть бы наши господа, упираясь носом в тарелку, каждый раз видели тот несчастный народ, за счет которого они жируют!

Репин. Тогда, вот вам такое блюдо на тему «Железная дорога в России»! *(Берет со стола большую тарелку и торжественно вручает ее гостю)*. Надеюсь, наша совместная работа понравится вашему другу и известному деятелю железнодорожных путей.

Егоров *(берет блюдо)*. Спасибо, что не задержали свою часть работы, Илья Ефимович, я как раз за этим подарком и пришел. *(Читает надпись на блюде)*. «Самуилу Соломоновичу Полякову от Русской керамической мастерской в Париже». Превосходно, Илья Ефимович, просто превосходно! *(Рассматривает блюдо)*. Так, что тут у нас… «Ремонтные работы на железной дороге» Савицкого; паровоз и вагон Маковского; железнодорожная станция Поленова; два пассажира работы Шиндлера; генерал, знатная дама и другие пассажиры первого класса в исполнении Дмитриева-Оренбургского; и, наконец, пассажиры третьего класса – курсистка-шестидесятница и спящие мужики… Это уже ваша композиция, Илья Ефимович…

Репин. Конечно, моя! Кто же еще у нас пишет тяжелые, крепкие и почти дикие организмы?!

Егоров. А Поленов?

Репин. Да, еще и Поленов. Только обратите внимание: его рабочий с тачкой и с повязкой на голове очень уж напоминает моего Канина из «Бурлаков на Волге»…

Егоров *(присматривается)*. Очень напоминает!

Репин. Зато Боголюбов в центре блюда написал ночной пейзаж с озером и железной дорогой просто безупречно! Посмотрите, как живо отражается в озере лунный свет…

Егоров. Да, Алексей Петрович написал тут целую картину! Ваша часть мне тоже очень нравится – особенно этот мужик, который спит, запрокинув руки и голову на спинку сиденья! *(С восхищением)*. Ну, как они у вас так натурально получаются, эти мужики? На которого не посмотришь – прямо как

живой! Недавно два покупатели чуть не подрались из-за чухонца, которого вы изобразили на тарелке! *(Деликатно)*. Я, Илья Ефимович, тоже хочу одну такую вашу работу приобрести… Там, на фаянсовой тарелочке, которая еще у вас, нарисован простоватый парень из деревни, помните?

Репин. Иванушка-дурачок?

Егоров. Ну да! Я только увидел его, так уже третий день хожу как помешанный! Продайте мне эту тарелочку – даю 300 рублей!

Репин. Да что вы, Евдоким Алексеевич! Да ведь она работана всего два часа, и то – вечером, при лампе!

Егоров. Зато какая работа! Это же чудо!

Репин. Нет, нет… Пока не могу продать… И совестно брать с вас такие большие деньги, и мне самому этот Иванушка понравился… Вроде бы и ради шутки я его рисовал, а потом гляжу – он так и просится на картину!

Егоров. Не смею настаивать, Илья Ефимович. Но умоляю вас, если решитесь продать эту тарелочку, предложите ее мне в первую очередь. Обещаете?

Репин. Обещаю, Евдоким Алексеевич. Только это будет не скоро. Может быть, позже когда-нибудь…

Егоров. А за это блюдо – еще раз спасибо! Самуил Соломонович будет очень доволен! Вы все постарались на славу!

Репин. А как же иначе? И сюда мы ехали поездом, и в Россию поездом надо возвращаться. Да не просто так, а с семьями и со всем имуществом и мастерскими. С железной дорогой нам надо дружить!

Егоров. Самуил Соломонович всегда в этом поможет. Но вам ведь еще рано уезжать, Илья Ефимович!

Репин *(вздохнул)*. Да, на средства академии я еще три года могу бить баклуши в Париже…

Егоров. Я с вами не согласен: вы не бьете баклуши, а много и усердно работаете, вот как сейчас! *(Показал на картины)*. Ну, не буду вам мешать. До свидания, Илья Ефимович!

Репин *(подавая руку Егорову)*. До свидания, Евдоким Алексеевич. Не обижайтесь, пожалуйста, за тарелку с Иванушкой – он мне так живо напоминает Россию, сейчас я не могу его продать.

Егоров. Я понимаю! Я все понимаю! *(Уходит)*.

Явление 2

Репин продолжает что-то поправлять на картине. Входит Вера Алексеевна.

Вера Алексеевна. Илья, Евдоким Алексеевич говорил, что ты пообещал продать тарелку с Иванушкой-дурачком только ему. И еще он сказал, что предлагал тебе за нее 300 рублей! Почему ты ее уже не продал? Ты же знаешь, как нам нужны деньги!

Репин *(не отрываясь от работы)*. Этот Иванушка мне самому нужен – я использую его образ в какой-нибудь картине. Такими находками надо дорожить.

Вера Алексеевна. Вечно у тебя так – все самое лучшее остается дома… А вот Харламов – продал бы! А потом еще полсотни таких Иванушек нарисовал бы! Видел, как он женские портреты множит? Девушка с цветами, девушка с зонтиком, девушка с обнаженным левым плечом, девушка с обнаженным правым плечом… От покупателей отбою нет! Если образ пользуется спросом – почему не рисовать?!

Репин *(посмотрел на жену)*. И что ты мне предлагаешь? Точно так же множить Иванушку-дурачка на фаянсовых тарелках? Красивое будет зрелище! *(Начинает паясничать)*. Мосье, синьорины, господа! Не проходите мимо Русской керамической мастерской в Париже! Новинка сезона! Только для вас! Столовый сервиз от Ильи Репина на четыре персоны! Иванушка с цветами *(протягивает кисти, сложенные в виде букета)*! Иванушка с зонтиком *(поднимает над головой палитру и приставляет кисти к ее центру)*! Иванушка с обнаженным левым плечом *(выставляет вперед левое плечо)*! Иванушка с

обнаженным правым плечом *(выставляет правое)*! 300 рублей за тарелку! Одна салфетка в подарок!

Вера Алексеевна. Не паясничай! Нам очень нужны деньги!

Репин *(снова берется рисовать)*. Успокойся, Вера. Деньги у нас будут: академическую пенсию мне пока высылают; благодаря Боголюбову, великий князь заказал мне картину «Садко»; «Негритянку» я уже закончил писать; в ближайшее время закончу и портрет Зои Ге. А потом «Негритянку» выставлю в Салоне, а «Украинку у плетня» отправлю на выставку в Лондон. Даст Бог, какую-то из них купят. А нет – продам их уже в Петербурге, в магазине Беггрова.

Вера Алексеевна. Когда это еще будет! А деньги нам сегодня нужны! Не забывай: у нас две маленькие дочки и две няньки-француженки!

Репин. Одну няню можно рассчитать…

Вера Алексеевна. И привязать меня к дому окончательно, да? Это ты очень хорошо придумал! Сама роди – сама гляди! Я и так редко выхожу из дому!

Репин *(бросил рисование и посмотрел на жену)*. Что ты такое говоришь, Вера? Я же никогда тебя одну дома не оставляю! Мы всегда ходим вместе – и на выставки, и на вечера к Боголюбову, и в театр!

Вера Алексеевна. Не так часто, как хотелось бы…

Репин *(только развел руками)*. Ну, это уж как у нас получается, моя дорогая.

Вера Алексеевна *(с досадой)*. Плохо получается…

Репин. Извини – лучше пока не выходит.

В это время входит Поленов.

Явление 3

Поленов *(еще издали, улыбаясь)*. Я не помешаю воркованию влюбленных супругов?

Репин. Что ты, Василий Дмитриевич! Мы рады тебя видеть – проходи! *(Обнимает Поленова)*.

Поленов *(после объятий, супруге Репина)*. Целую ваши натруженные материнские руки, Вера Алексеевна. И по-доброму завидую Илье Ефимовичу: мне бы такую добрую и заботливую жену – я и горя не знал бы! *(Мечтательно)*. Надо жениться…

Репин. Давно пора! Ты даже не представляешь, какая это прелесть – супружеская жизнь! Постоянные объяснения в любви! Задушевные разговоры! Тихие беседы! А какая это поддержка художнику во всех его творческих начинаниях! Какое глубокое понимание его высокой миссии! Какие дельные советы!

Вера Алексеевна *(еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться)*. А что, разве не дельные?

Репин. Замечательные, Верунька! Если бы я прислушивался к твоим советам – у нас уже давно был бы в Париже свой каменный дом!

Вера Алексеевна. То-то же!

Поленов. Ты о чем, Илья Ефимович?

Репин. Да тут возникла у Веры одна идея с тарелками… Но на трезвую голову на это дело решиться трудно – надо сначала напиться…

Поленов. Так есть прекрасная возможность это сделать! В Париж как раз приехал Савва Иванович Мамонтов – тот крупный промышленник из Москвы, с которым я тебя в прошлом году познакомил. Он предлагает нам посидеть за этими самыми тарелками, то есть – приглашает нас в ресторан! За его счет, разумеется…

Репин. Когда?

Поленов. Завтра.

Репин. Замечательно! *(Жене)*. Вот видишь, Верунька, как отлично у нас все складывается. А ты говоришь, что мы никуда не ходим… Завтра я веду тебя в ресторан!

Явление 4

Респектабельный ресторан в Париже. Звучат французские песни, официанты обслуживают богатых посетителей. За одним из столиков, щедро накрытым изысканными блюдами, сидят Савва Иванович Мамонтов, его жена Елизавета Григорьевна, Илья Репин, Вера Алексеевна и Василий Поленов. Они слушают музыку, ужинают и ведут непринужденный разговор.

Мамонтов. Люблю Париж – выставки, опера, рестораны, всевозможные развлечения… Веселая у вас тут жизнь, господа пенсионеры!

Репин. Это лишь на первый взгляд, Савва Иванович. В Париже русским художникам туго приходится. Жанровые картины здешнюю публику мало интересуют – в моде тут искусство для искусства… А противнее всего у французов – это специализация: каждый художник избирает себе какой-нибудь жанр и валяет картины, как валенки, одну за другой. Здесь это крепко укоренилось: если художник поставит вещь, сделанную по вдохновению, – ее не купят, подождут, пока он определится в жанре и напишет 20 картин, похожих на первую. Поэтому выжить здесь может только тот, кто принимает эти правила, как, например, наш Алексей Харламов…

Поленов. Да, Харламов премного в этом преуспел – валяет женские портреты, как валенки!

Репин. Вернее, «валял», потому что недавно завершился его пенсионерский срок и он вернулся в Россию.

Вера Алексеевна *(с сочувствием)*. Бедный Алексей Алексеевич… Что он там будет делать – даже не представляю…

Репин. Да, в России его женские «головки» мало кого заинтересуют – там от картин в первую очередь требуют гражданского служения, а как раз этого у Харламова нет!

Поленов. Помяните мое слово – не пройдет и полгода, как он снова вернется в Париж. Тут он хорошо зарабатывает…

Мамонтов. А как же вы здесь выживаете, Илья Ефимович? Василию Дмитриевичу, и то, наверное, едва хватает академической пенсии – хоть он и один. А как приходится тем, у кого есть жены и дети?

Репин. Как-то выкручиваемся, Савва Иванович. Благодаря Боголюбову, получаем заказы от Третьякова и от членов царской семьи. Иногда кое-что удается продать и здесь. А недавно Алексей Петрович и художник по фарфору Евдоким Алексеевич Егоров придумали открыть в Париже Русскую керамическую мастерскую. Вот мы и упражняемся в керамике. Василий Дмитриевич – нарисовал чудесную голову герцоговинки и очень симпатичных котов. Добровольский пишет кур и гусей. Дмитриев-Оренбургский рисует сценки из русской жизни. У самого Алексея Петровича замечательно вышли ночь с луной и пейзаж с лодочкой. А я сделал на блюдах несколько русских исторических и народных типов.

Мамонтов. Но это же не ваш уровень – тарелки расписывать! Вы должны создавать такие шедевры, как «Бурлаки на Волге»! Ах, как мне нравится эта картина, Илья Ефимович!

Репин. Мне приятно это слышать, Савва Иванович, потому что мои «Бурлаки» понравились далеко не всем… Министр путей сообщения уже здесь, в Париже, сказал мне однажды в мастерской Боголюбова: «Ну, скажите, ради Бога, какая нелегкая вас дернула писать эту нелепую картину? Вы, должно быть, поляк?.. Ну, как не стыдно – русский?.. Да ведь этот допотопный способ перевозки грузов мною уже сведен к нулю, и скоро о нем не будет и помину. А вы пишете картину, везете ее на Всемирную выставку в Вену и мечтаете найти какого-нибудь глупца богача, который приобретет себе этих горилл, наших лапотников!.. Алексей Петрович, – это он уже говорит Боголюбову, которому, как заслуженному профессору, поручено Академий художеств наблюдение за пенсионерами в Париже, – хоть бы вы им внушили, этим нашим господам пенсионерам, чтобы, будучи обеспеченными своим правительством, они были бы патриотичнее и не выставляли бы отрепанные онучи напоказ Европе на всемирных выставках».

Мамонтов. А Боголюбов ему – что?

Репин. Алексей Петрович улыбнулся и посоветовал министру путей сообщения повторить эти слова брату царя, великому князю Владимиру

Александровичу, который как раз и оказался этим «глупцом богачом» и приобрел эту картину.

Мамонтов *(взорвался смехом)*. Ох, не могу… Я представляю себе физиономию министра, когда он это услышал!

Репин. Да, господин министр сразу же переменился на лице, уточнил, где висит эта картина у великого князя, и пообещал по возвращении в Петербург еще раз ее посмотреть.

Мамонтов. Вот-вот, пусть посмотрит и поразмышляет – там есть о чем подумать! Этот сюжет – на века! Вам надо и дальше писать русские картины, Илья Ефимович!

Репин. Для этого надо возвращаться на родину – русские картины надо писать в России.

Поленов. Тем более, что эти мнимые и настоящие парижские удобства к жизни и живописи ничего нашим пенсионерам не дают. Наоборот, это чистый вздор работать за границей – это самое лучшее средство, чтобы стать ничтожеством, каким и становятся все художники, прогнившие здесь шесть лет…

Мамонтов. Так возвращайтесь домой! Какие проблемы?!

Репин. Проблема в том, Савва Иванович, что, согласно уставу Императорской Академии художеств, ученик, удостоенный золотой медали за дипломную работу, получает право на шесть лет поехать за границу «на казенный счет для усовершенствования в искусстве». И если мы с Василием Дмитриевичем преждевременно вернемся в Россию, нас этой пенсии лишат…

Мамонтов. Нелепость какая-то! Получается, что в Риме или в Париже наши молодые художники могут «совершенствоваться в искусстве», а в Петербурге или в Москве – уже нет?

Поленов. Выходит, что так.

Мамонтов. И сколько вам еще придется здесь «совершенствоваться», расписывая фаянсовые тарелки?

Репин. Почти три года.

Мамонтов. Господи, да за это время вы в России могли бы еще одних «Бурлаков» написать!

Репин. Мог бы.

Елизавета Григорьевна. А нельзя сделать так, чтобы вы и на родину вернулись, и вас не лишили академической пенсии?

Репин. Мы с Василием Дмитриевичем уже написали такое прошение в академию, Елизавета Григорьевна.

Вера Алексеевна *(с укоризной посмотрела на мужа)*. Ты ничего мне об этом не говорил, Илья…

Репин. Я не хотел тебя расстраивать.

Вера Алексеевна. А сейчас, по-твоему, я не расстроюсь?

Репин. А отчего тебе сейчас расстраиваться, Веруня? Мы сидим в кругу близких друзей в самом лучшем ресторане Парижа, звучит прекрасная музыка, вокруг нас – шик и блеск! Наслаждайся. В Чугуеве будешь расстраиваться – там такого не будет…

Мамонтов. Почему в Чугуеве, Илья Ефимович?

Репин. Потому что по возвращении на родину я хочу хотя бы некоторое время пожить у своих родителей, Савва Иванович. Я очень соскучился и по русскому народу, и по Малороссии…

Мамонтов. А потом?

Репин. А потом мы вернемся в Петербург.

Мамонтов. Зачем вам Петербург? Переезжайте в нашу Москву! *(Поленову)*. Помните, Василий Дмитриевич, при каких обстоятельствах мы с вами в Риме познакомились? *(Репину)*. В позапрошлом году сильно болел наш сын Андрей, и врачи посоветовали перевезти его на всю зиму в теплый климат – в Рим. А потом я приезжал туда на рождественские и пасхальные каникулы. Там мы и встретились. Я к чему это веду… Когда вернетесь в Россию, бросайте вы тот холодный чиновный Петербург и перебирайтесь в нашу белокаменную! В Москве больше тепла, в смысле народных гуляний, праздников и прочей народной жизни – она может дать много самобытного, свежего материала для художника! И мое имение Абрамцево – в вашем распоряжении! Я как раз

построил там специальный домик для гостей с просторными комнатами и мастерской! А сейчас церковь строю – предлагаю вам обоим ее расписать. Гарантирую хороший заработок. И Павел Петрович Третьяков будет рядом, чтобы картины ваши покупать… Не пропадете у нас, в Москве, обещаю!

Елизавета Григорьевна. Прислушайтесь к совету мужа, Илья Ефимович и Василий Дмитриевич. В Москве русская жизнь так и бьет ключом – там для своих картин вы найдете много сюжетов!

Репин. Да, было бы неплохо перебраться в Москву после этого скучного Парижа… Скука здесь невыносимая – чужая мода, чужая речь. Выйдешь на улицу, говорят французы одни и те же фразы. Если бы не вечера в салоне Боголюбова – тут вообще с ума сойти можно!

Мамонтов. Интересные у него вечера?

Поленов. Да, Савва Иванович. После того как у Алексея Петровича умерли молодая жена и сын, он всю свою жизнь решил посвятить родине и искусству. Теперь под его опекой – все наши молодые художники в Париже. По вторникам у него, кроме нас, собираются Константин Савицкий, Александр Беггров, Николай Дмитриев-Оренбургский, жены художников, племянницы Николая Николаевича Ге – украинки Мария и Зоя, русские писатели, артисты, музыканты. Мы рисуем, читаем, занимаемся музыкой, танцами, пением… Это – настоящий оазис русской культуры в Париже! Завтра как раз вторник. Приходите – Алексей Петрович всегда очень радушно принимает гостей. Особенно из России!

Мамонтов *(жене)*. Ну что – пойдем, Елизавета Григорьевна?

Елизавета Григорьевна. С радостью!

Мамонтов. Вот и хорошо. *(Поднимает свой бокал)*. За здоровье наших милых дам и за ваше скорейшее возвращение в Россию!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 5

Вечер в салоне Боголюбова: Репин и Мамонтов с женами, Поленов, Савицкий, Егоров, Беггров, Зоя и Мария Ге и другие гости поют песню на слова С.И. Стромилова «То не ветер ветку клонит».

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит –
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.

Извела меня кручина,
Подколодная змея!..
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я!

Не житье мне здесь без милой:
С кем теперь идти к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обручаться молодцу.

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит –
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.

Боголюбов. Ну, все, друзья, – хватит о грустном! Давайте что-нибудь веселое придумаем, а то вернетесь домой и скажете – вот гостили у Боголюбова, а такое впечатление, будто были на похоронах… *(Беггрову)*. Александр Карлович, вы у нас самый искусный рассказчик смешных историй и анекдотов – первое слово за вами…

Беггров. С удовольствием, Алексей Петрович! Только предупреждаю сразу – анекдотов сегодня не будет.

Боголюбов. Как это?

Беггров. А какой смысл по двадцать раз рассказывать одно и то же, Алексей Петрович? Ведь это все равно, что ходить на выставки Харламова –

наперед знаешь, чего от него ожидать! *(С хитринкой)*. В живописи важно что? Неожиданный сюжет! Или хотя бы – неожиданный взгляд на уже известный сюжет…

Поленов. Сашка, не тяни кота за хвост! Лекций мы наслушались в академии!

Беггров. Спасибо, Василий Дмитриевич, что напомнили, – именно с Академии художеств я и хочу начать. Помните, как в прошлом году всем пенсионерам академии прислали из Петербурга циркуляр, запрещающий выставлять свои картины в Салоне? А мы уже выставили, и Репину пришлось писать объяснение Его Императорскому Высочеству Господину Президенту, а также конференц-секретарю Петру Федоровичу Исееву! Дружба с Исеевым у Ильи Ефимовича началась еще со времен написания «Бурлаков», когда он устроил Репину и Васильеву дармовой проезд по Волге. С тех пор конференц-секретарь тоже часто пишет нашему другу и поддерживает его везде и во всем. Так вот, захожу я в начале марта к Илье Репину, а он как раз сочиняет очередное письмо Петру Федоровичу. Причем так сердечно, трогательно, складно… Ну, хоть на музыку переводи! Я и говорю: «Илья Ефимович, из этого надо сделать либретто! Когда-то это положат на музыку, и будет замечательная опера «Русские пенсионеры в Париже»! И великий Репин *(показывает на Репина)* был так великодушен, что позволил мне это сделать. Сие либретто я и предлагаю вашему вниманию. Итак:

Письмо пенсионера академии Ильи Репина
конференц-секретарю Императорской Академии художеств
Его Превосходительству Петру Федоровичу Исееву.
3 марта 1876 года (Париж)

«Милостивый государь Петр Федорович!

Вы пишете, чтобы я не офранцузился, помилуйте, только и мечтаю поскорее вернуться и начать уже серьезно работать. Но Париж мне принес огромную пользу, нельзя отрицать.

Дни сделались светлее, и работа пошла ходче; а когда устанешь, то в виде прогулки бежишь в керамическую мастерскую…»

Беггров *(оторвался от листа)*. Далее Илья Ефимович подробно пишет о Русской керамической мастерской в Париже, а также об успехах наших художников в росписи тарелок. Именно эту часть письма я и перевел на высокий поэтический язык! *(Читает дальше)*.

Я все помню – Волгу, барки с грузом,
бурлаков и берега Невы…
Что вы – я не сделался французом!
Я и дальше – русский, как и Вы!

Прокатить бы мне на тройке русской
(все знакомо – вожжи, удила)!
Но пока нас на земле французской
держат очень важные дела…

О фаянсе никаких понятий
в Петербурге не имели мы.
Тут же от Егоровских занятий
все в восторге с нынешней зимы!

Даже Боголюбов, попечитель,
темой уж не мучится морской:
и его Егоров – наш учитель –
прилучил к работе в мастерской.

Блюда Боголюбова в продаже
временами восхищают даже!
… Мне его тарелка «Ночь с луной»

во стократ милей, чем ночь с женой…

Дмитриев наш тоже не тоскует –
на тарелках сельских баб рисует.
А Поленов вновь и вновь готов
рисовать воронежских котов.

Я предвижу Ваше возраженье:
это же, мол, наше пораженье!
Шел Суворов на Париж в поход –
мы ж пускаем блюда в обиход!

Не волнуйтесь – наша вновь победа!
Своего лишен француз обеда:
он лягушку на закуску ждет,
а в тарелке – жирный русский кот!

Для того ж мосье, что еле дышит,
Добровольский кур на блюдах пишет.
Блюда парижанам продают
и на стол без снеди подают!

Я к посуде отношусь тут строже,
но фаянс расписываю тоже:
на тарелку краску наношу –
дурачка Иванушку пишу.

А еще я, сидя у оконца,
на тарелке написал чухонца.
За окном француз коня чесал –
я с него чухонца и списал.

Словом, я недаром жил в Париже!
Вот когда переселюсь поближе,
разрисую вам любой поднос –
вот какую пользу он принес!

Боголюбов *(аплодирует вместе со всеми)*. Браво, Александр Карлович! Это было превосходно – тонко, умно и с юмором! *(Обвел взглядом гостей)*. Ну, кто поднимет эту перчатку, господа художники?

Савицкий *(показывает на Репина)*. Репин! Кто же еще?!

Репин. Почему именно я?

Савицкий. Потому что ты, Илья, у нас выписываешь самые искусные кренделя, как кистью, так и ногами!

Репин. Ну, тогда мне нужны помощницы – племянницы Николая Николаевича Ге, Зоя и Мария. *(Показал на двух красивых девушек)*.

Мария. Мы согласны, Илья Ефимович!

Репин. Тогда исполняется украинская народная песня «Ой на горі два дубки»! Поет будущая певица и актриса Мария Григорьевна Ге, танцуют – Зоя Ге и Илья Репин.

Мария Ге под аккомпанемент музыкантов поет задорную украинскую песню «Ой на горі два дубки», а Репин и Зоя Ге танцуют зажигательный танец.

Ой на горі два дубки,
Ой на горі два дубки,
Ой на горі два дубки, два дубки,
Схилилися докупки.

Вітер дуба хитає,
Вітер дуба хитає,
Вітер дуба хитає, хитає,
Козак дівку питає.

– Ой дівчино, чия ти,
Ой дівчино, чия ти,
Ой дівчино, чия ти, чия ти,
Ой чи вийдеш гуляти?

– Ой не питай, чия я,
Ой не питай, чия я,
Ой не питай, чия я, чия я,
Як вийдеш ти – вийду я.

Явление 6

В своей парижской мастерской Илья Репин рисует картину «Украинка у плетня». Ему позирует Зоя Ге в украинском народном костюме: на ней белая кофточка с вышитым украинским узором и красная юбка, на шее – разноцветные бусы и мониста, голову украшают многочисленные цветные ленты. Девушка стоит со сложенными на груди руками и смотрит прямо на художника.

Репин *(тщательно подбирая краски)*. Вы не устали, Зоя Григорьевна?

Зоя. От чего, Илья Ефимович? Стоять без дела, сложив руки, – это же не метелицу танцевать! Это вы и вчера натанцевались, и сегодня возле моего портрета дотанцовываете…

Репин. Но зато сколько удовольствия я получил за эти два дня! Вчера – от метелицы, а сегодня – от вашего костюма!

Зоя. Красивый наряд, правда?

Репин. У меня нет слов! Белая сорочка с вышитым украинским узором, красная юбка, разноцветные бусы, цветные ленты… Да, только малороссиянки и парижанки умеют одеваться со вкусом! Боже, как обворожительно одеваются наши дивчата… Это совсем не та пошлая конфетность, которую выдумывают некоторые художники, это действительно удобный и грациозный костюм! А какие дукаты, мониста! Головные повязки, цветы! А какие лица!!! А какая речь!!! Просто прелесть, прелесть и прелесть!!! *(Отошел от портрета,*

любуется нарисованной девушкой). Вот ваш портрет и готов, Зоя Григорьевна. *(Зое)*. Можете подойти и посмотреть…

Зоя подходит к портрету, любуется им. Репин в это время тщательно вытирает кисти.

Зоя. Очень хорошо… «Украинка у плетня» – ведь так эта картина называется?

Репин. Да, я хотел назвать «Украинка вечером у плетня», но потом подумал, что такое уточнение будет лишним… Когда же еще девушка могла так нарядиться, как не вечером – после тяжелого дня? Днем – работа, вечером – свидание… Вот моя украинка и надела свой обворожительный костюм, перевязала темно-русые волосы цветными лентами и ожидает своего возлюбленного в лучах заходящего солнца… А он, то есть парубок, тоже надел свою самую лучшую одежду, идет на «вечорниці» и поет… *(Поет сначала один, потом вместе с Зоей)*.

Сонце низенько,
Вечір близенько,
Спішу до тебе,
Лечу до тебе,
Моє серденько!

Ти обіцялась
Мене вік любити,
Ні з ким не знатись
І всіх цуратись,
А для мене жити!

Ой як я прийду,
Тебе не застану,
Згорну рученьки,
Згорну біленькі
Та й нежив я стану.

Явление 7

Репин сидит перед двумя портретами – «Негритянка» и «Украинка у плетня» – и о чем-то думает. Входит Вера Алексеевна.

Вера Алексеевна *(как бы шутя)*. Великий Репин размышляет, которую из этих двух красавиц выбрать себе в любовницы?

Репин *(серьезно)*. Нет, великий Репин размышляет, какой из двух вариантов ему все-таки выбрать – остаться в Париже и еще три года более-менее спокойно жить за границей на пенсию Императорской Академии художеств или собрать чемоданы и вернуться в Россию…

Вера Алексеевна. Какой же вариант ты выбираешь?

Репин. Надо возвращаться домой.

Вера Алексеевна. Даже в том случае, если тебя лишат академической пенсии?

Репин. Да.

Вера Алексеевна *(расстроено)*. И что ты там будешь делать?

Репин. А что я еще целых три года буду делать здесь?! *(Раздраженно)*. Кокоток и негритянок рисовать?! Или милые женские головки – как Алексей Харламов?!

Вера Алексеевна. А почему бы и нет? Чем ты хуже Харламова?

Репин. Вера, ты что – серьезно?

Вера Алексеевна *(обиженно)*. Нет, про Харламова я пошутила. Серьезно я говорила про негритянку и про украинку у плетня… *(Ревниво показала на оба портрета)*.

Репин. Ну, тогда ты сама должна быть заинтересована, чтобы мы отсюда поскорее уехали!

Вера Алексеевна. Почему?

Репин *(любуясь красавицами на портретах)*. Потому что с украинкой у плетня ты еще сможешь соперничать, а вот против этой экзотической негритянки – у тебя никаких шансов не будет!

Вера Алексеевна. Это мы еще посмотрим. Ты, главное, оставайся и дальше рисуй парижских кокоток…

Репин. Кокоток я уже рисовал – ничего из этого не получилось. Теперь, пока придет ответ из Петербурга, я стану рисовать наложниц гарема – одалисок, – как Фортуни!

Явление 8

Илья Репин в своей мастерской. «Парижское кафе» отодвинуто в угол, «Негритянки» и «Украинки у плетня» вообще не видно – на мольберте только чистый холст. Художник как раз готовит декорации для картины с одалиской – застилает ложе, поправляет занавес, который должен стать фоном… В это время входит Иван Николаевич Крамской.

Крамской. Здравствуйте, Илья Ефимович…

Репин. Иван Николаевич, дорогой! *(Бросается к Крамскому с объятиями)*. Откуда вы? Какими судьбами?

Крамской. Да вот направлялся в Палестину собирать материал для своей картины про Иисуса Христа, но из-за напряженного положения на Востоке пришлось повернуть оглобли на Париж.

Репин. И надолго вы к нам?

Крамской. До осени. Боголюбов уезжает на все лето и свою мастерскую с комнатой предоставляет в мое полное распоряжение.

Репин. Чудесно! Просто замечательно! Еще один родной человек будет рядом! Во всяком случае, пока мы еще тут…

Крамской. Вы все-таки решили возвращаться домой?

Репин. Да, я думаю поскорей уехать в Россию, забраться в самую глушь и продавать свои картины хоть по грошу, лишь бы хватило на мое неприхотливое существование…

Крамской. Ну и правильно! Здесь вы завяли как-то… И это «Парижское кафе» *(показал на картину в углу)*, и вообще все, что вы здесь делаете, носит печать усталости – видно, что нет настоящего интереса в работе… Но пошататься вам нужно было! Нужно было много испробовать, заглянуть во все

закоулки, а потом уже, бросив все, как ненужный хлам, пойти дальше своей дорогой! Да, вам необходимо воротиться в Россию – тогда мы опять увидим прежнего Репина!

Репин. Вы считаете, что я изменился, Иван Николаевич?

Крамской. Я не говорил, что вы изменились – я сказал, что вы здесь завяли… Да и как тут не завянуть?! Ведь во всем пресловутом Салоне из почти 2000 номеров наберется вещей действительно оригинальных не больше 15! Просто хороших картин будет около 200, а остальное – плохо, нахально, глупо, вычурно и крикливо! Я о Париже невысокого мнения… Здесь, как везде за границей, художник прежде всего смотрит, где торчит рубль и на какую удочку его можно поймать…

Репин. Насчет рубля я с вами согласен. Но что касается вещей оригинальных, то они здесь все-таки есть! Взять хотя бы Фортуни… Его картинка, где старики-академики Сан-Лукской Академии осматривают натурщицу для классов, – превосходная вещь! Сколько там юмора и комизма! А исполнение – изумительное!.. Или другая его работа – «репетиция ролей в саду». Восхитительно, оригинально! За эти маленькие картинки Фортуни платят по пятьдесят тысяч франков!

Крамской. В Петербурге я видел одну вещь Фортуни, которую купил Боткин. Этот испанец увлек всех естественно – он пишет очень натурально, еще бы не увлечь! Поэтому я совершенно понимаю, что он нравится больше всех. Только он не сродни нам…

Репин. Почему?

Крамской. Потому что на Западе Фортуни – явление совершенно нормальное, понятное, но – не величественное… Да, Фортуни есть последнее слово, но чего? Наклонностей и вкусов денежной буржуазии! Какие у буржуазии идеалы? Что она любит? К чему стремится? О чем больше всего хлопочет? Награбив с народа денег, она хочет наслаждаться! Ну, понятно, подавай мне такую и музыку, такое искусство, такую политику и такую религию (если без нее уже нельзя)! Вот откуда эти баснословные деньги за картины! Разве ей понятны другие инстинкты? Разве вы не видите, что вещи,

гораздо более капитальные, оплачиваются дешевле? Оно и быть иначе не может!!! Тот, кто пишет сердцем, буржуазии не нужен! Зачем ей это, когда искусство буржуазии заключается именно в отрицании этого комочка мяса: оно мешает сколачивать деньгу; при нем неудобно снимать рубашку с бедняка посредством биржевых проделок. Долой его, к черту! Давайте мне виртуоза, чтобы кисть его изгибалась, как змея, и всегда готова была догадаться, в каком настроении повелитель!

Репин. А разве в России буржуазия другая?

Крамской. Нет, Илья Ефимович, такая же… Но у нас есть народ, которому нужны наши картины! У нас есть Илья Репин, готовый «забраться в самую глушь и продавать свои картины хоть по грошу»! У нас есть художники-передвижники! У нас есть Третьяков! Возвращайтесь, Илья Ефимович! Все, что вы теперь сделаете, будет увеличивать наше богатство! *(Посмотрел на декорации и на чистый холст)*. Вы, я вижу, как раз готовитесь к новой работе?

Репин. Да, Иван Николаевич. *(Вздохнул)*. Готовлю декорации к картине, которая увеличит наше богатство…

Явление 9

Та же мастерская. На специальной возвышенности приготовлено ложе, на нем лежит нагая Натурщица и позирует Репину, который рисует картину, похожую на «Одалиску перед зеркалом» М. Фортуни. При этом художник говорит ей что-то по-французски, упоминая слова «одалиска» и «Мариано Фортуни». В мастерскую входит Вера Алексеевна с конвертом в руках.

Вера Алексеевна *(деликатно, но с ревностью)*. Я могу прервать этот приятный для художника сеанс?

Репин. Можешь, но ненадолго, потому что оплата у нас – почасовая: мы с тобой разговариваем, а время – идет… И вообще, Вера, – я просил тебя никогда не прерывать мои сеансы…

Вера Алексеевна. А я и не собиралась это делать. Просто пришло письмо из Петербурга, и я подумала, что его следует вручить тебе поскорее.

Репин. Это тебе не терпится узнать, что мне ответили из академии насчет моего возвращения в Россию…

Вера Алексеевна. Да, не терпится!

Репин. Сейчас узнаем… *(Откладывает кисти и палитру, берет у жены конверт и распечатывает его)*.

Репин читает письмо. Вера Алексеевна внимательно наблюдает за ним. По мере того, как художник все больше светлеет на лице, жена все больше хмурится. Наконец Репин дочитал письмо и торжественно посмотрел на супругу.

Репин. Вера, мне разрешили вернуться в Россию со сбережением академической пенсии! Ура! *(Целует жену, потом оборачивается к натурщице и говорит ей по-французски)*. Спасибо, мадам… Сеансы закончились, вот вам ваше вознаграждение… *(Протягивает натурщице две купюры, потом на радостях дает еще одну)*.

Натурщица *(довольно, по-французски)*. О, благодарю вас, мосье! *(Уходит)*.

Вера Алексеевна *(недовольно)*. Не разбрасывайся деньгами, Илья, – в Петербурге они нам еще понадобятся.

Репин. Понадобятся, но не в Петербурге. Как я уже говорил, сначала мы погостим у моих родителей в Чугуеве, на Украине, а потом упакуем чемоданы и всем семейством переберемся в Москву*! *(Поет)*.

Сонце низенько,
Вечір близенько,
Спішу до тебе, лечу до тебе,
Моє серденько*!

Занавес.

---

*Драма «Парижское кафе» написана на основе писем И.Е. Репина к И.Н. Крамскому, В.В. Стасову, П.М. Третьякову, П.П. Чистякову, П.Ф. Исееву, В.Д. Поленову (1873-1876), а также статей З.И. Крапивина «Из жизни и творчества И.Е. Репина в Париже», И.А. Бродского «Новонайденные и малоизвестные произведения И.Е. Репина» («Новое о

Репине»), И.С. Зильберштейна «Репин в Париже» (Новонайденные работы 1873-1876 гг.) («Художественное наследство», т. I) и других.

Толчком для написания сцен с тарелочкой, изображающей Иванушку-дурачка, стали строки из письма И.Е. Репина к П.Ф. Исееву от 3 марта 1876 года: «Я сделал несколько русских исторических типов (на блюдах) и народных, раскупаются нарасхват, недавно чуть не подрались из-за одного чухонца, которого я изобразил на тарелке (Маковский оттягал). А теперь Егоров (хозяин мастерской) вот уже третий день ходит как помешанный от одной тарелочки, на которой мне пришло в голову сделать дурачка Иванушку, какими изобилуют наши деревни и города. Чудак предлагает за нее 300 руб., да ведь она работана всего 2 часа, и то вечером, при лампе».

С этой тарелочкой Илья Ефимович не расставался всю жизнь. Так, в 1925 году в письме к В.В. Воинову, он писал: «Когда мы, будучи пенсионерами Императорской Академии художеств, жили в Париже (1873–74–75 и 76 гг.), увлекались офортом и керамикой… Некоторые из наших работ, и особенно керамических, – через А.П. Боголюбова – помещены в Саратове, в Радищевском музее Боголюбова. У меня осталась небольшая фаянсовая тарелочка (изображает «Иванушку-дурачка»). Я бы охотно преподнес ее музею, но она, при переезде из Питера, разбита на множество кусочков. Хотя склеена и держится хорошо уже 20 лет. Ее можно бы поместить с акварелями». (Расписная тарелка И.Е. Репина «Иванушка-дурачок» воспроизведена в сборнике «Елка» («Парус», 1918).

Вечер у А.П. Боголюбова автор написал, опираясь на письмо В.Д. Поленова к родителям от 1-13 января 1875 года: «Не послал начатого письма, потому что эти три дни был занят устройством праздника, который наш кружок сделал Боголюбову накануне нашего Нового года. Теперь я только что оттуда; три часа ночи, а спать не могу. Праздник удался так, как никто не думал и не гадал. Вечера эти вообще просты, но очень интересны… Собственно, компания, собирающаяся у Боголюбова, делится на два отдела: один – интимный кружок, а потом – остальное общество. Первый состоит из: Репиных, Савицких, Дмитриевых, Серовой, Жуковского, одного хохла, замечательного баса, другого архангельца, прекрасного тенора, и трех молоденьких хохлушек Ге, племянниц знаменитого художника. Одна из них учится петь, другая обучается живописи, третья – не знаю чему. Но дело в том, что одна красивее другой, а другая красивее одной. Да еще к этой же артели принадлежат комик Беггров, про которого я вам говорил, и Поленов. Вот из этой-то компании составился такой вечер, что все пришли в неописанный восторг. У Дмитриева-Оренбургского оказалось множество разнообразнейших русских, малороссийских, мордовских и кавказских костюмов. Они нарядились в них и, когда публика собралась и стала немного скучать, вошли с пением в залу… Затем начался хоровод и хоры: «Как по морю-морю синему», «Солнце на закат», «Волга», «Сени» с пляской (плясали Репины). Бас хохол, в чумацком наряде, пропел

несколько малороссийских песен… Потом Беггров… рассказал очень удачно о том, как Мишка Савин в Белокаменной был и каких он там чудес нагляделся. Его три раза вызывали… Когда все немного отдохнули, …Репин, Поленов и Татищев поставили живую картину «Апофеоз искусства»… Боголюбов… был, как говорится, на седьмом небе. Обнимал нас, целовал, не знал, как отблагодарить». (Е.В. Сахарова «Василий Дмитриевич Поленов. Письма, дневники, воспоминания». М.-Л., «Искусство», 1950). Эту информацию автор и использовал при написании сцены у Боголюбова. Только петь украинскую песню заставил не «хохла, замечательного баса», а Марию Ге, которая в Париже как раз и «училась петь», а Репин здесь танцует не с женой, а с «молоденькой хохлушкой» Зоей Ге, потому что в этом случае прослеживается четкая логическая связь со следующей сценой, где именно с Зои Ге художник и пишет картину «Украинка у плетня». Беггров тоже вместо рассказа о Мишке Савине читает другой, придуманный автором текст, но и это было необходимо сделать для целостности сюжета.

Разговор Репина с Крамским (явление 8) написан на основе их переписки (1873-1876 годы), а также писем обоих к В.В. Стасову. Они действительно встречались: в мае 1876 года, не добравшись до Палестины из-за напряженного положения на Востоке, Крамской приехал в Париж. Оттуда он писал П.М. Третьякову 6 июня 1876 года: «Наши пенсионеры Репин и Поленов меня не обрадовали, да и сами они не радуются в Париже – и тот и другой уезжают скоро (в июле) в Россию – что везут – увидите. Что касается Репина, то он не пропал, а захирел, завял как-то; ему необходимо воротиться, и тогда мы опять увидим прежнего Репина. Все, что он здесь сделал, носит печать какой-то усталости и замученности; видно, что не было настоящего интереса в работе…» А В.В. Стасову в это же время И.Н. Крамской писал, что Репину «нужно было пошататься, нужно было много испробовать, заглянуть во все закоулки, а потом уже, бросив все, как ненужный хлам, пойти своей дорогой. Я убежден, что все, что он теперь сделает, будет увеличивать не его, а наше богатство».

Вспоминает о парижских встречах со своим учителем и сам Илья Ефимович. Так, в письме В.Д. Поленову от 9 февраля 1877 года он пишет из Чугуева: «Ты был прав, 1000 раз прав в очень ожесточенном споре с Крамским, когда мы гуляли по Montmartre’у, и, возвратясь еще к нам, спор продолжался очень долго. Я защищал тогда Крамского, т. е. идею частной инициативы в искусстве, за которую я и сам всегда стоял. Ты защищал Академию, т. е. учреждение на широких началах, с огромными средствами и всевозможными пособиями, где учатся всей премудрости сообща и т. д.».

Таким образом, сцена разговора И.Е. Репина и И.Н. Крамского вполне отвечает действительности, только вместо «ожесточенного спора» автор драмы передает главные мысли обоих художников, их отношение друг к другу, а также к русскому и западному искусству.

«Крестный ход»

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Илья Ефимович Репин – русский художник.

Татьяна Степановна – его мать.

Ефим Васильевич – отец.

Вера Алексеевна – жена И. Репина.

Иван Арсеньев – иконописец из Чугуева.

Протодиакон Иван Уланов.

Горпина – кухарка протодиакона.

Павел Михайлович Третьяков – московский промышленник и коллекционер.

Василий Дмитриевич Поленов – русский художник.

Савва Иванович Мамонтов – владелец Абрамцева, меценат.

Елизавета Григорьевна – его жена.

Петр Антонович Спиро – профессор медицины.

Надежда – горничная Репиных.

Горбун Яшка – нищий из-под Абрамцево.

Участники крестного хода.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Начало октября 1876 года. Украина, Чугуев под Харьковом. Теплая осень, солнечный день. На далеком холме, усеянном пнями вырубленных деревьев, виднеется деревянная церковь. От нее вьется узкая дорога; на обочине стоит перед мольбертом Илья Репин и рисует местный пейзаж. На холсте уже изображены церковь и холм с пнями, теперь художник принялся за дорогу… Но вот издали слышится церковное пение, а через некоторое время появляется и сама процессия. Репин, оставив свое занятие, наблюдает за крестным ходом. Мимо него проходят празднично одетые мещане и жители ближайших сел: одни несут чудотворную икону, другие – громадный фонарь и церковные хоругви… Бедняки, от которых, опираясь на костыль, старается не отстать невысокий седобородый горбун, бредут по бокам и позади. Отдельной группой идут местные богачи, представители власти, священники. Хор певчих, возглавляемый дьячком-регентом, торжественно поет. Особенно выделяется среди процессии могущественная фигура протодиакона в золотом стихаре и с кадилом в правой руке. Репин так засмотрелся на его колоритную внешность, что не заметил, как от певчих отделился молодой человек и остановился невдалеке от него. Это – его давний товарищ, чугуевский живописец Иван Арсеньев.

Явление 2

Процессия пошла дальше. И только тогда Иван заговорил.

Арсеньев *(восхищенно разглядывая Репина)*. Илья! Ей-богу, Илья! Вот чтобы мне кисти в руках больше не держать!

Репин *(обернулся)*. Иван! Арсеньев! *(Обнимает его)*.

Арсеньев. Он самый. *(Довольно)*. Не забыл старого друга! А я все думаю: узнает меня Илья Репин или не узнает?.. После академии да «Бурлаков на Волге» – ну кто мы, чугуевские богомазы, теперь для тебя такие?..

Репин. Оставь, Иван, я никогда нос вверх не задирал! Ну, разве что тогда, когда мы с тобой купола в церквях расписывали – там уже хочешь не хочешь, а приходилось голову вверх задирать…

Арсеньев. Эх, были времена… Помнишь, как ты в Пристене в новом храме Спаса нарисовал? Как святой отец был счастлив от этого! Говорил, что такой иконы он ни в одной церкви больше не встречал!

Репин. Помню я этого священника. Очень ласково он тогда нас принимал и все моему юному возрасту удивлялся: «Оцей хлопець? А хіба ж він що утне? Ану сідай, сідай біля мене – ти вже мені Спаса змалюєш!» Редкостной души был человек: и он людей уважал, и его люди уважали…

Арсеньев. Это правда. С него самого образа можно было писать: простой и скромный, добрый и честный… И мудрый-мудрый – как Бог! Теперь таких священников почти не осталось. Видел нашего упитанного и надменного протодиакона впереди процессии?

Репин. А как его можно было не заметить?! *(Восхищенным тоном опытного художника)*. Ко-ло-рит-ный тип… Так и просится на картину! Я только на него и смотрел!

Арсеньев. Это – Иван Уланов. Или – отец Иоанн, как он сам себя называет. Могу познакомить, если хочешь.

Репин. Конечно, хочу! С него же можно написать поразительный портрет! А может, и целую картину с крестным ходом… На фоне этих пней… *(Вздохнул)*. Ох, как тут все изменилось… Не узнаю Чугуева, не узнаю… Жаль, нет больше нашего леса…

Арсеньев. Да, Илья, от нашего Староверского леса с его могучими дубами в два обхвата мало что осталось…

Репин. А лес под Кочетком, где у родника икона Богоматери людям явилась, – он еще есть?

Арсеньев. Слава Богу, там дубы еще стоят. Мы сейчас и идем туда крестным ходом. *(Кивнул на холм с пнями)*. А про эти пни долгий разговор… Приходи ко мне завтра на хутор – я тебе все расскажу… А ты мне – про Петербург и про академию… Про свою мировую славу… Про заграницу… Я же так нигде и не был – то хоть ты мне расскажешь, какие там люди бывают…

Репин. Обязательно расскажу! И покажу вариант своей «Негритянки», чтобы ты даже увидел, «какие там люди бывают»… А ты поговори с отцом Иоанном, чтобы он разрешил мне написать с него портрет. Хорошо?

Арсеньев. Хорошо. Сегодня же и поговорю. А тебя я жду завтра у себя. Теперь же прости: мне надо певчих своих догонять…

Репин. Тогда до завтра, Иван!

Арсеньев. До завтра!

Явление 3

Дом Репиных. Илья упаковывает небольшую картину. За столом сидит его отец – Ефим Васильевич.

Отец. Что-то долго наша мать с пирогами возится – Вера и дети уже давно меня в бричке ждут…

Репин. Подождут, отец. Они любят кататься, так что сидеть в бричке – для них уже праздник! Только осторожно езжайте: наши дороги – это не парижские, к которым они привыкли…

Отец. Не волнуйся, Илья. Бричка у нас – новая, рессоры – самые лучшие, лошади – спокойные. Это не те огненные рысаки, которых я для нашего уланского полка всю жизнь покупал! Этими лошадками даже невестка править сможет…

Входит мать Репина, Татьяна Степановна, держа в руках два пакета.

Мать. Пироги уже упакованы! *(Вручает один пакет Ефиму Васильевичу)*. Это, Ефим, вам на дорогу. Отъедете немного от Чугуева, остановитесь и покушаете.

Отец. Обязательно – на свежем воздухе детям быстро захочется есть…

Мать. Но все равно далеко не отъезжайте!

Отец *(улыбнулся и широко развел руки)*. А это уж на сколько верст нам пирогов хватит… *(Выходит)*.

Мать. Илюша, возьми пироги и для Ивана Лукьяновича. *(Показывает Репину второй пакет)*. Картины и разговоры – это хорошо, а «без гостинців у нас у гості не ходять»…

Репин. Спасибо, мама. Я обязательно возьму, только вот привяжу картину к мольберту. *(Привязывает)*.

Мать *(посмотрела в окно)*. О, кажется, кухарка протодиакона к нам повернула… Ну да, Горпина… Пойду спрошу, что ей надо… *(Положила пироги на стол и вышла)*.

А через какую-то минуту в комнату входит красивая молодица. Это – Горпина, кухарка протодиакона. Одета она очень нарядно, а ее щеки так и пышут здоровьем (про таких женщин говорят «кровь с молоком»).

Горпина *(перекрестившись на образа и кокетливо поклонившись, по-украински)*. Будьте здоровы, панычу! Чи не вы будете петербургский маляр Репин?

Репин. Он самый, барышня.

Горпина *(довольно засмеялась)*. Эге ж, була колысь барышня, учорашня-давнишня, та давно выйшла… Ходимте до нас, панычу. Отец Иван прыказалы вас поклыкать. Воны зараз дома…

Репин. А это надолго? Потому что я как раз собирался в гости к своему старому другу Ивану Арсеньеву…

Горпина. Не знаю, панычу. Скажу только, що вчера вечером ваш друг к отцу Ивану приходыв, и воны довго про щось говорили...

Репин *(обрадовался)*. Молодец Арсеньев! Ах, какой молодец! Уже и договорился про портрет! *(Горпине)*. А отец Иван сейчас в хорошем настроении?

Горпина. В дуже хорошому.

Репин *(быстро берет картину и мольберт)*. Тогда пойдемте!

Явление 4

Просторная гостиная в доме протодиакона. Комната расписана масляными красками, среди цветущих фантастических растений порхают радужные золотые птицы (у живописцев того времени такая роспись называлась «Эдемский лес, или Райские кущи»). С голубого потолка, усеянного звездами, спускается на шнурах свечная люстра с хрустальными подвесками. Громоздкая дубовая мебель обита шерстяным репсом. Все свидетельствует о роскоши и благоденствии. Репин стоит посреди гостиной и внимательно ее рассматривает, будто хочет запомнить. И вот в комнату, шурша лиловой люстриновой рясой, вваливается толстый, широкоплечий хозяин с белой пушистой бородой и хрипловатым рокочущим басом. Это – протодиакон Иван Уланов.

Репин *(уважительно поклонившись)*. Здравствуйте, отче…

Протодиакон. Мир вам, гость дорогой! *(Сразу же переходит к делу)*. Передали мне, Илья Ефимович, что вы хотели бы заказец получить… Много я наслышан о вашем умении, коим наделил вас Создатель… Только простите, люблю сразу брать быка за рога. Не зело богат я, а посему поговорим о цене и получайте заказец.

Репин. Какой заказец?

Протодиакон. Так говорил наш чугуевский маляр Иван Арсеньев, что вы с меня портрет хотите писать.

Репин. Видите ли, отец протодьякон…

Протодиакон *(важно)*. Зовите меня отец Иоанн.

Репин. Простите, отец Иоанн. Я хочу написать с вас портрет не на заказ, а для себя.

Протодиакон. Да зачем же вам понадобился мой портрет? Разве у вас там, в Петербурге, мало нашего брата – лиц истинно духовных?

Репин. Лицо у вас очень характерное: и борода, и вся фигура такая колоритная, подходящая для вашего сана. Может, я изображу вас на картине водосвятия или крестного хода…

Протодиакон. Что же, тоже можно. Благое дело. Наш род Улановых – очень древний. *(Важно поднял вверх перст)*. Чуть ли не от времен святого Владимира свою *генералогию* ведет!

Репин. Это очень интересно, отец Иоанн! Если вы разрешите, то я прямо сейчас и хотел бы начать рисовать… *(Раскладывает мольберт)*.

Протодиакон. Да как же так сразу и начинать? По древнему обычаю на святой Руси всякое дело освящалось вкушением хлеба-соли и… питием меда и браги! *(Зовет, по-украински)*. Горпыно, Горпыно, а йды-но сюды!

В комнату входит озабоченная кухарка, держа в руках полотенце и чистую тарелку. Она уже в фартуке.

Протодиакон. Горпина, у нас такой гость дорогой, а ты, наверное, и не догадалась…

Горпина *(угодливо)*. Та уже догадалась, отче. И наварено, и нажарено! Просю у столовую. *(Сделав жест рукой, учтиво кланяется и уходит)*.

Протодиакон. Илья Ефимович, и я вас приглашаю: отведайте моей скромной трапезы… Отставьте эти свои приспособления – и пойдемте к столу. Не откажите, гость дорогой, не откажите…

Репин. Что вы, отец Иоанн! Как же можно просьбу такого гостеприимного хозяина не уважить?! *(Ставит мольберт в сторону)*.

Протодиакон. Нельзя, Илья Ефимович, никак нельзя! *(Показывает на сверток, возле которого Репин ставит свой мольберт)*. А это что у вас такое? Может, рисование ваше? Интересно было бы взглянуть на вашу работу…

Репин. Это вариант одной из моих картин, отец Иоанн. Я ее Арсеньеву обещал показать. «Негритянка» называется.

Протодиакон. А ну же покажите, покажите…

Репин. С большим удовольствием, если вам и вправду это интересно.

Протодиакон. Да почему же не интересно, ежели в этом отдаленном Чугуеве никогда ничего интересного не увидишь?! Одни старухи! А тут вдруг такая *икзотика – нигритянка*!

Художник распаковывает картину и ставит ее на мольберт. На черном фоне, на красных коврах, подогнув под себя широко расставленные ноги, сидит в расшитом светлом наряде

молодая негритянка. Грациозная и красивая, вся в золотых украшениях, она словно соблазняет своим пронзительным взглядом и привлекательным видом упругой груди.

Протодиакон *(увидел и перекрестился)*. Свят, свят, свят… Сколько живу, а таких *(сначала хотел показать на грудь, но потом поднял палец выше и указал на глаза)* …глазищ – еще не видел… Ох, как смотрит… Ох, как смотрит… Озолотилась, разложилась и… искушает… У-у, сатана… Спаси и сохрани, спаси и сохрани… *(Опять крестится)*. Оставьте, Илья Ефимович, это свое рисование… Потом завернете… Там еда стынет…

Репин. Это не беда, отец Иоанн. Как любил повторять один церковный староста, у которого мы, иконописцы, когда-то столовались: «Наш подьячий любит борщ горячий, а если голодный, то ест и холодный!»

Протодиакон *(подводя Репина к столу, который ломится от еды и питья)*. Э, не скажите… Горячая пища – это как горячая моло… *(Не досказал, только махнул рукой)*. Угощайтесь, Илья Ефимович, чем Бог послал! *(Показывает на богатый стол)*. Горилка, вишневка, сливянка, кровянка… Уж если освящать наше рисование, так освящать!.. *(Наливает обоим горилки и поднимает свой бокал)*. Будьмо здоровы!

Репин *(присоединяется)*. Ваше здоровье, отец Иоанн!

Протодиакон. Да, здоровье – это главное! Без него никакое дело не в радость! Потому первый бокал у нас за столом всегда за здоровье, Илья Ефимович! *(Затягивает своим громовым басом)*. «Во здравие-е-е, во спасение-е-е – мно-га-я, многая лета-а-а!»

Выпили, закусывают.

Протодиакон *(положив руку на свое толстое чрево)*. Люблю поесть, Илья Ефимович! Признаюсь вам искренно – очень сильно люблю… А все потому, что организм требует! Вот вчера на крестном ходе сколько верст мы отмахали? А где же брать той силушки, чтобы идти, подпевать и кадилом махать? Вот и приходится заниматься чревоугодием… Угощайтесь, гость дорогой, угощайтесь! *(Держа в руке куриное бедро, указывает им на кушанья)*.

Шинка, колбаска, холодец, караси в сметане, уточка с яблоками, поросенок с хреном, печенка с чесноком… Все свое, домашнее! Све-жай-ше-е! Под такую закусочку не грех и по второй! *(Наливает)*. Попробуйте еще и вишневки…

Репин. Немножко попробую. Ваше здоровье!

Выпили по второй. Снова с аппетитом закусывают.

Протодиакон. Смачная вишневка, правда?

Репин *(закусывая)*. На этом столе все очень вкусное, отец Иоанн. Подобной пищи я давно уже не пробовал…

Протодиакон. А это все Горпина, Илья Ефимович! Такой кухарки ни у кого больше нет – вот уже умение у нее к этому делу! Вареники, крученики, голубцы, холодцы… А пирожков как напечет, то аж слюнка течет! И с капустой, и с грибами, и с мясом, и с сыром, и с яблоками, и с маком! Золотые руки у нее – я ее на эту черную, всю в золоте, никогда не променял бы! *(Кивает на портрет негритянки)*. Видите, она и оттуда на нас смотрит… У-у, сатана… Уставилась и глядит… Искушает, нечистая сила… Ну, давайте еще сливянки немножко… *(Налив)*. За успех нашего предприятия!

Репин. За ваш портрет, отец Иоанн.

Выпили по третьей. Уже немного и захмелели оба.

Протодиакон. Только вы же меня, Илья Ефимович, хорошо уже нарисуйте. Пускай там в Петербурге все увидят, какой видный представитель духовного сана служит в Харьковской епархии! «Протодьякон отец Иоанн Уланов» – так на картине и напишите. Гляди, и заметят ее влиятельные люди и передвинут меня в столицу… Пусть портрет будет вам на память, а я все равно заплачу вам за него хоть пятьдесят, хоть все сто рублей. Только покажите его, кому следует… Обязательно покажите! А я уж не забуду вас в своих молитвах… Ну и если что другое надо, я тоже не поскуплюсь... Это жизнь, Илья Ефимович! Тут уже так: если хочешь, чтоб тебе было сладко, то и ты умей подсластить… *(Зовет)*. Горпыно!

В комнату заглядывает кухарка.

Горпина. Що, отче?

Протодиакон. А подай-ка нам чего-нибудь сладкого, чтобы горилка была не такая горькая!

Горпина. Уже несу, отче! *(Сразу же и входит, держа в руках большой поднос)*.

Протодиакон. Что ты там приготовила, моя сладенькая?

Горпина. Пироги с маком, пампушки с медом и кисель из калины.

Протодиакон. А что я вам говорил, Илья Ефимович? Такой золотой кухарки ни у кого больше нет! *(Горпине)*. Выпей и ты с нами, Горпина… *(Наливает вишневки и подает кухарке)*.

Горпина. Спасибо, отче. Дай вам Боже здоровья! *(Пьет, стоя возле отца Иоанна)*.

Протодиакон. И тебе того же! *(Уже порядком захмелев, подмигнул кухарке)*. А возьми-ка свой бубон, моя сладенькая… Спой нам мою любимую – развесели гостя нашего дорогого, а я тебе подпою…

Горпина *(берет бубон с колокольчиками)*. «Ой хоча бы, Господы», отче?

Протодиакон. Вот эту, Горпина, вот эту!

Горпина начинает выбивать в бубон веселую мелодию и поет украинскую народную шуточную песню «Ой хоча би, Господи, та й повечоріло». Отец Иоанн помогает ей исполнять припев и иногда даже слегка пританцовывает музыке в такт:

Ой хоча би, Господи, та й повечоріло.
Може б, моє серденько та й повеселіло.

Ой рі-да, Господи, да-рі-да, Господи,
Може б, моє серденько та й повеселіло. (2)

Та й прийди до мене, до моєї хати,
Стукни під віконце, щоб не чула мати…

Ой рі-да, Господи, да-рі-да, Господи,
Стукни під віконце, щоб не чула мати… (2)

А мати почує та й буде мовчати,
Про своє дитятко нічого сказати…

Ой рі-да, Господи, да-рі-да, Господи,
Про своє дитятко нічого сказати… (2)

Спала я й не спала, треба уставати,
Треба уставати, милого питати…

Ой рі-да, Господи, да-рі-да, Господи,
Треба уставати, милого питати… (2)

Чи ти, милий, любиш, чи з мене смієшся,
Що ти коло мене, як голубчик, в'єшся?

Ой рі-да, Господи, да-рі-да, Господи,
Що ти коло мене, як голубчик, в'єшся? (2)

(Последний куплет исполняет протодиакон).

А я тебе люблю, ще й любити буду,
І скажу по правді – сватать тебе буду!

(Снова вместе).

Ой рі-да, Господи, да-рі-да, Господи,
І скажу по правді – сватать тебе буду! (2)

Остановились, даже раскраснелись оба.

Протодиакон *(целует Горпину в щеку)*. Ох, спасибо тебе, Горпина! Спасибо, моя сладенькая! Вот как не любить такую жизнь?! *(Поворачивается к*

Репину и показывает на нарисованную негритянку). Илья Ефимович, продайте мне эту картину…

Снова звучит музыка, и отец Иоанн, пританцовывая уже перед «Негритянкой», еще раз исполняет последний куплет и припев.

Явление 5

Хата Ивана Арсеньева. Хозяин поправляет одну из икон, которые расставлены по всей комнате. Входит Илья Репин с завернутой картиной и еще каким-то свертком в руках.

Репин. Бог в помощь, Иван!

Арсеньев *(радостно)*. Илья! Проходи, проходи! А я тебя вчера ждал!

Репин. Да я и собирался к тебе вчера – мама даже пирожков тебе вот наготовила! *(Вручает сверток Ивану)*. Но прислал за мной отец Иоанн свою Горпину, так мы до вечера у него и причащались…

Арсеньев *(кладет гостинец на стол и напевает)*. «Любив козак дівчину і з си-ром пи-ро-ги!» Вот спасибо Татьяне Степановне! *(Хитровато посмотрел на товарища)*. Тебя вчера наш протодиакон тоже, наверное, пирогами угощал?..

Репин. Ты еще спрашиваешь! Что ты ему наговорил, что он меня принимал как московского митрополита?

Арсеньев. Ну, сказал, что твоих «Бурлаков на Волге» купил сын царя, вице-президент Академии художеств великий князь Владимир Александрович и что царская семья вообще часто заказывает тебе картины. Это же правда! А что – не надо было? Так тогда отец Иоанн не разрешил бы рисовать с него портрет… А так он согласился! Иль, может, уже передумал?

Репин. Нет, что ты! Не передумал. Свое согласие он дал! *(Покачал головой)*. Но вчерашнюю трапезу я надолго запомню…

Арсеньев. Еле из-за стола поднялся, да? О, стол у него всегда от питья и еды аж ломится! *(Копирует, как протодьякон указывает на напитки и блюда на столе)*. «Горилка, вишневка, сливянка, кровянка, уточка с яблоками,

поросенок с хреном, печенка с чесноком»… Наш отец Иоанн ни в чем себе не отказывает…

Репин. Я это заметил. Духовного в нем не очень много... Он весь – плоть и кровь, как кровяная колбаса на его столе!

Арсеньев. Тебе уже, наверное, перехотелось его рисовать…

Репин. Наоборот! Теперь я еще больше хочу зафиксировать на холсте образ этого чревоугодника! Это будет вершина украинской кухни – кот в сметане! Для художника – это настоящий клад!

Арсеньев *(иронично, но тепло)*. И тебе надо было объездить пол Европы, чтобы вернуться домой за своими же кладами?

Репин. Выходит, что так.

Арсеньев. Но ты в Париже что-то же рисовал?

Репин *(отмахнулся)*. Да что я мог на той чужбине рисовать, Иван? Это же совсем другой мир! Красивый, но чужой – там другие традиции, обычаи, порядки… И герои, и идеалы у них – свои! А я – русский художник! Я их не пойму, они меня не поймут… Что я там буду делать? Ну, вот негритянку нарисовал… *(Распаковывает картину)*. Отец Иоанн сначала перекрестился, когда ее увидел, но после третьего стаканчика она ему уже понравилась… И даже очень… «Икзотика», как он про нее сказал…

Арсеньев *(любуется негритянкой)*. Красивая экзотика… А написана – просто изумительно! Думаю, нашему протодиакону она понравилась сразу! Но показал он это только после третьего стаканчика…

Репин. И я так считаю.

Арсеньев *(и дальше с восхищением рассматривая картину)*. Так когда ты начинаешь рисовать его портрет?

Репин. Мы договорились про сеансы с завтрашнего дня. У меня уже все готово – краски, полотно, большой подрамник…

Арсеньев *(улыбнулся)*. Да, Илья, подрамник тебе надо брать большой, чтобы туда уместилась вся «плоть и кровь» нашего отца Иоанна! *(Махнул рукой)*. Но хватит о нем, лучше о себе расскажи – когда ты приехал и на сколько?

Репин. Приехал я с женой и детьми несколько дней тому назад, Иван. Три года жил во Франции и в Италии на академическую пенсию, которую дают за золотую медаль на шесть лет стажировки за границей. А когда понял, что в Париже я ничего не напишу для своей души, попросил разрешения вернуться в Россию с сохранением пенсии. Мне разрешили и теперь у меня есть еще три года, чтобы за деньги Академии художеств спокойно жить и работать дома.

Арсеньев *(обрадовался)*. И ты будешь писать свои картины в Чугуеве?!

Репин. Нет, Иван. Чего я мог тут научиться, того давно уже научился. Мы же вместе у Бунакова первые азы постигали. Теперь мне нужны новые учителя, и обширные знания, свежие впечатления… Ты же сам понимаешь: если бы я и дальше расписывал здесь церкви и не прошел ни рисовальной школы в Петербурге, ни академии – разве я «Бурлаков» своих написал бы?

Арсеньев. Ясно, что нет…

Репин. Вот и получается, что надолго я тут остаться не могу. Еще в Париже один московский меценат – Савва Мамонтов – убедил нас с Поленовым перебраться из Петербурга в белокаменную. Там и в самом деле есть чему поучиться – одна картинная галерея Третьякова чего стоит! Поэтому я немного отдохну в родном Чугуеве, нарисую нашего протодиакона и еще несколько портретов и подамся с семейством в Москву!

Явление 6

В гостиной протодиакона перед большим подрамником с натянутым на него полотном стоит Илья Репин и рисует хозяина, который позирует с особым усердием. Отец Иоанн одет в дорогую черную рясу, на голове у него островерхая скуфейка, на груди – золотой крест. Левой рукой он опирается на высокий посох с серебряным набалдашником, а правую величественно держит на своем толстом чреве.

Протодиакон. Илья Ефимович, вы же обязательно нарисуйте мой посох. Это моя гордость – мне его сам царь-батюшка пожаловал, когда в наш Чугуев приезжал.

Репин. Не волнуйтесь, отец Иоанн. Обязательно нарисую.

Протодиакон. И набалдашник серебряный тоже не забудьте отобразить!

Репин. Не забуду. Как такую дорогую вещь не нарисовать? А где же это государь вас заметил, отец Иоанн?

Протодиакон. В соборе, Илья Ефимович. Тогда в Чугуеве было еще военное поселение, так царь-батюшка часто к нам приезжал. Вот как-то и зашел в наш Покровский собор. А я как гряну во весь голос «многая лета», так не поверите – даже стены начали дрожать. Государь и вознаградил меня за мое старание. Весь Чугуев завидовал, когда он пожаловал мне этот посох! Так вы же теперь в точности его изобразите, ну а заодно и меня возле него…

Репин. Не волнуйтесь: и вас, и посох я так нарисую, что вам опять будет завидовать весь Чугуев.

Протодиакон Постарайтесь, Илья Ефимович, постарайтесь. А я уж ничем не поскуплюсь…

Репин. Да мне главное, чтобы портрет ваш удался, отец Иоанн, так большего вознаграждения уже и не надо!

Протодиакон. Э, не скажите… Всякое старание должно быть вознаграждено!

В это время в комнату входит кухарка.

Горпина. Простить, що потурбую, отче…

Протодиакон. А чего тебе, Горпина?

Горпина. Та скажить, будьте ласкави, що вам на обид готувать… Борщ, буженину, фаршировану рыбу?

Протодиакон. И это можно, а чего ж... Чтобы поросенок с хреном не приелся, разнообразие на столе обязательно должно быть! Поэтому, значит, так… На первое подавай борщ, а на второе – цыплят в сметане, голубцы с мясом и яичницу с салом. Ну и все прочее, что ты называла…

Горпина. Як скажете, отче. А борщ якый готувать – с грибами, с ушками чи с пампушками?

Протодиакон. Подавай борщ с пампушками. Они у тебя особенные получаются. Так пускай Илья Ефимович отведает.

Горпина. А реберця видварыть?

Протодиакон. Да зачем же нам ребрышки, если мяса в борще будет много?

Горпина. Ваша правда, отче. А из сладкого що прикажете приготувать? Може, налистники с сыром?

Протодиакон. А это уже сама решай, моя сладенькая. Тут я на тебя полностью полагаюсь...

Горпина. Тоди я приготовлю налистники с сыром и компот из вышень.

Протодиакон. Ага, ага. И про мед до пирога не забудь! *(Репину)*. Илья Ефимович, может, еще у вас лично будут какие-нибудь пожелания? Горпина все приготовит – вы только скажите!

Репин. Спасибо, отец Иоанн, но вы и так много всего заказали.

Протодиакон. Да почему же много, Илья Ефимович? Обыкновенный обед! Вот когда мы закончим наше рисование, тогда я вас по-настоящему угощу! А это так – для поддержания духа и силы. *(Горпине)*. Ну иди уже, Горпина, – нам же портрет надо еще рисовать…

Кухарка уходит. Отец Иоанн, положив руку на живот, позирует дальше.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 7

Сентябрь 1877 года. Москва. Жилище, которое снимают Репины в белокаменной. Возле большого портрета протодиакона стоят Репин и Третьяков. Невдалеке от них висит и картина «Крестный ход в дубовом лесу».

Репин. Вот и мой «Протодиакон», Павел Михайлович. Что скажете? Подходит он знаменитой коллекции Третьякова?

Третьяков. Илья Ефимович, великолепный этюд! Чувствуется рука великого мастера! После «Бурлаков на Волге» – это, пожалуй, самый удачный ваш труд!

Репин. Я знал, что он вам понравится. Кто-кто, а вы в таких вещах разбираетесь! Хочу поправить вас только в том, что неверно называть портрет диакона этюдом… Это тип! Это экстракт наших дьяконов, этих львов духовенства, у которых не найдешь ни крохи духовного, – весь он плоть и кровь, зев и рев, рев бессмысленный, но торжественный и сильный, как в большинстве случаев и сам обряд. Следовательно – это уже картина…

Третьяков. Да, запоминающийся образ... Пожалуй, вы правы… Это какой-то бог чревоугодия, если судить по этому выразительному жесту правой руки, которую он держит на своем чреве…

Репин. Вот именно – это бог чревоугодия! Вы очень точно поняли этот жест. Не знаю, насколько глубоко отец Иоанн постиг церковные таинства, но его познания таинств украинской кухни – просто поражают! Сначала я даже хотел изобразить его в трапезной за столом. Но потом решил, что эта рука с растопыренными пальцами на сытом чреве и так расскажет зрителю обо всем…

Третьяков. Вы правильно сделали, Илья Ефимович. Художественный мир будет в восторге от портрета протодиакона! *(Предостерегающе)*. Но лицам духовным вы вряд ли тут угодили…

Репин. Ну, Павел Михайлович, я так и «Бурлаков» своих никогда не написал бы, если бы стал всем, без исключения, угождать… Ведь после написания этой картины меня обвиняли даже в отсутствии патриотизма! Мол, «выставил отрепанные онучи на показ всей Европе»! Как будто я виноват в том, что русский мужик одет в отрепанные онучи! Ну так оденьте бурлаков во фраки – и пусть так и тянут ваши барки! Тогда во фраках я их и напишу! Мое дело – честно отображать эту жизнь! *(Немного спокойнее)*. А что касается «Протодиакона», то лицам духовным не в чем меня упрекнуть: я десятки картин написал на библейские темы и много церквей расписал! И если теперь нарисовал чревоугодника в рясе – то это не такой уж большой грех. Я не виноват, что иногда среди них попадаются и такие!

Третьяков. Не хитрите… Вы же сами только что сказали, что – это тип и экстракт…

Репин. Да? Я так сказал? *(Почесал затылок)*. Больше не буду. Эдак я всех покупателей от этой картины отгоню…

Третьяков. Что значит «всех», Илья Ефимович? «Протодиакона» я покупаю! Сколько вы за эту картину хотите?

Репин. Уж и не знаю… Вот смотрю на своего дьякона, думаю… И меньше, чем за 1400 рублей, уступить не могу… Может, и бранить его будут, но он как живой передо мною, едва не говорит!

Третьяков *(тоже почесал затылок)*. Многовато как за чревоугодника…

Репин. Так, Павел Михайлович, там одна только ряса сколько стоит! А золотой крест на груди?!

Третьяков *(улыбнулся)*. Крест – точно золотой?

Репин. Можете не сомневаться! Даже цепь – золотая!

Третьяков. Ну тогда покупаю.

Репин. Спасибо, Павел Михайлович. Простите, что не могу дешевле вам уступить. Никому не смогу – жизнь заставляет. Сколько той академической пенсии? А жена, трое детей? А еще квартиру в Москве снимать надо! *(Показывает на помещение, в котором они разговаривают)*.

Третьяков. Да разве я не понимаю? Ведь я потому и взялся у передвижников картины покупать, чтобы им легче жилось и они могли спокойно работать!

Репин. Но я же еще не передвижник… Пока получаю академическую пенсию, вступать в Товарищество передвижных выставок не имею права…

Третьяков. Илья Ефимович, вы самый настоящий передвижник, который ни есть! И ваш «Протодиакон» – лучшее тому подтверждение! Эта другая ваша картина мне тоже нравится…

Репин. Она называется «Крестный ход в дубовом лесу». Над ней еще надо поработать, а может, и вообще по-новому ее скомпоновать. Какая-то она декоративная получается. Обыкновенный крестный ход – вот и все. Даже

колоритная фигура нашего протодиакона ей ничего не додает… Чего-то тут не хватает! А чего – понять не могу… Идеи, которая была в «Бурлаках», что ли…

Третьяков *(рассматривает картину)*. Может, и так.

Репин. Этот крестный ход я видел в нашем Чугуеве. Но проходил он на фоне холма, усеянного пнями вырубленного леса… Я сначала подумал, что в живом лесу это будет выглядеть красочнее, а теперь вижу, что просчитался… Может, в том первом варианте и была она-то, идея?

Третьяков. Трудно сказать…Фон, конечно, очень много значит… Но мне кажется, если вы и нарисуете на втором плане изувеченную природу, то все равно это будет только фон…

Репин. Я понимаю – идею среди идущих в процессии надо искать…

Третьяков. Вы ее найдете, я уверен.

Репин. Буду думать, Павел Михайлович. Тем более, что следующим летом я еду с семьей в Абрамцево – Мамонтов попросил меня и Поленова новую церковь там расписать. Как вы знаете, в своем имении Савва Иванович построил для художников двухэтажный дом с четырьмя комнатами и светелкой наверху. Неподалеку есть и монастырь в Хотьково. Надеюсь, что там, среди странников и богомолок, я найду для своей картины много персонажей…

Третьяков. Помогай вам Бог, Илья Ефимович, помогай вам Бог!

Явление 8

Абрамцево под Москвой. Просторная гостиная в имении Мамонтовых: посредине – прекрасно сервированный стол, сбоку – рояль. На переднем плане стоят Мамонтов и Репин. Их жены – Елизавета Григорьевна и Вера Алексеевна – сидят в глубине комнаты и о чем-то тихо разговаривают.

Мамонтов. Илья Ефимович, образ Спаса Нерукотворного, который вы написали для иконостаса абрамцевской церкви, привел нашего священника в полный восторг! И всех нас тоже. Исполнен он с несколько необычным для церковной росписи реализмом, но в этом-то и есть его сила!

Репин. Мне приятно это слышать, Савва Иванович! Но мне очень совестно, что большую часть работы по росписи церкви делают все же Поленов и Васнецов…

Мамонтов. Что вы! Какие могут быть угрызения совести! Вы много работаете над «Крестным ходом», а это куда поважнее… Ведь церковь будет только для Абрамцево, а «Крестный ход в Курской губернии» – для всей России! И – не только для нее! Не зря вы ездили в Коренную пустынь посмотреть традиционные хода – очень хорошо у вас теперь эта картина скомпонована: крестный ход на фоне опустошенных холмов, да еще по горячему песку!!! Это сильно впечатляет.

Репин. Да, это уже не спокойное монотонное шествие в прохладном дубовом лесу…

Мамонтов. И расслоение общества показано тоже очень реалистично и верно: богатые, средний класс, бедняки… Так оно и есть… Вся Россия на этой картине как на ладони, вся Россия! Сколько времени вы уже работаете над своим «Крестным ходом»?

Репин. Почти три года… А все равно какого-то завершающего аккорда там недостает. Такого, чтобы душа человеческая сжалась и содрогнулась… Вот не могу найти, не могу!

Мамонтов. Вам надо отойти от этой темы, заняться чем-нибудь другим, а потом взглянуть на картину по-новому.

Репин. Это очень трудно, Савва Иванович, «отойти от темы». Куда бы я ни пошел – она везде следует за мной…

Мамонтов. Ну да… А тут еще я надоедаю вам разговорами на эту же тему! Простите, больше не буду.

Репин. Что вы! Наоборот, беседы с вами мне дороги и полезны, Савва Иванович: я люблю с вами советоваться – вы очень чуткий человек.

Мамонтов. Спасибо, Илья Ефимович. Я постараюсь и дальше быть вам полезен. Но отдохнуть вам все равно не помешает. *(Посмотрел на часы)*. Что это Поленов и Спиро к ужину так задержались? Уже почти все остыло! А вот и они!

В комнате появляются Поленов и Спиро.

Мамонтов. Василий Дмитриевич, Петр Антонович, где вы пропадаете? Мы вас уже заждались!

Поленов. Простите, Савва Иванович, но художник и врач задержались из-за спора, что важнее – живопись или медицина…

Мамонтов. И к какому же заключению вы пришли?

Спиро *(сначала указывает на себя, а потом на Поленова)*. Что для врача – живопись, а для художника – медицина…

Мамонтов. А что, очень умно! За это и первый тост! *(Оборачивается к женщинам)*. Елизавета Григорьевна, Вера Алексеевна, прошу к столу!

Все дружно садятся за стол.

Мамонтов. Друзья мои, я очень рад, что наше Абрамцево нас объединило и в такие вот вечера мы собираемся вместе после дневных забот и трудов. Илья Ефимович и Василий Дмитриевич сегодня целый день расписывали абрамцевскую церковь, Вера Алексеевна и Елизавета Григорьевна занимались детьми. И только мы с моим большим другом и профессором медицины Петром Антоновичем целый день бездельничали, разучивая новые неаполитанские песни… Поэтому я предлагаю сначала поужинать, а потом ранее трудившиеся будут отдыхать, а ранее отдыхавшие будут трудиться у рояля…

Все аплодируют, потом поднимают бокалы. А вскоре в доме начинают звучать очаровательные неаполитанские песни.

Явление 9

Светлая комната, посреди которой развернут большой холст. Это – «Крестный ход в Курской губернии». Картина еще не окончена: на ней отсутствуют многие персонажи, особенно с левой стороны, отведенной для бедных и нищих. Илья Репин смотрит на картину и о чем-

то думает… Вскоре сюда доносится жалостливый голос какого-то нищего: «Подайте, Христа ради! Подайте, ради Христа!» Вслед за этим мимо художника быстро проходит горничная Репиных Надежда.

Репин *(отвлекшись от своих размышлений)*. Что случилось, Надежда?

Горничная. Там нищий подаяния просит, Илья Ефимович. Я ему чего-нибудь вынесу…

Репин. Да что ж ему один хлеб подавать? Надо усадить за стол и покормить по-человечески. Ведь он, наверное, уже забыл, когда ложку в руках держал! Веди-ка его сюда…

Горничная уходит и вскоре приводит горбатенького паренька со светлыми волосами, которые рассыпались ему по плечам. Он опирается на грубо вытесанный костыль, держа его под левой мышкой. Нищий одет в ветхую рубашку, старые штаны и протертую сермягу из грубого домотканого сукна, на ногах у него – изношенные (наверное, выброшенные кем-то) ботинки.

Горбун *(остановился возле двери)*. Здравствуйте, барин…

Репин. Здравствуй, не бойся – проходи.

Горбун *(смущенно)*. Спасибо, я здесь постою – мне много не надо…

Репин. Какой ты несмелый… Ну проходи же!.. Как тебя зовут?

Горбун *(тихо)*. Яшка.

Репин. Ну вот. Давай, Яшка, садись за стол. *(Горничной)*. Надежда, неси сюда бульон и хлеба побольше!

Горничная уходит, а горбун несмело садится с самого края стола.

Репин. Ты откуда будешь-то?

Яшка. Из Хотькова…

Репин. Это там, где большой монастырь?

Яшка. Ну да.

Репин. А живешь ты с кем?

Яшка. Я один живу.

Репин. Как – у тебя совсем никого нет?

Яшка. Никого.

Репин. А родители твои где?

Яшка. Отца я не помню, а мама весной умерла.

Репин. Отчего умерла?

Яшка. Простудилась зимой. Потом долго болела и умерла.

Репин. Как же ты один живешь?

Яшка. Да так подаянием и живу. Кто чего даст – мне много не надо…

Входит горничная, ставит на столе тарелку с бульоном, кладет хлеб и ложку. Потом уходит.

Репин. Ну ешь, Яшка. Потом поговорим.

Яшка осторожно берет ложку и несколько раз набирает бульон.

Репин. Ты хлеб бери, не стесняйся...

Яшка берет кусочек хлеба, разламывает его надвое, потом одну половинку завертывает в небольшую серую тряпицу и прячет за пазуху.

Репин *(удивленно)*. Что ты делаешь, Яшка? Зачем это?

Яшка. На завтра будет… *(Виновато и боязливо посмотрел на Репина)*. А что – нельзя?

Репин. Господи, да почему же нельзя?! Бери сколько хочешь! Я еще принесу! А ты и завтра к нам приходи!

Яшка. А можно?

Репин. Конечно, можно! Ну ешь, а то остынет… Как его есть потом холодным, этот бульон?..

Яшка ест, а Репин сидит возле своей картины и грустно за ним наблюдает. Наконец Яшка покушал и положил ложку.

Яшка *(поднявшись)*. Спасибо, барин. Простите, ради Христа.

Репин. Да за что же ты извиняешься?

Яшка. А что побеспокоил… *(Берет костыль под мышку)*. Я уже пойду…

Репин. Погоди, Яшка, побудь еще немного. Зачем тебе целый день по дворам ходить? Я попрошу горничную, и она соберет тебе все, что нужно. А ты расскажи мне еще о себе. Не бойся, я тебя ничем не обижу.

Яшка. Я знаю. Говорят, вы из самой Москвы к нам приехали. И даже для церкви икону святую писали. А как фамилия ваша, я забыл – простите, Христа ради…

Репин. Это ничего. Я тоже новые имена не всегда сразу запоминаю. Сколько людей – разве всех запомнишь? Ты за это не винись. А звать меня – Илья Ефимович… Репин… Иногда я пишу иконы, а чаще – картины вот такие. Видишь, какая она большая? «Крестный ход» называется. Ты, наверное, возле здешних монастырей часто видишь крестные хода?

Яшка. Ну да. Часто. Но больше издалека.

Репин. Почему издалека?

Яшка. Наш урядник меня близко не пускает... Он очень свирепый… Он и маму ударил, когда она мне кипяток из богадельни несла. Она там служила. А у нас топить было нечем. А он остановил маму и сказал, что она кипяток украла. И вылил его на снег. А маму ударил. Она тоже упала на снег и так долго лежала, а потом заболела и умерла…

Репин. Постой, я в Хотькове рисовал какого-то урядника для этой картины. Посмотри, это он? *(Показывает Яшке какой-то рисунок)*.

Яшка. Он…

Репин *(порвал рисунок)*. Сволочь такая!

Яшка. Его Бог накажет за то, что он маму ударил…

Репин. Да, Яшка, так оно и будет! Вопрос только – когда?.. Пойдем, я тебе соберу покушать, а потом немного провожу. А завтра ты приходи к нам непременно – я очень хочу еще с тобой поговорить. И если ты разрешишь, то я тебя и нарисую.

Яшка. Для картины?

Репин. Да, Яшка, – для картины. Я и сегодня хотел бы, но что-то у меня руки дрожат…

Явление 10

Прошло некоторое время. Репин и Яшка возвращаются из храма.

Репин. Ну, Яшка, много святых мест мы с тобой на этой неделе проведали! Где лавра, где монастырь – все ты мне показал… Красивая церковь у вас тут, в Хотькове… Ты здесь, наверное, часто бываешь?

Яшка. Почти каждый день – я за маму прихожу помолиться, чтобы там душе ее легко было… Но больше вечером… Мама рассказывала, что у каждого есть свой ангел-хранитель, который стоит на страже его души и охраняет ее от нечистой силы. А в начале дня этот ангел является на поклонение Богу и объявляет ему о всех наших делах. Поэтому надо прилежно молиться и благодарить Господа в конце дня и утром, когда ангелы являются на поклонение Богу.

Репин. Значит, Яшка, завтра твоему ангелу-хранителю будет что Всевышнему рассказать – вот как ты умаялся, пока показывал мне все ваши храмы! Давай сядем и отдохнем немного. Заодно и перекусим, а потом уже и домой.

Садятся на деревянную лавку, Репин раскладывает на чистом платке хлеб, пирожки, кусочки мяса…

Репин. Бери, Яшка, подкрепляйся.

Яшка *(берет еду)*. Спасибо… дядя Илья.

Репин. Ну вот наконец ты привык к моему имени. А то все «барин» да «барин»… Сколько ты меня со своими излюбленными местами знакомишь? Уже две недели? Да, быстро время летит…

Яшка. Быстро…

Репин. Пора мне собираться в Москву, Яшка.

Яшка. Насовсем?

Репин. Получается, что так, – я же теперь там живу…

Яшка. И вы к нам больше не приедете?

Репин. Почему ты так решил? Конечно, приеду! Следующим летом только, раньше не получится. Хотя… иногда я могу к Савве Ивановичу и на несколько дней в гости приезжать! И церковь еще не достроена! Так что мы с тобой еще не раз увидимся, не беспокойся. Главное, чтобы все было хорошо и никакие напасти на нас не свалились…

Яшка. А я от напастей молитву знаю. Она так и называется – молитва от всех скорбей. Я ее прочитаю, и все будет хорошо… *(Становится на колени и начинает читать молитву, а Репин тем временем его рисует)*. Пресвятая Богородице, выше всех ангелов и архангелов, честнейшая помощница всех обидимых, исцеляющихся надеяние, убогих одеяние, больных исцеление, грешных спасение, избави нас от глада, губительства, от труса и потопа, от огня и меча, от напрасной смерти, от нападения вражея, от злой порчи, от духов нечистых, от всякого зла; подаждь, Господи, мир и здравие рабу Твоему, сподоби его, грешного, царствия Сына Твоего Христа Бога нашего, яко держава Его непоколебимая, благословенная и препрославленная, со единоначальным Его Отцем, со Пресвятым, Благим, и Животворящим Его Духом, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь.

Репин. Спасибо, Яшка, что ты за всех нас помолился… Как ты берешь все близко к сердцу – даже раскраснелся от волнения. Иль это жар? *(Дотронулся до его чела)*. Да ведь точно жар!

Яшка. Это ничего, дядя Илья, пройдет. У меня жар часто бывает, но я от лихорадки тоже молитву знаю. *(Уже и читает)*. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, якоже Святый Аркадий укротил львы в пустыни, тако и Ты, Господи, укроти Трясовицу сию в рабе Божием Яшке, всегда, ныне, и присно, и во веки веков, аминь.

Репин *(обеспокоенно)*. Ох, боюсь, Яшка, что одна молитва тут не поможет… Надо тебя нашему Петру Антоновичу показать, чтоб еще его врачи над тобою поворожили… Давай поднимайся – и пойдем…

Явление 11

Елизавета Григорьевна сидит в комнате и смотрит в окно. Входит Вера Алексеевна.

Елизавета Григорьевна. Ну что там, Вера Алексеевна? Уже вернулись наши мужчины?

Вера Алексеевна. Только Василий Дмитриевич вернулся, Елизавета Григорьевна, – и сразу в церковь к своим росписям пошел. Он сказал, что в богадельню Яшку примут после того, как его сначала в больнице подлечат. Такого больного они отказались его принимать. Вот наши и остались, чтобы устроить его в больницу. Хорошо, что Савва Иванович за это взялся – там его все знают, да и денег это стоит немалых… Кто же за нищего взялся бы платить…

Елизавета Григорьевна. Вот беда… А ведь Илья Ефимович еще несколько дней назад с Яшкой в Троице-Сергиеву лавру ездили!

Вера Алексеевна. И в лавру, и в монастырь… Последние две недели Яшка по всем своим излюбленным местам мужа водил, а он его рисовал…

Елизавета Григорьевна. Илья Ефимович нам «Крестный ход» вчера показывал – очень трогательная сцена с Яшкой там получилась.

Вера Алексеевна. Да, теперь картина почти готова. Мы уже и вещи уложили, чтобы в Москву возвращаться, а тут такая беда...

В это время в комнату входит Мамонтов.

Вера Алексеевна. Все устроилось, Савва Иванович?

Мамонтов. Вроде бы да… И с богадельней, и с больницей все материальные вопросы мы решили. Но со здоровьем у Яшки плохо… Петр Антонович говорит, что такие запущенные болезни лечить очень трудно…

Елизавета Григорьевна. А что за болезни такие?

Мамонтов. Не знаю. Думаю, местные доктора тоже толком не знают. При такой нищенской жизни, как у Яшки, мало ли их может быть… Он горит

весь, а по какой причине – только Бог ведает… Будем надеяться, что лекарства ему помогут…

Вера Алексеевна. Так вы все вернулись, Савва Иванович?

Мамонтов. Да, Вера Алексеевна. Илья Ефимович и Петр Антонович пошли к себе переодеться с дороги. А потом у нас будет прощальный ужин… *(Грустно, жене).* Разъезжаются наши гости, Елизавета. Завтра – Илья Ефимович с семьей, а потом – Спиро и Поленов…

Явление 12

Опять Москва. Репин и Третьяков стоят перед картиной «Крестный ход в Курской губернии», которая в самом деле скомпонована по-новому: у подножья высокого, усеянного пнями и заваленного кучами хвороста холма по горячему песку движется процессия крестного хода. Впереди всех идут мужики в кафтанах из деревенского сукна и несут громадный фонарь, весь в огнях внутри и в лентах снаружи. За фонарем спешат две мещанки, благоговейно неся в руках пустой киот от иконы, а сразу за ними видно хор певчих, усердно исполняющий церковные песни. За певчими – отдельно от всех остальных – идет молодой изнеженный диакон в золотом стихаре и с кадилом в руке. А за диаконом, в глубине картины, чванливая помещица несет саму икону. Вокруг нее собрались богатеи, отставные военные и священники в золотых ризах и фиолетовых камилавках. Барыню с иконой охраняет сотский. Много урядников и сотских едут на лошадях и мерно покачиваются в седлах. Особенно выделяется среди них урядник в белой рубахе, в правом углу картины, – он натянул поводья своего жеребца и замахнулся нагайкой на какую-то женщину, которая пытается закрыться от удара поднятой вверх рукой. Слева же, в противоположной от него стороне, важно надувшись, едет становой пристав. А впереди станового, взявшись за руки и образовав живую цепь, понятые и сотские не пропускают к центру процессии крестьянскую бедноту, которая движется отдельно и своим жалким видом никак не может вписаться в это торжественное шествие. Из толпы бедняков и нищих вырвался горбун и, опираясь на костыль, словно хочет пробиться к центру – его одухотворенное лицо наполнено неподдельной верой. Но этого несчастного отгоняет палкой сотский, идущий впереди цепи.

Третьяков. Чудесная вещь, Илья Ефимович! Я знал, что вы напишете ее с таким размахом – я у вас эту картину покупаю!

Репин. Над ней надо еще немного поработать, Павел Михайлович. В сентябре мы опять перебираемся в Петербург – «поближе к центру общественной жизни», как говорят, – там я свой «Крестный ход» уже и закончу.

Третьяков *(продолжает с восхищением рассматривать картину)*. Монументальное полотно – как и в «Бурлаках на Волге», здесь чувствуется широта взгляда на жизнь, свободный полет кисти, глубокая идея… Это очень радует. Но и настораживает…

Репин. Почему?

Третьяков. Вы немного повторяетесь…

Репин. Я повторяюсь? Помилуйте, Павел Михайлович, в чем – в композиции, в манере письма, в красках?

Третьяков. В лицах, Илья Ефимович. То есть, в выборе этих лиц… И в «Бурлаках», и в «Крестном ходе» у вас изображены очень уж некрасивые фигуры на первом плане… Вот эти нищие, например... Нет, я помню наш разговор о бурлаках, тогда вы все достаточно убедительно объяснили, нищие пусть будут… Но в центре внимания тут все же должна быть красота! Почему бы вместо этой бабы с футляром не поместить прекрасную молодую девушку, которая несла бы футляр с верою и даже с восторгом? Тогда это будет действительно глубоко русская картина!

Репин. А с бедными и нищими она не русская?.. Простите, но я с вами тут не согласен. Для меня выше всего правда… Выйдите на улицу, посмотрите в толпу, где угодно – много вы встретите красивых лиц, да еще непременно, для нашего с вами удовольствия, вылезших на первый план? А богатых и счастливых вы много там найдете?! Так что ж я буду в «Крестном ходе» барышень рисовать?! Нет, я человек 60-х годов, для меня еще не умерли идеалы Гоголя, Тургенева, Толстого… Всеми своими ничтожными силенками я стремлюсь олицетворить мои идеи в правде – окружающая жизнь меня слишком волнует, не дает покоя, сама просится на холст. И я бы себя презирал, если бы стал писать «ковры, ласкающие глаз»! Действительность слишком возмутительна, чтобы со спокойной совестью вышивать узоры…

Третьяков. Но уберите отсюда хотя бы этого рубящего урядника в белой рубахе! *(Показывает на картину*). Он до того противный, что все впечатление от картины портит!

Репин. А этого негодяя уж точно не уберу! Такой, как он, мать вот этого несчастного горбуна так ударил, что она неведомо сколько на снегу пролежала, а потом заболела и умерла! *(Уже спокойнее).* Павел Михайлович, я разделяю ваше мнение, что эта картина хорошего настроения не добавляет. Но главным персонажем «Крестного хода» останется нищий горбун. Иначе скомпоновать картину я не могу…

Третьяков. Но почему?

Репин. Потому что я воочию видел, как протодиакон, вернувшись из крестного хода, услаждает свое чрево роскошным обедом из десяти напитков и двадцати блюд, а нищий горбун кусочек хлеба надвое ломает, чтобы оставить половинку на второй день! Вы бы видели, как он эту корочку в серую тряпицу завертывает и прячет ее на груди…

Третьяков. Кто?

Репин. Вот этот самый горбун Яшка – нищий из-под Хотькова!

Третьяков. Простите, Илья Ефимович... Я думал, что это только художественный образ…

Репин. Нет, Павел Михайлович, – это вполне реальный парнишка, который от всех своих лишений нынче очень серьезно заболел… Савва Иванович помог устроить его в больницу, и мы надеемся, что все обойдется…

В это время, держа в руке дорожную сумку, входит Поленов. Он очень чем-то угнетен.

Поленов. Уже не обойдется, Илья... Яшка вчера умер*…

Зазвучали церковные песни, которые исполнял хор певчих во время крестного хода в Чугуеве. Репин отвернулся, тяжело опустил голову, взялся рукой за картину и плечи его задрожали…

Занавес.

*Сведения о ***горбуне*** практически отсутствуют. Большинство исследователей, пишущих о нем, ссылаются в основном на воспоминания В.С. Мамонтова, сына С.И. Мамонтова, напечатанные во втором томе «Художественного наследства»: «Многие из персонажей репинских картин знакомы нам по Хотькову. Так, я отлично знал бродившего по окрестностям Хотькова и часто заходившего к нам в Абрамцево горбуна, идущего с костылем на первом плане репинской картины «Крестный ход в Курской губернии». Образ горбуна был одним из самых любимых образов Репина – художник каждое лето встречался с ним в Абрамцево в 1880–1882 годах, нарисовал с него пять этюдов и большой масляный портрет.

Сведений о чугуевском ***протодиаконе Иване Уланове*** сохранилось чуть больше. Некоторые факты из его биографии приводит В.Н. Москвинов в статье «По репинским местам Харьковщины» (там же). А журналист и дипломат П.Е. Безруких, который в 1926 году побывал на даче художника «Пенаты» в Финляндии, записал среди других материалов краткий, но бесценный рассказ Ильи Ефимовича Репина о его первой встрече с протодиаконом (который, угощая художника, «после трех стаканчиков сливянки… развеселился, подмаргивал Горпине, напевал какой-то веселый мотив»), и эти воспоминания мастера, использованные мной почти дословно, составили третью часть явления 4 (сборник «Новое о Репине», стр. 303).

«Портрет Мусоргского»

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Илья Ефимович Репин – русский художник.

Модест Петрович Мусоргский – русский композитор.

Павел Михайлович Третьяков – московский промышленник и коллекционер.

Владимир Васильевич Стасов – искусствовед и критик.

Николай Александрович Вильчковский – главврач Николаевского военного госпиталя.

Лев Бернардович Бертенсон – врач-ординатор госпиталя.

Любаша – сестра милосердия.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Начало сентября 1882 года. Москва, Третьяковская галерея. Перед переездом художника на постоянное место жительства в Петербург Репин и Третьяков осматривают галерею, к которой коллекционер сделал новую пристройку. Вот они вошли в большой продолговатый зал и остановились у двери.

Третьяков. Ну, что скажете, Илья Ефимович? После второй пристройки в галерее стало значительно просторнее, правда?

Репин *(осматривается вокруг)*. Да, Павел Михайлович, теперь у вас тут, как на Волге, – ширь да простор! Я в который раз убеждаюсь, что шутить вы не любите и не способны почивать на лаврах, – вы хотите создать колосса! *(С восхищением)*. Уже создали!!!

Третьяков. Это еще не совсем то, что я хотел бы сделать, но уже немного лучше…

Репин. Намного лучше! Во всяком случае, мои картины висят очень хорошо и зал также выбран удачно!

Третьяков. Да, и картины ваши, и портреты – все здесь поместилось. Даже для «Крестного хода» место осталось… *(Многозначительно посмотрел на Репина)*.

Репин. «Крестный ход» я вам пришлю уже из Петербурга, Павел Михайлович, когда полностью закончу эту работу.

Третьяков *(вздохнул)*. Вы все-таки решились на переезд… *(С надеждой посмотрел на художника)*. А может, еще передумаете?

Репин. Нет, не передумаю. Москва, конечно же, очень мне дорога: тут – вы и ваша удивительная галерея, Лев Толстой и мои лучшие друзья: Василий Суриков и Дмитрий Поленов… Тут – Савва Иванович Мамонтов и его Абрамцево, где я познакомился с главными героями моего «Крестного хода» и где родился замысел «Запорожцев»… Но Петербург – есть Петербург! Петербург – это моя интеллектуальная родина. Он все мне дал, и я надеюсь, что

даст еще больше. Ведь инициатива там бьет ключом, там происходят все важные события, и Крамской прав, когда говорит: «Пока столица тут – наше место тоже здесь, наше, то есть бойцов».

Третьяков. А вот с этим можно и поспорить, Илья Ефимович, – вы и в Москве оставались бойцом! Разве ваш «Крестный ход в Курской губернии» не свидетельствует об этом? *(Показал на картину «Царевна Софья»)*. А «Царевна Софья Алексеевна через год после заключения ее в Новодевичьем монастыре, во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги»?! *(Показал на портреты рядом)*. А портреты Писемского и Мусоргского, которые привели в восхищение и Стасова, и Крамского, и всех-всех в Петербурге и в Москве?! Посмотрите на портрет Мусоргского – ведь он как живой сейчас перед нами!

Репин *(с болью посмотрел на холст)*. Лучше бы этого портрета не было, Павел Михайлович, а наш любимый Мусорянин действительно стоял бы сейчас перед нами живой… Это был гениальный композитор! Жаль, что он так неразумно обошелся со своей жизнью…

Третьяков. Да, водка многих в России погубила…

Репин. А может, и не водка…

Третьяков. А что?

Репин. Мерзость человеческая! Мелочность и зависть! Это, это заставило Мусоргского пить! Вы знаете, что Пороховщиков назвал его мусором, когда мы со Стасовым предложили включить Мусоргского и Бородина в картину «Славянские композиторы»?

Третьяков. В ту, что вы писали по заказу Пороховщикова для «Славянского базара»?

Репин. Да! Эта картина была задумана как большое панно для концертного зала гостиницы, и я должен был написать там самых известных русских, польских и чешских композиторов. Стасов считал, что, кроме Балакирева и Римского-Корсакова, туда надо включить еще двух ярких представителей «Могучей кучки» – Бородина и Мусоргского… Бородина любили все, а Мусоргского хоть и не все ценили, но все поражались его смелости и жизнелюбию! Никто не мог удержаться от смеха при исполнении

артистами или им самим его комических типов и неожиданных речитативов! Но когда я обратился к Пороховщикову с просьбой разрешить мне добавить в группу русских музыкантов Мусоргского и Бородина, он грубо ответил: «Вот еще! Вы всякий мусор будете сметать в эту картину! Мой список имен музыкантов выбран самим Николаем Рубинштейном, и я не смею ни прибавить, ни убавить ни одного имени из списка, данного вам… И Бородина я тоже знаю, ведь это дилетант в музыке: он – профессор химии в медико-хирургической академии… Нет, уж вы всяким мусором не засоряйте этой картины!»

Третьяков. И эти его слова вы передали Мусоргскому?

Репин. Что вы, Павел Михайлович! Я никогда не сделал бы такого! Но ведь Пороховщиков не одному мне это сказал! Вот и нашлись «добрые люди», которые сначала позлорадствовали, а потом «с искренним сочувствием» поведали Модесту Петровичу эту историю… Может, Мусоргский как-то пережил бы это унижение, но тут еще и Салтыков-Щедрин напечатал в «Отечественных записках» свою едкую сатиру на Стасова и на Мусоргского!.. И весь Петербург читал этот пасквиль на молодой талант и умирал со смеху – так там смешно рассказывалось, как некий громкий эстет выставил на суд знатоков доморощенный талант и как сей едва-едва протрезвевший талант промычал свою новую арию на гражданскую тему: об извозчике, потерявшем кнут!

Третьяков. Владимир Васильевич мне рассказывал, как тяжело перенес Мусоргский эту сатиру…

Репин *(в сердцах)*. Так этим же не кончилось!!! Когда Мариинский театр, после множества запретов, наконец-то поставил целиком «Бориса Годунова» и на Мусоргского с неистовой критикой обрушились и его личные враги, и враги всего русского национального искусства, на их сторону перешел один из его друзей – Цезарь Кюи! Если после постановки трех избранных сцен из «Бориса Годунова» годом раньше он отзывался об этой опере с восхищением, то теперь, похвалив некоторые частности, Кюи написал, что «главных недостатков в «Борисе» два: рублевый речитатив и разрозненность музыкальных мыслей»! И добавил при этом, что «эти недостатки… произошли именно от незрелости, от

того, что автор не очень строго критически относится к себе, от неразборчивого, самодовольного и спешного сочинительства»! У меня в голове не укладывается: как можно было обвинить Мусоргского в самодовольстве, если именно скромность была свойственна его натуре?! Для Мусоргского это был нож в спину, и он в отчаянии писал Стасову, что за этим безумным нападением Кюи и за этой заведомой ложью он ничего не видит, словно мыльная вода разлилась в воздухе и застилает перед ним все предметы! Это как надо обидеть человека, чтобы у него перед глазами – безо всякого запоя – начала разливаться «мыльная вода»!

Третьяков *(вздохнул)*. А потом уже начались и настоящие запои…

Репин. Да. Мусоргский сломался и с тех пор предпочитал проводить время больше в «Малом Ярославце», в обществе незнакомых собутыльников, чем в кругу таких знакомых, как Цезарь Кюи.

Третьяков. Но я знаю, что с Кюи они еще не раз встречались – и на вечерах у Стасова, и у других общих знакомых…

Репин. Конечно, встречались: обменивались вежливыми рукопожатиями, иногда даже разговаривали, но прежних задушевных отношений между ними уже не было. А для Мусоргского это было хуже всего! Ведь его, бедного и одинокого, только и держали на этом свете чистые и светлые отношения с друзьями. Боже мой, Павел Михайлович, какой благородный это был человек!!! Мне потом говорила Людмила Ивановна Шестакова, родная сестра Глинки, что ее всегда поражали в Мусоргском его особенная деликатность и мягкость в обращении. «Я его знала 15 лет, – вспоминала она, – и во все это время ни разу не заметила, чтобы он позволил себе вспылить или забыться и сказать кому-то хоть одно неприятное слово». Я и сам помню, как у Стасова собирались все представители «Могучей кучки» – Балакирев, Бородин, Римский-Корсаков, Мусоргский, Кюи… Там, за роялем, они исполняли свои новые произведения и часто серьезно спорили, и Мусоргский всегда был сдержаннее других – старался ни одним словом не задеть чьего-либо самолюбия… Он был душою этих вечеров – играл и пел до поздней ночи, а играл он не хуже Рубинштейна и Листа, а пел просто божественно! *(Сделав паузу, продолжает)*. На этих вечерах

с нами бывал и скульптор Марк Антокольский. И вот однажды Стасов сказал, что считает нас троих своей «удалой» художественной тройкой: Мусоргского – от музыки, Антокольского – от ваяния, а меня – от живописи. Это изобретение Владимира Васильевича так понравилось Мусоргскому, что он потом часто его использовал, а как-то даже прислал мне целое письмо, которое было написано стихами, и каждый куплет кончался словами: «Тащи, коренник, тащи». Ну, какой же я коренник?! *(Махнул рукой)*. А впрочем, Модест Петрович любил пошутить. У Стасовых он много и живо импровизировал и когда вспоминал комические речитативы из хоров нищих, которые изучал на ярмарках, то повергал нас в раж!

Репин снова сделал паузу, глядя на портрет Мусоргского, а потом продолжил.

Репин. Да, Мусоргский был неподражаем! Самородок, богатырь с внешностью Черномора, остроумный собеседник в дамском обществе, непревзойденный каламбурист! Жаль, что я не написал его раньше – в более ранние и более счастливые его времена. Тогда бы с этого портрета на нас смотрел бы не грузный человек в сером халате и с воспаленным, отекшим лицом, а одетый с иголочки и прекрасно воспитанный гвардейский офицер и безукоризненный светский человек!

Третьяков. Не жалейте об этом, Илья Ефимович. Все это осталось на многих фотографиях Мусоргского. А вот его трагедия, его боль, его страдальческие глаза – есть только на этом портрете…

Репин. Да. Наверное, так было угодно судьбе, чтобы я оказался в Петербурге именно в то время, когда он после трех тяжелейших приступов умирал в Николаевском военном госпитале…

Третьяков. Как же его, гражданского, туда взяли?

Репин. Вы не поверите, но его туда устроила… жена Цезаря Кюи! Пока бедный Модест Петрович лежал на квартире певицы Леоновой, где с ним и случились эти удары, а Бородин и Стасов пытались воспользоваться своими связями в медицинских кругах, Мальвина Рафаиловна обратилась к ординатору

Николаевского госпиталя Бертенсону, который был женат на ее подруге, певице Ольге Скальковской. Упрашивать его долго не пришлось – он был страстным почитателем Мусоргского – и Лев Бернардович в тот же день обратился к главному врачу…

Репин задумался, и действие драмы переносится на полтора года назад.

Явление 2

12 февраля 1881 года, Николаевский военный госпиталь, Петербург. В кабинет главврача Н.А. Вильчковского, который сидит за рабочим столом, входит взволнованный молодой врач-ординатор. Это – Л.Б. Бертенсон.

Бертенсон. Николай Александрович, у нас беда! То есть не у нас, в госпитале, а – в России!

Главврач. Что случилось, Лев Бернардович?

Бертенсон. Мусоргский умирает! У меня только что была жена Цезаря Антоновича Кюи! Мальвина Рафаиловна сказала, что с Мусоргским случилось три припадка, и он сейчас лежит на квартире певицы Леоновой в очень тяжелом состоянии!

Главврач. Допился, значит… Это очень печально… Но причем же здесь мы?

Бертенсон. Как причем, Николай Александрович? Мусоргский – великий композитор! Он автор «Бориса Годунова», «Хованщины», «Сорочинской ярмарки»! А какие у него романсы! Неужели мы дадим ему умереть?! И потом – он ведь не в ресторане где-то свалился! Первый удар с ним случился на вечере у генерала Соханского! Леонова там пела, а Мусоргский ей аккомпанировал. И вдруг – потерял сознание… Первый раз все вроде бы обошлось – когда надо было уезжать, он совершенно оправился и был на ногах. Но на следующий день, уже на квартире Леоновой, последовало еще три припадка… Николай Александрович, вы сами знаете: три удара всего за несколько часов – это очень серьезно! Мусоргского надо спасать! Тем более,

что Мальвина Рафаиловна просила не только от своего имени – за Мусоргского хлопочут Бородин, Стасов, Римский-Корсаков, Кюи…

Главврач. Я почти всех их знаю лично, Лев Бернардович. Но у нас же – военный госпиталь! Мы не можем заниматься благотворительностью! Вы понимаете это или нет?

Бертенсон. Понимаю, Николай Александрович. Но ведь Мусоргский не только великий композитор – он очень благородный и бескорыстный человек. Без него не обходился ни один благотворительный концерт, особенно в помощь студентам-медикам! Я вот нарочно записал некоторые такие концерты с его участием… *(Достает из кармана записку и читает)*. «9 марта 1875 года – участие в музыкально-литературном вечере Петербургского общества для пособия слушателям медицинских и педагогических курсов; 11 марта 1876 года – участие в музыкальном вечере Петербургского собрания художников в пользу нуждающихся студентов Медико-хирургической академии; 2 апреля 1878 года – выступление с певицей Дарьей Михайловной Леоновой в концерте Общества пособия слушателям женских врачебных и педагогических курсов; 3 апреля 1879 года – участие в концерте Общества пособия слушательницам женских врачебных и педагогических курсов». И что особо надо отметить, Николай Александрович: будучи сам беден, как Иов, Мусоргский, когда дело касалось благотворительности, за свой труд никогда не брал денег! Неужели теперь, когда Модест Петрович серьезно болен и сам очень нуждается, мы не поможем ему?

Главврач. Но что мы можем сделать, Лев Бернардович? Ведь наш Николаевский военный госпиталь предназначен для солдат и офицеров, а Мусоргский давно вышел в отставку и теперь – человек гражданский!

Бертенсон. А разве мы не можем сделать исключение?

Главврач. Не можем! И не только для Мусоргского – ни для кого не можем! Ну, подумайте сами – как мы объясним высшему руководству, почему приняли на лечение в военный госпиталь гражданское лицо?! Нас уволят! Обоих уволят!

Бертенсон. За Мусоргского я готов понести любое наказание, Николай Александрович…

Главврач. А я – не готов!

Бертенсон. Простите, я не подумал об этом… Еще раз – простите, я не собирался вас подставлять… *(Опустив голову, направляется к выходу)*.

Бертенсон подходит к двери и уже берется за ручку, как вдруг его останавливает громкий окрик главврача.

Главврач. Постойте, Лев Бернардович! Кажется, я нашел выход! *(Размышляет вслух)*. Да, да… Так можно сделать… Как же я раньше не догадался! *(Бертенсону)*. Лев Бернардович, у вас есть денщик?

Бертенсон. Нет… Но в моем распоряжении достаточно сестер милосердия… Я их добротой никогда не злоупотребляю, но принести мне чистый халат или приготовить чай они всегда готовы…

Главврач. Но денщик вам, военному врачу, все равно полагается! Правда?

Бертенсон. Я думаю, что полагается… Но причем тут денщик, Николай Александрович?

Главврач. А притом!!! *(Довольный тем, что нашел выход)*. Мы примем Мусоргского на лечение, записав его в журнал регистрации «вольнонаемным денщиком ординатора Бертенсона»! *(Показал на Бертенсона)*.

Бертенсон. Но ведь он… великий композитор…

Главврач. Не волнуйтесь, мы только так запишем – никаким денщиком он на самом деле не будет! *(Улыбнувшись)*. Я же не думаю, что вы будете заставлять Мусоргского чистить вам сапоги…

Бертенсон *(повеселел)*. Что вы! Это я готов чистить ему сапоги! *(Приложил руку к сердцу)*. Спасибо вам, Николай Александрович! От всех нас – спасибо!

Главврач. Ну, это еще рано – благодарить… Давайте сначала выходим нашего больного… *(Твердо)*. Значит, так и решим: вы запишете Мусоргского

своим вольнонаемным денщиком и положите в ваше девятое отделение. Отведите ему отдельную палату, приставьте к нему сестру милосердия. Словом, сделайте все, как полагается, чтобы мы не ударили в грязь лицом. Палату выберите самую солнечную и в наиболее тихой части госпиталя – это тоже будет способствовать его излечению. Вы знаете, что делать, Лев Бернардович: в первую очередь сделайте полное обследование, а также введите строжайший режим насчет алкоголя. И подчеркиваю – в палате не должно быть других пациентов! Насколько я знаю, Мусоргский – очень впечатлительный человек: видя страдания больных людей, он быстро не поправится…

Бертенсон. Я все сделаю, как вы сказали, Николай Александрович!

Главврач. Вот и хорошо. *(Шутя)*. Поздравляю вас с новым денщиком, Лев Бернардович! *(Уже серьезно)*. Хоть на самом деле это вы будете у Модеста Петровича денщиком и ухаживать за ним придется именно вам – причем долго и терпеливо… Заболел он серьезно, судя по вашим словам…

Бертенсон *(грустно)*. Да, три припадка подряд – это очень серьезно… К тому же, у него высокая температура – он горит весь и время от времени даже бредит…

Явление 3

Просторная палата с высокими окнами. Под окном стоит стол, больничное кресло и несколько стульев. С противоположной стороны, под стеной, находится койка с тумбочкой. На койке лежит Мусоргский, одетый в больничную пижаму, и мечется в жару. Рядом сидит на стуле красивая девушка в белом халате и в белой косынке, завязанной сзади. Это – сестра милосердия Любаша. Перед ней, на тумбочке, рядом с какими-то лекарствами, стоит миска с водой. Сестра милосердия время от времени опускает в воду белую тканевую салфетку и ложит на лоб больному.

Мусоргский *(бредит)*. Щедрин… Салтыков-Щедрин… Он написал эту сатиру… Слышите?.. Они смеются!.. Надо мною смеются… Весь Петербург смеется… Весь Петербург…

Любаша. Успокойтесь, Модест Петрович… Вам нельзя волноваться!.. Посмотрите – здесь никого нет!..

В это время в палату входят Бертенсон и Стасов.

Любаша. Вот только Лев Бернардович пришел – ваш врач, а с ним ваш друг – Владимир Васильевич Стасов! Видите?

Мусоргский *(весь горит).* Кто пришел?.. Салтыков-Щедрин?.. Он принес свои «Недоконченные беседы», да? О, я знаю – это его сатира… Его, его… *(Поднимается с койки и дальше бредит, обращаясь то к Бертенсону, то к Стасову, но никого не узнавая).* «Вы пожаловали очень кстати, потому что Василий Иваныч здесь…

– Василий Иваныч? Кто же такой этот Василий Иваныч?

– Да что ж я! Я и забыл, что вы новичок! Вы знаете Мусоргского, Римского-Корсакова, Кюи – и думаете, что с вас этого будет! Но мы, батенька, – совсем другое дело! Мы так легко не удовлетворяемся! Мы не отдыхаем-с! Мы ищем, и находим-с! И находим – Василья Иваныча-с! Да-с! Василий Иваныч – это, доложу вам, своего рода аэролит-с! Бывает это! Бывает, что вокруг царствует полнейшее и гнуснейшее затишье – и вдруг словно камнем по лбу хватит! Это – Василий Иваныч!

– Да что за Василий Иваныч такой? Откуда ты его выкопал?

– Ну, нет! Это покуда еще секрет! Он у нас еще под спудом! Вот мы его сначала выдержим, вышлифуем, а потом и отдадим Ларошам на поругание!

– По крайней мере, покажешь ты его нам?

– Нет, и не покажу. Услышать вы его услышите, а видеть – ни-ни. Вот он у меня здесь, в этой комнате, рядом. С полчаса тому назад он позавтракал и теперь спит. Вообще он ведет удивительно правильную жизнь: половину дня ест и спит, другую половину – на фортепьяно играет. Представьте себе, он никогда никакой книги не читал, кроме моих критических статей!

– Но ежели он ничего не читал, то ведь умственный его кругозор…

– Должен быть ограничен, хочешь ты сказать? Я совершенно с тобою согласен. Но мы нашли его так недавно, что ничего еще не успели сделать для умственного его развития… До сих пор он поднял только один край завеса, он наблюдал только простые и несложные явления, но надобно видеть, с какою изумительною осязаемостью он их воспроизвел! Он скоро проснется! Вы услышите его! Вот он уже плюнул – верный знак, что скоро проснется! Слышите! Слышите! Кажется, он говорит!

– Да, а что?

– Он никогда, никогда не говорит! Это новость! Василий Иваныч, батюшка, что с вами?

– Му-у-у!

– Вот это – так! Он всегда выражает свои ощущения простыми звуками!.. Однажды он вдруг крикнул: «ЫЫ!» – и что бы вы думали? Сейчас же после этого сел за фортепьяно и импровизировал свою бессмертную буффонаду: «Извозчик, в темную ночь отыскивающий потерянный кнут»! *(Пошатнувшись, обессилено сел на койку)*. Да, да, он так и написал обо мне, Салтыков-Щедрин: я никогда ничего не читал и создал только буффонаду об извозчике… *(Взволнованно)*. А я читал – я много читал! Я написал «Бориса Годунова» по трагедии Пушкина и «Сорочинскую ярмарку» по повести Гоголя! У меня есть романсы и песни на стихи Байрона, Гейне, Гете, Кольцова, Некрасова, Островского, Шевченко… *(Заплакал)*.

Бертенсон. Не волнуйтесь так, Модест Петрович! Бог ему судья, Салтыкову-Щедрину! Поберегите себя, давайте я помогу вам лечь. *(Помогает Мусоргскому лечь)*. Вот так, хорошо… Лежите и ни о чем не думайте – вам нельзя волноваться…

Мусоргский *(опять пытается подняться)*. А этот Пороховщиков из Москвы?.. Он сказал Репину, что я – мусор, а всякий мусор сметать в картину не надо!..

Бертенсон *(удерживая Мусоргского)*. Забудьте про него – мало ли таких самодуров на свете? *(Повернулся к сестре милосердия)*. Любаша, давайте успокоительное…

Любаша быстро наливает в маленькую мензурку успокоительного и подает Бертенсону.

Бертенсон *(взяв микстуру, умоляюще)*. Выпейте это лекарство, Модест Петрович, – вам сразу станет легче… *(Приподнимает голову больного и подносит к его губам лекарство)*. Вот так… Ах, какой вы молодец… Хорошо, хорошо…

Выпив лекарство, Мусоргский успокаивается и вскоре засыпает. Любаша бережно накрывает его одеялом. Бертенсон подходит к Стасову, который все это время с волнением наблюдал за происходящим.

Бертенсон. Слава Богу, на этот раз обошлось без припадка, Владимир Васильевич. *(Грустно вздохнул)*. Но болен Модест Петрович серьезно…

Стасов. Он даже не узнал меня, Лев Бернардович!

Бертенсон. Это кратковременное помутнение. Обычно он узнает и меня, и сестру милосердия… Но температура у него по-прежнему очень высокая, и бредить он будет еще не раз…

Явление 4

Прошло две недели. В той же палате на койке сидит Мусоргский, рядом с ним на стуле расположился Бертенсон.

Бертенсон. Ну вот, две недели лечения – и вы уже можете подниматься с постели, Модест Петрович! Как вы себя сегодня чувствуете?

Мусоргский. Много лучше, Лев Бернардович! Много лучше! Голова – светлая, ноги – не подкашиваются, руки – не дрожат… Эх, было бы фортепьяно – я вам дал бы такой концерт! Вся больница в ваше отделение сбежалась бы!

(Виновато). Хоть я, наверное, в первые дни, в бреду, устраивал вам немало концертов… Правда?

Бертенсон *(улыбнулся)*. Было такое. Даже чертей вспоминали. Мы с Любашей только и слышали: «Владимир Васильевич, что мне делать с моими чертями? Во что мне их облечь? Во что мне их облечь?» Вам и вправду мерещились черти?

Мусоргский. Да нет! Это я, наверное, бредил своей «Сорочинской ярмаркой»! Когда я писал эту оперу, то наш generalissime, ну то есть Владимир Васильевич Стасов, помогал мне советами – как одеть моих главных героев, ну, и, конечно, Чернобога и его чертей!

Бертенсон. Вот оно что! А я все ломал голову: то ли вы разыгрываете нас, то ли вам и вправду черти мерещатся… А дело – в «Сорочинской ярмарке»! *(Облегченно вздохнул)*. Ну, слава Богу! Значит, вы еще о-го-го – вот подлечитесь и снова будете сочинять!

Мусоргский. Буду, Лев Бернардович, но не сразу. После работы одновременно над двумя операми – «Хованщиной» и «Сорочинской ярмаркой» – я чувствую себя очень усталым, и от такого перенапряжения у меня часто болит голова. Мне на время необходимо оставить и музыкальные занятия, и всякого рода сильную умственную работу…

Бертенсон. Это правильно. А еще вам хорошо бы… жениться, Модест Петрович… Да, да, жениться!.. Я знаю, вы считаете, что брак отрицательно сказывается на творчестве и что есть интересы повыше сердечных… Но сейчас вам как никогда нужен хороший уход!.. Вам надо вовремя питаться!.. Вас надо оберегать от волнений!.. Вам надо создавать уют!..

Мусоргский *(опустил голову)*. Какая жена, какой уют, Лев Бернардович?.. Я такой бедный, что уже десять лет не могу себе позволить нанимать пристойную квартиру и живу в дешевых меблированных комнатах… В последней гостинице даже кровати не было – только кресло и стол…

Бертенсон *(ошарашено)*. А где же вы спали?!

Мусоргский. В кресле и спал.

Бертенсон закрыл глаза рукой и на какое-то мгновение замер. Потом поднялся и, стараясь не показывать Мусоргскому своего волнения, положил ему руку на плечо.

Бертенсон *(сдавленным голосом)*. Отдыхайте, Модест Петрович. Много не ходите – вы еще очень слабы. Насчет фортепьяно ничего сказать не могу, но гитару я вам обещаю… *(Уходит)*.

Явление 5

Мусоргский стоит у окна. В палату входит Любаша с огромным свертком в руках.

Любаша. Модест Петрович, пора принимать лекарства!

Мусоргский. Любаша, не пугайте меня… *(Показывает на сверток)*. Это – новые лекарства?!

Любаша *(улыбнулась)*. Нет, это подарки для вас.

Мусоргский. Слава Богу, а я уже, было, подумал, что это столько новых лекарств мне приписали… А ну-ка, покажите эти подарки… *(Протягивает руку к свертку)*.

Любаша *(прячет сверток за спиной)*. Нет, нет, сначала – лекарства!

Сестра милосердия идет к тумбочке, кладет сверток на кровать и наливает в мензурку какую-то микстуру.

Мусоргский *(шутливо изображает обиженного)*. Вот она – женская забота: вместо подарков – микстура!.. И они еще хотят, чтобы я женился… Да никогда!!!

Любаша *(наливая микстуру)*. Модест Петрович, вы не правы… Забота о здоровье – это и есть самая важная забота! Потому что если нет здоровья, то никакие подарки не в радость…

Мусоргский. Это правда.

Любаша. Ну, тогда – пожалуйста! *(Протягивает ему лекарство)*.

Мусоргский подходит к Любаше, берет и выпивает микстуру, а потом торжественно возвращает сестре милосердия пустую мензурку.

Мусоргский. А теперь – подарки!

Любаша. Хорошо. Только сначала закройте глаза.

Мусоргский. Закрыть глаза? *(Показав на сверток, иронично)*. Там что – костюм для покойника?

Любаша. Я вам дам «для покойника»! Это русская вышитая косоворотка для русского композитора! Совершенно новая! Выглаженная! *(Достает из свертка косоворотку)*. Вот!

Мусоргский бережно берет косоворотку.

Мусоргский *(растроганно)*. Спасибо, Любаша… *(Прикладывает рубаху к своему лицу и вдыхает ее запах)*. Домом пахнет… Боже мой, как давно у меня не было новой рубахи… Кто это прислал?!

Любаша. Мальвина Рафаиловна…

Мусоргский. Жена Кюи?

Любаша. Да. Она же устроила вас и в наш госпиталь через свою подругу Ольгу Скальковскую – жену Льва Бернардовича…

Мусоргский. Золотая у нее душа, у Мальвины Рафаиловны… *(Целует косоворотку)*.

Любаша. Тут есть еще один подарок от нее – мужской халат! *(Подает Мусоргскому серый халат с малиновыми отворотами)*.

Мусоргский. И халат красивый!

Любаша. Это халат ее мужа… Но он совсем новый…

Мусоргский. Халат Кюи? *(Вдруг угас на лице)*. Который обвинил меня в самодовольстве? *(С болью)*. Он был моим другом! Мы с ним играли в четыре руки Бетховена и Шумана! Я ему песни посвящал! А он меня предал! Не нужен мне его халат! *(Отбрасывает от себя халат)*.

Любаша. Модест Петрович… так нельзя… *(Поднимает халат с пола)*. Цезарь Антонович тоже приходил справиться о вашем здоровье… Он говорил,

что очень сожалеет обо всем… Простите ему все… Пожалуйста… Надо прощать, слышите? Надо прощать… *(Протягивает халат Мусоргскому)*.

Мусоргский делает над собой усилие и берет халат.

Мусоргский. Хорошо, Любаша… Хорошо… Я ему прощаю… Я им всем все прощаю…

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 6

2 марта 1881 года. Николаевский военный госпиталь. В своем кабинете Л.Б. Бертенсон принимает И.Е. Репина и В.В. Стасова, которые пришли навестить больного друга. Врач сидит за рабочим столом, его собеседники – напротив него. Стасов держит на коленях плетеную кошелку с продуктами, накрытыми белой салфеткой. Возле Репина стоит ящик для красок и завернутый в ткань небольшой холст (70х60).

Стасов. Как он тут, наш Мусорянин, Лев Бернардович?

Бертенсон. Слава Богу, припадки у Мусоргского прекратились, Владимир Васильевич: спала высокая температура, и он больше не бредит, как это было вначале. Организм-то у него крепкий! Как только ему запретили вино, лечение сразу дало свои результаты – он поправляется, к нему вернулись силы и бодрый вид. Но воспаление спинного мозга – это серьезный диагноз… При таком заболевании он может прожить еще, пожалуй, год, а пожалуй, и день… Одно очевидно – сейчас ему лучше. Хотя это может быть только кратковременное улучшение, которое иногда наступает перед заключительной фазой болезни…

Репин. А сеансы ему не повредят? Я могу написать его портрет? *(Показал на холст и ящик с красками)*.

Бертенсон. Можете. За это не бойтесь, Илья Ефимович. Сейчас Мусоргскому может навредить только вино! Но сторожей мы строго предупредили, и в нашем госпитале Модест Петрович живет под строгим

режимом трезвости. И вообще, для него здесь созданы такие условия, каких у него давно не было…

Стасов. Это правда. В меблированных комнатах, где он в последнее время жил, всегда было тесно и холодно, а тут, в его палате, – просторно и тепло!

Бертенсон. Да, там недостает разве что фортепьяно. Зато я достал ему гитару, а Мальвина Рафаиловна передала вышитую косоворотку и красивый халат!

Репин. Это очень кстати, потому что мне не хотелось бы изображать Мусоргского в больничной пижаме…

Бертенсон. Не беспокойтесь, Илья Ефимович, вид у Мусоргского сейчас очень приличный. Благодаря своей обновке он даже взбодрился в последнее время – шутит, разыгрывает всех, поет… Боже мой, какой это обаятельный человек! *(Стасову)*. Почему он не женился, Владимир Васильевич? Мне кажется, в свое время за него пошла бы любая красавица, и тогда его жизнь сложилась бы совсем по-другому!

Стасов. Была у него любимая женщина, Лев Бернардович… Надежда Петровна Опочинина. Но она умерла 7 лет тому назад. Больше он так сильно никого не любил, а если и влюблялся, то о женитьбе даже мысли не допускал – считал, что это помешает его творчеству…

Бертенсон. Может, он был и прав. Творческому человеку всегда виднее, что ему помогает, а что – мешает… Только теперь, по-моему, Модест Петрович смотрит на это иначе – когда ни войдешь в его палату, он играет на гитаре и поет романсы о любви!

Репин *(грустно)*. Не слишком ли поздно он начал думать об этом?

Бертенсон. Конечно, поздно… *(Стасову)*. Владимир Васильевич, я знаю – вы тоже считаете, что женитьба мешает творчеству. Может быть, в этом действительно что-то есть. Но я прошу вас – не напоминайте сейчас Мусоргскому об этом…

Стасов. Что вы! Ни в коем случае! Боже сохрани!

Явление 7

Репин и Стасов входят в палату композитора. Мусоргский, одетый в вышитую косоворотку и халат Кюи, сидит на кровати спиной к двери и поет под гитару романс на слова Ф. Тютчева «Я встретил вас – и все былое»… Репин и Стасов, которых Мусоргский не видит, замирают у двери.

Мусоргский *(поет)*.

Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое –
И сердцу стало так тепло…

Как поздней осенью порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас…

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас как бы во сне, –
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне…

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, –
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

Мусоргский умолкает. На какое-то мгновение наступает молчание, а потом Стасов подчеркнуто оптимистично обращается к больному композитору.

Стасов. Ну, если больной поет песни о любви, значит, дело пошло на поправку! Здравствуйте, мой дорогой Мусорянин! *(Ставит на стол кошелку и идет к Мусоргскому с раскрытыми объятиями)*.

Мусоргский. Владимир Васильевич! Илья Ефимович! *(Бросается к друзьям, обнимает их)*. Вот так сюрприз – сам коренник Илья Репин ко мне пожаловал! Вы какими ветрами, Илья Ефимович?

Репин. Мы вчера открывали в Питере 9-ю Передвижную выставку, Модест Петрович!.. И вот сегодня поспешили к вам – я очень о вас волновался…

Мусоргский. Не волнуйтесь обо мне, коренник. Я – живучий! Три года тому назад со мной также приключилась какая-то странная болезнь. К концу ноября она разыгралась так сильно, что мой доктор приговорил меня только к 2-м часам жизни! А я живу уже третий год!!! Вот и сейчас все обошлось! Слава Богу, все обострения позади, и я никогда в жизни не чувствовал себя так хорошо, как теперь!

Стасов. Это видно по вашему репертуару… И в какую же красавицу вы влюбились, Модест Петрович?

Мусоргский. В сестру милосердия, конечно! В кого же еще можно влюбиться в больнице?!

Стасов. Ну, что ж, сестра милосердия – так сестра милосердия! Вы, главное, ни о чем не переживайте. Лечитесь, хорошо питайтесь, набирайтесь сил. Не забывайте – вместе с Репиным и Антокольским вы принадлежите к моей «удалой» тройке! И воз живописи, ваяния и музыки вам троим еще тянуть да тянуть…

Мусоргский *(бодро)*. Пристяжная лошадка готова, Владимир Васильевич!

Стасов. Тогда подкрепитесь перед будущими трудами. Смотрите – я вам целую кошелку продуктов принес! *(Подходит к столу и начинает выкладывать продукты из кошелки)*. Вот, пожалуйста, – пироги, варенье, мед, огурчики, селедочка, буженина…

Мусоргский. Закуска – что надо! А… бутылочку… принесли, Владимир Васильевич?

Стасов. А как же! *(Достает из кошелки темно-зеленую бутылку)*. Я все сделал, как вы просили! Пожелание великого композитора для меня – закон! *(Подает бутылку Мусоргскому)*.

Мусоргский. Вот спасибо! Это как раз то, что мне нужно!

Композитор берет у Стасова бутылку и, увидев, что в палату входит сестра милосердия Любаша, начинает быстро пить прямо из горлышка. Держа в руках лекарства, девушка замирает в оцепенении.

Любаша *(испуганно)*. Модест Петрович, вам же нельзя!!!

Мусоргский *(оторвавшись от бутылки, хитро)*. Почему это нельзя? Детям – можно, а мне – нельзя?! *(Берет стакан и наливает в него из бутылки молоко)*.

Любаша. Молоко… Опять разыграли меня, да? Это уже не первый раз! *(Стасову)*. Вы знаете, Владимир Васильевич, что вчера было? Захожу я в палату с лекарствами и вижу: на столе стоит бутылка, а наш больной, пошатываясь, слегка приплясывает и поет какую-то малороссийскую песню! Ну, все, думаю, не вытерпел наш композитор строгого режима! Привожу докторов, а Модест Петрович, допев свою песенку, раскланивается, как ни в чем не бывало, и говорит: «Концерт окончен, друзья мои! Извините, что нашумел – это я сцену из «Сорочинской ярмарки» репетировал…» «А бутылка-то зачем на столе?» – спрашивает Лев Бернардович. «Это театральная бутафория, – отвечает Модест Петрович. – Какая же ярмарка без этого зелья? Вот я пустую бутылку на стол и поставил». *(Повернулась к Мусоргскому, решительно)*. Все, больше вы меня не разыграете! Даже если станете пить настоящее вино – я вам не поверю!

Мусоргский *(довольно улыбнулся)*. Очень хорошо! *(Стасову)*. Владимир Васильевич, теперь можете смело приносить вино!

Любаша. Какое вино?! Только попробуйте! Вы теперь должны пить только лекарства! *(Сует Мусоргскому в руки какую-то микстуру)*.

Мусоргский. Какая же вы сейчас сердитая, Любаша… *(Тяжело вздохнув, выпивает лекарство)*.

Стасов. Заботливая…

Мусоргский. Так я же и говорю – заботливая… Ах, если бы не мои 42 года!.. Я женился бы на этой девушке – вот, ей-богу, женился бы!.. Молодая,

красивая, добрая… И к тому же – сестра милосердия! Все лечение – на дому! Не надо ложиться ни в какую больницу! А посмотрите на эти очаровательные глаза – они так и просятся на картину! *(С любовью и восхищением)*. Боже мой, какой портрет получился бы с нашей Любаши…

Любаша. Нет, нет, спасибо, не надо никакого портрета! *(Застеснявшись, быстро уходит)*.

Мусоргский. Ну, вот – застеснялась и ушла… Очаровательная девушка… А какая золотая у нее душа! Как она чутко относится ко мне! *(Умоляюще, Репину)*. Илья Ефимович, напишите ее портрет!

Репин *(переглянувшись со Стасовым)*. Сначала я напишу ваш портрет, Модест Петрович… *(Показал холст, который принес с собой)*.

Мусоргский *(растерянно)*. Мой портрет?.. Еще никто и никогда не рисовал мой портрет… Когда-то вы хотели написать меня на картине, Илья Ефимович… Но… вам тогда не позволили… А теперь… *(Отвел взгляд)*. Разве теперь я этого стою?..

Репин. Стоите, Модест Петрович! Вы всегда этого стоили! И я виноват, что раньше не сделал этого, – то в Париж на три года уехал, то – в Москву… *(Решительно)*. Но теперь я напишу ваш портрет! *(Умоляюще посмотрел на Мусоргского)*. Если вы, конечно, не против…

Мусоргский *(виновато)*. У меня такой вид…

Стасов. У вас нормальный вид: вышитая косоворотка, роскошный халат, здоровый и ясный взгляд! *(Показал на окно)*. А за окном – весна!.. И в комнате – море солнца и света!.. Это будет великолепный портрет, Модест Петрович, – он еще на теперешнюю Передвижную выставку попадет!

Мусоргский. Вы так думаете?

Стасов. Я уверен!

Явление 8

И вот уже художник рисует композитора. Репин сидит на стуле, держа холст на коленях и кое-как прислонив его к столу. Мусоргский, освещенный яркими лучами весеннего солнца, сидит в кресле напротив.

Репин. Вам удобно сидеть, Модест Петрович?

Мусоргский. Мне-то в кресле удобно, Илья Ефимович. Это вам неудобно работать без мольберта…

Репин *(рисуя)*. Ну, это еще терпимо – у меня и стул есть, и стол… А бывает так, что и сесть не на что, и прислониться не к чему… Но ничего, приспособляешься как-нибудь – такова уж судьба нашего брата-художника… Вот сейчас на 9-й Передвижной Василий Суриков выставил свое «Утро стрелецкой казни». Так знаете, как он его писал? Перегородил огромным холстом одну из комнаток в своей тесной квартирке и, чтобы охватить взглядом всю картину, смотрел на нее из соседней комнаты… Но разве ему это помешало? Нет! Он создал шедевр! Эта грандиозная картина производит на всех неизгладимое впечатление, она – наша гордость на этой выставке!

Мусоргский. «Утро стрелецкой казни»… Ведь это же продолжение моей «Хованщины»! Тот же бунт московских стрельцов, та же царевна Софья, тот же Петр! *(Грустно вздохнул)*. Хоть из госпиталя убегай, чтобы эту картину увидеть…

Репин. Еще увидите, Модест Петрович, всю 9-ю Передвижную выставку увидите – там есть что смотреть: портрет Боткина работы Крамского, «Аленушка» Васнецова, «В четыре руки» и «У мирового судьи» Владимира Маковского, «Пастушок со стадом» Савицкого, превосходные пейзажи Шишкина… Да разве все перечислишь? Выставка получилась великолепной – там много замечательных работ!

Мусоргский. А что вы дали на выставку, Илья Ефимович?

Репин. Я дал портрет Писемского и свою малороссийскую сценку «Вечорниці». *(Старательно рисуя)*. Украинские «вечорниці» – это русские посиделки, Модест Петрович. *(Хватился и виновато посмотрел на Мусоргского)*. Да что я вас просвещаю – вы же «Сорочинскую ярмарку» написали!

Мусоргский. И не только написал, но и по Украине с этой оперой прокатился! *(Засветился на лице)*. Ах, Илья Ефимович, какой подарок сделала

мне Дарья Михайловна Леонова позапрошлым летом… Она взяла меня с собой в концертную поездку по югу России, и мы выступали сначала в Полтаве, Елисаветграде, Николаеве, Одессе и Херсоне, а потом в Севастополе, Феодосии, Ялте и Ростове-на-Дону! Как нас тепло принимали! Какие овации нам устраивали! Особенно тамошней публике нравилось, когда Дарья Михайловна исполняла украинскую народную песню «Спать мені не хочеться» и мой «Гопак» на слова Тараса Шевченко *(напевает по-украински)*: «Ой гоп, гопака! Полюбила козака! Та рудого, та старого – лиха доля така!» А моя «Сорочинская ярмарка» вызвала в Полтаве и везде в Украине полнейшую симпатию – украинцы признали характер моей музыки вполне народным. Да я и сам убедился в этом, побывав на украинской земле. *(С восхищением)*. Боже мой, что это за страна! Пирамидальные тополя, как стражи великаны, стерегут дома, холмы и долины; хаты прячутся в роскошной зелени; вокруг тишина, спокойствие и необозримые поля… А что за очарование – вход по Днепру к Херсону, где в водной аллее исторических камышей, откуда в долбленых дубах налетали на турок лихие запорожцы, отражаются в зеркальной глади голубого Днепра большие деревья! Волшебство из волшебств! Я уже не говорю о самих украинцах и о том, какой это щедрый и поэтичный народ! *(Как бы по секрету)*. Знаете, Илья Ефимович, я заприметил в Малороссии одну особенность: там совсем не бранятся, дурных слов, а ни-ни не слышно, а кабачки приманивают к себе добрых путников оригинальными фонариками у входа: штофчик беленького стекольца и в нем свеча – деликатненько и до невозможности откровенно… Но главное, что мне запомнилось в Украине – это животворный воздух и несущаяся по полям песня… Боже мой, как там красиво поют! *(Поет)*.

Зелененький барвіночку,
Стелися низенько,
А ти, милий, чорнобривий,
Присунься близенько!

Зелененький барвіночку,
Стелися ще нижче!

А ти, милий, чорнобривий,
Присунься ще ближче!

(Торжественно посмотрел на Репина). Ну, как – получается у меня петь по-украински?

Репин. Как у настоящего парубка!

Мусоргский *(довольно)*. Эту песню я включил в «Думку Параси» из «Сорочинской ярмарки» и теперь опера почти готова! А знаете благодаря кому? Нашим петербургским украинофилам во главе с моим товарищем по Школе гвардейских подпрапорщиков Федором Ванлярским! Когда я лишился работы и Жемчужников, Балакирев, Стасов и другие добрые люди придумали заказать мне окончание «Хованщины» с постоянной платой 100 рублей в месяц, то мои друзья-украинцы решили доплачивать мне еще 80 рублей в месяц за окончание «Сорочинской ярмарки». Ну, я, разумеется, как человек совестный, сразу принялся за работу и уже почти все сделал – обе оперы дописал! *(С гордостью)*. Вот так, славный коренник! Тройка хотя в разброде, а все везет, что везти надо и «аз», в качестве пристяжной, тоже кое-где подтягиваю! Хотя, конечно, больше всего приходится тянуть вам, коренной Илья Ефимович… Ваши «Бурлаки» до сих пор во мне живут! А ваш «Протодьякон»? Да ведь это целая огнедышащая гора! Что за размах кисти, какая благодатная ширь! То ли вы еще напишете! Вези, коренник, устали не зная! Помните мое стихотворное послание вам?

Репин. Помню. Каждый куплет там кончался словами «Тащи, коренник, тащи»… Это письмо тогда выпросил у меня Владимир Васильевич – оно сейчас у него. *(С сожалением)*. Что хочешь делай – и забирать неудобно, и стихотворения жалко…

Мусоргский. Не волнуйтесь, Илья Ефимович, я вспомню это стихотворение и снова его вам запишу. Да еще, может, и нового чего добавлю. Обещаю!

Явление 9

5 марта 1881 года. Та же палата. Репин и дальше пишет портрет композитора. Мусоргский сидит, склонив голову, и о чем-то думает.

Репин *(оставил работу и озабоченно посмотрел на Мусоргского)*. О чем вы задумались, Модест Петрович? Вас что-то беспокоит?

Мусоргский *(поднял голову)*. Да вот сижу и думаю: закончу лечение, немного отдохну и снова начну что-нибудь крупное… Надо работать, надо дело делать! Но делать-то его можно только в нормальном настроении духа – в лихорадочном можно лишь трястись и тратить силы понапрасну… Поэтому надо придти в себя, успокоиться, собрать воедино все, что накопилось в мозгах и приниматься за работу… Тут главное – не гнать лошадей! Я ведь помню свою работу над «Хованщиной»… Мечешься, мучаешься, жилы из себя тянешь… Выработка идет изрядная, семь раз отмеришь, и один раз отрежешь: нельзя иначе – совесть не позволяет. Подчас рванешь, ан нет, стой! Внутренний повар говорит, что суп кипит, но на стол подавать рано – жидок будет… Ну, повар лучше меня свое дело знает: жду… Вот и теперь я – снова жду… И знаете кого? Емельяна Пугачева!

Репин. Вы задумали новую оперу?!

Мусоргский. Да. Еще одну народную драму хочется сделать – ох, как хочется!

Репин. И как она будет называться?

Мусоргский. «Пугачевцы»!

Репин. Опять Пушкин?

Мусоргский. Да, в основу либретто я хочу положить содержание повести «Капитанская дочка», но потом, надеюсь, добавлю в оперу и кое-что новое…

Репин. А Владимир Васильевич знает?

Мусоргский. Конечно. Наш generalissime уже подбирает для меня исторические материалы.

Репин. И вы уже что-то написали?!

Мусоргский. Нет. Пока ничего не написал, Илья Ефимович. Думаю много, но переносить это все на бумагу еще рано – пусть созреет, ведь с народной драмой нельзя шутки шутить…

В это время входит Стасов с кошелкой и какой-то книгой в руках.

Стасов *(на ходу)*. Нельзя, Модест Петрович, никак нельзя! Сначала надо собрать весь необходимый материал, переосмыслить его хорошенько, а уж потом браться за дело! *(Подойдя ближе)*. Ну, как вы тут, мои дорогие? Не голодаете, не скучаете без меня?

Мусоргский. Что вы, generalissime! Нас каждый день кто-нибудь да посещает! Позавчера приходили Бородин, Филиппов и Голенищев-Кутузов, а вчера – Римский-Корсаков с женой…

Репин *(рисуя)*. А потом была Александра Николаевна Молас и своим божественным голосом пела нам романсы Модеста Петровича и русские народные песни!

Стасов. Прекрасно! Кстати, о песнях! Модест Петрович, я вам принес сборник «100 русских народных песен», составленный и напечатанный Римским-Корсаковым четыре года тому назад. *(Показал книгу)*. Над серьезными материалами по истории пугачевского восстания вам сейчас все равно нежелательно работать – сначала вам надо хорошенько подлечиться и отдохнуть. А вот русские народные песни для оперы подбирать понемножку можно…

Мусоргский *(с гордостью)*. Так я уже давно это делаю, Владимир Васильевич! Еще несколько лет тому назад я записал от нашего литератора и путешественника Петра Ивановича Пашино четыре народные песни, и среди них была киргизская песня, которая очень хорошо подойдет для моей «Пугачевщины»! А теперь подберу русские народные песни – и отдельные партии можно будет начинать! *(Протягивает руку)*. Давайте книгу…

Стасов. Нет, нет, с книгой погодите, Модест Петрович! Садитесь с Ильей Ефимовичем за стол и покушайте сначала, а то скажете: запряг нас Стасов в свою тройку и гонит, голодных, во всю мочь!

Мусоргский *(стукнул себя по лбу)*. О Господи, я же совсем забыл! *(Репину)*. Илья Ефимович, я переписал вам стихотворение про нашу удалую тройку и коренника! Я сейчас принесу… *(Собирается идти за письмом)*.

Стасов. Модест Петрович, я вас умоляю – давайте стихотворения и песни отложим на потом! Садитесь за стол, пожалуйста. И вы тоже, Илья Ефимович. *(Начинает выкладывать на стол продукты)*.

Мусоргский *(подходит к столу)*. И то правда. Я-то сижу, ничего не делаю – мне-то ничего, а вот Илье Ефимовичу на голодный желудок работать тяжеловато…

Репин *(ставит портрет на кресло, на котором сидел Мусоргский)*. Не волнуйтесь, Модест Петрович. Во-первых, я не такой уж голодный. А во-вторых, писать ваш портрет – это огромное счастье, а не какая-нибудь тягость. Тем более, что с нами часто бывает Владимир Васильевич, а рядом с ним – ничего не страшно и совсем не тяжело! *(Садится за стол)*.

Мусоргский. А уж голодно – и подавно не бывает! *(Садясь, Стасову)*. Помните, generalissime, как вы подкармливали нас с Римским-Корсаковым, когда мы вдвоем нанимали комнатку в доме Зарембы на Пантелеймоновской улице?

Стасов. Конечно, помню! *(Репину)*. Ах, что это были за времена, Илья Ефимович! Я никогда не забуду того времени, когда они, еще юноши, жили вместе в одной комнате, и я, бывало, приходил к ним рано утром, заставал их спящими, будил их, поднимал с постели, мы пили вместе чай, закусывая бутербродами с швейцарским сыром, который они так любили… И тотчас же, после этого чая, мы принимались за наше главное и любимое занятие – музыку, начиналось пение, игра на фортепиано, и они мне показывали с восторгом и большим азартом, что ими сделано в последние дни!

Мусоргский. Да, это были чудные времена! Я тогда как раз сочинял и оркестровал польский акт «Бориса Годунова», а Николай Андреевич

заканчивал свою «Псковитянку»! *(Грустно вздохнул)*. А теперь я бездельничаю, и после нашего чая только Илья Ефимович сможет вам, generalissime, показать, как идет работа над моим портретом…

Стасов *(взволнованно)*. Я уже сам вижу этот чудо-портрет, мой дорогой Мусорянин… *(Репину, показав на портрет Мусоргского)*. Илья Ефимович, это – ваш новый шаг вперед! Я не преувеличиваю… Изумителен портрет Писемского, представленный вами на выставке, прелестна малороссийская сценка «Вечорниці», полная радости, света и бьющей ключом жизни, но портрет Мусоргского… Какое счастье, что теперь этот портрет есть на свете! Сходство черт лица и выражение – просто поразительны! Да, да, поразительны! И так считаю не я один! Вчера вечером ко мне заходили Бородин, Римский-Корсаков и Филиппов: все они в восторге от этого портрета – так он жизнен, так он похож, так он верно и просто передает всю натуру и характер Модеста Петровича! Посмотрите эти глаза: они глядят как живые, они задумались, в них отразилась вся внутренняя, душевная работа! Знаете, что я сейчас читаю в этих глазах? Те слова, которые мне написал Модест Петрович перед постановкой «Бориса Годунова»! *(Цитирует по памяти)*. «Да, скоро на суд! Весело мечтается о том, как станем мы на лобное место, думающие и живущие о «Хованщине» в то время, когда нас судят за «Бориса»… Бодро, до дерзости, смотрим мы в музыкальную даль, что манит нас к себе, и не страшен суд. Нам скажут: «вы попрали законы божеские и человеческие!» Мы ответим: «да!» и подумаем: «то ли еще будет!» Про нас прокаркают: «вы будете забыты скоро и навсегда!» ответим: «Нет, господа!» Ах, какой это был успех!!! Помните, Модест Петрович? В продолжение всего первого года, что «Борис Годунов» был на сцене, можно было встретить иной раз вечером близ Невы целые группы молодежи, которая возвращалась из театра и со страстным воодушевлением распевала хоры из этой глубоко народной и глубоко волнующей оперы!

Мусоргский. Я все помню, generalissime… Всю свою жизнь… Жаль, что от нее так уж немного осталось… Точно в «Песне ямщика»… Помните эту песню? *(Взмахнул рукой и запел)*.

Аль опять
Не видать
Прежней красной доли?
Я душой
Сам не свой,
Сохну, как в неволе.

А бывал
Я удал!
С ухарскою тройкой
Понесусь
И зальюсь
Песенкою бойкой!

Не кнутом,
Поведем
Только рукавицей –
И по пням,
По холмам
Мчат лошадки птицей!

Ни с слезой,
Ни с тоской
Молодец не знался –
Попевал
Да гулял…
Вот – и догулялся!

Уж дугу
Не смогу
Перегнуть как надо;
Вожжи врозь,
Ну хоть брось!
Экая досада!

Ночью, днем
Об одном
Тяжко помышляю,
Все по ней,
По моей
Лапушке страдаю!..

Повторяя последний куплет, Мусоргский вместо слов «Все по ней, По моей *Лапушке* страдаю!..» поет «Все по ней, По моей *Музыке* страдаю!..»

Ночью, днем
Об одном
Тяжко помышляю,
Все по ней,
По моей
Музыке страдаю!..

При этих словах Мусоргский теряет сознание и падает на пол. Репин и Стасов бросаются к нему.

Репин. Модест Петрович, что с вами?!

Стасов *(поворачивая Мусоргского на бок)*. Это – удар! Это снова – удар! Зовите врачей, Илья Ефимович!

Репин выбегает, и вскоре в палату вбегают Бертенсон, главврач и Любаша.

Явление 10

Кабинет Л.Б. Бертенсона. Портрет композитора стоит на стуле, прислоненный к его спинке. Репин нервно ходит по комнате, Стасов сидит напротив портрета Мусоргского и не сводит с него глаз.

Репин. Боже, как долго тянется время…

Стасов *(посмотрел на часы)*. Да, уже больше часа прошло. Наверное, он до сих пор не пришел в себя, наш бедный Модест Петрович…

Быстрым шагом в кабинет входит очень взволнованный Бертенсон со сложенным вчетверо листом бумаги в руке.

Стасов *(поднимается ему навстречу)*. Ну что, Лев Бернардович?!

Бертенсон *(с болью)*. Плохо, Владимир Васильевич… Очень плохо… Это – конец…

Репин. Мусоргский… умер?!

Бертенсон. Нет… Пока еще нет… Но мы сможем продлить его жизнь только на одну-две недели… А может, и того меньше – всего на несколько дней…

Стасов. И ничего нельзя сделать?!

Бертенсон. Ничего. Это было только временное улучшение. Теперь приступы возобновились и стали еще сильнее – болезнь вошла в заключительную стадию, и бедному Модесту Петровичу помочь уже невозможно… Нынче, в полубреду, он несколько раз повторил: «Там… в тумбочке… письмо… стихами… Репину, Репину…» Я посмотрел и нашел в ящике для бумаг только это письмо. *(Показал письмо)*. Думаю, оно вам, Илья Ефимович… *(Отдает письмо Репину)*. Простите, мне надо возвращаться в палату… *(Уходит)*.

Наступает тяжелое молчание. Репин смотрит на письмо, но не решается его прочитать. Наконец он протягивает письмо Стасову.

Репин *(сдавленным голосом)*. Прочтите вы, Владимир Васильевич, я сейчас не смогу…

Стасов берет у Репина письмо Мусоргского и с волнением развертывает сложенный вчетверо лист.

Стасов *(читает)*. Коренному Илье Репину от пристяжного Мусорянина. 5 марта 1881 года, Николаевский военный госпиталь, Санкт-Петербург.

Ты помнишь, как мы начинали?
Сюжеты свои сочиняли,
кто – песнь, кто – картину вез,
хотя и тяжел был воз…

О, как мы себя запрягали!
Как силы свои напрягали!
Неслись – и в мороз, и в зной!
Хоть был я – всего пристяжной…

В разброде давно наша тройка.
И воз мой теперь – эта койка!
Устал я, мой друг… Не взыщи…
Тащи, коренник, тащи…

Пусть грязь под колесами снова,
Пусть в упряжи нет пристяжного,
Пусть снедь твоя – постные щи –
Тащи, коренник, тащи…

За то же, что пот с тебя – градом,
Но нет меня в упряжи рядом,
За то, что посмел подвести –
Прости, коренник, прости…*

Занавес.

---

*Стихотворное послание Мусоргского Репину действительно было, но не сохранилось. Сам Илья Ефимович в 1927 году вспоминал об этом в письмах к А.Н. Римскому-Корсакову, сыну композитора, который после смерти отца готовил книгу с воспоминаниями о Мусоргском: «А то письмо, которое написано стихами, особо тонкой каллиграфией, которое хранилось, – у Дмитрия Васильевича? Каждый куплет стихов кончался: тащи, коренник, тащи, – я думаю, что оно хранится у Вас, в Публичной

библиотеке?» (Письмо от 31 мая 1927 года). «Тащи, коренник, тащи», – писал он ко мне. Ну какой же я коренник?!» (Письмо от 26 сентября 1927 года, сб. «Новое о Репине», с. 379).

Подобные стихотворные посвящения Мусоргский делал часто. Как отмечает А.А. Орлова в книге «Труды и дни М.П. Мусоргского. Летопись жизни и творчества» (М., Музгиз, 1963) в конце февраля 1872 года «М. написал «Сатирическую оду» на Н.А. Римского-Корсакова и на себя. Начало ее обращено к сестрам А.Н. и Н.Н. Пургольд:

«Эй вы, красные девицы,
Музыкантши и певицы…»

В конце такие строки:

«Но памятник себе воздвигнул он нетленный,
Бориса гордого прославил и вознес,
И труд его отныне незабвенный
Музыку русскую на славу превознес… и т.д.»

В книге Орловой приводится также «стихотворное послание М. к А.А. Голенищеву-Кутузову *(оно было отправлено 7 марта 1875 года. – В.Г.)*:

Мой милый Арсений,
Хоть я и не гений
Ни зла, ни добра,
А все бы хотел,
Чтоб к нам прилетел
Наш милый Арсений
Ласкающий гений, –
Иль в ночь, иль с утра».

Таким образом, автор драмы не погрешил против истины, когда воспроизвел стихотворное послание Мусоргского Репину в своей интерпретации.

***

Портрет Мусоргского работы Репина стал единственным прижизненным портретом композитора – Модест Петрович Мусоргский умер в Николаевском военно-сухопутном госпитале 16 марта 1881 года в 5 часов утра.

17 марта В.В. Стасов «около 5 часов дня… с панихиды Мусоргского» заехал на Передвижную выставку, «чтоб поторопить выставление портрета». А 18 марта 1881 года Репин писал Стасову из Москвы: «Сейчас прочел в «Русских ведомостях», что Мусоргский вчера умер!.. Посылаю 400 р., которые я получил за портрет его от П.М. Третьякова. Эти деньги употребите по Вашему усмотрению – на похороны или на памятник покойному Модесту Петровичу. Весь ваш Илья Репин».

Этот вклад Репина послужил началом для сбора средств в фонд памятника Мусоргского на его могиле.

«Портрет Стасова»

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Илья Ефимович Репин – русский художник.

Владимир Васильевич Стасов – искусствовед и критик.

Дмитрий Васильевич – юрист, брат В.В. Стасова.

Надежда Васильевна – первый директор Высших женских Бестужевских курсов, сестра В.В. Стасова.

Фредерико Мадрацо – испанский живописец, профессор Мадридской Академии художеств, директор музея Прадо.

Рикардо Мадрацо – молодой художник, его сын.

Сара – молодая красивая кубинка.

Мигель – моряк-капитан, ее муж.

Маттио – лакей в мадридском «Hotel d'Orient».

Пепа – служанка отеля.

Молодые художники из Мадридской Академии художеств.

Два гитариста из ресторана отеля.

Жители Мадрида.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Конец апреля 1883 года. Дрезден, ресторан отеля «Hotel de Saxe». Поздний вечер, Репин и Стасов ужинают в полном одиночестве и разговаривают.

Репин. Ох, и набегались мы сегодня, Владимир Васильевич…

Стасов. Вы устали, Илья Ефимович?

Репин. Не так, чтобы устал, но для одного дня пребывания в Дрездене – слишком много впечатлений: картинная галерея, королевский сад с музеем, Большой театр…

Стасов. И прекрасный обед на террасе над Эльбой! *(Как бы с укором)*. Вы очень широко все делаете и щедро платите, мой друг. Если и дальше так пойдет, то нам никаких денег не хватит…

Репин. Хватит – Третьяков, спасибо ему, очень щедро заплатил мне за «Крестный ход». Так что, получив свои честно заработанные десять тысяч, я могу себе наконец-то позволить не слишком экономить, путешествуя по Европе.

Стасов. Да, но, как и в Берлине, мы сегодня уже третий раз едим! И один раз даже пили кофе днем, чего со мною в путешествиях никогда раньше не случалось!

Репин. Это потому, что наряду с яркими впечатлениями нас сопровождают глубокие разочарования, и я хочу это компенсировать вкусной едой…

Стасов. Вы о Рафаэле и его Сикстинской Мадонне?

Репин. Да. От Сикстинской Мадонны я ждал большего, но она меня разочаровала – в фотографиях она производит больше впечатления. Все остальное искусство Рафаэля мне тоже кажется рассудочным, сухим и архаичным по форме…

Стасов. А я всегда вам говорил, что в этой скопческой итальянщине времен Ренессанса нет ничего живого! Вспомните хотя бы мертвецки каменное лицо коленопреклоненной святой Варвары перед Мадонной с младенцем! Святой Сикст еще смотрит на Мадонну то ли восторженно, то ли изумленно, а у Варвары хоть бы один мускул на лице шевельнулся! А картина того же Рафаэля «Святое семейство» в нашем Эрмитаже? Разве там не такие же безжизненные лица и безразличные взгляды?

Репин. Относительно Италии и Ренессанса, то тут я мог бы с вами поспорить – «Моисей» Микеланджело, например, меня когда-то в Риме просто поразил!!! Но что касается Рафаэля, то действительно: чем ближе я с ним знакомлюсь, тем больше он мне кажется не колоритным и не живописным художником. Формы его большею частью еще архаичны, цвета грубы, экспрессии натянуты… Конечно, надо сделать скидку на время и на традиции, но все равно грех так бездушно писать…

Стасов. Надеюсь, ваше разочарование Рафаэлем не омрачит нашу поездку?

Репин. Что вы, Владимир Васильевич! Ведь наше путешествие только начинается! Нас еще ждут Париж, Амстердам и Мадрид!

Стасов. Нас еще много чего ждет – все ваши самые яркие впечатления впереди, Илья Ефимович! Это очень хорошо, что вы нашли время ознакомиться с лучшими европейскими музеями. Я давно твердил, что вам необходимо теперь, в самые зрелые ваши годы, побывать в Мадриде и Амстердаме, повидать «Эзопа», «Шутов» и «Карлов» Веласкеса и «Ночной дозор» Рембрандта. Несколько лет тому назад мы вместе с Антокольским смотрели Рембрандта в Амстердаме и Гааге, и чуть на пол не сели от священного восторга! Думаю, что и у нас с вами ныне дух захватит!

Репин *(иронично)*. Только не так, как сегодня в театре…

Стасов. Здешняя опера меня тоже разочаровала… Я на «Кармен» зевал неимоверно от этой «легонькой» французско-итальянской музыки. Выручило только вступление последнего действия и испанские танцы – вот это уже была сущая прелесть!

Репин. Да, испанские танцы были просто изумительны! Хотелось бы еще раз на это посмотреть!

Стасов. В Мадриде наглядимся, Илья Ефимович. А в Германии следует хорошенько рассмотреть здешние достопримечательности и галереи.

Репин. Так не будет у нас больше такой возможности, Владимир Васильевич… В воскресенье и понедельник – один из трех наиважнейших праздников в году по всей Германии – Троицын день и Духов день: оба дня – все музеи закрыты!

Стасов. Значит, в Кассель ехать незачем. Может, прокатимся по Саксонской Швейцарии и посмотрим красоты природы?

Репин. Не люблю я этих «красот природы». Так же, как и вы. Тем более, что погода становится все сумрачнее и если пойдет дождь, то ничего хорошего мы не увидим…

Стасов. Что же мы будем делать? Так оба праздника и просидим в отеле без дела?

Репин. Почему без дела? Завтра с утра пораньше поднимемся, и я возьмусь писать ваш портрет! После нескольких больших музеев в Берлине и Дрездене мне очень большой аппетит пописать…

Стасов. Но вы меня уже писали, Илья Ефимович!

Репин. Так это было десять лет тому назад, после «Бурлаков на Волге»! А теперь будет – после «Крестного хода в Курской губернии»! Разве эта картина такого не стоит?

Стасов. Конечно, стоит! «Крестный ход» – достойный товарищ «Бурлакам»: та же сила, тот же огонь, та же правда и тот же поразительный талант!

Репин *(улыбнулся)*. Вот видите – ваш портрет хочет написать художник с «поразительным талантом», а вы еще отказываетесь…

Стасов. Что вы! Я не отказываюсь! Боже упаси!

Репин. Тогда ужинайте сытно, Владимир Васильевич, потому что завтра перекусывать будем по-быстрому – когда я работаю, то не люблю тратить время на продолжительные обеды.

Стасов. Ничего страшного. Это даже хорошо. После такого обжорства нам и следует немного попоститься! Ведь последние несколько дней мы объедались как на Пасху… И вообще прекрасно проводили время. А все потому, что наши мнения и вкусы почти постоянно во всем сходятся!

Репин *(виновато посмотрел на Стасова)*. Кроме одного – вы не любите спать при открытых окнах…

Стасов. А что тут любить – чихаешь 100 раз, пока уснешь!

Репин. Мы можем снимать отдельные номера…

Стасов. Еще чего! У нас такие чудесные беседы обо всем! Не разлучаться же нам по разным комнатам из-за такого вздора! И потом, у вас есть целый запас шапочек на этот случай, для ночи, – и шотландская, и голландская какая-то, и чепчик женский даже!

Репин. Вы хотите женский чепчик?

Стасов. Спасибо, я уже выбрал себе туркестанскую ермолку с премилым узором, и она меня вполне устраивает.

Репин. Вам и вправду холодно спать, Владимир Васильевич?

Стасов. Спать не холодно – вставать холодно! Но на этот случай у меня есть пальто!

Ужинают дальше.

Явление 2

Утро. Большая (с тремя окнами) комната в отеле. Стасов, закутанный в одеяло и с полотенцем на голове, еще спит. Кровать Репина уже застелена, его самого нет. Но вот Репин возвращается с чайником и едой в руках. Он оставляет все на столе, потом подходит к окну и закрывает его. Стасов просыпается, но продолжает лежать в постели.

Стасов. Вы меня удивляете, Илья Ефимович: на ночь вы окно открываете, а на день закрываете! Днем что – не нужен свежий воздух?

Репин. Так я потому и закрываю, чтобы холодный воздух, который зашел в комнату ночью, днем опять не вылетел в окно…

Стасов. Ну, тогда все логично. *(Высунул руку из-под одеяла)*. Боже, как холодно! Конец апреля, а ночи еще такие холодные… Будьте любезны, подайте мое пальто…

Репин *(подает Стасову большое черное пальто)*. Пожалуйста, Владимир Васильевич.

Стасов поднимается и быстро закутывается в пальто.

Стасов. Спасибо, Илья Ефимович. И за пальто, и за ермолку спасибо.

Репин. За какую ермолку? У вас же на голове только полотенце!

Стасов. Она у меня под полотенцем… *(Снимает с головы полотенце и ермолку)*. Попробовал я, было, спать в одной ермолке – холодно. Попробовал спать с одним полотенцем – тоже холодно. А в ермолке и с полотенцем – в самый раз! *(Поежился)*. Ну и холоду вы напустили…

Репин. Это ничего. *(Наливает в стаканы кипяток)*. Сейчас попьем чайку и согреемся. А потом – за работу!

Стасов *(садясь за стол)*. О, вы и про сладости не забыли!

Репин. А как же! Сегодня же – Троица! Хоть и католическая, но все равно! А какой же праздник без сладостей? А вот ветчинка, колбаска… Угощайтесь, Владимир Васильевич!

Репин и Стасов начинают завтракать, не прекращая разговора.

Стасов. Спасибо, Илья Ефимович. Но если по-честному, то теперь моя очередь вас угощать.

Репин. Зная вас, я уверен, что за этим дело не станет, – угощать вы умеете! Но сегодня на взаимные угощения время тратить некогда. Вот позавтракаем – и за портрет!

Стасов. Может, чуть позже? Пускай хоть немного комната прогреется – сейчас и вам будет зябко в руки, и мне будет холодновато сидеть в голландской рубашке, жилете и сюртуке…

Репин. Ну, мне не привыкать. А что касается вас, то зачем вам эти жилеты и сюртуки? Когда люди надевают официальные одежды, то и портреты получаются такие же официальные!

Стасов. Так что ж мне – так и позировать в ночной рубашке и в пальто?

Репин. Да! В ночной рубашке и в пальто! А что тут такого? И тепло, и удобно! Очень живой портрет получится! Я вас уверяю!

Стасов. Но как же это?..

Репин. А вот так! Вы помните, во что был одет Мусоргский, когда я писал его портрет в Николаевском военном госпитале? В обыкновенный больничный халат! А портрет ведь получился…

Стасов. Не то слово! Крамской, увидав этот портрет, просто ахнул от удивления!

Репин. Вот видите! Одежда тоже может не только украшать, но и портить человека. Причем, красивая одежда не всегда украшает, а плохая – не всегда портит… Часто бывает совсем наоборот: красивая – портит, а плохая – украшает. Как, например, Эзопа на картине Веласкеса, помните? Эзоп там одет в старый халат и опоясан остатком последней рубахи! И его образ от этого только выиграл. Потому что вместе с остротой ума, которая читается на его лице, эта ветошь и передает главную сущность этого баснописца и философа. А оденьте Эзопа в жилет и голландскую рубашку – что из него получится?

Стасов. Не знаю что, но – точно не Эзоп!

Репин. И я так думаю. *(Хитро посмотрел на Стасова)*. Так что вы предпочитаете одеть, Владимир Васильевич?

Стасов. Пожалуй, я останусь в ночной рубашке и в пальто…

Репин. Замечательно! Вы уже покушали?

Стасов. Да, Илья Ефимович! Большое спасибо, все было очень вкусно!

Репин. Тогда принимаемся за портрет.

Встав из-за стола, Репин начинает делать приготовления: заслоняет два окна шторами, а возле третьего, рядом с небольшой тумбочкой, ставит стул.

Репин. Вот на этом стуле вы и будете сидеть: сядьте, положите правую руку на тумбочку и смотрите прямо на меня.

Стасов. А как же вы будете работать? У вас же нет мольберта… *(Устраивается на стуле)*.

Репин. Не беспокойтесь, я как-нибудь пристроюсь. Все эти неудобства мне никогда не мешали. Портрет Мусоргского я ведь тоже писал, кое-как примостившись у столика, перед которым в больничном кресле сидел наш незабываемый друг. А тут у нас есть столбик для вешанья платья *(ставит перед собой вешалку)*, есть мой чемоданчик *(ставит под вешалкой чемоданчик)*, теперь на чемоданчик поставим холст *(ставит холст на чемоданчик и прислоняет его к вешалке)*. Вот мольберт и готов!

Стасов. Даже глазам не верится! Чудеса!

Репин тем временем садится на стул против Стасова и, поглядывая на собеседника, начинает быстро наносить на холст легкие контуры.

Репин *(старательно рисуя)*. Какие там чудеса?.. Обыкновенная смекалка. Мне часто приходится так приспосабливаться. Сел на что попало, пристроил холст на что-нибудь и пошла писать! А начнешь оглядываться на неудобства – все вдохновение пропадет! А еще желательно заканчивать работу в один-два сеанса. Тогда портрет получается целостнее. Поэтому наберитесь терпения, Владимир Васильевич, – писать будем сегодня весь день до вечера и еще завтра не меньше 5-6 часов.

Стасов. Моя больная поясница этого не выдержит, Илья Ефимович…

Репин. Не беспокойтесь – мы сделаем небольшие антракты и для обеда, и чтобы вы немного полежали. Я же не изверг какой-нибудь!

Стасов. Я знаю. По отношению к другим вы очень внимательны и заботливы. Но зато самого себя в своей мастерской вы постоянно истязаете изнурительным трудом!

Репин *(вздохнул)*. Это не потому, что я так хочу или мне это нравится – просто без этого самого изнурительного труда ничего путного не выходит…

Явление 3

Следующий день, три часа дня. Репин делает последние поправки на уже написанном портрете. Стасов все так же сидит у окна.

Репин. Вот ваш портрет и готов, Владимир Васильевич. Осталось только его подписать: «1883, Илья Репин, Дрезден». Вот и все! *(Рассматривает свою работу)*. Нет, пожалуй, еще не все… Вот тут *(показывает на холст)* надо еще немного тронуть кистью…

Стасов. Не мучьтесь больше, Илья Ефимович, – вы и так вчера 9 часов писали, и сегодня более 5 часов работаете!

Репин *(что-то старательно поправляет)*. Да, это была хорошая работа. Вчера вечером у меня даже грудь стала болеть…

Стасов. Еще бы – столько часов сряду писать, наблюдать и напрягаться! Я бы так никогда не смог! Как вы это выдерживаете?

Репин. Беру пример с древних, Владимир Васильевич. Микеланджело, например, писал свои фрески по 14 часов подряд, лежа на деревянных лесах под куполами! Вот это была сущая каторга! А я что? Разбил эти 14 часов на два дня и сижу на мягком стуле…

Стасов. Ну, я бы так не сказал! Ведь портреты обычно пишут за несколько сеансов – часа по 2 каждый сеанс, а иной раз даже и по 1 часу! Стало быть, за эти два дня вы провели если не 14 сеансов, то уж по крайней мере 7!

Репин *(рисуя)*. Да, пришлось малость поднатужиться… Зато не прерывалось мое вдохновение! К тому же не надо было каждый раз отыскивать, как вам сесть и как повернуться… *(Присматривается к портрету)*. Ну, вот и все! Можете встать и посмотреть.

Стасов поднимается со стула, подходит к портрету, смотрит на него и только покачивает головой. Репин с интересом наблюдает за его реакцией.

Стасов. Удивительный портрет, Илья Ефимович! Просто тузовый! Мне кажется, он не уступит портрету Мусоргского! У меня есть большая

фотография, снятая Болдыревым, так этот портрет в сто раз похоже и эффектнее!

Репин. Вы преувеличиваете, Владимир Васильевич…

Стасов. Нет-нет, я правду говорю, ни один еще мой портрет не был так похож! Он лучше всех фотографий, какие только с меня делали! Мне кажется, что сходство удивительное, но что мне уже не кажется, а что я наверняка знаю – это, что писан он мастерски, схвачен львиными хватками, и будет впоследствии одно из капитальных произведений какой-нибудь галереи!

Репин. Ну, не знаю… Я не хочу его никуда отдавать…

Стасов. А что же вы с ним будете делать?

Репин. Оставлю у себя в мастерской.

Стасов. Зачем?

Репин. Как напоминание о нашем совместном путешествии по Европе. И о 14 часах самого вдохновенного труда!

Стасов. Я не против. Вашу мастерскую посещают многие. Он там тоже будет, как в галерее. Но я думаю, что Третьяков вас уговорит продать ему этот портрет. Ведь он жизнью пышет, он огнем дышит! Боже мой, как вы угадали с моим черным пальто и с ночной рубашкой! Конечно же, в сюртуке и в жилете было бы совсем не то! Но почему вы не сказали, что моя ночная рубашка на груди немного раскрывается? *(Показывает на портрет)*.

Репин. Потому и не сказал, чтобы вы не вздумали поправиться! Ведь именно такие изюминки и придают портретам свежести и жизненности!

Стасов. Да, тут я совсем другой, чем на портрете 1873 года… Возможно, там было больше оживления, но зато теперь есть многое другое – выражение чем-то довольного, но и очень серьезного человека… А чем этот человек может быть доволен? Наверное, очень многим – и путешествием, и компанией, и писанием портрета, и более всего – нашими разговорами, которые все время тут самый первый сорт! Ну, что, Илья Ефимович, собираем вещи и двигаемся дальше? Ведь наша цель – Испания!

Репин. Конечно, но перед этим поедем в Амстердам.

Стасов. Да, да, сначала в Голландию к Рембрандту! Я хочу вам показать его «Ночной дозор». Это моя любимейшая его картина! А вдруг она вам не понравится? Это для меня было бы великим огорчением…

Репин. Не волнуйтесь, Владимир Васильевич. Я очень люблю Рембрандта. Так что мне не придется вас огорчать. Но что мы будем делать с вашим портретом? Он обязательно должен недели две просохнуть. Поэтому ни возить его с собой, ни отправить завтра в Россию мы не можем…

Стасов. Сделаем очень просто – оставим необходимую суму служащим отеля и попросим подержать его в какой-нибудь комнатке, куда мало кто ходит. А потом его отправят моему брату Дмитрию в Петербург.

Репин. Я согласен. Оставляем портрет в Дрездене и отправляемся дальше. Слава Богу, весна берет свое – и дальше будет теплее…

Стасов. И теплее, и интереснее, Илья Ефимович! Ведь нас ожидают Амстердам и Гаага, Милан и Венеция, Париж и, конечно, Мадрид!

Репин. Да, Испания – это моя давняя мечта. Я жду не дождусь, когда увижу в оригинале своего любимого Веласкеса! *(Вздохнул)*. Жаль, что я не знаю испанского языка…

Стасов. Это не беда – я хорошо знаю испанский, и все буду вам переводить!

Явление 4

22 мая, воскресенье, половина седьмого утра. Репин и Стасов уже в Мадриде. Одетые в легкие сюртуки, они только что приехали и, держа в руках небольшие саквояжи, входят в один из номеров отеля «Hotel d’Orient».

Стасов. Вот мы уже и в Мадриде, Илья Ефимович! Быстро время летит, да?

Репин. Очень быстро… Кажется, еще только вчера мы выехали из Петербурга, а уже позади и Дрезден, и Амстердам, и Париж…

В это время лакей Маттио вносит в комнату их увесистые чемоданы.

Маттио *(Стасову, по-испански)*. Сеньор, куда поставить ваши чемоданы?

Стасов *(тоже по-испански)*. Поставьте их у шкафа, пожалуйста.

Маттио *(поставив чемоданы, по-испански)*. Может вам еще что-то нужно, сеньор?

Стасов (*по-испански)*. Нет, спасибо. Вы можете идти. *(Дает ему чаевые)*.

Маттио (*по-испански)*. Благодарю вас, сеньор.

Маттио учтиво кланяется и уходит.

Репин *(посмотрел на часы)*. Полседьмого утра. Что будем делать, Владимир Васильевич?

Стасов. Немного отдохнем после дороги, потом выпьем чаю и отправимся в знаменитый музей Прадо, ради которого, собственно, мы сюда и приехали! *(Снимает верхнюю одежду)*.

Репин. Тогда надо чуточку полежать, потому что днем мы еще набегаемся и по Мадриду, и по музею. *(Тоже снимает сюртук и ложится на кровать)*.

В это время открывается дверь и в комнату входит молодая, стройная и очень красивая служанка Пепа с чистыми простынями в руках.

Пепа *(по-испански, виноватым голосом)*. Извините, сеньоры. Я не успела поменять постели.

Репин *(Стасову)*. Что она говорит?

Стасов. Она не успела поменять постели…

Репин. Хорошо, пусть меняет. *(Поднимается с кровати)*.

Стасов *(Пепе, по-испански)*. Пожалуйста, сеньорита, можете это сделать прямо сейчас.

Пепа *(по-испански)*. Благодарю вас, сеньор. Простите, я замоталась. Было очень много работы. Одни приехали, другие уехали… Как тут можно все успеть?

Стасов *(по-испански)*. Ничего, ничего. Мы подождем. *(Репину)*. Она говорит, что было много приезжих, и она замоталась.

Репин. Бедняжка…

Сняв с кроватей верхние покрывала, Пепа начинает менять постели.

Стасов *(оценивающе посмотрел на ее фигуру)*. А она красивая… Посмотрите, Илья Ефимович…

Репин. Да, эта испанка, пожалуй, даст фору всем немкам, голландкам и француженкам, которых мы за последние три недели встречали…

Репин и Стасов любуются служанкой и разговаривают.

Стасов. Почему же? Красивые голландки нам тоже попадались… Помните стройную белокурую наездницу из цирка-балагана в Гааге? Ее отличными ногами и коленами мы целый вечер любовались на представлении…

Репин. Эта мадридка намного красивее, Владимир Васильевич…

Стасов. Конечно, красивее! Вы только посмотрите на ее чудесное тело! Ведь это просто редкость. Какая прелесть ее спина, ноги, плечи…

Репин. Само совершенство… Даже в одежде она напоминает Венеру из картины Веласкеса «Венера перед зеркалом»… Вы помните эту его работу из Лондонской галереи?

Стасов. Конечно, помню. Я как сейчас ее вижу: обнаженная Венера лежит спиной к зрителю на шелковых простынях и смотрит в свое отражение в зеркале, которое поддерживает крылатый купидон…

Репин. А фоном для них служит красный бархатный занавес.

Стасов. Да.

Репин. Веласкес писал эту картину в Италии, между прочим…

Стасов. Но все равно, как истинный испанец, он воплотил в ней все очарование национального испанского типа женской красоты! *(С восхищением)*. Сколько в его обнаженной Венере грации, стройности, гибкости!!! *(Показывает на служанку)*. Эта девушка очень ее напоминает…

Репин *(любуется девушкой)*. Да, она замечательно сложена! Интересно, как ее зовут?

Стасов. Я сейчас ее спрошу. *(Пепе, по-испански)*. Сеньорита, скажите, пожалуйста, как вас зовут?

Пепа *(обернулась и улыбнулась, по-испански)*. Пепа. Меня зовут Пепа. *(Дальше меняет белье)*.

Стасов. Ее зовут Пепа.

Репин. Красивое имя… Как вы думаете, что оно означает?

Стасов. Не знаю… Может быть, это сокращенное от Пенелопа? Так звали жену Одиссея…

Репин. А что значит Пенелопа?

Стасов. Возможно, оно походит из «pene», что значит – веретено, нить… Пенелопа ведь долго ждала своего Одиссея и занималась рукоделием. Вот Гомер и подобрал ей соответствующее имя…

Репин *(и дальше восхищается испанкой)*. Очень красивая девушка… Если она еще и рукоделием занимается, то ей вообще нет цены!

Стасов. Ну, Илья Ефимович, вы меня удивляете… Зачем от женщины с такой божественной фигурой требовать еще и того, чтобы она сидела за пряжей?

Репин. И то правда…

Тем временем Пепа уже поменяла простыни и опять застелила кровати покрывалами.

Пепа *(взяв в руки узел с использованными простынями, Стасову, по-испански)*. Я уже закончила, сеньор. *(Показала на Репина)*. Ваш сын опять может прилечь.

Репин *(Стасову)*. Что она сказала?

Стасов. Она сказала, что вы опять можете прилечь. А еще она считает вас моим сыном…

Репин. Очень мило с ее стороны. В таком случае скажите ей, что вы – богатый русский промышленник и хотите женить своего единственного наследника на молодой красивой испанке…

Стасов. Э, нет, мой друг! Эту красавицу я вам одному на съедение не отдам!

Репин. Ну, тогда скажите ей, что я – просто ваш друг и самый обыкновенный художник, и попросите ее принести нам чаю. *(Ложится на кровать)*.

Стасов *(Пепе, по-испански, показывая на Репина)*. Сеньорита, это – мой друг и самый лучший русский художник Илья Репин *(поднял вверх перст)*. Он приехал посмотреть картины Веласкеса. А еще он очень устал с дороги и просит вас принести нам чаю.

Пепа *(по-испански)*. О, ваш друг художник! В нашем отеле часто останавливаются художники! Они рисуют такие большие, красивые картины и любят пить шоколад с корицей! У нас, в Мадриде, все пьют шоколад с корицей! Это очень вкусно! Хотите, я вам принесу?

Стасов *(Репину)*. Она говорит, что здесь часто останавливаются художники и что в Мадриде все пьют шоколад с корицей. Она может нам принести…

Репин *(садится на кровати)*. Боже мой, какой замечательный день у нас сегодня! Сначала – эта красавица, теперь – шоколад, а после завтрака нас еще ожидают картины Веласкеса! Сказка, а не путешествие!!! *(Стасову)*. Скажите нашей божественной Пенелопе, пускай несет шоколад вместо чая. *(Решительно поднимается)*. Пьем шоколад – и в музей!

Явление 5

Мадридский музей Прадо, большая светлая зала. Репин и Стасов стоят перед картинами Веласкеса: прямо перед ними – «Эзоп» и «Менипп», на втором плане – три портрета короля

Филиппа IV – «Портрет Филиппа IV с прошением в руке», «Конный портрет Филиппа IV», «Король Филипп IV на охоте».

Стасов. Вот и ваш любимый Веласкес, Илья Ефимович… *(Показывает на картины)*. «Эзоп», «Менипп», портреты короля Филиппа IV… Как они вам в оригинале?

Репин. Очень впечатляют! *(Показывает на «Эзопа»)*. Савва Иванович Мамонтов два года назад привез мне фотографию с головы «Эзопа» в натуральную величину. Теперь эта фотография стоит у меня в мастерской, и я наслаждаюсь ею… По фотографиям я знаю все вещи Веласкеса, но это не то, это слишком слабая передача этого гения колорита!!! Знаете, Владимир Васильевич, не доезжая еще Парижа, я думал, как я плохо делаю, что буду видеть сперва новое европейское искусство, в его совершеннейших образцах в Салоне, и потом поеду к маститому старцу Веласкесу, как он мне покажется бедным, старым, отсталым!.. А вышло совсем наоборот: после этого пошлого кривлянья недоучек и шарлатанов Веласкес – такая глубина знания, самобытности и блестящего таланта! Да, на этих его картинах чувствуется некоторая незаконченность, но, согласитесь, только напряжение глубокого творчества не позволяло ему холодно заканчивать детали; он погубил бы этот дар божий, который озарял его только в некоторые моменты; он дорожил им… И какое счастье, что он не записал их сверху, не закончил по расчету холодного мастера!!! Детали были бы, конечно, лучше, но зато общая гармония образа погибла бы, и мы этого не увидели бы никогда!

Стасов *(как-то даже ревниво)*. По-моему, ваше поклонение Веласкесу несколько перемахнуло через край…

Репин. Это потому, что выше этого живописца нет никакого другого, даже со включением Рембрандта, Владимир Васильевич!

Стасов. Это я с самого Амстердама от вас слышу… С тех пор, как вы довольно прохладно оценили его «Ночной дозор»…

Репин. Да, Рембрандт мне там, в Голландии, не особенно понравился, я ждал больше… У нас в Эрмитаже он лучше. А большие его, столь

прославленные вещи, мне не понравились – в них уже видна форсировка и стремление поразить эффектом зрителя. Вспомните, как в «Ночном дозоре» он колоритно разбавил темный фон двумя яркими желтыми пятнами: фигурой лейтенанта Виллема ван Рейтенберга и маленькой девочки в желтом платье! Великий Рембрандт погнался за эффектом! Это Рембрандту-то об этом беспокоиться!!!

Стасов. Вы приносите Рембрандта в жертву Веласкесу?

Репин. Да, приношу, хотя и очень люблю Рембрандта!

Стасов. Я тоже до страсти люблю Веласкеса, но никак не согласен ставить его уж чересчур высоко. Веласкес талант великий, но только по своей специальности… Лучшее, что он сделал – это портреты. И что же! Чьи портреты? Большинство портретов – все изображения королей, королевских детей, королевского двора, королевских шутов – и только. Да еще вдобавок, с кого, портреты! С идиота Филиппа IV!!! *(Загибая пальцы, перечисляет эти работы Веласкеса)*. «Портрет Филиппа IV в доспехах», «Портрет Филиппа IV с командным жезлом», «Конный портрет Филиппа IV», «Портрет Филиппа IV с прошением в руке», «Король Филипп IV на охоте»… Всего – почти полтора десятка портретов короля! Как он мог всю свою жизнь только с ним возиться?

Репин. А что ему оставалось делать? Ведь он с 24 лет и до конца жизни был придворным живописцем Филиппа IV! 37 лет при дворе! Ему и так надо отдать должное за картины из народной жизни! «Завтрак», «Прядильщицы», «Менипп», «Эзоп»… Разве это не гениальные произведения? *(Показывает на картины с изображением Мениппа и Эзопа)*.

Стасов. Гениальные. Тут я с вами согласен. Мне очень нравятся эти его два нищие античные мыслители… Вот, например, Эзоп. *(Подошел к картине «Эзоп»)*. Он стоит в разорванном на груди рубище, держит в руках растрепанную книгу и смотрит сверху вниз, как может только смотреть человек, которому уже ничего от жизни не надо… *(Перешел к «Мениппу»)*. А вот Менипп – тоже уже седой старик в широкой шляпе. Он глядит через плечо с иронической усмешкой и словно бросает на мир острый взгляд с высоты своего горького жизненного опыта… Это не просто образы – это символы! На

примере этих двух нищих философов Веласкес показал, что мудрецы всегда проходят сквозь жизнь в рубищах и слывут безумцами, но все равно отказываются от богатства и прихотей королей, чтобы сохранить свободу мысли и духа! *(Посмотрел на Репина)*. Кто из них вам ближе, Илья Ефимович?

Репин. Мне ближе Менипп с его иронической улыбкой… *(Показал на картину «Менипп»)*. Посмотрите, сколько на его лице ума и проницательности! Эзоп смотрит на мир уже как-то устало, а вот Менипп своего последнего слова еще не сказал! Я очень хотел бы его скопировать! Жаль, что надолго мы здесь задержаться не можем…

Стасов. Почему не можем? Останемся тут на недельку, и вы все скопируете! К чему вам торопиться? Ведь в другой раз вы не скоро попадете в Испанию. И никогда не только не будете писать этих вещей, но даже не увидите их!

Репин. Да, но что же вы будете понапрасну ради меня жить в Мадриде, где Вам ровно нечего делать, Владимир Васильевич?

Стасов. Об этом не беспокойтесь – я найду себе дело. Я как раз заканчиваю свое исследование «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени», и мне надо просмотреть вестготские рукописи. Вот я и стану ходить в библиотеку, пока вы будете копировать своего любимого Веласкеса.

Репин. Но в три часа библиотеку закрывают! Что вы потом будете делать?

Стасов. А я к четырем часам буду приходить сюда, чтобы что-нибудь вам читать, пока вы будете копировать.

Репин. Так в два часа и музей закрывают!

Стасов. Илья Ефимович, вы забываете, что вы путешествуете со мной! У меня солидные рекомендации из Публичной библиотеки, так что все двери для меня – открыты! К тому же, у ученых всего мира давно установлено дружеское общение с коллегами, даже с незнакомыми. Так что я все устрою. Завтра с утра мы сначала отправимся на улицу Санта Каталина в магазин художественных принадлежностей, и там вы закажете себе холсты. А потом пойдем на квартиру

к директору музея Фредерико Мадрацо, который даст вам билет на копирование в музее! Он сам замечательный художник, и я уверен, что он разрешит вам продолжать работу даже после закрытия музея!

Репин. До самого вечера?

Стасов. До темноты!

Явление 6

Один из последующих дней. Музей Прадо. Репин снимает копию с «Мениппа». За его спиной толпой стоят молодые художники из Мадридской Академии художеств: они тоже копировали картины Веласкеса, но бросили свои холсты и с восхищением наблюдают за работой русского художника. Через некоторое время по залам проходит служащий, звонит в колокольчик и объявляет, что музей закрывается. Молодые художники складывают свои мольберты и уходят. Репин остается один. В это время входят директор музея Фредерико Мадрацо, его сын Рикардо Мадрацо и Стасов.

Фредерико Мадрацо *(по-испански)*. Как ваши дела, сеньор Репин? Студенты нашей Мадридской Академии художеств вам не мешают?

Стасов. Илья Ефимович, сеньор Мадрацо интересуется, не мешают ли вам студенты академии?

Репин *(помогая себе жестами)*. Нет, нет! У меня все в порядке, сеньор Мадрацо! Я очень доволен условиями и сердечно благодарю вас за то, что вы разрешили мне скопировать эту гениальную картину Веласкеса! *(Показывает на «Мениппа»)*.

Стасов переводит слова Репина директору музея. Фредерико Мадрацо и его сын в это время с восхищением рассматривают копию.

Фредерико Мадрацо *(по-испански)*. Редкостная копия! Правда, Рикардо?

Рикардо Мадрацо *(восторженно, по-испански)*. Самая лучшая из всех, что я когда-либо видел!

Стасов *(Репину)*. Сеньору Фредерико и сеньору Рикардо очень нравится ваша работа. Это лучшая копия из всех, что им приходилось видеть!

Фредерико Мадрацо *(дальше восхищается, по-испански)*. Я в восторге и от твердости кисти, и от верности рисунка, и от необыкновенной потрафленности краски! Не удивительно, что наши молодые художники бросают свои холсты и целыми днями наблюдают за работой живописца из России! *(Стасову)*. Скажите своему другу, сеньор Стасов, что он – великий мастер! Мы восхищаемся его мастерством и если уходим то только потому, что не хотим ему мешать! Вы можете работать до вечера, как и раньше!

Фредерико Мадрацо и его сын почтительно кланяются и уходят.

Репин. Что сказал господин директор, Владимир Васильевич?

Стасов. Он в восторге от твердости вашей кисти, от верности рисунка и от необыкновенной потрафленности краски! И не удивляется, что студенты академии целыми днями толпятся вокруг вас! А еще он просил передать вам, что вы – великий мастер и они восхищаются вашим мастерством! Вы можете работать до вечера, как и раньше!

Репин. Из уст соотечественников великого Веласкеса, да к тому же тоже талантливых художников – это приятная похвала.

Стасов. Мне тоже очень нравятся сделанные вами копии, Илья Ефимович. Хотя я копий и недолюбливаю, так же как Василий Верещагин, но надо сказать, что вы их сделали удивительные. Да ведь как быстро, просто глазам не веришь. «Карлика» Веласкеса, на котором я особенно настаивал, вы сделали в два дня, а голову и бюст «Мениппа» – в один день!

Репин. Это потому, что здесь очень приятно работать! Никогда еще я с таким восхищением не стремился каждое утро в музей, как здесь!.. Но и музей же в Мадриде!!! Где еще можно так изучить Веласкеса и Тициана? А потом – вы мне такие замечательные книжки здесь читаете, что я не успеваю оглянуться, как пролетает день! Что вы принесли на этот раз, Владимир Васильевич?

Стасов. Сегодня я принес книгу по теме вашей копии *(показывает книгу)* – Диоген Лаэртский «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». Тут как раз есть о Мениппе!

Репин. Замечательно! Тогда ложитесь на свою любимую бархатную скамейку и начинайте читать.

Стасов. Сначала я почитаю сидя. Слушайте…

Репин снимает копию, а Стасов садится на длинную бархатную скамейку и раскрывает книгу.

Стасов *(читает)*. «Одни философы называются физиками, за изучение природы; другие – этиками, за рассуждения о нравах; третьи – диалектиками, за хитросплетение речей. До Архелая включительно существовал только один род – физика; от Сократа… берет начало этика; от Зенона Элейского – диалектика. В этике существует десять школ, и одна из них – киническая… Основателем кинической школы является Антисфен Афинский… Сперва он учился у ритора Горгия. Потом примкнул к Сократу. Переняв его твердость и выносливость, и подражая его бесстрастию, он этим положил начало кинизму.

Мнения его были вот какие. Человека можно научить добродетели. Добродетель проявляется в поступках и не нуждается ни в обилии слов, ни в обилии знаний. Он говорил, что, как ржавчина съедает железо, так завистников пожирает их собственный нрав. По его словам, государства погибают тогда, когда не могут отличать хороших людей от дурных. И – лучше сражаться среди немногих хороших людей против множества дурных, чем среди множества дурных против немногих хороших.

Он говорил, что в дорогу надо запасаться тем, чего не потеряешь даже при кораблекрушении. Однажды ученик пожаловался ему, что потерял свои записи: «Надо было хранить их в душе», – сказал Антисфен». *(Оторвался от чтения)*. Дальше Диоген Лаэртский пишет, что среди учеников Антисфена особо выделялись Диоген Синопский и Менипп…

Репин. Это тот Диоген, который жил в бочке?

Стасов. Да. Про него тут написано, что *(дальше читает из книги)* «желая всячески закалить себя, летом он перекатывался на горячий песок, а зимой обнимал статуи, запорошенные снегом… Он удивлялся, что грамматики изучают бедствия Одиссея и не ведают своих собственных; музыканты ладят струны на лире и не могут сладить с собственным нравом; математики следят за солнцем и луной, а не видят того, что у них под ногами; риторы учат правильно говорить и не учат правильно поступать…

Он один хвалил рослого кифареда, которого все ругали. На вопрос, почему он это делает, он ответил: «Потому что, несмотря на свои возможности, он занимается кифарой, а не разбоем». Некоторые относят к нему и такой случай: Платон, увидев, как он моет себе овощи, подошел и сказал ему потихоньку: «Если бы ты служил Дионисию, не пришлось бы тебе мыть овощи»; Диоген, тоже потихоньку, ответил: «А если бы ты умел мыть себе овощи, не пришлось бы тебе служить Дионисию».

Таковы жизнеописания киников. Мнение их таково, что жить нужно в простоте, есть в меру голода, ходить в одном плаще; богатство же, славу и знатность они презирают».

Репин. Это написано на лице Мениппа! Как тонко передал все это Веласкес! Тут все киники сразу! И Антисфен, и Диоген, и Менипп! *(С сожалением)*. Господи, почему я не философ?!

Стасов. Вы серьезно?

Репин. Конечно!

Стасов. Ну, это вы напрасно… Живопись стоит значительно выше философии… Во всяком случае, так считал Леонардо да Винчи… Знаете, что он писал по этому поводу? *(Цитирует по памяти)*. «Живопись распространяется на поверхности, цвета и фигуры всех предметов, созданных природой, а философия проникает внутрь этих тел, рассматривая в них их собственные свойства. Но она не удовлетворяет той истине, которой достигает живописец самостоятельно обнимающий первую истину этих тел, так как глаз меньше ошибается, чем разум».

Репин. В этом что-то есть…

Стасов. И это еще не все! Леонардо да Винчи вообще ставил портретное изображение очень высоко и считал, что в этой области с живописцами никто сравниться не может! «Выбери поэта, – писал он, – который описал бы красоты женщины ее возлюбленному, и выбери живописца, который изобразил бы ее, и ты увидишь, куда природа склонит влюбленного судью».

Репин. С этим я тоже согласен.

Стасов. Тогда нарисуйте мне какую-нибудь красивую испанку, Илья Ефимович. Потому что вам в память об Испании останется эта изумительная копия «Мениппа». А мне что?

Репин. Хорошо, Владимир Васильевич. Завтра же и начнем подыскивать подходящую модель. Какие женщины вам больше всего нравятся?

Стасов. Что значит «какие»? Наши вкусы на женщинах полностью совпадают – тонкая талия, широкие бедра и высокая грудь!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 7

Утро следующего дня. Репин и Стасов уже поднялись, оделись и застилают свои кровати.

Репин. Вам сегодня не холодно было спать при открытом окне, Владимир Васильевич?

Стасов. Ну что вы! Какой может быть холод в конце мая? Тут теперь другая проблема, Илья Ефимович, – испанки вечером выходят погулять, потому что днем опасаются загореть от солнца, а их кавалеры ходят за ними с гитарами и всю ночь поют серенады. Я полночи ворочался, пока уснул!

Репин. Надо было будить меня – мы нарядились бы в самые лучшие костюмы и отправились бы искать для вас красивую модель…

Стасов. Модель сейчас сама придет: принесет нам шоколад с корицей.

Репин. Пепа? Вы хотите, чтобы я нарисовал для вас Пепу?

Стасов. Это уже зависит от вас, Илья Ефимович, потому что рисовать будете вы. А значит, вы сами и должны выбрать модель, которая вас вдохновляла бы… Пепа вас вдохновляет?

Репин. Когда я смотрю на нее как на женщину – да, но когда она как служанка вечно забывает то поменять постели, то убрать комнату – нет…

Стасов. Да, это за ней водится. Как и за остальными служащими и даже хозяевами отеля! Испанцы – самый добрый и радушный народ, но в быту – они неимоверные младенцы! На каждом шагу тут нехватки, забывания, недочеты! Я уже и не сержусь на них, а смотрю на все это с умилением. Каждый мадридец – точно малый ребенок: того не поймет, другое забудет, иное испортит, и так без конца…

В это время Пепа вносит поднос с чашками шоколада и печеньем.

Пепа *(по-испански)*. Доброе утро, сеньоры. Я принесла вам шоколад. *(Поставив поднос на стол, начинает выставлять чашки и тарелки на скатерть)*.

Стасов *(Пепе, по-испански)*. Спасибо, сеньорита. Вы очень заботливы! *(Репину)*. Вот видите, она – сама старательность!

Репин. Да. Только сахар опять забыла… *(Показывает на стол)*. Как по-испански «сахар»?

Стасов. **(называет)**.

Пепа *(по-испански, сплеснув руками)*. Ой, извините, сеньоры! Я забыла сахар! Боже, как же это? Подождите минутку – я сейчас принесу! *(Убегает)*.

Стасов. Она сказала, что сейчас принесет.

Репин. Очень хорошо. *(Иронично)*. А я уже думал, что она убежала на корриду…

Стасов. Ах, да, сегодня же коррида, самое важное для испанцев событие! Они жить без нее не могут! У них даже многие сравнения повязаны с корридой! Когда, например, вы делали копии с картин Веласкеса и молодые художники удивлялись быстроте и необыкновенной верности мазков вашей кисти, один из

них мне сказал: «Ваш друг – великий мастер, сеньор. Он такой верной, привычной рукой сажает мазки своей кисти, свои контуры света, тени и краски, какою всаживает быку в затылок свою шпагу на Corrida de toros какой-нибудь знаменитый здешний матадор!”

Репин. Интересное сравнение. Надо пойти и посмотреть, как они это делают. Сходим, Владимир Васильевич?

Стасов. На корриду? Нет, я не пойду – не люблю крови.

Как раз возвращается Пепа с сахаром в руке.

Стасов. Вот сладости – совсем другое дело!

Пепа *(по-испански)*. Сеньоры, я принесла вам сахар. *(Идет к столу)*.

Репин*(оценивающе провел ее взглядом)*. Да, тут много сладостей…

Стасов. Так вы напишете ее для меня?

Репин. Я не против. Но только после корриды.

Пепа *(услыхав слово «коррида», по-испански)*. О, коррида! Сегодня у нас коррида! Ла фиеста националь! Сеньоры, вы обязательно должны увидеть корриду! Это такое волнующее зрелище – матадоры, пикадоры, шпаги, мулеты, лошади, быки! Обязательно сходите, сеньоры! *(Уходит)*.

Репин. Что она сказала?

Стасов. Она сказала, что мы должны обязательно сходить на корриду. Это очень волнующее зрелище: матадоры, пикадоры, шпаги, мулеты, лошади, быки…

Репин. Вот видите!

Стасов. Ничего я не вижу. И видеть не хочу! Может быть, для кого-то это и приятное зрелище, а для меня – кровавое и тяжелое. Я вообще не понимаю – что может быть привлекательного в убийстве беззащитного животного?! *(Умоляюще)*. Не ходите туда, Илья Ефимович…

Репин *(отмахивается)*. Э, ничего! Мало ли что я видывал на своем веку! У меня дядя торговал быками и телятами – так я в продолжение всего детства поминутно видал, как бьют у нас дома и режут быков, телят и свиней… Так что

на кровь я насмотрелся! Тем более, что меня привлекает не сам бой быков, а тот костюмированный маскарад, который ему предшествует – экипажи с аристократами, которые едут на корриду в национальных испанских костюмах, в куртках с золотом и серебром, в кружевах черных и белых, лошади в старинных сбруях с кучерами-испанцами. Это ужасно национально, а мне смерть хочется посмотреть испанские народные нравы! Как можно такое пропустить?

Стасов. Ну, как хотите. Только чтобы потом не жалели…

Репин. Да что вы, Владимир Васильевич! Это ведь «национальное празднество» в Испании! Я потом буду жалеть, если пропущу его! *(Уже спокойнее)*. Все будет хорошо, не волнуйтесь за меня. Давайте пить шоколад.

Явление 8

Вечер. Стасов лежит на кровати и читает какую-то книгу. В комнату, держась за голову и даже слегка пошатываясь, входит Репин (видно, что он чем-то потрясен). Следом за ним идет Пепа и сочувственно качает головой. Увидев друга в таком состоянии, Владимир Васильевич срывается с постели.

Стасов. Что случилось, Илья Ефимович?! Вы не ранены?!

Репин. Нет, нет, я цел и невредим… Не беспокойтесь, Владимир Васильевич… *(Бессильно садится на кровать)*. Мне только немного не по себе. Вы были правы: коррида – это очень жуткое зрелище. Я до сих пор не могу забыть, как бедные, почти умирающие лошади пикадоров наступали на свои вывалившиеся кишки и внутренности после того, как их брюха были вспороты рогами быков. А в это время толпа в 20 000 людей этому с бешенством аплодировала! Никогда нигде на свете я не видел большего возбуждения толпы, как на бое быков. Толпа ревела, как море. Ладони трещали, как митральезы, и оскаленные зубы на загорелых рожах представляли живой ад! И, что самое тяжелое, всюду была кровь – на лошадях, на быках, на арене… Как ни противно было, я досидел до конца. Но вспоминать это я всегда буду с отвращением и омерзением. Как можно терпеть эту гнусную кровожадность?

Это позор для человечества! Ах, зачем я вас не послушался? Даже голова разболелась…

Стасов. Вам надо успокоиться, Илья Ефимович. Я попрошу Пепу принести воду и полотенце: вы положите компресс, полежите немного, и все пройдет. *(Пепе, по-испански)*. Сеньорита, принесите, пожалуйста, воду и полотенце. Моему другу плохо…

Пепа *(сочувственно, по-испански)*. Бедненький… Я сейчас все принесу, сеньор. *(Уходит)*.

Репин. Что она сказала?

Стасов. Она вас пожалела.

Репин. Да? Лучше бы она пожалела убитых лошадей и быков!

Стасов *(развел руками)*. «Национальное празднество». Ничего не поделаешь.

Репин. Какое там празднество?! Это же настоящий кошмар! И что хуже всего – этот кошмар устраивают те самые испанцы, которых я за минувшую неделю успел полюбить как больших, простодушных, добрых и наивных детей!..

Стасов. Дети тоже любят шалить…

Репин. Я бы их выпорол за такие шалости! Боже мой, какой позор для человечества – это публичное торжественное убийство быков шпагами, а лошадей – рогами быков!

Стасов. Забудьте это, Илья Ефимович. Сейчас мы приложим холодный компресс, и вам станет легче.

В это время Пепа приносит воду в небольшом тазике, ставит его на стол, а сама становится рядом, держа в руке полотенце.

Пепа *(по-испански)*. Пожалуйста, сеньоры, вот вам вода и полотенце.

Стасов *(Пепе, по-испански)*. Спасибо, сеньорита. Вы очень добры.

Стасов подходит к столу, берет у Пепы полотенце, опускает один его край в воду и, сразу же вынув, недовольно бросает на стол.

Стасов. Ну вот – она принесла теплую воду…

Репин. С ума сойти можно!

Стасов *(Пепе, по-испански)*. Сеньорита, зачем вы принесли теплую воду, если для компресса нужна холодная вода?

Пепа *(виновато, по-испански)*. Я думала, что сеньор хочет умыться… На корриде так пыльно – песок на арене, испуганные лошади, разъяренные быки…

Репин. Что она сказала?

Стасов. Она подумала, что вы хотите умыться после тех столбов пыли, которые поднимались над ареной из-под копыт лошадей и быков.

Репин *(с досадой)*. Железная логика…

Стасов. Конечно, железная! Она ведь – испанка! А когда испанец возвращается с корриды, ему не нужен никакой компресс, а надо просто умыться…

Репин *(с легкой иронией)*. Ну, тогда не будем разочаровывать эту милую испанку – мне надо просто умыться!

Репин поднимается с кровати, подходит к столу, умывается, вытирается сухим краем полотенца и кладет его обратно на стол.

Репин. Пойдемте ужинать, Владимир Васильевич. А нашу прелестную модель попросите убрать в комнате до нашего возвращения.

Стасов *(Пепе, по-испански)*. Сеньорита, мы пойдем ужинать, а вы уберите тут, пожалуйста.

Пепа *(по-испански)*. Конечно, конечно, сеньор! *(Начинает убирать)*.

В это время открывается дверь и на пороге появляется Маттио.

Маттио *(по-испански, приложив руку к груди)*. Простите, сеньоры. Там одни жильцы выехали, а другие приехали – надо, чтобы Пепа срочно поменяла постели…

Стасов *(по-испански)*. Мы не против. *(Пепе, по-испански)*. Только не забудьте убрать и нашу комнату, сеньорита.

Пепа *(по-испански)*. Не волнуйтесь, сеньор. Я скоро вернусь, и все здесь уберу. *(Уходит вместе с Маттио)*.

Репин. Куда она ушла?

Стасов. Ее срочно позвали поменять постели для новых жильцов. Но она скоро вернется и наведет здесь полный порядок.

Репин. Я надеюсь, что так оно и будет. Пойдемте уже в ресторан.

Явление 9

Репин и Стасов идут в ресторан и по дороге разговаривают.

Репин *(с досадой)*. Как хорошо у нас все складывалось, Владимир Васильевич, – экскурсии по Мадриду, знакомство с музеем Прадо, копирование с картин Веласкеса! И угораздило же меня пойти на эту проклятую корриду – она мне все впечатление от поездки испортила!

Стасов. Не расстраивайтесь, Илья Ефимович. Вы увезете отсюда замечательные копии с картин Веласкеса – и они всю жизнь будут вам напоминать о многих приятных часах, проведенных когда-то в Мадриде. Ведь копии – гениальные! Когда мы снесли их в тот магазин, где заказывали холсты и брали кисти, чтобы сделать ящик и привинтить внутри копии, то старик, хозяин магазина, сказал мне a part: «Хорошие, хорошие копии! Таких тут никто не делает. Он из наших, не из чужих. Сколько у меня их прошло через руки! Особенно копия с «Мениппа». Мастерски, мастерски, нечего сказать!»

Репин. Ну, сделать копию с чужой картины не так уж и сложно. Вот свою картину хорошо написать – это другое дело.

Стасов. Так напишите еще и свою – вы же обещали нарисовать мне красивую испанку!

Репин. Но где же ее взять? *(Вздохнул)*. Пепа меня больше не вдохновляет…

Стасов. Ну, и Бог с ней! Разве тут мало прелестных испанок? Слышите музыку из ресторана? Это уж наверняка кто-то нанял гитаристов сыграть его возлюбленной какой-нибудь романс!

Вслед за этими словами Стасова они входят в ресторан и видят, что за одним из столиков рядом с мужчиной в морской форме сидит очаровательная женщина лет 25, а за ее спиной играют на гитарах два испанца в народных костюмах.

Стасов. Ну вот! А что я вам говорил!

Репин и Стасов садятся за столик напротив и начинают внимательно рассматривать эту красавицу. Она в черном платье и вся в золоте: у нее большие золотые серьги в ушах, золотой браслет на руке, большой золотой крест на золотой цепи на груди, кольца на пальцах.

Стасов. Посмотрите, какая красавица, Илья Ефимович: прекрасное личико, чудесные черные густые волосы, завитые шапкой на голове и затылке, большущие глазища с огромными ресницами, маленькие белые руки…

Репин. Просто прелесть!

Стасов *(вздохнул)*. Одна беда – немножко толстушка, а должно быть, лет пять назад была прелесть что такое… Да и теперь пречудесная все-таки… А что, – хотите нарисовать ее портрет?

Репин. Я не прочь, хоть и очень устал сегодня. Только как это сделать? Мудрено очень – рядом с ней наверняка сидит ее муж, а он вряд ли это позволит…

Стасов. Не волнуйтесь, я как-нибудь устрою. Я как-то слышал разговор двух гарсонов: ее муж Мигель – моряк-капитан и едет теперь из Гаваны в Кадикс, куда его перевели.

Репин. Так она кубинка?

Стасов. Да. Ее зовут Сара, и ей 25 лет.

Репин. Очаровательная женщина!

Стасов. Так вы согласны ее нарисовать?

Репин. А муж что скажет? Да как же можно? И я так устал! Хотя ужасно хочется, было бы очень приятно…

Стасов. Тогда я пойду и поговорю с ними!

Репин. И что вы им скажете?

Стасов. Да так и скажу. Мол, я пришел умолять вашего супруга и вас, сеньора, чтобы вы позволили снять с вас портрет. Вот этот господин, мой товарищ, один из самых лучших живописцев у нас, в России. Мы русские, мы путешествуем. И ему ужасно хочется нарисовать здесь красивую испанку. Но сколько ни ищем, все нет да нет. Наконец-то встречаем вас. Вы – прелесть! Лучше всех, кого мы тут видели! Так позвольте нарисовать вас, сеньора… *(Вопросительно посмотрел на Репина)*. Ну, как?

Репин. Не знаю… Попробуйте… Может, и получится…

Пока они разговаривают – муж Сары расплачивается с музыкантами и уводит жену из ресторана.

Стасов *(расстроено)*. Ну вот… Пока мы с вами это размазывали, они встали и ушли… Вот тебе и раз! Что за день такой сегодня? То из-за корриды мы расстраиваемся, то из-за женщин… *(Махнул рукой)*. Ладно, давайте ужинать, а то так весь аппетит пропадет… *(Подзывает официанта)*.

Явление 10

Репин и Стасов возвращаются в свой номер.

Репин. Не расстраивайтесь, Владимир Васильевич, что не получилось нарисовать эту кубинку. Я вам портрет Пепы напишу, так тому и быть. Вы же все равно хотели иметь портрет испанки на память! Вот и будет испанка – молодая, красивая, стройная!

Стасов. И ленивая, как никто… Посмотрите – она так и не убрала нашу комнату… *(Показывает на тазик и полотенце на столе)*.

Репин. Опять? Господи Боже мой! Да что ж нам перед сном еще и в номере убирать?! Сколько же можно?! *(Поднимает со стола полотенце и в сердцах снова бросает его на стол)*.

Стасов. Не нервничайте так, Илья Ефимович, – у вас и так был тяжелый день. Давайте сами уберем, а завтра уже разберемся с нашей ненаглядной. Хоть она и чертовски красива, но я попрошу хозяев отеля, чтобы у нас убирала другая служанка – эта Пепа никуда не годится…

Убирают на столе и разговаривают одновременно.

Репин. А я давно это говорю! Она ужасно бестолковая, эта Пепа! Ничего не умеет!!! Постели менять не успевает, сахар к шоколаду забывает, вместо холодной воды несет теплую, комнату самому надо убирать… Я не завидую ее будущему мужу!

Стасов. Я тоже.

Репин. Вот какой обманчивой бывает красота, Владимир Васильевич…

Стасов. И не говорите.

Репин *(осматривается вокруг)*. Ну, вроде мы все убрали… Можно ложиться спать…

Стасов. Да, уже пора…

В это время открывается дверь и появляется (почти вбегает) Пепа.

Пепа *(по-испански)*. Ой, простите, сеньоры, я забегалась и не успела убрать на столе… Было так много работы – одни уехали, другие приехали… Как можно все одновременно успеть?

Репин. Что она говорит?

Стасов. То же самое, что и в прошлый раз: у нее было много работы: одни – уехали, другие – приехали… Она не успевает…

Репин. Мы уже слышали эту песенку… «Она не успевает»… Если бы занималась делом, то успевала бы, а то, наверное, со своим возлюбленным

румбу танцевала! *(Подражая танцорам, делает несколько танцевальных па)*. Ля-ля – ля-ля!

Пепа *(радостно улыбнулась, по-испански)*. Я все поняла, сеньор! Я сейчас все сделаю! *(Убегает)*.

Репин. Что она сказала?

Стасов. Она сказала, что все поняла и сейчас все сделает…

Репин. Что она поняла, что она сделает? Ведь уже все убрано! Ей раньше следовало это сделать!

Стасов. Ну, не знаю… *(Берет в руки книгу)*. Вы укладывайтесь, Илья Ефимович, а я еще немного почитаю. *(Не раздеваясь, ложится на кровать)*.

Репин. Да какой сон после таких волнений?.. Я тоже еще почитаю… *(Тоже берет книгу и ложится на кровать)*.

Стасов и Репин лежат и читают. Вдруг за дверью раздаются аккорды двух гитар! Открывается дверь – входят одетая в яркое платье Пепа и те два гитариста, которые играли Саре в ресторане. Гитаристы играют и поют, а Пепа танцует умопомрачительную румбу перед удивленными Репиным и Стасовым, которые, сидя на кроватях, с восторгом за этим наблюдают…

Стасов *(когда Пепа делает последнее па)*. Браво, сеньорита! Браво! *(Репину)*. Ну вот, а вы говорили, что она ничего не умеет…

Репин. Умеет! Все она умеет! *(Пепе)*. Это было потрясающе, сеньорита! Я в восторге! *(Целует ей руки)*. У меня нет слов! *(Стасову)*. Вот с такой танцовщицы Веласкес когда-то и писал свою «Венеру перед зеркалом»!

Стасов. А Гойя – свою «Обнаженную цыганку»! *(Тоже целует Пепе руки)*.

Репин *(перехватывает у Стасова руки служанки и продолжает их целовать)*. Нет, с таких красавиц Гойя писал своих женоподобных ангелов в церкви святого Антония! Надо обязательно туда пойти и посмотреть его фрески.

Стасов *(в свою очередь отстраняет Репина и целует руки Пепе)*. Завтра и пойдем! А сегодня – будем танцевать!

Репин. Непременно! *(Пепе)*. Сеньорита, я приглашаю вас на румбу! *(Раскланявшись, берет ее за руку)*. Ах, как вы обворожительны! Вы просто ангел! *(Делает знак музыкантам, те ударяют по струнам и Репин с Пепой танцуют не быструю, но очень изящную румбу)*.

Явление 11

Следующий день. Почти безлюдная улочка на окраине Мадрида. Репин и Стасов возвращаются из церкви св. Антония, где они рассматривали фрески Гойи.

Репин *(с восхищением)*. Ах, какие замечательные фрески! Это лучшее, что Гойя сделал! Казалось бы, самый банальный сюжет – святой Антоний воскрешает мертвого среди изумленной толпы… А вся Испания там нарисована!

Стасов. Вы преувеличиваете, Илья Ефимович. Ничего особенного на них нет. Эти фрески и в самом деле блестящие по краскам, но уж совершенно ничтожные по содержанию…

Репин. Что вы такое говорите? Ничтожные по содержанию? Да вы что?! Куда вы смотрели, Владимир Васильевич?

Стасов. На фрески смотрел…

Репин. И что – ничего там не увидели?!

Стасов. Почему не увидел? Увидел. *(С иронией)*. Женоподобных ангелов с развевающимися локонами, с полными округленными формами и с высокой грудью, которых Гойя написал из легкомысленных испанских девиц… Очень интересная трактовка религиозного сюжета… Признаюсь честно, сколько я не ездил по свету, но такого легкомыслия еще не встречал… Эти красивые женоподобные ангелы не имеют ничего общего с христианским представлением о царстве небесном…

Репин. Да причем тут религия?! Гойя просто использовал религиозный сюжет, чтобы дать панораму испанской жизни! Вы же не могли не заметить, что там, под самым куполом, Гойя изобразил не ангелов, как следовало бы по церковным канонам, а простой народ! Ангелы у него – внизу, на апсиде и чуть

выше алтаря, у основания сводов! А вверху святой Антоний обращается к толпе, где на каждом шагу виднеются широкие шляпы испанских крестьян, пестрые платья простых испанок да лохмотья бродяг и нищих! И одни из них смотрят на чудо воскрешения, а другие, облокотившись на нарисованные перила, глядят вниз на церковь… То есть на королевскую чету и на придворных, для которых и предназначалась капелла! Это смело и дерзко! Это – утверждение нации, понимаете? Я ведь тоже не писал «Крестный ход», как религиозную картину – я давал разрез русского общества! И Гойя не пишет церковные фрески – он пишет испанский народ! Почему вы не хотите видеть этого?

Стасов. Потому что на фресках – этого нет!

Репин. Да как же нет? Вернитесь и еще раз посмотрите, если вы ничего не заметили!

Стасов *(упрямо)*. А я говорю, что нет!

Репин. С вами нельзя говорить!!! Никогда больше не стану! *(Уходит)*.

Репин ушел. Стасов постоял минутку, почесал затылок и пошел обратно в церковь св. Антония.

Явление 12

Петербург. Жилище В.В. Стасова. В просторной комнате за красиво сервированным столом сидят Владимир Васильевич, его брат и сестра – Дмитрий Васильевич и Надежда Васильевна, и Илья Ефимович. Тут же рядом стоит портрет Стасова, написанный Репиным в Дрездене. Хозяин дома как раз заканчивает свой рассказ о путешествии по Испании…

Стасов. И вот, когда мы поссорились из-за фресок Гойи до «святых выносов», Илья Ефимович мне сказал: «С вами нельзя говорить!!! Никогда больше не стану!» И – ушел. А я остановился, постоял минутку в недоумении, а потом вернулся в церковь святого Антония и еще раз внимательно рассмотрел предмет нашего ожесточенного спора. И на этот раз фрески Гойи высветились

мне с совершенно другой стороны! Я увидел в них все то, о чем так страстно говорил мой друг-художник *(показал при этом на Репина)* – национальность, чувство реальной историчности и стремление живописать повсюду, и где бы то ни было одну только Испанию и простой испанский народ…

Репин. Замечательно, Владимир Васильевич. Вот теперь наши взгляды на творчество Гойи полностью совпадают!

Стасов. А они и раньше почти во всем совпадали! Я вам еще в Испании говорил, что у нас удивительное согласие во всем! И во всех даже вкусах – особенно, когда речь идет о женщинах!

Репин. Это правда. Особенно, когда речь идет о женщинах…

Стасов. Значит, больше никаких ссор?

Репин. Никаких ссор.

Дмитрий Васильевич. Слава Богу. Я очень рад, что так счастливо закончилась история с Гойей. Осталось еще, Илья Ефимович, закончить наше дело с портретом Владимира Васильевича. Спасибо, что согласились продать мне этот удивительный портрет – я хочу с вами полностью рассчитаться!

Репин. Да нет, что вы, Дмитрий Васильевич, не надо…

Дмитрий Васильевич *(достает из кармана толстую пачку денег)*. Нет, надо. Возьмите, пожалуйста, эти деньги, я вас очень прошу.

Репин. А я говорю – не возьму!

Дмитрий Васильевич. Как же так? Ведь вы два дня до изнеможения работали над этим портретом! Я настаиваю, чтобы вы взяли свой честно заработанный гонорар!

Стасов. Берите, Илья Ефимович. Не отказывайтесь.

Репин. Ну, ладно… *(Берет деньги и, даже не взглянув на них, передает их из рук в руки сестре Стасова)*. Возьмите, Надежда Васильевна, для ваших женских Бестужевских курсов. Там пригодятся. Я знаю, что вам – первому директору – поднимать это благородное дело очень тяжело… *(Дмитрию Васильевичу)*. Портрет уже ваш, Дмитрий Васильевич.

Надежда Васильевна *(держит в руках деньги и не знает, что с ними делать)*. Спасибо, Илья Ефимович… Но как же это?

Репин. А вот так! Я имею полное право распоряжаться своими деньгами. Вы со мной согласны, Дмитрий Васильевич?

Дмитрий Васильевич. Конечно, согласен!

Репин. Вот давайте и выпьем за наше полное согласие… *(Стасову)*. Надеюсь, вы теперь напишете статью про Гойю, Владимир Васильевич?

Стасов. Обязательно напишу! Только вы тоже пересмотрите свое отношение к «Ночному дозору» Рембрандта, Илья Ефимович, – это все-таки гениальная картина!

Репин. Нет, она просто очень прилежная…

Стасов. А я говорю – гениальная!

Репин. Хорошо – гениальная. Но его «Даная» все равно лучше его «Ночного дозора»…

Стасов. Конечно, «Даная» лучше! Как же можно сравнивать – голую бабу и одетых мужиков?!

Репин. Нельзя, никак нельзя!

Стасов. Значит, больше никаких ссор?

Репин. Никаких ссор.

Репин и Стасов чокаются бокалами.

Занавес.

---

*При написании драмы «Портрет Стасова» автор использовал материалы из фундаментальной работы И.С. Зильберштейна «Путешествие И.Е. Репина и В.В. Стасова по Западной Европе в 1883 году» («Художественное наследство», т. I). А также воспоминания самого Ильи Ефимовича Репина («Далекое близкое», раздел «Из воспоминаний о В.В. Стасове») и его письма к П.М. Третьякову, В.Д. Поленову и другим. Подсказку к созданию образа красавицы Пепы автор нашел в следующих строках статьи Ильи Самойловича Зильберштейна: «С большим юмором рисует Стасов беспечность и забывчивость прислуги в «Hotel d'Orient» – служанки по имени Пепа и гарсона Маттио, которые на просьбы жильцов всегда «обещались с великим радушием и готовностью» все выполнить, но которые умудрялись никогда не делать ничего, сколько бы раз жильцы ни повторяли свою просьбу.

Когда, после многих безрезультатных просьб, Репин и Стасов сами завершили устройство своих комнат в гостинице, «Пепа и Маттио пожаловали снова, увидали, что все сделано, радостно и с улыбками покивали головой в дверь – и ушли. Сущие дикари какие-то с мыса Доброй надежды», – заканчивает Стасов этот свой рассказ». «В другом месте мы, вероятно, сердились бы за разные недочеты, забывания, нехватки на каждом шагу, но здесь все это нам только мило кажется, точно ребенок милый, того не поймет, другое забудет, иное испортит, и так без конца», – писал из Мадрида Владимир Васильевич своему брату. Конечно же, автор показал Пепу не дикаркой, а совсем наоборот, и ее образ, как и вся пьеса, от этого только выиграли.

Что касается самого портрета В.В. Стасова, написанного Репиным в Дрездене в 1883 году, то И.С. Зильберштейн изложил эту историю до малейших подробностей. А, завершая повествование о портрете, исследователь привел очень важный эпизод, характеризующий художника как нельзя лучше!

Так, в конце третьего раздела Илья Самойлович написал: «О дальнейшей судьбе портрета имеются сведения в устном рассказе Стасова, записанном племянницей Антокольского – Е.П. Тархановой. Рассказ Стасова о создании портрета целиком совпадает с тем, что сообщалось им в письмах к братьям из-за границы, и дает ценные добавочные штрихи для характеристики Репина. Заканчивается рассказ так: «Репин сам вбил гвоздь в стену, повыше, повесил портрет и поручил служащим отеля потом, когда подсохнет, упаковать его и прислать в Петербург. Они все выполнили отлично и портрет прибыл сюда в полном порядке. Брату Дмитрию портрет сильно понравился и он захотел приобрести его. Репин сначала не соглашался его отдать, «хочу, говорит, оставить у себя», а затем, после некоторых переговоров, взял да прислал его однажды прямо к Дмитрию Васильевичу на квартиру. Прошло сколько-то времени. Сидим мы раз все у нас в столовой. Был Дмитрий Васильевич и сестра Надя, она в то время была заведующей Высшими женскими курсами. Приходит Репин. Заговорили о портрете. Что-то все у них там вопрос денежный не был кончен. Наконец Дмитрий Васильевич вынимает из кармана заранее приготовленную пачку денег – сколько не знаю (знал ли Репин, тоже не знаю, но думаю, что нет – Дмитрий вынул деньги и хочет передать их Илье Ефимовичу). Тот сначала: «Да что, да не надо, не стоит», а затем махнул рукой, взял эти деньги и тут же, не взглянув даже на них, из рук в руки передал их все Надежде Васильевне: «Возьмите, говорит, для ваших курсов. Там пригодятся». Вот каков Репин! – заключил Владимир Васильевич свой рассказ».

«Иван Грозный»

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Илья Ефимович Репин – русский художник.

Иван Николаевич Крамской – известный художник-передвижник.

Николай Александрович Ярошенко – русский и украинский художник-передвижник.

Лев Николаевич Толстой – великий русский писатель.

Павел Михайлович Третьяков – московский промышленник и коллекционер.

Всеволод Михайлович Гаршин – литератор и публицист.

Юлий Юльевич Клевер – типичный представитель салонной живописи.

Победоносцев – обер-прокурор священного Синода.

Чиновник из департамента Синода.

Посыльный от московского обер-полицмейстера.

Приказчик П.М. Третьякова.

Студент *и* ***курсистка.***

Корреспондент «Петербургских ведомостей».

Иван Константинович – богатый купец.

Анастасия Петровна – его жена.

Глаша – их старшая дочь.

Даша – младшая дочь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Март 1883 года. XI Передвижная художественная выставка в Петербурге. В одном из залов выставлены для осмотра три картины: слева – большое полотно И.Е. Репина «Крестный ход в Курской губернии», по центру – работа Н.А. Ярошенко «Курсистка», справа – яркая салонна картинка А.А. Харламова «Итальянка с тамбурином». В зал входят студент и курсистка.

Студент. Говорят, что самое сильное впечатление на выставке производит новая картина Репина «Крестный ход в Курской губернии».

Курсистка. Он ее уже здесь, в Петербурге, заканчивал…

Студент. Вот она! Смотри!

Подходят к холсту и с восхищением рассматривают его.

Курсистка. Очень реалистичная картина… Как «Бурлаки на Волге», правда?

Студент. Она даже сильнее «Бурлаков». Там были только бедные и несчастные, а тут – все наши сословия! От богатых – до нищих, и от всемогущих – до беззащитных! Есть кого и с кем сравнивать… И есть над чем задуматься… *(С восхищением смотрит на полотно)*. Великий художник Репин – только он мог такую картину нарисовать…

Курсистка *(посмотрев для сравнения на картину, что в центре)*. Ярошенко тоже молодец. Посмотри на его «Курсистку».

Подходят к другой картине.

Студент. Настоящая курсистка – плед, мужская шапочка, короткая стрижка, книжка под мышкой…

Курсистка. Это – я! *(Взяла у него книгу и положила себе под мышку)*. Похожа?

Студент. Как две капли воды!

Курсистка. А с бубном ты меня представляешь? *(Показывает на третью картину)*.

Студент. С бубном не представляю. И даже не представляю, кто из наших передвижников мог такое нарисовать… *(Читает подпись)*. «Харламов «Итальянка с тамбурином».

Курсистка. Милая картинка.

Студент *(иронично улыбнулся)*. Только и всего…

Идут дальше.

Явление 2

Через некоторое время возле картин появляется еще один посетитель. Это – корреспондент с плоской сумкой через плечо и записной книжкой в руках. Он по очереди подходит к каждой картине и переписывает из табличек ведомости о них. Потом возвращается к «Крестному ходу» и, время от времени морщась, дальше делает себе какие-то пометки. Но вот в зал входят богатый купец Иван Константинович, его важная супруга Анастасия Петровна и две их дочки-красавицы Глаша и Даша.

Купец. Простите, мы вам не помешаем? Я вижу: вы что-то записываете…

Корреспондент. Да вот поручили мне для «Петербургских ведомостей» статью об XI Передвижной выставке написать… А о чем тут писать?!. Вы только взгляните на новую картину Репина – опять старые лохмотья и уродливые физиономии! Точь-в-точь, как в «Бурлаках»!

Купец. Да-а… Сплошное безобразие… На это и смотреть, пожалуй, не стоит… *(Разочарованно)*. А мы привели дочерей, чтоб высокое искусство им показать!

Корреспондент. О, тут есть что показывать! Вот еще одно творение – «Курсистка» господина Ярошенко! Полюбуйтесь!

Купец. Красивая курсистка…

Корреспондент. Красивая, не спорю! Но согласитесь – красота эта не эстетическая, а какая-то, я бы сказал, деловая…

Купец. И правда – вид у нее слишком уж деловой! Интересно, куда она так решительно шагает?

Корреспондент. Известно куда – бомбу в государя бросать!

Купец. Вот она – эмансипация… Распустились окончательно… Идут против воли родителей, бегают на всякие курсы, вольнодумствуют! Лично я своих дочерей только музыке с детства учу! Мой идеал – женщина с тамбурином в руках, а не с книгой под мышкой! *(Сначала указал на картину Харламова, а потом – на картину Ярошенко)*.

Корреспондент. Да, «Итальянка с тамбурином» господина Харламова – это здесь, пожалуй, единственная приятная для глаза вещь! Обратите внимание: полотно выдержано в коричневатой «музейной» цветочной гамме, органично сочетаются белый и розовый цвета в одежде, а круглый тамбурин над головой девушки – как полная луна. Эта картина уже была показана в Париже на выставке Салона и имела большой успех!

Купец *(смотрит на картину Харламова и корчит из себя настоящего знатока искусства)*. Да-а, это уже высокая эстетика…

Корреспондент. Конечно! Вы только посмотрите, какие яркие тона! Сколько жизнерадостности! И тепла, и света!

Анастасия Петровна *(мужу)*. Дорогой, давай купим эту картину…

Купец. Дорогая, ты же знаешь, что я отдаю предпочтение пейзажам Айвазовского!

Анастасия Петровна. А я еще и Харламова хочу! Для разнообразия!

Глаша. И я хочу!

Даша. И я!

Купец. Ну, хорошо-хорошо! Покупаем!

Корреспондент. Не знаю, возможно ли это – говорят, «Итальянку с тамбурином» господин Харламов уже подарил своему учителю Боголюбову для Саратовского музея. Думаю, что и другие его картины приобрести будет затруднительно – ведь автор живет в Париже!

Купец. Жаль, очень жаль…

Корреспондент. Но если вас интересует пейзажная живопись, то я рекомендовал бы вам обратиться к профессору Академии художеств Юлию Юльевичу Клеверу – он рисует удивительные зимние пейзажи и особенно любит повторять эффекты вечернего освещения! Его картину «Березовый лес» приобрел сам государь Александр III! *(Оглянувшись по бокам, словно по секрету)*. А ведь до этого он бросил академию, так и не окончив академического курса! И что вы думаете? После того, как царь купил его картину, ему было присвоено звание академика. А потом Академия художеств присвоила господину Клеверу звание профессора за картину «Лесная глушь» и предоставила ему в своем здании квартиру и мастерскую! И это в тридцать один год!

Купец. Да-а… Видать, талант у него необыкновенный…

Корреспондент. Несомненно! *(Опять вполголоса)*. Но тут еще и другое… Это уже в назидание остальным художникам: если хочешь добиться успеха – рисуй пейзажи, а не нищих и мужиков! Вот взять, к примеру, этого же самого малоросса из Полтавы – несколько лет тому назад господин Ярошенко написал картину «Кочегар». «Первый в русской живописи образ рабочего», как твердили художественные критики. Ну и что? Пусть даже и купил Третьяков это творение, но кто его запомнил?

Купец. Я даже не слышал о такой картине…

Корреспондент. Вот и я говорю: «Березовый лес» ему надо было писать, а не «Кочегара»!

Купец. Или – итальянку с тамбурином…

Корреспондент. Да!

Купец. Красивая картинка… Очень красивая… Так где, говорите, господина Клевера можно найти?

Корреспондент. Все там же – в Академии художеств, на Васильевском острове! Обязательно побывайте у него и приобретите что-нибудь из его зимних пейзажей – не пожалеете!

Купец. Непременно, непременно. Хотя Айвазовский мне ближе – я больше море люблю…

Явление 3

Посетители ушли. В зал входят Репин и Ярошенко.

Репин. Знаете, Николай Александрович, я сегодня присматривался к посетителям выставки и вспоминал рассказ Гаршина «Художники»… Как точно он описал там нашу сегодняшнюю ситуацию! Словно в воду глядел! Помните монолог успешного пейзажиста Дедова о своем друге жанристе Рябинине, который, по его мнению, совершенно напрасно пишет «грязных мужиков»?

Ярошенко. Конечно, помню! Ведь Гаршин написал свой рассказ после того, как увидел моего «Кочегара». Хоть я уверен, что этот замысел – сравнить два противоположных подхода к искусству – возник у него еще после ваших «Бурлаков», и его упрямый Рябинин – это мы с вами, а практичный Дедов – это Харламов и Клевер… Ну, Клевера я еще понимаю – он происходит из немецкого балтийского рода фон Клевер. Но родители Харламова-то были крепостными! Он – член Товарищества передвижных выставок! И на тебе – на салонную живопись перешел!

Репин. Я в нем очень разочарован. В этой девочке с тамбурином такая ложь красок, рисунка и формы, что я только оплакиваю падение Харламова, глядя на нее… Ныне Харламов есть экстракт французских манер, и русского он понять не способен. А ведь он когда-то получил в академии золотую медаль за картину «Возвращение блудного сына»!

Ярошенко. И сразу же укатил за границу, где его и испортили в разных салонах…

Репин. Именно там!!! В Париже он сразу стал подражать французам, начал даже писать плохо. Причем – умышленно, на их манер! И все время одно и то же! При мне, помню, он пять раз какую-то итальяночку рисовал! А потом и

вовсе перешел на изображение милых женских головок! Представьте себе это изобилие! Девочка с обнаженным левым плечом. Девочка с обнаженным правым плечом. Девочка с цветами на мостике. Девочка с цветами на стуле. Девочка в белом с белыми цветами. Девочка в красном с красными цветами. Девочка с яблоками. Девочка с виноградом. Девочка в черном платке. Девочка в красном платке. Девушка, закутанная в вуаль. Девушка на диване с книгой. Девушка с вязанием в руках. Девушка с девочкой на руках. Единственное отклонение от этой темы было – цыганка с бубном! *(Перевел дыхание)*. Вот что надо писать, Николай Александрович, – красивые женские головки! А у вас что? «Кочегар», «Заключенный», «Курсистка», «Слепые калики под Киевом», «Нищие в Киево-Печерской лавре»! И с этими тяжелыми для души картинами вы хотите у наших мещан иметь большой успех? Даже не надейтесь!

Ярошенко. Так у вас ведь то же самое, Илья Ефимович: «Бурлаки на Волге», «Отказ от исповеди перед казнью», те же нищие в «Крестном ходу»…

Репин. Вот и я об этом!

Ярошенко. Не собираетесь ли вы бросать эти серьезные темы?

Репин. Собираюсь! Вот напишу еще, как Иван Грозный убивает своего сына Ивана и как ссыльный возвращается с каторги, – и брошу! Ей-богу, брошу – до того тяжело носить все это в душе… Семь лет тому назад я увидел, как под конвоем везли арестанта, а до сих пор помню тощую фигурку этого бледного, смертельно усталого человека между двумя здоровенными жандармами и их цветущие, сытые морды рядом с его изможденным лицом! Кто был этот человек? По какому праву его лишили свободы? Вернется ли он? Я так хочу, чтобы он вернулся… И еще хочу, чтобы Иван Грозный ужаснулся своего страшного поступка, прижимая к груди окровавленную голову сына Ивана! Но тут, Николай Александрович, у меня проблема с натурой для царевича – необходимо очень кроткое и совершенно беззащитное лицо. Вы не подскажете, с кого можно его срисовать? Я все присматриваюсь к Всеволоду Михайловичу Гаршину…

Ярошенко *(подумав немного)*. Думаю, Гаршин хорошо подходит. И не только внешностью. Он – чуткий и очень ранимый!

Репин. И, главное, необыкновенно правдив. Я никогда не слыхал от него даже самой невинной лжи.

Явление 4

И вот уже Репин рисует Гаршина у него дома.

Репин *(не отрываясь от рисования).* Что вы скажете про нынешнюю нашу выставку, Всеволод Михайлович?

Гаршин. Очень мощная выставка в этом году, Илья Ефимович, благодаря вашему «Крестному ходу». Да и другие передвижники выглядят очень достойно: Крамской, Ярошенко, Суриков, Поленов, Васнецов… А вот картинку Харламова совершенно напрасно там поместили. Хоть он и член Товарищества, но какое отношение имеет «Итальянка с тамбурином» к национальному русскому искусству – я не понимаю!

Репин. Кстати, ее полное название «Девочка-итальянка, замахнувшаяся тамбурином на ящерицу»…

Гаршин. Вот-вот! На такую смелость многих художников только и хватает: на ящерицу его герой еще может замахнуться, но на устои – Боже упаси! Поэтому и пишут – то женские головки, как Харламов, то морские бури, как Айвазовский, то зимние пейзажи, как Клевер… Когда-то я по этому поводу напечатал в «Новостях» целую статью.

Репин. Давно?

Гаршин. Кажется, в 1877 году…

Репин. Я тогда был в Чугуеве, на Украине. Поэтому ее и пропустил… У вас сохранилась эта газета?

Гаршин. Конечно! *(Находит в столе газету)*. Вот она…

Репин. Если вам не трудно – прочитайте мне эту статью, пока я буду вас рисовать.

Гаршин. Она очень длинная, Илья Ефимович…

Репин. Тогда прочитайте только самые важные места.

Гаршин. Хорошо. Вот оно – это место… *(Читает)*. «Написать картину так, чтобы она скорее была куплена, – вот мысль многих художников. К их числу с сердечным сочувствием я должен причислить и г. Клевера. Его зимний день с пасмурным небом, ветлами, кабачком на проселочной дороге, мостиком, через который перешла какая-то баба, этот зимний день – премилая вещь. Она показывает искусную технику, знание зимнего пейзажа, бойкость кисти. Она показывает, что художник работает очень быстро: картина, очевидно, написана махом, в несколько дней. Но при всех этих приятностях, на картину я смотрел с неприятным чувством. Так вот и казалось мне, что эта картина вышла не из рук художника-поэта, каким должен быть всякий художник, а с какой-то фабрики стенных украшений. Отлично повесить такую вещь на стену гостиной и после обеда полюбоваться ею, сидя в креслах, куря сигару и утешая себя тем, что вот, дескать, «Клевера картина у меня висит. Было бы больше денег, купил бы еще и Айвазовского вещицу, да не хватает. Впрочем, и Клевер тоже в моде».

Могу утешить г. Клевера. И его картины будут когда-нибудь так же цениться, как картины И.К. Айвазовского. У большинства покупателей картин и того и другого не настолько развито художественное чувство, чтобы они могли критически относиться к своим покупкам. Миленькая вещица модного живописца – ну, отчего ж ее не купить? И пишите, г. Клевер, ваши вещи так, чтобы они были «миленькие». Пишите повкуснее, поярче, покрасивее, украшайте природу, как умеете. Делайте, словом, так, чтобы, останавливаясь перед вашей вещью, барышни непременно произносили бы: «Ах, как красиво!» – и дело в шляпе. Вы дойдете до г. Айвазовского. Вы будете писать свои зимы так, как он свои бури, луны и солнца, не трудясь брать для них свежие впечатления из природы, а просто помня, что сюда можно положить кармину, сюда белил, туда кадмиуму. Вы вполне обратитесь в фабриканта стенных украшений».

Репин. Замечательная статья, Всеволод Михайлович, – молодым художникам она должна многое сказать! Айвазовский, правда, иногда отходит от своих однообразных морских пейзажей (хоть тут он – мастер, этого у него не отнимешь) и временами пишет наших украинских чумаков. Ну, а что касается

Клевера, то его, боюсь, уже ничто не исправит: из высокого искусства он сотворил себе золотого кумира и молится только ему…

Явление 5

Роскошная мастерская Ю.Ю. Клевера: изысканная мебель, восточные портьеры и бронза тут могут конкурировать с обстановкой, которая встречается разве что в домах самых богатых аристократов. Одетый в дорогой халат хозяин стоит перед мольбертом и любуется только что нарисованным пейзажем. Входит уже знакомое нам семейство купца – Иван Константинович, Анастасия Петровна, Глаша и Даша.

Купец. Простите за беспокойство, Юлий Юльевич, но мы столько слышали о ваших несравненных пейзажах, что не могли удержаться, чтоб не нанести вам этот визит! Разрешите представиться: купец первой гильдии Иван Константинович Жарков, моя жена – Анастасия Петровна, а также наши дочери – Глаша и Даша.

Клевер. Очень приятно, очень приятно! *(Пожимает руку купцу и целует руки дамам)*.

Купец. Еще раз просим прощения за беспокойство!

Клевер. Какое же это беспокойство, Иван Константинович? Наоборот – мне очень приятно, когда мои картины приобретают истинные ценители искусства. Третьяков, например, уже несколько пейзажей у меня купил! На картины того же Харламова он даже смотреть не хочет, а мои, видите, покупает! Три года тому назад – «Девственный лес» (это повторение моей картины «Лес»), а в прошлом году – «Еловый лес» и «Мелколесье». Да, лес для меня – это все! Мои друзья-художники иногда надо мною даже подтрунивают! Переделали, сорванцы, на свой копыл народную пословицу про волка и острят: «Сколько Клевера не корми, а он в лес смотрит!» Это они завидуют, что меня лес кормит! Но я не обижаюсь и не опускаю рук – вот посмотрите, сколько лесных пейзажей за эту зиму нарисовал!

Хозяин широким жестом показывает на развешанные вокруг картины.

Клевер. Зимний пейзаж. Зимний пейзаж с избушкой. Зимний пейзаж с соснами. Зимний пейзаж у реки. Зимний пейзаж на закате. Зимний закат в еловом лесу. Зимний закат на реке. Зимний лес при закате солнца. Закат солнца зимой. Солнце зимой. Зимняя дорога в оттепель. Дорога домой через зимний лес. Зимний лунный пейзаж.

Анастасия Петровна. Удивительные картины! Я в восторге!

Купец. И я тоже! А из летних пейзажей что-нибудь есть, Юлий Юльевич? Я теплые времена года очень люблю…

Клевер. Есть и теплые времена. А как же! Вот из ранней осени несколько пейзажей осталось! *(Показывает следующие картины)*. Осень в лесу. Осенний парк. Березовая роща осенью. Есть и лето! Озеро с водяными лилиями. Пруд с большими лилиями. Лунная ночь.

Купец. Лунная ночь! Это же моя любимая тема! Знаете этот романс: «Ночь светла. Над рекой Тихо светит луна»? Глаша и Даша просто божественно его исполняют!

Клевер. Правда? А не могли бы они прямо сейчас его спеть? Я очень люблю романсы!

Купец. Для вас – с огромным удовольствием, Юлий Юльевич! Если вы разрешите, моя супруга подыграет им на рояле…

Клевер. Конечно, конечно! *(Показывая на рояль)*. Анастасия Петровна, прошу!

Дамы идут к роялю: Анастасия Петровна аккомпанирует, а Глаша и Даша поют.

Ночь светла. Над рекой
Тихо светит луна.
И блестит серебром
Голубая волна.
Темный лес… Там в тиши
Изумрудных ветвей
Звонких песен своих
Не поет соловей.

Под луной расцвели
Голубые цветы.
Они в сердце моем
Пробудили мечты.
К тебе в грезах лечу,
Твое имя шепчу.
Милый друг, нежный друг,
По тебе я грущу.

Ночь светла. Над рекой
Тихо светит луна.
И блестит серебром
Голубая волна.
В эту ночь при луне,
На чужой стороне,
Милый друг, нежный друг,
Помни ты обо мне.

Клевер. Браво! Браво! За такой романс можно и скидку сделать! Если вы, конечно, решились что-нибудь у меня приобрести…

Купец. Даже не сомневайтесь, Юлий Юльевич! Без ваших чудных пейзажей мы отсюда не уедем! Лично я беру «Лунную ночь».

Анастасия Петровна. А я – «Зимний закат в еловом лесу».

Глаша. Я выбираю «Озеро с водяными лилиями».

Даша. А я – «Осень в лесу».

Клевер. Прекрасный набор – почти все времена года! Так, четыре картины: сколько это у нас будет стоить?.. *(Мысленно что-то подсчитывает)*.

Купец *(достает толстый кошелек)*. Сколько бы ни стоило – я сразу же вам заплачу! Считайте, Юлий Юльевич, считайте…

Явление 6

Мастерская Репина. Художник нервно ходит по комнате с газетами в руках.

Репин. Я знал, что эта разряженная, расфранченная сволочь не простит мне «Крестного хода»… Я знал…

В это время входят Крамской, Ярошенко и Гаршин.

Крамской. Что случилось, Илья Ефимович?

Репин. Лучше не спрашивайте, Иван Николаевич… Опять наши Катковы против меня ополчились! Мне кажется, еще никого так не распекали, как меня… *(Показывает газеты)*. Вот, пожалуйста, «Московские ведомости», «Петербургские ведомости», «Новое время», «Гражданин» – все набросились на мой «Крестный ход»! Вы только послушайте, что они пишут: «Как же можно сказать, что эта картина есть непристрастное изображение русской жизни, когда она в главных своих фигурах есть только лишь одно обличение, притом несправедливое, сильно преувеличенное… Нет, эта картина не беспристрастное изображение русской жизни, а только изобличение всех взглядов художника на эту жизнь…» Это – «Новое время». А «Гражданин»? *(Снова цитирует)*. «Наши жанристы беспощадны… в лохмотьях нищеты у европейских художников есть почти всегда нечто трогательное… Наша жанровая картина, в сущности, почти всегда не что иное, как карикатура».

Крамской. А чему вы удивляетесь, Илья Ефимович? Вспомните, как еще в 1871 году тогдашний ректор Академии художеств Бруни сказал, что ваши «Бурлаки на Волге» – это «величайшая профанация искусства»! Вы думаете, что Бруни – это Федор Антонович, профессор живописи? Как бы не так, он изо всех щелей вылезает – ему имя легион! Что нужно делать? Его еще нужно молотом! Он опять за свое… Еще нужно картину, только еще более глубокой профанации… И так без конца, борьба! Как хотите, а это так. Другой борьбы я не подозревал и не подозреваю!

Гаршин. А вступиться за вас всегда будет кому! Стасов, например, пишет в своей новой статье, что «Крестный ход» – это новое великое явление в русском искусстве»!

Репин. Спасибо Владимиру Васильевичу, он еще про «Бурлаков» моих первый заговорил на всю Россию… Без его поддержки все эти Катковы меня давно съели бы, наверное…

Ярошенко. Не терзайтесь, Илья Ефимович… Это они увидели там себя, сытых и довольных, на фоне нищих и калек – вот и свирепствуют… Разве не понятно?

Репин. Понятно. Уже давно понятно. Они не хотят видеть на моих картинах бедных и «лохмотьев нищеты»? Хорошо, будет им царь с царевичем в шелках и в золоте да еще на дорогих коврах! И, как и в европейских художников, на этой картине тоже будет «нечто трогательное»… Вот она, пожалуйста, – «Иван Грозный и сын его Иван»!

Репин отслоняет занавеску – и открывается большая картина, на которой изображен царь Иван Грозный с окровавленным царевичем на руках. Присутствующие даже отшатнулись от холста и пораженно смотрят на него. Репин наблюдает за реакцией друзей, а Гаршин и Ярошенко посматривают на Крамского, ожидая его приговора…

Крамской *(тихо, про себя)*. Да-а… *(Умолк)*.

Репин. *(несмело)*. Иван Николаевич, «да» – «хорошо», или «да» – «плохо»?..

Крамской. Да как же «плохо», Илья Ефимович? После «Бурлаков» и «Крестного хода» у вас не может быть плохо! Нет, все может быть – неудачи бывают у кожного художника, даже самого гениального… Но здесь!.. Из грозного царя – зверя – вы сделали человека!!! *(Только головой покачал)*. Боже, как написано!.. Как написано!.. Вот она – вещь в уровень вашему таланту! У меня нет слов… Скажу только, что и следующая выставка передвижников снова будет за вами!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 7

Начало марта 1885 года. XIII Передвижная выставка в Петербурге. В центре зала экспонируется картина Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». Перед холстом стоит Гаршин и какое-то время задумчиво смотрит на окровавленного царевича и испуганного царя. Входят студент и курсистка.

Студент *(вполголоса)*. Вот он, «Иван Грозный» Репина, смотри…

Курсистка. Как живой… И царевич – как живой... И кровь – как настоящая… Видишь?

Студент. На его картинах все, как настоящее… На то он и Репин…

Гаршин *(отвлекся от своих мыслей и обернулся к ним)*. Да, на то он и Репин… Я и раньше восхищался его картинами, но когда впервые увидел «Ивана Грозного», то был просто потрясен – такой картины у нас еще не было ни у Репина, ни у кого другого… Вы только посмотрите на этого Ивана Грозного! Нету владыки, нету царя – есть выбитый из седла зверь, который под влиянием страшного удара на минуту стал человеком… Крамской прав, когда пишет что «тот, кто хотя бы раз видел эту картину, навсегда застрахован от разнузданности зверя, который, говорят, в нем сидит»!

Курсистка. Страшный сюжет…

Гаршин. Да, страшный. Но я уверен, что художник хотел заставить нас задуматься, а не напугать.

Студент. И все же картина – не для слабых…

Гаршин. Конечно. Такую кровавую сцену видеть очень тяжело. Но надо, всем нам надо! Это как противоядие – больно, но нужно… Я почти каждый день, идя на службу, захожу сюда посмотреть эту картину…

Курсистка *(смотрит то на Гаршина, то на картину)*. А царевич… на вас очень похож!

Гаршин. Да нет, что вы… Совсем не похож!.. Это вам показалось…

Смутившись, Гаршин быстро покидает выставку.

Курсистка *(студенту)*. Нет, ты посмотри – ведь похож, правда?

Студент. Он не просто похож – говорят, что царевич Иван с него и нарисован! Ты знаешь, кто это был?

Курсистка. Кто?

Студент. Гаршин! Всеволод Гаршин – тот, кто написал «Красный цветок»!

Курсистка. Почему же ты сразу не сказал?!

Студент. Да потому что он сразу и ушел бы, чтобы мы его с царевичем не сравнивали! А так он остался! *(Шутливо-патетично)*. И теперь мы сможем внукам своим рассказать, что в 1885 году, в Петербурге, на выставке передвижников, мы стояли рядом с Гаршиным и восхищались картиной Репина «Иван Грозный и сын его Иван»!

Студент и курсистка берутся за руки и направляются к выходу, а в это время в зал входят уже знакомый нам купец со своей женой и дочками.

Явление 8

На выставке появляется семейство купца. Впереди, как петух, ведущий за собою кур, важно шагает Иван Константинович, за ним идут наряженные и разукрашенные Анастасия Петровна, Глаша и Даша.

Купец *(оглянувшись на жену, еще издали показывает на картину Репина)*. Может быть, вот эта картина подойдет для нашей прихожей – как ты считаешь, Анастасия Петровна?

Анастасия Петровна. По размеру подойдет, Иван Константинович, но давай сначала посмотрим, что там нарисовано…

Купец. Да какая разница, что там нарисовано?! Главное, чтобы картина была большая и гости, раздеваясь, сразу увидели, что в доме живут культурные люди!

Анастасия Петровна. И все равно лучше посмотреть…

Подходят к картине.

Купец *(читает подпись).* Илья Репин. «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1851 года».

Анастасия Петровна. Господи, какой он страшный! Глаза вытаращил, на лице ужас!

Купец. Да, такой картиной гостей встречать не годится…

Анастасия Петровна. И царевич такой несчастный!

Даша *(испуганно).* Маменька, посмотрите: тут кровь! *(Пошатнулась).* Ах, мне плохо – держите меня, держите…

Даша теряет сознание и падает на руки Ивану Константиновичу.

Анастасия Петровна. Дашенька, доченька, что с тобой? Посмотри на меня…

Глаша. Маменька, она потеряла сознание!

Анастасия Петровна. О Боже!… Глаша, помаши на нее веером! Нет, давай лучше я!

Анастасия Петровна хватает из рук Глаши веер и машет на лицо меньшей дочери.

Анастасия Петровна. Не помогает… Не помогает…

Глаша. Маменька, надо звать докторов!

Купец. Постойте, не надо… Кажется, она уже открыла глаза… *(Меньшей дочери).* Даша, Даша, ты меня слышишь?

Даша. Да, папа…

Купец. Вот и хорошо. Поднимайся, доченька… Вот так, держись за меня крепче и не смотри туда, не смотри… Пойдемте отсюда… Безобразие! Как можно выставлять такие картины? Я буду жаловаться! Я обер-прокурору Синода напишу! Я подниму на ноги весь цензурный комитет! Я дойду до самого Победоносцева!

Уходят.

Явление 9

Не успело семейство купца удалиться, как сразу же в выставочный зал решительным шагом врывается обер-прокурор Синода Победоносцев в черном мундире. За ним дребезжит какой-то мелкий чиновник с папкой в руках и докладывает на ходу.

Чиновник. Все очень возмущены новой исторической картиной Репина, ваше превосходительство…В святейший Синод поступают жалобы со всего Петербурга… *(Достает из папки письмо и на ходу показывает обер-прокурору)*. Вот, например, письмо купца первой гильдии Ивана Константиновича Жаркова – его дочь упала в обморок, когда увидела на царевиче кровь… А вот и другие уважаемые граждане пишут… На многих эта кровавая сцена произвела удручающее впечатление… А некоторым даже подействовала на нервы, да… Все требуют нашего вмешательства…

Победоносцев. Где эта картина?!

Чиновник. Вот она, ваше превосходительство. «Иван Грозный и сын его Иван».

Подходят к картине.

Победоносцев. Какой же это Иван Грозный? Я видел Ивана Грозного на прежних картинах – этот на него совсем не похож!

Чиновник *(угодливо)*. Не похож, совсем не похож…

Победоносцев. А это что? Смятые ковры, жезл на полу валяется… И это называется исторической картиной? Что же здесь такого исторического?

Чиновник *(опять угодливо)*. Ничего, совершенно ничего…

Победоносцев. Ну, а это я вообще отказываюсь понимать – на втором плане нарисован опрокинутый царский трон! *(Прищурил глаза)*. Интересная картина у господина Репина вырисовывается: опрокинутый трон, смятые ковры и жезл в царской крови… На что это художник здесь намекает? На свержение государственного строя?!

Чиновник. Это неслыханно, ваше превосходительство…

Победоносцев. Не пройдет у нас такое художество! *(Грозно).* Запретить! Запретить! Это цареубийство! Я сейчас же доложу об этом нашему государю! *(Чиновнику)*. Пиши! *(Сделав паузу, начинает диктовать).* «Ваше Величество! Стали присылать мне с разных концов письма с указанием на то, что на Передвижной выставке выставлена картина, оскорбляющая у многих правительственное чувство: Иван Грозный с убитым сыном. Сегодня я видел эту картину и не мог смотреть на нее без отвращения… Удивительное ныне художество: без малейших идеалов, только с чувством голого реализма и с тенденцией критики и обличения. Прежние картины того же художника Репина отличались этой наклонностью и были противны. Трудно понять, какой мыслью задается художник, рассказывая во всей реальности именно такие моменты. И к чему тут Иван Грозный? Кроме тенденции известного рода, не приберешь другого мотива. Нельзя назвать картину исторической, так как этот момент и всей своей обстановкой чисто фантастический, а не исторический. Обер-прокурор святейшего Синода Победоносцев». Переписать начисто и принести мне на подпись! Все!

Явление 10

Илья Репин стоит перед мольбертом и задумчиво перебирает в руках чистые кисти. Входят Крамской и Ярошенко. Они очень чем-то обеспокоены.

Крамской. Илья Ефимович, вы слышали про визит Победоносцева на нашу выставку?

Репин. Слышал, Иван Николаевич. Про это уже весь Петербург знает! Говорят, он топал ногами и кричал, что моя картина «совсем не историческая»… Ну, и пусть – на место первого художника в исторической живописи я совсем не претендую.

Крамской. Вы не понимаете… Дело не в том – признает он вашу картину исторической или нет! «Ивана Грозного» вообще могут запретить и снять с выставки!

Ярошенко. Илья Ефимович, Победоносцев расценил сюжет «Ивана Грозного» как призыв к свержению трона – на вашей картине трон же и в самом деле лежит…

Репин. А он и не может стоять! Николай Александрович, вы же сами хорошо знаете: в центре внимания должны быть Иван Грозный и его сын, и если рядом с ними поставить высокий царский трон, то он будет отвлекать внимание зрителя. Неужели не понятно?

Крамской. Это нам с вами понятно. А обер-прокурор цеплялся даже к измятым коврам!

Ярошенко. И к жезлу цеплялся…

Репин. Ну и черт с ним! Как говорят наши украинцы – «нехай він почепиться на суху гілляку!»

Крамской. Обер-прокурор не повесится…

Ярошенко. А картину запретят!

Крамской. А передвижную выставку надо везти в Москву!

Ярошенко. А «Иван Грозный и сын его Иван» – самая лучшая картина на выставке!

Репин. И что я должен делать?

Крамской. Илья Ефимович, надо написать письмо великому князю Владимиру Александровичу! Он высоко ценит вас еще с тех пор, как приобрел ваших «Бурлаков на Волге», и его поддержка может очень помочь. Вы же сами понимаете – брат царя, президент Академии художеств…

Репин. Я думал над этим, Иван Николаевич, но письмо ничего не даст… Если бы можно было встретиться и все объяснить, поговорить откровенно, по-человечески, совершенно серьезно…

Крамской. Но ведь великий князь всегда вас принимал! И на этот раз примет!

Репин. Принять – примет, но не поймет… У них же там совсем другая логика! В «Бурлаках на Волге» они видят всего лишь «допотопный способ транспорта», который ими «уже сведен к нулю». В «Крестном ходе» – «одно обличение, притом сильно преувеличенное…» А в «Иване Грозном» –

опрокинутый трон и «цареубийство»! Поэтому что-то им объяснять – только напрасно портить себе кровь. Лучше успокоиться и работать. Может, еще все и обойдется… А если нет, то в Москву эта картина все равно поедет – Третьяков ее уже купил!

Явление 11

Конец марта. Москва. Л.Н. Толстой и П.М. Третьяков, живо беседуя, идут на XIII Передвижную выставку. Писатель останавливается и, повернувшись к собеседнику, говорит почти словами из своей статьи «Об искусстве».

Толстой. Если размышлять серьезно, Павел Михайлович, то произведение искусства хорошо или дурно оттого, что говорит, как говорит и насколько от души говорит художник. А чтобы это произведение было совершенно, нужно, чтобы то, что говорит художник, было важно для людей, чтобы выражено оно было вполне красиво, и чтобы художник говорил из внутренней своей потребности и потому говорил правдиво. Для того же чтобы то, что говорит художник, было выражено вполне хорошо, нужно, чтобы художник овладел своим мастерством так, чтобы, работая, так же мало думал о правилах этого мастерства, как мало думает человек о правилах механики, когда ходит. А для того, чтобы достигнуть всего этого, художнику надо делать то, что делал Валаам, когда пришли к нему послы и он уединился, ожидая Бога, чтобы сказать только то, что велит Бог; и не делать того, что сделал тот же Валаам, когда пришли к нему послы во второй раз и он, соблазнившись дарами, таки пошел к царю, противно повелению Бога, что было ясно даже ослице, на которой он ехал, но не видно было ему, когда корысть и тщеславие его ослепили. *(Осмотревшись)*. Ну, вот мы, кажется, и пришли… Спасибо, Павел Михайлович, что согласились сопровождать меня на эту выставку.

Третьяков. Что вы, Лев Николаевич! Это я должен благодарить вас за столь интересную беседу – не каждый может похвастаться, что слышал размышления Льва Толстого об искусстве от него самого! К тому же, мне интересно еще раз побывать на Тринадцатой передвижной. Хоть я и видел ее в

Петербурге, но в Москве передвижники всегда воспринимаются по-новому. А главное – мне очень хочется услышать, что вы скажете про новую картину Репина, которую я приобрел для нашей галереи. Ведь после скандала в Петербурге она едва не попала под запрет…

Толстой. Да, его «Иван Грозный» наделал там много шума… Говорят, сам Победоносцев топал ногами и кричал: «Запретить! Запретить!»

Третьяков. Слава Богу, не запретили.

Толстой. Да, слава Богу. Ну, что же – пойдемте смотреть…

Толстой и Третьяков идут дальше и вскоре останавливаются перед полотном Репина. Третьяков поглядывает то на «Ивана Грозного», то на Толстого, а писатель смотрит на картину и только качает головой… Наконец, после длинной паузы, Павел Михайлович решается нарушить молчание.

Третьяков. Редкостная картина, правда?

Толстой. Молодец Репин! Ах, какой молодец! Сильно и смело написано. Хорошо, очень хорошо: и хотел художник сказать значительное, и сказал. А, главное, так мастерски, что не видать мастерства! Вот оно – произведение искусства, отвечающее всем тем критериям, о которых я говорил! *(Третьякову)*. Павел Михайлович, вы очень правильно сделали, что приобрели эту замечательную картину – она станет гордостью вашей галереи!

Явление 12

Третьяков в своем кабинете рассматривает какую-то небольшую картину, держа ее в руках. Осторожно заглядывает служащий.

Приказчик. Павел Михайлович, можно вас потревожить?

Третьяков *(не переставая рассматривать картину)*. Что случилось, Андрей Маркович?

Приказчик. Пришел посыльный от московского обер-полицмейстера. Настойчиво просит его принять.

Третьяков *(посмотрел на служащего).* Очень настойчиво просит?

Приказчик. Очень.

Третьяков. Ну, хорошо, пусть войдет…

Служащий исчезает, и вскоре в кабинет деловым шагом входит посыльный в полицейском мундире.

Посыльный. Честь имею кланяться!

Третьяков. Здравствуйте, чем обязан?..

Посыльный. Господин Третьяков, обер-полицмейстер города Москвы поручил мне вручить Вам секретное предписание следующего содержания: «Милостивый государь Павел Михайлович! Государь император высочайше повелеть соизволил картину Репина «Иван Грозный и сын его Иван» не допускать для выставок и вообще не дозволять распространения ее в публике какими-либо другими способами. Принимая во внимание, что вышеупомянутая картина приобретена Вами для картинной галереи Вашей, открытой посещению и осмотру публики, имею честь покорнейше просить Вас не выставлять этой картины в помещениях, доступных публике. В удостоверение же настоящего объявления Вам приведенного высочайшего повеления не оставить, подписать прилагаемую при сем подписку и прислать оную ко мне».

Вручает Третьякову письмо и еще какой-то документ.

Посыльный. Прошу Вас ознакомиться лично с этим документом и подписать прилагаемую подписку.

Третьяков. Ну, подписать так подписать. (*Берет перо, ставит подпись и возвращает бумаги посыльному)*. Вот, пожалуйста…

Посыльный. Разрешите откланяться!

Третьяков. Всего доброго.

Посыльный торжественно оставляет кабинет. Третьяков остается один. Сначала он садится на стул и на какое-то время погружается в глубокие размышления. Наконец, приняв для себя решение, зовет служащего галереи.

Третьяков. Андрей Маркович!

Входит служащий.

Приказчик. Я вас слушаю, Павел Михайлович.

Третьяков. Андрей Маркович, завтра с выставки передвижников нам привезут новую картину Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Спрячьте ее пока. А тем временем сделайте под нее большой мольберт и установите его в гостиной. Скоро лето, семья переберется на дачу. Тогда мы и укрепим на нем нашу картину.

Приказчик. Слушаюсь, Павел Михайлович. *(Выходит)*.

Третьяков *(прищурился)*. Вот так мы этот вопрос и решим… Гостиная – это не галерея, а гости – не публика… По-моему, это было бы понятно даже ослице Валаама… Значит, надо делать то, что сделал Валаам в первый раз, когда пришли к нему послы и он уединился, ожидая Бога, чтобы сказать только то, что велит Бог*!

Занавес.

---

*Драма «Иван Грозный» начинается со сцен, в которых действуют вымышленные персонажи – студент, курсистка, корреспондент «Петербургских ведомостей» и семья богатого купца. Это своего рода вступление и настрой читателя на серьезный разговор о роли и назначении искусства и о двух противоположных направлениях в нем: первое – бескорыстный и не всегда ценимый труд художника во имя высоких идеалов, второй – легкая и прибыльная эксплуатация таланта… С одной стороны – Репин и Ярошенко с их бурлаками, нищими и передовой студенческой молодежью, а с другой – Харламов и Клевер с милыми женскими головками и невинными пейзажами, которые идут «нарасхват»…

На XI Передвижной выставке 1883 года и в самом деле были одновременно выставлены эти три картины – «Крестный ход в Курской губернии» Репина, «Курсистка»

Ярошенко и «Девушка с тамбурином» Харламова. Автор только поместил эти холсты в одном зале, чтобы и персонажи драмы, и зрители могли сразу их увидеть и сравнить.

Сравнивали их и сами художники. И это сравнение было не в пользу приспособленцев. Так, в письме к Миколе Мурашко от 30 ноября 1883 года Илья Ефимович Репин писал: «В этой девочке с тамбурином такая ложь красок, рисунка, формы, что я только оплакиваю падение Харламова, глядя на нее, и мне она противна во всех отношениях»

В пьесе эту болезненную тему продолжают Ярошенко, Крамской, Гаршин, который даже читает Репину отрывок из своей бескомпромиссной статьи. И этот разговор вполне логично и органично подводит читателя и зрителя ко второму действию, в котором речь идет уже, собственно, о картине «Иван Грозный и сын его Иван». Хотя фактически – и здесь говорится о все том же высоком назначении искусства и о гражданском служении художника…

В основу второго действия драмы «Иван Грозный» легла переписка И.Е. Репина со Л.М. Толстым, П.М. Третьяковым, Н.И. Мурашко, а также письма И.Н. Крамского к художникам и издателям, которым он с восхищением писал про гениальную картину своего бывшего ученика.

История с запрещением «Ивана Грозного» также выписана на конкретных фактах. Тут автор шел за исследованиями О. Лясковской, С. Пророковой и Д. Безруковой («Третьяков и история создания его галереи», М., «Просвещение», 1970). Все так и было – и письмо-донос Победоносцева на имя императора, и «предписание» московского обер-полицмейстера Третьякову, и решение коллекционера поставить запрещенную картину в своей гостиной. 5 апреля 1885 года он писал Репину: «До переезда на дачу она будет спрятана; по отъезде нашем на дачу поставлю на мольберте в одной из жилых комнат…»

Как пишет С.А. Пророкова в книге «Репин»: «Только через три месяца, после хлопот художника Боголюбова, вхожего ко двору, Третьякову вновь разрешили поместить картину в залах галереи».

«Вечорниці»

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Типичные украинцы:

Илья Ефимович Репин – русский художник.

Николай Дмитриевич Кузнецов – художник-передвижник.

Ганна Григорьевна – его жена.

Василь Васильевич Тарновский – меценат и коллекционер из Черниговской губернии.

Софья Васильевна – его жена.

Мария Григорьевна Ге – актриса, племянница художника Н.Н.. Ге.

Зоя Григорьевна – ее младшая сестра.

Типичные русские:

Владимир Васильевич Стасов – искусствовед и критик.

Василь Иванович Суриков – художник-передвижник.

Валентина Семеновна Серова – музыкантша, вдова композитора О.Н. Серова.

Валентин Александрович Серов – молодой художник, сын Серовых.

Лидия Александровна Максимова – жена В.М. Максимова.

Вера Алексеевна Репина – жена И.Е. Репина.

Софья Алексеевна – сестра Веры Алексеевны, жена В.Е. Репина.

Евреи:

Марк Матвеевич Антокольский – скульптор, друг передвижников.

Елена Юлиановна – его жена.

Елена Павловна – племянница М.М. Антокольского.

Чухонцы:

Михаил Петрович Клодт – передвижник.

Софья Николаевна Крамская – жена И.Н. Крамского.

Цыгане:

Савва Иванович Мамонтов – владелец Абрамцево, меценат.

Елизавета Григорьевна – его жена.

Надежда Яковлевна Капустина – писательница, племянница Д.И. Менделеева.

Мария Павловна Ярошенко – жена Н.А. Ярошенко.

Музыканты:

Василий Ефимович Репин – брат И.Е. Репина (флейта).

Еще ***два музыканта*** из оркестра Мариинского театра (бубон и скрипка).

Новгородский купец и его дочь-красавица:

Павел Михайлович Третьяков – московский промышленник и коллекционер.

Вера Павловна – его дочь.

Бедный парубок:

Григорий Григорьевич Ге – молодой актер, племянник художника Н.Н. Ге.

Сваты («староста і підстароста»):

Иван Николаевич Крамской – известный художник-передвижник.

Архип Иванович Куинджи – пейзажист.

Свадебный генерал:

Николай Александрович Ярошенко – передвижник.

Морская царевна:

Анна Ивановна Менделеева – художница, жена Д.И. Менделеева.

Художник с картонной палитрой:

Константин Аполлонович Савицкий – живописец.

Монастырский служка:

Василий Максимович Максимов – художник.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Конец февраля 1886 года. Мастерская И.Е. Репина в Петербурге. Илья Ефимович стоит возле небольшого холста, на котором нарисованы запорожские козаки. Это – масляный этюд «Запорожцев». Рядом с этюдом находится еще одна картина: на ней изображен гетман или полковник, опирающийся на пушку. Художник о чем-то размышляет, рассматривает холсты с разных сторон, но к работе не приступает. В мастерскую входит его давний приятель, коллекционер и меценат из Черниговской губернии Василий Васильевич Тарновский. Первыми фразами они обмениваются на украинском языке.

Тарновский. Помагай Біг, Ілля Юхимович!

Репин *(радостно)*. Василь Васильович, дорогий! А я оце щойно думав про вас! Ось навіть портрет козацького гетьмана, для якого ви мені позували, поставив біля своїх «Запорожців»!

Тарновский. Дуже славну картину ви задумали… То як вони – вимальовуються, наші запорожці?

Репин. Розледачіли, бісові діти, не хочуть вимальовуватися… А може, це я розледачів… Море материала собрал с Серовым на Хортице, всю вашу запорожскую коллекцию зарисовал тогда в Качановке… *(Показывает на этюд с запорожцами)*. А они взяли руки в бока и смеются… Так, будто надо мной насмехаются, а не пишут письмо турецкому султану…

Тарновский. Надо вам снова к нам приехать. Помню, в Качановке вам очень хорошо работалось…

Репин. В таком историческом месте не может не работаться! Господи, что за чудо – ваша Качановка: роскошный палац, построенный по проекту Растрелли, большой парк вокруг озера и длинные-длинные аллеи, которыми прогуливались Шевченко, Гоголь, Гулак-Артемовский, Костомаров, Глинка… Это же в Качановке Глинка писал оперу «Руслан и Людмила»?

Тарновский. В Качановке.

Репин. Ну, конечно, где же еще композитор мог написать такую оперу, как не на Украине – под пение украинских соловьев?! «Не щебечи, соловейку»… Эту песню Глинка и Забила тоже написали в вашем поместье?

Тарновский. Да.

Репин. А «Гуде вітер вельми в полі»?

Тарновский. И эту тоже.

Репин. Хорошая песня. И простые, казалось бы, слова, а как берут за душу… Я эту песню очень люблю. *(Поет)*.

Гуде вітер вельми в полі, реве, ліс ламає…
Плаче козак молоденький, долю проклинає.
Гуде вітер вельми в полі, реве, ліс ламає…
Козак нудиться, сердешний, що робить – не знає.

(Умолк и опустил голову).

Тарновский. Не нравится мне ваше подавленное настроение, Илья Ефимович… Что с вами?

Репин *(грустно)*. Что-то мне в последнее время и в самом деле грустно, Василий Васильевич… Наверное, это история с критикой и запретом «Ивана Грозного» на меня так подействовала – мне очень обидно такое отношение ценителей к этой моей вещи. Если бы они знали, сколько я пережил, и какие силы легли там! Ну, да конечно, кому же до этого дело… Но мне от этого больно, и я, как тот козак из песни: «що робить – не знаю»… Томлюсь да все вспоминаю слова Тараса Шевченко, которые он когда-то написал из Петербурга в Качановку Григорию Степановичу Тарновскому. Помните? «А я… чортзна-що, не то роблю що, не то гуляю, сновигаю по оцьому чортовому болоті та згадую нашу Україну. Ох, якби-то мені можна було приїхати до солов’я, весело було б…»

Тарновский. Так сколько дела?! Собирайтесь – и хоть завтра поедем в нашу Качановку! Соловьи там в конце февраля, конечно, не поют, но

«вечорниці в досвітчаній хаті» мы организуем такие же, как и пять лет назад, когда вы рисовали у нас картину «Вечорниці»!

Репин. А «досвітчана мати, тітка Харитина», у которой «вечорниці» тогда собирались, еще жива?

Тарновский. Жива и здорова, слава Богу!

Репин. А Ничипор Коваль, тот простоватый парубок, который сам никогда не танцевал, а только сидел на скамье возле хозяйки и с завистью наблюдал за танцующими?

Тарновский. И с ним все хорошо! Вот приедем в Качановку – сами увидите: ничего на наших «вечорницях» не изменилось – все так же играет красками, как и на вашей картине.

Репин. Да когда же ехать?!. Через несколько дней – масленица начинается. А после нее – сразу великий пост. А ведь потом вечерницы уже прекращаются!

Тарновский *(вздохнул)*. Да, прекращаются. Во время великого поста вечерницы нельзя проводить – грех…

Репин. Вот видите.

Тарновский. Да уже вижу. Придется нам теперь до новых вечерниц подождать.

Репин *(вдруг посветлел на лице)*. А может, и не придется… Зачем ждать? Мы соберем всех украинцев, которые есть сейчас в Петербурге, и устроим вечерницы у меня дома! Смотрите, сколько нас тут собралось – Крамской, Куинджи, Ярошенко, Кузнецов, Тарновский с женой, племянницы и племянник Николая Николаевича Ге – Мария, Зоя и Григорий, Илья Репин с братом Василием! А еще мы пригласим Стасова, Антокольского, Савицкого, Максимова, Клодта, Серова… Кто придет один, а кто – с женой! Каждый наденет свой национальный костюм – и будут на наших вечерницах не только украинцы, но и россияне, поляки, евреи…

Тарновский. Интересная мысль! Только это надо организовать до великого поста, Илья Ефимович.

Репин. Вот как раз на масленицу и соберемся! *(Торжественно поднял вверх перст)*. Вечерницы на масляной! Это будет замечательно! Я про это еще со Стасовим поговорю…

Явление 2

И.Е. Репин уже у В.В. Стасова в Публичной библиотеке. Они как раз входят в кабинет Владимира Васильевича.

Репин. Ну, как вам такая идея, Владимир Васильевич? Хорошо будет устроить у меня «вечорниці» и костюмированный вечер на масленицу?

Стасов. Вы попали в самую точку, Илья Ефимович! Ведь это один из самых ярких праздников на Руси! *(Взял с полки толстую книгу)*. Вот послушайте, что пишет о масленице М. Забылин в своей книге «Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия». *(Находит нужную страницу и читает)*. «По сказаниям церковных историков в эти дни безумствовали, то есть надевали на себя личины (маски), костюмы. Причем мужчины наряжались в женские костюмы, а женщины надевали мужской наряд, иногда мужчины наряжались в довольно странные костюмы (пугалами), чтобы казаться страшнее, и такая костюмировка (народный маскарад) служил на масленице поводом к самому веселому разгулу…» И дальше Забылин цитирует одного иностранца, который, побывав в России, написал так: «Масленица потому так названа, что русским в течение этой недели позволяется кушать коровье масло; ибо они во время поста вместо коровьего употребляют конопляное в кушанье… Масленица начинается за 8 дней до Великого поста… В это время пекут пирожки, калачи и тому подобное, в масле и на яйцах, зазывают к себе гостей и упиваются медом… Масленица напоминает мне итальянский карнавал, который в то же время и таким же образом отправляется».

Репин. Вот я и хочу собрать у себя на масленицу гостей и устроить, ну если не карнавал, то хотя бы костюмированный вечер…

Стасов. Прекрасная идея, Илья Ефимович!

Репин. Идея не новая, Владимир Васильевич. Когда-то у Саввы Ивановича Мамонтова в Абрамцево мы уже разыгрывали такие домашние спектакли. Ставили «Два мира» Майкова, «Снегурочку» Островского, а также живые картины «Демон и Тамара», «Жницы», «Русалка»… Поэтому, когда меня посетил Василий Васильевич Тарновский из Черниговской губернии и мы начали вспоминать, как я в его Качановке писал картину «Вечорниці», мне и пришла в голову мысль устроить украинские «вечорниці» у себя дома…

Стасов. Вашу картину «Вечорниці» можно очень хорошо оживить – украинцев в Петербурге много!

Репин. Моя идея состоит в том, чтобы эти «вечорниці» были не только для украинцев! Часть гостей придет в русских костюмах, часть – в еврейских и чухонских… Будут русалки, скоморохи, монахи… Таким образом мы объединим «вечорниці», масленицу и народный маскарад!

Стасов. Очень хорошо! Только это надо связать общим сюжетом.

Репин *(улыбнулся)*. Я думаю над этим.

Стасов. По глазам вижу, что уже и придумали!

Репин. Придумал, но не скажу! Вы же знаете мое правило – никогда не показывать картины, пока она не закончена. И потом: если я сейчас все расскажу – вам на вечере будет неинтересно…

Стасов. И то правда. Ну, а в какой костюм вы мне посоветуете нарядиться?

Репин. Конечно же, в русский, Владимир Васильевич! Вы уже столько лет трудитесь на благо русского национального искусства, что в другом костюме я вас даже не представляю!

Явление 3

К Репину заходят в гости Зоя, Мария и Григорий Ге.

Григорий. Илья Ефимович, племянницы и племянники художника Николая Николаевича Ге – почти в полном сборе!

Репин. Слава Богу! А я боялся, что Зоя Григорьевна и Мария Григорьевна уже уехали из Петербурга. Ну, думаю, – пропали мои «вечорниці», если не будет наших славных украинских девчат…

Мария. Мы еще тут, Илья Ефимович!

Репин. Да я уже вижу… *(Любуется девчатами)*. Господи, какие красавицы! Мария Григорьевна, Зоя Григорьевна, – вы почти не изменились с тех пор, когда я рисовал ваши портреты в Париже! «Украинка у плетня» – это была Зоя Григорьевна…

Зоя. Да, Илья Ефимович. Это была я – в белой кофточке с вышитым украинским узором, в красной юбке, вся в монистах и с цветными лентами на плечах!

Репин. Помню, помню… Настоящая украинка! Вы еще не забыли, как мы с вами танцевали гопака и метелицу на мои именины?

Зоя. Нет, не забыла. Это был вихрь, а не метелица! Где вы научились так хорошо танцевать?

Репин. А я с детства увлекался танцами! Сначала мы подражали взрослым на танцевальных вечерах, которые устраивали офицеры чугуевского уланского полка. А во время учебы в Академии художеств я проводил праздники в знакомом семействе, где были подростки-барышни: мы играли в фанты и танцевали до упаду – я очень любил танцевать.

Мария. И петь тоже любили?

Репин. А как же! Мы в академии даже небольшой украинский хор было организовали – все академисты и профессора приходили послушать наших «певучих хохлов»! Но у меня, конечно же, не такой красивый голос, как у вас, Мария Григорьевна. Вы же – актриса и профессиональная певица! Поэтому на моих «вечорницях» давайте распределим роли так: мы с Зоей Григорьевной будем танцевать гопака и метелицу, а вы с Кузнецовым и Тарновским – будете петь украинские песни!

Мария. Хорошо, Илья Ефимович.

Григорий. А мне что делать?

Репин. Для вас, Григорий Григорьевич, как для молодого актера, я тоже придумал очень интересную роль! Помните, в правом углу моих «Вечорниць» нарисован простоватый парубок, который с восхищением наблюдает за танцующими? Этого простака я нарисовал когда-то в Качановке из тамошнего парубка Ничипора Коваля. Вот теперь, когда мы будем «оживлять» мою картину, вы наденете свитку, возьмете в руки «ціпок» и сыграете роль простоватого парубка!

Григорий. Я согласен.

Репин. Вот и прекрасно!

Мария. Илья Ефимович, а как будет с музыкой? «Вечорниці» никогда не обходились без «троїстих музик»!

Репин. И это уже продумано, Мария Григорьевна! Мой брат Василий, как вы знаете, играет на флейте в оркестре Мариинского театра. Он возьмет из оркестра еще двух профессиональных музыкантов (скрипку и бубон) и «троїсті музики» – готовы!

Мария. Это будут настоящие «вечорниці»!

Зоя. А костюмы?

Репин. Украинских костюмов у меня – полные шкафы от «Вечорниць» остались! Хватит всем!

Явление 4

К Репину пришли Мамонтов и Третьяков.

Репин. Как хорошо, что вы теперь в Петербурге, Павел Михайлович и Савва Иванович! Давно приехали?

Третьяков. Только вчера, Илья Ефимович. Я – с дочкой Верой, а Савва Иванович – с Елизаветой Григорьевной.

Репин. Надолго?

Мамонтов. Пока все блины в столице не съедим!

Репин. Замечательно! Я на масленице как раз собираюсь устроить у себя «вечорниці» с варениками!

Третьяков. Такие, как на вашей картине «Вечорниці»?

Репин. Даже лучше, Павел Михайлович! Потому что на картине есть только парубки и девчата с музыкантами, а у меня соберутся все мои лучшие друзья – Стасов, Крамской, Кузнецов, Антокольский, Серов, *(показывает на гостей)* Третьяков, Мамонтов и многие художники с женами и без жен. Мои вечерницы задуманы как костюмированный вечер, на котором гости будут исполнять песни и танцы разных народов и представлять свои оригинальные костюмы. Так что – готовьтесь, Павел Михайлович и Савва Иванович! Мы все будем вам безмерно рады!

Третьяков. Помилуйте, Илья Ефимович! До масленицы осталось всего несколько дней! Как тут можно придумать интересный костюм? Мы же не цыгане, что всегда в своих нарядах кочуют!

Мамонтов. Почему не цыгане? Я вот возьму и оденусь цыганом, прихвачу с собою свою гитару, наряжу Елизавету Григорьевну цыганкой – вот вам и оригинальный костюм!

Репин. Прекрасно!

Третьяков. Да, это будет прекрасно – я не сомневаюсь. Савва Иванович играет на гитаре лучше любого цыгана, а Елизавета Григорьевна пляшет не хуже всех цыганок на свете! А мы с Верой что можем придумать?

Репин. Да зачем вам придумывать, Павел Михайлович? Вы же вышли из купеческого сословия! Вот и будете на нашем масленичном маскараде новгородским купцом!

Третьяков. А Вера?

Репин. А Вера – дочерью новгородского купца!

Третьяков. А костюмы? Ведь раньше купцы не такую одежду носили! *(Показывает на свой костюм)*.

Репин. Это не проблема, Павел Михайлович! Моя идея – мой и костюм! *(Открывает шкаф и достает оттуда дорогую шубу и шапку)*. Смотрите: в

этой шубе и шапке я в Париже писал Васнецова для своей картины «Садко»! Думаю, что для костюма русского купца это подойдет…

Третьяков. Вполне подойдет! Материя – очень дорогая, и меха – самые лучшие!

Репин. Ну, иначе и быть не могло… Эту картину я писал по заказу великого князя – на костюмы и декорации он денег не жалел…

Мамонтов. И вы этот костюм сохранили?!

Репин. А кто же таким добром разбрасывается? Я всегда все костюмы сохраняю! Вот их сколько собралось – полные шкафы: шуба для картины «Садко», русские и украинские народные костюмы для картин «Проводы новобранца» и «Вечорниці», сарафан для «Царевны Софьи», шелковый кафтан для царевича из «Ивана Грозного» и множество других… *(Третьякову)*. Так что, не беспокойтесь, Павел Михайлович, – и вы, и Вера Павловна будете в самых лучших нарядах! *(Мамонтову)*. Может, вам тоже что-нибудь из одежды еще понадобится, Савва Иванович?

Мамонтов. Спасибо, Илья Ефимович, но ничего не надо! Цыгане часто фигурируют в наших домашних спектаклях, так что цыганские костюмы у нас давно уже есть.

Явление 5

В той же самой комнате Илья Ефимович Репин и его жена Вера Алексеевна перебирают костюмы из шкафов и при этом обговаривают предстоящие вечерницы.

Репин. Так, Вера, с костюмами, кажется, мы уже разобрались… *(Показывает на развешанную одежду)*. Украинские вышитые сорочки и шаровары – для украинцев, вышитые рубахи и сарафаны – для россиян… Дорогая шуба новгородского купца – для Третьякова, черная ряса монастырского служки – для Максимова, сарафан из серебряной парчи – для Серовой… *(Взял в руки сарафан)*. Помнишь, как ты этот сарафан жемчугом расшивала, когда я «Царицу Софью» рисовал?

Вера Алексеевна. Помню. Валентина Семеновна в этом костюме выглядела, как настоящая царица!

Репин. Да, Серова – типичная русская женщина! Боже, как она выглядит! А как она поет! Заслушаешься! Ах, какие у нас будут «вечорниці»!!! Не хуже тех, которые мы видели в Мохначах под Чугуевом!

Вера Алексеевна. А ты в какой костюм оденешься, Илья?

Репин. Ну, поскольку это будут «вечорниці» и мы начнем с оживления моей картины, то я оденусь типичным украинцем! А ты?

Вера Алексеевна. Я буду русской крестьянкой! *(Берется примерять по своему росту русский народный костюм)*.

Репин. Прекрасно! Он тебе очень идет! Так… Значит, что у нас получается?.. В украинских костюмах будут – Тарновские, Кузнецовы, братья Репины, а также Зоя, Мария и Григорий Ге. В русских – Стасов, Суриков, Серовы, жена Максимова и ты с сестрой Софией. Цыганами оденутся Мамонтовы, Капустина и Мария Павловна Ярошенко. Антокольский с женой и племянницей облачатся в еврейские наряды. Жена Крамского и Клодт – в чухонские. Анна Ивановна Менделеева обещала быть морской царевной. Савицкий сыграет роль художника с картонной палитрой. Крамской и Куинджи придут в своей обычной одежде. Ярошенко тоже будет в своем неизменном военном мундире, что мне, собственно, и надо, поскольку он должен стать свадебным генералом…

Вера Алексеевна. Каким свадебным генералом?

Репин *(хитро улыбнулся)*. А это секрет, Верочка! Я его раскрою только на «вечорницях»! Потерпи!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 6

Квартира Репина, торжественно приготовленная для «вечорниць». В углу большого зала обустроено место для «оживления» картины «Вечорниці»: там стоит деревянный стол с букетом цветов, кушаньями и «пляшкою горілки», на стенах висят образа и вышитые

рушники. Зала уже заполнена гостями. Отдельными группами стоят или сидят в своих национальных костюмах украинцы, россияне, евреи, чухонцы, цыгане… Среди них видно художника в смешной шляпе и с гигантской картонной палитрой (он уже рисует чей-то портрет), монастырского служку в черной рясе, морскую царевну, богатого купца с дочкой, генерала в мундире и троих музыкантов, которые наигрывают легкую польку… Репин, одетый в вышитую украинскую мужскую сорочку и зеленые шаровары, хлопочет возле стола с цветами и кушаньями, профессиональными движениями поправляет декорации, а потом, убедившись, что все на месте, подает знак музыкантам, чтобы остановились, и обращается к гостям…

Репин. Вот наша «досвітчана хата» и готова! Видите – все, как и на картине «Вечорниці». Остается только посадить за стол парубков и девчат. Вернее, сначала – девчат, а потом – парубков! Ведь хату для вечерниц всегда нанимали девчата. Они же первыми и сходились в хату «досвітчаної матері», одинокой вдовы, и сразу же принимались за работу: пряли починки, шили сорочки или вышивали рушники… *(Подает знак женщинам в украинской одежде, и они садятся за стол)*. Парубки появлялись на «вечорницях» позже девчат и приводили с собой музыкантов. *(По взмаху руки Репина в «хату» входят мужчины-украинцы и три музыканта)*. Понятное дело, что после этого девчатам было уже не до работы – начинались танцы, звучали песни! Невзрачный парубок Ничипор Коваль с завистью смотрел на танцующих *(усаживает на краю лавки Григория Ге в простой свитке)*, а возле него сидела на лавке «досвітчана мати» в белом летнике *(берет за руку и проводит к лавке Софию Васильевну Тарновскую, одетую по-крестьянски)*. Сидела и с грустью вспоминала свою молодость, когда и она вот так танцевала… Эх, какие это были «вечорниці»!

Илья Ефимович подает знак музыкантам, и они начинают играть. Репин и Зоя Ге танцуют гопака (точно так же, как и на картине «Вечорниці»). Мария Ге и Николай Дмитриевич Кузнецов поют.

Пусти мене, моя мати,
Та й на вечорниці,

Там мій милий чорнобривий
Плете рукавиці.

Плете, плете рукавиці,
Палець доплітає:
«Відай, мою миленькую
Мати не пускає».

***

Очерет, осока, –
Чорні брови в козака,
Матусенька родила,
Щоб дівчина любила.

***

Ой гоп гопака!
Прийми, мати, приймака:
На те мати родила,
Щоб козака любила.

Музыканты меняют гопака на метелицу, Репин и Зоя Ге танцуют, а Кузнецов, Тарновский и Мария Ге дальше поют.

Ти сказала: «Прийди, прийди».
Не сказала куди, куди.
Я прийшов – тебе нема.
Підманула, підвела!

– Ти ж мене підманула!
– Я ж тебе підвела!
– Ти ж мене, молодого,
З ума-розуму звела!

Ти казала – у вівторок

Поцілуєш разів сорок.
Я прийшов – тебе нема.
Підманула, підвела!

– Ти ж мене підманула!
– Я ж тебе підвела!
– Ти ж мене, молодого,
З ума-розуму звела!

Ти сказала: під комору,
Не сказала, під котору.
Я прийшов – тебе нема.
Підманула, підвела!

– Ти ж мене підманула!
– Я ж тебе підвела!
– Ти ж мене, молодого,
З ума-розуму звела!

Явление 7

Танец кончился. Репин обращается к гостям.

Репин. Вот такие были когда-то «вечорниці» … Танцы, шутки, песни… Если расходились в полночь – это называлось «вечорницями». А если засиживались до третьих петухов – это уже были «досвітки»… На «вечорницях» парубки знакомились с девчатами, влюблялись в них, а потом засылали сватов… Вот так и наш Ничипор Коваль – приглядел красивую дивчину и решил к ней посвататься. Сватами у нас будут Иван Николаевич Крамской и Архип Иванович Куинджи. *(Показывает на Крамского и Куинджи)*. Они родились и выросли на Украине, поэтому этот обряд им очень хорошо известен. Иван Николаевич будет старостой, а Архип Иванович – подстаростой. Вот вам, дорогие сваты, хлеб от молодого и посошки в руки – сваты всегда приходили «із ціпками».

Крамской. Если честно признаться, Илья Ефимович, то я уже немного подзабыл, что именно должны говорить сваты в хате молодой…

Репин. Ну, как же, Иван Николаевич! «Ви люди німецькії, ідете з землі турецької, молодий князь послав вас шукати куницю – красну дівицю… А тут якраз випала пороша!» Вспомнили?

Крамской. Теперь начинаю вспоминать.

Репин. Вот и хорошо. А если что-нибудь забудете, то Архип Иванович вас выручит – он все знает, потому что часто бывает на Украине.

Куинджи. Даже настоящим сватом был однажды, когда рисовал «Месячную ночь на Днепре»!

Репин. Прекрасно! Тогда собирайтесь – и в дорогу!

Крамской. Погодите, а в кого же влюбился наш парубок?

Репин. Известно в кого – в первую красавицу, в купеческую дочь! *(Показал на Веру Третьякову)*.

Крамской. Это немного надумано, Илья Ефимович, чтобы воссоединились украинский парубок и дочь русского купца… Такого не бывает…

Репин. Как это не бывает?! А разве молодая царевна Елизавета Петровна не влюбилась однажды в очень красивого украинского парубка Алексея Розума из придворной капеллы и не сделала его управляющим всех своих поместий, да еще камер-юнкером?! А когда Елизавета Петровна стала императрицей в 1742 году, она сделала Алексея Розумовского генерал-поручиком и графом и обвенчалась с ним! Мне Николай Костомаров много об этом рассказывал. А вы говорите: «Такого не бывает…» Если это было в русской истории, то на карнавале на масляной – тем более может быть! Главное, чтобы на эту интермедию согласились наш новгородский купец и его дочь-красавица… *(Уважительно указал на Третьякова и его дочь Веру)*.

Вера *(с радостью)*. Я согласна!

Третьяков *(развел руками)*. Ну, тогда – я тоже согласен…

Репин. Правильно, Павел Михайлович! На украинских свадьбах всегда так было – если дочь соглашалась выйти за парубка, то родители тоже давали

свое согласие… Итак, вечерницы закончились, все разошлись, и теперь мы видим совсем другую картину… В крестьянской хате на деревянной лавке сидит за столом отец, богатый новгородский купец *(садит Третьякова за стол)*, возле печи стоит и стыдливо колупает печь его дочь-красавица *(берет Веру за руку и подводит к печи)*, аж тут в хату входят сваты с нашим молодым! Только староста и подстароста проходят дальше, а молодой скромно садится на лавку у самого порога… Ну, начинайте!

Явление 8

Крамской и Куинджи, постукивая посошками, «заходять до хати», а Григорий Ге садится невдалеке.

Крамской. Дай, Боже, вечір добрий, пане-господарю!

Репин *(за Третьякова)*. Добривечір і вам, люди добрі! А хто ви і звідки будете?

Крамской. Ми люди німецькії, ідемо з землі турецької. Раз у нашій землі випала пороша. Я и говорю своему товарищу: «Что нам смотреть на погоду? Пойдем искать звериный след». Вот и пошли. Ходили-ходили, когда это вдруг – навстречу нам идет князь… *(Показал при этом на Григория Ге, который сидит, изображая парубка с простоватым лицом)*.

Куинджи. И вот этот князь поднимает плечи и говорит такие речи: «Эй вы, охотники, ловцы-молодцы! Будьте добры, покажите дружбу. Случилась мне куница – красная девица! Помогите мне ее поймать!»

Крамской. Пошли мы по следам, по всем городам, весь Петербург обошли, а куницы не нашли…

Куинджи. Ні в Петропавловській фортеці, ні в Публічній бібліотеці!

Крамской. Но вчера вечером опять выпала пороша! Так мы утром встали и на след напали!

Куинджи. Певно, що звір наш пішов у двір ваш, а з двору в хату та й сів у кімнату.

Крамской. Отдайте нашему князю куницу, вашу красную девицу!

Куинджи. Кажіть же ділом, чи оддасте, чи нехай ще підросте?

Репин *(показывает на Третьякова)*. А это уж пускай отец молодой решает…

Третьяков. Надо подумать… *(Почесал затылок, искоса посматривая на молодого)*.

Куинджи. Та що тут довго думать?! За такого парубка, як наш Ничипір Коваль, будь-яка дівчина заміж піде!

Крамской. Він у нас хлопець славний!

Куинджи. Тільки не дуже ставний…

Крамской. Та ще, може, трохи простакуватий… Точніше – не дуже метикуватий…

Куинджи. Но это – не такой уж большой недостаток! Как у вас тут, в Московии, говорят: «Хохол глупее вороны, но хитрее черта»! А мы живем в такое время, что надо быть не умным, а хитрым!

Крамской. Вы спросите: «А почему же он такой бедный, если такой хитрый?»

Куинджи. Так мы вам сразу скажем, что наш князь не такой уж и бедный…

Крамской. У него дома под печкою еще одни постолы есть!

Куинджи. И еще одна клюка от собак!

Крамской. И еще одна веревочка для штанов!

Куинджи. А как же!

Крамской. То як, пане-господарю, віддаєте свою дочку за нашого парубка?

Третьяков *(категорично)*. Не отдаю!

Репин. Нет, Павел Михайлович, так нельзя… На Украине сватам так категорично никогда не отказывают, потому что до сих пор верят, что отказ сватам приносит несчастье… А зачем вам, богатому купцу, накликать на себя несчастье? Тем более, что это – всего лишь спектакль! *(Умоляюще)*. Прошу вас, согласитесь, иначе вы всю интермедию мне испортите…

Третьяков. Ладно, я согласен.

Репин. Прекрасно! Тогда подаем сватам рушники, а молодому – платок! И ведем молодых под венец, потому что на обручение время терять некогда – там, на столе, вареники в макитре стынут! *(Максимову)*. Василий Максимович, если вы уж оделись монастырским служкой, то будете и за священника! Церемонию знаете, на венчании когда-нибудь были?

Максимов. Конечно, Илья Ефимович, – я не раз бывал на венчаниях, да и сам ведь в церкви венчался!

Репин. Чудесно! Тогда вот вам и молодые для венчания! *(Ставит перед ним молодых)*.

Максимов. Полный обряд совершать или короткий?

Репин. Как можно короче, Василий Максимович! Прошу вас – как можно короче!

Максимов. Как скажете, можно и так. *(Торжественно начинает церемонию)*. Венчается раба Божия Вера Павловна Третьякова и раб Божий…

Третьяков *(срывается с места)*. Нет, нет, нет! *(Репину)*. Извините, Илья Ефимович, но об венчании у нас уговора не было! Пусть это всего лишь интермедия, но за такого «князя» я свою дочь – даже в комическом спектакле не отдам! *(Берет дочь за руку и отводит в сторону)*.

Репин *(хитро улыбнулся)*. Если честно, Павел Михайлович, то за такого «князя» и я свою дочку не отдал бы… Поэтому мы сейчас заберем у него из рук посошок *(забирает у Григория Ге палку)*, снимем эту поношенную свитку *(снимает с актера свитку, под которой оказываются вышитая украинская сорочка и шаровары)*, поправим ему прическу *(поправляет прическу)* – и выйдет у нас красивый украинский парубок! Может, даже не хуже Алексея Розума, в которого была влюблена царевна Елизавета! Я готовил сюрприз и думал превратить этого простака на красивого парубка уже после венчания, но пусть будет теперь. *(Третьякову)*. Ну что, Павел Михайлович, – за такого красавца вы отдали бы свою дочь?

Третьяков. Вот за такого парня отдал бы!

Репин. Тогда будем считать, что наши молодые уже обвенчались! Начинается свадьба: молодых усаживают за большой стол *(ведет молодых к*

столу), рядом с ними садится свадебный генерал *(усаживает возле них Ярошенко в мундире)*, играют музыканты, и гости исполняют русские, еврейские, чухонские и цыганские песни…

Явление 9

Звучит заводная мелодия. Наперед выходит Валентина Семеновна Серова в сарафане из серебряной парчи, а за ней – одетые в русские народные костюмы Владимир Васильевич Стасов, Василий Иванович Суриков, сын Серовой – молодой художник Валентин Серов, жена Ильи Ефимовича Вера Алексеевна, ее сестра София Алексеевна и Анна Ивановна Менделеева (последняя – в костюме морской царевны, который тоже напоминает русский народный костюм)… В.С. Серова и все остальные, пританцовывая, поют русскую народную песню «Выйду на улицу».

Выйду на улицу, солнца нема,
Девки молодые свели меня с ума.
Выйду на улицу, гляну на село,
Девки гуляют, и мне весело.

Матушка родная, дай воды холодной,
Сердце моё так и кидает в жар.
Раньше гулял я в зелёном саду,
Думал на улицу век не пойду.

А теперь под вечер аж пятки горят,
Ноженьки резвые в пляску хотят.
Выйду на улицу, к девкам пойду,
Голосом звонким я им подпою.

Матушка, слышишь, соловушка поёт,
А там под горою пляска идёт.
Девки голосистые звонко поют,
Мне, добру молодцу, спать не дают.

Выйду на улицу, солнца нема,

Девки молодые свели меня с ума.
Выйду на улицу, гляну на село,
Девки гуляют, и мне весело.

Только закончили петь и плясать россияне, как свадебное настроение подхватывает Марк Матвеевич Антокольский – он и его жена Елена Юлиановна и племянница Елена Павловна исполняют еврейский танец.

. . . . . .

Вслед за еврейским танцем начинается чухонский в исполнении Софьи Николаевны Крамской и Михаила Петровича Клодта.

. . . . . .

А за чухонцами выходят цыгане – Савва Иванович Мамонтов с гитарой, его жена Елизавета Григорьевна, Надежда Яковлевна Капустина и Мария Павловна Ярошенко. Они танцуют и поют.

Ой, играй, гитара моя милая, да разгони тоску мою печаль.
Прощай, жизнь моя цыганская, ничего теперь не жаль.

Во зелёной травушке-муравушке
Да не найти рассыпанных колец,
Не найти любви-забавушки –
Тут и счастьицу конец.

Цыгане эффектно завершают танец, и на передний план, как дирижер этого неповторимого зрелища, снова выходит Илья Ефимович Репин.

Явление 10

Репин. Ох и славная была свадьба – играли музыканты, веселились гости, цыганка ворожила молодым и обещала им долгую и счастливую жизнь! А потом увидела богатого купца и искусилась легким заработком…

Репин берет за руку одну из женщин, переодетую цыганкой, и подводит к Третьякову. Цыганка тут же входит в роль и протягивает руку.

Цыганка. Позолоти ручку, купец, – всю правду скажу!

Третьяков. А не обманешь?

Цыганка. Боже сохрани! Где ты видел, чтобы цыганка обманывала?! Даю слово: если хоть раз совру – верну тебе назад твой золотой!

Третьяков. Хорошо, так я согласен. *(Дает цыганке монету)*. Ну, говори, что меня ожидает в моих купеческих делах?

Цыганка. Вижу по ладони, что дела твои купеческие пойдут в гору, купец! Разбогатеешь ты, очень сильно разбогатеешь! Станешь богатым, как Третьяков!

Третьяков. Так я и есть Третьяков…

Цыганка. Вот видишь – уже правду сказала!

Третьяков. Ну, ладно, а что у меня будет?

Цыганка. Будет у тебя своя картинная галерея в Москве.

Третьяков. Но она у меня уже давно есть!

Цыганка. Вот видишь! Я только сказала про галерею, а она у тебя уже давно есть!

Третьяков. Нет, цыганка, так не пойдет! Так ты мне еще скажешь, что у меня в той галерее будут картины Репина «Вечорниці», «Крестный ход в Курской губернии», «Иван Грозный и сын его Иван»… И это тоже будет правда, потому что они у меня там уже есть… Какое же это гаданье? Ты мне скажи, что со мной случится такое, чего еще не было! Пусть даже сегодня, пусть даже через полчаса! Но обязательно что-то новое!

Цыганка. Ну, купец, это проще простого… Через полчаса ты со всеми гостями Ильи Ефимовича Репина будешь сидеть за длинным столом, праздновать масленицу и уплетать вареники в сметане! Что – может, скажешь, соврала?

Третьяков *(почесал затылок)*. Не соврала. Забирай свой золотой.

Цыганка довольно улыбнулась и спрятала деньги.

Репин. Вот цыганка – так цыганка! Всю правду сказала! Ну, допустим, про стол и про вареники нетрудно было догадаться после того, как я сказал, что вареники в макитре стынут… Но откуда она могла знать, что вареники будут в сметане?

Репин подает знак музыкантам, и как заключительный аккорд «вечорниць», звучит украинская народная песня про вареники, которую начинают украинцы, а подхватывают все гости.

Ой мій милий вареників хоче,
Ой мій милий вареників хоче!

– Навари, милая, навари, милая,
Навари, уха-ха, моя чорнобривая!

Та й дров же немає, милий мій миленький,
Та й дров же немає, голуб мій сизенький!

– Нарубай, милая, нарубай, милая,
Нарубай, уха-ха, моя чорнобривая!

Та й сили ж немає, милий мій миленький,
Та й сили ж немає, голуб мій сизенький!

– То вмирай, милая, то вмирай, милая,
То вмирай, уха-ха, моя чорнобривая!

А з ким будеш доживати, милий мій миленький,
А з ким будеш доживати, голуб мій сизенький?

– Із кумой, милая, із кумой, милая,
Із кумой, уха-ха, моя чорнобривая!

Та підем же додому, милий мій миленький,
Вареників наварю, голуб мій сизенький!

– Навари, милая, навари, милая,
Навари, уха-ха, моя чорнобривая*!

Занавес.

---

*Над тем, как в биографический роман про Репина вписать пьесу «Вечорниці», я думал дольше, чем над другими драмами. Дело в том, что сама картина была закончена в 1881 году, а это время между первым и вторым действием «Крестного хода», который как раз и построен на противопоставлении сытого протодиакона (1876) и голодного нищего-горбуна (1883). Поэтому вставить драму «Вечорниці» между первым и вторым действием «Крестного хода» значило бы то же самое, что разрезать картину «Крестный ход в Курской губернии» надвое и разместить первую половину с горбуном, а вторую половину с протодиаконом в разных залах… Это однозначно значило бы – испортить драму «Крестный ход»!

Но как же можно было обойтись без «Вечорниць», которые в свое время вызвали восхищение у самого Льва Толстого?!.

Гениальную подсказку, как и где разместить в романе драму «Вечорниці», я нашел в воспоминаниях жены Д.И. Менделеева Анны Ивановны Менделеевой «Из давних воспоминаний» («Художественное наследство», т. II). Там она написала: «Художники, кроме общих деловых собраний, встречались по своим определенным дням: вторники у К.В. Лемоха, субботы у Н.А. Ярошенко, среды у нас, у Репина дни менялись… Времяпрепровождение гостей на репинских вечерах было самое разнообразное. Иногда Илья Ефимович устраивал рисованье… А иногда… вдруг придумывал ставить живую картину. В мастерской было возвышение для натуры, в шкафах – огромный запас костюмов. Однажды он захотел поставить «грешницу». Изображать ее должна была я. Светлорозовый шелковый кафтан, в котором он писал сына Ивана Грозного, был надет на меня задом наперед, прилажен в обтяжку по моей фигуре… Христа изображал Николай Никанорович Дубовский в белокуром парике; его худая высокая фигура, мастерски задрапированная Репиным, была стильной. Толпу изображали некоторые гости и дети. Смотрел сам Репин. Он радовался, аплодировал и уверял, что главные фигуры в картине лучше, чем у Семирадского.

На масляной он устроил костюмированный вечер *(скорее всего, это был 1886 год, поскольку А.И. Менделеева перед этим пишет, что тогда сыну Репина Юрию, который родился в 1877 году, «было лет 9», а еще раньше художник показывал своим гостям картину «Убиение Грозным сына». – В.Г.)*. Все должны были явиться в костюмах… Екатерина Андреевна Бекетова (старшая тетка Александра Блока) помогла мне устроить … костюм русалки, или, вернее, морской царевны… Когда я приехала к Репиным, гостей было уже очень много и веселье в разгаре. Там сидит комичный художник… и малюет желающим их портреты, конечно, карикатуры. Это – Савицкий. Тут ходит монастырский служка, гнусавя напевает какие-то куплеты – это Максимов… Польки, цыганки, хохлушки… Сам Репин был типичным украинцем, жена его – русской крестьянкой в повязке… М.П. Клодт – чухонец, жена Крамского – чухонка. Только Куинджи и Ярошенко были в своих обычных костюмах. *Вспоминаю этот вечер как самый веселый, на каком когда-либо пришлось мне быть (выделение мое. – В.Г.)*. Репин ловко отплясывал гопака в присядку! Клодт с Крамской – чухонский танец. Надежда Яковлевна Капустина подговорила просить меня протанцовать русскую. Я не заставила себя долго ждать».

Господи, подумал я, да ведь это тоже были своего рода «вечорниці»! А если так, то Илья Ефимович Репин, устраивая на масляной «костюмированный вечер», целиком мог поставить «живую картину» и за своей картиной «Вечорниці», на переднем плане которой как раз и изображен парубок, пляшущий «гопака в присядку»! Так появилась возможность дополнить образ И.Е. Репина новыми яркими штрихами и в одночасье показать дружбу людей и культур…

«Толстой на пашне»

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Илья Ефимович Репин – русский художник.

Лев Николаевич Толстой – великий русский писатель.

Софья Андреевна – жена Л.Н. Толстого.

Сергей Львович, Татьяна Львовна, Илья Львович, Мария Львовна – взрослые дети супругов Толстых.

Вера Сергеевна Толстая – племянница писателя.

Лассото – молодой скрипач, учитель музыки.

Николай Николаевич Страхов – литературный критик, друг Л.Н. Толстого.

Владимир Васильевич Стасов – искусствовед и критик.

Трофим – бедный крестьянин.

Палага – его жена.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Лето 1887 года. Петербург. Репин вернулся из заграничной поездки. К нему пришел Стасов.

Стасов. Здравствуйте, Илья Ефимович! Наконец-то вы вернулись! Ах, как я ожидал вашего приезда из Италии! Ну, рассказывайте – как там Венеция, Флоренция, Рим?

Репин. Владимир Васильевич, Венеция – прелесть! Музыка на площади, масса народу, по Каналу Гранде, перед отелями, раздаются хоровые серенады с гондол… И тут же, в городском саду, большой павильон с выставкой поразительных картин только что умершего художника Фавретти! Куда парижанам: ни у кого из них нет такой свежести, жгучести и правдивости красок! Что за сила, что за реализм! Не могу вам выразить, как я наслаждался Италией! Мой бесконечный восторг все нарастал крещендо, по мере того, как я погружался в эту чудную, восхитительную страну! А какое незабываемое впечатление оставляет архитектура Флоренции! Вот куда надо ехать учиться строить города и мостить мостовые – каждый камень положен с душой! И какой деятельный народ! Какое устройство! *(Вдруг изменился на лице)*. А у нас тут такая дикость – я возвращаюсь домой и застаю циркуляр министра народного просвещения Делянова, который запрещает принимать в гимназии детей кухарок, кучеров, прачек, поваров и так далее! *(Показывает газету)*. Официально объявлено, что наши кучера и кухарки – бесправное быдло и на их детях уже лежит проклятие париев! И многочисленный русский народ молчит – он получил пощечину, как в крепостные годы, и молчит! И вся наша высококультурная элита, для которой кучера и прочие уже просвещенные люди, – тоже молчит!

Стасов. Не все молчат, Илья Ефимович… Я во всяком случае уже пишу статью под названием «Художественная статистика», в которой собираюсь доказать этим Деляновым, что все крупнейшие русские художники рождались в

бедных, несчастных, задавленных нуждой и крайностью семьях! И если бы им в свое время закрыли путь в Академию художеств, например, то русская национальная культура не имела бы сейчас ни Крамского, ни Репина, ни многих других живописцев, перед которыми теперь преклоняется весь цивилизованный мир! *(Удивленно пожал плечами)*. И вообще, странное дело получается – пока граф Лев Толстой *издает* в своем «Посреднике» дешевые книги для народа, министр народного просвещения *издает* указ, запрещающий этот народ учить! Так кто же в России все-таки занимается просвещением простого народа?! Конечно, граф Толстой! Он в своем имении школу для крестьянских детей устроил!.. У него все мужики – грамотные!.. Он им книжки дает читать!..

Репин. Да, это великий человек… И я очень хочу написать портрет Льва Толстого… Давно собирался это сделать, но как-то все не решался… А теперь чувствую, что смогу…

Стасов. Вы собираетесь в Ясную Поляну?

Репин. Да.

Стасов. Вам надо там побывать! Сколько лет вы уже знакомы со Львом Николаевичем?

Репин. Да уже семь лет – с тех пор, как он в 1880 году впервые посетил в Москве мою мастерскую. В «Запорожцах» он тогда подсказал мне много хороших и пластических деталей первой важности, но особенно ему понравилась моя еще неоконченная малороссийская сцена «Вечорниці». И он так подбодрил меня своим восхищением, что я быстро закончил эту картину, хотя долго оставлял ее на потом. Вот так теперь и с его портретом: я все откладывал да откладывал, а теперь твердо решил – напишу!

Стасов. Правильно – портреты великих людей должны писать самые лучшие художники! Ведь русская школа портретистов всегда была замечательна, но до сих пор отличалась в основном аристократическим характером… Брюллов, например, до того был заражен и испорчен системой «заказов» и возвеличением аристократов, что всю жизнь только и писал «сильных мира сего» и никогда даже не собирался написать портреты своих

гениальных современников – Пушкина и Глинки… Портрет Крылова, правда, он как-то вздумал было писать, но так мало им интересовался, что забросил начатый портрет и никогда его не дописал.

Репин. Передвижники на это дело смотрят иначе, Владимир Васильевич…

Стасов. Да, этим и отличаются наши нынешние портретисты! Им важны не «заказы», а глубокая потребность написать лицо и облик того, кого они сами из значительных людей узнали, поняли, оценили и захотели оставить в картинах своих для потомков. Им никто этого не «заказывал», они денег не надеялись и не желали извлекать из этого пользу. Наоборот, они сами ходили, просили, уговаривали – и, таким образом, Перов написал Достоевского, Тургенева, Островского, Даля… Крамской – Льва Толстого, Гончарова, Соловьева, Васнецова… Репин *(уважительно указал при этом на Репина)* – Мусорского, Писемского, Третьякова, Гаршина… В этом высоком ряду у вас, конечно же, не достает портрета Льва Толстого, Илья Ефимович…

Репин. Я вам обещаю, что теперь будет.

Стасов. Обязательно должен быть! Толстой – это великий мыслитель и гуманист нашего времени! И главное – великий труженик! Он всегда – либо за рабочим столом, либо в поле за сохой или еще за какой-то работой! Когда будете писать портрет Толстого, помните его слова: «Мыслитель и художник никогда не будет спокойно сидеть на олимпийских высотах, как мы привыкли воображать. Мыслитель и художник должны страдать вместе с людьми для того, чтобы найти спасение или утешение».

Репин. Я это запомню…

Стасов. Передайте мои самые искренние пожелания Льву Николаевичу и поцелуйте за меня руку Софье Андреевне! Мне посчастливилось гостить в Ясной Поляне… Сколько мы со Львов Николаевичем там переговорили о жизни, о живописи, о музыке, о литературе! А какие незабываемые вечера бывают у Толстых в большом светлом зале, где устраиваются чтения, звучит музыка, а взрослые дети, племянники и их друзья, переодевшись цыганами, дают целые концерты! *(Напевает цыганский мотив)*.

Явление 2

И вот уже виден большой светлый зал в Ясной Поляне. У двери стоит рояль, посредине – длинный обеденный стол, между высокими окнами – старинные зеркала. Стены увешаны портретами предков графа. За круглым столом в углу зала сидят Лев Николаевич, его жена Софья Андреевна и Репин, а одетые в яркие наряды взрослые сыновья и дочери Толстых – Сергей, Илья, Татьяна и Мария, а также племянница писателя Вера, руководимые учителем музыки скрипачом Лассото, поют под гитары цыганскую песню, эффектно завершая ее танцем.

Репин *(аплодирует)*. Браво! Браво! Замечательно!

Толстой. Да, все молодцы, а Таня, Маша и Вера в роли цыганок вообще были бесподобны! *(Обернулся к Репину)*. Правда, Илья Ефимович?

Репин. Тут у вас настоящий цыганский хор, Лев Николаевич! Если бы не вы и не Софья Андреевна, я подумал бы, что нахожусь в цыганском таборе, а не в Ясной Поляне!

Татьяна. Это мамá сшила нам такие костюмы! Как настоящие, правда?

Репин. Я такие видел только на цыганах!

Софья Андреевна. Вот поживете у нас недельку, Илья Ефимович, и не то еще увидите!

Толстой *(почему-то вздохнул, как бы с огорчением)*. Да, у нас тут много интересного – чтения, сонаты Бетховена, вальсы Штрауса, домашний театр… *(Обращается к молодежи)*. Ну, вы еще веселитесь, если желаете, а я пойду спать – уже 12 часов ночи…

Мария *(нежно берет отца за руку)*. Папá, побудьте с нами еще немного!

Толстой. Не могу, Машенька, мне надо хорошо отдохнуть. Завтра я собираюсь на пашню – надо допахать поле Анисьи Копыловой…

Мария *(вздохнула)*. Я знаю…

Толстой. Ты, наверное, тоже устала, Машенька, – ведь ты в поле сегодня работала… Поэтому танцами долго себя не мучь…

Мария. Хорошо, папá.

Толстой *(жене)*. Сонечка, и ты целый день занималась хозяйством – иди отдыхать, мой друг…

Софья Андреевна. Уже иду, Левочка. *(Детям)*. А молодежь может завести граммофон и еще немного потанцевать. Желаю всем спокойной ночи! *(Уходит)*.

Толстой *(Репину)*. Пойдемте, Илья Ефимович, я покажу вам место вашего ночлега – будете спать в моем кабинете…

Репин *(восхищенно)*. В том самом, где вы писали «Войну и мир»?!

Толстой. Нет, именно в этом кабинете я писал «Анну Каренину» – так что Бородинское сражение вам ночью сниться не будет! А вот мне сегодня наверняка приснится вспаханное поле вдовы Копыловой…

Толстой и Репин направляются к двери.

Репин. Но его же сначала надо вспахать! Я представляю, как вы устаете за этой работой, Лев Николаевич…

Толстой. Телом – устаю, а душой – отдыхаю… Ах, Илья Ефимович, какое это наслаждение – отдыхать от умственных занятий за простым физическим трудом! Меня удивляет, как это люди лишают себя самого блаженного состояния, самых счастливых часов жизни – часов полевого труда… Я ежедневно, смотря по времени года, копаю землю, рублю или пилю дрова, работаю косою… Но работа с сохой – моя самая любимая! Вы не поверите, что за удовольствие пахать! Это не тяжкий искус, как многим кажется, а чистое наслаждение! Идешь, поднимая и направляя соху, и не замечаешь, как ушел час, другой, третий… Кровь пульсирует в жилах, голова светла, ног под собой не чуешь; а аппетит потом, а сон? Я уже не говорю о самой высшей награде – о сознании несомненно принесенной пользы, когда ты видишь, что своими руками сделал важное дело – вспахал поле бедной вдовы…

Репин. Возьмите меня с собой, Лев Николаевич!

Толстой. А вы пахать умеете?

Репин. Нет, но я рисовать умею… Я возьму с собой свой альбомчик и зарисую вас, пашущим, – для меня это будет очень хорошая разминка перед тем, как я начну писать ваш портрет…

Толстой. Вы хотите написать мой портрет?

Репин. Очень хочу!

Толстой. Ну, не знаю, Илья Ефимович… Я сильно постарел с тех пор, как меня рисовал Крамской – как бы я не получился такой же страшный, как Иван Грозный на вашей картине…

Репин. Об этом не беспокойтесь, Лев Николаевич! Страшным вы не получитесь – я уж, как никогда, постараюсь!

Толстой. Ну, ладно… Что с вами поделаешь… Но это уже послезавтра! Завтра собирайтесь со мной на пашню, берите свой альбомчик и – разминайтесь…

Явление 3

Убранные от урожая и местами уже даже вспаханные крестьянские нивы в окрестностях Ясной Поляны. На краю оврага сидит Илья Репин и что-то рисует в своем альбомчике, поглядывая вдаль. Вскоре невдалеке останавливается босой тощий крестьянин с вилами в руках. Это – Трофим. Он устало садится на землю, достает старенький кисет и, склонившись набок, начинает делать самокрутку. За этим занятием и застает Трофима его крепкая и бойкая жена – Палага. Не обращая внимания на Репина, Палага начинает отчитывать своего мужа.

Палага. Ну, вот! Дожили! Полюбуйтесь, люди добрые: граф – землю пашет, а деревенский мужик – лежит на боку да глядит на реку!

Трофим *(быстро прячет кисет и схватывается на ноги)*. Ну что ты сразу ругаешься, Палаша?.. Я тоже сегодня работал…

Палага. Как же! Он тоже сегодня работал! Разбросал две кучи навоза и уже отдыхает!

Трофим. Да, отдыхаю… Потому что без передышки я не могу… Погляди на мои мощи! *(Показывает, какой он худой)*. Долго работать мне моя конституция не позволяет…

Палага. А пить всю весну без устали тебе твоя конституция позволяла?! Еле отходила тебя, проклятого! Спасибо графу Льву Николаевичу, что не дал нашим детям с голоду умереть, пока ты пьянствовал!

Трофим *(виновато)*. Но я же три месяца уже не пью… И дома держусь, и работаю…

Палага *(махнула рукой)*. Какой с тебя работник?! Ты посмотри, как наш граф работает – в поте лица, без отдыха! Да еще на чужом поле! Вот так надо работать – поучись у него!

Трофим. Так я же и учусь – и грамоте уже давно выучился, и книжки графа Льва Николаевича читаю… Я его изречения о вреде пьянства все в книжице вычитал и, как десять заповедей, теперь знаю! *(Начинает цитировать, сильно напрягаясь)*. Вот, например… «Пьяница никогда не идет вперед ни в умственном, ни в нравственном отношении»… «Спирт так же консервирует душу и ум пьяницы, как он консервирует анатомические препараты»… «Избавится от пьянства человек не тогда, когда он будет лишен возможности пить, а тогда, когда он не станет пить, хотя бы перед ним в его комнате стояло бы вино, и он слышал его запах, и ему стоило бы только протянуть руку». *(Протягивает дрожащую руку к предполагаемому стакану и сразу же одергивает ее)*… «Человек, переставший пить и курить, приобретает ту умственную ясность и спокойствие взгляда, который с новой верной стороны освещает для него все явления жизни»… *(Перевел дыхание)*. Вот!!!

Палага. Ты бы еще его изречения о пользе труда запомнил!

Трофим. А я и запомнил! Вот, например… «Ничто так, как труд, не облагораживает человека». *(Взял вилы и, приставив их к босой ноге, стал по стойке смирно, как солдат)*.

Палага. Ну, до истинного благородства тебе, Трофим, еще далеко… Хорошо уже то, что ты хоть немного остепенился… Помогай теперь семью на ноги подымать… Граф Лев Николаевич обещал с семенами помочь перед

началом засева озими – подойди к нему и попроси, как полагается… А навоз я сама пойду разбросаю… *(Берет у него вилы)*. И смотри мне: чтобы в кабак больше – ни ногой!

Трофим. Боже упаси! Разве же я враг детям своим и тебе, и себе? Да я по десять раз в день заговор от пьянства читаю! *(Читает, крестясь)*. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. Хмель и вино отступи от раба Божия Трофима в темные леса, где люди не ходят и кони не бродят, и птица не летает… Звезды, уймите раба Божия Трофима от вина! Месяц, отврати раба Божия Трофима от вина! Солнышко, усмири раба Божия Трофима от вина! Слово мое крепко! Крестом крещуся, крестом ограждуюсь, крестом ангела призываю, крестом лукавого отгоняю. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Палага. Ну, наконец-то, набрался ума-разума! *(Тоже перекрестилась)*. Благодарю тебя, Господи, за сие чудодейственное превращение пьяницы в человека! *(Уходит)*.

Явление 4

Трофим подходит к Репину.

Трофим. Здравствуйте, барин!

Репин. Здравствуй, Трофим. Кажется, так тебя твоя жена называла?

Трофим. Да, так и есть – Трофим Малютин, яснополянский крестьянин. А жену мою звать Палага…

Репин. Строгая у тебя жена, как я вижу.

Трофим. Такая уж попалась на мою бедную голову. Очень любит командовать – никакого спуску мне не дает. *(Смиренно скрестил руки на груди)*. Смирен топор, да веретено бодливо…

Репин. Но она же за семью тревожится!

Трофим. А разве я не понимаю? Вот послала меня к графу Толстому за пособием – после второго Спаса начало засева озими, а семян у нас нет… *(Посмотрел вдаль, где Толстой пашет)*. Граф поможет, он всегда нам

помогает. В прошлом году недород в наших краях был… Бедность ужасная: хлеба нет и заработать негде! Так Лев Николаевич, пошли ему Господь здоровья, всех пособием наделил и даже поручился лавочнику в Ясенках за 15 четвертей овса для самых нуждающихся! А два года назад пожар сильный случился – полдеревни выгорело… Так граф всем новые избы построил и на обзаведение по 25 рублей дал погорельцам. Известно, у кого дочиста все сгорело…

Репин. Да, хорошие они люди, Толстые…

Трофим. Это уж что говорить, грех сказать что-нибудь – отцов родных не надо! Ни в чем нам отказу нет. И она добра, добра! Друг дружку стоят, надо правду сказать. Больных в деревне часто навещают, а дочери графа иногда даже ухаживают за больными и носят им пищу и лекарства… По Божьему они живут, по-человечески! А как же!

В это время, вытирая пот с лица, к ним подходит Лев Николаевич.

Толстой. Что ты говоришь про лекарства, Трофим? Неужели твоя Палага опять заболела?

Трофим. Нет, ваше сиятельство, слава Богу, с ней все хорошо! Помогли ваши лекарства, дай Бог вам здоровья! Я к вам теперь за другим пришел… *(Переступил с ноги на ногу)*. Нечем сеять… А, как ведомо, не посеяв, не пожнешь… Помогите семенами, Лев Николаевич…

Толстой. Хорошо, Трофим, тебе дадут. Я распоряжусь: ты завтра придешь к приказчику и получишь.

Трофим. Спасибо, ваше сиятельство!

Толстой. А Палагу свою побереги – ей еще нельзя так тяжело работать.

Трофим. Я сейчас же заберу ее домой, а завтра с утра пораньше встану и сам на своем участке навоз разбросаю!

Толстой. С лошадью у тебя тоже беда, насколько я знаю?

Трофим. Да так уж случилось… *(Опустил голову)*. Такой год неудачный – одна беда за другой… Я даже запил было с горя… Но я больше не пью – Бог свидетель! Как же можно?! Семью надо кормить! И озими засевать надо…

Толстой. Возьмешь моих лошадей, Трофим. Только уже послезавтра – пусть отдохнут денек после сегодняшней пахоты.

Трофим. Это известно – скотинку надо беречь, на ней все хозяйство наше держится! Спасибо за пособие, ваше сиятельство! Дай Бог здоровья вам и вашей семье!

Посветлев на лице, Трофим уважительно поклонился и вышел. Толстой достает из своего пальто бутылку с водой и немного надпивает.

Толстой *(глядя вслед Трофиму)*. Слава Богу, остепенился человек! Хорошо, что он бросил пить. Но к зиме этот Трофим все равно пойдет по миру…

Репин. И ему ничем нельзя помочь?

Толстой. Так вот же – помогаю, чем только могу… Но он же не один здесь такой… Не бойтесь, Илья Ефимович, – в народном быту это вовсе не так страшно. Зиму будет питаться с семьей кусочками – будут сыты, будут и работать. А к будущей осени урожаем, даст Бог, и поправится. У него было много несчастий: пала корова, угнали лошадь и, главное, долго болела жена, а она у него сильная работница… Не беспокойтесь, поправится, будет работать и пойдет понемногу. Это часто бывает. И ведь это особенное нравственное состояние простого человека: он смиряется, входит в себя, раскаивается во многих ошибках; в это время возбуждаются все его умственные и душевные силы и служат хорошим лекарством слабой воли и нерадения. Да, бедность и нищета – это великие учителя жизни…

Репин *(задумчиво)*. Великие…

Толстой. Нас, богатых, это тоже должно учить! Вот недавно зашел я проведать больную крестьянку и застал ее детей, крошек, доедающих из лукошка собранные Христа ради корки… И сразу вспомнил, что наша дочка

нанимает в Москве за 5 рублей лошадь на час! Ведь эти 5 рублей – хлеб на месяц детям вместо корок! А в следующий раз разговорился с приказчиком о собаках. Оказывается, они проедают 4 четверти овса в месяц – это в год 40 четвертей, вдвое более того, что осчастливило бы десятки семей! И я велел Софье Андреевне сказать это нашим сыновьям. Не овса жалко, а их жалко! Если тратить на свои прихоти (да еще какие прихоти – самые нелепые, 8 легавых собак!), то нельзя правильно думать! Может, кому-то эти проблемы и безразличны, а мне это не выходит из головы… Невозможно есть спокойно даже кашу и калач с чаем, когда знаешь, что тут, совсем рядом, дети твоих знакомых крестьян ложатся спать без хлеба, которого они просят, и которого нет!..

Толстой тяжело опустил голову и так и застыл, стоя на ветру в своей мокрой рубахе.

Репин *(поднимает с земли пальто писателя)*. Лев Николаевич, уже вечер, с оврага подымается сырой туман, а ваша рубаха – мокрая насквозь от пота… Как бы вы не простудились – наденьте свое пальто…

Толстой. Да, теперь уже можно одеться – слава Богу, к вечеру я кончил и второй участок.

Надев пальто, Толстой с любовью посмотрел на вспаханное им поле.

Толстой. Не люблю оборачиваться во время работы: плохой тот пахарь, который оглядывается назад: много ли он пропахал? Но когда дело сделано – приятно посмотреть на свой труд… *(Повернулся к Репину)*. Ну, пора нам отправляться домой, Илья Ефимович… Софья Андреевна и дети не сядут без нас за стол и уже, наверное, давно ждут нас, голодные… А как вы себя чувствуете?

Репин. Я сделал несколько зарисовок, когда вы ходили за сохой, Лев Николаевич, и нахожусь в самом счастливом и блаженном настроении, хотя и чувствую, что уподобляюсь мухе на рогах пахавшего вола… Вслед за мухой я теперь могу повторить: «Мы пахали».

Идут домой.

Явление 5

Толстой и Репин возвращаются с пахоты. У крыльца их поджидает очень обеспокоенная Софья Андреевна.

Софья Андреевна. Ну, наконец-то мы вас дождались! Что вы себе думаете?! Мы ждали вас к обеду в половине восьмого, а уже 9 часов вечера! Обед переспел, дети голодные! А главное, Лев, – тебе же нельзя перетруждать себя! Ведь ты совсем недавно серьезно болел желудком после такой же надрывной работы в поле! Врачи строго-настрого запретили тебе чрезмерный физический труд! А ты снова шесть часов ходил за сохой, как будто тебе не пятьдесят восемь лет, а только двадцать восемь!

Толстой. Не сердись, Соня, и прости, что мы заставили вас голодать и волноваться… Что же касается работы, то ее надо было закончить… Не волнуйся – ничего со мной не случится… Перед тем, как отправиться на пахоту, я сытно позавтракал. А вот нынче приходила Жидкова и говорила, что ее сын поехал пахать не евши! Ты представляешь, как ему, голодному, было ходить за сохой целый день?.. Завтра обязательно надо отправить им пособие! А я вот умоюсь, надену чистую блузу и отдохну. А с завтрашнего дня и вовсе буду сидеть сложа руки, – Илья Ефимович собирается писать мой портрет…

Софья Андреевна *(уже намного спокойнее)*. Вот и хорошо. Переодевайся и будем обедать.

Толстой идет переодеваться, а Софья Андреевна оборачивается к Репину.

Софья Андреевна *(озабоченно)*. Вы, наверное, тоже устали, Илья Ефимович?

Репин. Нет, что вы, Софья Андреевна! Я ведь только рисовал…

Софья Андреевна. Простите, Илья Ефимович, за эту семейную сцену, но я очень переволновалась… Годы и в самом деле берут свое, и что молодому Льву Николаевичу сходило с рук, теперь может обернуться очень серьезным недугом… А разве не я должна беречь его здоровье и силы? Не подумайте, что мы часто вот так ссоримся – я разделяю его мысли и во всем поддерживаю… Один только раз я воспротивилась, когда Лев Николаевич настаивал на раздаче бедным всего его имущества – и я одна тогда протестовала, потому что я не годна для заработка и нищета убьет меня с девятью детьми… А разве он сам мог бы вынести все невзгоды крестьянской работы, когда большую часть своей жизни провел совершенно в других условиях? Да, есть принципы благородные, возвышенные, есть взгляды очень верные и целесообразные, но недоступные на практике тому или другому человеку. Например, Лев Николаевич предлагает мне, чтобы я надевала лапти, сарафан и шла в поле работать или стирать на речку белье. Я бы и рада это сделать, но мои силы и мой организм не позволяют мне этого… Но я веду все хозяйственные дела, переписываю рукописи Льва Николаевича, на мне вся издательская работа его трудов и корректуры типографии… Детей я обшиваю сама и даже многим крестьянам шью одежду и одеяла…

Репин. Я видел, Софья Андреевна, как вы в первый день моего приезда в продолжение нескольких часов, не разгибая спины, работали над разостланной в зале материей… Так только в бедной семье женщина работает! А в поле я говорил о вас с одним крестьянином – они все очень вас любят и уважают!

Софья Андреевна. На Льва Николаевича они вообще готовы молиться! Он для них – проповедник в черной блузе… Вы его на портрете таким и напишите…

Репин. Да, проповедник, мыслитель, борец – именно таким Льва Толстого я на этом портрете и представляю!

Явление 6

И вот уже звучит «Крейцерова соната» Бетховена и в большом зале Илья Репин пишет портрет великого писателя. Одетый в черную блузу Лев Толстой, положив нога на ногу, сидит в кресле на фоне белой стены. Правой рукой он опирается на подлокотник кресла, а левой придерживает на колене книгу…

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 7

Снова Петербург. Мастерская Репина. В присутствии Стасова художник рассматривает упаковку с портретом Льва Толстого (портрет только что прислали из Ясной Поляны).

Репин. Так, упаковка вроде бы цела… Слава Богу, при пересылке портрет не повредили! С этим всегда проблема, Владимир Васильевич: сырой холст сразу не заберешь, а когда краска просохнет, начинаешь волноваться за пересылку…

Стасов *(тоже рассматривает упаковку)*. Не волнуйтесь, все нормально, Илья Ефимович… Давайте я помогу вам распаковать…

Репин. Нет, нет! Спасибо, я сам – вдвоем мы только будем мешать друг другу.

Стасов. Так ведь не терпится быстрее увидеть, как вы написали портрет Льва Толстого!

Репин. Сейчас увидите, Владимир Васильевич. *(Распаковывает портрет)*. Сперва я начал было писать Льва Николаевича в его кабинете за письменным столом. Но вскоре на том небольшом холсте, который я привез из Петербурга, нагромоздилось столько рукописей, книжек, ручек и чернильниц, что они заслонили самого писателя. Я почувствовал, что нет воздуха и что неверна перспектива… Поэтому одолжил у Татьяны Львовны холст большего размера и написал второй портрет наверху, в зале, на фоне белой стены… *(Распаковав портрет, торжественно ставит его на мольберт)*. Вот он – портрет Льва Толстого!

Стасов *(посмотрел на холст и на некоторое время онемел)*. Чутье вас не подвело – это чудо, а не портрет, Илья Ефимович… *(С восхищением)*. Еще ни одного подобного портрета Толстого у нас не было – так удаются только портреты личностей глубоко понимаемых, тех, что ценимы всеми силами души! Вы только посмотрите! Все отразилось на этом лице: доброта, золотое сердце, большая сила мысли, непреклонная воля… А глаза, эти мудрые пророческие глаза, которые глядят в даль и в глубину, словно прямо в твое сердце и душу… Поразительная вещь! Да, место этого портрета – в Эрмитаже, в одном ряду с портретными работами Рембрандта, Рубенса, Веласкеса и других великих художников! По глубине и совершенству он мне напоминает тот портрет, который вы написали в 1881 году в Военно-сухопутном госпитале с умирающего Мусоргского и перед которым Крамской просидел в немом восхищении несколько часов!

Репин. Даст Бог, Лев Николаевич не повторит судьбу Модеста Петровича и проживет еще много лет…

Стасов. Дай Бог, чтобы так и случилось, Илья Ефимович! Ведь граф еще достаточно крепкий! *(Рассматривает портрет)*. Да, борода уже седая, но в нем нет ничего старческого. Наоборот, во всей фигуре Льва Николаевича чувствуется еще много жизненной энергии, глаза – полны мысли, а весь его облик – величествен и суров!

Репин. Образ Льва Толстого всегда мне виделся таким суровым и величественным. Но этим летом я увидел Льва Николаевича и с другой, совсем неожиданной для меня стороны… Там, в Ясной Поляне, я был свидетелем неутомимой работы графа Толстого в поле. От часу дня до самых сумерек он неутомимо проходил взад и вперед по участку вдовы, направляя соху за лошадью и таща за собой другую лошадь с бороной… Пот валил с него градом, толстая, посконная рубаха, которую он надевает на полевые работы, была мокра насквозь, а он мерно продолжал… Внизу, в овраге, лежала бутылка воды, завернутая в пальто графа от солнца. Иногда он, весь мокрый, отпивал наскоро из этой бутылки и снова спешил на работу… В этот день я и зарисовал графа пашущим, ловя моменты пока он проходил близко мимо меня… И вот уже по

приезду в Петербург написал небольшую картинку… Вот она, Владимир Васильевич, – «Толстой на пашне» называется…

Художник подходит к небольшому мольберту, снимает с него светлую ткань – и открывается маленькая картинка, на которой нарисован Лев Толстой, пашущий поле яснополянской вдовы. Одетый в длинную синюю рубаху и брюки такого же цвета, обутый в высокие сапоги и с белой фуражкой на голове, писатель крепко держит в руках деревянную соху, которую тащит белая лошадь. Другая лошадь (тоже белая) привязана к ременному поясу пахаря и идет позади него, волоча борону. Вокруг распростерлись крестьянские нивы – одни уже вспаханные, черные, другие – желтые от стерни, что осталась после уборки урожая. То там, то там видны и другие оратаи – пашущие крестьяне.

Стасов. Ну, Илья Ефимович… Это вообще своего рода шедевр!.. Широкое поле… Далеко где-то в фоне виден лесок… И граф Лев Толстой в белой фуражке и синей мужицкой рубахе идет по борозде, держа обеими руками ручки сохи… Вы знаете, эта богатырская, могучая фигура мне немного напоминает тех двух бронзовых богатырей, которые в «Бурлаках» идут в первой паре, таща по Волге нагруженную барку… Да, да! Здесь то же выражение силы и тот же беспредельно национальный тип и склад! Как вам пришла идея – написать Толстого на пашне?!

Репин. А я все время напоминал себе слова Льва Николаевича, которые вы мне цитировали. Помните? «Мыслитель и художник никогда не будет спокойно сидеть на олимпийских высотах… Мыслитель и художник должны страдать вместе с людьми…». Я и подумал: на портрете – Толстой сидит в кресле, вроде как бы «на олимпийских высотах» получается… Так надо еще показать, как он «страдает вместе с людьми»! Вот и получилась картинка «Толстой на пашне»…

Стасов. Замечательная картина! Жаль только, что очень маленькая! Но это не страшно – с маленьких картин даже лучше получаются фотографии и литографии! Да, Илья Ефимович, эту вещицу надо поскорее распространить и в гравюрах, и в фототипиях! Надо обратиться в литографическое заведение

Ильина и во «Всемирную иллюстрацию», чтобы это увидели и в Старом, и в Новом свете!

Репин. Я уже тоже думал об этом…

Стасов *(решительно)*. Да тут и думать нечего! Надо поскорее предоставить эту картинку для воспроизведения! Сообщения в прессе я беру на себя!

Явление 8

Та же мастерская художника. Репин стоит перед картинкой «Толстой на пашне» и что-то старательно поправляет. Входит грустный Стасов.

Стасов. Здравствуйте, Илья Ефимович…

Репин *(рисуя)*. Проходите, Владимир Васильевич! Я сейчас освобожусь – хочу кое-что тут немного поправить… Спасибо вам за статью в «Новостях»! Теперь, благодаря вам, вся Россия знает про эту мою вещицу, и наши дела успешно подвигаются – в Петербурге над воспроизведением картины работают лучшие мастера, скоро репродукция «Толстого на пашне» появится и во «Всемирной иллюстрации»! Журнал уже заказал автотипию с этой картины в известном венском художественно-репродукционном заведении Ангерера. Так что за качество я спокоен!

Стасов. Боюсь, что из этого ничего не получится, Илья Ефимович…

Репин *(посмотрел на Стасова)*. С журналом не получится?

Стасов. Нет – вообще…

Репин. Как это? Что вы такое говорите?

Стасов. Да вот прислала мне Софья Андреевна письмо из Ясной Поляны… *(Достает из внутреннего кармана пиджака письмо)*. Им всем наша идея не понравилась… *(Читает)*. «Известие о том, что Илья Ефимович Репин и Вы хотите сделать хромолитографию из картинки Льва Николаевича на пашне, крайне неприятно подействовало на него и на всю семью его. Так как он нездоров, то он просил меня написать Вам, что, кроме неприятного, ему ничего не может доставить распространение рисунка, изображающего его в самой

интимной, ему одному дорогой жизни. Старшие дети тоже были сильно возмущены и тоже просят, чтоб рисунок этот не выставлять на публику, не распространять и не продавать. Совсем дело другое картина или портрет масляными красками великого художника – это оригинал, а не лубочное воспроизведение. Извините, что пишу Вам все это, но я не от одной себя говорю, а от всей семьи. И.Е. Репин такой деликатный, умный и милый человек, что, наверное, не захочет огорчать Льва Николаевича и его семью».

Репин. Господи, да как же это?..

Стасов. Тут еще есть маленькая приписка, сделанная рукой самого Толстого. *(Читает)*. «…Вас дружески целую, а картинка вызвала бы внимание ко мне и последствия его – брань. А все лучше без нее».

Репин. Нет, это невозможно… Это совершенно невозможно! В картографическом заведении Ильина уже почти все готово! Более двух недель работало несколько лучших мастеров – он будет в большом убытке, если граф и графиня запретят это издание! «Всемирная иллюстрация» также послала в Вену и скоро будет готово клише, которое недешево стоит ее владельцу!

Стасов. Ничего не поделаешь – таково решение Льва Николаевича…

Репин. Но я же перед отъездом из Ясной Поляны спросил Льва Николаевича, позволит ли он мне поместить что из набросков или портретов в каком-нибудь иллюстрированном журнале здесь или за границей! Он сказал, что против этого ничего не имеет. Потому-то я и позволил воспроизводить! Неужели я стал бы делать по собственному произволу?! Да стоило им сказать полслова, что они не желают, чтобы это видели, я упрятал бы это, и никто не увидел бы этого, даже из близких моих знакомых!!!

Стасов. Что вы, Илья Ефимович! Грех прятать такой шедевр! Надо что-то придумать… Подключить Страхова, например! Николай Николаевич написал много серьезных аналитических статей о романе «Война и мир» и, может быть, как никто другой, понял Толстого! Потом он взял на себя все хлопоты по изданию его «Азбуки» здесь, в Петербурге! А еще позже – более месяца работал с Толстым в Ясной Поляне над подготовкой «Анны Карениной» к печати, корректуру которой тоже взял на себя! С тех пор они очень

подружились, и в Ясной Поляне он – самый желанный гость… *(Решительно)*. Да, картину «Толстой на пашне» надо показать Страхову! Я уверен, что она ему понравится, и он напишет об этом Льву Николаевичу. А как убедительно он умеет писать, я уж хорошо знаю!

Репин *(размышляет)*. Да, Страхов, пожалуй, тут сможет нам помочь… Лев Николаевич ценит его очень высоко: в кабинете графа я видел фотографию Николая Николаевича, а в приемной – рядом с портретом Фета – висит портрет Страхова…

Стасов. Ну, это не удивительно – и Страхов, и Толстой восхищаются стихотворениями Фета! Они все трое давно дружат и постоянно пишут друг другу пространные, содержательные письма! Лев Николаевич как-то даже высказался так: «Со Страховым я всегда говорю про Фета, потому что мы родня все трое по душе».

Репин. В таком случае к совету Николая Николаевича граф обязательно прислушается…

Стасов. Конечно! Поскорее покажите ему эту картину!

Явление 9

Снова Ясная Поляна и большой светлый зал, в котором собрались Лев Николаевич, Софья Андреевна и их старшие дети – Сергей, Илья, Татьяна и Мария. Л.Н. Толстой читает семье письмо Н.Н. Страхова…

Толстой. Послушайте, что пишет Страхов по поводу нашего veto на распространение картины: «Видел и я удивительную картинку, на которой Вы пашете. Это доходит до совершенства. Слышал я от него, что Вы не позволяете ему пустить ее в политипажах и в олеографии. Почему же, дорогой Лев Николаевич? Об этом начинают довольно много говорить: я же всегда думал, что Вы вовсе не желаете нарочно производить шум. Вы меня простите, что, не зная хорошенько дела, суюсь к Вам со своим мнением. Но я видел картину и хочу сказать только о ней. Она никого не может ни удивить, ни повести к каким-либо толкованиям. Дело совершенно просто. Что Вы пашете, это знают и

в России, и в Европе, и в Америке. Что Репин вздумал Вас так написать – дело самое естественное; что же иное делать живописцу? И мог ли он выбрать что-нибудь лучше? Потом он захотел размножить свою картину так же, как всякую другую; это ведь все равно, что человек, написавший повесть, хочет ее напечатать. Конечно, он позаботится, сколько сможет, чтобы снимки были хороши. Кому же охота выпускать в свет свое произведение в искаженном виде? Итак, все имеет самый натуральный в мире ход; почему же этому препятствовать?»

Софья Андреевна. Умное письмо…

Толстой. Николай Николаевич всегда пишет чрезвычайно умные письма! По-моему, и на этот раз его доводы очень убедительны – с ними трудно не согласиться!

Софья Андреевна. Да, тут все правильно и логично. Но все равно я против того, чтобы распространять эту картинку. Два года назад в парижском журнале «Le Livre» уже печатали известие о том, что «граф Лев Николаевич Толстой бросил перо писателя, чтобы лично заняться усовершенствованием обуви и одежды»! Так это они написали после того, как до них дошло известие, что граф Толстой сам шьет себе сапоги… Что же они напишут теперь, увидев картинку «Толстой на пашне»?!

Сергей. А как про меня, то Репину вообще не следовало писать «Толстого на пашне»… Лучше бы он нарисовал картину «Толстой на охоте»!

Толстой. Я уже давно не охочусь, Сережа, ты же знаешь…

Сергей. Хорошо, тогда пусть напишет картину «Толстой за роялем», а «Всемирная иллюстрация» это распространит!

Толстой. Еще лучше: пускай весь мир увидит, что люди – трудятся, а Толстой – ведет праздную жизнь!

Илья. Папá, никто так не подумает – все уже давно знают, что ты пашешь, косишь, рубишь дрова и даже кладешь печи!

Софья Андреевна. Это не значит, Илья, что Льва Толстого надо рисовать перед сложенной им печкой, да еще в вымазанной сажей рубахе, с ремешком вместо пояса и в крестьянских сапогах, по голенище запачканных в глине!

Толстой. Да, это было бы уже слишком…

Софья Андреевна. Нарисовать Толстого за работой в поле – это тоже «уже слишком»!

Мария. А мне нравится смотреть, как папá пашет…

Софья Андреевна. Маша, одно дело, когда *мы* это видим, и совсем другое, когда писателя Льва Толстого не за писательским столом, а за сохой увидит *весь мир*!

Сергей. Да, это распространять нельзя!

Татьяна. Я сначала тоже так считала… Но теперь я думаю так: «А может, это не просто картинка, а такой символический образ, художественное обобщение?» *(Оборачивается к отцу)*. Папá, разве писатель не похож на пахаря, который вспахивает духовную ниву? И соха оставляет борозду, которая очень похожа на книжную строчку… И про поле тоже говорят – «поле деятельности»! Ведь это уже символическая картина получается! Пахарь, хлебопашец, духовный хлеб… А если и просто хлеб – так что может быть важнее для человека?! Вспомни, сколько своими пособиями ты крестьянских семей уже накормил!

Сергей. Ну, развела философию… Не слушайте ее, папá, – это она просто за Репина хочет вступиться! Художница всегда будет искать оправдание для художника!

Толстой. Нет, пожалуй, Таня права… И про образ пахаря она очень правильно все сказала… Но дело не в обобщениях… Я не раз говорил и снова готов повторить, что счастье или несчастье всех нас не может зависеть ни на волос от того, проживем ли мы что, или наживем, а только от того, что мы сами будем… Поэтому если кто из нас находит счастье в простом физическом труде, то стыдиться этого не следует…

Софья Андреевна. Правильно, но что напишут газеты?!

Толстой. А что плохого они могут написать? Репин нарисовал картинку, которая, по словам Страхова, «доходит до совершенства»! И я тоже, насколько мне помнится, не искривил ни одной борозды!

Явление 10

Страхов пришел к Репину, радостно поднимая над головою письмо от Л. Н. Толстого.

Страхов. Илья Ефимович! Лев Николаевич дал свое согласие на распространение картины! Я только что получил от него ответное письмо! *(Читает)*. «Все, что Вы пишете о Репине, совершенно справедливо… Вы очень верно описываете мое отношение к толкам обо мне: оно сознательно, и я не перестаю держаться все того же самого для меня покойного правила, но теперь я вижу, что я сначала поступил неправильно, и Вы совершенно правы. Главное же то, что во имя этих пустяков я как будто огорчил Репина, которого я так же высоко ценю, как и Вы, и сердечно люблю. Поэтому будьте добры, передайте ему, что я отказываюсь от своего отказа и очень жалею, что ему доставил неприятное. Я знаю, что он меня любит, как я его, и что он не станет на меня сердиться».

Репин. Не стану, конечно, не стану… Как это можно сердиться на Льва Толстого? Тем более, что на гениев вообще сердиться нельзя! Ах, Николай Николаевич, как я вам благодарен за вашу помощь! Вы один могли убедить Льва Николаевича изменить свое решение, и вы сделали это! Теперь весь мир сможет увидеть эту картинку с натуры, на которой Лев Толстой показывает пример великого физического труда! Знаете, только после того, как я увидел графа за работой в поле, я ясно понял этого гениального человека. Какая мощь бессмертного духа сидит в нем!

Страхов. Вы очень хорошо передали это и на портрете, и на этой маленькой картинке, Илья Ефимович!

Репин. Да, и Стасов так считает, то же самое говорил и Третьяков, который хочет приобрести их для своей галереи… Вот я теперь и думаю – а может, написать увеличенный вариант этой картинки? Маленькая картинка и портрет будут в Москве у Третьякова, а для Передвижной выставки я напишу повторение «Толстого на пашне»… Как вы считаете, Николай Николаевич?

Страхов. А что! Крамской же написал два почти одинаковых портрета Льва Толстого в 1873 году! И ничего – все остались довольны! Лев Николаевич выбрал один из них для Ясной Поляны, второй – приобрел Третьяков! А критикам понравились оба портрета! Так что смело пишите повторение, Илья Ефимович! В случае чего… ну, если графине опять что-то не понравится, – я снова вас поддержу!

Явление 11

Репин пишет увеличенный вариант картины «Толстой на пашне» и напевает цыганский мотив. Входит Стасов.

Стасов. Ну, наконец-то я снова вижу вас в приподнятом настроении, Илья Ефимович!

Репин. В самом приподнятом, Владимир Васильевич! Согласие Льва Николаевича меня окрылило, и для Передвижной выставки 1888 года я решил написать увеличенный вариант «Пахаря»… Смотрите!

Стасов *(рассматривает картину)*. Замечательное повторение, Илья Ефимович! Ничем не хуже оригинала! На выставке эта картина составит событие дня! Хотя слух о ней уже прошел «по всей Руси великой» и о ее существовании знают многие!

Репин. Да, хромолитографии с «Пахаря» теперь шибко идут – у Ильина не успевают печатать… Но мне страшно совестно… Воображаю, когда эта назидательная картинка появится в окнах московских магазинов!!! Что скажет графиня! Дети!.. Проходя по Невскому, я случайно увидел в окне у Фельтена Льва Николаевича, скромно пашущего, с веревочной мужицкой сбруей, в посконной рубахе… И я покраснел, закутался в шинель и – поскорей мимо… Признаюсь, меня это долго беспокоило… Но теперь я думаю так: а пускай себе эта разряженная, расфранченная, богатая публика – пускай она смотрит, не зная, куда деваться от скуки и сутолоки, – как достойнейший, великий человек проводит свой досуг, принося несомненную пользу земле, людям и своему крепкому телу!

Стасов. Ну, теперь многие наши аристократы начнут подражать графу Толстому – будут надевать простую одежду и брать в руки если не соху, то хотя бы косу…

Репин. Будут подражать, я знаю… Будут рядиться в посконные рубахи… Будут делать вид, что тоже не гнушаются крестьянского труда… Но что толку в таком подражании? Я ходил по нашим деревням и везде видел черные грязные избы без всякого света, видел крестьян, прозябающих по вечерам у керосинового, издающего один смрад и черную копоть фитиля! И мне делалось больно, и я не верю в возможность светлого, радостного настроения в этом Дантовском аду… Какая же любовь к этим существам может мириться с такой юдолью?! Нет!!! Их надо осветить, пробудить от прозябания, помогать им каждый Божий день, как это делает Лев Толстой! Спуститься на минуту в эту тьму и сказать: «я с вами» – лицемерие! Подымать, подымать до себя, давать жить – вот подвиг!.. *

Занавес.

---

*В основу драмы «Толстой на пашне» легли воспоминания И.Е. Репина о его поездке к Л.Н. Толстому в 1887 году («Далекое близкое» и «Художественное наследство», т. I). А также – письма художника к Л.Н. Толстому, С.А. Толстой, В.В. Стасову, П.М. Третьякову и В.Г. Черткову, письма Н.Н. Страхова к Л.Н. Толстому, письма самого Льва Николаевича к жене, Софье Андреевне, критические статьи В.В. Стасова, в которых он дает высокую оценку работам Репина «Портрет Л.Н. Толстого» и «Пахарь. Л.Н. Толстой на пашне» (1887), статьи Г.П. Данилевского и В.Г. Грибовского об их пребывании в Ясной Поляне в 1886 году и др.

Все исходные материалы из писем, дневников и статей, которые автор использовал в пьесе «Толстой на пашне», как и в других пьесах, привести в комментариях, конечно же, невозможно. Да и вряд ли это оправдано – повторять дважды одно и то же. Но некоторые отрывки из писем Л.Н. Толстого к жене, Софье Андреевне, привести здесь просто необходимо, чтобы читатель еще раз убедился, что великий писатель пахал нивы бедных вдов и клал печи крестьянам не просто ради того, чтобы «отдохнуть от умственного труда», как многие считали и считают. Нет, за всей этой черновой работой графа Толстого стояла его непреодолимая боль за судьбы бедных людей, которым он помогал чем только мог…

«Вчера я не работал, а ездил в Ясенки и дома был. Бедность ужасная; хлеба нет и заработать нечего. Главное, нет овса. Я решил, что поручусь лавочнику в Ясенках за 15 четвертей овса, которые необходимы самым нуждающимся. Они отдадут; а если нет, то 75 рублей, я думаю, что можно дать. Ты верно будешь этому сочувствовать», – писал Лев Николаевич жене 3 мая 1886 года. И уже 5 мая писатель отправил Софье Андреевне письмо следующего содержания: «Дома было много приходивших мужиков. Всегда была бедность, но все эти года она шла, усиливалась, и нынешний год она дошла до ужасающего, и волей, неволей тревожащего богатых людей. Невозможно есть спокойно даже кашу и калач с чаем, когда знаешь, что тут рядом знакомые мне люди – дети (как дети Чиликиных в Телятниках, кормилица Матрена Таниного Сани) ложатся спать без хлеба, которого они просят, и которого нет. И таких много… Перестала ли Таня нанимать за 5 рублей лошадь на час? 5 рублей хлеб на месяц детям вместо корок… Нынче разговорился с Филиппом о собаках. Они проедают 4 четверти овса в месяц – это в год 40 четвертей, вдвое более того, что осчастливило бы десятки семей. Это ужасно! Скажи это мальчикам. Не овса жалко, а их жалко. Если тратить на свои прихоти (да какие прихоти – самые нелепые, 8 легавых собак), то нельзя правильно думать… Нынче Жидкова пришла и говорила, что сын ее поехал пахать не евши. Ганя (воровка) больна, и я застал детей ее, крошек, доедающих из лукошка собранные Христа ради корки. Вы приедете, Бог даст, скоро, и вам это будет не страшно. И не может быть страшно, потому что можно помогать этому, и себе…»

Вот в такое время Репин и приехал к Толстому в Ясную Поляну и запечатлел на своей картине великого русского гения, оставившего свое перо, чтобы вспахать поле бедной вдовы…

***

Впервые И.Е. Репин познакомился со Л.Н. Толстым 7 октября 1880 года, когда писатель, будучи проездом в Москве, посетил мастерскую молодого художника. За этот визит Илья Репин должен был благодарить Владимира Васильевича Стасова, который, как пишет С. Пророкова, «сумел заинтересовать писателя творчеством своего любимца и посоветовал непременно с ним познакомиться». Эта встреча так поразила живописца, что уже 17 октября он писал Стасову: «Ах, Толстой, Толстой! говорили мы тут о многом, то есть он говорил, а я слушал да раздумывал, понять старался… Меня он очень хвалил и одобрял… А более всего ему понравились малороссийские «досвитки», - помните, которую Вы и смотреть не стали, а он ее удостоил названием *картины*, прочие – этюды только. В «Запорожцах» он мне подсказал много хороших и очень пластических деталей первой важности, живых и характерных подробностей. Видно было тут мастера исторических дел. Я

готов был расцеловать его за эти намеки, и как это было мило тронуто (то есть сказано) между прочим! Та, это великий мастер!»

Потом Репин часто встречался с великим русским писателем: после того, как через год Толстой перебрался в Москву, почти каждый вечер прогуливался с ним улицами города, ведя интересные беседы, часто бывал в Ясной Поляне, писал портреты Льва Толстого, начиная с 1887 года и до конца его жизни. Кисти художника принадлежат картины «Л.Н. Толстой», «Портрет Л.Н. Толстого» и «Пахарь. Л.Н. Толстой на пашне» (1887), «Л.Н. Толстой в лесу», «Л.Н. Толстой на отдыхе в лесу», «Л.Н. Толстой в кабинете под сводами» (1891), «Л.Н. Толстой за письменным столом в Хамовниках» (1893), «Л.Н. и С.А. Толстые» (1907) и другие. Неоднократно писал И.Е. Репин и членов семьи Льва Толстого. В 1891 году Илья Ефимович написал акварелью портрет дочери писателя – Татьяны Львовны. Еще через два года написал масляный «Портрет Т.Л. Толстой» (1893).

Не только Лев Николаевич, но и вся его семья высоко ценила творчество И.Е. Репина. О том, с каким восхищением отзывался Лев Толстой о картине «Иван Грозный и сын его Иван», я уже вспоминал в предисловии к роману. Теперь приведу только один отрывок из письма Т.Л. Толстой к Илье Ефимовичу от 7 марта 1892 года, написанного после того, как Татьяна Львовна, которая также занималась живописью (и не без успехов), посетила юбилейную выставку художника в Москве: «Накануне своего отъезда была на вашей выставке… Меня особенно поразили по красоте портреты Черткова, Веревкиной, Драгомировой и Мерси д'Аржанто, не говоря о «Запорожцах», которые всякий раз меня больше и больше изумляют. Чего еще на свете нужно, когда можно так писать! Я думаю, что я не пожалела бы всей жизни каторжного труда, если бы надеялась достичь такого совершенства».

«Запорожцы»*

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Илья Ефимович Репин – русский художник.

Дмитрий Иванович Яворницкий – украинский историк.

Варвара Петровна Кокина – первая жена Яворницкого.

Яков Павлович Новицкий – этнограф из Александровска**.

Елизавета Николаевна Званцева – молодая художница, ученица И. Репина.

Павел Михайлович Третьяков – московский промышленник и коллекционер.

Иван Николович Терещенко – киевский промышленник и коллекционер.

Георгий Петрович Алексеев – генерал, обер-гофмейстер царского двора, коллекционер запорожской старины.

Марко Лукич Кропивницкий – основатель Театра корифеев в Елисаветграде.

Панас Карпович Саксаганский,

Микола Карпович Садовский,

другие ***актеры***, одетые запорожскими козаками.

Актер в роли турецкого султана.

Натурщица.

*«Запорожцы» – это сокращенный вариант драмы «Репин и Яворницкий», что была написана первой в этом драматическом цикле и десятой в авторской серии «Пьесы о великих», в которую еще раньше вошли «Поэт и король, или Кончина Мольера», «Цикута для Сократа», «Трагедия Нобеля и драма Хемингуэя», «Оковы для Чехова», «Ошибка Сервантеса», «Укрощение… Шекспира!», «Любимые Бетховена и любовницы Паганини», «В осаде саламандр» (про Карела Чапека) и «Душа в огне» (про Александра Довженко).

**Города Александровск, Елисаветград и Екатеринослав поданы за их старыми названиями. Теперь – это Запорожье, Кропивницкий (Кировоград) и Днепр (Днепропетровск).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Квартира Яворницкого в Харькове. На столе, под стенами, на полу лежат разные древности: черепки из раскопок, жупаны, сафьяновые сапоги («сап'янці»), сабли, пороховницы, люльки, пистоли… По комнате нервно ходит Варвара, жена историка. Входит Дмитро – сияющий и с большой торбой.

Яворницкий *(радостно)*. Добрыдень, Варусю! *(Целует ее в щеку. Потом показывает торбу)*. Смотри, сколько я реликвий запорожских привез!

Варвара *(вместо приветствия)*. И я от этого должна быть счастливой?

Яворницкий. Варусю, ну не сердись… Я же не гуляю, а занимаюсь серьезной наукой – изучаю историю Запорожья, чего еще почти никто до меня не делал…

Варвара. Кому оно нужно, твое Запорожье?! Говорил тебе попечитель Харьковского округа: «Ваши запорожцы нам не нужны. Пишите о Финляндии». Вот и пиши «о Финляндии»!

Яворницкий. Ну, не все же так думают, как этот генерал… Мои лекции про запорожских козаков собирают весь цвет харьковской интеллигенции и проходят при переполненных залах. А газета «Днепр» мои лекции назвала «живой водой», если ты помнишь… *(Берет со стола газету, цитирует)*. «Живой водой» исторического анализа реставрировать прошедшее – значит получить возможность понимать настоящее и предвидеть будущее».

Варвара. Водой сыт не будешь! И наше с тобой будущее я предвижу в нищете!

Яворницкий. Варусю, прости, что я мало зарабатываю…

Варвара. Ты почти ничего не зарабатываешь! После того, как из-за этих запорожцев тебя назвали «ярым украинофилом» и уволили с работы в Харьковском университете, – ты даешь только частные уроки! И то только тогда, когда не шляешься по дорогам своего Запорожья с палкой в руках и торбой за плечами!

Яворницкий *(обиженно, но сдержанно)*. Я не шляюсь – я собираю старину. Реликвии запорожские. И мою коллекцию в прошлом году на VI археологическом съезде в Одессе признали одной из лучших.

Варвара *(въедливо)*. Только вернулся ты с этого археологического съезда на купленный друзьями билет, так как у самого денег не было даже на обратный путь…

Яворницкий. Но вернулся же.

Варвара. А потом опять уехал! Сначала – в Москву, а потом – в Петербург!

Яворницкий. Варвара, я ездил работать в архивах. И я тебе подробно об этом писал и из Петербурга, и из Москвы.

Варвара. Боже, как же это я забыла – ты же мне писал! Ты мне всегда пишешь! У меня уже целая куча твоих писем! Мы общаемся только письменно! Я почтальона вижу у нас дома чаще, чем тебя! Ты же изучаешь историю Запорожья!

Яворницкий *(выкладывает из торбы череп, саблю, пистоли, пороховницу, графин)*. Это мое призвание, Варвара…

Варвара. Прекрасное призвание: то черепки стягивал в квартиру, а теперь – уже и черепа! *(Брезгливо берет череп и бросает его на кучу вещей, что лежат на полу)*.

Яворницкий. Не швыряй череп – ты же ему зубы повыбиваешь! *(Поднимает череп)*. Турки под Хотином не выбили, поляки под Берестечком не выбили, свои в корчме не выбили, так учительница музыки в Харькове выбьет…

Варвара. Ему уже все равно!

Яворницкий. Это тебе все равно, это тебе все это безразлично! *(Показывает на древности)*.

Варвара. Что мне безразлично? Вот этот хлам, которым ты завалил всю квартиру?! Везде черепки, ржавые железяки, старое тряпье… Повернуться негде! Я люблю, чтобы в доме был порядок, и мне мешает это все!

Яворницкий. Это еще Екатерина II так заводила на Украине свои порядки, и ей Запорожская Сечь мешала…

Варвара. Я – не Екатерина II!

Яворницкий. Я знаю. На Екатерине II я не женился бы…

Варвара. Ну, если не на Екатерине II, то просто на какой-то другой тебе придется жениться, потому что я от тебя ухожу!

Яворницкий. Что ты говоришь, Варусю?! Ты же знаешь, как я тебя люблю!

Варвара. Ты меня любишь? Да ты не успел вернуться из своих архивов, как снова бросил меня одну, без денег и подался на какие-то идиотские раскопки! *(Берет со стола лист, читает)*. «Если бы вы знали, как я люблю свое Запорожье и его «сердешных сиромах»?! Все готов оставить, со всем готов расстаться, лишь бы только одна моя нога могла стоять на священной для меня земле»! Ты специально оставил на столе эти черновики, чтобы я их прочитала? Если ты со всеми готов расстаться ради своих «сердешных сиромах», то, значит, и со мной!

Яворницкий. Варвара… Я сойду с ума, если ты уйдешь…

Варвара. Без своего любимого Запорожья ты сойдешь с ума еще быстрее! Поэтому оставайся со своими «сиромахами» и делай что хочешь… *(Уходит)*.

Дмитро опустился на стул и обхватил голову руками. А откуда-то взялась и полилась песня «Козака несуть»…

Козака несуть
І коня ведуть,
Кінь головоньку клонить. (2)

А за ним, за ним
Його дівчина
Білі рученьки ломить. (2)

Явление 2

А через какое-то время мы видим Яворницкого в Александровске у Якова Новицкого. Они разговаривают. Рядом стоят чемоданы Дмитра – видно, что он собрался в далекий путь.

Новицкий. Ты очень осунулся, Дмитро, – лица на тебе нет…

Яворницкий. Слишком много свалилось на меня в этом году, Яков. Как обрушилась мне на голову земля на Хортице во время раскопок, так и началось… Похоронил отца… Развелся с женой… Потерял работу в Харьковском университете… Даже не знаю, как я пережил все это, – едва с ума не сошел… Но как-то выдержал, слава Богу… Только седины добавилось в тридцать лет…

Новицкий *(сочувственно)*. Тяжелым для тебя выдался год 1885-й, но держись, Дмитро. Ты только держись, слышишь?

Яворницкий. Если бы я жил, как ты, в Александровске, в центре вольностей запорожских, мне было бы легче держаться…

Новицкий. Ты всегда можешь ко мне приехать! И мы снова махнем на Хортицу – пройдемся следами запорожцев, будем есть кулиш из одного казанка, а на раскопках опять наварим ухи! Ты помнишь, сколько мы там дорог исходили, сколько раз слушали, как шумят днепровские пороги?!

Яворницкий *(грустно)*. Разве такое забудешь?..

Новицкий. Дмитро, мне тоже нелегко на должности народного учителя – ты же знаешь… Я тоже не раз был за наше Запорожье «гонимый», и черт знает, какого горя только не изведал, и черт знает, каких нужд не испытал… Но рук опускать нам с тобой нельзя! Помнишь, как мы были на Хортице возле старого усохшего козацкого дуба, от которого только огромный пень остался? Если мы не наполним историю Запорожья твоей «живой водой», то вот так и память наша усохнет!

Яворницкий. Да не собираюсь я тему Запорожья оставлять! Еще чего! Не дождутся!

Новицкий. Вот это по-нашему! *(Кивнул на чемоданы)*. И куда ты теперь?

Яворницкий. В Питер, Яков. В Петербург. Так надо. Там архивы, там и работа для меня, может, найдется. Там я подниму все козацкие документы,

буду преподавать историю, читать лекции про запорожских козаков. Слава Богу, «История Южной Руси» в России еще преподается…

Новицкий. Это ты правильно решил. Там, в Петербурге, много наших украинцев на ноги становилось – Шевченко, Гребинка, Костомаров, Кулиш… Там ты сможешь издать свои книги про Запорожье и напишешь новые. И личная твоя жизнь, Дмитро, еще сложится – ты еще найдешь себе молодую красивую дивчыну, мы зашлем к ней сватов, устроим смотрины, а потом усадим вас за большой стол и сыграем настоящую украинскую свадьбу! *(Берет в руки козацкий крест)*. Благословляю тебя, Дмитрий Иванович Яворницкий, на все хорошее Байдой, Сагайдачным, Зализняком, Палием и всеми славными и святыми запорожцами и гайдамаками. Аминь.

Обнялись на прощанье.

Явление 3

И вот Яворницкий уже в Петербурге. В темном костюме и в белой рубашке с галстуком он стоит за кафедрой в какой-то аудитории и читает лекцию про запорожских козаков.

Яворницкий. Историческая жизнь Украины с ее козацким населением в городах и низовьях Днепра, в Запорожье, не раз выдвигала таких героев, имена которых могут быть смело вписаны на страницы всемирной истории. И появление этих героев на исторической сцене Малой Руси и Запорожья не случайное. Занимая боевой пост между турко-татарами с одной стороны и поляками – с другой, козаки представляли из себя настоящий живой оплот для всей русской народности и на своих плечах выносили все удары как со стороны мусульманских Крыма и Турции, так и со стороны католической Польши.

Борясь за политическую свободу, за православную веру, за русскую народность, козаки каждую пядь родной земли поливали своею кровью и засевали своими костьми… И лежало в открытой степи «козацьке тіло, чумацьке біле», обмываемое дождем, обвеваемое ветром, палимое солнцем, лежало до тех пор, пока оставался лишь голый скелет и пока промеж костей

этого скелета не прорастала зеленая трава, а через глазницы не пробивался высокий бурьян, – это и служило покровом, вместо савана, для погибшего в борьбе за родину козака…

Вся эта жизнь, полная отречения, мук и всевозможных лишений, вызывала у современников чувство удивления и невольно заставляла других прославлять козацкую удаль и все козацкие деяния. Но не одних слепцов-бандуристов вдохновляли своими подвигами козаки: за описание козацких деяний брались и мемуаристы, и летописцы, и историки, и притом не только духовные, но и светские, и не только из среды самих козаков, но даже из среды поляков, которых запорожцы не раз выручали, когда Польше и всей Европе угрожали восточные завоеватели.

Достаточно вспомнить, как в 1621 году по просьбе королевича Владислава 40 тысяч запорожских козаков во главе с гетманом Сагайдачным пришли на помощь 57-тысячному польскому войску и вместе с ним разбили под Хотином полумиллионную армию султана Османа II, который начал эту войну с намерением раздавить Польшу и сделать ее турецкой провинцией. Многие из козаков сложили тогда свои головы, а сам гетман был тяжело ранен и через полгода умер от этих ран… *(Остановился)*. Но об этом мы поговорим на следующей нашей лекции. А сегодня – я благодарю вас за внимание. *(Складывает свои записи)*.

Явление 4

В это время входит Репин. Одет он просто и изящно, но не броско – на нем белая рубашка с галстуком, темные брюки и такого же цвета длинный пиджак.

Репин *(еще издали, на украинском языке)*. Дивовижна лекція, Дмитре Івановичу! Просто чудова! *(Подойдя ближе)*. Пробачте, що я отак зненацька, я – Ілля Юхимович Рєпін, художник. *(Переходит на русский язык)*. С тех пор, как по Петербургу пошла слава, что вы несравнимый знаток истории Запорожья, – я только и думаю о том, чтобы познакомиться с вами.

Яворницкий *(подает руку)*. А я мечтаю познакомиться с вами, Илья Ефимович, с тех пор, как увидел вашу картину «Бурлаки на Волге»!

Репин. Тем более что мы – земляки… Вы же из Харьковской губернии, правда?

Яворницкий. Из Сонцевки – это от Харькова 35 верст.

Репин. А я из Чугуева, что под Харьковом.

Яворницкий. Это сразу видно по вашему красивому украинскому произношению!

Репин. Мои родители – военные поселенцы. Отец – русский, из рода московских стрельцов. А мать – дочь чугуевского козака. В военном поселении, а поэтому и в нашей семье, разговаривали в основном на русском языке, и я сначала украинскую речь почти не понимал. Особенно, когда на нашем постоялом дворе собирались крестьяне с соседних сел и разговаривали между собой громко и скоро. Но потом научился. Кругом Чугуева было несколько богатых и красивых сел малороссиян – народ нежный, добрый, поэтичный, любит жить в довольстве, среди цветов и вишневых садов. Я часто общался с ними и позже объездил много других сел, когда стал иконописцем и расписывал церкви. Сколько мы там с нашей артелью украинских песен перепели! Украинцев я всегда любил за их ласковость и звучные песни…

Яворницкий. А мой отец был сельским дьяконом и настоял, чтобы я вступил в Харьковскую духовную семинарию. Но два последних года я не доучился – поступил на историко-филологический в Харьковский университет… Теперь вот занимаюсь нашими запорожцами…

Репин. И правильно делаете! А то мы о чужих почему-то больше знаем, чем о своих… Представляете, в Академии художеств профессор Сидонский три года нам историю Египта читал! Нет, это тоже знать необходимо. Но писать нам надо о своем! И рисовать надо свое! А то: природу – только в Италии! Героев – тоже оттуда! Ох, как не любили наши профессора, когда мы привозили после летних каникул в академию свои этюды, нарисованные из жизни простого народа, который ходит босиком или в лаптях!

Яворницкий. Хорошо, что вы их не послушались, Илья Ефимович, и все же написали своих «Бурлаков на Волге» – я не видел другой картины, где бы простые люди были нарисованы с такой любовью и с таким сочувствием!

Репин *(по секрету)*. Дмитрий Иванович, я сейчас пишу еще одну такую картину…

Яворницкий. О бурлаках?!

Репин. Можно сказать и так. Только о наших украинских бурлаках – о запорожских козаках!

Яворницкий. О наших лыцарях?!

Репин. О них! Картина называется «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Представьте себе: Запорожская Сечь, вокруг курени, возы, кострища… А на переднем плане – за дубовым столом – сидят запорожцы, пишут султану едкое письмо и умирают от хохота… Представляете?

Яворницкий. Представляю! Еще как представляю! Прекрасный замысел – я уверен, что и картина будет прекрасная!

Репин *(почему-то погрустнел)*. Прекрасный замысел надо еще прекрасно реализовать… А пока у меня что-то не очень получается… Видите ли, это письмо запорожцев к султану мне было с детства знакомо. Но как художник я обратил на него внимание восемь лет тому назад: летом 1878 года в Абрамцево, под Москвой, Савва Иванович Мамонтов прочитал нам его из журнала «Русская старина», где его напечатал со своими комментариями Николай Костомаров. Все тогда покатились со смеху, а я представил себе эту картину и сразу же карандашом набросал эскиз. С тех пор бьюсь над картиной, а она не идет и не идет… Уже по совету того же Костомарова и на Запорожье ездил с Серовым, и в Качановке у Тарновского его запорожскую коллекцию изучал, исписал все блокноты этюдами, а вот не устраивает меня то, что я рисую, – и все! Поэтому, как только я услышал, что в Петербурге появился настоящий знаток истории Запорожья Дмитрий Иванович Эварницкий, так и думаю о вас…

Яворницкий. Вообще-то я – Яворницкий. Дед мой и отец писались Яворницкими, а мне в школе какой-то дурак прицепил букву «э», и получился я

«Эварницкий». А оно же на самом деле «явор» – дерево такое, что похоже на клен, а только листья зеленее и с зубцами на концах.

Репин. Это у меня и с картиной так получается, как с этой вашей буквой, – вроде бы похоже, а не то! Посмотрите, будьте ласкави, как у нас на Украине говорят.

Яворницкий. Обязательно посмотрю!

Репин. А еще я слышал, что у вас есть уникальная коллекция запорожских вещей – как бы мне понадобилось все это! Придите ко мне послезавтра.

Яворницкий *(смотрит в свой блокнот)*. Послезавтра не могу, Илья Ефимович… Никак не могу… Мне, чтобы тут выжить, приходится читать очень много лекций по истории и литературе – в кадетском корпусе, театральном училище, царской капелле, приватной гимназии Стоюновой, да еще в Институте благородных девиц!

Репин *(сочувственно)*. Тяжело покорять столицу… По себе знаю… На первых порах по своему приезду в Петербург, в рисовальной школе, еще до академии, мне пришлось очень туго: я сидел на черном хлебе и, чтобы не умереть от голода, брался на всякую работу: красил на домах железные крыши, красил экипажи и даже железные ведра… Это у нас «живописью» называется…

Яворницкий. Теперь я понимаю, почему вы написали «Бурлаков»…

Репин. Все мы бурлаки, Дмитрий Иванович. И запорожцы наши были такими же бурлаками. Только на этот раз я хочу показать не только народ, который вечно тянет свое ярмо, но и тот народ, который это ярмо с себя сбрасывает!

Яворницкий *(дальше листает свой блокнот)*. На этой неделе я очень занят, Илья Ефимович… Каждый день по две-три лекции! Вот только завтра всего лишь одна лекция утром – в Институте благородных девиц… Я мог бы придти к вам после обеда…

Репин. Завтра у меня сеанс – надо одну молодую особу нарисовать. Но думаю, что к трем часам закончу… Приходите завтра – я с нетерпением буду вас ждать. Вы даже не представляете, как настроение мне подняли! Мне же в

последнее время пришлось очень тяжелые темы поднимать – психологически тяжелые. Я имею в виду картины «Бурлаки на Волге», «Крестный ход в Курской губернии», «Иван Грозный и сын его Иван» – ободранные люди в лямках, несчастные калеки, кровь… А тут – запорожцы, и смех, и запорожская вольница, и свобода! Недаром про них Гоголь писал, все это правда! Никто во всем свете не чувствовал так свободы, равенства и братства! Во всю жизнь Запорожье осталось свободным, никому не подчинилось!

Яворницкий. Вот вы как сразу ожили! Я представляю, что будет завтра, когда я вам кое-что из своей коллекции принесу…

Репин. Я вас жду, Дмитрий Иванович! Я вас жду! Господи, вы словно Полярную звезду передо мною зажгли! *(Поет первую строку известного романса)*. «Гори, гори, моя звезда»…

Явление 5

По окончании явления 4 свет медленно гаснет и сначала звучит мелодия романса «Гори, гори, моя звезда», а потом Репин красивым голосом (все еще в темноте) поет:

Гори, гори, моя звезда,
Гори, звезда приветная!
Ты у меня одна заветная,
Других не будет никогда.

После этих слов загорается свет, и зрители видят, что Репин стоит возле мольберта в своем рабочем халате и рисует голую Натурщицу, которая сидит в глубине сцены (на возвышении для натуры) с узкой повязкой на бедрах. Уже при свете, старательно что-то вырисовывая и посматривая то на Натурщицу, то на мольберт, художник допевает повтор двух последних строчек первого куплета:

Ты у меня одна заветная,
Других не будет никогда.

Репин *(отойдя от мольберта и сравнив нарисованное с натурой)*. Нет, что-то не то… А что именно – и сам не пойму… Какое-то оно безжизненное получается, это твое красивое белое тело, Маришка… Какая-то ты неживая… А все потому, что сидишь и не шевельнешься, как статуя Венеры в Капитолии! Так почти всегда: когда позируют очень терпеливо и безукоризненно, портрет выходит скучный, безжизненный, и, наоборот, при нетерпеливом сидении получаются удачные сюрпризы. Так у меня было с Третьяковым – он сидел с необычайным старанием, а портрет вышел плохой. А Писемский, который вскакивал каждые пять минут для отдыха, помог мне. Его портрет имел большой успех!

Натурщица. Так мне вскочить?

Репин *(сразу же)*. Не надо! *(Спокойнее)*. Лучше не надо… У меня тут запорожцы в гостях, и хотя они женщин на Сечь не пускали, но вне Сечи я за них поручиться не могу… Так что сиди лучше спокойно. Только повернись ко мне чуть-чуть правым плечом…

Натурщица *(поворачивается, эротично поводя голой грудью)*. Вот так?

Репин *(посмотрел, подумал)*. Нет, лучше левым…

Натурщица *(ведет грудью в противоположную сторону)*. Вот так?

Репин *(снова присматривается, размышляет)*. Нет, лучше все-таки правым…

Натурщица *(в третий раз ведет грудью)*. Вот так?

Репин. Нет, нет… Лучше сядь, как прежде сидела. А то, знаешь, эти запорожцы…

Натурщица *(кокетливо)*. Запорожцы?..

Репин. Конечно, запорожцы! А кто же еще?

Натурщица. И где же они?

Репин. Как это где – на холсте!

Натурщица. Ну, на холсте… Я думала, они живые…

Репин *(очень старательно рисуя)*. Если я хорошенько постараюсь, то они и на холсте будут как живые! Хотя один живой сейчас должен придти…

(Отходит от мольберта, любуется своей работой). Ну вот теперь, кажется, получается – теперь ты у меня ожила!

И тут появляется Яворницкий с большим пакетом в руках.

Явление 6

Яворницкий. Бог в помощь, Илья Ефимович! Я не слишком рано? *(Увидел натурщицу, резко отвернулся)*. Ах, простите меня, простите! Вижу, что рано!

Натурщица при появлении Яворницкого быстро прикрыла грудь руками.

Репин. Нет, нет, Дмитрий Иванович, входите! Я уже почти дорисовал. Это вы мне простите, что я затянул свой сеанс… Посидите малость – мне возле этой красавицы немного работы осталось. *(Опять сосредотачивается на своей работе)*.

Яворницкий *(садясь к натурщице спиной)*. Гарна дивчына…

Натурщица опускает руки и позирует дальше.

Репин. Если она вам нравится, я могу дорисовать ее в свои «Вечорниці»…

Яворницкий *(улыбнулся)*. Ну нет, Илья Ефимович, на вечерницы в таком виде девчат не пускали.

Репин. Когда я учился в Академии художеств, в таком виде девчат даже в натурные классы не пускали – мы рисовали только голых натурщиков, натурщиц и в помине не было! А как же ты создашь свою Венеру Капитолийскую, если ты ее никогда не видел?

Яворницкий. Говорят, это настоящий шедевр…

Репин. Шедевр – не то слово, Дмитрий Иванович! Это такая совершенная работа, которой равных нет! Когда мой друг Стасов впервые ее увидел, то

воспользовался тем, что сторож куда-то отошел, вылез на его табуретку и давай эту статую целовать!

Яворницкий. Могущественная сила искусства…

Репин. И могущественная сила женской красоты! *(Вздохнув)*. А запорожцы не женились…

Яворницкий. Не женились.

Репин. И женщин на Сечь не пускали…

Яворницкий. Не пускали.

Репин. Так я вот смотрю на эту натурщицу и начинаю испытывать к ним еще большее уважение, потому что ясно вижу, в чем они себе отказывали! *(Отошел от мольберта, довольно посмотрел на свою работу. Потом улыбнулся натурщице)*. Ну вот и все, Маришка. Я очень тебе благодарен. Иди одевайся.

Натурщица *(показывая на Яворницкого)*. Вот так, голая, и пойду?..

Репин. Извини, пожалуйста. *(Подходит к натурщице и набрасывает на нее широкий отрез ткани, что лежит рядом)*.

Натурщица *(закутавшись в ткань)*. До свидания, Илья Ефимович.

Репин. До свидания, Маришка.

Натурщица уходит.

Явление 7

Репин и Яворницкий остаются одни.

Репин. Еще несколько минут, Дмитрий Иванович, – я свои кисти в порядок приведу. *(Складывает краски и моет кисти)*.

Яворницкий. Илья Ефимович, если не секрет: вы хотите нарисовать свою Венеру Капитолийскую?

Репин. Нет, что вы – такое повторить невозможно! Дай Бог, чтоб написать просто хороший женский портрет. Да и зачем кого-то наследовать? Надо что-то свое создавать. «Бурлаков на Волге», например.

Яворницкий. Это потрясающее полотно! Я даже сказал бы, что это что-то намного больше, чем просто картина…

Репин. За это надо благодарить моего учителя – Ивана Николаевича Крамского: он нас в рисовальной школе многому научил. Особенно когда чуть ли не на каждом уроке повторял: «Не в том еще дело, чтобы написать ту или другую сцену из истории или из действительной жизни. Она будет простой фотографией с натуры, этюдом, если не будет освещена философским мировоззрением автора и не будет носить глубокого смысла жизни»… Вот теперь, когда я берусь за каждую свою новую картину, я и напоминаю себе эти мудрые слова… А дальше уже дело техники…

Яворницкий. Техника у вас тоже безукоризненная – ваши картины получаются как живые!

Репин. Тут дело не только в умении рисовать, Дмитрий Иванович... Чтобы нарисовать и в самом деле «живую» картину, ее сначала надо увидеть и прочувствовать. Для меня это очень важно: если это бурлаки, то я должен видеть, как они тянут судно; если «вечорниці», то – увидеть «вечорниці»… Вы знаете, как я их в Качановке рисовал? Тарновский специально отвел там для меня целую хату и собрал парубков, девчат в народном убранстве, музык – все! Только нарисовать сумей! А для картины про Ивана Грозного я в своей квартире уже сам одну из комнат под царские палаты обустроил. Все там было – красные ковры, опрокинутый трон, жезл в крови… Даже черный подрясник для царя и одежду для его сына я кроил сам. И натура для этих картин очень удачная нашлась – вот если бы мне сейчас и с запорожцами так повезло… *(Уже собрал все и снял халат)*.

Яворницкий *(с нетерпением)*. Илья Ефимович, так свою картину про запорожцев вы мне покажете?

Репин. Дмитрий Иванович, я знаю, как вам не терпится, но, во-первых, это еще не картина, а только масляный эскиз, а, во-вторых, я тоже сгораю от нетерпения – так хочу увидеть, что из своей коллекции вы принесли.

Яворницкий *(аж засветился)*. Ой, что я вам принес… Никогда не угадаете… Личные вещи запорожца, выкопанные из его могилы! *(Показывает*

свои сокровища). Вот – сабля, пистоли, пороховница и графин, который стоял в головах козака! «Горілки» в нем уже нет – мы с Маркевичем и Новицким выпили ее за упокой души этого славного запорожца... Еще есть красный жупан и такие же красные козацкие сапоги, «сап'янці». Это уже добрые люди, спасибо им, в сундуке своем сберегли. *(Достает череп)*. А вот череп запорожца из той же могилы. Видите, как его рубанули? И пожить, бедняга, не успел, судя по этим крепким зубам…

Репин *(взял череп)*. Пусть почивает с миром… А эти зубы, белые и ровные, я какому-то козаку дорисую, а то на картине получаются одни беззубые старики. *(Положил череп, взял в руки графин)*. И графин этот мне очень кстати – будет стоять на столе перед запорожцами! *(Взял сапоги)*. А «сап'янці» какие! Дмитрий Иванович, это для меня такой клад, что вы даже представить себе не можете… Все пойдет в картину, все!

Яворницкий. Так где же она, Илья Ефимович? Показывайте! Я еще как-то сдержался, чтобы не смотреть на натурщицу, а тут – больше не могу…

Репин. Картина здесь!

Художник подходит к накрытому холсту, снимает с него ткань, и открывается первый масляный эскиз картины, писанный в 1879–1887 годах. Яворницкий подходит и с восхищением рассматривает, Репин внимательно наблюдает за его реакцией. Историк заходит то с одной стороны, то с другой. Видно, что картина его потрясла, но он еще молчит. Наконец переводит свой восторженный взгляд на Репина.

Яворницкий. Это будет необычайная картина! Просто необычайная!

Репин. Именно – будет… Но ее ведь еще нет…

Яворницкий. Илья Ефимович, замысел – гениальный, а вы – великий мастер! Своими предыдущими картинами вы уже не раз это доказали. И это полотно вы тоже поднесете на такой уровень, что ахнут все! Но тут, может, и в самом деле следует кое-что подправить… *(Не знает, как бы деликатнее начать)*.

Репин. Не бойтесь, Дмитрий Иванович, говорите прямо, как есть – я всегда прислушиваюсь к советам своих друзей, если они говорят умные вещи.

Яворницкий. Хорошо, Илья Ефимович, я выскажу свое мнение, но не о мастерстве и красочности картины – тут вы сами все видите лучше других! – а о том, что касается запорожцев: одежды, оружия, характеров, выражения лиц… Вот кто этот козак, что за писарем?

Репин. Это кошевой атаман Иван Сирко! Его портрет не сохранился, так я его представил себе вот таким – грозным…

Яворницкий. Он у вас тут не грозный, а лютый, ну просто демон какой-то! А Сирко же за своим характером был не демон… В народе до сих пор рассказывают, что, повоевавши врага, он отказывался от всякой добычи, гнушаясь корыстолюбием. А еще, гласят легенды, Иван Сирко отличался большой мудростью. Знаете, как он ответил гетману Правобережной Украины на его упрек, что запорожцы поддерживают дружеские отношения с ближайшими к ним татарами? *(Лукаво улыбнувшись, цитирует по памяти)*. «Когда бы и чертъ, пане гетмане, помогалъ людямъ въ крайней ихъ нужде, то брезговати тем не годится; бо кажуть люде: нужда и закон зминяе. А когда мы, живя съ татарами по-соседски, помогаемъ одинъ другому, то сіе умному ни мало неудивительно»! Поэтому я думаю, что к личности исторического Сирка это демоническое выражение лица не совсем подходит – Иван Сирко должен быть здесь смелым, мудрым, дальновидным…

Репин. Принимается, Дмитрий Иванович, я даже знаю, из кого можно нарисовать такого кошевого атамана – из генерала Драгомирова! Что еще?

Яворницкий. Еще надо больше внимания уделить козацкому оружию… Ружьями, пистолями и саблями козаки очень любили щеголять. Потому придавали им дорогую оправу и украшения и всегда старались держать в большой чистоте, отчего и сложилось у них выражение «ясна зброя», то есть начищенное до блеска оружие. Их ружья имели длинные стволы и дорогие ложа, оправленные серебром с насечками и чернью. Каждый козак имел при себе четыре пистоля и два носил за поясом, а остальные – в кожаных кобурах, пришитых к шароварам. Сабли были такие же дорогие, и носили их слева на боку, пристегнув ножны к поясу. Хорошо было бы где-то на переднем плане особенно выделить это роскошное запорожское оружие.

Репин *(записывает что-то в блокнот для этюдов)*. Так, есть… Говорите дальше…

Яворницкий. Копий у вас на картине почти нет... А копья, или «списы», также были в большом употреблении у козаков. «Козакові без ратища – як дівчині без намиста!» – говорили они. Копья делались из тонкого и легкого дерева и окрашивались спирально в красный и черный цвета.

Репин *(и это записывает)*. Будут копья!

Яворницкий. И, наконец, про самих козаков. Тут они у вас все – одна толпа… Ну, может, только Сирко немного среди них выделяется…

Репин. А разве должно быть не так?

Яворницкий. И так, и не так… Козаки на Сечи и вправду были все равны – каждого могли избрать кошевым, полковником, судьей… И особенно выделять кого-то на картине было бы неправильно. Но, с другой стороны, надо же показать, что это хорошо организованное войско, а не сборище беглецов! Поэтому где-то у стола, рядом с кошевым, я изобразил бы еще и могучую фигуру запорожского полковника, а за стол усадил бы судью. Они же пишут ответ грозному турецкому султану всем своим Кошем – вот так надо и передать!

Репин. Это очень важное замечание... *(Пишет что-то в блокноте и размышляет вслух)*. Запорожского полковника я нарисую с одесского художника и силача Николая Кузнецова…

Яворницкий. Но и это еще не все. Вы правильно сделали, что изобразили среди козаков и вот этого турка. *(Показывает на эскиз)*. Но он же тут только один… А на Запорожской Сечи, которая и в самом деле состояла в основном из украинцев, можно было встретить разные народности – поляков, белорусов, великороссов, болгар, евреев, татар… На картине, конечно, всем места не хватит, но поляка и донского казака, которые встречались там чаще других, следовало бы дорисовать…

Репин. И это принимается, Дмитрий Иванович! Все принимается! *(Почесал затылок)*. Ох и работы вы мне добавили… Тут надо заново другой вариант картины начинать!

Яворницкий. Историческая картина требует исторической достоверности, Илья Ефимович. Это и в самом деле очень тяжелый труд.

Репин. Как же много вы знаете про Запорожье – ну как настоящий сечевик! Ваш дед запорожцем не был?

Яворницкий. Дед? *(Взглянул на картину)*. Господи, мы же о дедах совершенно забыли! Какая же это будет Запорожская Сечь без старых дедов абшитованых, то есть отставных?! Илья Ефимович, вот здесь, прямо за столом, на почетном месте, возле судьи и писаря, надо посадить старого, седоусого, высохшего и беззубого сечевика! Деды – это святое! Такие столетние сечевики, коль не хотели в преклонном возрасте идти в монастырь, на Сечи свой век доживали. В сражениях они участия уже не принимали, но это были своего рода козацкие старейшины – никакое дело не обходилось без них! *(Еще раз внимательно присматривается к картине)*. А еще я, знаете, что сделал бы? Вот этого до пояса раздетого козака – тоже за стол усадил бы… Потому что так он просто без рубахи стоит, а за столом это будет «со смыслом»!

Репин. С каким смыслом?

Яворницкий. Ну, с каким… Запорожцы до пояса раздевались, когда в карты играли, чтобы не было куда их прятать и чтобы шулерства не было… Так положить на столе возле раздетого козака колоду карт – вот вам и смысл, и еще один характерный тип запорожца…

Репин. Сам Бог мне вас послал, Дмитрий Иванович! Сам Всевышний! *(Поднял вверх перст)*.

Яворницкий *(улыбнулся)*. А я все думаю, кто это выставил меня из Харьковского университета…

Репин. Не переживайте – с такими знаниями и с такой головой вы не пропадете нигде… Боже, сколько мудрых советов вы сегодня мне дали – я и сам чувствовал, что картине чего-то не достает, а теперь ясно вижу чего! Тут бы еще характерные лица мне подобрать, как для бурлаков я когда-то подобрал… Только там нужны были характеры бурлацкие, а тут – козацкие!

Яворницкий. Я и в этом вам помогу, Илья Ефимович. Среди наших земляков здесь, в Петербурге, есть много таких, которые и чертами, и

телосложением напоминают запорожцев. Например, на месте вот этого козарлюги, который хохочет, ухватившись руками за живот, может быть ваш земляк из Чугуева, профессор Петербургской консерватории Рубець. Это готовый Тарас Бульба! У меня каждую субботу по вечерам собираются наши столичные украинцы – художники, музыканты, артисты, певцы… Приходите на мои «збіговища» – и вы сами познакомитесь с ними! Но боюсь, что этого для картины все равно будет недостаточно: надо, чтобы вы еще раз прошлись следами запорожцев…

Репин. Еще раз – на Запорожье!

Яворницкий. А потом – и на Кубань! Там еще остались потомки запорожцев, и вы найдете много характерных лиц… Кстати, на Кубани тоже широко распространено письмо к султану: очень интересные варианты, я вам скажу…

Репин. Дмитрий Иванович, я все хочу и все боюсь вас спросить – а было ли такое письмо? Оно настоящее?

Яворницкий. Боитесь, что я скажу, что это выдумка и это вас расхолодит?

Репин. Не расхолодит, конечно, но так хочется, чтобы оно было настоящим…

Яворницкий. Оно было, Илья Ефимович. Можете даже не сомневаться, что оно было! Может, не казенное письмо в одном-единственном экземпляре, скрепленное подписью кошевого и запорожской печатью, а письмо, сложенное запорожской вольницей, подписанное народом и распространенное во всех землях Украины, а там и России, и Польши! Скольким воинам это письмо подняло боевой дух! Скольких разуверившихся поддержало! Его уже несколько столетий передают из уст в уста, над ним смеются даже тогда, когда плакать хочется! Как же его не было?! О нем до сих пор вспоминают потомки запорожцев, рассказы которых я привожу в рукописи своей книги «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа»…

Репин. Я представляю, какая интересная будет эта книга!

Яворницкий. Текстовую часть я уже почти закончил, а вот рисунков мне пока не хватает.

Репин. А какие именно рисунки вам нужны, Дмитрий Иванович?

Яворницкий. Нужны изображения козацкого оружия, запорожской одежды, портреты козаков…

Репин. Я с радостью вам помогу – возьму кое-что из своих заготовок к картине, а кое-что и специально для вас нарисую. Думаю, это вас устроит…

Яворницкий. Рисунки от самого Ильи Репина? Еще бы!

Репин. Вот я вас и отблагодарю за помощь и ваши мудрые советы.

Яворницкий. Илья Ефимович, у меня есть еще одна просьба. Собственно, это не только от меня… Петербургское украинское общество поручило мне обратиться к вам с просьбой нарисовать портрет Тараса Шевченка для дома-музея возле могилы поэта в Каневе. И я, и общество, и вся Украина будем вам безмерно благодарны.

Репин. Сочту за честь, Дмитрий Иванович. Шевченко для меня очень много значит. А насколько много, судите сами по вот такой детали: на моей картине «Не ждали» изображен каторжный, который только что вернулся из ссылки, а на стене – портреты Некрасова и Шевченка висят!

Яворницкий *(восхищенно посмотрел на Репина)*. Картина «Вечорниці», портрет Шевченка, теперь вот – запорожские козаки! Илья Ефимович, у меня нет слов…

Репин *(улыбнулся)*. Это не беда – главное, чтобы у меня были краски…

Явление 8

Квартира Яворницкого, которую он снимает в Петербурге. Историк зачем-то перетаскивает стол, ставит возле него несколько табуреток.

Яворницкий *(переставляя мебель, напевает)*.

У Царграді на риночку –
Там п’є Байда мед-горілочку,
Та не день, не два,
Та не годиночку.

Входит Репин с папкой для рисунков в руках.

Репин. Бог в помощь, Дмитрий Иванович!

Яворницкий *(радостно)*. Илья Ефимович! Входите, входите! У меня сегодня особенная суббота – программа на вечер составлялась специально для вас!

Репин *(оглядывается вокруг)*. Вы так настойчиво просили в своей записке, чтобы я не пропустил сегодняшнее ваше «збіговище», что я первым и прибежал…

Яворницкий. Не волнуйтесь – наши украинцы сейчас будут. Да еще какие! Проходите, пожалуйста… *(Показывая на жилье)*. Вот здесь я и живу – три комнаты снимаем на четверых.

Репин. Тесновато, конечно. Но мы с Антокольским во время учебы в академии вообще одну комнату на двоих снимали!

Яворницкий. Да, это еще терпимо – есть где над рукописью работать. Она у меня уже готова!

Репин *(показывает папку)*.А я вам как раз и рисунки принес.

Яворницкий. Да их там и много, наверное!

Репин. Девять, Дмитрий Иванович. Если рисовать как-нибудь, то больше было бы, но я не умею «как-нибудь»… *(Достает из папки рисунки и по одному передает Яворницкому)*. Вот, пожалуйста, – запорожская кобза, баклажки, ружье, кинжал и сабля, сволок и лутки запорожского куреня, портреты братьев Шиянов и запорожская одежда.

Яворницкий *(любуется рисунками)*. Чудесная работа, Илья Ефимович… Теперь я перед вами в долгу! И мне тоже есть чем этот долг отдавать! Ах, что я для вас придумал…

Репин. А что?

Яворницкий. А вот что! Помните, вы рассказывали мне, как рисовали картину про Ивана Грозного и как обустроили под царскую светлицу одну из своих комнат? Вот я и подумал – надо что-то похожее и с запорожцами

придумать… Настоящих запорожцев, к сожалению, уже нет, но ведь та ваша комната тоже не была давними царскими хоромами, а она же вас вдохновляла…

Репин. Вдохновляла, Дмитрий Иванович! Еще как вдохновляла! Как войду и как взгляну на опрокинутый трон и на жезл в крови, так и видится мне, что это здесь Иван Грозный и убил своего сына… И совсем иначе работа подвигается!

Яворницкий. Вот видите! А сейчас в Петербурге как раз гастролирует первый профессиональный украинский театр Марка Кропивницкого из Елисаветграда – «Черноморцев» Михайла Старицкого и Якова Кухаренка на музыку Миколы Лысенка ставят. Там такой фурор! Билеты дорогие, а зал все равно каждый раз переполнен! А я же с ними знаком еще из Харькова… Вот я и подумал: «Боже ж ты мой, как бы замечательно они перед Ильей Ефимовичем сцену «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» сыграли!» Одежда козацкая у них есть, оружия и всего прочего тоже хватает…

Репин. Было бы очень интересно!

Яворницкий. Илья Ефимович, это будет не просто интересно… Театр Кропивницкого – один из лучших театров России! А мы с Марком Лукичом очень хорошо скомпоновали эту сцену – когда они ее репетировали, все, как на представление, сбежались! То великие артисты!

В этот момент за сценой звучит давний козацкий пароль: «Пугу, пугу! Козак з Лугу!»

Яворницкий *(громко отвечает по-украински)*. Заходьте, браття-запорожці! *(Репину).* А вот и они…

В комнату вваливается целая ватага актеров, одетых запорожцами: одни вооружены пистолями и саблями, у других еще есть ружья и копья. Могучий козак несет на плече малокалиберную походную пушку-фальконет, его товарищ – бочонок с вином; рядом с ними идет сечевик, который держит в руках бандуру. Самый младший из актеров одет как бурсак и пострижен «під макітру», еще один – в одежде турецкого султана.

Кропивницкий *(по-украински)*. Добрий вечір добрим людям! *(На русском)*. Дмитрий Иванович, мы не опоздали?

Яворницкий *(радостно)*. Нет, Марко Лукич, вы в самый раз! *(Репину)*. Илья Ефимович, знакомьтесь, это – корифеи украинского театра из Елисаветграда: Марко Лукич Кропивницкий, Панас Карпович Саксаганский, Микола Карпович Садовский и вся их мужская часть труппы. Женщин на Сечь не пускали, поэтому Заньковецкая и Затыркевич присоединятся к нам чуть позже.

Репин *(подает всем руку и рассматривает их)*. Вот это запорожцы! Настоящие козаки!

Кропивницкий. Вы еще не видели их на сцене! *(Показывает на своих товарищей)*. Там они и в самом деле как запорожские «чародеи-характерники» – вот где их родная стихия! Приходите наших «Черноморцев» посмотреть. Мы будем вам очень рады…

Репин. Обязательно приду! И непременно в украинском костюме. В такой вот «киреї з відлогою» *(показывает на одного из актеров)* я когда-то в академию несколько лет на лекции ходил!

Кропивницкий *(с большим уважением посмотрел на художника)*. Это для нас будет двойной праздник, Илья Ефимович! А сейчас мы хотим подарить небольшой праздник вам…

Садовский *(торжественно)*. Приглашаем на театрализованное действие по картине Ильи Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»!

Саксаганский. Роли исполняют актеры первого профессионального украинского театра Марка Кропивницкого из Елисаветграда.

Яворницкий *(широким жестом показывает на стол)*. «Рисуйте» свою картину, Илья Ефимович, – то есть рассаживайте и расставляйте этих запорожцев вокруг стола так, как сами видите. А слова они знают…

Репин. Тогда сделаем так… *(Оттянул стол немного в сторону, чтобы свет падал лучше, поставил по-своему табуретки)*. Начнем со стола. С левой стороны сидит козак без сорочки и с бандурой на коленях. *(Присматривается к одному из актеров*). Разденьтесь, пожалуйста, до пояса и садитесь, потом

будете подсказывать писарю какое-то крепкое словцо… За ним сядет запорожец в красной шапке и с длинными черными усами. Так, откиньте голову назад и положите свой кулак на голую спину этого острослова. *(Рассаживает и расставляет остальных)*. Рядом сидит старый дед отставной, возле деда – судья в черной шапке… *(Тому, что в бурсацкой одежде)*. Вы, наверное, должны были быть писарем, но побудете бурсаком – садитесь возле судьи… Место для писаря мы пока оставим свободным… За столом слева стоит молодой запорожец с польским благородным лицом и ружьем через правое плечо, потом – полковник с перевязанной головой, дальше – этот рыжий, как огонь, донской казак, который едко смеется и показывает куда-то рукой; ниже его обопрется на пушку Сирко… За Иваном Сирком аж прищурит глаз молодой татарин, справа от кошевого станет боком Тарас Бульба – вот этот добродушный толстяк в красном жупане и в смушковой шапке: он хохочет, ухватившись руками за живот… Еще в правом углу обернется спиной к зрителю запорожец в сером «кобеняку з відлогою». А напротив Сирка сядет за стол на этот бочонок с вином и покатится от хохота козарлюга в белом кунтуше и с громадным затылком. Вы, вы и вы – возьмите в руки ратища… *(Рассадил и расставил актеров, довольно осмотрел «нарисованную» картину, которая и в самом деле напоминает самый известный ее вариант)*. Ну вот, кажется, и все!

Яворницкий. А писарь? Вы же про него забыли.

Репин. А чего же вы стоите, Дмитрий Иванович? Садитесь – это место ваше, и только ваше! Это я понял еще тогда, когда вы мне письмо Ивана Сирка гетману Правобережной Украины читали.

Яворницкий. Илья Ефимович, я не люблю выставлять себя напоказ…

Репин. Ну, нет! Я от вас не отстану! Кому же быть писарем, как не вам? Про Запорожье вы же пишете?

Яворницкий. Пишу.

Репин. Значит, вы и есть запорожский писарь! Не отказывайтесь, Дмитрий Иванович, – у вас была такая лукавая улыбка, когда вы письмо читали! Я для своей картины больше ни у кого такой не найду!

Яворницкий. Ну, разве что ради картины… *(Садится)*.

Репин. Вот теперь похоже! *(Посмотрел на актера, одетого по-турецки)*. А этого турка куда?

Кропивницкий. Это султан. Он стоит против козаков – у него своя роль…

Репин. Значит, у меня все.

Кропивницкий. Тогда садитесь удобнее – мы начинаем! *(Извиняясь)*. Тут прозвучит несколько срамных слов, Илья Ефимович, то вы уж нам простите – это запорожцы так написали, а из песни слов не выкинешь! *(Подождал, пока Репин сядет)*. Как известно, все началось из самоуверенного письма турецкого султана запорожцам…

Наперед выходит актер, одетый султаном.

Султан *(растягивает сверток и надменно читает)*. «Я, султан, сын султана, брат солнца и луны, внук и наместник Божий, владелец царств македонского, вавилонского, иерусалимского, Малого и Великого Египта, Каменца-Подольского, царь над царями, властелин над властелинами, необыкновенный рыцарь, непобедимый воин, неотступный хранитель гроба Иисуса Христа, попечитель самого Бога, надежда и утешение мусульман, великий защитник христиан, повелеваю вам, запорожские козаки, сдаться мне добровольно и без какого-либо сопротивления и меня вашими нападениями не беспокоить. Султан турецкий Сулейман IV. Дано в Константинополе, апреля 13 дня, 1675 года». *(Свернул пергамент и занял горделивую позу)*.

Кропивницкий-Сирко *(берет у писаря письмо)*. И вот что ему козаки ответили… *(Читает по памяти)*. «Ты шайтан турецкий, проклятого черта брат и товарищ и самого антихриста секретарь! Какой ты в черта рыцарь, если голой задницей ежа не убьешь? Не годен ты будешь сынов христианских под собой иметь, твоего войска не боимся, землей и водой будем биться с тобой. Вавилонский ты кухарь, македонский колесник, иерусалимский бражник, александрийский козолуп, Малого и Великого Египта свинопас, каменецкий палач, подолянский ворюга, самого аспида внук и всего света и подсвета шут, а нашего Бога дурень, свинья морда, кобылий зад, некрещеный лоб, пусть бы

взял тебя черт! Вот так тебе козаки ответили, плюгавец! Не годен еси иметь верных христиан! Числа не знаем, потому что календаря не имеем, месяц на небе, год в книге, а день у нас такой, как у вас, поцелуйте за это вот куда нас! Кошевой атаман Иван Сирко со всем Кошем Запорожским».

Султан *(удивленно и обиженно одновременно)*. Я – султан… *(Мол, вы что – не понимаете, с кем имеете дело?)*.

Запорожцы *(все вместе, каждый раз на украинском языке)*. Ти – шайтан!

Писарь и это, и все последующее старательно записывает за козаками.

Султан *(дальше цитирует свое письмо)*. Я – сын султана…

Запорожцы *(вместе)*. Ти – люципера син!

Султан. Я – брат солнца и луны…

Запорожцы. Ти – чорта брат і товариш!

Султан. Я – внук и наместник Божий…

Запорожцы. Ти – антихриста секретар!

Султан. Я – властелин царств: македонского, вавилонского, иерусалимского, александрийского, Малого и Великого Египта, Каменца-Подольского…

Запорожцы *(теперь по очереди. Первый)*. Ти – вавилонський кухар! *(Второй)*. Македонський колесник! *(Третий)*. Єрусалимський броварник! *(Четвертый)*. Єгипетський свинопас! *(Пятый)*. Александрійський козолуп! *(Шестой)*. Кам'янецький кат! *(Седьмой)*. Подолянський злодіюка!

Султан. Я – царь над царями…

Один из запорожцев. Ти – усього світу й підсвіту блазень!

Султан. Я – необыкновенный рыцарь…

Второй запорожец. Який ти в чорта лицар, якщо голою сракою їжака не уб'єш?

Султан. Я – непобедимый воин…

Сирко *(решительно взялся за саблю)*. Землею і водою будем битися з тобою!

Султан. Я – хранитель гроба Иисуса Христа…

Третий запорожец. Ти – нашого Бога дурень!

Султан *(сердито топнул ногой)*. Сдавайтесь добровольно!

Сирко. Не матимеш під собою вірних християн!

Султан *(тычет пальцами в подпись на письме)*. Султан турецкий Сулейман IV. Дано в Константинополе, апреля 13 дня 1675 года.

Запорожцы *(снова по очереди. Первый)*. Числа не знаєм, бо календаря не маєм… *(Второй)*. Місяць – на небі... *(Третий)*. Год – у книзі… *(Четвертый – тот, что стоит за Сирком)*. А день у нас такий, як у вас, поцілуйте за це ось куди нас! *(Поднял руку над головами и показал рукой вниз)*.

Сирко *(подводит итог)*. Кошовий отаман Іван Сірко зо всім Кошем Запорозьким! *(Берет в руки бандуру и начинает вместе с другими исполнять песню про Байду, которую актеры тоже инсценируют)*.

У Царграді на риночку –
Там п’є Байда мед-горілочку,
Та не день, не два,
Та не годиночку.

Хлебнув из бочонка вина, Байда в замедленном темпе вприсядку делает круг, танцуя гопак.

. . . . . .

Актеров уже нет. Яворницкий и Репин в комнате одни.

Яворницкий. Спасибо вам, Дмитрий Иванович за эту инсценировку – я и в самом деле словно на Сечи побывал! Теперь надо только нарисовать! Но за писаря возьмемся чуть позже, если вы не против…

Яворницкий. Я в вашем распоряжении в любое время!

Репин. Тогда потерпите немного, потому что будет еще одна небольшая задержка – мне надо закончить один женский портрет…

Яворницкий. Той красавицы, которую я у вас застал?

Репин. Нет… Другой… Эта – намного красивее…

Яворницкий. Интересно! И кто она?

Репин. Елизавета Званцева. Моя ученица. Точнее, бывшая ученица… Ее мне рекомендовал Матэ, и она какое-то время училась у меня… *(Грустно)*. Но теперь к Павлу Петровичу Чистякову учиться перешла…

Яворницкий. От Репина – к Чистякову?! Она что – не понимает, как тяжело вас этим обидела?

Репин. Все не так просто... Это мы оба решили, что так будет лучше…

Яворницкий. Тогда я больше ни о чем не спрашиваю, Илья Ефимович... Только скажу, что искренне вам завидую – вокруг вас столько красивых женщин… Моя жизнь после развода проходит в полном одиночестве…

Репин. И напрасно, Дмитрий Иванович. Я тоже разошелся со своей женой, но сам доживать свой век не собираюсь. И вам не советую. Вы же красивый мужчина – вы должны женщинам нравиться… Вспомните мое слово – в один прекрасный день вам такое счастье на голову свалится, о каком вы сейчас даже не мечтаете! Но приготовьтесь заранее, что любовь ваша пройдет, она должна замениться дружбой. А дружба рождается только из преданности… Причем – с обеих сторон…

Яворницкий. Это вы очень точно сказали.

Репин. Да уж куда точнее… У меня в этом очень горький опыт – я знаю, что говорю…

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 9

Мастерская Репина. Художник пока в обыкновенной одежде стоит у мольберта с еще не законченным портретом прекрасной девушки в темном платье с золотым колье на высоком вороте. Рядом находится большое полотно, на котором уже четко выписано большинство фигур центральной части новой версии «Запорожцев» (кроме писаря) и еще нечетко – края картины. Что-то мучит Репина, он все время к чему-то прислушивается. Видно, что кого-то ждет. И вот наконец в мастерской появляется та самая девушка, что на портрете: стройная,

божественно красивая, с улыбкой Афины Паллады и пышной копной темных волос. Это Елизавета Званцева.

Званцева. Здравствуйте, Илья Ефимович. Простите, что я опоздала.

Репин. Не волнуйтесь, Елизавета Николаевна… Я привык вас ждать… И готов это делать сколько понадобится… Хотя ждать приходится долго…

Званцева. Вы сами согласились, чтобы я перешла учиться к Чистякову.

Репин. Это была большая ошибка с моей стороны… Я думал, что будет лучше, если мы станем реже видеться… А теперь места себе не нахожу… Проходите, пожалуйста… *(Влюбленно посмотрел на гостью)*. Я так давно не видел вас у мольберта…

Званцева. Вы сами вернули мне мой ящик с красками… Зачем вы это сделали?

Репин. Я подумал, что он пригодится вам, что вы воспользуетесь красками, которые у меня только зря сохли… А вы рассердились…

Званцева. Да, рассердилась!

Репин. И, встретив меня на улице, прошли мимо, вроде бы не узнавая…

Званцева. Вы вернули мне мои краски… Значит, вы сами больше не хотели меня знать…

Репин. Господи, Лиза, да разве вы не видите, что я вас люблю? Как я вас люблю! Боже мой, Боже, я никогда не думал, что мое чувство к вам вырастет до такой страсти. Я начинаю бояться за себя… Еще никогда в моей жизни, никогда никого я не любил так сильно… Вы – всякую секунду у меня перед глазами… Везде ваш образ! Везде только вы!

Званцева. Илья Ефимович, не говорите этого, прошу вас… У нас с вами нет будущего. Вы хоть уже и разошлись со своей женой, но все равно вам будет не так просто развестись с ней официально. А это значит, что выйти за вас замуж я могу только неофициально, без оформления брака. Мои родители своего согласия на это не дадут… Да я и не смогу на такое решиться…

Репин. Вы боитесь меня, я знаю… Ну как же – старик, отец четверых детей… К тому же легкомысленный и часто увлекающийся…

Званцева. А разве неправда?

Репин. Те времена уже позади, Елизавета Николаевна.

Званцева. Все равно между нами остается «разница лет и разница положений». Вы мне сами так написали…

Репин. Да, я так написал. Потому что хорошо помню картину Пукирева «Неравный брак» и знаю, что она испортила много крови не одному старому генералу… Даже Костомаров, увидав эту картину, отказался от намерения жениться на молодой особе… И я намерен поступить так же, как он… Но я люблю вас, Лиза! Боже мой, как я вас люблю! Разве вы не видите, что я совершенно извелся?!

Званцева. Вижу. Вы очень похудели…

Репин. Это я над «Запорожцами» работал подолгу, не отрываясь от холста, и морил себя голодом… Потому и похудел… Но зато теперь бодрее себя чувствую, лучше работается, а я, как вам известно, для этого только и живу…

Званцева. Я знаю: единственная ваша настоящая любовь – это живопись. Все это знают. И слава Богу, что это так. Иначе я чувствовала бы себя виноватой в том, что вы похудели…

Репин. Не иронизируйте, Елизавета Николаевна. Вы прекрасно знаете, что живопись – это живопись, а вы – это вы! Без вас я тоже не могу!.. Но искусство я и вправду люблю больше всего на свете – больше, чем близких, чем друзей, чем всякое счастье… Люблю тайно, ревниво, как старый пьяница, неизлечимо… Где бы я ни был, кем бы ни восхищался, чем бы ни наслаждался – оно всегда и везде со мной, в моем сердце, в моих желаниях… Часы утра, которые я ему посвящаю, – лучшие часы моей жизни. И радости, и горести, радости до счастья, горести до смерти – все в этих часах… Все второстепенно по важности в моей жизни – важно утро от 9 до 12 перед картиной!

Званцева *(ревниво слушает Репина и рассматривает «Запорожцев», чтобы не показать своего волнения).* Это сразу видно по вашей работе, Илья Ефимович… Вы многое изменили в этой картине – и в композиции, и в самих

запорожцах… Теперь от этого холста исходит какое-то особенное человеческое тепло…

Репин. Это потому, что оно от самих запорожцев исходит! Вот почему!

Званцева. Жаль, что не все это понимают…

Репин. Это вы о моем давнишнем споре с Николаем Николаевичем? Да, к сожалению, Ге не понимает замысла моей картины… Он все забыл или ничего не знает из русской истории. Он забыл, что до учреждения этого рыцарского народного ордена наших братьев десятками тысяч угоняли в рабство и продавали, как скот, на рынках Трапезунда, Стамбула и других турецких городов. Так дело тянулось долго: была даже установившаяся цена на славянина и на немца (немец ценился дороже). И вот выделились из этой забитой, покорной, темной среды христиан смелые головы, герои, полные мужества, героизма и нравственной силы. «Довольно, – сказали они туркам, – мы поселимся на порогах Днепра – и отныне разве через наши трупы вы доберетесь до наших братьев и сестер». И даже в последний свой поход в Крым Сирко освободил до 6000 пленных христиан! *(Уже спокойнее)*. Простите, я снова увлекся своими запорожцами и совершенно забыл, что нам надо работать… Садитесь, Елизавета Николаевна, и набирайтесь терпения – будем заканчивать ваш портрет… *(Только теперь надевает свой рабочий халат)*.

Художник рисует Е.Н.Званцеву, вертится сценический круг…

Явление 10

И вот мы уже видим ту же мастерскую, но на следующий день. Репин подходит к «Запорожцам» и пытается рисовать, но работа ему не дается – он то отходит от холста, то возвращается к нему, наконец нервно откладывает кисти и палитру, снимает и бросает на стул свой халат. Потом садится и долго сидит, тяжело опустив голову. В это время звучит песня:

Чорна рілля ізорана, гей, гей!
Чорна рілля ізорана
І кулями засіяна, гей, гей!

І кулями засіяна, гей!
Білим тілом зволочена, гей, гей!
Білим тілом зволочена
І кровію сполощена, гей, гей!
І кровію сполощена, гей!
Вітер віє по долині, гей, гей!
Вітер віє по долині,
Лежить козак на купині, гей, гей!
Лежить козак на купині, гей!
Ані тата, ані мами, гей, гей!
Ані тата, ані мами,
Ані труни, ані ями, гей, гей!
Ані труни, ані ями, гей!
Летить ворон, усідає, гей, гей!
Летить ворон, усідає,
Йому очі випиває, гей, гей!
Йому очі випиває, гей!

Входит Званцева.

Званцева. Илья Ефимович, что с вами? Вы не больны? *(Обеспокоенно присматривается к нему)*.

Репин *(поднимается ей навстречу)*. Ах, Лиза, не спрашивайте меня ни о чем… Я так вас люблю! Но… лучше было бы мне не встречаться с вами вчера… Сегодня не могу сосредоточиться; не могу перенестись в Сечь, где не было женщин, где сильные, здоровые, свободные люди обрекли себя на защиту ближних, слабых, на защиту всех дорогих интересов своей родины – веры, свободы, благоденствия… Они заглушали в себе чувство личной жизни, стремление к счастью, к тихой семейной идиллии…

Званцева. И вам тоже хочется заглушить это чувство? Тогда я лучше уйду…

Репин. Нет, Лиза, не уходите! Побудьте со мной… Мне всегда спокойнее, когда вы рядом… Давайте поработаем вместе – я буду рисовать «Запорожцев», а для вас там есть приготовленный этюд…

Званцева. Хорошо, Илья Ефимович. Только обещайте, что мы действительно будем работать и не станем разговаривать на волнующую нас обоих тему…

Репин. Конечно, конечно! Я обещаю, что не скажу ни слова о том, как безумно я вас люблю!

Званцева. Ну вот – вы опять начинаете… Я все-таки вас оставлю…

Репин. Нет-нет, Елизавета Николаевна, не уходите! Ради Бога, не уходите! Смотрите – я уже надеваю халат! *(Быстро надевает халат, берет кисти и чуть ли не бежит к «Запорожцам»)*.

Званцева. Ладно, я останусь. Где ваш приготовленный для меня этюд?

Репин *(притворяется, будто бы уже сосредоточен на «Запорожцах»)*. У окна. Он накрыт белой тканью.

Званцева. Этот?

Репин. Ну я же не вижу отсюда. Откройте и посмотрите.

Званцева открывает одну из картин и, шокированная, отступает от нее.

Репин. Ну что – нашли?

Званцева *(обиженно)*. Нашла… Интересный «этюд»…

Репин. Вам не нравится?

Званцева. Почему не нравится?.. Даже очень нравится… Особенно… грудь! *(Разворачивает мольберт и показывает нарисованную голую натурщицу)*.

Репин *(повернул голову и ужаснулся)*. Ой, Лиза, это не то! Вы не то открыли! *(Быстро подходит и накрывает портрет)*.

Званцева. Почему же не то? То! Хотя, в сущности, я ничего нового для себя не открыла… Вы вполне в своем репертуаре… У вас тут много таких «этюдов»?

Порывистым движением Званцева снимает ткань с еще одной картины – открывается портрет С.М.Драгомировой, девушки в украинском костюме.

Званцева. А это кто такая?

Репин. Софья Драгомирова. Украинка в национальном костюме.

Званцева. Ну, эта хотя бы одета…

Репин. Лиза, вы все не так воспринимаете – это всего лишь портреты!

Званцева. И я для вас тоже – всего лишь портрет?! Да?! Прощайте, Илья Ефимович… Рисуйте своих «Запорожцев»… Рисуйте кого хотите! Я к вам больше не приду! Теперь у вас будет время сосредоточиться на вашей работе! *(Быстро уходит)*.

Явление 11

Та же мастерская через некоторое время. Репин одет в тот же рабочий халат, но теперь его правая рука утеплена недовязанным шерстяным чулком, который надет на рукав халата как нарукавник. Художник стоит перед большой картиной и рисует писаря с Яворницкого, который сидит за столом с гусиным пером в руке – перед ним лист бумаги, его запорожский графин и чернильница.

Репин *(старательно выводя кистью)*. Спасибо вам, Дмитрий Иванович, что жертвуете мне столько времени. Простите мне за эту медлительность, но быстрее не получается – и больная рука очень болит, и каждую черточку надо нарисовать так, чтобы она оживляла картину, а не портила ее…

Яворницкий. Илья Ефимович, не извиняйтесь: для меня огромное счастье и огромная честь – быть вам полезным в вашей работе… Господи, какой титанический труд вложен в эту картину! Ну, кто еще из художников проводил такую подготовительную работу для своих картин, как вы для «Запорожцев»? Три поездки на Украину и на Кубань, глубокое изучение истории запорожского козачества, подробное изображение одежды, оружия, утвари, поиски натуры и зарисовка множества лиц… Я уже не говорю о десятках фигур, которых вы уничтожили ради того, чтобы добиться «общей гармонии картины»! *(Сокрушенно)*. А тут еще я своими советами хлопот вам добавляю…

Репин. А что же это за творчество – без хлопот?! Вам история Запорожья разве легко дается? Нет, тут уж так: хочешь создать что-то стоящее – будь добр,

потрудись! Так у мене было и с бурлаками, и с крестным ходом, и с Иваном Грозным… Теперь и с запорожцами так получается! Работаю над ними до упаду, но долго работать все равно не могу, всего 4–5 часов в день. Какой это труд! Надо чтобы каждое пятно, цвет, линия выражали вместе общее настроение сюжета и согласовались бы и характеризовали всякого субъекта в картине. Приходится жертвовать очень многим и менять многое и в цветах, и в личностях. *(Устало опустил правую руку с кистью)*. Очень устаю… Но, кажется, уже немного осталось...

Яворницкий. Вы очень хорошо все поправили. Картина будет непревзойденная – теперь это и в самом деле монументальное историческое полотно!

Репин. Боюсь, что некоторые наши критики опять найдут к чему придраться… Вот недавно в «Художественном журнале» напечатали, что Репину решительно все равно, что писать, лишь бы писать – из Евангелия, психологический этюд, этнографическую картину или из русской истории кровавую сцену…

Яворницкий. Не обращайте внимания, Илья Ефимович, – пускай пишут что хотят… Все равно к вашим картинам народ идет словно на прощу! Я сам видел, как дом, где впервые был выставлен «Иван Грозный», осаждали зрители, а перед подъездом дежурили конные жандармы!

Репин. Да я почти и не обращаю внимания на эту едкую стряпню. И у меня нет ни раскаяния, ни желания исправиться или кому бы то ни было угодить. Каждый раз, с выпуском в свет своей новой картины, я слышу столько противоположных мнений и советов, что если бы я имел желание руководствоваться мнением какого-либо кружка, или еще уже – мнением одного какого-нибудь избранного человека, то был бы несчастным, забитым, не попавшим в такт, провинившимся школьником… К моему счастью, работая над картинами, я не обращаю внимания на такие вещи. Засевшая идея начинает манить меня, не давать покоя, и мне тогда ни до кого нет дела… Что станут говорить, будут ли смотреть, будет ли это производить впечатление – обо всем

этом я никогда не думал. Даже такой существенный вопрос – будет ли картина продана, понравится ли публике? – никогда не мог остановить меня…

Яворницкий. Вы не поверите, но когда я пишу про Запорожье, то также менее всего интересуюсь этими практичными вещами. Хотя деньги, конечно, нам с вами пригодились бы – жизнь в Питере очень дорога.

Репин. И дорога, и часто очень суетна… Поэтому я все мечтаю, если картина будет хорошо продана, купить себе именьице и жить в деревне, так тянет к природе! Так надоела вся суета, все суррогаты еды и питья. То ли дело хорошие вареники в сметане!.. Знаете, Дмитрий Иванович, надо устроиться так, чтобы полгода жить в деревне, а полгода в Петербурге, тогда будет удовлетворено общее чувство жизни. *(Опять опустил правую руку)*. Господи, как правая рука у меня болит! Сохнет от переутомления и болит – хоть бы не умереть, пока не закончу своих «Запорожцев»… Вы знаете – Крамской умер прямо за работой, когда рисовал портрет доктора Раухфуса…

Яворницкий. Что-то мы с вами, Илья Ефимович, об очень грустном заговорили…

Репин *(посмотрел на картину)*. Да я уже и сам вижу, что о грустном… А ну улыбнитесь, как вы умеете! А то я не лукавого писаря, а протоиерея на панихиде тут нарисую…

Яворницкий *(улыбнулся)*. Будет «Крестный ход запорожцев к турецкому султану»!

Репин. О, вот так и улыбайтесь – это именно то, что мне нужно! *(С восхищением рисует, посматривая на Яворницкого)*. Чудесно! Чудесно! Я поймал эту улыбку! Я ее поймал! *(Отошел от картины, любуется ею)*. А ну, Дмитрий Иванович, посмотрите на нашего писаря!

Художник разворачивает картину так, чтобы ее видели и зрители в зале, и перед нами открывается последний, самый совершенный, ее вариант, датированный 1880–1891 годами.

Яворницкий *(подошел и увидел писаря)*. Как живой!

Репин. А это потому, что я рисовал его с вас!

Яворницкий. Это потому, что это вы рисовали!!! Я искренне говорю – никто другой такой картины не нарисовал бы! Какая она у вас мощная получилась! Вот оно – настоящее Запорожье!

Репин *(любуется своим трудом)*. Мне самому эта картина очень нравится, что чрезвычайно редко со мной бывает. Но все равно надо еще кое-где немного тронуть кистью... Совсем чуть-чуть… Не бойтесь – я ничего не испорчу! Двенадцать лет такого изнурительного труда я просто не позволю себе испортить! *(Вытирая кисти, с досадой)*. Михневич в своих «Новостях» слишком рано про «Запорожцев» на весь Петербург раструбил: всем не терпится увидеть картину – от посетителей отбоя нет! Вы не представляете, как это утомляет и отвлекает… Я уже никого и не принимаю, но один гость все же должен сейчас придти. Ему я не мог отказать – мы же перед ним немного виноваты, поскольку без согласия хозяина его затылок нарисовали… *(Сначала стягивает с руки шерстяной чулок, а потом снимает халат)*.

Яворницкий. Георгий Петрович? Алексеев?

Репин. Алексеев. Он уже немного успокоился с тех пор, как узнал, что мы его так обманули коллекцией ваших монет, которые он разглядывал, пока я рисовал… И уже так бурно на свой затылок, изображенный на картине, не реагирует. Так я вот, чтобы окончательно погасить его гнев, разрешил ему посмотреть картину раньше всех: задетое самолюбие польщенным самолюбием лечить надо… Но вдруг он снова начнет обижаться, Дмитрий Иванович, вы уж помогите его успокоить, потому что этот затылок мне очень нужен… Я вас умоляю…

Яворницкий. Не волнуйтесь, Илья Ефимович, все будет хорошо: мы с генералом Алексеевым уже много лет знакомы – с тех пор как я проводил раскопки в его поместье Котовке Екатеринославской губернии. Он очень гордится тем, что его дед по отцовской линии купил этот хутор у запорожца Кота, а дед по материнской линии был полтавским помещиком и носил даже фамилию Запорожский! Поэтому считает себя настоящим запорожцем, носит длинные усы и собирает старину. В моей книге, как вы знаете, о нем и о его коллекции есть целый раздел… К тому же Георгий Петрович – серьезный,

степенный человек, который умеет держать себя в руках. Как-никак – бывший екатеринославский губернский предводитель дворянства, а нынче – обер-гофмейстер царского двора!

Репин. Он много вещей из своей коллекции дал мне срисовать. А как-то зашел забирать эти древности и увидел на картине свой затылок… Очень обиделся сначала – еле-еле я его успокоил…

Яворницкий. Не волнуйтесь – все будет хорошо. Это чтобы два козака да третьего не окрутили? Быть такого не может!

Явление 12

И тут появляется генерал Алексеев – низкий, плотный мужчина с длинными усами. У него большая лысая голова и мощный затылок. Одет он в украинскую вышитую сорочку, дорогие брюки и длинный белый, как на картине, жупан уже современного кроя.

Алексеев. Илья Ефимович, запорожцев принимаете?

Репин *(идет ему навстречу с раскрытыми объятиями)*. Георгий Петрович, дорогой! Входите, входите! Картина еще не закончена, но если вы хотите ее увидеть, то исполнить ваше желание я считаю для себя большой честью! *(Обнимает его)*.

Алексеев. О, и Дмитрий Иванович здесь! *(Подает руку Яворницкому)*. Приветствую, приветствую! *(Репину)*. Видите, Илья Ефимович, весь Петербург спешит увидеть ваш новый шедевр!

Репин. Пока что я не всех принимаю, Георгий Петрович, поскольку работа еще не совсем завершена. Исключение делаю только для тех, кому очень и очень обязан… Вот Дмитрий Иванович был моим главным консультантом по Запорожью! И вы тоже, спасибо вам, разрешили мне срисовать много редкостных запорожских реликвий из вашей коллекции – я даже не знаю, что бы я без вас делал!

Яворницкий. Это вы еще не всю коллекцию видели! В Котовке, которую давний предок Георгия Петровича купил у запорожца Кота, хранятся настоящие сокровища: ружья, пистоли, копья, сабли, пороховницы, седла,

трубки, кресты… Даже булава и запорожское знамя есть! Эту коллекцию оценивают в 100 тысяч рублей – Георгий Петрович имеет огромное пристрастие к запорожской старине!

Алексеев *(довольно)*. У меня этих древностей было бы еще больше, так чертова жинка, генеральша моя, не понимает, что это тоже настоящий клад! Вот не любит старых вещей – и все! И если меня нет дома, то какую бы редкостную вещь ни привезли мне на приобретение – всех в три шеи прогоняет со двора! Вот уж лютая баба! *(Репину, понизив голос)*. Вы… на Днепре Ненасытец когда-нибудь видели?

Репин. Видел.

Алексеев. И как этот страшный порог ревет, тоже слышали?

Репин. Слышал.

Алексеев *(вполголоса)*. Так это еще страшнее… Я ее иногда как наслушаюсь, так и начинаю понимать, почему запорожцы женщин на Сечь не пускали… Про таких говорят: «Это такая баба, что ей сам черт сапоги ухватом подавал, так как ближе подойти боялся!» О… *(Уже громче)*. Так покажите же мне, Илья Ефимович, свой новый шедевр, о котором уже и в газетах пишут, потому что я тогда так сильно расстроился, когда увидел свой затылок, что хорошенько вашей картины и не рассмотрел…

Репин. Пожалуйста, Георгий Петрович, пожалуйста! *(Показывает на картину)*. Вот вона! «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

Алексеев *(смотрит и от восхищения даже рот раскрывает)*. Гениальная картина, Илья Ефимович! Гениальная! Классика, классика и европейское возрождение!

Яворницкий. Да, это Ренессанс…

Алексеев. О, правильно, Дмитрий Иванович, европейское возрождение и Ренессанс! Какой размах! Какая ширь! Какое оружие! А запорожцы, запорожцы! Как живые! У меня нет слов! Гениальная картина, гениальная! *(С досадой)*. Вот только если бы…

Репин *(настороженно)*. Если бы… что?

Алексеев. Если бы не мой затылок!

Репин. Вы считаете, что затылок здесь лишний?

Алексеев. Да нет, Илья Ефимович, это вы очень хорошо придумали! Ей-богу, хорошо! Затылок тут на месте! Только вот если бы он… не мой! Понимаете, если бы он не мой!

Репин. Георгий Петрович, дорогой, поверьте, я его совсем не для того здесь нарисовал, чтобы вас обидеть! Просто больше ничей затылок сюда так хорошо не подошел! Вот какие-то они все такие маленькие, худенькие… Ну как я с них буду запорожский затылок рисовать? А тут посмотрите, какая мощь! Заберите отсюда этот затылок – и картина сразу проиграет! А картина же, как вы сами сказали, гениальная?

Алексеев. Гениальная, Илья Ефимович! Гениальная!

Репин. Так она потому и гениальная, что здесь есть ваш затылок! Если б не ваш затылок, то и картины не было бы!

Алексеев *(посмотрел на Репина, жалостливо)*. Не было бы?

Репин. Не было бы! Вот пусть даже Дмитрий Иванович скажет…

Яворницкий. Да тут и говорить нечего – без этой могучей фигуры я себе картину вообще не представляю!

Репин *(Алексееву)*. А потом, Георгий Петрович, – присмотритесь к этому запорожцу справа в сером «кобеняку з відлогою»: его спину и затылок я тоже с великого человека рисовал! *(Поднял вверх перст)*. Так он вообще в сторонке стоит. И без оружия, и без ничего! А вы – во всеоружии и за столом!

Яворницкий. В самом центре картины!

Репин. Я вас посадил на самом почетном месте: напротив генерала Драгомирова, то есть – напротив Сирка!

Яворницкий. За одним столом с судьей, писарем и кошевым атаманом! Очень достойное место! Очень достойное!

Алексеев. Вы так считаете?

Яворницкий. Георгий Петрович, ну когда я вас обманывал? Вы тут изображены козацким старшиной – это по одежде и по тому месту, которое вы занимаете, сразу видно!

Алексеев. Так если бы меня изобразить так, чтобы я лицом к зрителю стоял! Ну хотя бы вот сюда меня посадить… *(Указывает пальцем)*. Вместо вот этого, в черной шапке…

Репин. Сюда уже не могу, Георгий Петрович, это – Тарновский-младший, великий коллекционер и меценат, хозяин знаменитой Качановки, где не раз бывали Гоголь и Шевченко… Тем более что предки Тарновских принадлежали к козацкой старшине и Василий Васильевич уже знает, что он тут изображен в виде судьи…

Алексеев *(смотрит на картину и опять тычет пальцем)*. Ну, тогда вот сюда – вместо этого полковника с перевязанной головой! Я же тоже мог бы быть козацким полковником! И усы у меня длиннее!

Репин. Видите ли, Георгий Петрович, тут есть две загвоздки… Во-первых, он должен быть высоким, чтобы возвышаться над теми, кто стоит на переднем плане. А вы – низенький. Но это еще можно было бы исправить – к чужому высокому туловищу я мог бы дорисовать ваше лицо…

Алексеев. Вот-вот, только физиономию!

Репин. Так тут как раз вторая загвоздка получается: полковник должен быть серьезным и даже грозным, а вы – добрый…

Алексеев. Так я же тоже могу быть грозным, если нахмурюсь! Смотрите! *(Театрально хмурится)*.

Репин *(посмотрел и развел руками)*. Не верю, Георгий Петрович. Вот не верю – и все! Ну какой же вы грозный? Вы – добрый, вы – сама душа! Посмотрите, как вы на картине искренне смеетесь! И усы ваши здесь хорошо видно!

Алексеев *(все еще с надеждой посмотрел на Репина)*. И меня совсем некуда пристроить?

Репин *(вздохнул и начал искать)*. Ну… есть тут одно место… *(Показывает)*. Вот тут, между полковником и донским казаком – беззубым кучером Тарновского Никишкой, который так едко смеется…

Алексеев *(радостно)*. Вот видите! Ах, какое замечательное место вы мне подыскали! Какое замечательное!

Яворницкий *(Алексееву, видя, что Репин уже совсем расстроился)*. Место и в самом деле замечательное, Георгий Петрович, но тогда этот Никишка будет показывать на вашу лысину, да еще при словах «поцелуйте за это вот куда нас», то есть – в лысину Алексеева…

Алексеев. Нет, нет! Боже сохрани! Это же надо мной весь мир будет смеяться! *(Вздохнул)*. Пусть лучше все остается как есть… *(Присматривается к картине)*. Красивые усы вы мне здесь нарисовали, Илья Ефимович! И саблю красивую! И пороховницу! Это же из моей коллекции все!

Репин *(ожил)*. Да тут половина вашей коллекции, Георгий Петрович! Смотрите – и ружье это, оправленное золотом, – ваше!

Алексеев. И пистоли мои!

Репин. И пистоли!

Алексеев. И трубка вот эта – из моей коллекции!

Репин. И трубка!

Алексеев. И чернильница – моя!

Репин. И чернильница!

Алексеев. И… и… *(Дальше обводит глазами картину)*. О! Вот этот крестик на этом толстяке – тоже мой!

Репин. И крестик ваш!

Алексеев *(присматривается)*. Так это же профессор консерватории Рубець!

Репин. Рубець! Похож, правда?

Алексеев. Как вылитый! Ну и живот у него! Еще больший, чем мой затылок! *(Вздохнул)*. А седло мое так нигде и не стало… А там такое седло! Такое седло!

Репин. Георгий Петрович, дорогой, ну не мог я его никуда пристроить… Была тут у меня сначала вместо этого козака в сером «кобеняку», справа, кобылья морда, но я же кобыле на голову седло не одену! А нарисовать всю кобылу, то для запорожцев уже совсем места не останется… А так видите, сколько их стало!

Алексеев. Гениальная картина, Илья Ефимович! Гениальная! *(Умоляюще)*. Только что это мой затылок – никому не говорите…

Репин. Что вы! Я никому не скажу, но и вас очень прошу: кроме своих домашних, не говорите пока никому, что я показывал вам картину – меня уже замучили посетители после статьи Михневича в «Новостях»! Если мне и дальше так будут мешать, то я картину никогда не закончу… Это, конечно же, не касается вас, Георгий Петрович, – я вам так обязан, так обязан! Для вас моя мастерская всегда открыта!

Алексеев. Рисуйте, Илья Ефимович, рисуйте – не смею больше отнимать ваше драгоценное время. *(Откланивается)*.

Репин *(провожая Алексеева до самой двери)*. Я очень рад, что вам понравились мои «Запорожцы»!

Алексеев уходит. Репин возвращается назад просто счастливый.

Репин. Слава Богу, Георгий Петрович сменил гнев на милость! Спасибо вам, Дмитрий Иванович, вы и тут меня выручили. Про вашу неоценимую помощь в работе над картиной и говорить не надо… Знаете, что я решил? В знак моей безграничной благодарности я хочу подарить вам свой первый масляный эскиз «Запорожцев»! *(Берет эскиз картины, который показывал историку в первый раз, и подает Яворницкому)*. Но давайте договоримся, что он останется у меня, пока я не закончу рисовать «Запорожцев» – во время работы этюды и эскизы бывают очень нужны…

Яворницкий. Конечно, Илья Ефимович! Пускай он будет у вас. *(Любуется эскизом)*. Я даже не знаю, как вас благодарить! Это – царский подарок!

Репин. Это – дружеский подарок, Дмитрий Иванович. Цари пусть покупают мои картины! Но для этого мне надо еще немного потрудиться… В конце года в Академии художеств планируется моя первая персональная выставка к 20-летию творческой деятельности: там будет около 300 моих работ. А украшением этой выставки должны стать «Запорожцы»!

Яворницкий. Так оно и будет – я в этом нисколько не сомневаюсь! У вас эту удивительную картину не просто купят – с руками оторвут! *(Ставит эскиз на мольберт)*.

Репин. Это было бы хорошо, если бы за приличные деньги купили… Мне ведь в последнее время не раз приходилось пояс потуже затягивать… А потом думаешь, как свести концы с концами… Волнуешься… нервничаешь… болеешь… Разве это работа?.. Нет, надо быть очень богатым, чтобы спокойно работать над серьезными вещами…

Яворницкий. Только бы Господь услышал эти ваши слова…

Репин. Кажется, он услышал, Дмитрий Иванович. *(Тихо, чтобы не сглазить)*. Терещенко и Третьяков уже больше года пишут, что готовы у меня моих «Запорожцев» купить…

Яворницкий. Я очень буду рад за вас и за ваших «Запорожцев», Илья Ефимович! И картина попадет в достойные руки, и для вас наконец-то наступит такое необходимое облегчение… *(Показывает на эскиз)*. Надеюсь, что со временем я смогу достойно отблагодарить вас за этот прекрасный эскиз и подарить вам еще более полную историю Запорожья, потому что с сегодняшнего дня начинаю работать над трехтомной «Историей запорожских козаков»…

Репин. Я с большим нетерпением буду ее ждать!

Яворницкий. А я – вашей выставки!

Репин. Пойдемте, я вас провожу. А потом крепко замкну дверь, чтобы мне никто не мешал, и еще немного поработаю над «Запорожцами»…

Репин и Яворницкий уходят.

Явление 13

А через несколько минут Репин возвращается в свою мастерскую в сопровождении двух великих коллекционеров и меценатов Ивана Николовича Терещенко и Павла Михайловича Третьякова. Терещенко – достаточно рослый, крепкого телосложения мужчина лет под сорок, Третьяков – несколько ниже, худощавее и старше его (ему уже за

пятьдесят). В обоих густые бороды, что делает менее заметной эту разницу в возрасте. Оба в дорогих строгих костюмах, которые невольно подчеркивают их значительное материальное положение, но в то же время не мешают им вести себя непринужденно и просто.

Репин. Вы меня застали врасплох, Иван Николович и Павел Михайлович! Не думал, что сегодня буду принимать у себя Терещенко и Третьякова! Не ждал, ей-богу, не ждал!

Терещенко. Вы уж нам простите, Илья Ефимович… Но мы с Павлом Михайловичем как только прочитали в «Новостях», что вы своих «Запорожцев» дорисовываете, так и заспорили, кому из нас эта гениальная картина в коллекцию попадет…

Третьяков. Извините, Иван Николович, это не *мы* «заспорили» – это *вы* начали спорить, когда я изъявил желание, чтобы «Запорожцы» попали ко мне…

Терещенко. Помилуйте, Павел Михайлович! Но я такое желание изъявил еще год назад, когда Илья Ефимович заезжал в Киев посмотреть, как приглашенный мною Виктор Васнецов расписал Владимирский собор! Я тогда Илье Ефимовичу даже стену в своем большом доме показывал, на которой эта картина будет висеть! Я с этой стены лучшие картины своей коллекции уже давно поснимал! *(Виновато)*. Я своих домашних целый год заставлял от этой стены мух отгонять! И что я теперь им скажу?

Третьяков. Скажете, что теперь мух от «Запорожцев» будет отгонять Третьяков в своей галерее в Москве!

Терещенко. Павел Михайлович, дорогой, да ведь в вашей галерее, кроме «Бурлаков на Волге», и так собраны все самые лучшие картины Репина! «Вечорниці» – у вас, «Крестный ход в Курской губернии» – у вас, «Иван Грозный» – у вас, «Не ждали» – у вас! А теперь вы еще и «Запорожцев» хотите прихватить!

Третьяков. Почему сразу «прихватить»? Купить, Иван Николович! Купить! Как я это делал всегда, поддерживая таким образом художников-передвижников и русское искусство!

Терещенко. А разве я делаю не то же самое, когда покупаю картины Верещагина, Сурикова, Поленова, Васнецова, Серова? И картины Ильи Ефимовича у меня есть: «Монахиня», «Старик с книгой», портрет Гаршина, «Поприщин»… Но таких монументальных полотен Репина, какие есть в вашей коллекции, у меня нет – поэтому я и хочу приобрести его «Запорожцев»! И имею на это первоочередное право!

Третьяков. Как это?

Терещенко. А так – *украинский* коллекционер хочет купить у художника, который родился и вырос *на Украине*, его новую картину, на которой нарисованы *украинские* козаки!

Третьяков. А почему же тогда этот *украинский* коллекционер не приобрел в свое время у этого художника его картину с такой же *украинской* тематикой – «Вечорниці»?

Терещенко *(почесал затылок)*. Дал я тут маху… Признаю. И поэтому я готов это полотно у вас выкупить!

Третьяков. Извините, не продается! Эта картина очень нравится нашим зрителям и особенно – Льву Николаевичу Толстому!

Терещенко. О! А тема «Запорожцев», насколько я знаю, ему уже не очень нравится, поскольку он проповедует «непротивление злу насилием», а на этой картине изображены как раз те, которые всю жизнь со злом воевали! *(Хитровато)*. А теперь, Павел Михайлович, представьте себе, что вы приобрели этих самых «Запорожцев»… И что будет? Придет в вашу галерею Лев Толстой, увидит на этой картине «противление злу», расстроится и бросит писать свои гениальные произведения!.. *(Хитро посмотрел на Третьякова)*. Вы представляете, какой урон вы нанесете этим русскому искусству?

Репин стоит в сторонке, подкручивает ус и счастливо улыбается.

Третьяков. Может, расстроится, а может, и не расстроится… А если я не приобрету этого шедевра и он не останется у нас, то расстроится вся Россия! И я – в первую очередь!

Терещенко. Да зачем вам эти запорожские козаки? Это же не московские стрельцы! Я вас не понимаю…

Третьяков. Иван Николович, вы забываете, что своих «Запорожцев» Илья Ефимович начал писать еще в Москве! И тогда он почти каждый день своим детям и гостям читал вслух о запорожцах по-малорусски и рассказывал о Сечи. В доме звучали украинские песни, а его сын Юра ходил обритый, с одним чубчиком «оселедцем» на голове, в желтом жупане и в малороссийской рубашке и шароварах, которые ему привез из Киева его крестный Микола Мурашко! И мы все невольно втягивались в эту атмосферу! Вот поэтому я и хочу теперь «Запорожцев» купить!

Терещенко *(умоляюще)*. Павел Михайлович, родной, поступитесь… Я вас умоляю… Нам в Киеве эта атмосфера, что на «Запорожцах», еще больше нужна… Потому что для вас – это больше экзотика, а для нас – это наша душа…

Третьяков. Обижаете, Иван Николович, обижаете! Какая же это для нас экзотика, если запорожцы с донскими казаками вместе в морские походы ходили отбивать у турок пленных славян?!

Терещенко. Конечно, ходили! И воевали вместе, и подолгу жили друг у друга, как родные братья! Но тут же не морской поход… Тут – наша Сечь! Павел Михайлович, пускай эта картина будет за нами… А Черное море и козаков на чайке среди волн Илья Ефимович для вас еще напишет!

Репин. А что – прекрасная идея… Обязательно напишу!

Терещенко *(деликатно, чтобы не показаться навязчивым)*. А… «Запорожцев» вы нам сейчас покажете?

Репин *(указывает на противоположную сторону комнаты)*. Так вот же они! *(Делает широкий жест рукой, приглашая гостей осмотреть картину)*. Иван Николович, Павел Михайлович, – прошу!

Подходят втроем к картине.

Репин *(видя, что гости потрясены)*. Впечатляет, не правда ли? *(Счастливо улыбается)*.

Терещенко *(с восхищением смотрит то на картину, то на Репина)*. Господи, неужели и в самом деле это можно так нарисовать?!

Третьяков *(тоже светится от восторга)*. Да, это картина мирового уровня – на международных выставках она будет в центре внимания! Это несомненно! Шедевр! Шедевр!!! От души поздравляю вас, Илья Ефимович! Теперь я верю дошедшим до меня слухам, что «Запорожцами» заинтересовались в самых высших кругах… *(Терещенко)*. Боюсь, Иван Николович, что это гениальное творение не достанется ни вам, ни мне… Но это уже не важно – главное, чтобы «Запорожцы» остались в России!

Явление 14

Репин в своей мастерской. Усталый, с обмотанной правой рукой, он все еще работает над своими «Запорожцами». Потом откладывает кисти и палитру, стягивает с руки свой утеплитель-нарукавник, снимает халат и подходит ко второму мольберту, который накрыт тканью. Художник снимает ткань – это портрет Званцевой. Илья Ефимович долго смотрит на нее, потом садится за стол и начинает писать письмо. Вот уже и написал.

Репин *(читает сам себе)*. «Скоро три часа, дорогая Елизавета Николаевна. Вы не приедете… Если бы Вы знали, сколько страданий я перенес в эту неделю!.. Итак, Вы больше не приедете?! Я не услышу более мягких, но сильных шагов на лестнице… я более не увижу Вас?! Прощайте, милая, прелестная, дорогая… Если бы Вы знали, как глубоко уважаю я Вас и как безумно люблю! Я желаю Вам счастья больше, чем себе, – моя жизнь уже прожита, Ваша начинается… Остаюсь все тем же Вашим добрым знакомым не без сожаления о том, *чего не было*, и нисколь почти не жалеющим того, *что было*»…

И тут входит Званцева.

Званцева. Здравствуйте, Илья Ефимович. Я пришла проститься с вами – я уезжаю в Москву.

Репин *(грустно)*. Я знаю – Чистяков мне уже сказал… Но зачем? Почему? Вам же надо еще учиться!

Званцева. Я так решила…

Репин. Подальше от меня, да? Ну что же, я вас понимаю… Зачем вам связывать со мной свою судьбу: я бываю капризен, эгоистичен – у меня отвратительный характер… Это правда. Но это не потому, что меня избаловала публика и рецензенты, как вы мне теперь написали! Нет, зло, раздражительность и отчаяние происходят от надорванности сил, от непосильных порывов, от невозможности приблизиться к идеалу…

Званцева. Илья Ефимович, вы к себе слишком взыскательны… И даже несправедливы… Это вы-то в своем творчестве не приблизились к идеалу?! А «Бурлаки на Волге», «Иван Грозный»? А «Запорожцы», наконец?! Если хотите знать, Чистяков очень высокого мнения об этой картине. Он говорит, что во всей Европе мало найдется художников, которые так совершенно и выразительно чувствуют экспрессию. А Стасов считает, что ваши «Запорожцы» не уступают лучшим страницам «Тараса Бульбы»!

Репин. Лучшее, что я написал в своей жизни, Елизавета Николаевна, здесь, в этом письме… *(Протягивает Званцевой лист)*. Возьмите, потом прочтете…

Званцева *(взяв письмо).* Мне пора… Прощайте, Илья Ефимович. Жаль, что я не увижу вашей юбилейной выставки… Но я искренне желаю вам успеха и не сомневаюсь, что вас ожидает новый триумф…

Репин. Я вас больше не увижу?

Званцева. У вас остается мой портрет…

Репин. Да, портрет… Он очень удачным у меня получился… Стасов в восторге от вашего портрета, говорит, что это лучшее, что я до сих пор сделал. И какая красивая! Ах, какая славная, красивая, глаза с поволокой!.. И Матэ тоже не мог оторваться от него…

Званцева. Предложите его Третьякову – он купит…

Репин. Нет, Елизавета Николаевна, я никогда никому не продам ваш портрет!

Званцева. А я никогда не выйду замуж…

Репин. Что вы, Лиза! Не подумайте сделать такую глупость! Забудьте меня – моя жизнь уже прожита, а ваша – только начинается!

Званцева. Я уже тоже прожила самую важную часть своей жизни, Илья Ефимович. Здесь, в Петербурге. Рядом с вами*… *(Уходит)*.

Занавес.

---

*История написания этой драмы, а также широкие комментарии к действующим лицам поданы в авторской статье «Как рисовалась картина. И как писалась пьеса «Запорожцы», которая находится в конце романа.

ВНИМАНИЕ!

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ (явления 1-6) следующей драмы «Портрет Третьякова» является одновременно ***ДЕЙСТВИЕМ ТРЕТЬИМ*** драмы «Запорожцы».

«Портрет Третьякова»

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Илья Ефимович Репин – русский художник.

Павел Михайлович Третьяков – московский промышленник и коллекционер.

Вера Николаевна – его жена.

Сергей Михайлович – брат П.М. Третьякова.

Елена Андреевна – его жена.

Владимир Васильевич Стасов – искусствовед и критик.

Александр III – русский император.

Мария Федоровна – государыня императрица.

Владимир Александрович – великий князь, брат Александр III, президент Академии художеств.

Мария Павловна – великая княгиня, жена великого князя Владимира.

Георгий Петрович Алексеев – обер-гофмейстер царского двора, коллекционер запорожской старины.

Дмитрий Иванович Яворницкий – украинский историк.

Михаил Иванович Драгомиров – командующий войсками Киевского военного округа.

Василий Васильевич Тарновский – меценат и коллекционер из Черниговской губернии.

Александр Иванович Рубец – профессор Петербургской консерватории.

Николай Дмитриевич Кузнецов – художник-передвижник.

Александр Владимирович Жиркевич – военный юрист, друг И.Е. Репина.

Дед Кастусь – белорусский крестьянин преклонного возраста.

Вера Репина – старшая дочь И.Е. Репина.

Надя Репина – младшая его дочь.

Николай Александрович Алексеев – московский городской голова.

Савва Иванович Мамонтов – промышленник, основатель Московской частной русской оперы, меценат.

Семьи Третьяковых и Мамонтовых.

Придворная свита.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Конец ноября 1891 года. Петербург, Академия художеств. Репин готовится к своей первой персональной выставке: в одном из залов уже стоят «Запорожцы», и справа от них художник вешает на стену этюд с изображением хохочущего козака. Вокруг висят другие этюды к этой картине. Входит Стасов.

Стасов *(еще издали)*. Ну что, вас можно поздравить с первой персональной выставкой и с двадцатилетием творческой деятельности, Илья Ефимович?

Репин. Получается, что так, Владимир Васильевич. *(Поправил этюд, чтоб висел ровнее, и тяжело опустил руки)*. Хотя я уже не рад, что все это затеял…

Стасов. Почему?

Репин *(в сердцах)*. Да потому что картины легче писать, чем развешивать! Боже мой, какая это морока! Сколько дней уже бьюсь над экспозицией, а еще половина не устроена. Оказалось так много, что хоть отбавляй. А я ведь беру только те картины, которые никогда не выставлялись! Вчера до упаду пришлось работать. Сегодня будет то же самое: обустроить три зала – сущая каторга! Особенно это электричество мешает. *(Показал на лампочки вверху)*. А нельзя без него – конец ноября, время темное…

Стасов. Да, тут и днем темно, как в пещере.

Репин *(расстроено)*. Вот и я говорю… После моей светлой мастерской – в залах академии мои картины сильно проиграли… *(Тяжело вздохнул)*. У меня даже бессонница…

Стасов. Ну что вы, Илья Ефимович! О какой бессоннице вы говорите? Посмотрите на своих «Запорожцев»! Это у ваших завистников теперь будет бессонница! Ах, какая это изумительная картина! Я о ней статью уже начал писать! *(Будто по секрету)*. В «Северном вестнике» обещали напечатать через месяц – в первом номере 92-го года!

Репин. Только напишите статью без пафоса, прошу вас, Владимир Васильевич…

Стасов. Боже сохрани! Когда это я писал с пафосом? Я всегда пишу только то, что вижу. Вот смотрю на эту удивительную картину и не могу написать иначе, как уже написал. *(Читает по памяти)*: «Запорожцы» – великое произведение русской художественной школы. Репин – на половину малоросс родом, и это старинные, неведомые для него самого, глубокие силы родины поднялись у него в груди и зазвучали, когда у него мелькнула мысль написать «круг казаков-запорожцев». Он искал повсюду остатки запорожской жизни … и написал изумительную свою сцену… Фигуры – сама мощь, энергия и красота. Каждая – что ни фигура – великий образец для всей русской школы. Вот как надо учиться завоевывать природу и жизнь, живую человеческую фигуру, характер и всю душу насквозь». *(С гордостью посмотрел на Репина)*. Ну что – без пафоса?

Репин. Чуть-чуть есть.

Стасов *(улыбнулся)*. Ну, если только «чуть-чуть», то можно еще немного добавить…

Репин. Нет-нет, умоляю вас, ничего добавлять больше не надо!

Стасов. Да я не пафоса собираюсь добавить, а, если вы позволите, немного истории создания «Запорожцев». Вот, например, что я еще хочу написать. *(Читает по памяти)*. «Из всей картины, из среды всех ее мужественных, глубоких красот, меня всегда более всего поражали две… Одна – это фигура того хохочущего казака, в белой папахе, запрокинувшего голову назад, который так хохочет, так хохочет, что грудь у него, наполовину раскрытая, вся как вулкан колеблется и дрожит, и он к ней прижимает свои толстые, грубые, растопыренные ладони, а глаза, а глаза у него сделались узенькие, узенькие, как щелки, и оттуда текут слезы. Другая фигура стояла с ним рядом. Этот казак, в красной с золотом шапочке, тоже запрокидывал голову назад и хохотал, подняв руку локтем кверху над головой, и обнаружив в открытом рту ряд крепких сверкающих белизной зубов. Этот казак был такое же совершенство, как и предыдущий. Он ни на единую ноту не уступал тому. И

однако же – вот сущее несчастье! – художник рассудил, что он лишний, что он «повторение», что его не надо в картине – и он стер его вон, заменил его той фигурой во весь рост, спиной к нам, которая стоит в правом углу в длинном белом зипуне. Общее красочное пятно в картине, и так несравненное по красоте, много, очень много выиграло, но той чудной фигуры, выразительной и характерной, уже более нет, и это громадная потеря. От того казака осталась только копия по грудь, которую Репин написал перед уничтожением всей фигуры по настоятельным просьбам своих друзей и искренних почитателей. Эта копия висит на выставке рядом с самой картиной, направо». *(Показал на этюд хохочущего запорожца)*. Это можно добавить, Илья Ефимович?

Репин. Это можно. *(Вздохнул)*. Мне самому жалко эту фигуру – я два года ее жалел и не соскабливал. Но в живописи ради общего иногда приходится жертвовать частностями. *(Показал на этюд хохочущего запорожца)*. И даже целыми фигурами…

Стасов. А то я не понимаю! Ну, ничего. Ярких фигур тут еще много осталось! Например, атаман Сирко, спокойно покуривающий трубочку! Сразу видно, что он тут всех остальных цивилизованнее и даже ученее! *(Цитирует)*. «Были и те, которые знали что такое Гораций, Цицерон и римская республика», – разве это не о нем говорит Гоголь в «Тарасе Бульбе»? А писарь, эта хитрая бестия?! А этот полуголый казак за столом – неженка и лентяй, обжора и сластолюб, балагур, враль и потешник? Да у вас даже спина казака гениально написана! Я уже не говорю про этот мощный затылок… *(Показывает на затылок запорожца на переднем плане)*. Ах, какой затылок! Всем затылкам – затылок!

Репин *(оглянувшись по сторонам, негромко)*. Вы знаете, с кого я его рисовал?

Стасов *(тоже тихо)*. Яворницкий сказал мне по секрету, что с генерала Алексеева – страстного нумизмата и владельца богатейшей коллекции предметов казацкой старины…

Репин. Да, именно с него – с Георгия Петровича. А подробности Яворницкий вам рассказывал?

Стасов. Нет, не успел – много народу было в библиотеке, и мы не смогли поговорить наедине.

Репин. О, это целая история… *(Предупреждающе)*. Только это не для статьи, Владимир Васильевич! Георгий Петрович просил никому об этом не говорить – он очень стыдится своего затылка. Вы же знаете, он – бывший екатеринославский губернский предводитель дворянства, а ныне – обер-гофмейстер царского двора! *(Поднял вверх перст)*.

Стасов. Как же вы его уговорили позировать?

Репин. В том-то и дело, что не уговорил! Когда я написал писаря с Яворницкого, осталось еще одно свободное место – у стола, против писаря. На это место нужно было посадить запорожца лицом к писарю, а спиной и затылком к публике. Нужно же было подобрать затылок особенный! «Вы знаете, кто может быть пригоден для такого места? – говорю я Дмитрию Ивановичу. – Георгий Петрович Алексеев! Когда он был у вас, я к нему хорошо присмотрелся. Сам низкий, плотный, голова большая, лысая, а затылок такой, что нужны века, чтобы создать такой затылок. Попросите его, чтобы он позволил мне зарисовать его спину и затылок. Я готов написать ему бесплатно его портрет, лишь бы он позволил мне зарисовать для картины его затылок». *(Уточняет для Стасова)*. Алексеев и Яворницкий дружат, потому что Дмитрий Иванович часто производит в имении Георгия Петровича на Украине археологические раскопки.

Стасов. И что дальше?

Репин. На следующий же день Яворницкий передал Алексееву мою просьбу, но тот категорически отказался: «Что это, на насмешку будущему поколению? Нет!»

Стасов. Я его понимаю: он – генерал, важная персона при дворе! А тут – только затылок на картине…

Репин. Конечно, ему это обидно. Но мне ведь тоже надо своих «Запорожцев» заканчивать! «Да устройте как-нибудь! – умоляю я Дмитрия Ивановича. – Неужели вы, при вашей находчивости, не придумаете, как это сделать?» «Тогда, – отвечает он, – разве вот как: соблазнить его древними

монетами. Я сделаю так, что Георгий Петрович пригласит нас к себе на завтрак. После завтрака мы пойдем втроем в кабинет, я вытащу из кармана несколько древних монет, и мы начнем их рассматривать в лупу, а вы сядьте за спиной и тихонько занесите в свою книжечку его трехэтажный затылок бесплатно». *(Довольно посмотрел на Стасова)*. Так мы и сделали! Георгий Петрович потом приходил ко мне за запорожскими древностями, которые я брал у него для «Запорожцев», увидел на картине свой затылок – и сначала очень обиделся… Но после мы с Яворницким его убедили, что он изображен запорожским есаулом, и он с этим смирился. Только попросил никому не говорить, что это его затылок. Вот мы никому и не говорим. Ну, разве что самым близким друзьям *(вежливо указал на Стасова)*, и то по секрету…

Стасов. Замечательная история! Жаль, что про это нельзя написать – «Северный вестник» вырывали бы из рук, а народ валил бы на выставку целыми толпами! Впрочем, он и так будет валить… Когда открывается ваша выставка?

Репин. 26-го, если в этот день не состоится приезд государя. Вчера у меня был великий князь Владимир и предупредил, что Александр III должен приехать с ним и своей свитой если не 25-го, то 26-го.

Стасов. Он обязательно приедет! Вы – первый художник России, Илья Ефимович. А значит, ваша выставка – событие государственной важности! Что у вас в других залах выставлено?

Репин. Разные вещи есть, Владимир Васильевич. В первом зале, например, представлены картины «Явленная икона», «Хирург Павлов в операционном зале», «Лев Толстой в яснополянском кабинете», а в соседнем зале – портреты Званцевой, Стрепетовой, Веревкиной, Драгомировой, портрет композитора Цезаря Кюи… Вы их все уже видели…

Стасов. И всеми уже восхищался! Но мне интересно, как вы их разместили!

Репин. Пойдемте я вам покажу.

Уходят.

Явление 2

Прошло несколько дней. И вот из того зала, в который вышли Репин и Стасов, в зал с «Запорожцами» входят Репин и император Александр III. Рядом с ними идет великий князь Владимир, позади них – императрица Мария Федоровна и великая княгиня Мария Павловна (жена великого князя Владимира). После всех шествуют генерал Алексеев и царская свита, состоящая из нескольких высших офицеров и придворных дам.

Александр III *(Репину, на ходу)*. Портрет Кюи – превосходно написан, Илья Ефимович! И по живописи, и по сходству, и даже по очень удачному сочетанию генеральского мундира и кресла-качалки: мундир подчеркивает его высокое воинское звание, а кресло-качалка и задумчивый взгляд – намекают на высокое призвание композитора Кюи! *(Удивленно пожал плечами)*. Как это все в нем сочетается? Тут он – генерал-майор, адъюнкт-профессор фортификации, автор военных учебников типа «Атака и оборона современных крепостей», а с другой стороны – автор лирических романсов и даже целых опер, которые идут на сцене Мариинского театра! *(Повернулся к великому князю)*. Что вы на это скажете, Владимир Александрович?

Великий князь. Скажу, Ваше Величество, что Цезарь Антонович одинаково щедро наделен как военными, так и музыкальными способностями. Первый свой талант он проявил еще во время Русско-Турецкой войны 1877-1878 годов, когда был командирован на театр военных действий на Дунае и участвовал в укреплении наших позиций под Константинополем, после чего и началась его блестящая военная карьера. Ну, а славу композитора ему принесли романсы на слова Пушкина, Лермонтова и Майкова, после создания которых его и приняли в свою «могучую кучку» Балакирев, Мусоргский, Римский-Корсаков и Бородин. *(Многозначительно улыбнулся, остановившись перед «Запорожцами»)*. Кстати, Ваше Величество, сейчас вы увидите замечательный портрет еще одного участника Русско-Турецкой войны 1877-1878 годов…

Александр III. Где?

Великий князь. Вот на этой картине Ильи Ефимовича! *(Показал на «Запорожцев»).*

Репин. Эта картина называется «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», Ваше Величество.

Александр III. Наслышан, наслышан! Великий князь Владимир *(уважительно указал на своего брата),* после своего предварительного визита к вам только и говорил про ваших «Запорожцев»!

Великий князь. А разве эта удивительная картина не стоит того, чтобы о ней говорили?!

Александр III *(с восхищением)*. Стоит, конечно, стоит! Какое оружие! Какая одежда! Какие характерные лица! *(Присматривается)*. Так, говорите, Владимир Александрович, на ней представлен еще один участник Русско-Турецкой войны?

Великий князь. Он здесь изображен в образе атамана Ивана Сирка, Ваше Величество…

Александр III *(показывает на центр картины)*. Так вот же он! Это – генерал Драгомиров!

Репин. Он и есть, Ваше Величество. Генерал русской армии, уроженец Черниговской губернии – Михаил Иванович Драгомиров.

Александр III. Похож, очень похож! Только он не просто участник – он герой Русско-Турецкой войны! Насколько я помню, в 1877 году генерал Драгомиров командовал 14 пехотной дивизией и вместе с ней под сильным огнем противника первым переправился через Дунай! А во время обороны Шипки Михаил Иванович был тяжело ранен. После этого он десять лет был начальником Академии генерального штаба, а теперь занимает пост командующего войсками Киевского военного округа! *(Обернулся к великому князю)*. Как он там, Владимир Александрович, – справляется со своей новой должностью?

Великий князь. Справляется, Ваше Величество. Но, как всегда, вольнодумствует: ввел в войсках своего округа пение малороссийских песен –

он считает, что эти песни имеют большое воспитательное значение и поднимают боевой дух.

Александр III. Ну, если он так считает, то пусть поют. Я хорошо помню генерала Драгомирова. Он – большой острослов и смельчак! Даже Льва Толстого не побоялся задеть за его презрительную фразу «о кусках материи на палках, называемых знаменами». Как он ему отрубил в своей статье «Война и мир» графа Толстого с военной точки зрения»! *(Цитирует по памяти)*. «Изо всех трофеев это именно тот, который более всего свидетельствует о нравственной победе над врагом. Графу Толстому не мешало бы помнить, что именно в сражении под Бородином французам не удалось взять ни одного из этих кусков материи на палках»! *(Репину)*. Да, Илья Ефимович, атамана Сирка вы написали с очень достойного человека! Генерал Драгомиров – кавалер всех русских орденов и еще десяти высших иностранных! Но я хочу спросить вас о другом: это письмо запорожцев – оно выдуманное или настоящее?

Репин. Трудно сказать, Ваше Величество. Одни говорят, что – выдуманное; другие утверждают, что – настоящее… Все может быть… Историк Яворницкий отыскал в московских архивах, в «Летописномъ повествованіи» Ригельмана, очень похожее письмо атамана Сирка крымскому хану, и в своей книге «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа» пишет следующее… *(Берет со столика книгу Яворницкого и читает)*. «История сохранила нам известие о подвигах Сирка даже на самом закате его жизни. В 1679 году против запорожцев, держащих тогда сторону Москвы, выступили татары в союзе с янычарами. Пользуясь ночным временем, они бросились было на Сичу; но Сирко, узнав вовремя о нападении врагов, бросился против них, отбил все приступы и потом двинулся даже в Крым с пятнадцатью тысячами запорожцев, разорил множество татарских аулов и, захватив в плен четыре тысячи татар, благополучно вернулся в Сичу. Вслед за этим отправил письмо крымскому хану, в котором, как нигде лучше, обрисовалась его страшная отвага и неодолимое мужество. «Для одержанія победы надъ нами, постыднымъ образомъ вторглись вы ночью въ наши жилища и понесли пораженіе. Бог-сердцеведецъ помогъ намъ лучше гостить въ панстве

крымскомъ, нежели вашимъ ордамъ около кучки сечевой. Если же пребываніе наше немного обезпокоило васъ, то это оттого, что козаки, происходя не отъ одной матери, имеют также различные нравы и обычаи: иной стрелялъ вправо, другой влево, третій просто, – только все попадали въ цель. Но когда и засимъ дерзнете вы тревожить нашъ Кошъ, ведайте, что не одни границы, а вся отчизна ваша восчувствуетъ силу оружія, на самый даже Стамбулъ ужасъ наводившаго. Теперь поспешите выкупить вашихъ пленныхъ; въ противномъ случае, через полтора месяца отправимъ мы ихъ къ доброму и богатому его царскому величеству, который наверно вознаградитъ насъ изъ казны своей за такую важную присылку».

Александр III. Замечательное письмо! И картина ваша, Илья Ефимович,– замечательная! Что не казак – то отдельный портрет! Даже вот этот затылок написан с душой и вдохновением! *(Показывает на затылок Алексеева на картине)*.

Как только царь говорит про затылок на картине, Алексеев прячется со стыда за спины свиты, чтобы никто не видел его затылка, и стоит там, втянув голову в шею.

Александр III *(императрице Марии Федоровне и великой княгине Марии Павловне)*. А что скажут про этих удальцов-запорожцев Ее Величество и Ее Императорское Высочество?

Мария Федоровна. Мы с Марией Павловной считаем, что картина – очень живая и впечатляющая, Ваше Величество. Но нам все равно больше нравятся женские портреты Ильи Ефимовича: Званцевой, Стрепетовой, Мамонтовой, Веревкиной, Драгомировой…

Мария Павловна. Это естественно, Ваше Величество: копья и ружья, походы и сражения – это больше для мужчин…

Александр III. А вот насчет ружей можно поспорить, уважаемая Мария Павловна! Как вы видели на портрете Веревкиной, она написана в больничном халате и с подвязанной рукой… А знаете, почему? Потому что Марианна Владимировна – ученица Ильи Ефимовича и дочь генерала Веревкина –

однажды прострелила себе кисть руки при неосторожном обращении с ружьем на охоте! Так что ружьями, как видите, и женщины сегодня пользуются. И теперь, когда я смотрю на этого запорожца с перевязанной головой и рукой, то думаю, что вместо него могла бы быть и Марианна Владимировна…

Репин. Могла бы, Ваше Величество, но женщин на Сечь не пускали…

Александр III. И правильно делали – иначе за этим столом *(показал на картину)* все сидели бы с перевязанными руками! Ах, какая замечательная картина! *(Повернулся к Репину)*. Кто-то уже интересовался вашими «Запорожцами», Илья Ефимович?

Репин. Третьяков уже не раз спрашивал, Ваше Величество, и Терещенко тоже очень интересовался. А когда я был в Киеве и гостил в его великолепном доме, он даже показывал стену, на которой повесит эту картину…

Великий князь. Ну что вы, Илья Ефимович! О каком великолепном доме вы говорите? Для этой гениальной картины нужен дворец! *(Учтиво повернулся к Александру III)*. Царский дворец…

Александр III. Вы так считаете, Владимир Александрович?

Великий князь. Не смею со всей категоричностью это утверждать, но мне так кажется, Ваше Величество…

Александр III. Да? Вы уже забыли, как жаловались мне на то, что стена вашей бильярдной вечно пустует, потому что приобретенных вами «Бурлаков на Волге» постоянно требуют на европейские выставки? Вы хотите, чтобы и моя стена вечно пустовала, когда «Запорожцев» будут у меня требовать на выставки то в Мюнхен, то в Будапешт, то в Париж?

Великий князь. В этом скажется и своя польза, Ваше Величество. Ведь, восхищаясь этим шедевром, вся Европа с завистью будет читать надпись под картиной: «Собственность императора России Александра III»!

Александр III. Это правда… *(Повернулся к Репину)*. И в какую же сумму вы оцениваете это художественное сокровище, Илья Ефимович? *(Показал на «Запорожцев»)*.

Репин. Павлу Михайловичу Третьякову и Ивану Николовичу Терещенко я предлагал приобрести эту картину за 40 тысяч рублей, Ваше Величество. Но буду счастлив уступить ее Вам за 35 тысяч…

Александр III. Стоимость семи хороших портретов… А что, пожалуй, эта картина потянет на 35 тысяч – тут один портрет Драгомирова чего только стоит! Мощная фигура – грозная поза – решительный взгляд! Ах, какой атаман у вас получился! А писарь-то, писарь! Какое у него хитрое лицо: как же – он насмехается над самим турецким султаном!

Репин. Писаря я писал с историка Яворницкого, Ваше Величество. Он с такой издевкой прочитал мне письмо Ивана Сирка крымскому хану, что я сразу увидел в нем запорожского писаря!

Александр III. Хорош писарь, очень хорош! Да и остальные запорожцы ему вровень! *(Показывает на запорожцев, изображенных на картине)*. И этот серьезный казак, с перевязанной головой! И этот беззубый, который так едко смеется! И этот толстяк в красном жупане и в смушковой шапке! И даже вот этот, с мощным затылком, на переднем плане, – чем не казак? Настоящий казак! В белом жупане, при золотом оружии! Сразу видно, что владелец этого затылка – достойный человек!

Репин. Достойный, Ваше Величество, очень достойный… *(Посмотрел на Алексеева, который уже поднял голову и с волнением прислушивается, что о нем говорят)*.

Александр III. Он, наверное, занимает высокое положение в запорожском товариществе?

Репин. Очень высокое…

Начиная с этих слов, чем больше его хвалят, тем больше Алексеев придает себе важного вида, поправляет свой генеральский мундир и все ближе выходит наперед.

Александр III. А кто он был на Сечи?

Репин. Запорожским есаулом, Ваше Величество…

Александр III. Это высокое звание в Войске Запорожском! Если я не ошибаюсь, войсковой есаул принадлежал к казацкой старшине. А казацкая старшина – это бывшее военное руководство на Сечи?

Репин. Именно так, Ваше Величество. Что-то вроде нашего генералитета.

Александр III. Значит, если бы он жил в наше время, то был бы генералом?

Репин. Я даже не сомневаюсь!

Александр III. Да, такой видный человек у нас вполне мог бы стать генералом! И мне кажется, что мог бы даже занять высокую должность при дворе!

Репин. Вполне мог бы, Ваше Величество… В свое время украинская козацкая старшина и была приравнена нашим правительством к русскому дворянству!

Александр III. Вот я и говорю – в этой фигуре сразу угадывается влиятельный человек! *(Задумчиво)*. Нет, я положительно уже где-то видел этот могучий затылок! Где же я его видел?

Алексеев тем временем показывает Репину жестами, чтобы он указал царю на него, Алексеева.

Репин. При дворе и видели, Ваше Величество… Это – потомственный дворянин, обер-гофмейстер царского двора генерал Алексеев. *(Показывает на Алексеева)*.

Александр III. Георгий Петрович?!

Алексеев *(почтенно кланяясь)*. Ваш покорный слуга, Ваше Величество…

Александр III. Да как же вы попали в такую гениальную картину, Георгий Петрович?

Алексеев. Илья Ефимович меня пригласил, Ваше Величество. Пришел ко мне как-то с писарем Яворницким и говорит: «Выручайте, Георгий Петрович! Ваш дед по материнской линии, полтавский помещик, был из запорожцев, у

него была даже фамилия – Запорожский! Будьте на моей картине запорожским есаулом – без вашего затылка и картины не будет!»

Репин. И Георгий Петрович любезно согласился, Ваше Величество! А кроме этого, еще и предоставил мне много козацкого оружия и инвентаря для написания «Запорожцев». У Георгия Петровича – богатейшая коллекция запорожской старины! В Котовке, которую давний предок Георгия Петровича купил у запорожца Кота, хранятся настоящие сокровища: козацкие орудия, ружья, пистоли, пороховницы, ятаганы, копья, сабли… Даже булава и запорожское знамя есть! Эту коллекцию оценивают в 100 тысяч рублей! На своей картине я изобразил много этих вещей. *(Показывает)*. Вот эта сабля, пороховница, ружье, оправленное золотом, – все это принадлежит Георгию Петровичу…

Алексеев. И пистоли – мои!

Репин. И пистоли!

Алексеев. И трубка – моя!

Репин. И трубка!

Алексеев. И чернильница – моя!

Репин. И чернильница!

Алексеев. И вот этот крестик на этом толстяке – тоже мой!

Репин. И крестик!

Александр III. Поздравляю вас, Георгий Петрович, – вы собрали уникальную коллекцию запорожских древностей!

Алексеев. У меня этих древностей было бы еще больше, Ваше Величество, так любезная супруга, генеральша моя, не понимает, что это тоже настоящий клад! Вот не любит старых вещей – и все! И если меня нет дома, то какую бы редкостную вещь ни привезли мне на приобретение – всех в три шеи прогоняет со двора!

Александр III *(улыбнулся)*. Да, женщины – это грозная сила. Признаюсь вам по секрету, Георгий Петрович: царица тоже бывает очень строга… Но, надеюсь, когда я решу приобрести эту редкостную вещь *(показал на «Запорожцев»)*, Ее Величество меня *со двора* не прогонит…

Александр III подставляет императрице согнутую в локте руку, Мария Федоровна с улыбкой берет его под руку, и все переходят к следующей картине.

Явление 3

26 ноября 1891 года. Вечер, квартира Репина. В гостиную входят И.Е. Репин и П.М. Третьяков.

Репин *(гостеприимно)*. Входите, Павел Михайлович, и проходите, пожалуйста, к столу – сейчас поужинаем, согреемся, поговорим… А то на открытии выставки мы даже поговорить толком не успели! *(Заботливо посмотрел на гостя)*. Вы очень устали?

Третьяков *(садясь за накрытый стол)*. Не так устал, как промерз, Илья Ефимович. У вас тут, в Петербурге, всегда холоднее, чем в Москве…

Репин. Ничего удивительного: север – он и есть север! *(Наливает в бокалы вина)*.

Третьяков. Это я понял еще в октябре 52-го года, когда впервые побывал здесь, в столице. Тогда мне было всего 20 лет, и я три недели с упоением посещал столичные выставки и театры. Моя матушка начала даже волноваться обо мне, и я, помню, писал ей в Москву: «Милая маменька!.. Я знаю, Вы имеете хотя небольшое, но все-таки сомнение: не испортился бы я в Петербурге. Не беспокойтесь. Здесь так холодно, что не только я, но и никакие съестные продукты не могут испортиться…»

Репин. Да, продукты у нас – самые свежие. А гости – самые желанные! *(Поднимает бокал)*. За вас, Павел Михайлович!

Третьяков *(тоже поднимает бокал)*. И за вас, Илья Ефимович! Ведь сегодня именно вы у нас именинник!

Репин и Третьяков надпивают немного со своих бокалов и начинают ужинать, не прекращая разговора.

Репин. Если я именинник, то своим приездом вы сделали мне самый лучший подарок, Павел Михайлович! Ну, какая это была бы юбилейная выставка без Третьякова?

Третьяков. А как же я мог не приехать, Илья Ефимович? Если вашу выставку накануне посетил государь император, то мне – сам Бог велел быть сегодня у вас! *(Вопросительно посмотрел на Репина)*. Не расскажете мне про визит Его Величества?

Репин. С удовольствием расскажу, но признаюсь откровенно, что хоть меня и предупредил великий князь про возможный визит государя, о государе я и не помышлял… Ведь главная картина на моей выставке – «Запорожцы»! А я знал, что государь не должен был этой картиной интересоваться уже по принципу. Кроме того, я был уверен, что люди, чающие придворных благ, уже давно поставили здесь на вид какую-нибудь «сепаратскую» идейку, и я не ждал государя на свою выставку… И вдруг!!! Как раз накануне открытия приезжает император Александр III с императрицей Марией Федоровной, а с ними – великий князь Владимир с великой княгиней Марией Павловной и царская свита… Чудеса!!!

Третьяков. А по-моему, все это естественно и закономерно: юбилейную выставку первого художника России посетили первые лица государства. Какие же тут чудеса?

Репин. Чудеса в том, Павел Михайлович, что Его Величеству больше всего понравились именно мои «Запорожцы»! И генерал Драгомиров в образе Ивана Сирка! И писарь Яворницкий! И Тарас Бульба, которого я писал с профессора Рубца! И даже затылок генерала Алексеева! *(Восторженно)*. Как он восхищался «Запорожцами»!!! И потом портретом Кюи!.. Больше всего. Все, все рассмотрел до мелочей. Даже картинку «Арест в деревне» ему вытащили, которую вы сегодня купили, опять опередив всех! *(Улыбнулся)*. Кстати, готовясь к выставке, я случайно нашел статью Стасова двадцатилетней давности «Передвижная выставка 1871 года». Там он пишет и о вас, помните?

Третьяков *(пожал плечами)*. Ничего не помню…

Репин. Ну как же! Там такой интересный поворот мысли – чисто в духе Владимира Васильевича! Сейчас я вам прочитаю это место! *(Берет какой-то журнал и раскрывает его).* Вот оно. *(Читает)*. «Из числа купленных картин нынешней Передвижной выставки почти все лучшие принадлежат господину Третьякову. Господин Третьяков – это один из самых злых врагов Петербурга, потому что он в первую же минуту покупает и увозит к себе в Москву, в превосходную свою галерею русского художества, все, что только попадается у нас примечательного; но в то же время он один из тех людей, имя которых никогда не позабудется в истории нашего искусства, потому что он ценит и любит его, как навряд ли многие, и в короткие годы составил, на громадные свои средства, такую галерею новой русской живописи и скульптуры, какой нигде и ни у кого больше нет, даже в Академии и в Эрмитаже, где как-то, за Рафаэлями и Гвидо-Рени, совсем забыли про то, что и у русских могут быть нынче таланты на что-нибудь похожие. Итак, чего не делают больше общественные учреждения, то поднял на плечи частный человек – и выполняет со страстью, с жаром, с увлечением, и – что всего удивительнее – с толком. В его коллекции, говорят, нет картин слабых, плохих, но, чтобы разбирать таким образом, нужны вкус, знание. Сверх того, никто столько не хлопотал и не заботился о личности и нуждах русских художников, как господин Третьяков. Нынче в нашей Публичной библиотеке есть одна почетная зала – зала *купца Ларина;* может быть, когда-нибудь в московском публичном музее будет красоваться не менее дорогая каждому русскому зала – зала *купца Третьякова*».

Третьяков *(грустно вздохнул)***.** Может быть, когда-то и будет, Илья Ефимович, но не сейчас… Этой осенью мне пришлось закрыть нашу галерею для посещения публики…

Репин. Это я уже знаю. Но почему?

Третьяков. Потому что портят картины и уже даже воруют… Сначала стали наносить порчу полотнам разные бессовестные копиисты: как выяснилось потом, они украдкой наносили мазок подобранного колера на подлинную картину, и если он совпадал по тону, то смело употребляли его в

своей работе. А в подлиннике, там, где они сначала ставили, а потом украдкой стирали свой мазок, начинали появляться красные, желтые, синие и зеленые пятна…

Репин. Вот сволочи!

Третьяков. Так и это еще не все! Из разных городов ко мне стали приходить письма, где меня спрашивали, не продал ли я из галереи самые известные свои картины, потому что их видели у них в городе и не знают, оригинал это или подделка! Оказалось, что некоторые копиисты снимали копию не только с картины, но и с подписи художника, а потом сбывали несведущим людям за оригинал! Я сначала навсегда и всем запретил копировать в залах галереи. Но когда у нас пропали четыре небольшие работы – рисунок Боровиковского и этюды Поленова, Владимира Маковского и Верещагина, – я приказал закрыть галерею вообще! А что я должен делать, Илья Ефимович? У меня нет возможности увеличить штат служащих в галерее, чтобы усилить надзор и охрану…

Репин. Но ведь картины вы и дальше покупаете!

Третьяков. Покупаю.

Репин. А зачем же их покупать, если их никто не увидит?

Третьяков. Почему не увидит? Увидит. Вот заработаю денег, увеличу число сторожей и опять открою нашу галерею для посещения публики. Я для всей России собираю картины, а не для себя одного!

Репин. Я знаю, Павел Михайлович. Вы даже никогда не говорите «моя галерея», а всегда говорите «наша».

Третьяков. А как же иначе, Илья Ефимович? Там ваши гениальные картины! Картины Крамского, Сурикова, Верещагина, Поленова, Перова и многих других великих русских художников! У меня язык никогда не повернется сказать о нашей галерее – «моя»…

Репин. За это я вас и люблю! И поэтому всегда хочу, чтобы самые дорогие мне вещи были представлены в Третьяковской галерее!

Третьяков *(с легким укором)*. Хотите-то вы всегда, но в цене уступаете – не всегда… Вот и сейчас на «Запорожцах» не хотите мне уступить…

Репин. Так я и Терещенко не уступлю! Никому не уступлю! Ну, разве что государю… Тут уж простите, Павел Михайлович, но… *(Развел руками)*. Да что там объяснять – вы сами все понимаете…

Третьяков. Конечно, понимаю. И буду чрезвычайно рад за вас, когда «Запорожцев» купит Александр III! *(С горечью)*. Хоть мне тоже хотелось бы, чтобы это великое произведение было у меня – я ведь и от эскиза «Запорожцев» отказался два года назад, потому что надеялся приобрести саму картину… Как вы думаете, Илья Ефимович, Яворницкий уступит эскиз мне теперь за ту же цену?

Репин. За тысячу рублей? Не знаю. Я бы не продал за такие деньги – дешево. Тем более теперь, когда «Запорожцы» у всех на слуху. Но я поговорю с Дмитрием Ивановичем – ведь эскиз до завершения картины по уговору остался у меня.

Третьяков. Так он и теперь у вас?

Репин. Ну да.

Третьяков. И эта первоначальная композиция все еще конкурирует с вашей картиной своей цельностью, жизнью и экспрессиями, как вы мне тогда написали?

Репин. Уже не конкурирует, Павел Михайлович. Но именно с этого масляного эскиза началась сама картина… Стало быть, в чьих бы руках картина теперь ни оказалась – эскиз «Запорожцев» всегда будет иметь свою самостоятельную ценность.

Третьяков. Вы, как всегда, правы. А можно его завтра посмотреть?

Репин. Да хоть сейчас!

Репин подходит к одному из мольбертов и снимает с него ткань – открывается тот самый эскиз «Запорожцев», который Репин подарил Яворницкому. Третьяков, подойдя ближе, внимательно рассматривает его.

Третьяков *(несколько критично)*. Конечно, в сравнении с картиной…

Репин. Ну, начинается! Павел Михайлович, давайте возьмем фотографию годичного малыша и поставим рядом его же фотографию в пору зрелости…

Как вы думаете, что мы получим «в сравнении»? Привлекательного юношу и голопузое дитя без штанов! Так неужели фотография малыша будет для нас менее ценна?

Третьяков. Наоборот! Она будет даже более ценна!

Репин. Вот так и с этим эскизом… *(Показал на эскиз)*. Да, в сравнении с картиной он теперь проигрывает. Но с вашего разрешения я еще поработаю над ним, и кое-что приведу на нем в соответствие с картиной… Например, перепишу лицо атамана и сделаю его более сходным с лицом Драгомирова… Тогда это будет одновременно и первоначальный эскиз, сродный с большим полотном, и вполне самостоятельная картина… Вы не против?

Третьяков. Нет, я не против. Если это будет вполне самостоятельная картина…

Репин. Будет, даже не сомневайтесь!

Третьяков. Тогда считайте эскиз за мной, Илья Ефимович. И передайте, пожалуйста, Яворницкому, что за уступку эскиза «Запорожцев» я буду ему безмерно благодарен. Вам, конечно же, тоже!

Репин. Только не раздумайте, Павел Михайлович, потому что мне потом перед Дмитрием Ивановичем будет неудобно…

Третьяков. Ну что вы! Во всю мою жизнь не было ни одного случая, чтобы я какое-нибудь законченное мною дело только на словах, не на бумаге, считал бы не законченным… Мое слово всегда было крепче документа! И это продолжается уже 35 лет! А вы могли допустить, что я раздумаю… *(Твердо)*. Я не раздумаю! *(Вздохнул)*. Другое дело, что сегодня я не смогу с вами полностью рассчитаться за ваши картины и этюды…

Репин. Не волнуйтесь, Павел Михайлович, – я подожду. Вы всегда рассчитывались со мной самым надлежащим образом.

Третьяков. И на этот раз рассчитаюсь точно так же. Я же знаю, что вы вложили в эту персональную выставку все свои средства! Поэтому часть денег я вручу вам сегодня, а остальные вскоре принесет брат Сергей. Вы не против, Илья Ефимович?

Репин *(улыбнулся)*. Нет, я не против.

Третьяков. Тогда смело вносите изменения в этот эскиз. *(Еще раз внимательно посмотрел на эскиз «Запорожцев»)*. Да, с Драгомировым в образе атамана будет лучше…

Явление 4

Репин стоит перед эскизом «Запорожцев» и о чем-то думает. Быстрым шагом входит радостный Яворницкий.

Яворницкий *(показывает газеты, которые держит в руках)*. Илья Ефимович, вы читали?! Какой потрясающий успех имеет ваша персональная выставка!!! Во всех газетах пишут про ваших «Запорожцев» и преклоняются перед вашим талантом! А вы боялись, что какие-то критики вас опять не поймут…

Репин. Так есть и такие, что придираются к «Запорожцам», Дмитрий Иванович! Вот, пожалуйста… *(Берет газету, читает)*. «Мазок Репина груб, силен, как мозолистая рука мужика. Пишется картина не иначе как мелом. Аксессуары бледны и жалки! После картин французской выставки (на Большой Морской) вы попадаете к Репину точно в нашу деревенскую улицу с обязательной лужей, в которой барахтается мальчик без штанов». Приятно мне это читать, как вы думаете?

Яворницкий. А вы таких не читайте! Вот послушайте, что пишут «Русские ведомости»… *(Тоже читает из газеты)*. «Запорожцы» – новый триумф репинского таланта. Об этой картине говорили давно и ждали много. Она встречена общим и горячим одобрением. Громадная картина целиком остается в памяти зрителя. В ней запечатлена удивительная мощь и выразительность репинской кисти… Нынешняя картина Репина – настоящее событие в текущей летописи русского искусства»! *(Развернул вторую газету)*. А «Новости» опять посвятили вашим «Запорожцам» большую статью. *(Читает)*. «В картине Репина дорого его творчество, та удивительная художественная прозорливость, с которою он одушевил немые страницы прошлого и заставил их говорить всем понятным и всем доступным языком.

Поразительная вещь!.. В этом десятке фигур удивительное богатство исторического синтеза. Смотря на нее, вы постигаете казачество, с его безграничною удалью и отвагою, с непосредственной смелой натурой и даже его немалым политическим смыслом».

Репин. Это очень приятно слышать, но они и раньше поддерживали меня…

Яворницкий. Илья Ефимович, нынче ваш успех признают даже ваши оппоненты! «Московские ведомости» к вам ведь часто были несправедливы, правда? А что пишут теперь? *(Читает)*. «В настоящее время этот художник бесспорно наиболее даровитый из всех русских живописцев… Разудалую бесшабашную вольницу, сборище «лыцарей-рубак» могучею рукою живописца выхвачено из давно прошедшего времени и в рельефных изображениях закреплено на полотне… Глядя на эти типы, нельзя представить иных казаков… Сколько удали и беззаботности в этих лицах! Как широк размах глумления!.. До чего ярко просвечивается тонкий, едкий ум писаря и голого советчика!.. Историческая правда рука об руку идет с художественной естественностью, роднится с нею и дарит зрителя картиной единственною». Ну разве они не молодцы?

Репин. Молодцы! Из самой Москвы мою картину увидели!

Яворницкий *(показывает еще одну газету)*. Из Киева вашу картину увидели тоже!

Репин *(радостно)*. Микола Мурашко?!

Яворницкий. А кто же еще! *(Развертывает газету, читает)*. «Как она удивительно скомпонована! Вы подходите к картине, и кончено. Вы как бы участвуете в этой толпе… Верю и чувствую, что это – одно из лучших произведений Репина и лучшее в произведениях всей Европы. Оно имеет и серьезный смысл, и значение. Да, это типы прочувствованные, обдуманные, пережитые и созданные. Таких картин всегда и везде не бывает много». *(Радостно посмотрел на Репина)*. Илья Ефимович, вы даже представить себе не можете, что вы этой великой картиной сделали для наших предков, запорожских козаков, и для всех украинцев вообще… Кто нас знал до вашей

картины? До этого мы были– вот, при земле, а теперь стали – вот, выше головы!

Репин. Без вашей помощи, Дмитрий Иванович, без ваших советов, без вашего огня в глазах мне было бы очень трудно это сделать…

Яворницкий. Ну, за это я получил достойную награду от вас, Илья Ефимович, – эскиз ваших бессмертных «Запорожцев»! *(Показывает на эскиз)*. Хорошо, что Третьяков не согласился, когда мы предлагали ему купить его за тысячу рублей. Я уже могу забрать этот бесценный ваш подарок, Илья Ефимович?

Репин. Можете.

Яворницкий *(любуется эскизом)*. Я этот эскиз никому не продам, хоть деньги мне сейчас – ох как нужны!

Репин. Вы опять что-то печатаете о запорожцах?

Яворницкий. Так я же все время пишу про Запорожскую Сечь! В прошлом году издал книгу «Вольности запорожских казаков», а теперь готовлю к печати первый том «Истории запорожских козаков»…

Репин. А деньги есть для уплаты?

Яворницкий. Пока нет. Но, как говорят наши украинцы, «не на те козак п'є, що є, а на те, що буде». Поеду летом к генералу Алексееву на раскопки запорожских курганов и заработаю. А до этого – у кого-нибудь одолжу…

Репин. Да зачем вам залезать в долги, Дмитрий Иванович? Третьяков приезжал на открытие моей выставки и просил меня поговорить с вами – он готов купить эскиз «Запорожцев» для своей галереи!

Яворницкий *(посмотрел на эскиз и почесал затылок)*. И все-таки жалко…

Репин. А то будет не жалко, когда вы подадитесь летом на раскопки, а картина вдруг пропадет?

Яворницкий. Перед тем, как отправиться на раскопки, я отдам картину на хранение в Эрмитаж или в Публичную библиотеку.

Репин. Нет, будет лучше, если ее купит Третьяков… Ведь и в Эрмитаже, и в Публичной библиотеке эскиз запрут в каком-нибудь чулане, и никто его не

увидит! А в Третьяковскую галерею ходят тысячи посетителей – вы представляете, сколько народа увидит этих запорожских козаков?! *(Показал на эскиз «Запорожцев»)*.

Яворницкий. Вы знаете, как меня убедить, Илья Ефимович…

Репин. А что тут знать? Вы же не держите свои рукописи в чулане, а издаете книги, чтоб люди знали про запорожцев!

Яворницкий. Ладно, так тому и быть… Может, кому-то другому и не уступил бы, а Третьякову – уступлю. Я преклоняюсь перед Павлом Михайловичем – и за его подвижничество, и за уважение к Украине. Ведь именно он купил ваши «Вечорниці» десять лет назад, а еще раньше – картину Крамского «Русалки» и портрет Тараса Шевченка. И другие украинские картины у него есть – «Чумацкий тракт в Мариуполе» и «Днепр утром» Куинджи, «Два украинца» и «Беседа двух украинцев» Владимира Маковского! Бывало, приедешь в Москву поработать с архивами, зайдешь в его галерею, посмотришь эти картины и словно на Украине побываешь!

Репин. Вот видите! А теперь там еще и эскиз «Запорожцев» будет! Я над ним немного поработаю, перепишу лицо Ивана Сирка, чтоб он был похож на Драгомирова, – тысячу рублей Третьяков за него даст!

Яворницкий. Для меня это сейчас большие деньги. Но все равно жалко расставаться с таким подарком… *(Вздохнул)*. Если бы не «История запорожских козаков» – ни за что не продал бы!

Репин. Кабы не нужда в этих проклятых деньгах, я тоже не продавал бы своих «Запорожцев» – так я сроднился с ними. Но деньги – это тоже наши с вами «вольности запорожских козаков»… Я могу дать вам тысячу рублей уже сейчас, Дмитрий Иванович. Пока Третьяков еще приедет или передаст, а деньги вам, я вижу, уже сегодня нужны…

Яворницкий. Очень нужны – рукопись первого тома «Истории запорожских козаков» у меня почти готова.

Репин. Ну, тогда получайте! *(Вручает Яворницкому деньги)*.

Яворницкий. Спасибо, Илья Ефимович. Вы всегда меня выручаете.

Репин. И вам спасибо, Дмитрий Иванович, – и от Третьякова, и от меня.

Яворницкий. А как же картина? Ее покупает Терещенко?

Репин. Нет, с тех пор, как открылась моя выставка, он ни разу не дал знать о своем существовании…

Яворницкий. Странно… Он – человек слова…

Репин. Даже не знаю, что думать… Все поставил на карту – последние деньги вложил в эту выставку… Надеялся хорошо продать своих «Запорожцев», а теперь этюды к «Запорожцам» продаю… Государь император вроде бы и намекнул на то, что может приобрести эту вещь, но после его визита от его имени никто ко мне не обращался… Боюсь, что сама картина останется на руках… Не умею жить…

Яворницкий. А художник и не должен «уметь жить», Илья Ефимович, – он должен уметь рисовать! *(Показал на эскиз)*. И писать такие картины, как ваши «Запорожцы»! Не волнуйтесь – эту гениальную картину обязательно кто-то приобретет! *(Внимательно присмотрелся к эскизу)*. Да, на эскизе лицо атамана надо переписать…

Репин. Так, Дмитрий Иванович, это давно решено – я уже приступаю к работе!

Явление 5

Репин стоит возле эскиза «Запорожцев» и переписывает лицо Ивана Сирко – в образе атамана уже можно угадать генерала Драгомирова. В комнату быстро входит Алексеев в новом генеральском мундире.

Алексеев *(увидев Репина за работой, остановился)*. Илья Ефимович, к вам… можно?

Репин. Входите, Георгий Петрович, входите! Я очень рад вас видеть! Дайте я вас обниму! *(Обнимает Алексеева)*. О, да на вас – новый мундир! А ну-ка покажитесь… *(Рассматривает гостя со всех сторон)*. Хорош мундир, очень хорош! Не хуже, чем у Кюи! Отличная работа! Где вы нашли такого портного? А материя-то, материя – не иначе, как из Парижа!

Алексеев. Из Парижа и есть, Илья Ефимович! И портной тоже – из Парижа! А как же иначе? С вашей легкой руки и с благословения Его Величества – я теперь большая знаменитость во дворце! После того, как государь отметил мой портрет на вашей картине, придворные дамы и господа не дают мне проходу: «Как же, видели вас среди запорожцев! – говорят. – Поздравляем, Георгий Петрович, – вы самому государю понравились!» А Его Величество всем рассказывает про вашу выставку! *(По секрету)*. Поговаривают, что он хочет приобрести картину с запорожцами… А я хочу купить хотя бы эскиз *(показал на эскиз «Запорожцев»)*, чтобы его можно было показывать гостям и говорить: «Вот, господа, эскиз той картины, которую купил сам государь император»! *(Перевел дыхание)*. Илья Ефимович, Яворницкий мне вчера сказал, что этот эскиз «Запорожцев», который вы ему подарили, собирается купить Третьяков за тысячу рублей, и вы эти деньги Дмитрию Ивановичу уже отдали … *(Торжественно)*. Так вот – я вам даю за него две тысячи!

Репин. Нет, Георгий Петрович, это невозможно.

Алексеев. Да почему же невозможно? За хорошие деньги – все возможно! Даю вам за эскиз три тысячи рублей – Третьяков столько не даст!

Репин. Не даст, потому что мы с ним условились, что он купит эскиз у Яворницкого за тысячу.

Алексеев. Но вы же Яворницкому деньги уже отдали! Значит, эскиз «Запорожцев» теперь опять ваш и вы можете его продать кому угодно и за сколько угодно!

Репин. Что вы, Георгий Петрович! Я уже сказал Дмитрию Ивановичу, что Третьяков готов купить у него эскиз за тысячу рублей! Теперь я не могу взять за него больше!

Алексеев. Тогда знаете что? Я вам тоже дам тысячу рублей, а остальные две тысячи доплачу не деньгами, а древностями! Вот прямо сейчас даю вам тысячу *(достает деньги)*, а дальше выбирайте на две тысячи – запорожскую трубку, саблю, пистоли, пороховницу, ружье! Все, что хотите, Илья Ефимович! Все, что хотите!

Репин. Не соблазняйте меня, Георгий Петрович… Вы же знаете, как мне хотелось бы иметь эти древности – я ведь и дальше собираюсь рисовать запорожцев…

Алексеев. Тем более, берите! А если этого мало – я вам додам еще кое-что из запорожской одежды!

Репин. Спасибо, Георгий Петрович, но я не могу так поступить… Дал слово Яворницкому, дал слово Третьякову. А слово надо держать. Мне очень нужны и деньги, и эти запорожские вещи, но как говорят русские купцы: прибыль превыше всего, но выше прибыли – честь…

Алексеев. А если государь не купит «Запорожцев»? На что вы будете жить?

Репин *(вздохнул)*. Если не купит, то придется мне туго, конечно… Но если купит – будет и у меня праздник!

Явление 6

И вот в просторной гостиной Репина за щедро накрытым столом сидят Владимир Васильевич Стасов, Георгий Петрович Алексеев, жена Н.Д. Кузнецова Анна Григорьевна и старшие дочери художника Вера и Надя. У рояля, на котором аккомпанирует жена В.В. Тарновского София Васильевна, стоят Илья Ефимович Репин, Дмитрий Иванович Яворницкий, Михаил Иванович Драгомиров, Василий Васильевич Тарновский, Николай Дмитриевич Кузнецов и Александр Иванович Рубець – на всех, кроме Репина, поверх костюмов и мундиров наброшены на плечи те запорожские жупаны, в каких они запечатлены на «Запорожцах». У Драгомирова, Тарновского и Рубца на головах еще и запорожские шапки. Вместе с Репиным гости-запорожцы поют украинскую песню «Їхав козак за Дунай».

Їхав козак за Дунай,
Сказав: «Дівчино, прощай!
Ти, конику вороненький,
Неси та гуляй!»

– Постій, постій, мій козаче,
Твоя дівчина плаче.

На кого ж ти покидаєш, –
Тільки подумай!

Вийшла, ручки заламавши
І тяженько заплакавши:
– На кого ж ти покидаєш, –
Тільки подумай!

– Білих ручок не ламай,
Ясних очей не стирай,
Мене з війни зі славою
К собі дожидай!

– Не хочу я нічого,
Тільки тебе одного.
Ти здоров будь, мій миленький,
А все пропадай!

Свиснув козак на коня:
– Зоставайся, молода!
Я приїду, як не згину,
Через три года.

Драгомиров. Ну, Илья Ефимович, вы меня обрадовали! Всего на три дня я вырвался из своего Киевского военного округа в Петербург и сразу попал на такой праздник!

Репин. Этот праздник стал возможен благодаря вам, Михаил Иванович, и всем здесь присутствующим! Государь потому и приобрел моих «Запорожцев», что на картине был такой атаман, как вы! *(По очереди указывает на гостей рядом)*. И такой писарь, как Дмитрий Иванович! И такой судья, как Василий Васильевич! И такой Тарас Бульба, как Александр Иванович! И такой полковник, как Николай Дмитриевич! *(Указывает на Алексеева и Стасова за столом)*. И такой есаул, как Георгий Петрович! И такой высокий ценитель искусства, как Владимир Васильевич!

Стасов. Ну, я был только возле картины, Илья Ефимович… А вот с прототипами для своих запорожцев вы гениально угадали! *(С восхищением показал на гостей в запорожской одежде)*. Вот они – все ваши главные герои! Словно сошли с картины – даже украинские песни поют!

Драгомиров. А как же иначе, Владимир Васильевич? Русские – должны петь русские песни, а украинцы – украинские. Если я, например, родился в сердце Малороссии, в черниговском Конотопе, то не может из меня вдруг получиться тамбовец или калужанин… Каждому свое!

Репин. Вот за свое, самое родное, где мы родились, давайте сейчас и выпьем! Прошу всех к столу!

Гости-запорожцы подходят к столу и берут в руки бокалы с вином.

Репин *(поднимает свой бокал)*. За Чугуев!

Рубець. За Чугуев!

Кузнецов. За Степановку!

Тарновский. За Качановку!

Яворницкий. За Солнцевку!

Алексеев. За Котовку!

Драгомиров. За Конотоп!

Стасов. За Петербург!

Пригубливают бокалы. В это время входят Сергей Михайлович Третьяков и его жена Елена Андреевна.

Сергей Михайлович. А за Москву можно поднять бокал, Илья Ефимович?

Репин *(ставит на стол бокал и, радостно улыбаясь, идет навстречу пришедшим)*. Не только можно, но и нужно, Сергей Михайлович! В Москве я написал «Крестный ход» и начал «Иоанна Грозного» и «Запорожцев»! А еще в Москве живет лучший друг всех русских художников – Павел Михайлович Третьяков! А в Петербурге – его родной брат и тоже большой ценитель

искусства Сергей Михайлович со своей очаровательной женой Еленой Андреевной! *(Целует руку жене Сергея Михайловича)*.

Сергей Михайлович. Мы с Еленой Андреевной как раз принесли вам от Павла Михайловича остальной расчет за картины… *(Достает из кармана конверт с деньгами)*.

Репин *(решительным жестом останавливает его)*. Дела потом, Сергей Михайлович! Дела потом! Проходите, пожалуйста, к нашему столу – у нас сегодня праздник по поводу покупки моих «Запорожцев» государем императором!

Сергей Михайлович. Об этом уже весь Петербург говорит! Поздравляю вас, Илья Ефимович! *(С восхищением)*. «Запорожцы» – гениальная картина! Ни один из нынешних европейских художников такой не напишет!

Стасов *(с легким укором)*. И все же вы больше покупаете картины именно европейских художников, Сергей Михайлович…

Сергей Михайлович. Это правда, Владимир Васильевич, водится за мной такой грех. Но, во-первых, я не хочу конкурировать с братом. А, во-вторых, картины наших художников я также иногда покупаю. Брат часто советует мне приобрести картины русских художников, которые сам почему-то в этот момент не может купить. Так я приобрел картины «В Крымских горах» Васильева, «Птицелов» Перова, «Украинская ночь» Куинджи, «Лунная ночь» Крамского и некоторые другие…

Репин. Моделью для «Лунной ночи» Крамскому служила Елена Андреевна, если я не ошибаюсь?

Сергей Михайлович. Да.

Репин. Иван Николаевич в своем выборе не ошибся! В этом и весь секрет: если хочешь нарисовать прекрасную картину – ищи прекрасную женщину! Я правду говорю, Елена Андреевна?

Елена Андреевна. Говорите-то вы правду, Илья Ефимович, только сами не придерживаетесь этого правила! В «Бурлаках на Волге» у вас представлены одни мужчины, в «Запорожцах» – тоже! Почему вы не берете женщин для своих картин?

Репин *(вздохнул)*. Ваше замечание очень серьезно, Елена Андреевна… Я и сам много думал об этом… Женщин я люблю больше всего на свете. И если мне представляется какое-нибудь реальное блаженство на земле, то только в обществе женщины – выше этого счастья я ничего не воображаю. А не брал я их для своих картин потому, что жизнь у меня складывалась сурово, несимпатично, и потому я более увлекался подвигами, удалью и силой мужчин – в лишениях, в борьбе, в опасностях они умели постоять за себя и за слабых братий… Но я непременно вернусь к картинам с женщинами! Вот куплю себе имение на вырученные деньги за «Запорожцев», и буду рисовать женщин! Где-нибудь на берегу пруда или реки, или в прекрасном саду с цветами в руках! Такую картину вы купили бы, Сергей Михайлович?

Сергей Михайлович. Даже не сомневайтесь, Илья Ефимович! Считайте, что эту картину я у вас уже купил!

Репин *(предупредительно)*. О, будьте осторожны с такими обещаниями – Павел Михайлович никогда не покупает картину ни по началу, ни тем более по эскизу! Только когда картина совсем кончена, она может стать для него предметом переговоров…

Сергей Михайлович. Это мне хорошо известно. Как и то, что он вас ценит выше всех других! Знаете, что он написал прошлым летом Льву Толстому? Я тогда был в Москве и был свидетелем его полемики со Львом Николаевичем по поводу картины Ге «Что есть истина», которую Толстой настойчиво рекомендовал приобрести, а брат категорически отказывался. Так вот, о вас он тогда написал так *(цитирует по памяти)*: «Мое личное мнение то, что в живописном искусстве нельзя не признать главным самую живопись и что из всего, что у нас делается теперь, в будущем первое место займут работы Репина, будь это картины, портреты или просто этюды». Так вот, Илья Ефимович: поскольку брат для меня наивысший авторитет, то я вам и гарантирую, что будущую картину у вас куплю!

Репин. Ну, тогда и я обещаю, что уступлю ее только вам, Сергей Михайлович! А теперь снова поднимем бокалы! *(Поднимает бокал)*. За вас, мои дорогие друзья!

Присутствующие тоже поднимают бокалы.

Драгомиров. За хозяина этого гостеприимного дома!

Кузнецов *(добавляет)*. И за его гениальных «Запорожцев»!

Стасов. За здоровье казаков и казачек, которые собрались за этим столом!

Яворницкий. И за всех остальных, что есть на картине!

Репин. И даже за тех, которых там нет!

Когда все пригубили свои бокалы, Репин взмахнул рукой, и гости-запорожцы дружно грянули песню.

Їхав козак за Дунай,
Сказав: «Дівчино, прощай!
Ти, конику вороненький,
Неси та гуляй!»

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 7

Средина августа 1892 года. Имение Здравнево, приобретенное художником под Витебском несколько месяцев назад. Посреди старого сада Репин рисует свою старшую дочь: Вера позирует с букетом осенних цветов в руках, в белой юбке и в коричневой блузке с кружевным воротничком. На голове у нее – темно-золотистый бархатный берет, напоминающий о приближающейся осени. Рядом с Репиным на своем дорожном чемоданчике (видно, что он только что приехал) сидит красивый, моложавый офицер – это друг Ильи Ефимовича, военный юрист А. В. Жиркевич.

Репин. Как хорошо, что вы приехали в наше Здравнево, Александр Владимирович! С тех пор, как я купил это имение в Белоруссии, я дальше Витебска никуда не выезжал!

Жиркевич. Красивое название – Здравнево!

Репин. Это уже я придумал. Местные называют этот хуторок Малое Койтово или Софийка – по имени последней владелицы. Но я решил так: раз мы сюда приехали из Петербурга за здоровьем, то и назвать имение надо соответственно.

Жиркевич. А само имение большое, Илья Ефимович?

Репин. Небольшое: 108 десятин земли, из которых около 40 десятин – лес, 40 штук рогатого скота (коровы и телята), 4 лошади и все хозяйство. Земля здесь очень плодотворная, но, главное, оно очень симпатично и красиво! Виды ласкающие, красивые, разнообразные! И заплачено всего 12 тысяч рублей – стоит! Хотя строения имеют вид простых хуторов. Дом вместительный, но невзрачный… Сначала я думал сейчас же его перестраивать, но потом решил первое лето прожить так, без всякой переделки. Комнаты в доме просторные, потолки высокие – работать можно. *(Развел руками)*. Но некогда… С тех пор, как мы сюда переехали, у меня не было ни минуты свободной…

Жиркевич. Почему?

Репин. А потому что бывшая владелица, старушка девица София Яцкевич, хотя и большая умница и отличная хозяйка, но все, что не относилось прямо к коровам и хозяйству, она запустила. Лес страшно запущен и завален упавшими деревьями, шальная Двина размыла прекрасные черноземные берега, фруктовый сад пуст, крыши дома сгнили… Я бросаюсь везде… Сначала нанял местных крестьян и с их помощью стал очищать лес. Потом увеличил число работников, и мы перешли на реку укреплять набережную: срывали высокие берега, воротом таскали каменья и выкрывали их циклопической кладкой.

Жиркевич. И вы тоже таскали каменья?

Репин. Конечно. Но это не из экономии – на укрепление берега я уже истратил тысячу рублей! Просто в своем имении я хочу как можно больше сделать своими руками.

Жиркевич *(взволновано)*. Но вы же должны писать картины, а не таскать камни!

Репин. Ах, не говорите мне про картины… Я был так утомлен работой в Петербурге, что погрузиться теперь в хозяйство, – это для меня отдых! Да, да,

отдых! Вы даже не представляете, как это восхитительно – по уши окунуться в деревенскую жизнь! Уборка хлеба, молотьба, посев, овощи, не доконченная косовица – все это разом нахлынуло на нас в нашем Здравневе. И пусть я живу здесь самой первобытной жизнью, работаю топором и лопатой да часто вспоминаю Сизифа, таскавшего камни, но, может быть, это прикосновение к земле возобновит мои силы, которые в Петербурге в последнее время стали порядочно хиреть…

Жиркевич. Дай Бог, чтобы так и случилось, Илья Ефимович, – вам и вправду надо отдохнуть! Я помню, как много сил вы положили на «Запорожцев», как меняли фигуры, переписывали лица… Даже я позировал вам для молодого казака с интеллигентным лицом. А потом вместо меня вы написали Ционглинского. Но и его стерли и заменили другим!

Репин. В том запорожце много осталось и от вас, и от Ционглинского, Александр Владимирович. Так что вы мне позировали не зря. А я не зря так надрывался *(показывает рукой вокруг)* – вот какую обитель за эту картину купил!

Жиркевич. Да, окрестности здесь – одна другой поэтичнее! Тут вы точно не прогадали! Теперь обживетесь, устроите хозяйство и напишете еще много прекрасных картин!

Репин. Может быть… Но только в том случае, если у меня появится надежный управляющий или понимающая экономка – тогда можно будет заниматься живописью. А пока все здесь у меня в переходном состоянии и я работаю очень мало… Только теперь вот взялся за кисти. Сначала написал этюд с Нади на воздухе. Она в охотничьем платье, с ружьем через плечо и с героическим выражением (особь героического периода – ее увлекают подвиги Жанны д’Арк). А теперь начал писать с Веры: посреди сада с большим букетом осенних цветов и с выражением чувства жизни, юности и неги… «Осенний букет» называется. Сергей Михайлович Третьяков обещал, что купит эту мою будущую картину. И даже не просто обещал, а гарантировал!

Жиркевич. Он знал, что не прогадает. Очень хороший портрет! Вера Ильинична здесь – как царица сада!

Репин. Так и было задумано: Надя – с ружьем, а Вера – с цветами. Две царицы здешних полей и лесов! Они из лесу не вылезают – так много там ягод! Земляника, правда, уже кончилась, но зато поспевает малина и ежевика и начали появляться грибы… Надя как раз пошла в лес за ягодами с местным стариком.

Вера. Дед Кастусь – наш всеобщий любимец. Он нам показывает самые лучшие ягодные места! И людей травами лечит, и песни старинные знает! А белорусскими пословицами – так и сыплет!

Репин. Да, вся народная мудрость – в его седой голове! Как он сам часто повторяет: «Не хваліся пабыўшы, а хваліся пажыўшы». Дед Кастусь тут самый опытный…

Жиркевич. Так что ж он, такой опытный, не посоветовал бывшей владелице, чтобы она лес очистила и берег укрепила, что все это теперь свалилось на вас?

Репин. Он советовал! И не раз! Она сама мне рассказывала! Бывало, зайдет дед Кастусь к ней в усадьбу, возвращаясь из лесу с полной кошелкой ягод, поделится ягодами и начнет ей рассказывать, что лес зарос разным ненужным хламом, что половина леса почти непролазна, что там гниет много упавших от ветра старых елей, осин и берез… А бывшая «гаспадарка» только разводит руками – «гаспадара няма», «грошай няма»… Вот этот девственный лес мне и продала!

Жиркевич. И что вы теперь будете с ним делать?

Репин. Как что? Приглашу Шишкина – пусть медведей там рисует!

Жиркевич. Там и медведи есть?!

Репин. Не знаю. Вот как раз возвращаются дед Кастусь и Надя – сейчас их и спросим…

В это время к ним подходят Надя и дед Кастусь с кошелками, наполненными ягодами и грибами. Надя идет первой с кошелкой в руке и с ружьем за плечами. Одетая по-мужски и с короткой стрижкой, она похожа на сельского парня. Старик немного отстал от девушки. Он несет свою кошелку на палке через плечо.

Надя. Папа, Вера, мы уже вернулись! *(С гордостью показала кошелку)*. Смотрите, сколько я всего собрала – и малина, и ежевика, и белые грибы, и маслята! *(Весело обернулась к Жиркевичу)*. С приездом вас, Александр Владимирович!

Жиркевич *(поднялся с чемоданчика)*. Здравствуйте, Надя! *(С восхищением рассматривает девушку)*. Ну, вы настоящий охотник! В таком виде вас и не узнать!

Репин. Да, Надя у нас первый парень на деревне! Местные крестьяне так и называют ее – «паныч»! А дед Кастусь *(показал на старика, который уже подошел ближе)* души в ней не чает!

Дед Кастусь *(по-белорусски и теперь, и дальше)*. Бо яна хоча стаць доктаром, а гэта – свята справа… *(Снял шляпу и вежливо поклонился)*. Добрага здароўя, Ілья Яфімовіч! Сустракайце госця з лесу…

Репин. «Дзе госць, там і Бог ёсць», – как вы мне отвечали, когда я к вам приходил. Доброго и вам здоровья, дед Кастусь! А мы вас только что вспоминали! Присаживайтесь, пожалуйста *(показывает на широкий пень рядом)*, отдохните с дороги. Небось, устали ходить по лесу?

Дед Кастусь. Дужа змарывся… Брадзіць па гушчарам ды подымацца па схілам на старасці год цяжка. Але нічога не зробіш! Па дарозе ідучы, грыбоў не набярэш…

Репин. Вы знаете, где что искать! Вот сколько всего с Надей собрали! Ну, садитесь – расскажете нам, что видели в лесу. А Вера и Надя тем временем пойдут на кухню и распорядятся обедом…

Вера *(с радостью оставляет свой пост)*. Хорошо, папа!

Надя. Мы уже там!

Дочери Репина уходят, а дед Кастусь ставит на землю кошелку и устало садится на пень.

Репин. Дед Кастусь, вы здесь все знаете. Мой друг интересуется, есть ли в нашем лесу медведи…

Дед Кастусь. Вядома, што ёсць! А куды ж ім дзявацца? *(С горечью)*. Наша была пані, дай Бог ёй здароўя, такія дебры там развела, што толькі мядзведзям і вадзіцца…

Репин. Ах, вот вы о чем! Лес мы расчистим, не волнуйтесь. Полдесятины лесу уже очистили, вырубим и остальной хлам – непролазных зарослей больше не будет…

Дед Кастусь. Гэта правільна, Ілья Яфімовіч. Гаспадаркі запускаць няможна. Я заўжды гаварыў нашай пані: «Не тая гаспадыня, што збярэ гаспадарку, а тая, што ўдзержыць».

Репин. Я стараюсь, дед Кастусь. А получится ли у меня удержать эту «гаспадарку» – один Бог знает… Столько работы сразу свалилось – и косить, и возить, и веять, и сеять…

Дед Кастусь. А так заўсёды каля зямлі! Тут толькі лодар нічога не робіць, бо яму – зрання росна, у поўдзень млосна, а ўвечар камары. А хто прывык працаваць, той жыве за народнай прыказкай: «Паміраць збірайся, а жыта сей».

Репин. Мудрая пословица. Но умирать нам еще рано, дед Кастусь. Мы с вами еще поживем! Вы мне поможете найти хорошего управляющего или толковую экономку, чтоб вели хозяйство. А я буду писать картины вот такие, как эта! *(Показал на портрет дочери)*. Как вам Вера на этом портрете – похожа на себя?

Дед Кастусь. Дужа падобна! І сама карціна вельмі прыгожа!

Репин. Да, картина вроде бы получилась… *(Оценивающе посмотрел на свою работу)*. Кое-что надо еще поправить, конечно, но я думаю, что Третьяков-младший будет ею доволен…

В это время появляется Вера с конвертом в руках.

Вера. Папа, пришло письмо от моего крестного! *(Торжественно вручает конверт отцу)*.

Репин. Ну, наконец-то! А я уже думал, что Владимир Васильевич совсем про нас позабыл! *(Открывает конверт)*. Сейчас почитаем, какие новости в нашей столице…

Илья Ефимович читает письмо и все больше хмурится.

Репин. Вот тебе и раз…

Вера. Что случилось, папа?

Жиркевич. Плохие новости, Илья Ефимович?

Репин. Очень плохие… *(Опустил руку с письмом)*. Стасов уведомляет, что в Петербурге внезапно умер младший брат Павла Михайловича – Сергей Михайлович Третьяков…

Жиркевич *(удивленно)*. Как умер? Ведь он был совершенно здоров!

Репин. В том-то и дело, что этого никто не ожидал…

Дед Кастусь *(грустно вздохнул)*. А гэтага і немажліва прадбачыць, Ілья Яфімовіч… Смерць і радзіны не выбіраюць гадзіны – смерць ускоча, калі захоча…

Явление 8

31 августа 1892 года. Москва. В доме Третьяковых траур. Собралась почти вся семья Третьяковых – Павел Михайлович, его жена Вера Николаевна, их взрослые дочери Александра Павловна, Мария Павловна и Любовь Павловна, вдова С.М. Третьякова Елена Андреевна и их сын Николай Сергеевич, а также двоюродный брат Веры Николаевны Савва Иванович Мамонтов и его жена Елизавета Григорьевна. На рояле стоит большая фотография С.М. Третьякова, перевязанная черной лентой. С.И. Мамонтов сидит за роялем, играет и поет романс.

Гори, гори, моя звезда,
Гори, звезда приветная!
Ты у меня одна заветная,
Других не будет никогда.

Звезда надежды благодатная,

Звезда любви волшебных дней,
Ты будешь вечно незакатная
В душе тоскующей моей!

Твоих лучей небесной силою
Вся жизнь моя озарена.
Умру ли я – ты над могилою
Гори, гори, моя звезда!

Третьяков. Спасибо вам, Савва Иванович. Вы всегда рядом, когда у нас трудные времена…

Мамонтов. На то мы и родственники, Павел Михайлович, чтобы понимать и поддерживать друг друга.

Третьяков. Да, да, конечно… Но теперь я особенно рассчитываю на ваше понимание и поддержку… Я имею в виду не только лично вас, Савва Иванович, но и всех здесь присутствующих… Дело в том, что я решил подарить городу Москве свою картинную галерею уже теперь, а не как завещал ранее – после своей смерти… В своем письме Московской Городской Думе я даю все разъяснения по этому поводу… Я вам прочитаю это письмо… *(Берет со стола письмо и читает)*.

«В МОСКОВСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ

Коммерции Советника Павла Михайловича Третьякова

Заявление

Покойный мой брат Сергей Михайлович в оставленном им духовном завещании сделал известным высказанное мною ему намерение пожертвовать городу Москве мою художественную коллекцию и с своей стороны пожертвовал в собственность города как принадлежащую ему половину дома, где помещается моя коллекция, в Москве в Лаврушенском переулке, в приходе св. чуд. Николая в Толмачах, так и все те предметы из его личной коллекции, которые я выберу для присоединения к моей, при чем передача всего имущества и особого фонда на приобретение в будущем произведений живописи и скульптуры обусловлена им принятием Городскою Думою всех тех условий, которые я найду необходимым предложить Московской Городской Думе. Озабочиваясь, с одной стороны, скорейшим выполнением воли моего любезного брата, а с другой, желая способствовать устройству в дорогом для меня городе полезных учреждений, содействовать

процветанию искусства в России и вместе с тем сохранить на вечное время собранную мною коллекцию, ныне же приношу в дар Московской Городской Думе всю мою картинную галерею со всеми художественными произведениями, подробная опись которых с расценкою отдельных предметов имеет быть составлена при передаче; вместе с тем я передаю в собственность города принадлежащую мне половину дома на следующих условиях:

1. Пожизненно я и моя жена Вера Николаевна сохраняем право пользоваться тем самым помещением в жертвуемом доме, которое мы до сих пор занимаем; причем ремонт дома, содержание оного и уплату повинностей принимаем на себя.

2. Я предоставляю себе право перестраивать имеющиеся помещения и вновь пристраивать с тем, разумеется, чтобы эти перемены не уменьшали стоимости имения.

3. Галерея помещается в жертвуемом доме и должна быть открыта на вечное время для бесплатного обозрения всеми желающими не менее четырех дней в неделю в течение всего года, за исключением только того времени, когда необходимо нужно будет производить ремонтные работы.

4. В праздничные и табельные дни Галерея должна быть открыта, за исключением первого дня св. пасхи, рождества и Нового года.

5. Первым попечителем пожизненно остаюсь я, а после смерти моей пожизненно же племянник мой Николай Сергеевич Третьяков. После же его смерти попечителя избирает Городская Дума.

6. Мне пожизненно предоставляется право заменять одну картину другою, если в видах улучшения коллекции я найду это необходимым, с условием лишь, чтобы общая стоимость коллекции от сего не уменьшилась. Но это право никак не может принадлежать будущим попечителям.

7. В доме никаких помещений не отдавать внаймы; в нем может жить только смотритель и необходимое для охраны число служителей, но и эти помещения желательно бы устроить не в связи с помещениями коллекции.

8. Крепостной акт на принадлежащую мне часть дома я обязуюсь совершить после согласия Думы принять дар на выше объявленных условиях.

Москва, 31 августа 1892 года.

Коммерции Советник *Павел Михайлович Третьяков*»

Мамонтов. Это очень благородное решение, Павел Михайлович, – хотя для нас всех и несколько неожиданное…

Третьяков *(отложив письмо)*. Это мое решение не сегодняшнее, Савва Иванович. Как вы знаете, еще в 1860 году по Коммерческому договору нашей с братом Сергеем фирмы каждый из нас должен был положить в кассовый сундук конторы завещательное письмо, в котором указывалось бы, как поступить в случае его смерти с его капиталом. Из положенного мною тогда капитала я просил более ста тысяч рублей разделить между братом и сестрами, а остальные сто пятьдесят тысяч завещал на устройство в Москве художественного музея или общественной картинной галереи, подчеркивая при этом, что желал бы оставить именно национальную галерею, то есть состоящую из картин русских художников. Тогда в моей коллекции были картины Худякова, Лебедева, Шебуева, Саврасова и еще некоторых живописцев, и для создания полноценной национальной галереи я предлагал приобрести на мои деньги галерею Федора Ивановича Прянишникова. Но Бог дал мне возможность продолжить мое собственное собирательство, и теперь в нашей галерее представлены картины лучших русских художников – Репина, Сурикова, Верещагина, Крамского, Перова, Шишкина, Поленова и многих-многих других. Решен вопрос и с помещением. Если 30 лет назад я предлагал нанять для галереи приличное помещение в хорошем и удобном месте Москвы, то теперь, благодаря многим пристройкам, мы приспособили для галереи наш собственный дом, который передаем городу вместе с картинами.

Вера Николаевна *(с грустью)*. Я помню, как происходили все эти пристройки… Сначала нам пришлось пожертвовать одной частью сада, затем – другой… Помню, как рубили яблони и вишни, а груши выкапывали и переносили в другую часть сада… А во время второй пристройки и груши пришлось вырубить…

Третьяков. Да, да… Я тоже все помню. И яблони, и груши, и беседку посреди сада, где мы часто собирались варить варенье или пить чай… Помню, как ты грустила, что сад надо вырубить, как выходила туда с маленьким Ванечкой на руках, а позади бежали девочки, которые так любили там играть и гулять… Мне самому жалко этого сада, потому что там прошло и мое детство, и детство брата Сергея, и наших сестер… Но Александр Степанович

Каминский, наш архитектор, твердо стоял на своем – если уж намерились строить, так надо идти на жертвы… «Так ведь жалко грушевых деревьев!» – говорил я ему. «Ну, тут уж выбирайте – либо грушевые деревья, либо галерея», – отвечал он.

Мамонтов. Вы правильно сделали, что выбрали галерею, Павел Михайлович. Надеюсь, Московская Городская Дума примет этот бесценный дар с благодарностью…

Третьяков. Я тоже на это надеюсь.

Явление 9

И вот уже московский городской голова Николай Александрович Алексеев проходит залами Третьяковской галереи. Он идет просторными комнатами, заполненными картинами Сурикова, Крамского, Перова, Шишкина, Верещагина, Васнецова и других русских художников, и, наконец, оказывается в большом продолговатом зале с работами Репина (одни из них висят на стенах, другие укреплены на щитах). Посреди этого зала стоит в задумчивости Павел Михайлович Третьяков.

Городской голова. Я так и знал, что найду вас в зале Репина, Павел Михайлович!

Третьяков. Это мой самый любимый зал, Николай Александрович… Здесь находятся картины «Иван Грозный и сын его Иван», «Не ждали», «Крестный ход в Курской губернии», «Царевна Софья», «Вечорниці», «Толстой на пашне», «Протодиакон», «Отдых», портреты Толстого, Писемского, Мусоргского, Рубинштейна, Соловьева…

Городской голова. О, вы собрали бесценные сокровища, Павел Михайлович! Когда я проходил по залам, у меня глаза разбегались *(с восхищением перечисляет увиденные картины)*: «Привал арестантов» Якоби, «Неравный брак» Пукирева, «Грачи прилетели» Саврасова, «Рубка леса» Шишкина, «Охотники на привале» Перова, «Русалки» Крамского, «Оттепель» Васильева, «Чумацкий тракт» Куинджи, «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» Максимова, «Московский дворик» Поленова, «Утро стрелецкой

казни» и «Боярыня Морозова» Сурикова… А какая у вас замечательная портретная галерея выдающихся русских деятелей! Взять хотя бы портреты Толстого, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Шевченко, Шишкина и Васильева работы Крамского или портреты Достоевского и Даля в исполнении Перова! Да разве все перечислишь?! Сколько раз я бывал здесь, а каждый раз восхищаюсь вашей галереей!

Третьяков *(поправляет гостя)*. Теперь уже вашей галереей, Николай Александрович… То есть – городской…

Городской голова. Да, да, теперь уже городской… *(Торжественно)*. Дорогой Павел Михайлович! Я с особенным удовольствием довожу до вашего сведения, что сегодня, 15 сентября 1892 года, Московская Городская Дума, выслушав мой доклад о вашем даре, постановила принять дар братьев Третьяковых и выражает вам глубокую благодарность за ваше пожертвование в пользу города Москвы. Городская Дума также отклонила ваше намерение содержать галерею на свой счет – отныне галерея будет содержаться на средства города. А к названию «Московская городская галерея», как вы и предлагали, решением Думы добавляется имя вашего брата. Таким образом, полное ее название будет звучать так: «Городская Художественная Галерея Павла и Сергея Михайловичей Третьяковых».

Третьяков. Николай Александрович, я даже не знаю, как вас всех благодарить!

Городской голова. Что вы! Это мы вас должны благодарить! И я вас уверяю, Павел Михайлович, что городские власти это сделают самым надлежащим образом!

Третьяков. Боже сохрани! Не надо этого пустого и бесполезного шума! Не присылайте никаких депутаций с благодарностями – я этого не люблю! И вообще, я сделал этот дар своему любимому городу совсем не для того, чтобы меня чествовали!

Городской голова. Да как же без торжеств? Люди нас не поймут! Скажут, что мы – неблагодарные!

Третьяков. Нет, нет и нет! Я запрещаю вам это делать, Николай Александрович! И заявляю вам как городскому голове, что если городское управление вздумает устраивать какие-либо торжества по этому поводу, то я свое предложение о передаче возьму назад!

Городской голова. Хорошо, это ваше пожелание городское управление исполнит беспрекословно, Павел Михайлович! Но ведь уже завтра, узнав о постановлении Думы, к вам пойдут делегации от разных учреждений – мы не сможем им запретить!

Третьяков *(улыбнулся)*. Это я учел. Поэтому завтра же на два месяца уезжаю за границу.

Явление 10

Средина октября 1892 года. Репин уже вернулся в Петербург: в его мастерской на мольбертах портреты дочерей Нади и Веры – «Охотник» и «Осенний букет». Невдалеке от них виден и «Портрет П.М. Третьякова». Из гостиной в мастерскую входят Репин и Стасов.

Стасов *(на ходу)*. Еще раз спасибо за угощение, Илья Ефимович, – ваш белорусский «пачастунак» был просто великолепен!

Репин. Это благодаря своему хозяйству, Владимир Васильевич! Хоть и много заботы возле птицы, скота и земли, но зато все свое, домашнее, «све-жай-шее», как говорил мне когда-то в Чугуеве наш протодиакон, он же – отец Иоанн! Мы с Верой и Надей должны были приехать Петербург в конце августа. Но по случаю холеры учебные занятия дочерей перенесли на октябрь, и мы блаженствовали в Здравнево еще и весь сентябрь. Как там в это время хорошо – тепло, сухо, солнечно! Как вкусно и сытно пахнет везде! Хлеба, овощи, фрукты! Столько всего – хоть отбавляй!

Стасов. А вам не надоело хозяйничать?

Репин. Нет, реальная жизнь всегда способна поработить человека – серьезно и надолго. И если бы не занятия дочерей, то я остался бы в Здравнево еще и на весь октябрь… *(Вздохнул)*. Вы знаете, в деревне я так отвык от

городской жизни, что в городе стал совсем не ко двору! Я привык вставать рано – в 5-6 утра – и ложиться в 9-10 часов вечера. А город в это время только развертывается. *(Уже совсем грустно)*. И еще одно обстоятельство повергает меня в уныние, Владимир Васильевич: теперь мои писания кажутся мне так плохи, что я даже готов решиться совсем бросить искусство и идти в деревню пасти коров или свиней…

Стасов. Ну что вы, Илья Ефимович! Вы посмотрите на эти прекрасные портреты Веры и Нади! *(Показал на портреты)*. Разве можно сказать, что они «плохи»? Свежо, романтично, живо! Портрет моей крестницы – особенно хорош! Как вы назвали эту картину?

Репин. «Осенний букет».

Стасов *(любуясь картиной)*. Да, юная девушка на фоне увядающей природы! Замечательная метафора – одно увядает, другое расцветает! Это уже не просто портрет – это философия в живописи! Впрочем, вы всегда были философом и ничего просто так не писали! А насчет недовольства собою, то вы им страдаете издавна и всегда недовольны своими работами… Вот взять, например, этот портрет Третьякова. *(Показал на «Портрет П.М. Третьякова»)*. Всем он нравится, а вам – нет!

Репин. Семье Павла Михайловича он тоже не очень нравится. Его родные говорят, что у него здесь угрюмый и усталый вид. А его жене Вере Николаевне не нравится даже ракурс…

Стасов. Много она понимает в ракурсах! Для того, чтобы передать задумчивость, а Павел Михайлович всегда сосредоточен на своих мыслях и задумчив, лучшего ракурса и не подберешь! Если вас интересует мое мнение, то оно не изменилось – как и десять лет назад, я считаю, что портрет Третьякова очень хорош и сильно похож! *(Показывая на портрет)*. Простая одежда, скромная поза, задумчивый взгляд… Вот он – русский купец, собравший лучшие картины русских художников и подаривший их русскому народу!

Репин. В том-то и ошибка моя, что я не написал Павла Михайловича на фоне его картин!

Стасов. Так напишите его теперь – на фоне картин, в галерее!

Репин. Я уже предлагал это Павлу Михайловичу. Не раз писал ему и при встречах говорил, что сделаю это безвозмездно, как вклад в его галерею. Для этого даже сам приеду в Москву в назначенное им время. И что вы думаете? Ответ был всегда один: «Уважаемый Илья Ефимович! Я глубоко Вам благодарен за желание написать мой портрет, но я положительно не могу исполнить Ваше желание: совершенно не имею времени ни минуты… Если буду иметь возможность позже, я исполню Ваше желание, я очень польщен этим, но теперь и думать не могу…» *(Показал на портрет Третьякова)*. Этот портрет, между прочим, я тоже писал с большими перерывами, потому что у Павла Михайловича всегда находились «более важные дела»…

Стасов. Это мне знакомо! Я ведь тоже не раз пробовал расспросить Павла Михайловича о его молодости и начинаниях, о собирании картин… Но он совершенно ничего о себе не рассказывает и не сообщает никаких подробностей – хоть мы знакомы уже 20 лет! Вот и теперь, узнав, что он подарил свою галерею городу Москве, я обратился к нему с просьбой предоставить хотя бы самые важные сведения из его биографии. И знаете, что он ответил? Послушайте… *(Достает из кармана письмо и читает)*. «Батюшка скончался в конце 1850 года», «Решил собирать русские картины и начал в 1857 году», «Решил пожертвовать в начале 60-х годов», «С Перовым познакомился в 60 году, с Николаем Николаевичем Ге – в 70 году», «Брат начал собирать иностранные картины, думаю, в начале 70-х годов, но верно не помню»… *(Развел руками)*. Необычайная скромность! Но, по моему мнению, чересчур уж излишняя…

Репин. Скромность излишней не бывает, Владимир Васильевич.

Стасов. Бывает! И это именно такой случай! Потому что моя будущая статья про Третьякова предназначается для будущих поколений – чтобы они знали про этого человека и про его бесценный дар своему народу и брали с него пример!

Репин. Вот пусть и берут пример с его скромности и щедрости.

Стасов. Конечно! Но об этом же надо им рассказать! *(Хитро улыбнулся)*. И я уже знаю, как это сделать, Илья Ефимович! Биография Павла Михайловича Третьякова, конечно же, важна, и в своей статье я обязательно расскажу, что родился он в 1832 году в семье небогатого московского купца Михаила Захаровича Третьякова, который торговал полотном. Расскажу, что с раннего детства он вместе с братом помогал отцу в лавке, а потому никогда не был ни в какой школе и образование получил домашнее. Расскажу, что он сам себя образовал, прочитав в оригиналах все, что было только доступно в русской литературе, а также все лучшее из иностранной литературы в русском переводе… Но главное тут в другом – в сравнении его галереи с другими европейскими галереями! Понимаете? Как известно, ко времени передачи Третьяковской галереи городу Москве в ее 22 комнатах насчитывалось 1276 картин русских художников, 471 рисунок русских художников и 10 скульптурных произведений русских художников, собранных Павлом Михайловичем, а также 84 картины иностранных мастеров, собранных его братом Сергеем. Таким образом, свыше 1700 картин, рисунков и скульптур падает на долю старшего брата Павла Михайловича Третьякова, который истратил на их приобретение полтора миллиона рублей!

Репин. Это целый музей!

Стасов. Да, и таких музеев немного в целой Европе! В Луврском музее, в Париже, например, числится всего 2 745 картин. В Дрезденской галерее – 2 415 картин. В Мадридской картинной галерее Прадо – около 2 360 картин. В нашем петербургском Эрмитаже – около 2000 картин. В Амстердамском музее – около 1800 картин. В Лондонской национальной галерее – 1045 картин. Интересная статистика, правда?

Репин. Очень интересная!

Стасов. Но дело не только в этом! Надо учесть и то, что европейские галереи являлись на свет по желанию и приказу целого ряда королей или принцев, у которых было под руками для выполнения такого приказа множество министров, директоров, художников и всяческих деятелей… Сверх того, для образования галерей материалом могли им тотчас же служить целые

массы картин из старинных монастырей, церквей, дворцов и всяких иных коллекций – там было накоплено веками множество художественных произведений, и оттуда можно было брать что угодно даром, без всяких хлопот и спросов, стоило только приказать. *(Показал на портрет Третьякова)*. Но Третьякову некому было приказывать и неоткуда было получать картины даром, он все должен был делать сам, ему приходилось придумывать, решать, отыскивать и добывать все только собственным умом и на свои собственные деньги! Наконец, самое значительное отличие галереи Павла Михайловича Третьякова от всех других – то, что она есть самая обширная из всех народных, национальных галерей в Европе! В Амстердамском музее около 1200 голландских картин. В Луврском музее 1049 французских картин, в Мадридском музее Прадо испанских живописцев 500 картин, в лондонской «Национальной галерее» 335 английских. Русских картин в Петербургском Эрмитаже (стыдно признаться!) – всего – 75… В Третьяковской же галерее картин русских художников – 1276!

Репин. Вы нашли замечательное решение, Владимир Васильевич, – эти сравнения скажут про Третьякова больше, чем любые хвалебные оды! Считайте, что ваша статья уже готова! *(С горечью)*. Но мне что делать? Как уговорить Павла Михайловича и написать его среди картин?

Стасов. Не знаю, Илья Ефимович. Вы же видите, что он совершенно безразличен к своей собственной персоне: до сих пор с него написали всего два портрета – Крамской и вы! Будем просить его посидеть перед вашим мольбертом в Третьяковской галерее среди картин…

Репин. А если он и дальше станет упрямиться?

Стасов. Тогда… *(Задумался на время)*. Тогда вместо этого серого фона *(показал на портрет Третьякова)* нарисуете развешанные картины и будет то, что нужно!

Репин. Я уже сам думал об этом…

Стасов. Значит, так и надо сделать. Не теряйте времени и приступайте к работе!

Репин. Нет, я сначала подожду, когда Павел Михайлович вернется из-за границы…

Стасов. Вы думаете – он вернется оттуда другим и сразу станет всем о себе рассказывать и позировать для портретов? Я очень сомневаюсь! Ведь он и за границу уехал, чтоб не быть в центре внимания! Нет, Третьяков – это Третьяков!

Явление 11

И вот Павел Михайлович Третьяков уже вернулся из-за границы и разговаривает с женой Верой Николаевной у себя дома.

Третьяков. Ну, Веруша, рассказывай, как вы тут без меня?

Вера Николаевна. Слава Богу, все живы и здоровы, Павел! Дети сейчас в городе. *(Деликатно)*. Они немного жалеют о преждевременности твоего пожертвования. Но меня это не огорчило – ведь конец один должен был ожидаем в истории твоей галереи. Ты лучше о своем путешествии мне расскажи…

Третьяков. Путешествие было интересное, Веруша, но я долго не мог настроиться на отдых… Ведь я еще никогда не путешествовал при подобных обстоятельствах. Прежде главное что было? Уезжая, я отрешался от всего московского и ни о чем не думал. Я знал: что бы ни случилось в делах, то брат сделает так, как бы я сам сделал – в это время Сергей всегда был в России… Теперь же я не мог не думать о делах, тем более, что идет серьезная постройка дома… Так что уезжать-то мне, наверное, и не следовало…

Вера Николаевна. Нет, Павел, ты правильно сделал, что уехал. Ты даже не представляешь, чего тебе удалось избежать… Я была замучена визитами и разговорами с посетителями! Каждый день были разные приглашения… Мы то и дело ездили: то на один акт – в Думу, то на другой – в Училище живописи и ваяния… А сколько было адресов! Московское общество любителей художеств приготовило приветственный адрес с подписями ста членов комитета и членов Общества! Художественные деятели Петербурга тоже прислали адрес,

подписанный 104 именами художников разных школ и направлений, старшего и младшего поколения, начиная с Репина, Куинджи и Чистякова и кончая Бакстом, а также всех академиков во главе с Иваном Ивановичем Толстым! Большое письмо прислали передвижники! *(Вздохнула)*. Ну, и снова, как и в прошлом году, когда «Нива» пустила слух, что ты пожертвовал коллекцию городу, было много разных просителей…

Третьяков. Это я предчувствовал… Вот люди-то! Никакого понимания нет! По их понятиям, если человек сделает что-нибудь подобное, то, значит, ему денег девать некуда! А деньги-то ему есть куда девать – у него дом для галереи не достроен, у него еще много картин не приобретено, у него дети расточительные… Вот зачем ты отправила Любу в Париж?

Вера Николаевна. Потому что Вера загрустила и попросила меня отпустить сестру пожить возле нее…

Третьяков. Ну, конечно, Вера опять загрустила… А, по-моему, она просто злоупотребляет тем, что мы ей во всем потакаем! Ты помнишь, как было с ее замужеством? Я утверждал, что дочь купца должна выходить замуж за купца и притом за русского купца! Но нет – она влюбилась в пианиста и до того нервничала и недомогала, что мы вынуждены были ей сказать: «Мы дадим его тебе, только не хворай». Хорошо, теперь она живет в Париже со своим музыкантом, я не пожалел расходов на меблировку их дома – что опять у нее не так? Они хотят купить американский инструмент? Ладно, пусть покупают, хотя мне это не нравится, потому что когда даже такие виртуозы, как Рубинштейн, играют на русских инструментах, то неразумно иметь американский инструмент!

Вера Николаевна. Вера написала, что тоскует, и потому я решила послать Любу утешить ее…

Третьяков. В чем утешить?.. Чего ей недостает в том Париже? Что за блажь? И почему ты не написала мне? Знала, что я не соглашусь? Да, я не согласился бы – как только попадут в Париж, то непременно делаются покупки, которые меня раздражают! Говорят, что лучше и дешевле… А я говорю – платите за худшую вещь дороже да дома! Зачем человека раздражать, да еще

отца? Ведь я не скуп, где нахожу нужным! Я одобряю расходы, какие ты сделала по случаю праздника школы… Я трачу на картины – тут цель серьезная. К тому же деньги идут трудящимся художникам, которых жизнь не особенно балует… Но когда тратится ненужным образом хотя бы рубль, – мне это досадно, и это меня раздражает… Если ты скажешь, что не знала, что это мне не понравится, то пора знать, – что нравится, а что – нет…

Третьяков повернулся боком к жене и стал в такую же позу, как на портрете Репина.

Вера Николаевна *(покачала головой)*. Как ты сейчас похож на того Третьякова, каким тебя изобразил Репин на портрете!

Третьяков. А я там всегда был похож на себя!

Вера Николаевна. Я имела в виду не сходство, а твою угрюмость…

Третьяков *(уточняет)*. Задумчивость!

Вера Николаевна. Пусть будет задумчивость. Но как он там характер твой угадал!

Третьяков. Ничего он не угадывал – он просто написал меня таким, какой я есть! Ну, обобщил немного… На то он и Репин! *(Как бы оглядел самого себя)*. А что – и в самом деле похож?

Вера Николаевна. Очень!

Третьяков. Такой сердитый, как на картине?

Вера Николаевна. Задумчивый…

Третьяков. Вот видишь, все же задумчивый! И когда это я был сердитым?

Вера Николаевна. Никогда! Строгим был, а сердитым – никогда!

Третьяков. Вот и хорошо. Дай я тебя поцелую*. *(Подходит к жене и нежно ее обнимает)*.

Занавес.

*В основу драмы «Портрет Третьякова», как и в остальных пьесах, легли действительные события. О посещении выставки Репина императором Александром III известно из письма художника к своей ученице М.В. Веревкиной, отправленного в ноябре 1891 года. Там И.Е. Репин в частности написал: «Как милостив и внимателен к нашим работам был Государь!! Мне показалась моя выставка при нем вдесятеро интересней, и я без умолку объяснял разные подробности о своих работах. Вас он узнал, и историю с Вашей рукой сам рассказал В. Кн. Марии Павловне. О Евгении Васильевиче тоже хорошо знает: «Да, он очень симпатичный, его любят все больные; у него легкая рука». Как он восхищался «Запорожцами»!! и потом портретом Кюи!.. больше всего. Все, все рассмотрел до мелочей, даже Нигилиста вытащили ему, и его внимательно рассматривал при недостаточном для этой вещи свете».

Павел Михайлович Третьяков также присутствовал на юбилейной выставке Репина, где приобрел картину «Хирург Е.В. Павлов в операционном зале» и некоторые другие (в первый же день выставки – 29 ноября 1891 года – В.В. Стасов писал художнику: «Был у меня вчера, в продолжение целых трех часов, П.М. Третьяков…»). Брат П.М. Третьякова – Сергей Михайлович Третьяков – тоже встречался с Ильей Ефимовичем, что засвидетельствовал сам художник в письме от 13 января 1892 года к Третьякову-старшему: «Сегодня я получил от Сергея Михайловича шесть тысяч рубл., благодарю Вас». (Есть и расписка художника: «13 генв. 1892 г. Шесть тысяч рубл. (6000) в уплату за проданные мною мои картины Павлу Михайловичу Третьякову получил от Сергея Михайловича Третьякова. И. Репин»).

Был в это время у Репина и Д.И. Яворницкий, которого художник приглашал к себе в письме от 22 декабря 1891 года: «Многоуважаемый Дмитрий Иванович! Если вы свободны во вторник 24-го, не приедете ли сюда? Я просил бы Вас часам к 4-5-ти, к нашему обеду. Буду ждать и весь вечер буду дома. Ваш И. Репин. А выставка моя идет плоховато. Теперь уже ясней и ясней, что обе картины останутся на руках. А тут все поставлено на карту: не умею жить». Но уже в записке Репина Яворницкому, датируемой 6 января 1892 года (по почтовому штемпелю), имеется приписка: «Запорожцев» моих третьего дня купил царь. Ура!»

Что касается покупки П.М. Третьяковым эскиза «Запорожцев», то начало этой истории было положено еще в 1889 году. Так, в письме от 22 ноября 1889 года, Репин писал Третьякову: «Дорогой Павел Михайлович! Позвольте обратиться к Вам с предложением: не приобретете ли Вы мой масляный эскиз «Запорожцев», тот, что писан мной еще в Москве 1879 г. (Вы его знаете), я подарил его – уже два года назад – Эварницкому. В настоящее время Эварницкий болен и бедствует. Он продает этот эскиз за тысячу рублей. Я бы не продал за такие деньги – дешево!! Эта первоначальная композиция все еще конкурирует с

моей картиной своей цельностью, жизнью и экспрессиями. Если Вы не поторопитесь, он спустит его Тарновскому или Алексееву (камергер – любитель Запорожья). Отвечайте поскорее. Ваш И. Репин. Вещица останется по уговору у меня до окончания картины».

Тогда собиратель не решился на эту покупку. В письме П.М. Третьякова от 5 декабря 1889 года читаем: «Дорогой Илья Ефимович! … Я давно не видал московский эскиз «Запорожцев», нужно его взглянуть; если самая картина будет в моем собрании, то и первоначальному эскизу быть там есть смысл; если же картина не попадет, то нужен ли он будет тогда – трудно сейчас сказать». Но в каталоге картин Третьяковской галереи теперь значится: «И.Е. Репин. «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (эскиз). 67х87. Приобретен П.М. Третьяковым в 1891 г. у Д.И. Яворницкого».

Этот эскиз коллекционер приобрел за тысячу рублей, хотя в то время за него действительно давали втрое больше (как это передано в драме). Вот что писал Репин Третьякову вначале 1892 года: «Насчет рекомендации. Я всегда указывал Вам, что я нахожу интересного. Конечно, только других. Себя же я не стану рекомендовать, ну, мыслимо ли указывать и советовать свои вещи! Я попробовал было раз – *эскиз Запорожцев*, когда он не был *моей* собственностью и когда собственник нуждался, порекомендовал приобрести его, – Вы отказали. А через год, когда за него давали втрое больше, Вы купили его за ту же цену. Я хотел было отомстить Вам, да не в моем характере это, и я здесь, напротив, сделал вам огромную уступку (около двух тысяч) за Ваше недоверие ко мне».

О том, что летом 1892 года в имении И.Е. Репина Здравнево гостил его давний приятель, военный юрист В.А. Жиркевич, узнаем от самого Жиркевича, который 25 августа 1892 года в своем «Дневнике» записал: «Провел несколько чудных деньков у Репина, в пятнадцати верстах от Витебска, в его имении Здравнево… Окрестности – одна другой поэтичнее. Разговаривая и споря, мы много гуляли по окрестностям, починяли вдвоем дорогу… Репин весь ушел в хозяйство, и мне грустно было видеть, что за лето он всего только начал два портрета дочерей. Я заметил ему это, и Илья Ефимович заявил, что на будущее время будет посвящать лето занятиям живописью, наняв для хозяйственных работ управляющего. … Репин, между прочим, объяснил мне, что так утомлен был работой в Петербурге, что рад погрузиться в хозяйство – это для него отдых».

О своей жизни в имении Здравнево Илья Ефимович очень подробно пишет В.В. Стасову (например, письмо от 22 июля 1892 года). Но особенно много такой информации в письмах к дочери Льва Толстого – Татьяне Львовне Толстой (7 мая 1892 года, 10 июня, 27 июня, 10 августа, 8 сентября, 18 октября и др.). В уста Репина вложено много выдержек из этих писем, и это придает драме достоверности и реалистичности.

Что касается истории с передачей П.М. Третьяковым своей галереи городу Москве, тут автор также использовал документальные материалы, приведенные дочерью собирателя

Александрой Павловной Боткиной (Третьяковой) в ее книге «Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве» (М., Издательство Государственной Третьяковской Галереи, 1951). Последнее явление драмы написано на основе писем Павла Михайловича к своей жене Вере Николаевне в то время, когда он с 16 сентября по 14 ноября 1892 года находился за границей (письма от 21 сентября, 2 октября и др.). Как и во многих других случаях, автор посчитал, что важнее передать настоящие высказывания своих героев, чем вкладывать в их уста художественную выдумку.

И, наконец, про историю с портретом П.М. Третьякова.

После 1883 года И.Е. Репин неоднократно обращался к собирателю с предложением написать еще один его портрет, но Павел Михайлович все время отказывался. Например, очень показательна в этом отношении их переписка 1893 года. Так, 21 июня 1893 года Репин написал Третьякову: «Ваш портрет я сделал бы как вклад в Вашу Галерею, безвозмездно. Для этого, если Вы разрешите, я приеду к Вам в Москву. Время Вы назначите, когда лучше… Подумайте и не упрямьтесь. Я по крайней мере буду считать это одним из самых порядочных своих дел. Желал бы сделать это художественно, свободно – как выйдет, и потому-то такое любовное дело весело делать бесплатно. Я желал бы думать, что это дело решенное. Утешьте меня…» Но и на это письмо П.М. Третьяков ответил отказом: «Я глубоко Вам благодарен за желание написать мой портрет, но я положительно не могу исполнить Ваше желание: совершенно не имею времени ни минуты… Портрет мой есть у Вас и, как говорят все, очень хорош, его Вы и можете отдать после моей смерти в Галерею. Если буду иметь возможность позже, я исполню Ваше желание, я очень польщен этим, но теперь и думать не могу…»

Таким образом, осталось только два прижизненных портрета Павла Михайловича Третьякова – работы И.Н. Крамского (1876) и работы И.Е. Репина (1883). Уже после смерти коллекционера Репин написал второй его портрет, взяв за основу первый. На копии художник изобразил Третьякова в полный рост среди картинной галереи. На портрете 1883 года он тоже вместо серого фона написал развешенные на стенах картины. Нынче оба эти портрета находятся в Третьяковской галерее.

Может, кому-то покажется, что в драме портрету Третьякова как картине уделено мало места… Но в том-то и дело, что пьеса задумывалась не просто как рассказ о конкретном холсте Ильи Репина. Название «Портрет Третьякова» следует воспринимать намного шире – это и словесный портрет великого подвижника Павла Михайловича Третьякова: раскрытие его характера, убеждений, целеустремленности, самопожертвования и многого-многого другого…

«Черноморская вольница»

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Илья Ефимович Репин – русский художник.

Наталья Борисовна Нордман – его вторая жена.

Елизавета Николаевна Званцева – художница, бывшая ученица И. Репина.

Дмитрий Иванович Яворницкий – украинский историк.

Владимир Васильевич Стасов – искусствовед и критик.

Григорий Григорьевич Ге – племянник художника Н.Н. Ге, актер и драматург.

Николай Дмитриевич Ермаков – коллекционер.

Корней Иванович Чуковский – писатель.

Борис Михайлович Кустодиев – студент академии, ученик И. Репина.

Александр Александрович Мурашко – ученик И. Репина.

Яков Антонович Чахров – староста группы.

Ученики *и* ***ученицы И.Ю. Репина***.

Сотрудница Публичной библиотеки.

Натурщица.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

1890-е годы. Петербург. В Публичную библиотеку входит Яворницкий с дорожной кожаной сумкой-портфелем и обращается к одной из сотрудниц.

Яворницкий. Здравствуйте, я – Дмитрий Иванович Яворницкий, приват-доцент Московского университета. Вот моя карточка. Мне надобно видеть заведующего художественным отделом Владимира Васильевича Стасова. Вы не могли бы его позвать?

Сотрудница *(взяв карточку)*. Конечно! Подождите, пожалуйста, – я ему сейчас о вас доложу. *(Выходит)*.

Яворницкий садится на стул и ждет. Вскоре быстрым энергичным шагом в зал входит В.В. Стасов.

Стасов *(еще издали)*. Дмитрий Иванович, дорогой! Я очень рад обнять нашего славного запорожского писаря и автора «Истории запорожских козаков»! Вы, наверное, за какими-то архивными материалами приехали?

Яворницкий. Да, Владимир Васильевич, не могу обойтись без богатейших сокровищ Публичной библиотеки. Где бы я ни находился и над чем бы ни работал – всегда возвращаюсь в Санкт-Петербург.

Стасов. И откуда вы сейчас?

Яворницкий. Из Москвы.

Стасов *(показывая на карточку)*. Да, вижу – вы уже приват-доцент Московского университета! Поздравляю! И что вы преподаете?

Яворницкий. Историю Украины и Запорожья.

Стасов. Ну конечно, как это я сам не догадался – кому же и читать историю Запорожья, если не вам! Когда вы прибыли, Дмитрий Иванович?

Яворницкий. Только что.

Стасов. Надолго?

Яворницкий. Все зависит от вас, Владимир Васильевич. Поможете получить желанные книги по истории – скоро выпишу из них то, что мне нужно, скоро и вернусь в Москву.

Стасов. А у того лукавого мужичка, вашего земляка, уже были?

Яворницкий. Какого?

Стасов. Репина.

Яворницкий. Нет, еще не был.

Стасов. Ведь это настоящий лукавый мужичок! Давно ли он вслед за Крамским науськивал своих близких друзей повалить старую, заплесневелую академию и вместо нее поставить другую, и, когда это свершилось, он первый же втиснулся в ту академию! Как же – генеральский чин, то есть звание профессора, теплая казенная квартира, казенное жалованье! Все!!!

Яворницкий. А может, он хотел сделать как лучше, Владимир Васильевич, – например, свой огромный опыт молодым художникам передать?..

Стасов. Не успокаивайте меня, Дмитрий Иванович. Я твердо убежден, что поступив на службу в академию, передвижники попрощались со своими демократическими убеждениями навсегда! Репин, Куинджи, Шишкин, Кузнецов, Маковский, Матэ… Все они так и сунулись в раскрытую мышеловку на разные кусочки развешенного сала!!! Они собственными руками надели себе на шею хомуты и превратились из свободных художников во всепокорнейших академистов и придворных! И сегодня мы дожили до ужасного, глубоко траурного дня: Репин сделался ренегатом!!! Во-первых, он изменил своим убеждениям, а, во-вторых, лишил себя творческой свободы, без которой ничего стоящего уже не создаст!

Яворницкий. Так ведь своих «Бурлаков» он написал, будучи еще учеником той же академии, Владимир Васильевич…

Стасов. Он тогда был еще очень молод! А молодые – всегда бескомпромиссны и работают без оглядки! А теперь он будет оглядываться на казенную квартиру, на жалованье, на ордена! *(Тяжело вздохнув)*. Ну, ладно, хватит об этом – пойдемте книги искать…

Явление 2

Тот же день. Яворницкий уже у Репина.

Яворницкий. Добрый вечер, Илья Ефимович. Это ничего, что я вас потревожу?

Репин. Что вы, Дмитрий Иванович! Я же сам писал вам, чтобы вы всегда прямо с вокзала ехали в академию и останавливались у меня! А если вы осчастливите мои казенные хоромы своими удивительными рассказами, да еще в обществе наших земляков, то это для меня будет настоящий праздник! Вы давно приехали?

Яворницкий. Сегодня.

Репин. Конечно же, в Публичную библиотеку?

Яворницкий. Да.

Репин. А того старого ретрограда видели?

Яворницкий. Кого?

Репин. Стасова.

Яворницкий *(не желая подливать масла в огонь)*. Нет, не видел…

Репин. Старый ретроград! Вы знаете, в чем он меня обвиняет? В том, будто бы я пошел в академию ради генеральского чина, казенной квартиры и казенного жалованья. На черта мне тот генеральский чин? Кто знает, что Тургенев был коллежским асессором? Но кто не знает Тургенева, великого русского писателя?! Если я поживу на свете, то, может быть, и меня будут знать, что был себе и малевал себе некий художник Илья Репин. И когда это я добивался орденов? Да я даже академического знака ни разу не нацепил в присутствии царя или великого князя, хотя мне и делало замечания ближайшее начальство! Казенная квартира!.. Да разве я не могу столько заработать, чтобы снять себе приличную квартиру и устроить ее по моему вкусу? Казенное жалованье!.. Тьфу на тебя! Да сколько же его, того убогого казенного жалованья? Если я и пошел в академию, то не потому, что имел в виду

генеральский чин, казенную квартиру и казенное жалованье, а потому, что после преобразования Академии художеств ко мне явился новый конференц-секретарь, граф Иван Иванович Толстой и сказал: «Вот вы, Илья Ефимович, так громили старую, заскорузлую академию, теперь ее нет, есть новая – идите, ставьте ее на новые рельсы и работайте во славу нового, молодого русского искусства!» Вот почему я пошел в академию! А Стасов все перетолковал по-своему!

Яворницкий. Жаль, что вы с ним поссорились…

Репин. Я с ним не ссорился – это он на меня напал! А я его люблю и уважаю по-прежнему. Но заискивать перед ним не буду и от преподавания в академии не откажусь!

Яворницкий. Вы правильно сделали, что пошли в Академию художеств, Илья Ефимович. Наших молодых художников должны учить подвижники-передвижники, а не равнодушные к нашей истории чужеземцы…

Репин. Именно так! Но не все это понимают! Суриков и Васнецов наотрез отказались преподавать в академии! Для них это значит – предать идею передвижничества… А Товарищество передвижных выставок, между прочим, за 20 лет своего существования ни одной рисовальной школы не открыло – ни одной!!! А учить молодых надо же! А где же они могут учиться, как не в Академии художеств? И у кого? У немца Венига, сын которого пользовался всеми академическими льготами, даже не будучи в академии? Или у Клодта, который всегда пьян? Нет, тут нужны руководители, которые сами работают над серьезными вещами не покладая рук! Жаль, что Суриков и Васнецов отказались… Ах, Дмитрий Иванович, какие талантливые ученики у меня сейчас учатся! Кардовский, Щербиновский, Кустодиев, Мясоедов, Мурашко – это уже такие живописцы, что любо-дорого посмотреть!

Яворницкий. Мурашко? Это случайно не сын нашего киевского художника Миколы Мурашка?

Репин. Племянник, Дмитрий Иванович! Сын его старшего брата-иконописца. Но Сашка я взял к себе не из-за родственных связей. Привлекать к искусству неспособных – это преступление! Поэтому, хоть меня иногда и

просят за какого-то молодого художника, я всегда беру только талантливых. У меня сейчас даже сын простого мужика из-под Москвы учится – Аникита Хотулев, удивительный талант! Пришел ко мне бедный парнишка и просится: «Барин, возьмите меня в свою мастерскую…» Я смеялся до слез от этого «барин»! И он начал сам над собою смеяться! Ну, конечно, сын простого мужика – как ему выбиться в люди, когда везде одни господа? Посмотрел я его прекрасные работы – и взял! *(Хватился)*. Да что я все про академию – вы о себе расскажите! Как вы устроились в нашей белокаменной?

Яворницкий. Хорошо, Илья Ефимович. Читаю лекции про запорожцев, готовлюсь к защите магистерской диссертации, пишу новые книги про Запорожскую Сечь…

Репин. Студенты, наверное, на руках вас носят за ваши лекции про запорожцев!

Яворницкий. И такое бывает. Молодежь очень быстро энтузиазмом загорается – тут только дрова подбрасывать успевай!

Репин. Это правда. Я вот недавно подбросил своим ученикам идею написать целую картину-портрет про наш академический курс: «Постановка натуры в мастерской Репина» называется. Будут рисовать своего учителя как раз перед обнаженной натурщицей! Кстати, именно Александр Мурашко и будет меня рисовать… Ничего не поделаешь – придется потерпеть… Пусть рисуют друг друга и меня – так им интереснее будет учиться…

Яворницкий. Это вы хорошо придумали!

Репин. Да надо что-то придумывать, чтобы занятия были нескучные!..

Яворницкий. Вот так и я, Илья Ефимович. Чем только могу, увлекаю своих студентов – даже на бандуре им играю! Кстати, та бандура, что вы на «Запорожцах» рисовали, у вас еще жива?

Репин. Жива, Дмитрий Иванович! Жива! Она еще не раз мне понадобится! Завтра под ее аккомпанемент мы споем и про Сагайдачного, и про Морозенка... А теперь пойдемте ужинать и будем укладываться спать – час ночи, как ни как... Я вас положу тут, в мастерской, а сам полезу на башню, на чердак.

Яворницкий. А зачем же на башню?

Репин. А я всегда на башне сплю, при открытых окнах.

Яворницкий. А если ветер или холод?

Репин. И ветер, и холод, и даже снег, а я окон не закрываю...

Яворницкий. Но тогда надо хорошо укрываться, чтобы от холода не окоченеть.

Репин. А я так и делаю – залезаю с головой и с ногами в теплый меховой мешок, хорошо опоясываюсь и так уже ложусь.

Яворницкий. Где же на Руси возникла такая секта?

Репин. Секта поклонников чистого воздуха возникла в 1880 году в Москве. В нее сразу вступило 10 человек.

Яворницкий. И все живы?

Репин. К сожалению, в живых осталось только двое…

Яворницкий. Но, к счастью, среди этих двоих, Илья Ефимович, – числитесь вы!

Явление 3

1898 год. В академической мастерской Репина его ученик Борис Кустодиев рисует обнаженную натурщицу на картине «Постановка натуры в мастерской Репина» (размер холста – полтора на два метра). Кустодиев с картиной – на переднем плане сцены, справа, натурщица – на заднем плане, слева (подняв левую руку над головой, она стоит на возвышении боком к зрителю). В это же время Александр Мурашко подправляет изображение Репина на этой же картине.

Кустодиев. Сашка, ты мне заслоняешь натурщицу!

Мурашко. Ну, потерпи, Борис, – мне тоже надо еще немного Илью Ефимовича подрисовать… Ведь он же главный у нас на картине! Не дотяну чего-то в его портрете, и что он скажет? Натурщицу хорошо нарисовали, а учителя – как-нибудь?!

Кустодиев. Ладно, не сердись… Я и сам это понимаю… Давай работать по очереди, чтобы друг другу не мешать…

Мурашко. Да я уже почти закончил… Вот белый воротничок чуть-чуть поправлю – и все… *(Поправляет кистью воротник рубашки на Репине)*. Все, больше мешать не буду… *(Отступает от картины)*.

Кустодиев. Да мне, собственно, тоже уже мало осталось…

Мурашко складывает свои кисти и краски, а Кустодиев дальше что-то подрисовывает.

Мурашко. Славная картина получилась. Интересную композицию ты придумал, Борис.

Кустодиев. Ну, я же не сам – Илья Ефимович мне помогал… Идея ведь – его!

Мурашко. Да, это он хорошо придумал – совместить творчество и учебный процесс…

Появляется еще один ученик Репина, староста группы Яков Чахров.

Чахров. Как вы – закончили или нет? Илья Ефимович и все наши уже на подходе!

Кустодиев. Закончили, Яков. Закончили. Я ложу последние мазки! Натурщица будет – как живая! А кому не понравится нарисованная, тот может смотреть на модель… *(Кивнул на натурщицу)*.

Чахров. Что ты, Борис! На картине тоже замечательно получилось!

Мурашко. Особенно если учесть, что, кроме натурщицы, Борис нарисовал еще Богословского, Малышевскую, Малявина, Епифанову, Беклемишеву и меня!

Чахров. Да, Борису больше всех пришлось попотеть…

Мурашко. Это хорошо. Илья Ефимович любит трудолюбивых!

Явление 4

В это время входит Репин с остальными учениками.

Репин. Да, люблю! Потому что сам всю жизнь работал, как вол, и считаю, что трудолюбие должно идти впереди таланта! Без трудолюбия даже гений никогда ничего не создаст! Ни-че-го!!! *(Перевел взгляд на картину)*. Ну вот – наша картина уже готова… Все мои замечания вы учли… Молодцы, хорошо потрудились! Вышло свежо, ярко, оригинально! Чувствуется, что все работали с любовью к товарищам и к своему делу! «Постановка натуры в мастерской Репина». Ах, как хорошо! *(Будто бы шутя)*. Единственное замечание: никогда не ставьте обнаженную натурщицу рядом с ее портретом, потому что портрет от этого проиграет…

Кустодиев. Илья Ефимович, это я хотел еще кое-что поправить перед вашим приходом…

Репин. И это похвально. Вы все уже поправили?

Кустодиев. Все.

Репин. Тогда натурщицу мы пока отпустим. *(Натурщице)*. Спасибо, мадам, вы можете немного отдохнуть.

Натурщица уходит.

Репин. А мы поговорим о работе над портретом. Я специально затеял написание этой коллективной картины, чтобы вы, рисуя друг друга, и некоторым образом даже соперничая друг с другом, шлифовали свое мастерство именно в этом непростом жанре. И я чрезвычайно рад, что вы все очень хорошо с этим справились! Работайте дальше в этом направлении и помните: кто может хорошо написать портрет – тот напишет и картину! Вот кто из вас сейчас серьезно работает над портретом?

Кустодиев *(вздохнув)*. Я пишу портрет на заказ…

Репин. А почему вы так грустно об этом говорите?

Кустодиев. Так платят мало, Илья Ефимович… Всего сто рублей…

Репин. Ну что же – не так плохо! Я в молодости писал заказные портреты всего за пятнадцать рублей и ходил на сеансы пешком аж на окраину Петербурга, делая семь-восемь верст! Это – во-первых. А во-вторых, любая

работа должна быть исполнена художником хорошо, вне зависимости от того, сколько за нее платят. *(Кустодиеву)*. Вам платят за портрет сто рублей, а вы пишите его как за три тысячи!

Кустодиев. И тогда я достигну такого уровня, что мне и будут платить по три тысячи…

Репин. Да, Борис Михайлович! Будут! Но только в том случае, если вы достигните высочайшего уровня мастерства! А что для этого нужно? Хорошо учиться! И в своей родной академии, и за границей! *(Делает ученикам жест рукой)*. Садитесь, пожалуйста.

Ученики садятся кто на чем.

Репин. Итак, о Париже мы уже говорили. Париж – это столица мирового искусства, которая манит к себе художников всех стран. Туда, как у нас на Запорожье в оное время, стекаются все удалые головы, там узнают себе цену, меряются силами, барахтаются в сутолоке и погибают массами, как мухи в мухоловке – надо иметь огромные силы, чтобы остаться в Париже самим собой! Я не раз наблюдал, как, пожив там, художник быстро теряет свой национальный оттенок и перестает жить идеалами своей страны…

Намного крепче держатся своих традиций немцы. Поэтому сегодня я расскажу вам о германской теплице искусства – о Мюнхене. Мюнхенскую Академию художеств можно считать образцовой. Рисуют там только с натуры. Гипсы и антики давно изгнаны, и академия выдает ученикам деньги на наем натуры. Ученики соединяются в группы, и каждая ставит себе свободную модель на условленное время. В классах просторно – ученик свободно может отойти от своей работы, сравнить работу с натурой. Там и углем рисуют на особых мольбертах, стоя, а не так, как в наших классах, – сидя, в страшной тесноте…

Но особые мастерские, где молодые художники рисуют уже собственно картины, производят там бедное и даже безнадежное впечатление: картины довольно малы по объему, меньше по художественности и еще меньше по

содержанию. Когда я смотрел на эти невзрачные холсты, мне вспоминалось изречение одного моего приятеля, который сказал про хорошо воспитанных институток: «Говорить-то их выучили на всех языках, но их совсем не учили, *что говорить*, и они молчат или ведут самый избитый разговор». Вот таковы и эти выучившиеся прекрасно рисовать и писать молодые художники.

Более других мне там понравился молодой буковинец Ивасюк, который хорошо говорил по-украински и трактовал большей частью украинские сюжеты: то козака с дивчиной, то запорожца в степи… В то время он разрабатывал «Въезд Богдана Хмельницкого в Киев». И здесь как нельзя лучше оправдалось мое убеждение о помехе профессора. Первый эскиз, который Ивасюк сделал сам, безо всякого совета – был лучший. Хотя общие пятна картины были совсем европейские, а архитектура Киева – нечто краковское, готическое, но все же в эскизе была жизнь и натуральность в сочинении. Но его профессор Лицен-Мейер забраковал эту сцену, созданную непосредственным воображением, и ввел классическую условность – натянутую и театральную. Слава Богу, Ивасюк это почувствовал и отложил выполнение до благоприятных времен…

Вот почему я не всегда вмешиваюсь в ваши работы – это не потому, что я не хочу подсказать, а потому, что боюсь навредить! Ну, а теперь пригласите фотографа – сделаем фотографию на память. *(Расставляет учеников)*. Становитесь, садитесь… Так, хорошо… Чего-то не хватает… Ага, ясно чего! Зовите натурщицу – поместим ее на втором плане, чтобы она напоминала нам про этот совместный наш труд!

Приводят натурщицу, ставят ее на возвышении позади всех, одни ученики становятся, другие садятся рядом с Репиным и фотографируются так, как это зафиксировано на фотографии 1897–1898 гг.

Явление 5

Та же самая мастерская, но теперь на мольберте стоит картина А.А. Мурашко «Похороны кошевого». Время от времени поглядывая на часы, Мурашко еще что-то поправляет на своем холсте. Входит Репин.

Репин. Ну, как ваша дипломная работа, Александр Александрович?

Мурашко. Уже почти готова, Илья Ефимович!

Репин. Вижу, вижу. Булаву вы переписали…

Мурашко. Как вы и сказали.

Репин. И небо немного подправили…

Мурашко. Да.

Репин *(глядя на картину, задумчиво)*. «Похороны кошевого»… Это серьезная работа. И от души исполнена – вот что главное! Вот так, наверное, наши запорожцы и прощались с Иваном Сирком: на могучих козацких плечах несли домовину, покрытую красной китайкой, впереди процессии седоусый козак нес атрибут власти кошевого атамана – запорожскую булаву, а позади, за гробом, шли козацкие полковники, куренные атаманы и простые запорожцы со свечами в руках… И хоронили они своего кошевого, наверное, тоже вечером, как и на этой картине, чтобы никто не видел, как козаки плачут, но чтобы в вечерних сумерках Бог разглядел это безбрежное море свеч и простил их кошевому атаману все грехи вольные и невольные, и принял его душу где-то там, на высоких небесах… Хорошо вы все исполнили, Александр Александрович… Ничего больше не меняйте… Может, только малиновый стяг еще немного притемните, чтобы красная китайка на домовине лучше в сумерках отличалась… А запорожцев вы хорошо написали – почти каждый козак тут, как говорят, сам по себе, с характерными чертами нрава и внешности. Особенно этот пожилой запорожец с булавой на переднем плане, которого вы со Старицкого рисовали…

Мурашко. Хорошо он сюда вписался, правда?

Репин. И вписался хорошо, и писатель он хороший! Видел я его «Черноморцев», которых он из «Черноморского быта» Якова Кухаренко переделал. А Лысенко написал музыку. Прекрасна вышла оперетта –

Кропивницкий со своей труппой несколько раз ее в Петербург привозил! Это же вы к Старицкому специально в Киев ездили, да?

Мурашко. Специально.

Репин. Вот какой вы молодец! Вот так и я ездил на Украину, когда «Запорожцев» своих писал!

Мурашко. Если признаться честно, то я и рисовал эту картину под влиянием ваших «Запорожцев»…

Репин. Ну, это могло быть только толчком… Я даже сказал бы «легким подталкиванием» к теме… А никакого «подражания» моим «Запорожцам» я на вашей картине не вижу… Эта работа – полностью ваша! Хорошо, очень хорошо написано! Считайте, что золотую медаль и право на пенсионерскую поездку за границу вы уже заслужили! Куда поедете – в Мюнхен или в Париж?

Мурашко. Да все хотелось бы увидеть, Илья Ефимович…

Репин. Увидите, Александр Александрович! Обязательно увидите! Ах, какой вы молодчина – в 25 лет нарисовали такую серьезную историческую картину!

Явление 6

Начало 1900-х годов. К Репину опять приехал Яворницкий.

Яворницкий. Илья Ефимович, я только что из Публичной библиотеки, где услышал прекрасную новость: вы помирились с Владимиром Васильевичем, и он снова отзывается о вас с таким же уважением, как и раньше! «Конечно, он, Репин, ничего никогда не изменил в самом главном – в своем творчестве, здесь он не пошел никуда в сторону и остался прежним… А на новую академию он возлагал все надежды, и это потому, что это была академия совершенно другая, такая, которая желала неприкосновенно уважать личность и самостоятельность художника»! Вот как он теперь говорит!

Репин. Нас помирила совместная борьба с нашими доморощенными декадентами, Дмитрий Иванович, – я резко от них отмежевался и даже написал им об этом в открытом письме.

Яворницкий. Я очень рад, что вы помирились со Стасовым! Он мне всегда нравился – Владимир Васильевич личность значительная, широко образованная, стойкая, воинственная, страстная. А какие у него обширные знания! Его помощи мне теперь очень будет не хватать…

Репин. Что значит «будет не хватать»? Вы что – не собираетесь больше приезжать в Петербург?

Яворницкий. Да, теперь уже, наверное, не скоро приеду, Илья Ефимович… Екатеринославская губернская земская управа и Научное товарищество приглашают меня стать директором краевого историко-археологического музея имени Александра Поля, который умер несколько лет тому назад и всю свою запорожскую коллекцию завещал родному городу. Представьте себе: пребывая в большой нужде, он за 200 тысяч рублей англичанам ее не продал! Я должен продолжить дело этого великого подвижника. Поэтому вскоре еду в Екатеринослав: я всех там подниму на ноги, все исследую, все перекопаю, но создам самый лучший в мире музей козацкой старины!

Репин. Как я вам завидую, Дмитрий Иванович!.. Вы не представляете, как мне хочется в Малороссию, в Чугуев, да ведь как хочется, до слез… А ведь и здесь мне хорошо, очень хорошо!.. Но нет, хочется видеть белые хатки, залитые солнцем вишневые сады, слышать звонкие голоса загоревших девчат и сильные голоса гарных парубков; видеть волов в ярмах, ярмарки…

Яворницкий *(добавляет)*. И свадьбы! *(Изумленно)*. Ах, какие у нас красивые свадьбы! Со сватами, со сватаньем! А какие у нас девчата! Нигде в мире таких нет! *(Решительно)*. Вот вернусь в Украину и обязательно устрою свою личную жизнь! *(Будто оправдываясь за свой возраст)*. Надо же «козакові-сіромасі мати господиню, що йому борщ або куліш варила б»!

Репин. Это правда, Дмитрий Иванович… Без хорошей хозяйки мужчине никак нельзя… Я вот на старость и то женился…

Яворницкий. Господи, о какой старости вы говорите?! Мы же из Украины, а когда-то козак в сто лет «тільки в силу вбирався»!

Репин. Так то было давно, а теперь, как говорил ваш дед Рассолода, «люди слабкі: як 90 год прожив, то й стежки під собою не бачить»…

Яворницкий. Это не о нас, Илья Ефимович. Во всяком случае – до 90 лет нам с вами еще очень далеко! А кто ваша теперешняя супруга, вы мне расскажете?

Репин. Дочь морского адмирала – Наталья Борисовна Нордман. Она намного моложе меня.

Яворницкий. Очень красивая, наверное…

Репин. Когда одинокому мужчине за пятьдесят, то ему уже все женщины красивые… Что я вам скажу?.. Молодая, образованная, пробует писать книги, знает несколько европейских языков… Она сейчас на нашей даче, что на берегу Финского залива. Дом небольшой и тесноватый как для художника, поэтому я хочу пристроить стеклянную веранду и второй этаж с просторной мастерской наверху. Вот она и следит за работами, пока я тут.

Яворницкий. Представляю, как эти ремонты вам мешают…

Репин. Конечно, мешают, но работать надо… Дмитрий Иванович, мне сейчас очень нужен тот запорожский прапор, на котором изображены козаки, плывущие на галере по Черному морю. Десять лет тому назад вы сделали из него копию, и некоторое время она гостила у меня. Я думал, что оригинал находится в Артиллерийском музее и послал туда своего ученика. А ему сказали, что такого прапора у них нет. Вы должны помнить, где находится оригинал…

Яворницкий. В Эрмитаже, Илья Ефимович.

Репин. Вот спасибо, что подсказали, мне этот прапор очень нужен!

Яворницкий. Наверное, опять запорожцев хотите рисовать? Да?

Репин. Хвастать наперед боюсь, но вам, как своему самому большому советчику, по секрету признаюсь, что эта галера не дает мне покоя с тех пор, как я ее увидел… Там же, на прапоре, запорожцы очень примитивно

нарисованы. Вот я и подумал: а если их изобразить по-настоящему – на большой картине, в козацкой чайке, посреди волн?!

Яворницкий. А почему бы и нет? Козаки на суше у вас уже есть! Теперь будут – на море! А как вы хотите назвать свою картину?

Репин. «Черноморская вольница».

Яворницкий. Хорошее название! Лучше и не назовешь. Я уверен, что и сама картина выйдет прекрасная!

Репин. Без вас мне будет трудно ее написать…

Яворницкий. Оставьте! Вы и сами справитесь! Во время работы над «Запорожцами» вы приобрели столько знаний об украинских козаках, что я вам ничего нового уже не скажу!

Репин. Значит, вы и вправду зашли проститься?

Яворницкий. Не только... *(Деликатно).* К вам будет большая просьба, Илья Ефимович… У нашего общего друга писателя Владимира Гиляровского квартирует молодой художник – Николай Струнников. Мы с Гиляровским просим вас посмотреть его работы и, если они вам понравятся, взять в свою мастерскую. Это очень талантливый художник. Он уже написал прекрасный «Портрет запорожца». А какого грозного запорожца он на дверях моей квартиры нарисовал! «Козак в бою» называется. Что это за картина!!! Лицо у козака налито кровью, глаза горят ненавистью, чуб-оселедец взметнулся над головой, усы оттопырились – жуть!

Репин. Вообще-то, моя мастерская и так слишком переполнена, но если он хорошо рисует запорожцев, то посмотрю… Передадите от меня поклон Гиляровскому! Вы же его, наверное, еще увидите?

Яворницкий. Конечно, увижу – как это я уеду из Москвы, не попрощавшись со своим старым другом, который написал поэму «Запорожцы»? Мы с Владимиром Алексеевичем много раз украинские песни в белокаменной пели!

Репин. Тогда, Дмитрий Иванович, давайте и мы на прощанье споем. Когда мы теперь еще увидимся? Где Петербург, где Екатеринослав… Берите-ка в руки мою козацкую бандуру. *(Подает Яворницкому бандуру)*.

Яворницкий. Что будем петь?

Репин. «По садочку ходжу».

Яворницкий. Так вы же уже женаты – это я еще до сих пор «нежонатый ходжу»!

Репин *(грустно)*. Тогда мы споем эту песню для вас…

Яворницкий. Ох, Илья Ефимович… Смотрю я на ваше грустное лицо и все мне кажется, что вы женились совсем не на той женщине, на которой вам хотелось…

Яворницкий берет первые аккорды, и они вместе поют.

По садочку ходжу,
Кониченька воджу.
Через свою неньку
Нежонатий ходжу.

Через свою неньку,
Через рідні сестри
Не можу кохану
Додому привести.

Матір перепрошу,
Сестер перетужу.
Приведу дівчину,
Як червону ружу.

Доле ж моя, доле,
Що мені діяти?
Тільки тебе одну
Буду вік кохати.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 7

Дача Репина «Пенаты» на берегу Финского залива. И.Е. Репин водит В.В. Стасова по своему дому. Тут есть на что посмотреть – в просторных комнатах всюду размещены скульптурные изображения, на стенах висят многочисленные картины, деревянная мебель подобрана со вкусом. Во временной мастерской на мольберте большая картина, закрытая занавеской, а рядом, в углу, собраны старинные запорожские вещи – сабля, ружье, бандура, белый «кобеняк з відлогою» и др. Хозяин и гость как раз проходят мимо этой картины.

Стасов. Ваши «Пенаты», Илья Ефимович, полностью соответствуют своему названию – здесь так тихо и уютно, будто эти стены и вправду оберегают боги домашнего очага!

Репин. Еще не совсем тихо, Владимир Васильевич, но когда закончатся работы на втором этаже, то здесь и вправду можно будет спокойно жить и работать. А пока приходится иногда и при шуме картины писать…

Стасов. И что у вас спрятано за этой занавеской?

Репин. Эта вещь еще не закончена – я в следующий раз вам ее покажу…

Стасов. Но хотя бы, о чем она – вы мне скажете? А впрочем, можете и не говорить! *(Показывает на запорожские вещи)*. Бандура, сабля, ружье, «кобеняк з відлогою» – опять запорожцы! Я не ошибаюсь?

Репин. Владимир Васильевич, ну потерпите! Мне еще чуть-чуть осталось! Я так хочу, чтобы вы увидели эту картину уже законченной! Кстати, нам пора обедать… Вы, наверное, очень проголодались…

Стасов. Ох, какой вы хитрец! Ну ладно, пусть будет по-вашему. Но в следующий раз вы мне ее покажете…

Репин. Клянусь! *(Зовет жену)*. Наталья Борисовна, приглашайте нашего гостя обедать!

Входит Нордман и приглашает Стасова к обычному, четырехугольному, но хорошо сервированному столу, рядом с которым висят портреты Е.Н. Званцевой, самой Н.Б. Нордман и другие.

Нордман. У нас все готово! Пожалуйста, проходите к столу, Владимир Васильевич. Сегодня в нашем меню еще есть рассольник, осетрина с соусом,

рагу, желе, кофе… Но вскоре мы думаем перейти исключительно на вегетарианскую пищу. Профессор Бекетов пишет, что мясо очень вредно для здоровья человека! Поэтому мы будем есть и подавать гостям только моченые яблоки, соленые огурцы, помидоры, баклажаны, вареную картошку…

Стасов. А также бифштекс из клюквы и котлеты из овощей, как советует в своей сумасбродной статье профессор Бекетов!

Нордман. Да!

Стасов. Спасибо, что предупредили, Наталья Борисовна. В следующий раз я возьму с собою ветчину, и после такого изумительного вегетарианского обеда буду уплетать ее тайно от вас…

Репин *(жене)*. Владимир Васильевич – большой гурман. Он любит жизнь, знает ей цену и не пропускает ничего, что нас радует, наполняет, питает. Он любит вкусно покушать. Особенно в дорогих ресторанах! Лучшие из них он знает как в наших, так и в заграничных городах. В Москве – Тестова, в Петербурге – Донона, в Париже – кафе Америкен… Ах, сколько раз, наевшись до отяжеления, мы отсиживались там на бульварах, празднично и весело болтая…

Нордман. Ну, у нас из Парижа тоже кое-что есть – вино у нас только французское, самое дорогое! Это мой «жизненный эликсир» и моя «солнечная энергия»… Я скучаю без вина… Угощайтесь, пожалуйста, Владимир Васильевич… Но наливайте сами – у нас самообслуживание. Я – за полное раскрепощение прислуги! Наша прислуга даже обедает вместе с нами в воскресные дни! Чтобы обходиться во время обеда без прислуги, мы думаем заказать мастерам специальный круглый стол, в центре которого будет круг, вращающийся вокруг своей оси. На этом круге будут ставиться бутылки с вином, а также овощи, фрукты, пирожки и другие яства. И каждый, повернув круг за ручку, сможет сам взять что пожелает… Какое вино вы предпочитаете? Бордо, портвейн, мадеру?.. Красное – мое любимое! Оно – как наша кровь!

Стасов. Благодарствую, но я не люблю крови…

Репин. Это правда. Как-то мы были в Испании, когда там устраивались бои быков. Так Владимир Васильевич принципиально не пошел на это жестокое зрелище, предпочитая остаться в гостинице!

Стасов. Зато ночью мы там частенько ходили смотреть красивых испанок.

Репин *(улыбнулся)*. Да-а, на испанок мы вдоволь насмотрелись в одну из ночей в Барселоне…

Стасов. Испанские красавицы, Наталья Борисовна, выходят гулять только ночью, чтобы не загореть от солнца… Вот мы как-то и решили с Ильей Ефимовичем выйти после полуночи из гостиницы и полюбоваться красивыми испанками…

Репин. Вышли, зашагали по бульвару, начали спорить о Верещагине и о значении портрета в искусстве и через час вернулись в гостиницу…

Стасов. И только потом вспомнили об испанках! *(Развел руками)*. Искусство – прежде всего…

Нордман. В наших «Пенатах» тоже все подчинено искусству! Как вам наши пристройки?

Стасов. Уже почти законченные мастерские наверху мне очень понравились. А вот новая восьмиугольная веранда, которая состоит из больших окон и конической стеклянной крыши, мне чем-то напоминает попугайскую клетку…

Репин. Это моя первая пристройка, Владимир Васильевич. Она специально создавалась для занятий живописью.

Нордман. Поэтому там и должно быть много окон… Мы ее называем «мастерская ”plein-air”», «киоск», «веранда бюстов»… Но «попугайской клеткой» у нас еще никто ее не называл…

Стасов. Не обижайтесь, Наталья Борисовна… Я же имел в виду только внешний ее вид! Кто-кто, а я всегда чрезвычайно высоко ценил внутреннее содержание мастерских Ильи Ефимовича! Если старинная русская легенда объявляет, что мир *на трех китах стоит*, то я нахожу, что наш художественный мир *на одном стоит (показал на Репина)*! Тем более, что

сейчас Илья Ефимович мне рассказывал, как писал в этой стеклянной мастерской Горького и его жену, артистку Андрееву. Я видел эту работу – очень удачный портрет!

Нордман. А мой портрет? Он вам нравится, Владимир Васильевич?

Стасов. Этот, что висит рядом с портретом Званцевой, где вы стоите с зонтиком под мышкой? Ну… как вам сказать… По-моему, вы тут очень похожи… По всему видно, что художник был очень увлечен своей моделью, когда писал этот портрет… *(Обернулся к Репину)*. Между прочим, Илья Ефимович, вы слышали новость – Званцева закрыла свою рисовальную школу в Москве и открывает такую же в Петербурге! А руководить этой школой будут наши доморощенные декаденты – Бакст и Дубожинский!

Репин. Ну, эти научат молодых художников подражать западной культуре – «Мир искусства» во главе с Дягилевым только это теперь и проповедует…

Стасов. Да, но Званцевой-то зачем нужны эти импрессионисты?! Разве ей с ними по пути? Она же у вас и у Чистякова училась!

Репин. Значит, плохо училась… Во всяком случае мы с Чистяковым декадентским глупостям ее не учили…

Нордман довольно улыбнулась при последних словах Репина.

Явление 8

В просторной мастерской стоит перед картиной «Черноморская вольница» Григорий Ге и с восхищением ее рассматривает. Входит Репин.

Репин. Ну как? Что скажет про мою «Черноморскую вольницу» драматург и актер Александринского театра?

Ге *(восхищенно)*. Замечательная картина, Илья Ефимович! Просто потрясающая сцена!

Репин. Спасибо, Григорий Григорьевич. Для меня самая большая радость – услышать такую оценку от земляка... Как я сожалею о том, что не показал эту

картину Стасову во время его последнего приезда! «Черноморская вольница» была еще не совсем готова, а мне так хотелось, чтобы Владимир Васильевич увидел ее уже законченной… Я даже не признался тогда, о чем эта картина! Только 17 сентября написал ему про нее, а 10 октября его уже не стало…

Ге *(вздохнул)*. Жаль Владимира Васильевича, очень жаль – вот кто любил искусство и умел его ценить! Я уверен, что новый вариант «Запорожцев» ему бы понравился! Он всегда радовался, когда на картинах изображали сильных, непокорных людей, как, например, ваш заключенный в «Отказе от исповеди перед казнью». Вот такие непокорные на «Черноморской вольнице» и запорожские козаки!

Репин. На эту картину меня вдохновили две вещи, Григорий Григорьевич. Сначала я увидел галеру на запорожском знамени, копию из которого мне оставил Дмитрий Иванович Яворницкий. А потом услышал от Панаса Сластена украинскую народную думу «Буря на Чорному морі». Помните? Запорожцы возвращаются на чайке из похода, и их застает сильная буря. Гром, молнии, волны до небес, свирепое море, шквал… Чайку заливает водой, они вот-вот потонут! И тогда козаки догадываются, что надо выбросить в море самого большого грешника…

Ге. А потом еще удивляются, что жребий выпал на долю молодого козака Алексея, который им «тричі на день Священне писання читав та простих козаків на розум наставляв!»

Репин. Вот-вот! А когда Алексей признается в своих грехах, потому что он и мать оттолкнул от себя, выезжая на Сечь, и перед односельчанами шапку не снял, то море утихает и все счастливо возвращаются домой! Поэтому мои запорожцы на картине читают молитву и каются у грехах…

Ге. Да нет, Илья Ефимович! Какое покаяние?! Вы же сами назвали картину «Черноморская вольница»! Сами нарисовали грозную волну, взлетевшую на гребень прямо перед козацкой чайкой, и показали гармонию могучего порыва природы с таким же могучим порывом сильных, вольных людей, которые налегают на весла, поют песню под звуки бандуры и не выпускают из рук руля! А теперь вы привязываете это к легенде и невольно

навязываете этой чудной вещи что-то рассудочное и елейно-благообразное! Это уже не лирика в трагедии, а… что-то мейерхольдовское… пришедшее после того, как ваша вдохновенная кисть безумно смело набросала правду жизни и ее трагедию. Вы посмотрите – буря стонет, вольница поет, звучит гимн свободе, а на этом фоне – бледное лицо молодого козака, которому выпало умереть среди волн… Вот где правда, горькая и страшная! И вдруг вы говорите, что эти отважные богатыри с оголенными спинами, услыхав отходную под бандуру, умилились до покаяния… И волны затихли, и буря улеглась… А волны ведь – не затихли! А буря – и дальше ревет, и будет реветь – никакие легенды не смирят бушующей стихии! Не меняйте своего замысла, Илья Ефимович! Это гимн вольнице – таково первое и самое сильное впечатление от этой картины! Когда вы навязываете своей «Черноморской вольнице» образ покаяния, я чувствую, как Мейерхольд… ехидно улыбается из-за угла картины… Превратить гимн и марсельезу в благонравную молитву можно, но что в этом хорошего?

Репин. Григорий Григорьевич, народную былину я вам рассказал вовсе не с тем, что моя картина ее иллюстрирует. Я только хотел оправдать некоторых козаков в религиозном настроении – не случайно же некоторые из них на склоне лет уходили в монастырь…

Ге. Согласен, были там и склоненные в молитве головы, это правда. Но в первую очередь я вижу, что гений правды в эту тяжкую минуту борется с предвзятостью и побуждает козака закуривать люльку во время отходной! И малый джура у вас смотрит в рот поющему, а не на того, кто молитву читает… А вот этот козак и вовсе почесывает в чубе с усмешкой: недолго, мол, осталось ждать, когда и о нас запоют... *(Улыбнулся)*. Нет, Илья Ефимович, вы меня не обманете... И себя не обманете тоже! Как бы вам ни хотелось пойти за народной легендой, вы будете прислушиваться к своему сердцу! А вы никогда не сдавались во время житейских бурь!

Явление 9

Второй этаж дачи в «Пенатах». В новую мастерскую входят Илья Репин и его новый сосед – молодой писатель Корней Чуковский.

Репин. Проходите, Корней Иванович! Я очень рад, что у меня появился такой хороший сосед, да к тому же – писатель! У меня в гостях часто бывают писатели – Горький, Андреев, Короленко, Куприн… Теперь будет заходить еще и Чуковский! *(Показывает рукой)*. Вот моя новая мастерская… Я сразу две мастерские на втором этаже пристроил – летнюю и зимнюю. И даже новую свою работу сюда перенес! Можете посмотреть – ее уже видели многие мои знакомые, я ее больше ни от кого не скрываю.

Чуковский *(подойдя к картине)*. Опять запорожцы! Только на море… Гребцы… Кобзарь с бандурой… Волны над кормой… Впечатляющая картина, Илья Ефимович!

Репин. «Черноморская вольница» называется. *(Внимательно смотрит на картину)*. Вот тут, в одном месте, крестящегося запорожца, пожалуй, стоит еще подправить… Корней Иванович, вы могли бы постоять возле картины в этом белом одеянии? *(Берет в руки кобеняк)*.

Чуковский. С удовольствием!

Репин. Тогда вот вам «кобеняк з відлогою», одевайтесь… Так, становитесь боком и делайте вид, что креститесь… Да, да, поднимите правую руку и приложите пальцы ко лбу…

Чуковский. Так правильно?

Репин. Да, да. Вот так и замрите. Вы сможете так немного постоять?

Чуковский. Для такой прекрасной картины – сколько угодно, Илья Ефимович!

Репин *(берет палитру и кисти)*. Вот и Григорий Ге мою «Черноморскую вольницу» хвалил… А что про нее сказал бы Владимир Васильевич Стасов, я уже никогда не узнаю…

Чуковский. Великий знаток искусства был Стасов…

Репин *(что-то подрисовывает на картине)*. Это правда. Все, что относилось к искусству, было смыслом его жизни. Еще в молодости, прожив

много времени во Флоренции, он пристрастился к искусствам и всесторонне изучил все роды искусств всех стран и эпох. Поэтому его кабинет в Публичной библиотеке был похож на справочное бюро, куда приезжали за советами со всей России. Глазунов, Лядов, Римский-Корсаков, Верещагин, Шаляпин – все побывали у него. А какие редкостные исторические материалы он предоставил Мусоргскому во время создания «Хованщины» и других его шедевров! Я уже не говорю о том, сколько раз Стасов выручал своего гениального друга, когда тот в его отсутствие опускался на самое дно… О, сколько раз, вернувшись из-за границы, Владимир Васильевич едва мог отыскать его в каком-нибудь трактире, чтобы вернуть к творчеству и к жизни! И мы снова видели прежнего гениального композитора Модеста Петровича Мусоргского – превосходно воспитанного гвардейского офицера с прекрасными светскими манерами, остроумного собеседника и неисчерпаемого каламбуриста! И в этом проявлялось и великое человеколюбие Стасова, и его забота о русском национальном искусстве!

Чуковский. Он этим был просто одержим…

Репин. В остальных народах он тоже прежде всего хотел видеть национальную самобытность – то, чего нет у других! Когда мы путешествовали по Европе, венецианцы, голландцы и французы не сходили у него с языка! В Мадриде он говорил только об испанцах, в Дрездене – о немцах! В этом отношении очень показательна одна фраза из его статьи о первой Передвижной выставке 1871 года. Восхищаясь «Русалками» Крамского и украинской природой, Владимир Васильевич в конце с сожалением написал: «Только утопленницы не совсем малороссиянки». Вы понимаете?! Он, русский человек, хотел, чтобы сцена из «Майской ночи» Гоголя полностью отвечала естественной среде, и был разочарован, когда увидел украинских русалок не в национальных одеждах! *(Кончил рисовать)*. Ну вот… Кажется, моя «Черноморская вольница» уже готова… Вроде бы, получилось… Во всяком случае, о моих запорожцах Владимир Васильевич не сказал бы, что они «не совсем малороссияне»… *(Положил кисти)*. Все, Корней Иванович, можете снять запорожское одеяние. Большое спасибо, вы мне очень помогли!

Чуковский *(снял кобеняк)*. Илья Ефимович, вы всегда очень интересно пишете и рассказываете о своих друзьях – вам непременно надо написать книгу мемуаров!

Репин. Благодарю, Корней Иванович, но я уже набил себе шишки на этом поприще… В 1888 году «Русская старина» напечатала мои воспоминания о Крамском – «Памяти учителя». Так критики во главе с Буренинымменя чуть живьем не съели – им почему-то показалось, что я написал это с целью унизить Крамского и тем самым возвысить себя! А как злобно набросился тот же Буренин на мои статьи об искусстве?! Спасибо Владимиру Васильевичу: он тогда вступился за меня в «Новостях»! А теперь кто за меня вступится? Да и таланта у меня нету к этой литературе…

Чуковский. Есть, Илья Ефимович! Я читал ваши воспоминания о Крамском – так талантливо редко кто у нас пишет… Язык у вас – легкий, сравнения – очень точные, диалог – мастерский… Я представляю, какая интересная книга получится, если вы напишете еще о Стасове, о Серове, о Толстом…

Репин. Вы так думаете?

Чуковский. Я в этом твердо уверен!

Репин. А я – не уверен… Знаете как о моих первых литературных пробах написала газета «Новое время»? «Для всех русских людей важно только то, что дает нам кисть господина Репина, а что дает его перо – за это пускай простят его небеса…»

Чуковский. Не знаю насчет небес, Илья Ефимович, но ваши друзья, которые уже на небесах, будут вам за ваши воспоминания о них очень благодарны…

Репин. Ну, разве что ради друзей… Давайте попробуем… Только обещайте, что вы будете мне помогать в работе над рукописью…

Чуковский. Обещаю!

Явление 10

Репин что-то меняет на «Черноморской вольнице». Входит Чуковский.

Чуковский. Илья Ефимович, можно?

Репин. Конечно, можно, Корней Иванович! Ведь сегодня среда – в «Пенатах» приемный день для гостей!

Чуковский. Вы что же – и после выставки продолжаете над этой картиной работать?

Репин *(рисуя дальше)*. Да, хочу кое-что переписать в своей «Черноморской вольнице». Вот и взялся за палитру, пока гости еще не собрались… Ведь мою картину только близкие товарищи – Суриков и Касаткин – одобрили, а критики предъявили свои требования: *не прежний Репин*, говорят. Действительно, не прежний… Прежде я ставил типы экспрессии – ставились лица, характеры… Композиция у меня обыкновенно не вытанцовывалась… Поэтому в «Черноморской вольнице» я более всего работал над композицией и гармонией… Оказалось, это мало кому чувствительно, никому не требуется – относится к технике дела, технике доброго старого времени: теперь уже иначе глядят, иначе работают. Над этими вечными вопросами искусства стараются не останавливаться, чтобы не потерять задора невежды… виноват, смелости и самобытности…

Чуковский. Но были же и восторженные отзывы, Илья Ефимович! Вы сами показывали мне статью Петрова!

Репин. Да, некоторым людям эта картина нравится…

Чуковский. И я среди них! По-моему, тут ничего менять не надо.

Репин. Спасибо, Корней Иванович, но я еще немного над своей «Черноморской вольницей» поработаю. Благо, из академии я ушел – у меня теперь тоже долгожданная «вольница» и достаточное количество времени для своей работы!

Чуковский *(смотрит на «Черноморскую вольницу»)*. Не слушайте никаких критиков, Илья Ефимович, – вы остались тем же прежним Репиным, каким были всегда! *(Показывает на картину)*. Мне помнится, что в этом месте был запорожец, а теперь его нет…

Репин *(рисуя)*. Я его утопил.

Чуковский. Зачем?

Репин. Он слишком усердно молился!

Чуковский *(деликатно)*. А… над книгой воспоминаний вы еще не думали?..

Репин. Как это не думал?! Я уже даже кое-что написал! *(Откладывает палитру и показывает Чуковскому рукопись)*. Впечатления детства, приезд в Петербург, статья о Стасове… Думаю также написать воспоминания о том, как создавалась картина «Бурлаки на Волге»…

Чуковский. Замечательно! Если вы разрешите, я возьму вашу рукопись и немедленно все прочитаю!

Репин. Конечно, берите… *(Отдает листы Чуковскому)*.

Чуковский. Спасибо, Илья Ефимович. А как вы хотите назвать свою книгу?

Репин *(снимает халат)*. Не знаю. Давайте пока назовем ее просто – «Из воспоминаний художника». А там – будет видно… Ну, пойдемте к нашему вегетарианскому круглому столу, Корней Иванович… Он теперь знаменит! Читали последние новости в петербургских газетах? Не о «Черноморской вольнице» моей пишут, а о «круглом столе Репина» с «супом из сена и без прислуги»! Экая новость!

Чуковский. Не обращайте внимания на эту желтую прессу, Илья Ефимович, – она того не стоит.

Репин. А я и не обращаю…

Репин и Чуковский переходят в комнату с оригинальным «круглым столом», в центре которого, на специальном круге, что может крутиться вокруг своей оси, расставлены овощи, фрукты, пирожки и бутылки с вином, а по краям стоят чистые тарелки. Вокруг стола, как и по всему дому, много картин. В центре висит портрет Е.Н. Званцевой, чуть правее от него – портрет Н.Б. Нордман в полный рост. В это время входят Нордман и товарищ Репина, коллекционер Н.Д. Ермаков.

Нордман. Илья Ефимович, к нам еще один гость! Видите, наш вегетарианский круглый стол без прислуги и мои лекции о вреде мяса никого от нашего дома не оттолкнули!

Ермаков *(Нордман)*. Наталья Борисовна, от великого Репина никаким вегетарианством никто никогда никого не оттолкнет, сколько бы об этом не язвили в «Петербургской газете» или «Биржевке»! *(Обернулся к Репину)*. Здравствуйте, Илья Ефимович! *(Поклонился Чуковскому)*. Мое почтение, Корней Иванович!

Репин. Здравствуйте, Николай Дмитриевич, проходите – я очень рад вас видеть! Почему вы так редко заглядываете ко мне? Я уже забыл, когда мы с вами вместе на выставках были…

Ермаков. А я как раз и пришел к вам с предложением съездить в Петербург на новую выставку!

Репин. В академию что ли?

Ермаков. Нет, Илья Ефимович, Бакст решил устроить выставку работ учеников рисовальной школы Званцевой. *(Показал при этом на портрет Е.Н. Званцевой)*. И за это взялась редакция газеты «Аполлон».

Репин. Вряд ли там будет что-то интересное для вашей коллекции, Николай Дмитриевич…

Ермаков. Я тоже так думаю, но посмотреть все равно хочется. Так что – поедем? Наталью Борисовну я тоже приглашаю!

Нордман *(ревниво посмотрела на портрет Званцевой)*. Спасибо, но мне некогда – надо свою книгу для издательства Маркса готовить. Езжайте с Ильей Ефимовичем без меня…

Ермаков. Тогда завтра и поедем, Илья Ефимович?

Репин. Ну, ладно, что с вами поделаешь… Если вы так настроились, я составлю вам компанию…

Чуковский. А я завтра с утра устрою некоторые дела в Петербурге и тоже к вам присоединюсь.

Ермаков *(довольно)*. Вот и договорились!

Репин. Да, Николай Дмитриевич, я немного переписал свою «Черноморскую вольницу»! Пока не все гости собрались и мы не уселись за наш «круглый стол» – пойдемте я вам ее покажу…

Репин повел Ермакова к картине. Нордман и Чуковский остались возле круглого стола.

Нордман. Вас тоже интересуют импрессионисты, Корней Иванович?

Чуковский. Не очень, Наталья Борисовна. Просто я знаком с госпожой Званцевой, и мне интересно посмотреть, каких успехов добились ученики ее школы…

Нордман. Да? И где же вы с ней познакомились?

Чуковский. На литературных «средах» писателя Вячеслава Иванова. Иванов живет в том же здании, где помещается рисовальная школа Званцевой. И Елизавета Николаевна, зная, что я ваш сосед, часто приходит туда и расспрашивает меня об Илье Ефимовиче…

Нордман. А вы знаете, что он был влюблен в эту свою ученицу? *(Кивнула на портрет Званцевой)*.

Чуковский. Наталья Борисовна, это было давно. Забудьте – это уже в прошлом!

Нордман. Я надеюсь…

Явление 11

Выставка работ учеников рисовальной школы Е.Н. Званцевой. На стенах висят картины, исполненные в стиле наихудших проявлений декадентства: из холстов на зрителя смотрят безобразные человеческие лица, руки и ноги персонажей напоминают оглобли, а все это вместе взятое приправлено яркими красками и грубыми мазками. Репин и Ермаков входят в зал, и художник на ходу читает своему другу короткую лекцию об импрессионизме.

Репин. Во всей Европе, Николай Дмитриевич, искусство идет и развивается в своих стилях. Но в XIX веке оно уже меняет свои моды. Инициатива всегда шла от французов и быстро усваивалась остальной Европой.

Так, в начале семидесятых годов в Париже появился импрессионизм, который освободился от идей, быстро пошел по наклонной плоскости отрицания формы и к концу века переродился в декадентство. Своим началом декадентство имело полное освобождение художников от всякой зависимости – только личное вдохновение и освобождение от всех правил школы! Композиция – устаревшее стойло рассудочности! Анатомия – сказки старых рутинеров! Студия с натуры – фотография! Можно, правда, иногда по поводу натуры порисовать, но как можно скорей – в один присест – не зарабатываться! Необходимо настроение, оргия красок и впечатляющие образы. Пусть они будут неправильны, уродливы, но ярки и характерны, чтобы зритель никогда не забыл этих независимых грез художника. В манере представления сюжета больше всего гармонирует примитив. Идеалом можно считать такое произведение, которое, например, если бы изображало папуасов, то казалось бы зрителю, что это несомненное произведение самих папуасов. *(Показывая на безобразные картины на стенах)*. И вот полюбуйтесь, что впоследствии мы получили!

Ермаков. Выставку учеников господина Бакста в редакции газеты «Аполлон»…

Репин. Да какой тут к черту Аполлон, Николай Дмитриевич?! Аполлон был богом солнца, света и красоты! А сия мазня декадентов всецело служит отвратительному египетскому божеству Пифону! Да, Пифону – этот безобразный раскоряка, в виде лягушки, олицетворяет все гнусное и вредное в жизни человека! Я совершенно убежден, что декадентом нарочито может быть только бездарный хам. В варварской душе хама вы ясно видите холодного скопца в искусстве: он идет на продажу для скандального успеха… *(Опять показал на безобразные холсты)*. Посмотрите на этот ад цинизма – какое отношение имеют эти курбеты красками к настоящему искусству?! Страстная любовь к искусству у истинных художников приковывает их до самозабвения к обожаемому предмету, они душу свою жертвуют для достижения совершенства в искусстве! Искусство есть самый высший дар человеку, святая святых его! И вот в это святая святых вползает дьявол и цинически оплевывает сущность красоты жизни и природы – глубина, поэзия, величие идеи высшего разума в

искусстве заменяется глупостью бесстыдного кривляки, безобразием и уродством выкидышей!!! Ну, скажите мне, ради Бога, чем вы заставите истинный талант писать таких отвратительных белых кукол с тифозными пятнами на теле, с дырами вместо глаз, носа и губ, зияющими красными ранами, с отвалившимися конечностями прокаженных?!.

Ермаков. Но бывают же иногда исключения, Илья Ефимович… Вот посмотрите на эту картину…

Репин. Какую?

Ермаков. Вот эту, с разлившейся рекой…

Репин. Ну, не знаю… Если подключить все свое воображение, то, пожалуй, тут можно что-то увидеть… По-моему, это Нил в эпоху фараонов… Да, да, именно так! Желтый Нил потонул в тропическом солнце и сладко мерцает в голубоватых брызгах теплой воды! Лошади, люди на берегу и в воде весело кишат и тонут в теплом душе… Вот и девы египтянки, с восточными косами, тут же плещутся и тонут в тяжелой воде у самой рамы… Да, пожалуй, тут что-то есть… Чувствуется эпоха фараонов!

Ермаков. Каких фараонов, Илья Ефимович? Да ведь это называется «Купанье на Волге»!

Репин. Что мне за дело как назвали картину? Я вижу Нил и эпоху фараонов! А еще вижу отвратительные малевания циклопов, которые лезут в глаза со всех стен!

В это время в выставочный зал входит Е.Н. Званцева.

Званцева. Да вы вникните в эти работы, всмотритесь, Илья Ефимович, нельзя же так голословно все порицать…

Репин. Елизавета Николаевна, мне больно слышать красивый тембр вашего голоса в этом чаду миазмов художественного разложения и в этой оргии пластического невежества! Вы посмотрите на эти изломанные колбасы-оглобли вместо рук; мешки, набитые трухой, вместо животов; исковерканные, изломанные кисти, следки, вместо лаптей… А какая дерзость и цинизм – эта

женская модель в колоссальную величину с такими негодными средствами! Неужели вы находите это пригодным для выставки?! Кто может вынести этот кошмар холстов?!

Званцева. А у нас здесь была академия и очень хвалила все это…

Репин. Какая академия? Не может быть! Да будет проклята академия, которая может одобрять такой вандализм форм! И эта дикая размалевка разнузданных невежд – красят организмы, как заборы! Да им только и красить заборы! *(Ермакову)*. Пойдемте отсюда, Николай Дмитриевич, нет мочи терпеть долее эти миазмы! Это же бедлам сумасшедших какой-то! *(Званцевой)*. Да, Елизавета Николаевна, это не живопись, а бедлам сумасшедших! Вот во что Бакст и его единомышленники-декаденты превратили вашу рисовальную школу! Об этой отвратительной выставке я обязательно напишу статью и назову ее «В аду у Пифона»!

Репин и Ермаков уходят.

Явление 12

Званцева подходит к окну и долго смотрит вслед Репину и Ермакову. Видно, что она очень расстроена. Появляется Чуковский.

Чуковский. Здравствуйте, Елизавета Николаевна! Скажите – Репин и Ермаков на выставке уже были?

Званцева. Да, Корней Иванович, они недавно ушли…

Чуковский. Вы, я вижу, очень расстроены… Что-то случилось?

Званцева. Ничего особенного… Просто Илья Ефимович еще живет той морской бурей, которую он изобразил на своей «Черноморской вольнице», и решил по нашей выставке тоже пронестись бурей… Вы бы пришли чуть пораньше – тут громыхали громы и сверкали молнии!

Чуковский. Это по поводу картин ваших молодых импрессионистов?

Званцева. Да.

Чуковский. Ну, тогда я его понимаю…

Званцева. Понимаете?

Чуковский. Да, понимаю! И вы тоже должны его понять! Он – труженик! Он над каждой картиной годами работает! Бьется над композицией, над гармонией картины, по десять раз переписывает каждое лицо! А тут – какой-то лодырь замарал холст красками в один присест и нате вам, пожалуйста – я тоже художник! По-вашему, это нормально? Нет, Елизавета Николаевна, тот, кто всю жизнь бьется над своими картинами, как проклятый, всегда будет ненавидеть мазню! Отсюда и громы, отсюда и молнии…

Званцева. А может, это из-за меня? Может, он на меня до сих пор сердится?

Чуковский. Что вы! Если б это было так, он вообще сюда не пришел бы! А потом, я же вам говорил – ваш портрет висит в «Пенатах» на самом видном месте, рядом с портретом Натальи Борисовны. Прямо над знаменитым «круглым столом»!

Званцева. И она это спокойно воспринимает?

Чуковский. Нет, она ревнует… Но не смеет этому возражать! С самого начала она поняла, что это бесполезно и решила «обуздать» великого Репина по-своему… Если, например, первая семья Ильи Ефимовича почти не интересовалась его творчеством, то Нордман стала собирать литературу о нем и уже составила немало альбомов с газетными вырезками о каждой его картине. А в «Пенатах» она завела специальные приемные дни, среды, чтобы в остальные дни он мог спокойно работать. Илья Ефимович чувствует заботу о себе и отвечает Наталье Борисовне взаимностью: делает иллюстрации к ее очень слабым произведениям, ходит с ней к издателю Марксу договариваться об издании ее книг, нарисовал уже несколько ее портретов, вылепил бюст, и даже пруд в глубине парка назвал ее именем…

Званцева. Я сама виновата – не решилась жить с ним без венчания, а она решилась… А мы ведь – ровесницы! *(Вопросительно посмотрела на Чуковского)*. Он счастлив с ней, как вы думаете?

Чуковский. Не знаю… Рассказывал мне Илья Ефимович, что Стасов, увидав первый раз его стеклянную мастерскую на первом этаже, сравнил ее с

«попугайской клеткой»… По-моему, Наталья Борисовна часто пересаливает в своих проповедях о «раскрепощении прислуги» и пользе вегетарианства и постепенно превращает в «попугайскую клетку» весь дом… При всей своей преданности Репину, она не находит полного удовлетворения в том, чтобы служить его славе, и по всякому поводу жаждет заявить о себе… Таким образом, Илья Ефимович постоянно оказывается замешанным во все ее кулинарные и прочие новшества, а вся желтая пресса включает ее чудачества в число своих излюбленных сенсаций главным образом потому, что может пристегнуть к ним его знаменитое имя…

Званцева. А Репин? Что он думает про это?

Чуковский. Да некогда ему об этом думать – он работает! Когда ни войдешь в ту комнату, которая расположена под его мастерской, всегда слышишь топот его усталых ног: это значит, что после каждого мазка он отходит поглядеть на свой холст, потому что мазки его кисти рассчитаны на далекого зрителя, и ему приходится проверять их на большом расстоянии. Значит, он в течение дня вышагивает перед каждой картиной по нескольку верст и только тогда отстает от нее, когда изнемогает до бесчувствия… Вот так он и живет – потакает чудачествам молодой жены, терпит недоедание, придерживаясь ее пресловутого вегетарианства, работает над книгой воспоминаний и пишет «Черноморскую вольницу» в «попугайской клетке», в которой находимся уже все мы…*!

Занавес.

*В 12 явлении в репликах Чуковского использованы строки из его книги «Илья Репин», где он подробно рассказывает о жизни художника в «Пенатах», потому что многие годы был его соседом и встречался с ним чуть ли не каждый день. Повествование о том, как Стасов и Репин по очереди (Стасов – в Публичной библиотеке, а Репин – у себя дома) рассказывали историку про причину их ссоры, автор нашел в воспоминаниях Д.И. Яворницкого «Как создавалась картина «Запорожцы». Эти мемуары легли в основу 1 и 2 явлений драмы.

Лекция Репина перед студентами о Парижской и Мюнхенской школе живописи (явление 4) выписана на основе его «Писем об искусстве», напечатанных в книге «Далекое близкое», в частности, «Письма седьмого», написанного художником в Мюнхене 5 ноября 1893 года. Разговор Репина с Ге (явление 8) выстроен по их переписке 1906 года, которая передает их беседу возле этой картины накануне («Новое о Репине»).

А в основу 11 явления – это разговор Репина об импрессионистах с Ермаковым и Званцевой – легли незаконченная статья художника «Искусство и его моды» («Новое о Репине») и его статьи «В аду у Пифона» и «Салон Издебского», которые были напечатаны в петербургской газете «Биржевые ведомости» 15 и 20 мая 1910 года, а позже процитированы в переписке Репина со Стасовым (т. III, с. 271-273).

И Стасова, и Репина очень беспокоил тот факт, что молодые русские художники стали все чаще попадать под влияние импрессионистов. В одном из своих последних писем к Репину (если не в последнем) от 20 сентября 1906 года В.В. Стасов писал: «Академия в ближайшем будущем так и валяет громадными шагами – прямо в декадентщину! Там большинство молодежь, более всего не желающая никакого ученья, а только глупости мыслей и форм, полной развратности вкуса и чувства, жаждущая сделать из русского искусства непотребную игрушку дураков и дур, – большинство их, говорю я, только того и ждет, скоро ли, скоро ли настанет царство декадентства?.. Однако же, какие ужасы, в общем, грозят нашему бедному искусству!!!..»

Это же беспокоило и Репина, который после смерти своего старшего друга продолжал бороться с безвкусицей и примитивом в русской живописи. Сразу же после посещения выставки декадентов 4 мая 1910 года он писал брату покойного В.В. Стасова Дмитрию Васильевичу: «Какой «лагерь прокаженных» – ученики Бакста (в «Аполлоне» на Мойке) и «Салон» в доме Армянской церкви!!! Бедлам сумасшедших!.. Это уже миазмы художественного разложения». И сразу же художник напечатал в газете «Биржевые ведомости» две свои статьи «В аду у Пифона» и «Салон Издебского»!

«Я совершенно убежден, – писал Репин во второй статье, – что декадентом – нарочито может быть только бездарный хам, или психически больной субъект. В варварской душе хама вы видите ясно холодного скопца в искусстве: он идет на продажу для скандального успеха – ясно. Страстная любовь к искусству у истинных избранников приковывает их до самозабвения к обожаемому предмету, они душу свою жертвуют для достижения совершенства в искусстве. Искусство есть самый высший дар человеку, святая святых его. И вот в это святая святых вползает дьявол и цинически оплевывает сущность красоты жизни, природы. Глубина, поэзия, величие идеи высшего разума в искусстве заменяется понемногу глупостью бесстыдного кривляки, безобразием! уродством выкидышей… все эти мазилы, прежде всего, лентяи и холодные скопцы в искусстве». И т.д., и т.д.

Какими резкими не показались бы кому-то эти слова, автор не мог не вложить их в уста великого художника: без этих убеждений Репин был бы – не Репин…

«Гайдамаки, или Освящение ножей»

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Илья Ефимович Репин – русский художник.

Наталия Борисовна Нордман – его вторая жена.

Корней Иванович Чуковский – писатель.

Мария Борисовна – его жена.

Григорий Григорьевич Ге – актер Александринского театра.

Зоя Григорьевна – его старшая сестра.

Хильма – домработница «Пенат».

Илья Семенович Остроухов – попечитель Третьяковской галереи.

Дмитрий Федорович Богословский – реставратор Эрмитажа.

Дмитрий Анфимович Щербиновский – художник.

Павел Петрович Чистяков – учитель И.Е. Репина.

Максимилиан Александрович Волошин – поэт, пейзажист.

Давид Давидович Бурлюк – поэт-футурист.

Участники дискуссии в «Бубновом валете».

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Куоккала, «Пенаты». Канун Нового, 1913-го года. Репин работает над картиной «Гайдамаки». Входит Чуковский.

Чуковский. Можно, Илья Ефимович? Я вам не помешаю?

Репин *(радостно)*. Боже сохрани, Корней Иванович! Вы не можете мне помешать! Это я с рукописью своих воспоминаний вам надоедаю! Ну, как вам новое название?

Чуковский. «Близкое далекое» – очень хорошее название. Но я думаю, что «Далекое близкое» будет лучше. Это же мемуары! Значит, сначала надо указать, что речь идет о давно прошедших днях, а потом подчеркнуть, что автор вспоминает о чем-то очень близком…

Репин *(задумался)*. А что? Пожалуй, вы правы… «Далекое близкое»… *(Решительно)*. Да, пусть будет так!

Чуковский. Вот и хорошо. А я со вчерашнего дня думаю: надо пойти и спросить Илью Ефимовича – согласится он на такое название или нет?..

Репин. Да как я могу не согласиться с вами, Корней Иванович?! Вы же – профессиональный литератор! Вы сразу все нюансы учитываете! А я бился бы над этим названием еще пятнадцать лет!

Чуковский. Почему именно пятнадцать?

Репин. Потому что над своими «Гайдамаками» *(показал на картину)* я бьюсь ровно столько же – еще с 1898 года! Тогда я впервые сделал эскиз «Раздача оружия гайдамакам». Через четыре года, на 30-й Передвижной выставке, даже эскизный портрет «Гайдамаков» представлял. А теперь опять все переписываю – то персонажей меняю, то обстановку… Даже «свячені ножі» поменял! Сначала я думал, что они были вроде осетинских кинжалов. Искал их по всем музеям Петербурга, но так и не нашел. Но Дмитрий Иванович Яворницкий прислал мне снимки двух таких ножей, которые есть в его музее имени Поля. Оказывается, «гайдамацький свячений ніж» – это широкий, «свого

роблива», большею частью из обломка косы, нож, набитый на толстую деревянную колодку. Длины он вместе с колодкою, немногим больше аршина. Такие ножи названные «свяченими» будто бы потому, что их покропил святою водою архимандрит Значко-Яворский для гайдамаков, идущих на войну. А «залізною таранею» ножи прозваны потому, что гайдамаки, нагрузив целый воз такими ножами, сверху прикрывали их таранью и такую тарань возили продавать на ярмарку. Я даже перекомпоновал свою картину: чтобы *тарань* имела больше значения, – перенес главную сцену в хату, и там парубки и разные типы гайдамак подходят, получают и любуются «таранью», пробуя лезвие… Этими-то ножами и кололи панов, отсюда и название восстания – Колиивщина… Смотрите, какие яркие народные типы тут подобрались… Крепкие, решительные, отважные… Вот и сам Максим Зализняк *(показывает на центр холста)*, этот не может не обратить на себя внимания хлопцев…

Чуковский. Серьезная картина у вас получилась, Илья Ефимович.

Репин. Это потому, что тема серьезная – восстание украинских крестьян против польских панов!

Чуковский. И как вы назвали свою картину?

Репин. У нее сразу три названия, Корней Иванович: «Гайдамаки», или «Освящение ножей», или «Максим Зализняк».

Чуковский. Они очень хорошо дополняют друг друга.

Репин. Да.

Чуковский. Тему вам, конечно же, подсказал «Кобзарь» Тараса Шевченко и его поэма «Гайдамаки»?

Репин. А кто же еще! *(Читает наизусть)*.

Розбрелись конфедерати
По Польщі, Волині,
По Литві, по Молдаванах
І по Україні…
. . . . . .
Руйнували, мордували,

Церквами топили…
А тим часом гайдамаки
Ножі освятили.
. . . . . .
Шануйтеся ж, вражі ляхи,
Скажені собаки:
Йде Залізняк Чорним шляхом,
За ним гайдамаки.

(Посмотрел на Чуковского). Сильно сказано, правда?

Чуковский. Лучше не скажешь… *(Показал на картину)*. И лучше не нарисуешь! Теперь вам, Илья Ефимович, надо еще и русских повстанцев нарисовать…

Репин. А тут и есть русские! Историю Колиивщины я добросовестно изучал. Вот послушайте, что пишут некоторые исследователи… *(Берет со стола небольшие карточки, читает)*. Есть сведения об участии в восстании 1768 года выходцев из великорусских губерний. Так, из указа Киевской губернской канцелярии мы узнаем, что в рядах гайдамаков были русский крестьянин Максим Поздняков, крепостной Иван Петровский, посадский человек Иван Тамошин, солдат Иван Сурмин, барабанщик Григорий Данилов, отставной вахмистр Михаил Петрович и другие… Русским был и один из гайдамацких вожаков – Никита Москаль. До нас дошло его воззвание к крестьянам Правобережья, в котором он написал: «Отбывать панщину уже не будете, жито и всякий хлеб, а также сено собирайте для себя!»

Чуковский. Молодец! Он потом не помогал Пугачеву?

Репин. Вполне может быть! *(Берет другую карточку)*. Некоторые гайдамаки позже брали участие в восстании Пугачева. В архивных материалах фигурирует некий Дударенко, который, как свидетельствует один из документов, «купно с малороссийскими крестьянами вначале с польскими людьми воевал», а также гайдамака Демьян Чернявщенко! *(Берет третью*

карточку). Кстати, Корней Иванович, сам Емельян Пугачев родился на Дону в «доме деда своего» в станице Зимовейской, где за сто лет до него родился Степан Разин. Эта станица еще в прошлом веке считалась «малороссийской», потому что там жило много переселенцев из Украины. *(Посмотрел на Чуковского)*. На Дону вообще селилось много украинцев. Поэтому когда Василий Суриков собирал там материалы для своей картины «Покорение Сибири Ермаком», то на одном из этюдов у него оказался запечатленным донской казак Кузьма Запорожцев! *(Дальше читает из карточки)*. Семья Пугачевых также была украинского происхождения. Деда Емельяна Ивановича звали Михайло Пугач («пугач» по-украински означает «филин»). Казаками были его отец Иван Михайлович и дед Михайло, прозвище которого Пугач и обусловило их фамилию – Пугачевы!

Чуковский. Шевченко, кажется, пишет про этого Пугача в своем «Кобзаре»…

Репин. Да! У меня там даже закладка есть! *(Берет с полки книгу, открывает ее и читает)*.

Минали літа тихо, тихо, –
Отак пиши, – і за гріхи
Карались Господом ляхи.
І пугав Пугач над Уралом.

Чуковский *(задумчиво)*. Я помню эти строки… *(Репину)*. Ведь Шевченко – один из моих самых любимых поэтов, Илья Ефимович! Мои детские и юношеские годы прошли на Украине – там я выучил украинский язык и читал его знаменитый «Кобзарь» в оригинале! Поэма «Гайдамаки» произвела тогда на меня очень сильное впечатление…

Репин. В свое время она многих покорила! Отец Валентина Серова композитор Александр Серов хотел даже оперу писать на этот сюжет, но, к сожалению, написал только один хор. Фрагменты из «Гайдамаков» использовал

и Модест Петрович Мусоргский – он взял два отрывка из песен Кобзаря и создал свой бессмертный «Гопак»! *(Поет, пританцовывая)*.

Ой гоп, гопака!
Полюбила козака,
Та рудого, та старого –
Лиха доля така!

Як була я молодою преподобницею,
Повісила хвартушину над віконницею;

Хто йде – не мине,
То кивне, то моргне.
А я шовком вишиваю,
В кватирочку виглядаю…

Ой гоп, гопака!
Полюбила козака,
Та рудого, та старого –
Лиха доля така!

Чуковский *(сочувственно улыбнулся)*. Скучаете вы по Украине, Илья Ефимович…

Репин. Очень скучаю. Сейчас там «Щедрий вечір» приближается… Накануне Нового года на Украине собираются парубки и девчата и ходят «щедрувати»… На Щедрый вечер отец прячется от детей за пирогами (символом щедрости и богатства), а дети входят в хату и спрашивают мать: «Где это наш отец, что его не видно?» А отец им из-за пирогов: «А разве вы меня не видите?» – «Не видим, тату!» – притворяются дети. «Так вот чтобы и в следующем году вы меня так не видели (то есть за такой кучей пирогов!)», – отвечает отец и приглашает всех к богатому столу.

Чуковский. Народная драматургия! Точнее – вертеп.

Репин. Да, это незабываемый праздник! Кстати, у нас в Пенатах на Васильев вечер тоже будут «щедровать» наши украинцы – Григорий Ге и его сестра Зоя обещали приехать в Куоккалу! Приходите к нам с женой, Корней Иванович! Будем вместе встречать Новый, 1913 год!

Чуковский *(приложил руку к груди)*. Спасибо, Илья Ефимович, – мы обязательно придем.

Явление 2

Васильев вечер, столовая Репина. Илья Ефимович и Наталия Борисовна расставляют чистые тарелки на круглом столе, в центре которого уже стоят бутылки с вином и всевозможные яства. Входят празднично одетые Корней Иванович и Мария Борисовна Чуковские.

Чуковский. Здравствуйте, Илья Ефимович и Наталия Борисовна! С Васильевым вечером будьте здоровы!

Мария Борисовна. Счастья вам и радости в Новом году!

Репин. Спасибо, Корней Иванович и Мария Борисовна, и вам того же! Проходите, пожалуйста, к нашему круглому столу! *(Посмотрел на часы)*. Поезд из Петербурга давно пришел, и, по моим расчетам, Зоя и Григорий уже на подходе! *(Жене, обеспокоенно)*. Наталия Борисовна, ну, где это наша Хильма с пирогами задерживается? С минуты на минуту «щедрівники» придут, а у нас еще ничего не готово…

Нордман *(спокойно показала на богатый стол)*. Все у нас готово. Стол уже полностью накрыт – остались только пироги.

Репин. Так это же самое главное!

В это время входит Хильма, неся перед собой огромную тарелку с пирогами.

Хильма. Простите, Илья Ефимович, я подбирала самую большую тарелку для пирогов – поэтому и задержалась. *(Ставит на стол пироги)*.

Репин *(довольно)*. Да, ради этого стоило подождать! Ах, какие славные пироги! Спасибо, Хильма! *(Показывает домработнице место за столом)*. Садитесь, пожалуйста, вместе с нами!

Хильма садится за стол. В это время в комнату входят одетые в украинские костюмы Григорий Ге и его сестра Зоя. Илья Ефимович при их появлении прячется за тарелкой с пирогами.

Григорий *(снял шапку и низко поклонился, по-украински теперь и дальше)*. Добрий вечір добрим людям! З Новим роком будьте здорові!

Нордман. И вы также, Григорий Григорьевич и Зоя Григорьевна! Проходите, пожалуйста, мы очень вам рады!

Григорий. А де це наш Ілля Юхимович, Наталіє Борисівно? *(Рассматривается вокруг)*.

Репин *(из-за высокой тарелки с пирогами, тоже по-украински)*. А хіба ж ви мене не бачите, Григорію Григоровичу?

Григорий. Я не бачу! Може, Зоя бачить? *(Посмотрел на сестру)*.

Зоя. І я не бачу…

Репин *(выпрямился)*. Дай Боже, щоб і на той рік ви мене так не бачили! *(Перекрестился)*. Сідайте, дорогії гості, до столу – до «щедрої куті», щоб у достатках і спокої других свят дочекати!

Григорий. Спасибі, пане господарю! Та спершу ми вам защедруємо! *(Вместе с Зоей поют)*.

В нашого хазяїна золотії гори,
Золотії гори, високії дуби.

Щедрий вечір, добрий вечір,
Добрим людям на здоров’я.

Дуби порубати, землю поорати
Та й поволочити.

Щедрий вечір, добрий вечір,
Добрим людям на здоров'я.

Землю поорати, дочку віддавати,
Пива наварити.

Щедрий вечір, добрий вечір,
Добрим людям на здоров'я.

Пива наварити, сина оженити,
Гарно погуляти.

Щедрий вечір, добрий вечір,
Добрим людям на здоров'я.

Гарно погуляти, ой, дай Боже,
На той рік діждати!

Щедрий вечір, добрий вечір,
Добрим людям на здоров'я.

Допев песню, Григорий Ге достает из кармана хлебные зерна и начинает разбрасывать их вокруг себя, приговаривая:

Сію, вію, посіваю, з Новим роком поздоровляю.
На щастя, на здоров'я та на Новий рік,
Щоб уродило краще, як торік, –
Жито, пшениця і всяка пашниця,
Коноплі під стелю на велику куделю.
Будьте здорові з Новим роком та з Василем.
Дай, Боже!

Репин. Дай, Боже, и вам того же! Прошу, дорогие гости, за наш праздничный стол – будем мед-пиво пить да песни петь! Ведь как встретишь Новый год, так его и проживешь!

Явление 3

Корней Иванович и Мария Борисовна у себя дома. Они до сих пор под впечатлением празднования Нового года.

Мария Борисовна. Чудесный вечер подарил нам на Новый год Илья Ефимович – две недели прошло, а я не могу забыть ни щедрого застолья, ни шуток его, ни колядок!

Чуковский. Да, праздник был чудесный… Хотя, знаешь, Мария, для меня каждая встреча с ним – праздник! *(С восхищением)*. Как он знает мировое искусство! Как разбирается в музыке и в литературе! Какие у него всегда интересные рассуждения и обобщения! Не зря Стасов считал его самым образованным среди наших художников!

Мария Борисовна. И самым трудолюбивым…

Чуковский. Ну, тут он даст фору кому угодно: ему почти семьдесят, а он не выходит из мастерской!

Мария Борисовна. Наверное, он и сейчас рисует своих гайдамаков со свячеными ножами…

Чуковский. Конечно, рисует! А что же еще!

В это время на пороге появляется чем-то взволнованная Хильма.

Хильма. Корней Иванович… Я к вам…

Чуковский *(сразу насторожился)*. Что случилось, Хильма? У вас такой растерянный вид!

Хильма. Меня прислала Наталия Борисовна…

Чуковский *(озабоченно)*. Что-то с Ильей Ефимовичем? Он заболел?

Хильма. Нет, нет, с ним все в порядке. Но вот записка от Наталии Борисовны – там такое горе… *(Протягивает Чуковскому рваный клочок бумаги)*.

Чуковский. Господи, да что там могло случиться… *(Берет записку и читает вслух)*. «Сейчас телефонировали из «Биржевки», что один

сумасшедший в Москве пробрался к картине «Грозный» и изрезал ее ножом. Боже мой, такое чувство у меня, будто по телу режут ножом. Придите хоть на минуту…»

Мария Борисовна. Боже мой…

Чуковский. А что еще сказали по телефону?

Хильма. Я не знаю… Наталия Борисовна и дальше кому-то звонит… А меня послала за вами – она очень беспокоится за Илью Ефимовича… Вы к нам придете?

Чуковский. Да, да, конечно! Я уже иду!

Чуковский и Хильма быстро уходят.

Явление 4

Быстрым шагом Чуковский входит в ту самую столовую, где они праздновали Новый год. Репин сидит за круглым столом и кушает свой любимый картофель. Он внешне спокоен, но очень бледен и руки его дрожат… У двери Чуковского встречает Наталия Борисовна.

Нордман *(заламывая руки)*. Будто по телу ножом!

Чуковский. Да, такое горе! Илья Ефимович, примите мои самые искренние сочувствия…

Репин. Оставьте, Корней Иванович… Вы же знаете, как я ненавижу всякие жалобы, охи и ахи… Вот вам тарелка. Нечего хныкать – садитесь и кушайте картофель…

Нордман. Да, да, присоединяйтесь к Илье Ефимовичу, Корней Иванович, а я пойду к телефону и постараюсь связаться с редакцией «Русского слова». *(Кладет в его тарелку картофель и уходит)*.

Чуковский. Но… как же… Илья Ефимович?.. Я не могу сейчас спокойно кушать… *(Взволнованно)*. Это же уму непостижимо – как можно поднять руку на такой шедевр!..

Репин *(даже как будто сердито)*. А я вам говорю – не волнуйтесь и ешьте! Ведь просты-ынет! *(После небольшой паузы, уже спокойнее, но с дрожью в голосе)*. Я знаю, Корней Иванович, вы хотите меня сейчас поддержать… Но если вам хочется это сделать, то подкрепитесь на дорогу и проводите меня до Питера – я сегодня же еду в Москву…

Явление 5

Репин уже в Москве. Он идет по коридору Третьяковской галереи вместе с ее попечителем – Илья Семенович Остроухов на ходу рассказывает Илье Ефимовичу подробности о повреждении его картины.

Остроухов. Этого безумца зовут Абрам Балашов, Илья Ефимович. Он иконописец, из старообрядцев, ему 28 лет. В последнее время служил в магазине Вострякова, где торгуют старыми картинами и киотами. Этот Балашов и раньше неоднократно бывал в нашей галерее, но всегда вел себя скромно и спокойно. На этот раз он сначала остановился перед картиной Сурикова «Боярыня Морозова», а потом перешел в зал, где висят ваши картины. Служитель галереи последовал за ним. Но вдруг Балашов перескочил через барьер и шнур, которые ограждают картину, и с криками «Довольно крови!» три раза полоснул ее ножом. Последующие удары он не успел нанести, так как служитель набросился на него и отобрал нож.

Репин *(остановился и с укором посмотрел на Остроухова)*. Почему же он раньше не помешал ему?!

Остроухов. Все произошло меньше чем в пять секунд, Илья Ефимович, и предотвратить это не было никакой возможности…

Репин *(через силу)*. Порезы серьезные, Илья Семенович?

Остроухов. Да… Все они вертикальные, от восьми до восьми с половиной вершков каждый… Но хуже всего то, что нож был садовый, серповидный, с зазубренным лезвием и полотно оказалось не только изрезанным, но и изорванным вдоль порезов…

Репин. А какие места изрезаны?

Остроухов. Больше всего пострадали лица Ивана Грозного и царевича, Илья Ефимович…

Репин. И где сейчас находится картина?

Остроухов. В зале заседаний попечительного совета. *(Показал на дверь)*. Мы уже пришли…

Репин. Ну, что ж – пойдемте… Судя по всему, картина уже навсегда потеряна, но осмотреть ее следует… Врачи ведь тоже, чтобы засвидетельствовать смерть, проверяют у больного пульс… *(Делает над собой усилие и входит в зал)*.

Посреди зала стоит на мольберте поврежденная картина Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Все три пореза вертикальные и параллельны между собой. Они имеют зигзагообразный вид. Ширина порезов – один дюйм. Самый большой порез идет из-под левого глаза царя Иоанна, минуя нос, который только немного задет, и уничтожает правый глаз царевича. Два другие пореза идут рядом и тоже задевают оба лица. Увидев картину в таком состоянии, Репин какое-то время стоит как окаменевший…

Репин. Боже мой… Что он наделал… Это непоправимо…

Остроухов *(осторожно)*. Поправимо, Илья Ефимович… Я даже знаю, как это сделать…

Репин. Что вы такое говорите? Что можно сделать? Посмотрите на краски, Илья Семенович! Они давно засохли и затвердели! Теперь в местах разрезов изорванное полотно торчит ежом!

Остроухов *(уже чуть тверже)*. Это можно поправить. Я говорил по телефону с вашим учеником, а теперь реставратором Эрмитажа Дмитрием Федоровичем Богословским. Он сказал, что разорванные места можно размягчить особым раствором и сделать грунт эластичным.

Репин. Хорошо. А потом?

Остроухов. А потом под старый холст Дмитрий Федорович предлагает подвести новое полотно, порезы заклеить особым пластырем, а швы порезов зашпаклевать особой смесью, поверх которой уже вы, Илья Ефимович, пропишете поврежденные места…

Репин. А размягчать, клеить и шпаклевать кто будет?

Остроухов. Это сделает сам Богословский. Он уже дал свое согласие, и скоро приедет в Москву.

Репин. Что ж, я знаю Дмитрия Федоровича – он талантливый художник и замечательный реставратор. Если он берется за реставрацию «Иоанна», то может и получиться…

Остроухов. Все у нас получится, Илья Ефимович! Картина «Иван Грозный и сын его Иван» и дальше останется украшением Третьяковской галереи – наши враги радоваться будут недолго!

Репин. Да, сейчас многие радуются… Особенно те, которые ненавидят русское национальное искусство… Я уверен, что это они и подкупили Балашова… Они его еще и оправдывать будут! Вспомните мое слово… Как же – на царевиче много крови! Сколько народных восстаний потопили в крови – это ничего… Сколько крови пролили в войнах – это тоже ничего… А вот на картине Репина – она их вдруг поразила!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 6

Москва. Политехнический музей. Над сценой зала музея висит большая афиша, на которой написано:

Диспут в «Бубновом валете»

Лекция на тему:
«О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕННОСТИ
ПОСТРАДАВШЕЙ КАРТИНЫ
РЕПИНА»

Докладчик
МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

Зал музея набит битком: тут и «бубновые валеты», и студенты, и сторонники, и противники Репина. Здесь же присутствуют И.Е. Репин, Д.Ф. Богословский и Д.А. Щербиновский. За трибуной стоит М. Волошин и держит речь.

Волошин. И в конце своей лекции я хочу остановиться на психологической стороне этого происшествия. Я совершенно сознательно говорю психологической, а не патологической, потому что меня интересует вовсе не степень душевной болезни Абрама Балашова, а тот магнит, который привлек его именно к этой, а не к иной картине. Его крик: «Довольно крови! Довольно крови!» достаточно ясно говорит о том, что выбор его не был ни случаен, ни произволен… Профессор Зернов во время своих лекций по анатомии имел обыкновение, как передавали мне его слушатели, приводить, как образец анатомической ошибки, рану царевича Ивана. При такой ране в висок, говорил он, крови не может вытечь больше полустакана. Между тем на картине ее так много, как будто здесь зарезали барана…

Свойство этой картины таково, что почти никто не останавливается перед ней подолгу… Она вызывает истерики с первого взгляда. Перед нею можно видеть дам, вооруженных флаконами с нюхательной солью, которые, поглядев, закрывают глаза, долго нюхают соль и потом решаются взглянуть снова… Впечатление, производимое картиной Репина, безусловно вредно. О нем говорят и обмороки, и истерики, ею вызываемые… Наконец сильнее и громче всего – поступок Балашова, исполосовавшего ножом картину. Изумительно то, что никому, никому! не пришло в голову, что в лице Балашова мы имеем дело не с преступником, а с жертвой Репинского произведения. Безумие его вызвано картиной Репина!

Зло, принесенное Репинским «Иоанном» за 30 лет, велико. Поэтому необходимо докончить дело, так наивно и такими неудачными средствами начатое Балашовым. Я говорю не о физическом уничтожении ее, а о выяснении ее действительной художественной ценности. Ей не место в Национальной картинной галерее, на которой продолжает воспитываться художественный

вкус растущих поколений! Ее настоящее место в каком-нибудь большом Европейском Паноптикуме в роде Musee Grevin!

Со своих мест срываются «бубновые валеты», аплодируют и кричат: «Правильно!», «Довольно крови!», «Балашов – жертва!», «В паноптикум Репина!», «К чучелам его!», «К чучелам!»

Волошин. И так считаю не только я – такого же мнения многие наши поэты и художники. Например, поэт-футурист и художник нового поколения Давид Бурлюк! *(Показывает на Бурлюка)*.

На сцену зала музея выходит Давид Бурлюк. По его эпатажной внешности сразу видно, что он принадлежит к футуристам: разрисованные щеки, сережка в ухе со стороны единственного правого глаза, деревянная ложка в петлице, черный шелковый цилиндр в сочетании с пиджаком в крупную клетку – все это рассчитано «на публику». Но, несмотря на бравурную внешность, говорит он отрывисто, сбиваясь.

Бурлюк. Я тоже хочу напомнить, что… петербургский профессор анатомии Анатолий Ландцерт… еще в 1885 году высказал свои замечания о картине «Иван IV» и отметил, что потоки крови в ней неестественны… Эти анатомические «безграмотности»… навсегда лишают Репинскую картину ореола «шедевра» и «классического произведения»! Да, да, лишают… А что касается этого инцидента, то картина, как и человек, имеет свое рождение, жизнь и смерть… Часто это протекает спокойно, без катастроф, но иногда жизнь пресекается каким-либо несчастным случаем… Отсюда и вывод: на порезанную картину надо смотреть, как на несчастный случай…

Голос из зала музея – «Ты на себя посмотри, чучело гороховое, – ты сам и есть этот несчастный случай!»

Бурлюк *(нервно)*. Простите, я… чувствую себя нехорошо и продолжу свою речь после… *(Садится)*.

Репин. Прошу несколько слов! *(Поднимается с места и взволнованно, с дрожью в голосе говорит)*. Я не потерял времени даром, слушая главного докладчика… Человек образованный, интересный лектор, много знаний… но тенденциозность, которой нельзя вынести… Вот вы говорили о «потоках крови» на моей картине, господин Волошин, приводили высказывания профессоров анатомии… А я же не придумал эту кровавую сцену – во время работы над своей картиной «Иван Грозный и сын его Иван» я опирался на труды Карамзина! Вот, пожалуйста, слова из его «Истории государства российского». *(Читает из блокнота)*. «Во время переговоров о мире, страдая за Россию, читая горесть и на лицах Бояр – слыша, может быть, и всеобщий ропот, – Царевич исполнился ревности благородной, пришел к отцу и требовал, чтобы он послал его с войском изгнать неприятеля, освободить Псков, восстановить честь России. Иоанн в волнении гнева закричал: «Мятежник! Ты вместе с Боярами хочешь свергнуть меня с престола!» и поднял руку. Борис Годунов хотел удержать ее: Царь нанес ему несколько ран острым жезлом своим и сильно ударил им Царевича в голову. Сей несчастный упал, обливаясь кровию. Тут исчезла ярость Иоаннова. Побледнев от ужаса, в трепете, в исступлении он воскликнул: «Я убил сына!» и кинулся обнимать, целовать его, удерживал кровь, текущую из глубокой язвы; плакал, рыдал, звал лекарей; молил Бога о милосердии, сына о прощении. Но суд Небесный совершился!.. Царевич, лобызая руки отца, нежно изъявлял ему любовь и сострадание; убеждал его не предаваться отчаянию; сказал, что умирает верным сыном и подданным…» *(Поднял голову)*. Так разве не то же самое я изобразил на своей картине?

Голос из зала музея: «То же самое!», «Все – за Карамзиным!»

Репин *(повернулся в сторону Волошина)*. Вы разбираете мою картину по косточкам с технической стороны, господин Волошин, не заглядывая в душу самой картины… Вы видите кровь, но не видите, как на лице Иоанна Грозного с ужасом смешана любовь к убитому сыну, не видите слезинки на глазах

царевича, которая говорит о прощении и о примирении… Это не удивительно… Ведь весь поход против моей картины – это не случайность: это дело партии, и результатом агитации этой партии является и «подвиг» Балашова… Эта партия уже давно открыто высказывается против всего русского, против всего национального…

В зале музея раздается свист.

Репин. Да, да, это – дело партии! Но если мне свистят, я не могу больше говорить… *(Богословскому и Щербиновскому, дрожащим голосом)*. Пойдемте отсюда, Дмитрий Федорович и Дмитрий Анисимович… *(Берет Богословского за рукав и вместе с ним идет к выходу)*.

Щербиновский *(на минуту задерживается)*. Нет, я не могу молчать, когда так обижают моего учителя! И я вот что скажу… Есть у Ильи Ефимовича Репина картина «Гайдамаки», или «Освящение ножей». Там украинские крестьяне во главе с Максим Зализняком и Иваном Гонтой освящают ножи на правое дело, потому что их острые лезвия будут направлены против угнетателей народа – против польских панов! Вы же, господа, на этом собрании взялись освящать нож, которым была изрезана картина, что приумножила мировую славу русского искусства!!! *(Также уходит)*.

Явление 7

Третьяковская галерея. В отдельной комнате Репин и Богословский реставрируют поврежденную картину, которая лежит на большом столе.

Репин. Кажется, у нас получается, Дмитрий Федорович… Вернее, – у вас! Ах, какой вы замечательный реставратор! Как профессионально вы продублировали картину: подвели новое полотно, заклеили порезы, зашпаклевали… Теперь я спокоен за своего «Иоанна»…

Богословский. Я тоже спокоен за его реставрацию, Илья Ефимович, – ведь прописывать поврежденные места будете вы!

Репин. И все равно я безмерно вам благодарен за проделанную работу! Как и Щербиновскому за его вчерашнее выступление в Политехническом музее. *(С восхищением)*. Вы знаете, Дмитрий Федорович, Щербиновский меня вчера приятно удивил… Когда-то, еще в Петербурге, когда он был моим учеником в Академии художеств, при всей его талантливости он казался мне несколько слабохарактерным: не всегда мог постоять за себя, редко отстаивал свою точку зрения… А вчера на диспуте он вот как показал свой решительный характер! Боец, настоящий боец!

Богословский *(виновато)*. Мне тоже следовало вступиться за вас, Илья Ефимович…

Репин. Нет-нет, вы правильно сделали, что ничего не говорили! Я потому и увел вас за собой поскорее! Иначе бы получилось, что я специально привел на диспут своих учеников Богословского и Щербиновского, чтобы они меня защищали!

В это время входит Остроухов с пачкой газет.

Остроухов. Вас всегда найдется, кому защитить, Илья Ефимович! Послушайте, что пишут газеты по поводу вчерашнего диспута в Политехническом музее. *(Читает)*. «Репин, отправляясь на диспут «Бубнового валета», должен был знать, чего он вправе ожидать от господ «кубистов». «Существуют разные породы сумасшедших. Просто сумасшедшие, сумасшедшие в квадрате, и «славные вожди русского кубизма», Бурлюки и им подобные. Это – сумасшедшие в кубе!» «Оказывается, не психопат Балашов испортил знаменитого репинского «Иоанна» из Третьяковской галереи, а сам Репин, своей уродливой мазней, погубил и этого Балашова, и многих других». «И если на этом бредовом диспуте попутно не досталось и главному виновнику – покойному коллекционеру Третьякову, то лишь потому, что мертвые сраму не имут. Но доживи П.М. Третьяков до наших дней, и Волошины с Бурлюками показали бы ему, где раки зимуют». «В лапы дикарей попал белолицый человек. Они поджаривают ему огнем пятки, гримасничают, строят страшные

рожи и показывают язык. Приблизительно, подобное зрелище представлял из себя «диспут» бубновых валетов, на котором они измывались над гордостью культуры России – И.Е. Репиным». «Этих Репинских слез, господа Волошины, вам не простит никто и никогда!»

Репин. Простят, Илья Семенович. И не только простят, но и своих обидных слов много добавят. *(Тяжело вздохнул)*. Устал я от всего этого – надо кончать реставрацию «Иоанна» и уезжать поскорее отсюда… Подальше уезжать… И – навсегда…

Явление 8

Илья Ефимович Репин снова в «Пенатах». Он сидит перед своим домом на скамейке. Рядом с ним – его уже совсем старый учитель, художник Павел Петрович Чистяков.

Чистяков. Ах, как жаль бедную Наталию Борисовну… И чем только занимаются наши знаменитые профессора, если чахотка так быстро сводит людей в могилу?

Репин *(грустно)*. Известно чем они занимаются – количество крови на картинах обсуждают…

Чистяков. И что вы теперь один будете делать в «Пенатах», Илья Ефимович?

Репин. Я думаю бросить «Пенаты»…

Чистяков *(оживился)*. Опять переедете в Петербург?!

Репин. Нет, Павел Петрович, – значительно дальше… К моему семидесятилетию в Чугуеве хотят открыть рисовальную школу и назвать ее моим именем. Я решил пойти навстречу землякам и предложил свой проект к осуществлению этой мечты. Поскольку я по натуре своей – *мастеровой человек*, то и проект мой вовсе не школа, а мастерская в самом практичном смысле этого слова. Короче говоря, я хочу устроить в Чугуеве «Деловой двор» – наподобие того, что был в военном поселении…

Организовав сей «Деловой двор», я сразу принимал бы туда заказы: иконостасов, образов, портретов, резных, лепных, позолотных рам, всяких

багетов, зеркал, изящной мебели… Следовательно, кроме живописи, будут мастерские – столярная, резная, позолотная… Мечта идет и далее: литейный двор, бронза, статуи, бюсты, решетки… Еще я забыл о гончарном деле: вазы, блюда, сервизы…

Я уверен, что к этому месту потекут заказы со всей южной России и «тропы народные» не зарастут: мы всех будем принимать, всем по способностям их дадим работу. Но первое и последнее крепкое условие: все равны, никаких рангов – ни высших, ни низших. *Мастер* – высшее звание и единственное. Нам нужны не чиновники живописи, а чернорабочие, мастера, подмастерья. Мы создадим «Запорожье искусства» – приходи кто хочет и учись чему хочешь. Принимаются люди обоего пола, всех возрастов и всех национальностей!

Чистяков. Прекрасная идея, Илья Ефимович! Но кто это будет организовывать?

Репин. Я сам! Да, да, Павел Петрович, я хочу навсегда вернуться в Чугуев! Начну с того, с чего сам начинал: с иконописной мастерской… Живописцы, резчики, позолотчики, столяры, краскотеры – все понадобятся для выполнения заказов. А до появления заказов будем работать: этюды, картины, портреты, пейзажи… Будем сами себе готовить краски, холсты и доски для образов… К чему все эти празднования? Вы же знаете: душа у меня самая чернорабочая – я готов всякий, самый торжественный момент моего личного торжества променять на часы уединенного труда своего в излюбленном искусстве…

Чистяков *(взволнованно)*. Да как же это?.. Родной мой, как это вы уезжаете в Чугуев навсегда? Репин Илья Ефимович – и в Чугуеве навсегда… Как это больно для меня… Зачем хоронить себя, ведь Вы – Илья Ефимович Репин, Вы в Питере жизнь свою сложили… Ведь много ли таких на свете, не говорю – в Питере и в Чугуеве… Искусство – святое дело, но сидеть в пещере, созерцая искусство, не следует. Оно требует не одну святость, а людскую славу и средства!

Репин. Павел Петрович, не говорите мне про людскую славу… Чего она стоит, я убедился совсем недавно на диспуте в Политехническом музее, где на меня улюлюкали «бубновые валеты», унижали и оскорбляли…

Чистяков. Да, это большая обида… Но разве какая-то горстка крикунов, которые сами-то в искусстве ничего и не сделали, может представлять общественное мнение? Вот скоро наступит ваш юбилей – сами убедитесь, как вас любят и почитают! Будут делегации из Петербурга, письма и телеграммы со всех концов России – готовьтесь, Илья Ефимович! Я знаю – вы не любите подобных торжеств, но придется потерпеть. Улюлюканье Бурлюков вы же как-то выдержали? Вот теперь пришел черед выдержать пытку почитанием и славой…

Репин. Не хочу я терпеть эту пытку, Павел Петрович, – достаточно из меня пыток… *(Взволнованно)*. Я от этих делегаций к Чуковскому на весь день убегу!

Чистяков. Куда угодно, Илья Ефимович! Хоть к Чуковскому, хоть ко мне в Петербург приезжайте! Только не в Чугуев навсегда! *(Умоляюще посмотрел на Репина)*. Пообещайте, что еще подумаете над этим…

Репин *(вздохнул)*. Обещаю…

Явление 9

Дом Чуковского, кабинет писателя. Корней Иванович сидит за письменным столом и работает над рукописью. Входят Мария Борисовна и Илья Ефимович. Репин в праздничном светло-сером костюме и с именинной розой в петлице.

Мария Борисовна *(пропуская вперед Репина)*. Проходите, Илья Ефимович! Мы к вам чуть позже собирались – ждали, пока вы примете делегации из Петербурга…

Репин. А я от них к вам решил убежать… Чем тратить время на всякие юбилейные торжества, лучше я с Корнеем Ивановичем над своей рукописью поработаю… Тем более, что они что-то не спешат, эти делегации… И телеграмм сегодня нет… Еще накануне целые вороха телеграмм в «Пенаты»

приносили, а сегодня – в день торжества – ни одной… Так я закрыл мастерскую на ключ и – к вам…

Чуковский. А я как раз работаю над вашей будущей книгой, Илья Ефимович.

Репин. Это для меня самый лучший подарок!

Чуковский. Я знаю. И все равно от души поздравляю вас с вашим торжеством!

Репин. Спасибо, Корней Иванович.

Чуковский *(удивленно пожал плечами)*. Но странно – как это нет ни делегаций, ни телеграмм? Ведь и Академия художеств, и Академия наук, и многие другие учреждения собирались прислать делегации для чествования вашего семидесятилетия!

Репин. Не знаю, что и думать…

Чуковский. Наверное, они просто опаздывают! Давайте пока займемся вашими мемуарами. *(Показал на рукопись на столе)*. А Мария Борисовна время от времени будет посылать детей на разведку в «Пенаты», чтобы не обидеть делегаций…

Мария Борисовна. И заодно приготовлю обед!

Репин. Вот и хорошо.

Мария Борисовна уходит. Чуковский подходит к столу и берет в руки рукопись.

Чуковский. Знаете, что мне больше всего импонирует в вашей книге, Илья Ефимович? Ваше редкостное умение сначала восхищаться другими и только после этого говорить о себе! Хотя и там, где вы пишете о себе, вы все равно в центре воспоминаний ставите кого-то другого… Вот, например, раздел «Бурлаки на Волге»… Тут чуть ли не половину статьи вы посвятили Федору Васильеву!

Репин. А как же иначе, Корней Иванович? Если бы не Васильев – не поехал бы я на Волгу! Он задумал эту поездку, он достал деньги на нее, он жизнью своей за моих «Бурлаков» заплатил! Как вспомню о бедном Федоре

Александровиче, так и сейчас плакать хочется… Ах, какой это был талант!.. Феноменальный юноша!.. Гений!..

Чуковский. Вот-вот! И Куинджи у вас – «гений-изобретатель»! И Николай Николаевич Ге – «феноменальный художник»! И даже чугуевский живописец Персанов – «редкий и сильный талант»! А какие возвышенные и глубокие статьи вы посвятили Крамскому и Толстому! Как восторженно пишете о Стасове! Да разве всех перечислишь? Серов, Гаршин, Максимов, Антокольский!

Репин. И это еще далеко не все, о ком я хотел бы написать, Корней Иванович…

Чуковский. Кто же на очереди?

Репин. Третьяков – великий русский меценат и подвижник, который создал свою неповторимую галерею и в 1892 году, еще при жизни своей, передал ее Москве и русскому народу!

Чуковский. Да, Третьяков заслуживает, чтобы вы написали еще один его портрет! Только теперь – словесный…

Репин *(достает из кармана лист)*. Начало статьи про Павла Михайловича я уже написал… Вот послушайте… *(Читает)*. «Это был могучий, развесистый дуб, под широкими ветвями которого жило и благоденствовало много русских художников…

Ведь как было до Третьякова?

В шестидесятых годах каким-то чудом, благодаря, кажется, настоянию конференц-секретаря Федора Федоровича Львова, в Академии художеств в виде опыта учредили отдел жанристов и позволили в мастерских писать сцены из народного быта. Этот отдел вскоре был почему-то закрыт, но за время его существования из этой классической академии вышло в свет несколько русских картинок…

На академических выставках эти картинки были каким-то праздником. Кто не помнит, например, картин: «Сватовство чиновника к дочери портного» *Петрова*, «Привал арестантов» *Якоби*, «Пьяный отец семейства» *Корзухина*, «Отправление крестьянского мальчика в училище» *Корнеева*, «Кредиторы

описывают имущество вдовы» *Журавлева*, «Чаепитие в трактире» *Попова*, «Больное дитя» *Максимова*, «Офеня с образами» *Кошелева*, «Славильщики» *Саломаткина* и много других. От этих небольших картин веяло свежестью, новизной и, главное, реальной правдой и поэзией настоящей русской жизни. Это был прекрасный ковер из живых цветов на затхлом петербургском болоте. Это был первый расцвет национального русского искусства.

Публика радовалась на них, как дитя! Но радовалась только публика непосредственная, чистая сердцем, не заеденная классическими теориями эстетики. К тому же, она была небогата и не могла поддержать родное искусство материально… Люди же «хорошего» тона, меценаты с развитым вкусом, воспитанным главным образом на итальянском искусстве, – эти авторитетные ценители изящного – с негодованием отворачивались от новых картин. Они говорили, что, кроме пьяных мужиков, полуштофов и лаптей, молодые художники ничего не видят и неспособны подняться над окружающей их грязью. Где же красота? Где пластика? Они не только не покупали этих картин, но даже совсем перестали бывать на выставках!

Приходилось бедным художникам за бесценок отдавать свои скромные и дорогостоящие себе труды то портному за платье, то сапожнику за сапоги, то оставлять за долг квартирной хозяйке.

Охваченный таким холодом с главных сторон существования, этот юный расцвет русского искусства должен был совсем замерзнуть и погибнуть. Но нашлись богатые русские люди, которые пригрели и приютили эти молодые ростки и положили прочное основание русской школе! Это были Козьма Тереньтиевич Солдатенков и Павел Михайлович Третьяков! Особенно – Третьяков! Он довел свое дело до грандиозных, беспримерных размеров и вынес один на своих плечах вопрос существования целой русской школы живописи»! *(Вопросительно посмотрел на Чуковского)*. Ну, как?

Чуковский *(восхищенно)*. Замечательно!!! Илья Ефимович, я уже вижу статью о Третьякове в вашей книге – это будет один из лучших разделов «Далекого близкого»!

Репин. Обязательно будет. Если ничто не помешает, конечно…

Чуковский. Господи, да что же может вам помешать?! Все у вас получится – и ваше «Запорожье искусств» в виде «Делового двора» в Чугуеве, и воспоминания о Третьякове! 1914 год еще принесет вам много радостей – помяните мое слово!

В это время входит Мария Борисовна.

Чуковский. Ну, что там, Мария, уже прибыли делегации из Петербурга?

Мария Борисовна *(через силу)*. Нет. Делегаций не было, и не будет.

Чуковский. Как это – не будет?

Мария Борисовна. Война…

Репин *(вырвал из петлицы именинную розу и бросил ее на стол)*. Проклятый кайзер! Таки втянул Россию в свою войну!

Чуковский. Вот и рухнули наши планы… Теперь-то прольется много кровушки… Не то что на вашем «Иоанне Грозном», Илья Ефимович…

Репин *(тяжело вздохнул)*. Да*.

Занавес.

---

*О «Гайдамаках» очень мало сведений. Эта работа Репина мало изучена исследователями. Только недавно эта картина (или один из ее вариантов) была найдена в архивах Государственного исторического музея, отреставрирована и представлена для осмотра (2011). Поэтому явление 1 написано на основе писем Репина к Яворницкому, а также на материалах сборников о повстанческом движении – «Коліївщина 1768», К., «Наукова думка», 1970, Ю.А. Лимонов, В.В. Мавродин, В.М. Панеях «Пугачев и пугачевцы», Л., «Наука», 1974 и др.

В частности, в книге «Пугачев и пугачевцы» написано следующее: «Емельян Иванович Пугачев родился на Дону в «доме деда своего» в станице Зимовейской, в той самой Зимовейской, где за сто лет до него родился другой вождь мятежного крестьянства Степан Тимофеевич Разин. Зимовейская станица считалась еще в XIX в. «малороссийской», что свидетельствовало о наличии среди ее обитателей немалого числа переселенцев из Украины, а переходы на Дон с Днепра «повелись у нас исстари». Возможно, что и семья Пугачевых была украинского происхождения. Деда Емельяна Ивановича звали Михайла Пугач, а «пугач» по-украински означает «филин»… Семья Пугачевых жила в Зимовейской

станице давно. Казаками были и отец его, Иван Михайлович, и дед Михайло, прозвище которого Пугач обусловило их фамилию Пугачевы».

В основу рассказа о покушении на картину «Иван Грозный» легли воспоминания К.И. Чуковского из его книги «Репин» (явления 3 и 4). Для написания явления 5 – Репин и Остроухов перед поврежденной картиной – автор использовал материалы тогдашней прессы («Новое время», «Русское слово», «Утро» и др.). Диспут в «Бубновом валете» (явление 6) написан по книге М. Волошина «О Репине», изданной в 1913 году.

Разговор Репина и Чистякова о «Деловом дворе» и намерении художника навсегда вернуться в Чугуев (явление 8) написан по воспоминаниям К.И. Чуковского, письмам И.Е. Репина к журналисту В.В. Уманову-Каплуновскому и сыну Юрию (1913), а также по письму П.П. Чистякова к И.Е. Репину (1914), в котором Чистяков отговаривает Репина возвращаться в Чугуев «навсегда»: «…Счастливые мы люди, художники, все нам не важно, свое дело любим и до самой старости молоды и все ждем чего-то… Мне восемьдесят два года, хворал четыре года, теперь поправляюсь и… гляжу в прошлое дорогое… теряется в прекрасной дали – в юности. Взглянул вперед – близенько, не убежишь. Закон свершился, путь пройден… Что это, родной мой, Вы уезжаете в Чугуев навсегда? Репин Илья Ефимович и в Чугуеве навсегда… Как это больно для меня. Зачем хоронить себя, ведь Вы – Илья Ефимович Репин, Вы в Питере жизнь свою сложили. Ведь много ли таких на свете, не говорю – в Питере и в Чугуеве… Искусство – святое дело, но сидеть в пещере, созерцая искусство, не следует. Оно требует не одну святость, а людскую славу и средства». (П.П. Чистяков «Письма, записные книжки, воспоминания. 1832 – 1919. М., «Искусство», 1953, с. 295).

Явление 9 написано на основе воспоминаний К.И. Чуковского, приведенных в книге «Илья Репин». Отрывок о П.М. Третьякове (чуть-чуть сокращенный и отредактированный) взят из «Далекого близкого».

«Гопак»

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Финляндия: Куоккала, «Пенаты».

Илья Ефимович Репин – русский художник.

Вера Ильинична – его старшая дочь.

Илья Васильевич – племянник И.Е. Репина.

Павел Ефимович Безруких – советский дипломат и журналист.

Мария Николаевна Кузнецова-Бенуа – певица, дочь художника Н.Д. Кузнецова.

Альфред Альфредович Бенуа – архитектор, ее муж.

Натурщица *(Мэри Яновна Паур)*.

Украина: Днепропетровск. Днепровские пороги.

Дмитрий Иванович Яворницкий – украинский историк.

Серафима Дмитриевна – его вторая жена.

Николай Иванович Струнников – русский художник, ученик И.Е. Репина.

Григорий Шрам – старший над лоцманами.

Никита Омельченко – лоцман.

Петро Носок – лоцман.

Другие ***лоцманы***.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Июль 1925 года. Днепропетровск. В запорожский отдел исторического музея входят его директор Д.И. Яворницкий и художник Н.И. Струнников.

Яворницкий *(пропускает гостя впереди себя)*. Проходите, Николай Иванович, проходите! Давно вы в Днепропетровске не были! Как там Москва? Как наш дядя Гиляй, то есть Владимир Гиляровский? Все такой же могучий казачина, как и был?

Струнников. Все такой же, Дмитрий Иванович.

Яворницкий. А свои длинные усища он еще не обрезал?

Струнников. Боже сохрани!

Яворницкий. А наши песни еще поет?

Струнников. А как же!

Яворницкий. Молодчина! Это у него от матери-украинки! Вот как надо помнить, что твои предки были запорожцами! Русский писатель, а как любит Украину! Кстати, так же, как и вы!

Струнников. Ну, мои родители были русскими, Дмитрий Иванович. Это я уже от Владимира Алексеевича и от вас запорожского духу набрался…

Яворницкий. И от Репина!

Струнников. Да, от Ильи Ефимовича тоже! Я вам до конца своих дней буду благодарен за то, что вы рекомендовали меня – без вас в его мастерскую я никогда не попал бы!

Яворницкий. Попали бы, Николай Иванович, – у вас есть талант! Знаете, что он мне написал после того, как взял вас в свою академическую мастерскую? «Рекомендованный Вами и Гиляровским ученик делает хорошие успехи в живописи». В устах великого Репина – это большая похвала! А каких прекрасных успехов вы добились – сегодня может увидеть каждый в нашем музее! Вот, пожалуйста, ваш знаменитый «Козак в бою», нарисованный когда-то в Москве на двери моей квартиры! Дальше – «Портрет запорожца»,

написанный вами с нашего прославленного Ивана Поддубного, еще дальше – «Подвыпивший запорожец»! А еще у меня дома есть ваша настенная роспись «Тарас Бульба с сыновьями»! Если собрать все изображения запорожцев, которых вы когда-либо рисовали, то ей-богу, наберется полкуреня!

Струнников. Жаль, что от «Козака в бою» вам только верхняя часть досталась…

Яворницкий. Это еще и так хорошо – Бахрушин вообще не хотел мне эту картину отдавать! «Дверь моя, – говорит. – Значит, и картина – моя!» «Но Струнников мне этого запорожца нарисовал!» – возражаю. А он и слушать не хочет: «Дом мой и дверь моя!» Пришлось судиться. Вот судьи и постановили: распилить дверь пополам и бросить жребий. Слава Богу, мне досталась верхняя часть двери и козака. А ему – штаны и то, что в штанах!

Струнников. Так ему и надо… Но все равно жаль – и пистоли, и саблю отрезали…

Яворницкий. Ничего, Николай Иванович, пистолей и сабель в запорожском отделе нашего музея хватает! Вот посмотрите: при входе три козацкие пушки стоят, а там, дальше – фальконеты, ружья, пистоли, пороховницы, копья… А сабель сколько! Да еще каких! У нас есть даже сабля последнего кошевого Запорожской Сечи Иосифа Гладкого – лезвие сделано из добротной стали, рукоять изготовлена из слоновой кости, ножны сверху украшены серебром с черными узорами! Как жаль, что такого оружия не было перед Репиным, когда он своих «Запорожцев» рисовал… И не только оружия! Вы поглядите на эти войсковые клейноды! О подобных «клейнодах» летописец Самойло Величко когда-то писал так: «…корогов златописанная, барзо красная; бунчук, тож велце модній, з позолоцістою галкою и древцем, булава срібная позлоцістая, зело майстерно зділанная и каменіем честним украшенная; печать сребная войсковая и котли новіи мідніи великіи з добошем». Вот! А сколько тут козацкой одежды, посуды, инвентаря! Наш исторический музей считается самым большим в мире по количеству и ценности запорожских реликвий – у нас более 2300 экспонатов про запорожцев! А какие оригинальные есть экспонаты! Видите эту кварту, из которой запорожцы горилку пили? Что в ней

поместится 10 наших чарок – это одно, а другое то, что с одной стороны у нее ручка, а с другой – дуля с дерева! И, когда кто-то пил из этой кварты, то тот, кто смотрел на него, получал дулю. Какая это изюминка на картине «Запорожцы» была бы!

Струнников. Да, тут у Ильи Ефимовича глаза разбегались бы от такого роскошного материала…

Яворницкий. Это же он после 17-го года в Финляндии оказался вместе со своей дачей… Вы не слышали: как ему там живется, на той чужбине?..

Струнников. Одиноко ему там живется, Дмитрий Иванович, – его вторая жена умерла от чахотки еще перед войной… Сейчас, говорят, при нем живет только дочь Вера и еще кто-то из детей, а также племянник, сын покойного брата Василия…

Яворницкий. А друзья, а художественные выставки? Как ему без всего этого?

Струнников. Я думаю, что тоже тяжело…

Яворницкий *(задумчиво)*. Надо написать Илье Ефимовичу. Непременно! Завтра же напишу и пошлю свои новые книги. Если бы поехать к нему, или если бы он мог в Днепропетровск приехать! Но теперь столько хлопот с разными визами… Да и дорога неблизкая, и года… Хоть бандероль надо послать! Я представляю, как ему там одиноко…

Струнников. Наверное, так оно и есть. Но после революции много наших художников оказалось за границей – будем надеяться, что они там друг друга не забывают…

Явление 2

1926 год. Финляндия, Куоккала. Усадьба И.Е. Репина «Пенаты». От обеденного круглого стола переходят в просторную гостиную с роялем Илья Ефимович, его дочь Вера Ильинична, племянник Илья Васильевич, а также гости Репина – дочь художника Н.Д. Кузнецова, певица Мария Николаевна Кузнецова-Бенуа и ее муж, архитектор Альфред Альфредович Бенуа.

Альфред Альфредович. Спасибо за прекрасный ужин, Илья Ефимович, – мясные блюда были особенно вкусные! Вы правильно сделали, что отказались от вегетарианской пищи…

Репин. Для этого были две очень серьезные причины, Альфред Альфредович. Во-первых, употреблять мясо мне настойчиво посоветовали врачи. А во-вторых, здесь, за границей, нам всем хватает и духовного вегетарианства… Ни русской оперы, ни постоянных русских художественных выставок, к которым мы привыкли в России, – ничего этого нет, совершенно ничего! Мы как узнали, что Мария Николаевна дает свой сольный концерт в Выборге, так полдня от радости танцевали!

Вера Ильинична. Папа, финны уже давно переименовали наш Выборг в Виипури…

Репин. Вот видите – даже наш город переименован! Вот оно – настоящее вегетарианство! И вдруг читаем – «С сольным концертом выступит известная русская оперная певица и танцовщица, в прошлом солистка Мариинского театра Мария Николаевна Кузнецова-Бенуа. В репертуаре певицы – песни зарубежных композиторов, испанские танцы, арии Татьяны и Людмилы из опер «Евгений Онегин» и «Руслан и Людмила», а также романсы Чайковского, Рахманинова, русские и украинские народные песни»! *(Кузнецовой)*. Ах, как вы пели, Мария Николаевна! Как восхитительно вы там пели! Даже одна, без Шаляпина и без Собинова, вы заставляли зал плакать и восторгаться, восторгаться и опять плакать! А как вы плясали испанские танцы с кастаньетами в руках, все такая же стройная и грациозная, как и на портрете 1901 года! Чудеса!!!

Мария Николаевна. Спасибо, Илья Ефимович, – и за цветы на концерте, и за то, что пригласили нас в свои «Пенаты»! Для нас тоже огромное счастье – видеть и слушать вас!

Репин. Да что меня, старика, слушать… Вот вы!.. У вас все тот же божественный голос – когда вы пели романс «Не пробуждай воспоминаний», я не мог сдержать слез…

Мария Николаевна. Больше всего я люблю его петь дуэтом – с Шаляпиным у нас очень хорошо получалось… Но теперь на сцене этот романс я пою соло, а дома – с мужем! *(Показала на Альфреда Альфредовича)*.

Репин *(улыбнулся)*. Тогда считайте, что вы дома! *(Бенуа)*. Альфред Альфредович, пожалуйста, спойте вместе с Марией Николаевной – это будет такая память для наших «Пенат»!

Альфред Альфредович. Для вас спою, Илья Ефимович. Только помните, что я – не Шаляпин…

Репин. Ничего страшного. Вера тоже – не виртуоз Рубинштейн, но на рояле вам подыграет… *(Обернулся к дочери)*. Правда, Вера?

Вера Ильинична *(радостно)*. Конечно!

Репин. У нас еще и скрипач есть – мой племянник Илья Васильевич. *(Показал на племянника)*. Он очень хорошо играет.

Мария Николаевна. Это не удивительно – ведь Василий Ефимович был одним из лучших музыкантов в оркестре нашего Мариинского театра! *(Племяннику Репина)*. Подыграете нам, Илья Васильевич?

Племянник. С удовольствием! Моя скрипка всегда рядом, Мария Николаевна!

Мария Николаевна. Вот и хорошо.

Вера Ильинична садится за рояль, Илья Васильевич берет скрипку, и они начинают играть. Мария Николаевна с мужем поют.

Не пробуждай воспоминаний
Минувших дней, минувших дней –
Не возродишь былых желаний
В душе моей, в душе моей.

И на меня свой взор опасный
Не устремляй, не устремляй,
Мечтой любви, мечтой прекрасной
Не увлекай, не увлекай.

Однажды счастье в жизни этой
Вкушаем мы, вкушаем мы.
Святым огнем любви согреты,
Оживлены, оживлены.

Но кто ее огонь священный
Мог погасить, мог погасить,
Тому уж жизни незабвенной
Не возвратить, не возвратить!

Репин *(утирая скупую слезу)*. Боже, какое чудо – я вживую слушаю русские романсы… Мы же здесь, Мария Николаевна, только радио слушаем: то концерт из России передают, то – «Бориса Годунова» или «Запорожца за Дунаем»… И вдруг – вы с такими живыми и божественными голосами! Как счастлив Николай Дмитриевич, что может слушать свою Марусю в Париже! Недавно он прислал нам оттуда свое дружеское письмо – так Вера подхватила и стала с ним танцевать! А потом мы любовались его фотографией… Ах, какой он еще козак! Почти не изменился с тех пор, как я писал с него полковника на своих «Запорожцах»! И с побелевшими усами он живо представляет Запорожье! Давно я не видел его работ, но его картина «На заробітки» часто стоит у меня перед глазами… Помните украинских селян, которые идут зарабатывать себе на хлеб? Идут в постолах, босые, усталые… Везут свои убогие пожитки на одноконном возу… Это и мы теперь такие здесь, за границей…

Мария Николаевна. Да, тут многие наши соотечественники ищут хоть какую-нибудь работу… Знаете, что мы хотим сделать в следующем году, Илья Ефимович? Организовать компанию «Русская частная опера в Париже» и пригласить туда оперных певцов, которые покинули Россию! А первыми нашими постановками будут оперы «Садко» Римского-Корсакова и «Сорочинская ярмарка» Мусоргского…

Репин. Вот какие вы молодцы! Правильно, своих надо поддерживать и свое надо не забывать! Мария Николаевна, помните, вы на концерте пели веселую украинскую песню под мелодию гопака?

Мария Николаевна. «Выйды, Грыцю, на вулыцю…»

Репин. Вот-вот! Вы ее пели, пританцовывая с кастаньетами… Мне эта песня всегда нравилась, а в последние полгода – покоя не дает! Даже сам себе удивляюсь – что это на старости лет меня на гопак потянуло?

Альфред Альфредович. Николай Дмитриевич эту песню тоже обожает – мы часто поем ее в нашем семейном кругу.

Мария Николаевна. А публике она всегда поднимает настроение! *(Обернулась к Вере Ильиничне)*. Вера Ильинична, вы сможете нам ее подыграть?

Вера Ильинична. Смогу!

Мария Николаевна. А Илья Васильевич?

Репин. А он тем более сможет, Мария Николаевна, – брат Василий передал ему весь свой украинский репертуар!

Мария Николаевна. Тогда приготовьтесь плясать гопак, Илья Ефимович, – кастаньеты у меня с собой…

Илья Васильевич прикладывает к плечу скрипку, Вера Ильинична тоже начинает играть. Мария Николаевна берет кастаньеты, и они с мужем поют, пританцовывая.

Вийди, Грицю, на вулицю!
Вийди помаленьку!
Заграй мені в сопілочку
Стиха, потихеньку!

Сопілочка з деревця,
Дубовеє денце.
Якби в мене, молодця,
Таке щире серце.

А у мене шаровари

Сліди замітають,
У кишені три таляри,
Та й ті заважають.

Сопілочка з деревця,
Дубовеє денце.
Якби в мене, молодця,
Таке щире серце.

Один таляр – на танець.
Другий – на вечірку.
А на третій куплю меду, –
Почастую дівку.

Сопілочка з деревця,
Дубовеє денце.
Якби в мене, молодця,
Таке щире серце.

Явление 3

Дом Яворницкого в Днепропетровске, его рабочий кабинет. Дмитрий Иванович сидит за письменным столом и работает над рукописью: слева от него, перед настольной лампой с зеленим абажуром, лежат какие-то старинные книги; справа стоит несколько фотографий, на одной из которых профиль Репина и подпись: «Щирому землякові Дмитру Ивановичу Яворницкому. Илья Репін. СПб, 1898». Осторожно входит жена историка Серафима Дмитриевна.

Серафима Дмитриевна. Прости, Дмитрий, что отвлеку тебя от работы… Приехал кодацкий лоцман Григорий Шрам – он хочет с тобой поговорить по очень важному делу…

Яворницкий. Приглашай, пусть входит – это человек серьезный, он понапрасну беспокоить не станет.

Жена уходит, и вскоре на пороге показывается давний приятель Яворницкого, кодацкий лоцман Григорий Шрам – крепкий стройный мужчина лет пятидесяти.

Шрам. Здравствуйте, козацкий батьку…

Яворницкий *(поднимается ему навстречу).* Доброго здоровья, Григорий! Что-то серьезное случилось, что вы оставили своих лоцманов и Кодак?

Шрам. Еще не случилось, Дмитрий Иванович… Но скоро случится… Вы слышали про Днепрострой?

Яворницкий. Не только слышал, но и читал… *(Показывает какой-то журнал)*. Вот в журнале «Заря» про это подробно написано. *(Читает)*. «Дело с Днепростроем вступило, наверное, в последнюю стадию своего решения. Комиссия тов. Троцкого уже завершает работу. Недавно комиссия обсуждала проект Днепростроя проф. Александрова в обоих вариантах с технической и сметной стороны. Оба варианта (одна или две плотины) предусматривают мощность Днепростроя в 350 тысяч лошадиных сил на первый период и 650 – на второй. Проект поражает своим величием. Станция будет самим большим гидроэлектрическим сооружением в Европе. После возведения плотин через Днепр высотой в 37-м метров, река зальет берега на 90 верст вверх от Запорожья. Много сел придется перенести. Шлюзы дадут возможность пароходам проходить пороги…» *(Положил журнал на стол)*.

Шрам. Что же это получается, Дмитрий Иванович? Зальют наши днепровские пороги?!

Яворницкий. Зальют…

Шрам. И уйдут под воду – Кодацкий, Сурский, Лоханский, Звонецкий?

Яворницкий. Уйдут…

Шрам. И Ненасытец уйдет под воду?

Яворницкий. И Ненасытец…

Шрам. И Вовниговский, Будильский, Лишний, Вольный?

Яворницкий. Все девять, Григорий… Все… Вы же слышали – «шлюзы дадут возможность пароходам проходить пороги», а наши села будут освещаться «самим большим гидроэлектрическим сооружением в Европе»…

Шрам *(с болью)*. Те села, которые окажутся под водой, будут освещаться? Раки им будут светить, а не электрические огни!

Яворницкий *(тяжело вздохнул)*. Мы этого уже не сможем предотвратить, Григорий… Единственное, что мы можем сделать, – это провести раскопки в этих святых местах и сохранить для потомков все, что можно. А днепровские пороги надо сфотографировать, подробно описать и издать альбом «Дніпрові пороги». Видите эту рукопись? Я даже работу над своим «Словником живої народної мови» отложил и пишу историческое исследование этой части Днепра. А в ближайшее время будет создана специальная комиссия, и мы приедем к вам фотографировать пороги и производить раскопки…

Явление 4

Яворницкий дальше продолжает работать над рукописью. Снова входит Серафима Дмитриевна. На этот раз она молча останавливается у двери и ждет, пока муж сам к ней обернется. Дмитрий Иванович отрывается от бумаг и медленно поворачивает голову – жена радостно поднимает конверт над своей головой: смотри, мол!

Яворницкий. От кого?

Серафима Дмитриевна. Угадай! Пока не угадаешь – не отдам!

Яворницкий. Симочка, не тяни – если я начну перечислять всех, кто мне пишет, то у тебя борщ выкипит и кастрюля сгорит!

Серафима Дмитриевна. Тогда назови того, кто тебе давно не писал…

Яворницкий *(даже со стула поднялся)*. Репин?!

Серафима Дмитриевна. Репин! *(Показывает на обратный адрес)*. «Финляндия, Куоккала, «Пенаты». Видишь, как быстро он ответил!

Яворницкий. Господи, я глазам не верю… Давай сюда… *(Берет конверт, открывает его и взволнованно читает)*. «Дорогой Дмитрий Иванович. Еще издали узнал Ваш автограф и очень обрадовался: значит, жив, а говорили, так болен, что едва выживет… Да, слава Богу, жив, здоров и все такая же нежная, молодая казацкая душа, любящая свою Украину… А я каждый день вспоминаю Вас: *под большим секретом* признаюсь Вам, что я опять взялся за *Запорожье*!

Ну, разумеется, опять пошла в ход вся *Украина*. С какой радостью и каким-то родственным трепетом сердца, с жадностью я перечитываю все, что нашлось… Ну, разумеется, начиная с Вас: «Эварницкий – Запорожье» и Эрих Ласотта и все, все, что нашлось. Южнорусские песни и т.д. Эх, память ушла! А тут еще *казус*: я имел слабость продать *в Праге* самые лучшие этюды, собранные в 1881 году. Дорого бы я дал теперь за них… Несмотря на старость, я набрел на *хороший* сюжет: *Сечь*, вся Сичь в праздности – веселый час: танцы, *гопак*… Опять Запорожье, и опять Вы мой ментор Вергилий… Я стою перед Вами на коленях, *в позе приемлющего благословение*… Костер Запорожья… еще не угас передо мною: теперь опять все перечитываю… Ах, Ваши книги, Ваши книги!.. Я почувствовал себя очень хорошо, когда стал читать Вашу книгу: о, цей «За чужий гріх»! Главная радость: я все *понимаю*. И даже настолько понимаю, что чувствую и сознаю, какой это красивый и легкий язык… Сам я становлюсь подслеповат… На мое счастье, со мной живет племянник мой, сын моего покойного брата Василия – Илья Репин. Он очень хорошо читает не только по-русски, но и по-украински, и я наслаждаюсь, слушая это хорошее чтение этого красивого языка… Большое спасибо за сообщение о Вашей супруге Серафиме Дмитриевне… Очень буду рад получить от Вас что-нибудь об *запорожцах*. Нет ничего занятнее наших ЛЫЦАРЕЙ!!.. А пока мой «Гопак», посвященный памяти М.П. Мусоргского, еще долго подождет… Жаль, и Вы и Ваш музей так далеко… Ах, как жаль, но об этом и думать нечего – мне на Днепре уже не быть… Поздно… Вас всегда, и особенно теперь, вспоминающий и всего лучшего желающий *Илья Репин*».

Серафима Дмитриевна. Слава Богу, он жив и здоров! Даже запорожцев рисует!

Яворницкий. Чудеса, как он сам любит повторять! Чудеса!!! Но как он будет рисовать свой «Гопак», если потерял этюды? Без конкретных лиц Илья Ефимович никогда ничего не рисовал! Надо что-то придумать… Я ему фотографии наших лоцманов пошлю! У меня есть Григорий Шрам, Федот Хотич, Петро Носок… А еще есть седоусые старики из Капуливки, где когда-то

была Старая Сечь! На первый раз хватит, а потом я что-нибудь подыщу… Главное, чтобы он был здоров, и у него хватило сил рисовать!

Явление 5

Куоккала, «Пенаты». На большом холсте, выше человеческого роста, Репин рисует запорожцев, которые танцуют гопак. Ему позирует племянник Илья Васильевич: в красной рубахе, таких же красных шароварах и с саблей на левом боку он стоит напротив художника, вытянув перед собой руки, будто в танце (это очень напоминает позу запорожца, нарисованного в правом углу). Илья Ефимович время от времени отходит от картины, присматривается к ней и напевает: «А у мене шаровари Сліди замітають. У кишені три таляри Та й ті заважають. Сопілочка з деревця, Дубовеє денце. Якби в мене, молодця, Таке щире серце!»

Репин. Ты еще не устал, Илья?

Племянник. Я – нет, дядя, а вот вы сегодня «добряче натанцювалыся»…

Репин. Ну, на то картина и называется «Гопак»! Это еще хорошо, что я не вприсядку возле нее танцую! Полгода уже, наверное, или сколько?

Племянник. Да не меньше…

Репин. О! Полгода! Это много как на 83 года… Если бы мне хоть семьдесят! Да если бы не болела рука! Да если бы я сохранил этюды, которые рисовал еще для своих «Запорожцев» на Хортице! Теперь уже не вернешь – ни этюдов, ни прожитых лет… Хорошо, что я бандуру, шаровары и саблю с тех времен сохранил! Да еще спасибо Яворницкому – он прислал мне фотографии днепровских лоцманов! Вот посмотри, Илья… *(Показывает племяннику снимки, которые лежат тут же, под рукой)*. Лоцман Грицько Шрам!.. Просто загляденье!!! А Петро Носок – разве не видно породы?

Племянник. Настоящие лыцари!

Репин. Правда, Илья?! Эх, мне бы сейчас к Дмитрию Ивановичу, на Хортицу… Натуру ведь искать надо! Когда я рисовал «Бурлаков», мы с твоим отцом, а моим братом Василием даже на Волгу ездили, и именно там я встретил

своего Канина, который на картине идет впереди всех! А помнишь старого отставного деда, который на «Запорожцах» курит самую большую трубку?

Племянник. Помню – потешный дед у вас получился!

Репин. Вот! Всем он понравился! А я же его на обычной переправе аж под Александровском нашел!

Племянник. Теперь это уже Запорожье, кажется…

Репин. Да… Запорожье… Красивый город, но я туда больше не попаду… А как бы хотелось еще попасть! *(Показал на картину)*. Я же взял место последней Сечи – Томакивка, Базавлук, Капуливка, Чортомлык, Покровское… В Покровском мы с Серовым купались в Днепре (он тогда был в качестве джуры возле меня). А потом переплывали на остров и искали там подковки к сапогам и все, что уцелело… О нас уже ходила легенда, что мы ищем клады… И эти люди даже не догадывались, что со своими песнями, обрядами и вышитыми сорочками они сами были для меня бесценным кладом! Как мне сейчас хочется туда! Никуда больше так не хочу! Только у Яворницкого на Запорожье – вот моя хата…

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 6

Берег Днепра рядом с Кодацким порогом. Вечереет. Посреди квадрата из четырех колод (с песком внутри) горит огонь и парует большой котел. Возле него поварничает Никита Омельченко. Вокруг костра сидят Григорий Шрам, Петро Носок и другие лоцманы и слушают Яворницкого.

Яворницкий. Что я вам расскажу про наши раскопки? Мы пригласили десять самых опытных археологов и исследуем на территории Днепростроя острова, крепости, пороги, пещеры, старые кладбища… Ночуем под открытым небом на островах и целыми днями копаемся в курганах… Откопали уже более 30 тысяч вещей и сделали больше 1000 фотографий… Среди найденных

реликвий – запорожские пушки, ружья, сабли… Много есть инвентаря и вещей домашнего обихода…

Кто-то из лоцманов. А хоть один клад нашли, Дмитрий Иванович?

Яворницкий. Это все – клад, потому что это – наша история. Но если говорить о закопанном золоте и серебре, то я вас расскажу одну легенду… Вы, наверное, знаете *Стрелецкую скалу*, которая идет сразу за Лоханским порогом?

Шрам. А как же! Это очень красивый остров…

Яворницкий. Да, он поражает своей красотой – говорят, что даже немой вскрикнет от восхищения, когда его увидит! Им любовался и о нем писал еще французский инженер Боплан, который строил крепость Кодак! Так вот… Про этот Стрелецкий остров издавна ходит молва, что на нем зарыт большой клад, а закопали его, говорят, запорожцы. Запорожцы вырыли там глубокую яму, положили туда золото, серебро, ружья и засыпали все это песком. Потом разложили на этом песке какого-то хлопца и давай его сечь; секли, секли, а потом спрашивают: «А знаешь ты, за что мы тебя сечем?» – «Нет, не знаю», – говорит хлопец, а сам плачет. Давай они его повторно сечь. Секли, секли, перестали и снова спрашивают: «А что, знаешь?» – «Ой, татусеньки родненькие, не знаю». Давай в третий раз. Кричал тот хлопчик, кричал, пока не охрип. «Хватит», – говорят. И давай спрашивать: «Скажи, скурвый сыну, за что ми тебя сечем?» – «За то, чтобы помнил, где положили клад». «Ну, – говорят, – догадался; осмотрись и иди себе с Богом». Это было, когда Сечь разрушали. Через несколько десятков лет из Киевской губернии один дед гнал плот по Днепру. Догнал до слободы Волоской и пошел искать клад на Стрелецкий остров. Но это место уже было завалено камнями, долго он его искал, да так и не нашел…

Шрам. Ох, Дмитрий Иванович… Если собрать все легенды да вспомнить, где, кого и когда на этом свете секли, то получается, что у нас где не копни, то клад откопаешь…

Яворницкий. Это правда!

Носок. Но клада со Стрелецкого острова уже никто никогда не откопает – пойдет он ко дну вместе с островом…

Яворницкий. Пойдет… Поэтому у меня и возникла идея, чтобы мы уже после раскопок, перед затоплением порогов, прошли на дубе старым козацким ходом и в последний раз полюбовались нашими сокровищами! Как на это смотрит лоцманское товарищество?

Шрам. Прекрасная идея, Дмитрий Иванович. Как только закончите раскопки, сразу и организуем наш последний поход…

Яворницкий. Вот и хорошо.

Шрам. А сейчас приглашаем вас отведать нашей лоцманской каши, Дмитрий Иванович! *(Омельченко)*. Каша готова, Никита?

Омельченко. А как же! И каша, И уха из сома, марены и судака! Прошу всех к столу! *(Раскладывает на чистой доске белые куски сома и судака)*.

Яворницкий *(приложив руку к сердцу)*. Спасибо за приглашение… Я знаю, какую вкусную кашу лоцманы умеют готовить, – такой в самых лучших ресторанах не найдешь! Но погодите! Я кое-что с собою привез… *(Достает из торбы четырехгранный высокий штоф темно-зеленого цвета)*. Видите? Это – настоящая запорожская горилка! Из козацкой могилы выкопали! Словно для этого случая она двести лет в земле пролежала… Давайте чарки…

Омельченко. Чарок нет, Дмитрий Иванович. На плотах и так шатко, поэтому лоцманы во время сплава – ни-ни…

Яворницкий. От полглотка этой, давней, никто не захмелеет, ручаюсь! Это – чисто символический ритуал! Подставляйте ложки! Надо же вам попробовать, какую горилку когда-то варили! *(Наливает всем понемножку в деревянные ложки)*.

Носок. А густое и черное, как смола… Как его пить?..

Яворницкий. Вот так и пить! Запорожец не боялся пить даже смолу! Ну, за славу наших предков! Пейте, только не кривитесь!

Пригубили ложки.

Шрам. Я не сказал бы, что она очень крепкая, эта горилка… Разве чуть-чуть сладкая…

Носок. Наверное, со временем выдохлась…

Яворницкий. Это не беда… Главное, чтобы мы, потомки запорожцев, не выдыхались…

Шрам. Что вы, Дмитрий Иванович! Наши лоцманы никогда не забывают, чьи они потомки! А ну, хлопцы, поддержите своего старшего… *(Первый затягивает песню)*.

Їхав, їхав козак містом,
Під копитом камінь тріснув. Раз-два!

Під копитом камінь тріснув. Раз…

Під копитом камінь тріснув,
Соловейко в гаю свиснув. Раз-два!

Соловейко в гаю свиснув. Раз…

Соловейку, рідний брате,
Виклич мені дівча з хати. Раз-два!

Виклич мені дівча з хати. Раз…

Щось ї маю запитати,
Чи не била вчора мати? Раз-два!

Чи не била вчора мати? Раз…

Ой чи била, чи не била –
Я з козаком говорила! Раз-два!

Я з козаком говорила! Раз…

Яворницкий *(любуется лоцманами)*. Вот они – настоящие потомки запорожцев! Вот кто должен был бы позировать Илье Ефимовичу для

«Гопака»! Как жаль, что его здесь нет! *(Сокрушенно)*. И с кого он, бедный, на той чужбине свою картину рисует?..

Шрам. Вы о ком, Дмитрий Иванович?

Яворницкий. О Репине, который создал шедевр «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Он сейчас живет в Финляндии и рисует картину «Гопак»!

Явление 7

Мастерская Репина в «Пенатах». Перед высоким холстом (пока что невидимым для зрителя) стоит Илья Ефимович и рисует голую Натурщицу, которая сидит на диване, прижимая рукой игрушечную собачку к левой ноге. За большим полотном находится картина поменьше, ее тоже пока не видно.

Натурщица. Илья Ефимович, вы уже девятый сеанс меня в такой позе рисуете…

Репин. Вам надоело, Мэри Яновна?

Натурщица. Нет, что вы! Просто я думаю – а может, я тоже стала вас расхолаживать, как и предыдущая модель?

Репин. Не волнуйтесь, Мэри Яновна, вы – прекрасная модель! Смотрите, сколько я уже нарисовал! Видите – сразу две картины получается! *(Показывает на картины)*.

Натурщица. Почему же вы не хотите мне их показать?

Репин. Потерпите немного, еще покажу. На одной из них вы себя не узнаете – уверяю…

Натурщица. А собачка там будет игрушечная, как сейчас? *(Показала рукой на собачку и погладила ее)*.

Репин. Нет, Мэри Яновна. Собачку я потом отдельно дорисую. Сейчас я не хочу, чтобы живая отвлекала и вас, и меня … Положите обратно левую руку на спину собачки, как я вас просил – ровно и с направленным на меня большим пальцем…

Натурщица *(кладет)*. Так хорошо?

Репин. Да, да, так нормально. *(Рисует дальше)*.

Сценический круг немного поворачивается, холст открывается зрителям – и становится видно, что Репин рисует картину «Гопак».

Репин *(подрисовывая пальцы на руке запорожца, который перепрыгивает через костер)*. Так, с рукой и растопыренными пальцами я, кажется, уже справился… Теперь улыбнитесь и закройте глаза – мне надо поправить опущенные ресницы… *(Показывает кистью на глаза запорожца, который заливается смехом, зажмурившись и опрокинув голову назад)*.

Натурщица *(закрыв глаза)*. Вот так?

Репин. Да. *(Быстро рисует)*. Хорошо, очень хорошо… Тут чуть-чуть подрисуем и тут тоже… Так, и ресницы вроде бы нормально получились… *(Показывает кистью на рыжие усы своего героя)*. Теперь надо немного поправить усы…

Натурщица. Какие усы? Вы меня… с усами рисуете?!

Репин. Ну что вы, Мэри Яновна! Боже упаси! Я себе никогда не позволил бы так обидеть женщину, которая уже семь лет служит моделью для всех моих картин!

Натурщица *(догадливо улыбнулась)*. Ага, значит, вы меня опять для какой-то картины рисуете? Да?

Репин. Да, Мэри Яновна. *(Вздохнул)*. Ну, если уж я проговорился, то так тому и быть – покажу вам свою новую картину… Набросьте халат и подойдите сюда…

Натурщица надевает халат и подходит к картине.

Репин. Вот, полюбуйтесь на моих запорожцев. Картина называется «Гопак» – это такой украинский танец.

Натурщица. Я знаю, Илья Ефимович. Но я никак не предполагала, что могу служить моделью для запорожцев!

Репин. А почему бы и нет? Если вы помните, ваши руки позировали мне для рук Иисуса Христа, когда он выходил из гроба при лунном освещении, для Фомы Неверного, когда он вкладывал свои персты в раны воскресшего Христа, и даже для рук горбуна в «Крестном ходе в дубовом лесу», где он идет, опираясь на посох! Почему же ваши руки не могут служить для написания рук запорожцев? Вам еще и шаровары одеть придется! Помните, как вы были Фомой Неверным и в распеченной солнцем студии сидели в теплом хитоне с вытянутой рукой?

Натурщица. А потом потеряла сознание от жары… Конечно, помню…

Репин. В шароварах жарко не будет, Мэри Яновна! Я вам обещаю! А что касается вашего портрета, то – вот он! *(Разворачивает второй мольберт и показывает картину «Натурщица», написанную в 1920-е годы)*. Лет десять тому назад я уже писал подобную картину. Она называлась «Натурщица с собакой». Но та модель меня действительно расхолаживала, а вы – наоборот: зажигаете на творческую работу! Вот мне и захотелось повторить этот сюжет, а заодно использовать ваши руки для написания рук запорожцев!

Натурщица *(сравнивает холсты)*. А эти картины кое-чем и вправду похожи – наши левые руки почти одинаково вытянутые, пальцы так же растопырены, веки на глазах опущены – и у меня, и у этого запорожца, лицо раскраснелось у меня и у него, и даже зелень такая же яркая – на обоих холстах…

Репин. Вот видите!

Натурщица. А я думала, что писать обнаженную женщину и запорожцев для художника – несовместимо…

Репин. В молодости – да. Потому что тогда женщина отвлекает… А на старость – наоборот! Присутствие молодой красивой женщины придает художнику силу и уверенность в себе! Вы думаете, почему старые художники, писатели или артисты часто женятся на молодых? Чтобы держать себя в форме! При пожилой жене художник еще быстрее старится, а при молодой – он вынужден если не молодеть, то во всяком случае молодиться!

Натурщица. А вы?

Репин. Я тоже так сделал, когда был стар и одинок… Но теперь – я очень старый… И теперь я подкрепляю свои силы только воспоминаниями о запорожцах и тем молодым светом, который исходит от вас, и, рисуя свою последнюю большую картину – «Гопак», погоняю старую клячу Росинанта вдогонку кровных рысаков…

Явление 8

Яворницкий с женой Серафимой Дмитриевной сидят на берегу Днепра возле Ненасытецкого порога.

Яворницкий. Спасибо, Симочка, что приехала – я тут, на порогах, так занят раскопками, что домой никак вырваться не могу…

Серафима Дмитриевна. Я привезла чистые рубашки. А еще – твои любимые пироги и почту.

Яворницкий. Илья Ефимович написал?

Серафима Дмитриевна. А как же!

Яворницкий. Давай сначала его письмо, это – самое важное! *(Берет письмо, читает)*. «Дорогой Дмитрий Иванович. Какое счастье! Какая радость Ваше письмо! Вы представить себе не можете. И как будто для моей работы. Вы будете фотографировать *Днепр* в местах *последнего Запорожья!..* О! Вот время поехать бы к вам!.. Ах, милый Дмитрий Иванович, Вы лучше меня знаете, в каких *материалах* я нуждаюсь. Да! И *богатырей*, и *плавни*, и *камыши* – вот счастье!.. И развесистый дуб *над Днепром*, и все, что попадется… Гляжу не нагляжусь на запорожских героев, присланных Вами… Лоцман Грицько Шрам!.. Просто загляденье… А Петро Носок – разве не видно породы?.. От счастья сих подарунків я зовсім одурів і ще маю прохати: як бы яких-небудь парубків, наприклад. Сегодня, 9-го, я получив ще, но ці всі вже *полковники – ні одного хлопья*. А мені як би хотілось заполучить *хлопчаків*! *Без всяких прикрас*, які попадуться, – гуртом, нечесаних… Парубков мне очень требуется. Конечно, гопака танцуют парубки… Я все только и живу Вашими материалами… Недели три я очень плохо себя чувствовал, но все же, опираясь, то на *шкапы*, то на

стены, все же не бросал Сечи – подползал и отползал. Но кончить уже не смогу… А жаль. Картина выходит красивая, веселая. *Гопак*. Даже столетний дид вприсядку пошел… Вашим письмом, дорогой, глубокоуважаемый Дмитрий Иванович, я так обрадовался, что, подобно царю Давиду, готов плясать, как *тот* перед ковчегом… Долго я плясал бы *от радости*, если бы мог *плясать*… После Вашего письма я переписал его все, особенно те места, где Вы описывали Запорожье и много *украинскую природу*… Уж который раз перечитываю Ваше интересное письмо: историческое. Ох, спасибо! Спасибо! Вот одолжили! Да, вот перенесли долгую лютую зиму… Теперь я отогреваюсь в Ваших строках… Вас искренно любящий, с почтительнейшим приветом Серафиме Дмитриевне *Илья Репин*».

Серафима Дмитриевна. Видишь – его согревают твои письма!

Яворницкий. А его письма – мое сердце согревают, когда я в последний раз смотрю на наши пороги… Жаль, что Илья Ефимович сейчас их не видит… Альбом я ему обязательно пошлю, но никакие фотографии никогда не заменят этого чуда… Пойдем на Монастырскую скалу – из нее лучше всего виден наш Ненасытец…

Поднимаются на скалу.

Яворницкий. Вот он, Серафима, Ненасытецкий порог – самый большой и самый грозный изо всех днепровских порогов. *Ненасытец, Дед-порог, Ревучий* – еще и так его называют. Ненасытцем его зовут за то, что забирает все, что может, и никак не насытится… Дедом-порогом – за седой вид постоянно бушующей воды. А Ревучим потому, что ревет на много километров… Он падает двенадцатью лавами! И названия у них – Рваная, Остренькая, Богатырская, Длиннополая, Рогатая… А там вон, ниже Монастырской скалы, видишь страшный водоворот? Это так называемое Пекло – самое опасное место в Ненасытецком пороге. Там вода падает с высоты двух с половиной метров и страшно крутится! Его боятся все лоцманы и всегда о нем говорят: «Попавсь у Пекло, буде тобі і холодно, і тепло!»

Серафима Дмитриевна. Тут и вправду жутко…

Яворницкий. Из-за этого страшного течения только один Ненасытец зимой не замерзает!

Серафима Дмитриевна. А ты еще хочешь напоследок проплыть со своими лоцманами через все днепровские пороги…

Яворницкий. Не волнуйся, лоцманы у нас опытные – с такими как Григорий Шрам, никакое Пекло не страшное! Страшно, что этой красоты уже никто никогда не увидит… Не услышим мы больше, как шумят днепровские пороги – не вернется былая слава…

Явление 9

Репин сидит в своем кабинете и медленно что-то пишет. Входит Вера Ильинична.

Вера Ильинична. Папа, к нам приехал гость из Советской России – тот дипломат, который тебе недавно писал…

Репин. Павел Ефимович? Безруких?

Вера Ильинична. Да.

Репин. Так приглашай его, Вера! Я ведь ему ответил, что он может приехать в наши «Пенаты»! Пускай идет сюда, в кабинет, а вы тем временем готовьте обед!

Вера Ильинична. Хорошо, папа. *(Выходит)*.

Вскоре в кабинет входит строго одетый мужчина лет тридцати пяти. Это – Безруких.

Безруких. Здравствуйте, Илья Ефимович!

Репин *(радостно идет ему навстречу)*. Здравствуйте, Павел Ефимович! Вот как у вас быстро получилось приехать! Что значит – дипломатическая работа! Никаких проволочек с оформлением пропуска на въезд в пограничную зону!

Безруких. Да, это здорово помогает. Но я к вам, собственно, не как дипломат приехал, Илья Ефимович, – у меня поручение от журнала «Жизнь искусства» повидаться с вами и взять у вас интервью…

Репин. Меня в России еще не забыли?

Безруких. Что вы! Ваши картины украшают лучшие советские музеи – Третьяковскую галерею в Москве, Государственный Русский музей в Ленинграде, художественные музеи Киева, Харькова и многих других наших городов!

Репин. Да, да… Хотелось бы еще кое-что написать, но ничего не выходит: болит рука, после нескольких мазков кисть валится на пол. Пробовал писать левой, но пока не ладится. Надо дать отдых руке… А свет какой сегодня – только бы работать! Посмотрите, какая прекрасная и чистая лазурь! Изумительно! Да разве на палитре сразу найдешь нужный цвет? Когда-то в Италии я очень долго искал аквамариновый цвет, и мне казалось, что я, наконец, нашел его, делая этюды на неаполитанском побережье, а когда распаковал эти этюды в Петербурге, был страшно сконфужен: морская вода была похожа на раствор синьки после полосканья белья! Цвет моря иногда удавался, может быть, только Айвазовскому… Впрочем, я не выношу голых пейзажей и особенно морских. В жизни все гораздо лучше. А вот жанровая сцена на фоне пейзажа – это хорошо, тут жизнь, люди… Свои первые, самые яркие впечатления, знаете, где я получил?

Безруких. Наверное, на Волге…

Репин. Нет, гораздо раньше – на украинской ярмарке! Это было что-то незабываемое! Цыгане, меняющие лошадей, неторопливые землеробы, ведущие степенный разговор о ценах на пшеницу, бандуристы, лирники, доморощенные скрипачи и дудари, говорливые бабы-перекупки – все это, словно по волшебству, возникло и завертелось перед моими глазами, когда я впервые попал на осеннюю ярмарку. Я торопливо рисовал то дида с трубкой среди расписной посуды, то бойкую красивую бабу в яркой шерстяной плахте и вышитой кичке… В первый же день я потерял на ярмарке своих спутников и меня приютил у своего воза веселый дядько, торговавший полтавской

сливянкой и грецкими орехами. Вечером возле дядьки собрались любители повеселиться и выпить. Пришли три музыканта со скрипкой, дудой и бубном, и при свете фонарей началось такое веселье, что дух захватывало! Вот молодой козак в необъятных кубовых шароварах, подпоясанный широким малиновым кушаком, в белой вышитой рубахе и серой барашковой шапке, лихо сдвинутой на затылок, выступает на шаг из круга, ударяет в ладоши и в тон музыке подхватывает:

Вдарю, вдарю гопака,
Моя доля така.

«Ану вдар, Іване», – просит дядько. И Иван, а вслед за ним еще трое парубков так ударяют подкованными сапогами, что земля гудит, а пыль и сенная труха тучей поднимаются над возами! Танцоры сменяют друг друга, скрипка с дудой все громче наигрывают зажигательный танец, им с легким рокотом и заливчатым звоном вторит бойкий бубен. «А щоб вам, шибеникам, трясця в бік! Розпалили старого», – дядько с силой бьет шапкой о землю и, как-то боком вывернувшись на середину круга, начинает выделывать ногами такое, что гул одобрения проносится по толпе!.. Трое суток пропадал я на ярмарке и вернулся домой переполненный впечатлениями!

А вечером к нам прибежал мой двоюродный брат Тронька и, едва открыв дверь, выпалил: «Чумаки!» Через минуту мы мчались к широкому шляху – неподалеку от шляха, сразу за шинком, расположился чумацкий табор. Возы по старинному обычаю были поставлены в круг. В центре круга пылали костры. Над самым большим чуть покачивался на цепях закопченный котел. Необъятной толщины чумак в зеленых шароварах и серой свитке ходил вокруг котла с черпаком, держа его на плече, как ружье. Рослые, загорелые чумаки в широких холщовых шароварах и таких же рубахах, подпоясанные цветными кушаками, деловито хозяйничали у возов. Невдалеке от котла расстилали брезент, заменявший стол и скатерть.

– Чи ти не Ілько часом? – окликнул знакомый голос. Передо мной стоял дядько с ярмарки. – Так і є, Ілько! – развел он руками. – Ну, здоров, хлопче!

Немного погодя мы с Тронькой сидели среди чумаков и угощались дорожным харчем – сухими пшеничными коржами, свиным салом, копченой рыбой… Дядько рассказывал легенду о соленом озере Репное, что лежит возле Чугуева.

– Цей хлопчик, Ілько, мабуть із того озера, бо його кличуть Рєпіним, – и дядько раскатисто расхохотался. – Колись давно на місці озера Ріпне стояла солеварня, – продолжал он. – Подружилися солевари із чортом і продали йому душу, а він їм за це солі давав…

Под монотонное журчанье рассказчика я задремал. Проснулся от оглушительного смеха. Дядько только что закончил смешную историю о черте, которого чумак выпорол, и все хохотали до слез. Звонко смеялся, скрестив на груди руки, Тронька. Чумаки изнемогали от хохота, визжали тонкой фистулой, хрипели, кашляли, давились смехом, не в силах выговорить хоть слово.

Много лет спустя, работая над «Запорожцами», я все вспоминал хохочущих чумаков.

Безруких. Это изумительная картина! Алексей Максимович Горький говорил мне, что полюбил вас именно за «Бурлаков» и «Запорожцев», копию с которых он заказал еще в 1901 году! А вам, Илья Ефимович, какая ваша работа особенно дорога?

Репин. Сейчас я больше всего люблю ту картину, которую пишу… А картина, которую я всегда любил больше других, – это «Бурлаки на Волге». Больше других потому, что ею я пробил себе дорогу от застылого академизма к реализму. Меня радовало, что одни разделяли со мной мою любовь к «Бурлакам», а другие глубоко ненавидели. Значит, я попал в самую точку. «Ага, голубчики, – думал я, – задело вас, толстокожих, за живое. Стало быть, хорош инструмент, если задевает!» *(Вздохнул)*. Вот «Бурлаки» разбередили усталую душу, и вспомнилась мне красавица Волга, а по ней плоты, беляны, и песни волжские, и бурлаки… У меня прошла долгая жизнь: были успехи, неудачи, огорчения, радости, труд, любовь – все было. Как хорошо бы начать

снова, сохранив опыт прошедшей жизни… Но уже *пора*, как говорят, – мои родители меня *там* давно заждались…

Безруких. Ваши родители были военными поселенцами, Илья Ефимович?

Репин. Да. Отец мой Ефим Васильевич Репин 25 лет служил в Чугуевском уланском полку, хорошо знался на лошадях и занимался закупкой лошадей для армии, но никакого чина не имел. Был в походах в Персии и в Турции. Когда его угоняли далеко от дома, мы очень бедствовали – я до сих пор помню, как вкусен был черный хлеб с крупной серой солью, но и его давали понемногу. Зато когда отец возвращался, наша жизнь снова налаживалась. Прожил он 90 лет и умер уже в моем имении Здравнево под Витебском, погребен на церковном дворе в селе Слобода. Мать мою звали Татьяна Степановна, урожденная Бочарова. Она была более грамотна (ее братья были кантонистами и вышли в офицеры). В нашем доме она даже завела школу, в которой, кроме нас, училось более десятка осиновских мальчиков и девочек. Матуся умерла в 1880 году и похоронена на Чугуевском кладбище. Моя старшая сестра Устинья, с которой мы очень дружили, умерла 15 лет от роду, когда мне было 13 лет. Нет уже и моего младшего брата Василия, который служил музыкантом в оркестре Мариинского театра… Теперь и мне уж *пора*… *(Положив руку гостю на плечо)*. Ну, пойдемте обедать, Павел Ефимович, – а потом я покажу вам свои мастерские, парк с моей любимой Чугуевской горой, пройдемся по берегу морского залива, посидим на гранитных валунах… Вас – интересуют «Пенаты», меня – интересует Россия: нам еще будет, о чем поговорить…

Явление 10

«Пенаты». Золотая осень. В своем саду, среди желтых листьев, сидит на лавочке Илья Ефимович Репин и задумчиво смотрит не невысокий холм, названный им Чугуевской горой. К нему приближается дочь Вера и еще издали показывает отцу какую-то книгу, подняв ее над головой.

Вера Ильинична. Папа, Дмитрий Иванович Яворницкий прислал нам альбом «Дніпрові пороги»! Тут напечатано его историческое исследование и много фотографий! Это хорошая памятка будет, правда?

Репин *(взял книгу, прижал ее к своей груди)*. Да, только порогов больше не будет… *(Опустил голову)*.

Вера Ильинична. Что с тобой, папа? Ты опять думал о… Чугуевской горе?

Репин. Да, Вера… Я пожил довольно, пора и честь знать… Теперь у меня самая серьезная мысль: моя могила в моем саду… Я часто вижу из окна нижней мастерской это место… Хорошее место… Эти два можжевельника очень похожи на украинские тополя… И гора эта у нас называется Чугуевской… Запомни – меня должны похоронить здесь…

Вера Ильинична. Папа, о чем ты говоришь? Ты еще не дописал «Гопак»! И еще не прочитал «Дніпрові пороги»! *(Показывает на альбом)*.

Репин. Твоя правда: сначала надо прочитать эту великую книгу, а потом уже можно и умирать…

Вера Ильинична. Читать нам будет, как всегда, Илья Васильевич?

Репин. Да, он очень хорошо читает по-украински.

Вера Ильинична. Тогда я его попрошу, чтобы он читал медленно-медленно…

Репин *(улыбнулся)*. Я согласен. Так мы продлим не только мою жизнь, но и наше удовольствие – у Дмитрия Ивановича чудесный слог! И рассказчик он – просто великолепный! *(Читает заглавие)*. «Дніпрові пороги». *(Открыл книгу)*. Какой обширный комментарий, сколько фотографий… «Поріг Кодацький», «Лоханський поріг», «Ненаситець», «Острів Хортиця», «Місце останньої Запорозької Січі»… Ах, какой он молодец! Надо будет еще какой-нибудь этюд с запорожцами для его музея послать – я ему давно обещал. Да, похороны придется отложить… *(Поцеловал книгу, поднялся на ноги и по-молодецки взмахнул рукой)*. Эх!!!

Под Чугуевской горой, на месте своей будущей могилы, держа над головой книгу Д.И. Яворницкого «Дніпрові пороги», Репин поет и пританцовывает:

Сопілочка з деревця,
Дубовеє денце.
Якби в мене, молодця,
Таке щире серце*!

Занавес.

---

*Драма «Гопак» написана на основе переписки И.Е. Репина и Д.И. Яворницкого, которая была прервана войнами и революциями и активно возобновилась в 1925 году. В эти годы Илья Ефимович редко с кем так активно переписывался, как с Дмитрием Ивановичем: из 27 писем за 1927-1930 гг., напечатанных в книге «И.Е. Репин. Письма к художникам и художественным деятелям», 18 писем (две третьих!) – к Яворницкому, который в свою очередь посылал Репину фотографии лоцманов и днепровских порогов, книги о Запорожье, исторические исследования и альбомы.

Письма Репина к Яворницкому автор неоднократно цитирует в явлениях 4 и 8, но всей переписки, конечно же, передать было невозможно. Чтобы читатель почувствовал всю высоту, глубину и теплоту этой переписки, приведу в комментариях только два письма.

Вот письмо Д.И. Яворницкого к И.Е. Репину, написанное в первой половине декабря 1928 года: «Дорогой и возлюбленный мой Илья Ефимович! Посылаю Вам два фотографических снимки с запорожцев Якова и Ивана Шиянов. Оригиналы портретов находятся в Одесском музее; в моем музее хорошие копии, с которых и сняты для Вас фотографии. Братья Шияны – уроженцы Полтавщины, но, покинувши родину, ушли в Запорожскую Січ. В Січі они соорудили на свой кошт иконостас в церковь, за что сичевое товариство оказало им великую пошану: велило художнику списать с них портреты и те портреты повесить в церкви на иконостасе. Вы писали мне, что имевшиеся у Вас снимки с тех портретов где-то, на Вашу досаду, затерялись, так вот я Вам посылаю новые снимки вместо затерявшихся. Конечно, Вы их одухотворите, и они будут на Вашей картине как живые. Пишите, работайте, не падайте духом. Ще не вмерла козацька сила, ще не гинуть наші козацькі голови! Працюйте, поки руки володають. Вам нужно жить не 85 лет, а 150 лет и того мало! Сколько еще моментов в истории Великой России, України, Запорожья, которые Вы можете перенести на полотно! Вот кошевой Иван Сирко с двумя своими

сыновьями из Марефы в Запорожскую Січ едет дивною, очаровательною, уквітчаною всевозможными травами степью. А трава там, по бокам Муравской соймы, т.е. шляху, такая, что волы скрываются с рогами! А птицы сколько? Хмарами летают! И какой птицы? Могучие степные орлы, ястребы, кобцы, величественные дрофили… Там же зайцы, лисицы, целые табуны диких лошадей… А на высоких могилах целое море белого шелковистого ковылу, который блестит на ярком степном солнце и от легкого ветра склоняется то в одну, то в другую сторону. Эх, хорошо бы глянуть на такую картину на полотне!.. Целую Вас крепко, а Вашу правую руку прижимаю к своему сердцу… Д. Яворницкий».

Такие письма Дмитрия Ивановича Яворницкого были для Репина не просто глотком свежего воздуха или бальзамом на рану – на далекой чужбине они, возможно, единственные поддерживали художника на этом свете. «Вашим письмом, дорогой, глубокоуважаемый Дмитрий Иванович, – писал Илья Ефимович 3 июня 1929 года, – я так обрадовался, что, подобно царю Давиду, готов плясать, как *тот* перед ковчегом… Долго я плясал бы уже *от радости*, если бы мог *плясать*… Увы! Я уже едва перевожу ноги… В восторге от Вашего письма, кажется, скакал бы до упаду… И тепло – и к нам пришло тепло… Но зацвела черемуха, надо было остановиться – стало холодно!.. И сегодня уже весь день дождь… И я уж который раз перечитываю Ваше интересное письмо: историческое. Ох, спасибо! Спасибо! Вот одолжили! Чудо! Чудо!.. Да, вот перенесли долгую лютую зиму… Теперь я отогреваюсь в Ваших строках. Да, Ваши строки милые, теплые, и мне хочется сейчас переписать их, особенно то место, где пишете, что глубоко сожалеете о том, что очень далеко *от меня живете*. Вы могли бы мне порассказать о подвигах многих из названных героев: Сирка, Сагайдака, Мороза, Палия, Гордиенки. При других обстоятельствах Хведора Довбню, Кирика Надтоку, Ивана Носа, Кузьму Порывая, Цапли. Также не забудьте преславного запорожского войскового писаря Грицька Рогулю, а с ними и простых рядовых казаков, обессмертивших себя геройскими подвигами, каковы: Дрыга, Юркуша, Мишастый, Горилый, Шило, Чорный, Шульга и многие другие… На сем будьте здоровы».

Чрезвычайно помогли автору и напечатанные в сборнике «Новое о Репине» очерки общественного деятеля, дипломата и журналиста П.Е. Безруких, который в 1926 году посетил «Пенаты» и записал от Ильи Ефимовича Репина просто бесценные воспоминания о Чугуеве и детстве художника, о его встрече с протодиаконом Иваном Улановым (это использовано в драме «Крестный ход»), о чумаках и первой любви, о незабываемых впечатлениях молодого Репина от украинской ярмарки с ее музыками, парубками и зажигательным гопаком (стр. 293-310). В этом же сборнике помещена и статья М.Я. Паур (стр. 281-284), которая в 1920-е годы служила Репину моделью для картины «Натурщица» и других его картин.

«Портрет Званцевой»

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Илья Ефимович Репин *в 44 года,*

Илья Ефимович Репин *в 86 лет* – русский художник.

Вера Ильинична – его старшая дочь.

Елизавета Николаевна Званцева – молодая художница, ученица И. Репина.

Елизавета Николаевна Гаевская – тетка Е.Н. Званцевой.

Павел Петрович Чистяков – живописец, выдающийся педагог.

Василий Васильевич Матэ – художник-гравер и педагог.

Мария Викторовна Шпак – ученица И. Репина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Сентябрь 1930 года. Финляндия, Куоккала, «Пенаты». Тяжело больной 86-летний Репин еле-еле входит в мастерскую. В его руках – портрет Званцевой. Художник подходит к картине «Гопак», возле которой стоит пустой мольберт, и ставит рядом с «Гопаком» портрет любимой девушки. В это время появляется обеспокоенная Вера Ильинична.

Вера Ильинична. Папа, зачем ты встал с постели? У тебя еще не спала температура – ты же еле держишься на ногах!

Репин. Я уже давно на них еле держусь, Вера… Так что ж мне – совсем с постели не вставать?

Вера Ильинична. Но не сейчас же, папа! Зачем тебе, больному, подниматься в мастерскую да еще портреты по ступенькам таскать? Вот зачем тебе сейчас понадобился портрет Званцевой?

Репин. Надо поправить кое-что. Я давно собирался это сделать, но все руки не доходили: то – «Финские знаменитости», то – «Гопак»… А теперь, когда мои запорожцы уже разогрелись возле костра, надо и Елизавете Николаевне уделить немного внимания… Не волнуйся – мне уже легче…

Вера Ильинична. Ладно, тебя все равно не переубедишь… Я пойду готовить обед, а ты долго здесь не задерживайся. Хорошо?

Репин. Хорошо, хорошо. Иди хозяйничай. Я быстро справлюсь: я не все собираюсь поправлять – только фон…

Дочь уходит. Репин ставит возле портрета Званцевой букет бледно-красных хризантем и, подобрав краску под цвет хризантем, начинает зарисовывать серый фон розовой краской. Звучит романс В.Д. Шумского «Отцвели хризантемы».

В том саду, где мы с вами встретились,
Ваш любимый куст хризантем расцвел,
И в душе моей расцвело тогда
Чувство яркое нежной любви…

Отцвели уж давно
Хризантемы в саду,
А любовь все живет
В моем сердце больном…

Опустел наш сад, вас давно уж нет,
Я брожу один, весь измученный,
И невольные слезы катятся
Пред увядшим кустом хризантем…

Отцвели уж давно
Хризантемы в саду,
А любовь все живет
В моем сердце больном…

Репин отходит от портрета, присматривается к уже частично зарисованному фону и начинает вспоминать прошлое…

Явление 2

Ноябрь 1888 года. Петербург. Мастерская Репина. 44-летний художник учит рисовать еще совсем молоденькую девушку – Марию Шпак: он как раз рассматривает нарисованный ею натюрморт из яблок и осенних листьев.

Репин. Ну, что ж, Машенька, неплохо. Даже очень неплохо: и яблоки, и осенние листья – как настоящие! *(Показывая на рисунок)*. Писать акварелью у вас намного лучше получается – мне кажется, из вас выйдет хороший акварелист…

В это время в мастерскую входят художник-гравер Василий Васильевич Матэ и молодая девушка с папкой рисунков в руках. Это – Елизавета Званцева, стройная красавица с улыбкой Афины Паллады и пышной копной темных волос.

Матэ *(еще издали)*. А почему не гравер, Илья Ефимович?

Репин. Потому что гениального художника-гравера Василия Васильевича Матэ *(показал при этом на своего гостя)* ей все равно не превзойти, как бы она ни старалась! Я рад вас видеть, Василий Васильевич! *(Подает руку Матэ)*. И вашу спутницу – тоже! *(Поклонился Званцевой)*.

Матэ. Это Елизавета Николаевна Званцева, Илья Ефимович, – правнучка Петра Павловича Званцева, сына турецкого паши, который погиб при взятии крепости Жванец русскими войсками.

Репин. Странно… Как это у сына турецкого паши оказалась русская фамилия?

Матэ. О, это целая история! Дело в том, что попечение о турецком мальчике взял на себя Павел I и отчество – по обычаю – дал Павлович. Фамилия же была образована от названия крепости – Жванцов. Потом – Званцов, и, наконец, Званцев. И стал крестник государя Петр Павлович Званцев важным чиновником при царском дворе, а его внуки и правнуки заняли высокое положение в обществе.

Репин. Чудеса!

Матэ. Но главное, что все они были и есть высокообразованными людьми, которые очень любят театр, музыку, литературу и живопись! *(Указал на Званцеву)*. А Елизавета Николаевна даже проявила очень серьезные способности к рисованию!

Репин. Да ну?! *(С интересом посмотрел на девушку)*.

Званцева *(скромно)*. Василий Васильевич преувеличивает… Рисовать я очень люблю, это правда, но особых способностей у меня нет…

Репин. А вы знаете – мне это нравится! Скромность, я имею в виду. Елизавета Николаевна, если вы не только скромны, но и трудолюбивы, то художник из вас обязательно получится. Разумеется, при наличии способностей, которые надо развивать, развивать и развивать!

Матэ *(очень осторожно и ненавязчиво)*. Так мы за этим… и пришли, Илья Ефимович…

Репин *(притворяется, будто не понял)*. За способностями? Но я же не могу отрезать от себя часть моих способностей и – отдать!

Матэ. Не притворяйтесь – вы все понимаете. Елизавета Николаевна мечтает стать вашей ученицей…

Репин *(решительно замахал руками)*. Нет, нет, что вы! Боже сохрани! Никаких новых учеников! Я все лето провел на Кубани и собрал много нового материала для «Запорожцев»! Мне теперь дохнуть некогда – надо картину свою кончать!

Матэ *(умоляюще)*. Но с Машей Шпак вы же как-то справляетесь, Илья Ефимович…

Репин. Справляюсь, но мои «Запорожцы» уже начинают посматривать на меня искоса. Ведь женщин на Сечь не пускали!

Матэ. Ничего они вам не сделают, запорожцы: вы в эту картину всю душу вложили – им не в чем вас упрекнуть! Кстати, гравюру с эскиза «Запорожцев» я уже сделал. Вот даже оттиск принес… *(Дает Репину лист бумаги)*.

Репин *(посмотрев гравюру, восхищенно)*. Ну, Василий Васильевич! Это даже лучше, чем у меня! Не зря Стасов называет вас «гениальным переводчиком»! *(С сожалением)*. Правда, в композиции «Запорожцев» я уже кое-что изменил…

Матэ. Ничего страшного – я сделаю новую гравюру! А эта останется вам на память, как первая любовь!

Репин. Да, это будет хорошая памятка. Золотая душа у вас, Василий Васильевич.

Матэ. Ну, Илья Ефимович, вы же сами недавно подарили мне мой портрет и написали при этом: «Портрет, который я с Вас нарисовал, я Вам преподношу за Вашу душу художника и горячее, доброе сердце». Вот я и стараюсь не разочаровать вас и вкладываю в свои ксилографии всю душу…

Репин. У вас это замечательно получается, Василий Васильевич, – Суриков до сих пор в восторге от того, как вы выгравировали его «Боярыню Морозову»! О моей картине «Толстой на пашне» я уже и не говорю! А какие мастерские офорты вы сделали с портретов Мусоргского, Шишкина, Крамского, Толстого!

Матэ. Я вам принес показать еще один портрет, Илья Ефимович.

Репин. Чей?

Матэ. Нашего общего знакомого, который умер полгода назад. Посмотрите: мне интересно – узнаете вы его на моей гравюре или нет… *(Протягивает Репину еще один лист)*.

Репин *(только взглянув на гравюру)*. Гаевский! Виктор Павлович! Точно – Гаевский! Основатель Литературного фонда и великий знаток пушкинской эпохи! Похож, очень похож! *(Грустно вздохнул)*. Жаль, что его больше нет… Хороший и знающий был человек – редактор «Современника» и «Отечественных записок», друг Герцена и Тургенева, известный пушкинист… Он много мне о Пушкине рассказывал. И даже успел подарить свою брошюру «О влиянии лицея на творчество Пушкина». А со сколькими людьми я в его доме познакомился! Помните, Василий Васильевич, какие интересные люди у него всегда собирались?

Матэ. И до сих пор собираются! Елизавета Николаевна Гаевская, его вдова, и дальше по субботам собирает в своем доме писателей, художников, музыкантов… А Елизавета Николаевна *(указал при этом на Званцеву)* в этом ей помогает. Приходите – они обе будут вам очень рады…

Репин. Обе?

Матэ. Ну да! Елизавета Николаевна Званцева – племянница Елизаветы Николаевны Гаевской! Она на всю зиму приехала в Петербург и сейчас живет у своей тетки.

Репин *(Званцевой)*. Вы – родственница Виктора Павловича Гаевского?!

Званцева. Да…

Репин. Так что же вы сразу не сказали?!

Званцева. Потому что от того, что я родственница Виктора Павловича, мои рисунки лучше не станут…

Репин *(с уважением посмотрел на Званцеву)*. Эта девушка начинает мне нравиться! *(Решительно)*. А ну-ка, Елизавета Николаевна, покажите-ка свой альбом!

Званцева протягивает Репину альбом. Он открывает и просматривает несколько листов.

Репин. Хорошо, очень хорошо… Посмотрите, Машенька! *(Показывает рисунки Маше Шпак)*.

Мария Шпак *(восхищенно)*. Замечательные рисунки – я так не смогу…

Репин. Сможете! При усердной работе – сможете! *(Званцевой)*. Ну что ж, Елизавета Николаевна, хоть я и рискую быть поколоченным запорожцами, но так тому и быть… Будете приходить на занятия в те же дни, что и Маша. Иногда – даже в те же часы… Придется мне совмещать ваше обучение и работу над «Запорожцами», ничего не поделаешь…

Званцева *(взволнованно)*. Спасибо, Илья Ефимович…

Репин. Ну, за это благодарите Василия Васильевича: ведь первым заметил ваш талант именно он!

Матэ. Если честно признаться, то сначала я заметил красоту Елизаветы Николаевны, а уж после – ее талант…

Репин. Это потому, что красоту видно сразу, а талант надо искать, открывать и развивать! Будем развивать. А как же – Крамской и Чистяков тоже много своего времени нам уделяли…

Явление 3

Репин и Званцева – во время урока. В мастерской художника они рисуют гипсовую статуэтку, сидя недалеко друг от друга.

Званцева. А Маша давно у вас учится, Илья Ефимович?

Репин *(не отрываясь от работы)*. Нет, меньше года. Меня попросил за нее писатель Александр Канаев. Дело в том, что ее отец-художник умер, когда она была еще малюткой. Потом умерла мать, и ее взяли на воспитание Канаевы. А когда Маша обнаружила свое дарование, они определили ее сначала в Рисовальную школу Общества поощрения художеств, а теперь – ко мне. Она очень способная девушка. К тому же – у нее просто ангельский характер. Для меня общение с ней – как бальзам на душу… после развода с женой…

Званцева. Такое редко случается, чтобы – и талант, и ангельский характер сочетались в одном человеке…

Репин. Это правда… Особенно, если говорить обо мне…

Званцева *(виновато посмотрела на Репина)*. Простите, Илья Ефимович! Я совсем не вас имела в виду!

Репин *(тоже посмотрел на нее)*. А кого?

Званцева. Наверное, себя…

Репин. Да ну?! У вас – не ангельский характер? Иль вы хотите сказать, что у вас нет таланта?

Званцева. По-моему, у меня нет ни того, ни другого…

Репин. Зато у вас есть скромность и самокритичность, Елизавета Николаевна! А значит, если вы считаете, что в вашем характере есть какие-то недостатки, – все еще поправимо. А что касается таланта, то его, как я уже говорил, надо усердно развивать. *(Вздохнул)*. Эх, вам бы поучиться у Чистякова – вот учитель, так учитель! Мы с Поленовым, уже получив золотые медали в академии, брали у него уроки и учились рисовать голову Аполлона! Представляете? Павел Петрович учил также Васнецова, Сурикова, Серова… И Василия Васильевича Матэ он учил! Да, это наш общий и единственный учитель. Пол-России – его ученики!

Званцева. А он – строгий учитель?

Репин. Очень строгий!

Званцева. Строже вас?

Репин. Куда мне до него!!! Я имею ввиду не строгость саму по себе, а то, как строго Павел Петрович требует соблюдать технику рисования. Серов вообще считает, что Чистяков – «единственный в России истинный учитель незыблемых законов формы»!

Званцева. Хорошо, что я попала к вам, а не к нему – биться над рисунком у меня терпения не хватает…

Репин. Не спешите радоваться, Елизавета Николаевна, что касается рисунка, то у меня вам тоже – спуску не будет!

Званцева. Почему?

Репин. Потому что рисунок – основа! Павел Петрович так и говорит: «Рисунок есть основа всего, фундамент. Кто не понимает его или не признает, – тот без почвы…» И я с ним полностью согласен: ученик должен детально выписывать этюд – точно по натуре. Ведь есть такие, что пишут размашисто, виртуозно, но слабо по форме и рисунку. Это так если кто-нибудь сядет за рояль и, не зная простой гаммы, станет с темпераментом импровизировать! Как вы думаете – что у него получится?

Званцева *(пожала плечами)*. Даже не представляю…

Репин. И я не представляю! *(Поднялся со стула, подошел к ученице и посмотрел на ее рисунок)*. Вот здесь у вас плохо. *(Показал рукой на край холста)*.

Званцева *(простодушно)*. Но это ведь – только фон…

Репин. Фон – тоже часть картины, моя дорогая! И к нему нельзя относиться небрежно! *(Снова показал на рисунок, твердо)*. Да, фон обязательно надо поправить!

Званцева *(протягивает Репину кисть)*. Пожалуйста…

Репин *(отстраняет кисть Званцевой, взяв ее за руку)*. Нет, нет, Елизавета Николаевна! Вы должны это сделать сами. Я почти никогда не поправляю ученических работ. *(Отпустил руку Званцевой)*. При обучении рисунку и живописи вообще нужно избегать исправлений своей рукою… Если поправишь, то внесешь свое – свою технику, свой тон, свой колорит… А разве можно быть уверенным, что ученик видит и все воспринимает, как учитель? Поэтому надо только показывать недостатки, направлять на их искоренение, а не исправлять самому…

Званцева *(с легким волнением)*. И как же мне… исправить эти недостатки? *(Показала на этюд, глядя на художника)*.

Репин *(тоже не отрывая глаз от ученицы)*. Очень просто… Если фон не разделяет значительности первого плана, он должен быть ничем… провалом… как пауза в музыке, без которой не было бы ритма… Понимаете?

Званцева *(и дальше глядя на Репина)*. Да… Я так и сделаю…

Репин. Вот и хорошо. *(Отвел свой взгляд)*. Ну, вы рисуйте, Елизавета Николаевна… А я пойду к своим «Запорожцам» – они там уж наверняка меня заждались… *(Уходит в соседнюю мастерскую)*.

Явление 4

Званцева пытается рисовать, но у нее ничего не получается – видно, что ей не до живописи. Она оставила работу, задумалась. Через некоторое время возвращается Репин.

Репин. Что-то мне совсем не работается, Елизавета Николаевна…

Званцева *(вздохнула)*. И мне тоже…

Репин. Это плохо…

Званцева. Да…

Репин. Что же нам делать? Мне совершенно не хочется так рано вас отпускать…

Званцева. А мне – не хочется уходить…

Репин. Правда? Тогда надо что-то придумать! *(Задумался)*. Может, показать вам моих «Запорожцев», которые пишут едкое письмо турецкому султану?

Званцева *(ожила)*. А вы их уже закончили?!

Репин. Нет, что вы! Там еще много работы! Но некоторые лица уже вырисовываются… *(С увлечением)*. Инте-рес-ные есть персонажи… Хотите взглянуть?

Званцева. Конечно! Василий Васильевич много мне рассказывал об этой картине!

Репин. Тогда – идемте.

Репин берет Званцеву за руку, ведет во вторую мастерскую, и они останавливаются перед огромным холстом, зашторенным занавеской.

Репин *(отслоняет занавеску)*. Вот…

Открывается еще неоконченная картина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Это большое полотно, на котором уже четко выписано большинство фигур центральной части и еще нечетко – края картины.

Званцева *(восхищенно смотрит на картину)*. Какие они все разные! Серьезные… Веселые… Угрюмые… Смешные…

Репин. А как же иначе? Это же – товарищество! В нашем Товариществе передвижных художественных выставок и то не все одинаковые, а тут ведь – Запорожская Сечь! Кстати, вот этот запорожец с перевязанной головой и есть один из передвижников! Это – Николай Дмитриевич Кузнецов! А для этого красавца с интеллигентным лицом и ружьем через плечо мне позировал художник Ян Ционглинский! А вот еще один художник – Порфирий Мартынович. *(Показал на молодого запорожца, постриженного «під макітерку»)*. Он изображен бурсаком…

Званцева. Одни художники!

Репин. Не только… Вот этот – щербатый – кучер Тарновского Никишка. А вот – Тарас Бульба в красном кунтуше и белой шапке, это – профессор Петербургской консерватории Александр Иванович Рубец. Судья в черной шапке – это уже сам меценат Василий Васильевич Тарновский… *(Вопросительно посмотрел на Елизавету)*. Кто из них вам больше всех нравится?

Званцева. Вот этот, Никишка… У этого щербатого – самый ядовитый смех! Вы его не меняйте, Илья Ефимович! И других запорожцев в этой композиции тоже не меняйте, как вы тогда Василию Васильевичу говорили… Это же – настоящий клад! *(Восхищенно показала на картину)*.

Репин *(улыбнулся)*. Не беспокойтесь, Елизавета Николаевна. Я только неудачные места поправляю. А все самое лучшее – я сохраню! Надо дорожить удавшимися местами, ведь настроение не повторяется… Как ничто в этом мире… Вы со мной согласны? *(Пристально посмотрел на Званцеву)*.

Званцева. Да.

Репин. Тогда соберите все свои силы и наберитесь терпения. На следующем уроке мы начнем с рисунка. Будет тяжело и, может, не всегда интересно. Но другого пути у художника нет. Как любит повторять Чистяков: «Не наклонишься – не подымешь…»

Явление 5

Мастерская Репина. Мария Шпак рисует красные садовые хризантемы, Елизавета Званцева – череп лошади. Перед Лизой, на столике, покрытом тусклой тканью, лежат ветхие книги и лошадиный череп. Маша все рисует, а Званцева рисовала-рисовала, потом села и расстроено смотрит на свою работу. Раскрываются шторы в соседнюю мастерскую, и входит Репин. Увидев расстроенную Званцеву, он подходит к ней.

Репин. Что случилось, Елизавета Николаевна? Вы чем-то расстроены?

Званцева *(тихо)*. Нет, все в порядке, Илья Ефимович… Я просто устала… Маше легче – она рисует хризантемы, а я – уже два часа мучусь над черепом лошади…

Репин. И вам обидно, да? *(По-отцовски тронул Званцеву за плечи)*. Не обижайтесь, Елизавета Николаевна! Во-первых, Маша уже рисовала этот череп. А, во-вторых, в том, чтобы рисовать черепа, ничего унизительного для художника нет и быть не может. Вы видели картину Валентина Серова «Череп лошади на красной драпировке»? Он ее написал почти десять лет назад, еще в 1879 году. Замечательная работа! Запомните, именно на таких невзрачных предметах художники и оттачивают свою технику.

Званцева. Я понимаю. Но рисовать цветы – все равно приятнее…

Репин. А рисовать черепа – полезнее! Потому что, как любит повторять Чистяков: «Начинать могут многие, окончить может лишь тот, кто много и правильно упражнялся…» А много упражняться следует именно в рисунке *(показал на этюд Званцевой)*! Павел Петрович всегда нас учил, что если рисунок строгий и точный, то живопись навести можно быстро. Если же наводить живопись на неправильный рисунок, то можно век пробиться и ничего не выйдет! Вы думаете, его ученики что-то особенное рисуют? Ничего

подобного! У него моделями ученикам служат все те же гипсы, гравюры и всевозможные предметы для перспективы: коробки, стулья, мятая бумага, словом, все, что есть под рукой! Запомните, Елизавета Николаевна: если у человека есть талант, то он и по черепу лошади научится рисовать. А если таланта нет, то ему даже спящая красавица не поможет!

Званцева. С этим я согласна…

Репин. Вот и хорошо. *(Посмотрел на ее работу)*. О, да у вас неплохо получается! Прекрасно, прекрасно, вы поняли задачу: найти цвета в однотонном! Очень хорошо! *(Вполголоса)*. У Маши было хуже… Да, она очень талантлива, но в рисунке – слабее вас… Пойду посмотрю на ее работу… А вы рисуйте дальше. И особое внимание обратите на тусклое очарование желто-серых тонов старой кости… Да, да, в этом черепе есть свое очарование! Рисуйте! Я уверен – у вас выйдет! *(Идет к Марии Шпак)*.

Репин подходит к Маше.

Репин. Как ваши успехи, Машенька? *(Внимательно рассматривает ее работу)*. Замечательно! То, что нужно! Да, цветы у вас намного лучше получаются! Просто превосходно! Несомненно, вы – прирожденный мастер натюрморта! *(С восхищением)*. Ах, какие удивительные хризантемы вы нарисовали! У меня так никогда не выходило… Помню, когда-то в Абрамцево, на даче Мамонтовых, я рисовал букет из летних цветов: там, на круглом столике, в черном кувшине, были мальвы, гвоздики, душистый горошек, анютины глазки, настурции, ипомеи … А рядом лежали персики и веточки малины… Десять лет прошло с тех пор, а я до малейших подробностей помню эту композицию! Этот натюрморт я подарил Мамонтовым – он им очень понравился. Но ваши хризантемы выглядят лучше! Ей-богу, лучше! *(Любуется рисунком Марии Шпак)*. Ах, как замечательно у вас получилось – свежо, неожиданно, живо!

При последних словах Репина Елизавета Званцева, которая все это время мучилась, рисуя череп и ревниво поглядывая в сторону Репина и Маши, не выдерживает, срывает с мольберта свой этюд и с силой разрывает его на части.

Репин *(обеспокоенно посмотрел в сторону Званцевой, Маше)***.** Так, Машенька, на сегодня урок окончен… Вы очень хорошо потрудились… Я жду вас в следующую среду…

Мария Шпак *(поспешно собрав свои краски)*. До свидания, Илья Ефимович…

Репин. До свидания, Маша.

Мария Шпак быстро покидает мастерскую. Репин подходит к Лизе.

Репин. Что опять случилось, Елизавета Николаевна? Почему вы разорвали свой этюд?

Званцева. Я его испортила…

Репин. Жаль, он мне нравился. К тому же – мы даже не успели его рассмотреть! Как же вы его испортили?

Званцева *(отвела взгляд)*. Наверное, засмотрелась на свои любимые красные хризантемы…

Репин *(внимательно посмотрел на Званцеву)*. Вы любите красные хризантемы?

Званцева. Да, люблю.

Репин. Почему именно их?

Званцева. Не знаю… Может быть, потому что они цветут осенью, когда становится холодно и природа уже умирает… От них тогда стает как-то теплее… Вот как сейчас…

Репин *(обеспокоенно)***.** Вам у меня холодно?!

Званцева. Нет, что вы! Мне у вас тепло! И в мастерской тепло, и… на душе… *(Взволнованно)***.** У меня даже голова кружится, когда я прихожу сюда и вижу ваши картины…

Репин. Я вам верю – у меня тоже часто голова кружится от моих картин… А еще – болят руки и ноги… Столько надо вытанцевать перед каждой картиной! Пока ее напишешь – тысячи раз подойдешь к ней и отойдешь! Сегодня возле «Запорожцев» я уже натанцевался… Давайте сядем и вместе порисуем этот злополучный череп, а потом – сравним наши работы… Для вас это будет хороший наглядный урок. Я люблю работать вместе с учениками: живой пример – лучший метод преподавания.

Званцева. Илья Ефимович, вы и так очень устали!

Репин. Не беспокойтесь, Елизавета Николаевна, сидя, мне будет легче работать… Тем более – возле вас… *(С любовью посмотрел на ученицу)*.

Явление 6

Репин и Званцева садятся невдалеке друг от друга и начинают рисовать. Через некоторое время в мастерскую входит Матэ.

Матэ *(еще с порога, восхищенно)*. Это самая лучшая картина, которую я когда-либо видел! *(Репину)*. Здравствуйте, Илья Ефимович! *(Званцевой)*. Целую руки, Елизавета Николаевна!

Репин. Я рад вас приветствовать, дорогой Василий Васильевич! Какую картину вы имеете в виду?

Матэ. Как это – какую? *(Показал на Репина и на Званцеву)*. Вот эту – великий мастер передает свой опыт молодой ученице!

Репин. Ах, вы – про мою мастерскую… А я уже подумал, что вы и в самом деле отыскали какой-то шедевр…

Матэ. Нет, я забежал посмотреть, как идут дела у нашей Елизаветы Николаевны!

Репин. Она усердно трудится над рисунком.

Матэ. Это похвально. А можно взглянуть?

Репин. Конечно. Если Елизавета Николаевна тоже не против.

Званцева. Я не против. Только смотреть еще – не на что… Я ведь только начала этот этюд…

Матэ *(подходит, смотрит)*. Почему не на что? По-моему, у вас неплохо получается, Елизавета Николаевна… Очень неплохо… Драпировка, правда, выглядит на рисунке несколько театрально, но это не страшно… Немного поправите вот в этом месте – и все… Кстати, я заходил к вам домой и ваша тетя сказала, что сегодня вы собираетесь в театр…

Званцева. Да, я очень люблю театр! В наших Тарталеях, в имении моих родителей, есть даже небольшая сцена, на которой мы ставим домашние спектакли.

Матэ. Интересно! И что у вас в репертуаре?

Званцева *(с гордостью)*. «Барышня-крестьянка», «Женитьба» и «Таланты и поклонники».

Матэ. Пушкин, Гоголь и Островский! Серьезный репертуар… Молодцы! Сегодня, кажется, будут идти именно «Таланты и поклонники»…

Званцева. Да.

Матэ. Тогда я тоже пойду! Там и увидимся, Елизавета Николаевна: вы – будете талантом, а я – вашим поклонником! Договорились?

Званцева *(вздохнула)*. Договорились…

Матэ. Вот и замечательно!

В это время Репин недовольно морщится, глядя на свой этюд, снимает его с мольберта и разрывает на две части.

Матэ. Так, мне пора! Я ухожу – не буду вам больше мешать!

Репин. Нет, нет, Василий Васильевич, это не из-за вас… Просто у меня сегодня ничего нормально не получается – ни «Запорожцы», ни даже этот обыкновенный этюд! Какой-то день такой неудачный… Пойдемте, я вас провожу…

Репин и Матэ выходят. Званцева отодвигает от себя мольберт, поднимается со стула, берет одну хризантему из того букета, который рисовала Маша, и начинает гадать на лепестках. Тихо играет виолончель…

Званцева *(отрывая лепестки)*. Любит – не любит… Любит – не любит… Любит – не любит…

В это время возвращается Репин и останавливается позади ее.

Репин. Любит, Елизавета Николаевна. Даже не сомневайтесь, что любит! Если вы, конечно, гадали на меня…

Званцева *(и растерянно, и немного кокетливо одновременно)*. А может, я гадала совсем не на вас, Илья Ефимович?

Репин. Тогда все равно любит, потому что вас не любить невозможно… *(С любовью посмотрел на Званцеву)*.

Званцева. Знаю я – вы всем такие комплименты говорите!

Репин. Не всем, Елизавета Николаевна. Маше Шпак, например, я таких слов никогда не говорил…

Званцева *(ревниво)*. Маша Шпак еще слишком молода, чтобы такие комплименты выслушивать!

Репин. Вы ревнуете?

Званцева *(отвела взгляд)*. Почему вы так решили?

Репин. Ну, я же видел, с какой яростью вы разорвали свой этюд, когда я с Машей разговаривал…

Званцева. А вы разорвали свой этюд, когда я разговаривала с Матэ! Вы это сделали тоже из ревности?

Репин. Ничего подобного! Он мне просто не понравился…

Званцева *(задорно)*. Кто не понравился – этюд или Матэ?

Репин. Конечно, этюд! Матэ я очень люблю и безмерно ему благодарен за то, что он нас познакомил!

Званцева *(опустила глаза, серьезно)*. А я уже и не знаю – благодарить его за это или нет…

Репин. Почему? Что-то не так? Я не устраиваю вас как учитель?

Званцева. Не притворяйтесь, Илья Ефимович… Вы прекрасно знаете, что я говорю не о живописи…

Репин. Ничего я не знаю! И знать не хочу! Я знаю, что я – ваш учитель, а вы – моя ученица! И мне этого вполне достаточно! По крайней мере – на сегодняшний день…

Званцева. А завтра?

Репин. Ну, завтра… Завтра я, может быть, напишу ваш портрет… *(Решительно)*. Да-да, я напишу ваш портрет! Вы разрешите мне это сделать? Это не займет много времени – портреты я пишу быстро! Особенно, когда модель мне очень нравится!

Званцева. Вот это меня и беспокоит… Я не хочу вам «очень нравиться»… А что касается портрета, то я – не против…

Репин. Нет, Елизавета Николаевна, так не выйдет. Тут уж одно из двух: либо вы мне нравитесь – и я пишу ваш портрет, либо вы мне безразличны – и никакого портрета не будет!

Званцева. А можно так: я вам – безразлична, но вы – все равно пишете мой портрет?

Репин. Нет, нельзя!

Званцева. Почему?

Репин. Да потому, что так у меня ничего не получится!!! И у вас ничего не получится. И ни у кого! Художнику нужно проникнуться очарованием даже неодушевленных предметов. Иначе он их не передаст. В них, кроме поверхности, есть внутреннее очарование, надо его почувствовать, полюбить… А что уж говорить о живом человеке! Если человек художнику не нравится, то его портрет не получится никогда! Это я вам говорю уже как учитель – ученице!

Званцева. С этим я согласна.

Репин. Вот и хорошо… Тогда на сегодня урок окончен, Елизавета Николаевна, – меня ждут мои «Запорожцы»! Я их ни ради кого не оставляю. *(Влюбленно посмотрел на Званцеву)*. Но ради вас – могу оставить… Правда – лишь на несколько часов…

Явление 7

Репин рисует портрет Званцевой. Елизавета сидит в кресле, сложив перед собой руки, она в темном платье и с золотым колье на высоком вороте.

Репин *(увлеченно рисуя)*. Знаете, что в первую очередь надо сделать, работая над портретом, Елизавета Николаевна? Правильно выбрать холст! Да, да, именно холст! При выборе холста для той или иной картины следует обращать внимание на его зернистость. Когда нужно писать мужчину с резкими чертами лица, с обветренной кожей, надо брать грубый холст, с крупным зерном. И, наоборот, когда нужно рисовать молодое женское лицо, то и холст надо брать менее грубый. Ведь сам холст – и тот может помочь передать материальность!

Званцева. Я уже слышала это от некоторых ваших учеников, Илья Ефимович. Они между собой даже называют грубые сорта холстов «репинскими».

Репин *(иронично улыбнулся)*. Вот видите, какой чести я удостоился! Даже некоторые сорта холстов моим именем уже называют! *(Уже серьезно)*. А вы скажите мне, пожалуйста, как на совершенно гладкой грунтовке можно было написать «Ивана Грозного», «Крестный ход», «Бурлаков»?

Званцева. Я себе такого даже не представляю…

Репин. То-то и оно! Кстати, кисти тоже следует подбирать очень тщательно. Лично я всегда отдаю предпочтение кистям щетинным, а не волосяным, потому что щетинная кисть благодаря своей упругости дает возможность чувствовать силу нажима кисти на холст!

Званцева. Я это учту.

Репин *(не отрываясь от работы)*. И еще запомните, что кисти и палитру надо содержать в идеальной чистоте, ибо только благодаря этому можно достичь чистоты тонов.

Званцева. Этот сеанс, несомненно, пойдет мне на пользу, Илья Ефимович. Ведь у нас и сеанс, и урок одновременно получаются.

Репин *(рисуя)*. Ну да. Одновременно. Тут вы уж мне простите, Елизавета Николаевна, – у меня много работы над «Запорожцами», я не могу отдельно проводить сеанс, и отдельно – урок. *(Отошел от портрета, любуется нарисованной Званцевой)*. Ну, вот… Кажется, ваш портрет мне удался… Но чтобы полностью его закончить, нужен будет еще один сеанс… Да, как минимум – один… А ну-ка взгляните… *(Разворачивает портрет так, чтобы его видели и зрители)*.

Званцева поднимается с кресла и подходит к портрету.

Репин *(с гордостью за свою работу)*. Узнаете эту даму?

Званцева *(изумленно)*. Узнаю…

Репин. Красивая девушка, правда?

Званцева. Не знаю… Мне кажется, что на портрете я получилась красивее, чем есть на самом деле…

Репин. Ошибаетесь, Елизавета Николаевна. Вы красивы не только на портрете. Ведь я рисовал только то, что видел!

Званцева. А если вы… смотрели на меня, а видели… свой идеал?

Репин *(любовно посмотрел на нее)*. А вы и есть мой идеал. *(Показывает на портрет)*. Посмотрите сюда! Посмотрите, какая вы тут чистая, гордая, неприступная! Какая значительная и загадочная здесь ваша улыбка! Богини греков так улыбались… Афина Паллада! *(Порывисто обнял Елизавету Званцеву за плечи)*.

Званцева *(тревожно и умоляюще)*. Илья Ефимович!

Репин. Что?

Званцева. Вас ждут ваши «Запорожцы»…

Репин. Ничего с ними не случится, с «Запорожцами», – подождут! *(Целует Елизавету)*.

Явление 8

На квартире Гаевской происходит серьезный разговор между теткой и племянницей: Званцева сидит за столом, Гаевская нервно ходит по комнате.

Гаевская. Боже мой, что мне Катенька скажет?! Скажет: «Поручила я тебе, Елизавета, мою Лизоньку, а ты ее не уберегла!» А как я могла эту Лизоньку уберечь, если она еще до знакомства с Репиным о нем только и говорила? *(Укоризненно посмотрела на Званцеву)*. И что теперь будет?

Званцева. Тетя Лиза, я ничего не могу с собой поделать – он мне нравится все больше и больше…

Гаевская. Боже мой, нашла, у кого влюбиться! В старика! Лизонька, у него четверо детей! Его старшие дочери – почти твои сверстницы!

Званцева. Он – не старик, он – Репин!

Гаевская. Да, он – Репин! Художник с мировым именем! Никто этого и не отрицает! Но ему – сорок четыре года, а тебе – только двадцать четыре! Ты на двадцать лет моложе его! Понимаешь?

Званцева. Понимаю…

Гаевская. Ничего ты не понимаешь! И не знаешь о нем ничего! Знаешь, сколько раз он влюблялся? Множество раз! То в певицу, то во вдовицу, то в поэтессу, то в баронессу! Он непостоянен и все время ищет смены впечатлений! Он «любит разнообразие», как он сам признает. Из-за этого и развелся теперь с женой!

Званцева. Говорят, она тоже ему изменяла…

Гаевская. Оставь ее в покое – тебе за Репина выходить замуж, а не за нее! И потом – как ты выйдешь за него замуж? Развестись с женой официально ему будет очень трудно! Значит, тебе придется жить с ним неофициально, без оформления брака… Твои родители дадут на это свое согласие? Не дадут! Я их знаю – никогда не дадут!

Званцева. Так что же мне делать, тетя Лиза?

Гаевская *(твердо)*. Немедленно переходи учиться к другому художнику! Например, к Чистякову!

Званцева. А Репин?..

Гаевская. А про Репина – даже думать забудь!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 9

Грустный-грустный Репин сидит перед портретом Званцевой и задумчиво перебирает в руках кисти. Входит Мария Шпак.

Мария Шпак. Здравствуйте, Илья Ефимович!

Репин. Здравствуйте, Маша… Что-то случилось, что вы пришли во вторник? У нас же уроки по средам…

Мария Шпак *(удивленно)*. Так сегодня и есть среда, Илья Ефимович!

Репин. А разве не вторник?

Мария Шпак. Нет, среда! Точно среда!

Репин. Ты смотри – сбился со счета… Даже дни перепутал! Проходите, пожалуйста, – сейчас мы начнем наш урок…

Мария Шпак. Илья Ефимович, если вы меня сегодня не ждали, то, может, я приду в другой день, который вы назначите?

Репин. Нет-нет, Машенька, проходите! Будем заниматься, как всегда, – я в полном вашем распоряжении!

Мария Шпак. А Лиза сегодня уже была?

Репин. Нет, Маша, не было… И не будет… Елизавета Николаевна решила брать уроки у Павла Петровича Чистякова… *(Грустно вздохнул)*. Я учить не умею…

Мария Шпак. Она так сказала?!

Репин. Нет, что вы! Это я сам так считаю…

Мария Шпак. Неправда! Вы – самый лучший учитель!

Репин. Не успокаивайте меня, Маша. И не спорьте со мной. *(Грустно улыбнулся)*. Не забывайте – с учителями не спорят… Давайте начинать – у меня много работы над «Запорожцами»… Сегодня снова будете рисовать натюрморт

из цветов… Я принесу еще одну вазу: мы положим ее рядом с этим букетом – вот и будет вам натюрморт…

Репин выходит, потом возвращается. Он несет череп лошади вместо вазы и кладет его рядом с цветами.

Мария Шпак *(очень деликатно)*. Илья Ефимович, вы говорили, что принесете еще одну вазу… Мне кажется, что череп лошади – не вяжется с этими цветами… *(Показала на букет)*.

Репин *(растерянно)*. Почему не вяжется? *(Начинает на ходу импровизировать)*. По-моему, тут все логично… Лошадь храбро пала в сражении… На поле битвы остался только череп… А рядом с черепом – выросли цветы…

Мария Шпак *(добродушно улыбнулась)*. Так то – полевые цветы! А это – садовые хризантемы!

Репин. Да? И в самом деле… Это – садовые… Тогда череп я уберу… *(Берет в руки череп и не знает, куда его положить)*. Какой-то я рассеянный сегодня… Надо сосредоточиться… Что же я собирался делать?.. Не могу вспомнить… Хоть убей… Ладно, Машенька, вы рисуйте цветы, а я пойду к своим «Запорожцам»… Я потом посмотрю, что у вас получилось… *(Тычет ей в руки череп и быстро уходит)*.

Мария Шпак недоуменно смотрит то на череп в своих руках, то на уходящего Репина, и пожимает плечами.

Явление 10

Званцева уже у Чистякова. Она сидит за мольбертом, а педагог ходит по мастерской и читает ей лекцию.

Чистяков. Итак, о рисунке мы сегодня говорили достаточно, Елизавета Николаевна. Теперь поговорим об оттенках. Зеленый оттенок отвечает холодному, неподвижному, мертвому. Красный оттенок отвечает теплому,

шевелящемуся, живому. Живописцам не надо знать, из каких цветов можно составить все цвета, им нужно знать эти два оттенка и уметь различать их. Мудрость и состоит в том, чтобы уметь отличать цвета зеленоватые от розовых, особенно в тонких переливах тонов. *(Посмотрел на задумавшуюся о чем-то Званцеву)*. Вы меня слушаете?

Званцева. Да, Павел Петрович… Вы говорили о цветах…

Чистяков. О каких именно?

Званцева. О красных хризантемах…

Чистяков. Я говорил о зеленом и красном оттенках, Елизавета Николаевна. Но я совсем не упоминал о хризантемах. Откуда вы их взяли?

Званцева. Ну, когда вы сказали, что красный оттенок отвечает теплому, я сразу вспомнила красные хризантемы…

Чистяков. Хорошо. А дальше?

Званцева *(опустила глаза)*. Дальше не помню…

Чистяков. Что-то вы рассеяны сегодня… А ну-ка покажите мне свой этюд…

Званцева. Вот…

Чистяков *(посмотрел на этюд Званцевой)*. Нет, это – не то… И верно, да скверно…

Званцева. Почему?

Чистяков. Слишком ярко и броско.

Званцева. Это плохо?

Чистяков. Конечно, плохо! Яркие краски не всегда идут на пользу живописи, Елизавета Николаевна… Вот посмотрите эту картину. *(Показывает Званцевой свою картину «Аннушка»)*. Это девушка Аннушка, в едва заметном полутоне, сладко задумалась о чем-то… Как ее написать размашисто? Ведь это выйдет Константин Маковский, то есть – костюм, мишура и куколка! Вам кажется, что моя картина не блестит красками? Может быть… Но я уже давно перешел тот возраст, когда художник преследует на всех парах вид и эффект. Я преследую и вижу уже не блеск, а чистоту – теплоту тонов… Посмотрите на Венеру работы Тициана. Там не ярко, но чисто и просто. Дойти до этого –

идеально хорошо. Поэтому я постоянно повторяю своим ученикам: «Яркость красок от времени тускнеет, чистота всегда остается чистотой».

Званцева. Как хорошо вы сказали… Ведь так можно и о чувствах сказать, правда? *(Задумчиво и романтично)*. Яркость чувств от времени тускнеет, чистота всегда остается чистотой…

Чистяков. Да, можно и так. И знаете, так звучит тоже неплохо… *(Пристально посмотрел на ученицу)*. А что это вы о чувствах заговорили, Елизавета Николаевна?

Званцева. Не знаю… Просто такое сравнение напросилось… Красный оттенок, который отвечает теплому, красные хризантемы… Маша и вправду очень хорошо их нарисовала…

Чистяков. Какая Маша?

Званцева. Маша Шпак – ученица Ильи Ефимовича…

Чистяков. Вот оно что! А я все думаю – о ком это вы загрустили! Об Илье Ефимовиче!

Званцева *(поспешно)*. Нет, Павел Петрович! Вовсе нет! Это я просто так… Такое сравнение… Понимаете?..

Чистяков. Конечно, Елизавета Николаевна. Я все понимаю: красный оттенок, красные хризантемы… И там, и там – теплый цвет… Это вы очень верно заметили… *(Задумчиво)*. Но по своему огромному опыту я знаю: ни в живописи, ни в жизни ничего не бывает – просто так…

Явление 11

Репин рисует «Запорожцев». Входит Чистяков.

Чистяков. Можно, Илья Ефимович?

Репин *(приветливо)*. Конечно! Проходите, Павел Петрович! Я очень рад вас видеть! Тем более, что мне сейчас, как воздух, нужен ваш зоркий и опытный глаз…

Чистяков. Взгляд со стороны, да?

Репин. Да! *(С досадой)*. «Примелькались» мне мои «Запорожцы»! А оставить работу – тоже нельзя…

Чистяков. Конечно, нельзя! Искусство любит, чтобы им вдохновлялись, увлекались… А прервешь работу – прервешь и вдохновение…

Репин. Вот-вот!

Чистяков *(подходит к «Запорожцам»)*. Ну, что я вам скажу, Илья Ефимович?.. Наверное… ничего не скажу…

Репин *(ошарашено)*. Как – ничего?!

Чистяков *(торжественно)*. У меня – нет слов!!!

Репин. Совсем нет? *(Облегченно вздохнул)*.

Чистяков. Ну что вы! Слова у меня есть! И я их постоянно всем повторяю: «Какой сюжет – такая и живопись»! *(Показал на «Запорожцев»)*. А вы – великий мастер сюжета! Вот почему так заиграли самыми неожиданными красками ваши «Бурлаки на Волге», «Крестный ход», «Иван Грозный». А теперь – «Запорожцы»! Да, Илья Ефимович, в «Запорожцах» вы еще раз показали свой большой талант… Особенно – в выражении лиц! Мало художников найдется в Европе, которые так совершенно и выразительно чувствуют экспрессию! По выражению лиц эта работа – выдающаяся! Все ваши портреты погибают перед этой картиной!

Репин. Не все…

Чистяков. Ну, конечно, не все! У вас есть замечательные портреты Писемского, Мусоргского, Толстого… Но согласитесь – как и любые портретные работы, они несколько статичны. По экспрессии и по динамичности «Запорожцы» превосходят их всех!

Репин. С этим я согласен. Хотя иногда и статичным портретом можно сказать много… Вот посмотрите, например… *(Снимает ткань с мольберта, что стоит рядом)*.

Перед Чистяковым открывается портрет Званцевой.

Чистяков. Да это же Званцева! Елизавета Николаевна!

Репин. Она, Павел Петрович. *(С гордостью за свою работу)*. А что – похожа?

Чистяков. Как две капли воды!!! То же прекрасное лицо… Та же горделивая посадка головы… Те же светлые кисти рук с розовыми ладонями, как у Афродиты… А этот чарующий взгляд восточных глаз, эта таинственная улыбка… Так только великий Леонардо да Винчи рисовал свою Мону Лизу!

Репин. Стасов тоже в восторге от этого портрета… Говорит – это лучшее, что я до сих пор сделал. И какая красивая! Ах, какая славная, красивая, глаза с поволокой… А в воскресенье у меня была компания стасовских знакомых барышень и барыня одна, и Матэ. Девицы сразу выстроились перед портретом! Любовалась долго и баронесса – портрет Елизаветы Николаевны был для нее полной неожиданностью: «А это кто? Какая прелесть, вот прелесть! Кто это такая? Ах, как мне нравится ее лицо!» А Матэ оторваться не мог от портрета! И когда мы с балкона смотрели во все стороны бесподобных далей нашей северной Пальмиры, я нечаянно взглянул вниз в мастерскую – а Матэ, Матэ! – склонив голову на сторону, скрестивши руки на груди, Матэ сидит перед этим портретом и тает…

Чистяков *(будто бы между прочим)*. Какая-то она рассеянная в последнее время, наша Елизавета Николаевна…

Репин. Да? А я думал, что у вас – ей будет лучше… В том смысле, что вы – намного лучший учитель, чем я!

Чистяков. Так не слушает она меня, Илья Ефимович! Я ей – о зеленом и красном оттенках, а она мне – о красных хризантемах!

Репин. Она их любит, это правда…

Чистяков. А почему именно красные?

Репин. От них ей теплее…

Чистяков. Ну да! Это естественно! От красного цвета – всем теплее! Но – о чем она думает все время, что так невнимательна на уроках?

Репин. Не знаю, Павел Петрович… Если бы она пришла – я с ней об этом поговорил бы… Но она ко мне больше не приходит… Передайте ей, пожалуйста, эти краски – она их оставила, чтобы иногда приходить ко мне и

работать… *(Дает Чистякову ящик с красками)*. Зачем краскам сохнуть? Они ей еще пригодятся… Да, и еще вас попрошу: убедите ее подарить мне хотя бы один сеанс для окончания этого портрета…

Чистяков. Хорошо, Илья Ефимович. Я все ей передам. *(Уходит)*.

Явление 12

Мастерская Репина. Художник пока в обыкновенной одежде стоит у мольберта с портретом Званцевой. Рядом находятся его «Запорожцы». Что-то мучит Репина, он все время к чему-то прислушивается. Видно, что кого-то ждет. И вот наконец в мастерской появляется Елизавета Званцева.

Званцева. Здравствуйте, Илья Ефимович. Простите, что я опоздала.

Репин. Не волнуйтесь, Елизавета Николаевна… Я привык вас ждать… И готов это делать сколько понадобится… Хотя ждать приходится долго…

Званцева. Вы сами согласились, чтобы я перешла учиться к Чистякову.

Репин. Это была большая ошибка с моей стороны… Я думал, что будет лучше, если мы станем реже видеться… А теперь места себе не нахожу… Проходите, пожалуйста… *(Влюбленно посмотрел на гостью)*. Я так давно не видел вас у мольберта…

Званцева. Вы сами вернули мне мой ящик с красками… Зачем вы это сделали?

Репин. Я подумал, что он пригодится вам, что вы воспользуетесь красками, которые у меня только зря сохли… А вы рассердились…

Званцева. Да, рассердилась!

Репин. И, встретив меня на улице, прошли мимо, будто бы не узнавая…

Званцева. Вы вернули мне мои краски… Значит, вы сами больше не хотели меня знать…

Репин. Господи, Лиза, да разве вы не видите, что я вас люблю? Как я вас люблю! Боже мой, Боже, я никогда не думал, что мое чувство к вам вырастет до такой страсти. Я начинаю бояться за себя… Еще никогда в моей жизни,

никогда никого я не любил так сильно… Вы – всякую секунду у меня перед глазами… Везде ваш образ! Везде только вы!

Званцева. Илья Ефимович, не говорите этого, прошу вас… У нас с вами нет будущего. Вы хоть уже и разошлись со своей женой, но все равно вам будет не так просто развестись с ней официально. А это значит, что выйти за вас замуж я могу только неофициально, без оформления брака. Мои родители своего согласия на это не дадут… Да я и не смогу на такое решиться…

Репин. Вы боитесь меня, я знаю… Ну как же – старик, отец четверых детей… К тому же легкомысленный и часто увлекающийся…

Званцева. А разве неправда?

Репин. Те времена уже позади, Елизавета Николаевна.

Званцева. Все равно между нами остается «разница лет и разница положений». Вы мне сами так написали…

Репин. Да, я так написал. Потому что хорошо помню картину Пукирева «Неравный брак» и знаю, что она испортила много крови не одному старому генералу… Даже Костомаров, увидав эту картину, отказался от намерения жениться на молодой особе… И я намерен поступить так же, как он… Но я люблю вас, Лиза! Боже мой, как я вас люблю! Разве вы не видите, что я совершенно извелся?!

Званцева. Вижу. Вы очень похудели…

Репин. Это я над «Запорожцами» работал подолгу, не отрываясь от холста, и морил себя голодом… Потому и похудел… Но зато теперь бодрее себя чувствую, лучше работается, а я, как вам известно, для этого только и живу…

Званцева. Я знаю: единственная ваша настоящая любовь – это живопись. Все это знают. И слава Богу, что это так. Иначе я чувствовала бы себя виноватой в том, что вы похудели…

Репин. Не иронизируйте, Елизавета Николаевна. Вы прекрасно знаете, что живопись – это живопись, а вы – это вы! Без вас я тоже не могу!.. Но искусство я и вправду люблю больше всего на свете – больше, чем близких, чем друзей, чем всякое счастье… Люблю тайно, ревниво, как старый пьяница,

неизлечимо… Где бы я ни был, кем бы ни восхищался, чем бы ни наслаждался – оно всегда и везде со мной, в моем сердце, в моих желаниях… Часы утра, которые я ему посвящаю, – лучшие часы моей жизни. И радости, и горести, радости до счастья, горести до смерти – все в этих часах… Все второстепенно по важности в моей жизни – важно утро от 9 до 12 перед картиной!

Званцева *(ревниво слушает Репина и рассматривает «Запорожцев», чтобы не показать своего волнения).* Это сразу видно по вашей работе, Илья Ефимович… Вы многое изменили в этой картине – и в композиции, и в самих запорожцах… Теперь от этого холста исходит какое-то особенное человеческое тепло…

Репин. Это потому, что оно от самих запорожцев исходит! Вот почему!

Званцева. Жаль, что не все это понимают…

Репин. Это вы о моем давнишнем споре с Николаем Николаевичем? Да, к сожалению, Ге не понимает замысла моей картины… Он все забыл или ничего не знает из русской истории. Он забыл, что до учреждения этого рыцарского народного ордена наших братьев десятками тысяч угоняли в рабство и продавали, как скот, на рынках Трапезунда, Стамбула и других турецких городов. Так дело тянулось долго: была даже установившаяся цена на славянина и на немца (немец ценился дороже). И вот выделились из этой забитой, покорной, темной среды христиан смелые головы, герои, полные мужества, героизма и нравственной силы. «Довольно, – сказали они туркам, – мы поселимся на порогах Днепра – и отныне разве через наши трупы вы доберетесь до наших братьев и сестер». И даже в последний свой поход в Крым Сирко освободил до 6000 пленных христиан! *(Уже спокойнее)*. Простите, я снова увлекся своими запорожцами и совершенно забыл, что нам надо работать… Садитесь, Елизавета Николаевна, и набирайтесь терпения – будем заканчивать ваш портрет… *(Только теперь надевает свой рабочий халат)*.

Художник рисует Е.Н.Званцеву, вертится сценический круг…

Явление 13

И вот мы уже видим ту же мастерскую, но на следующий день. Репин подходит к «Запорожцам» и пытается рисовать, но работа ему не дается – он то отходит от холста, то возвращается к нему, наконец нервно откладывает кисти и палитру, снимает и бросает на стул свой халат. Потом садится и долго сидит, тяжело опустив голову. В это время звучит песня:

Чорна рілля ізорана, гей, гей!
Чорна рілля ізорана
І кулями засіяна, гей, гей!
І кулями засіяна, гей!
Білим тілом зволочена, гей, гей!
Білим тілом зволочена
І кровію сполощена, гей, гей!
І кровію сполощена, гей!
Вітер віє по долині, гей, гей!
Вітер віє по долині,
Лежить козак на купині, гей, гей!
Лежить козак на купині, гей!
Ані тата, ані мами, гей, гей!
Ані тата, ані мами,
Ані труни, ані ями, гей, гей!
Ані труни, ані ями, гей!
Летить ворон, усідає, гей, гей!
Летить ворон, усідає,
Йому очі випиває, гей, гей!
Йому очі випиває, гей!

Входит Званцева.

Званцева. Илья Ефимович, что с вами? Вы не больны? *(Обеспокоенно присматривается к нему)*.

Репин *(поднимается ей навстречу)*. Ах, Лиза, не спрашивайте меня ни о чем… Я так вас люблю! Но… лучше было бы мне не встречаться с вами вчера… Сегодня не могу сосредоточиться; не могу перенестись в Сечь, где не

было женщин, где сильные, здоровые, свободные люди обрекли себя на защиту ближних, слабых, на защиту всех дорогих интересов своей родины – веры, свободы, благоденствия… Они заглушали в себе чувство личной жизни, стремление к счастью, к тихой семейной идиллии…

Званцева. И вам тоже хочется заглушить это чувство? Тогда я лучше уйду…

Репин. Нет, Лиза, не уходите! Побудьте со мной… Мне всегда спокойнее, когда вы рядом… Давайте поработаем вместе – я буду рисовать «Запорожцев», а для вас там есть приготовленный этюд…

Званцева. Хорошо, Илья Ефимович. Только обещайте, что мы действительно будем работать и не станем разговаривать на волнующую нас обоих тему…

Репин. Конечно, конечно! Я обещаю, что не скажу ни слова о том, как безумно я вас люблю!

Званцева. Ну вот – вы опять начинаете… Я все-таки вас оставлю…

Репин. Нет-нет, Елизавета Николаевна, не уходите! Ради Бога, не уходите! Смотрите – я уже надеваю халат! *(Быстро надевает халат, берет кисти и чуть ли не бежит к «Запорожцам»)*.

Званцева. Ладно, я останусь. Где ваш приготовленный для меня этюд?

Репин *(притворяется, будто бы уже сосредоточен на «Запорожцах»)*. У окна. Он накрыт белой тканью.

Званцева. Этот?

Репин. Ну я же не вижу отсюда. Откройте и посмотрите.

Званцева открывает одну из картин и, шокированная, отступает от нее.

Репин. Ну что – нашли?

Званцева *(обиженно)*. Нашла… Интересный «этюд»…

Репин. Вам не нравится?

Званцева. Почему не нравится?.. Даже очень нравится… Особенно… грудь! *(Разворачивает мольберт и показывает нарисованную голую натурщицу)*.

Репин *(повернул голову и ужаснулся)*. Ой, Лиза, это не то! Вы не то открыли! *(Быстро подходит и накрывает портрет)*.

Званцева. Почему же не то? То! Хотя, в сущности, я ничего нового для себя не открыла… Вы вполне в своем репертуаре… У вас тут много таких «этюдов»?

Порывистым движением Званцева снимает ткань с еще одной картины – открывается портрет С.М.Драгомировой, девушки в украинском костюме.

Званцева. А это кто такая?

Репин. Софья Драгомирова. Украинка в национальном костюме.

Званцева. Ну, эта хотя бы одета…

Репин. Лиза, вы все не так воспринимаете – это всего лишь портреты!

Званцева. И я для вас тоже – всего лишь портрет?! Да?! Прощайте, Илья Ефимович… Рисуйте своих «Запорожцев»… Рисуйте кого хотите! Я к вам больше не приду! Теперь у вас будет время сосредоточиться на вашей работе! *(Быстро уходит)*.

Явление 14

Репин в своей мастерской. Усталый, с обмотанной правой рукой, он все еще работает над «Запорожцами». Потом откладывает кисти и палитру, стягивает с руки свой утеплитель-нарукавник, снимает халат и подходит ко второму мольберту, который накрыт тканью. Художник снимает ткань – это портрет Званцевой. Илья Ефимович долго смотрит на него, потом садится за стол и начинает писать письмо. Вот уже и написал.

Репин *(читает сам себе)*. «Скоро три часа, дорогая Елизавета Николаевна. Вы не приедете… Если бы Вы знали, сколько страданий я перенес в эту неделю!.. Итак, Вы больше не приедете?! Я не услышу более мягких, но сильных шагов на лестнице… я более не увижу Вас?! Прощайте, милая,

прелестная, дорогая… Если бы Вы знали, как глубоко уважаю я Вас и как безумно люблю! Я желаю Вам счастья больше, чем себе, – моя жизнь уже прожита, Ваша начинается… Остаюсь все тем же Вашим добрым знакомым не без сожаления о том, *чего не было*, и нисколь почти не жалеющим того, *что было*»…

И тут входит Званцева.

Званцева. Здравствуйте, Илья Ефимович. Я пришла проститься с вами – я уезжаю в Москву.

Репин *(грустно)*. Я знаю – Чистяков мне уже сказал… Но зачем? Почему? Вам же надо еще учиться!

Званцева. Я так решила…

Репин. Подальше от меня, да? Ну что же, я вас понимаю… Зачем вам связывать со мной свою судьбу: я бываю капризен, эгоистичен – у меня отвратительный характер… Это правда. Но это не потому, что меня избаловала публика и рецензенты, как вы мне теперь написали! Нет, зло, раздражительность и отчаяние происходят от надорванности сил, от непосильных порывов, от невозможности приблизиться к идеалу…

Званцева. Илья Ефимович, вы к себе слишком взыскательны… И даже несправедливы… Это вы-то в своем творчестве не приблизились к идеалу?! А «Бурлаки на Волге», «Иван Грозный»? А «Запорожцы», наконец?! Если хотите знать, Чистяков очень высокого мнения об этой картине. Он говорит, что во всей Европе мало найдется художников, которые так совершенно и выразительно чувствуют экспрессию. А Стасов считает, что ваши «Запорожцы» не уступают лучшим страницам «Тараса Бульбы»!

Репин. Лучшее, что я написал в своей жизни, Елизавета Николаевна, здесь, в этом письме… *(Протягивает Званцевой письмо)*. Возьмите, потом прочтете…

Званцева *(взяв письмо)*. Мне пора… Прощайте, Илья Ефимович.

Репин. Я вас больше не увижу?

Званцева. У вас остается мой портрет…

Репин. Да, портрет… Он очень удачным у меня получился… Стасов в восторге от вашего портрета, говорит, что это лучшее, что я до сих пор сделал. И какая красивая! Ах, какая славная, красивая, глаза с поволокой!.. И Матэ тоже не мог оторваться от него…

Званцева. Предложите его Третьякову – он купит…

Репин. Нет, Елизавета Николаевна, я никогда никому не продам ваш портрет!

Званцева. А я никогда не выйду замуж…

Репин. Что вы, Лиза! Не подумайте сделать такую глупость! Забудьте меня – моя жизнь уже прожита, а ваша – только начинается!

Званцева. Я уже тоже прожила самую важную часть своей жизни, Илья Ефимович. Здесь, в Петербурге. Рядом с вами… *(Уходит)*.

Явление 15

Снова 1930 год, и мы видим 86-летнего Репина: он сидит перед портретом Званцевой в своей мастерской. Входит Вера Ильинична.

Вера Ильинична. Папа, с кем это сейчас ты разговаривал?

Репин. Сам с собой, Вера. Не удивляйся – старики, они часто про себя что-то ворчат…

Вера Ильинична. Может, ты все-таки приляжешь? Твоя простуда еще не прошла – как бы тебе опять не стало хуже…

Репин. Не волнуйся – со мной все в порядке. Занимайся хозяйством, а я еще поработаю…

Дочь уходит. Репин берет кисти и пытается подправить запорожцев на картине «Гопак», но у него ничего не получается. Художник отходит от мольберта, садится на стул и сидит, тяжело опустив голову. Входит Званцева – она в том же наряде, что и на портрете. Такая же красивая и молодая.

Званцева. Ну вот: мой портрет – опять возле запорожцев! Только теперь – возле танцующих. Это уже такая закономерность, Илья Ефимович?

Репин *(не глядя на нее ни теперь, ни позже)*. Нет, Елизавета Николаевна, это случайность… А может, и закономерность, если учесть, что пришел мой час распрощаться и с запорожцами, и с вами…

Званцева *(рассматривает свой портрет)*. Вы зарисовали фон… Зачем? Серый фон – был естественнее…

Репин. Я знаю. Но розовый фон – теплее… Разве не так?

Званцева. Так.

Репин. Вот и хорошо. *(Тяжело опустил голову)*.

Званцева. Илья Ефимович, что с вами? Вы не больны? *(Обеспокоенно присматривается к нему)*.

Репин. Ах, Лиза, не спрашивайте меня ни о чем… Я так вас люблю!.. Но… лучше было бы не приносить сюда ваш портрет… Теперь я не могу сосредоточиться; не могу перенестись в Сечь, где не было женщин, где сильные, здоровые, свободные люди обрекли себя на защиту ближних, слабых, на защиту всех дорогих интересов своей родины – веры, свободы, благоденствия… Они заглушали в себе чувство личной жизни, стремление к счастью, к тихой семейной жизни…

Званцева. И вам тоже хочется заглушить это чувство? Тогда я лучше уйду…

Репин. Нет, Лиза, не уходите! Побудьте у меня… Мне всегда спокойнее, когда вы рядом… Давайте поработаем вместе – я буду рисовать танцующих запорожцев, а для вас там есть подготовленный этюд…

Званцева. Хорошо, Илья Ефимович. Только обещайте, что мы действительно будем работать и не станем разговаривать на волнующую нас обоих тему…

Репин. Конечно, конечно! Я обещаю, что не скажу ни слова о том, что до сих пор вас люблю!

Званцева. Ну вот – вы опять начинаете… Я все-таки вас оставлю…

Репин. Нет-нет, Елизавета Николаевна, не уходите! Ради Бога, не уходите! Это же… не вы уходите, это – жизнь уходит! Смотрите – я уже надеваю халат!

Репин надевает халат, берет кисти и идет к «Гопаку». Но Званцева все же уходит… Уже возле картины Репин оглядывается и, не увидев в мастерской той, с которой он только что разговаривал, тяжело опускается на стул…

Явление 16

Репин сидит перед портретом Званцевой и не может отвести от нее глаз. Входит Вера Ильинична.

Вера Ильинична. Ты уже закончил, папа?

Репин. Да, Вера… Почти закончил… Осталось только в верхнем углу немного тронуть кистью – и все…

Вера Ильинична. Слава Богу. Тогда идем обедать.

Репин. Я не хочу обедать. Что-то мне ничего уже не хочется…

Вера Ильинична. Как это?

Репин *(грустно посмотрел на портрет Званцевой)*. Вера, она сказала, что больше не придет…

Вера Ильинична. Кто?

Репин *(глядя на портрет)*. Елизавета Николаевна… Званцева…

Вера Ильинична. Папа, она и не может придти – она умерла девять лет тому назад, еще в 1921 году! Ты уже забыл?

Репин. Нет, нет, я все помню…

Вера Ильинична. Тогда зачем ты зарисовал на ее портрете серый фон розовой краской?

Репин. Она очень любила этот цвет. *(Погладил рукой хризантемы)*. Он ей напоминал ее любимые красные хризантемы… И потом: красный цвет – это теплый цвет, ты же знаешь… Он будет ее согревать. *(Задумчиво)*. Здесь так холодно…

Вера Ильинична. Да, холодно, и тебе с твоей температурой надо лежать в постели!

Репин. Хорошо, хорошо… Я уже ложусь… Но я тебя попрошу: поставь возле кровати этот портрет – мне надо к нему хорошенько присмотреться и потом поправить еще кое-что…

Вера Ильинична *(вздохнула)*. Придется поставить – тебя все равно не переубедишь. Только ты долго не присматривайся, а просто полежи и отдохни…

Репин. Хорошо, Вера. Я недолго – чуть-чуть…

Вера Ильинична помогает отцу лечь на кровать, ставит рядом портрет Званцевой и выходит. На некоторое время художник впадает в забытье. Потом поднимает правую руку и словно рисует в воздухе. Рука опускается все ниже и ниже и наконец бессильно падает на кровать… Репин лежит неподвижно… В это время звучит песня:

Чорна рілля ізорана, гей, гей!
Чорна рілля ізорана
І кулями засіяна, гей, гей!
І кулями засіяна, гей!
Білим тілом зволочена, гей, гей!
Білим тілом зволочена
І кровію сполощена, гей, гей!
І кровію сполощена, гей!
Вітер віє по долині, гей, гей!
Вітер віє по долині,
Лежить козак на купині, гей, гей!
Лежить козак на купині, гей!
Ані тата, ані мами, гей, гей!
Ані тата, ані мами,
Ані труни, ані ями, гей, гей!
Ані труни, ані ями, гей!
Летить ворон, усідає, гей, гей!
Летить ворон, усідає,
Йому очі випиває, гей, гей!
Йому очі випиває, гей!

Входит Званцева – такая же, как и на портрете. Она подходит к своему портрету и бережно проводит по нему рукой, затем нежно гладит картину с танцующими запорожцами. Потом идет к четырем большим картинам, накрытым тканями, и по очереди снимает ткани с холстов. Открываются «Бурлаки на Волге», «Крестный ход в Курской губернии», «Иван Грозный и сын его Иван» и «Запорожцы»… После этого Званцева подходит к Репину, становится перед ним на колени и устами припадает к его уже неподвижной правой руке*.

Занавес.

---

*Илья Ефимович Репин умер 29 сентября 1930 года в «Пенатах» и был похоронен там, где он и завещал, – возле своего дома, в парке, под Чугуевской горой. Как вспоминает его младшая дочь Татьяна Ильинична: «Скончался он на моих глазах… Как-то в последние дни в забытьи он вдруг протянул руку, сложил пальцы точно так, когда, бывало, брал кисть, и стал резко и определенно как бы накладывать мазки в воздухе».

Драма «Портрет Званцевой», как и все предыдущие пьесы, написана на основе реальных событий и документально подтвержденных фактов (в частности, писем И.Е. Репина к Е.Н. Званцевой). О том, как художник переписал фон на портрете Званцевой, С. Пророкова в своей книге «Репин» рассказала следующее: «Случилось так, что Репин незадолго до смерти взял из столовой этот портрет в свою мастерскую и записал серый фон розовой краской. Он что-то хотел сказать этим розовым фоном. Прощаясь с жизнью, он снова ласкал своими кистями дорогой ему образ любимой девушки».

Поскольку воспоминаний о своей учебе у Репина Е.Н. Званцева не оставила, автору пришлось использовать воспоминания других его учениц и учеников. Особенно пригодилась статья В.В. Веревкиной «Памяти учителя» («Художественное наследство», т. II). Вера Васильевна познакомилась с Репиным в 1893 году, благодаря все тому же В.В. Матэ, который познакомил с художником и Званцеву. Именно в ее статье есть эпизод с лошадиным черепом. Вот как рассказывает Веревкина о своем первом уроке у Репина: «Начинайте, я вам поставил натюрморт. Когда кончу свое, приду посмотреть», – не здороваясь, сказал мне Репин и вышел. Только теперь я увидела поставленный в стороне натюрморт: столик, покрытый тусклой тканью, на нем ветхие книги и лошадиный череп с прислоненной к нему флейтой. Скучной и однотонной показалась мне эта модель… Я поворчала в душе, несмотря на свое благоговение…»

Вот я и подумал – а почему Званцевой в 1889 году Репин не мог поставить похожий натюрморт? И почему она точно так же, как и Веревкина, не могла от этого «поворчать в душе»? Тем более, что это так прекрасно контрастирует с цветами, которые и в самом деле (в эти же 1888-1889 годы) рисовала у Репина еще одна его ученица – Мария Шпак! (М.В. Шпак, умершая в юности от скоротечной чахотки, известна именно как художник-акварелист, и ее творческое наследие составляют в основном натюрморты с цветами).

Оставалось только додумать – какие это могли быть цветы… Если Званцева познакомилась с Репиным в ноябре 1888 года, то, конечно же, – хризантемы. А красный цвет хризантем выбран по сукровичному фону на нынешнем портрете Званцевой и по учению Чистякова о красном оттенке и о том, что он соответствует теплому… (Все высказывания Павла Петровича Чистякова о живописи и рисунке – взяты из его писем к художникам, а также из записей педагога).

Как рисовалась картина. И как писалась пьеса «Запорожцы»

Заметки на полях драмы, с которой и начался роман в пьесах

1. Раздел, которого нет

К написанию этих заметок меня подтолкнули две вещи: воспоминания Д.И. Яворницкого «Как создавалась картина «Запорожцы», напечатанные во втором томе «Художественного наследства» в 1949 году, и отсутствие таких воспоминаний у самого И.Е. Репина. По словам Корнея Чуковского, который помогал Репину редактировать его мемуары «Далекое близкое», художник собирался об этом рассказать в отдельном разделе своей книги, но сначала этому помешала смерть второй жены, потом – Первая мировая война, революция, эмиграция и т.д. Хотя мне кажется, что после некоторых едких отзывов в прессе на уже опубликованные отрывки из названных мемуаров (об этом Чуковский также рассказывает в предисловии к «Далекому близкому») дальше писать свои воспоминания Репин, наверное, и не хотел…

А жаль. Очень жаль. Кто лучше самого художника мог бы рассказать о его многолетней работе над картиной, о советах Костомарова и помощи Яворницкого, о трех поездках в поисках материала в Украину и на Кубань? Это была бы великая школа для следующих поколений! Тем более что рассказчиком Илья Репин был превосходным: язык его письма отличается легкостью, живостью, образностью, а наблюдения объемистые и очень точные, как мазки кисти на каждой картине. Остались, конечно, ценные (бесценные!) воспоминания о роботе над «Запорожцами» в письмах Репина к друзьям, дневниковые записи Жиркевича, уже названная статья Яворницкого, которую он писал через несколько десятилетий, а поэтому многое успел забыть. А остальное остается на догадку нам всем…

Надо отдать должное биографам и исследователям творчества Ильи Ефимовича Репина – искусствоведам О.А. Лясковской, И.С. Зильберштейну, С.А. Пророковой: очень серьезно проанализировав все авторские варианты «Запорожцев» и многочисленные этюды к картине, а также весь имеющийся текстовый материал, они смогли частично воспроизвести историю написания этого шедевра. Конечно же, эта история далеко не полная и трудно сказать, когда таковой станет, – ведь огромный творческий архив, собранный Репиным к «Запорожцам», уже давно разошелся по всему миру. Но если мы неуклонно будем дополнять ее своими искусствоведческими и литературными находками, то, может быть, хотя бы таким образом компенсируем отсутствие того раздела, которого Репин нам так и не оставил…

2. Драма началась с поэмы

Так было в мировой литературе, если вспомнить древнегреческую драматургию.

Так вышло и у меня.

Фактически предыстория написания драмы «Запорожцы» (первоначальное ее название «Репин и Яворницкий») началась еще в далеком 1973 году, когда, заканчивая десятилетку, я приобрел в нашем сельском книжном магазине монографию М.Н. Шубравской «Д.И. Яворницкий». Из этой книги я впервые узнал об украинском историке, а также о том, что именно с него Илья Репин рисовал писаря на своей знаменитой картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Через десять лет, в 1983-м, когда я писал поэму «Останній сон Яворницького» (журнал «Вітчизна», 1987, №7), великий книголюб Антон Григорьевич Бурлачук подарил мне книгу Г. Нудьги «Переписка запорожцев с турецким султаном», где много страниц было посвящено истории создания картины «Запорожцы». И уже в этой небольшой поэме рядом с Дмитрием Ивановичем Яворницким был у меня Илья Ефимович Репин со своими «Запорожцами», а я мечтал, что, если доживу, напишу об этих двух Великих Подвижниках и более объемистое произведение…

Пьес я тогда еще не писал: на большие формы нельзя с оглоблей наскакивать – до них надо дорастать. Но театр еще со студенческих лет стоял у меня перед глазами, и то место из книги Григория Нудьги, где были знакомые еще по университету тезис и антитезис («Я султан – ты шайтан!», «Я брат солнца и месяца – ты черта брат и товарищ!»), потом часто возвращало мои мысли к Репину и его картине. Вот так – стояли запорожцы, а напротив – султан, и обменивались острыми словесами! Колоритная сцена!!! Но ведь – только одна…

Была в книге Г. Нудьги еще одна прекрасная драматургическая подсказка – о том, как Репин и Яворницкий обманули Алексеева. Когда он отказался, чтобы его могучий затылок изобразили на картине, Яворницкий пригласил генерала к себе в гости, разложил перед ним старинные монеты, и, пока тот их рассматривал, Репин зарисовал его затылок… Я обратил тогда внимание на этот комический эпизод, но что-то меня тут не устраивало… Ну обманули, Яворницкий – раскладывает монеты, Алексеев – рассматривает, Репин – рисует… Потом, как пишут исследователи, Алексеев очень обиделся, когда узнал на картине свой затылок… Ну и что?.. Это и так всем известно... Нужна новизна!

И в один прекрасный день, который наступил через много лет, меня, наконец, осенило…

3. «Илья Ефимович, запорожцев принимаете?»

Эту подсказку дало мне письмо Ильи Репина к Г.П. Алексееву, написанное в марте 1891 года… «Глубокоуважаемый Георгий Петрович! Исполнить всякое Ваше желание я

считаю для себя большой честью… Вы так добросердечно относитесь к моему труду… Буду ждать Вас завтра, в назначенное Вами время… Со своей стороны я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой: если последуют заявления Вам желаний посетить мою мастерскую еще некоторыми лицами, то, прошу Вас, отклоняйте их… Будьте моим благодетелем *до конца* картины… Вы не можете себе представить, как утомляют и отвлекают посетители. Пожалуйста, не примите этого на Ваш счет. Вам я так обязан, так обязан! Повторяю: я жду Вас завтра с радостью. Но после буду *в затворе*».

Господи, да вот же оно – то, что так блестяще можно обыграть в пьесе:

– Обиженный Алексеев приходил к Репину смотреть уже почти законченных «Запорожцев»!!!

Это была редкостная находка – Алексеев не сидит за столом, потупившись в ржавые монеты, а чванливо хвалится своей коллекцией, боязливо оглядываясь, сетует на сварливую жену, восхищается гениальной картиной Репина, обижается за тот же самый затылок, просит нарисовать его так, чтобы он «лицом к зрителю стоял», корчит гримасы... Образ раскрывается, развивается! И предстает во всей своей комической красоте… А какая здесь представилась возможность, чтобы поговорить о самой картине – и кто где нарисован, и с кого писались эти запорожцы!

И все на достоверных фактах о вполне реальных людях: Иван Сирко – генерал Драгомиров, судья – меценат Тарновский, беззубый козак – Никишка, кучер Тарновского, Тарас Бульба – профессор консерватории Рубец…

Даже слова Алексеева про его злую генеральшу, которая «не любит старых вещей, и если его нет дома, то какую бы редкостную вещь ни привезли ему на приобретение – всех в три шеи прогоняет со двора», базируются на воспоминаниях Яворницкого, приведенных в книге Ивана Шаповала «В поисках сокровищ». Как-то один селянин, зная, что старый генерал покупает древности, вез Алексееву «стару козацьку скриню» (сундук)… Так историк, встретив селянина с его кладом, тут же выдумал, что генерал «умер», напугал беднягу вечно сердитой генеральшей и забрал «скриню» в музей почти что даром…

А генерал на то время был жив, здоров и даже не думал умирать.

Вот и в моей пьесе благодаря этой удивительной находке (показать Алексеева не за столом за старыми монетами, а уже перед нарисованной картиной) – он получился живой и колоритный!

4. «Найдите десять различий на этих двух рисунках»

В литературе многое зависит от фантазии.

Но не меньше – от умения логически мыслить и вдумчиво анализировать. Ведь именно этому учат нас еще с детства…

Помните, как нам показывали два, казалось бы, совершенно одинаковых рисунка, и просили обнаружить на них десять различий? И мы, внимательно всматриваясь, и в самом деле видели, что на одном рисунке – усы вверх, а на втором – усы вниз… И там – есть сережка в ухе, а тут – нет… Сережка, правда, не очень вяжется с усами, но я уже говорю не о рисунках, а о картине Ильи Репина – тут сережки есть сразу у двух козаков! А на масляном эскизе, над которым Репин работал с 1879-го по 1887 год, – только у одного…

Но сережки – это мелочь… Они маленькие – их можно и не рассмотреть. А как не заметить, что на картине раздетый до пояса козак – сидит за столом, а на эскизе – стоит? На эскизе из всего богатого оружия, которым так славились запорожцы, – только одна сабля и фрагменты двух копий. А на картине – весь запорожский арсенал: копья, ружья, сабли, пороховницы, пистоли… И еще на эскизе не видно запорожского полковника, судьи, старого деда отставного, бурсака… Нет на столе графина, карт и Евангелии… Скуп эскиз и на роскошную козацкую одежду, которая во всей своей разноцветности так широко представлена на картине… Какие-то невзрачные на эскизе и «самі перші подруги козацькі» – люльки (трубки). А на большом холсте – любовно нарисованы и обычные трубки, и большая трубка «обчиська», из которой курили все по очереди…

Между эскизом и картиной различий больше, чем десять.

И все они появились именно после того, как Репин познакомился с Яворницким!

Конечно же, из эскиза на картину перенесены главные персонажи – писарь за столом, козак, подсказывающий ему какое-то острое словцо, Иван Сирко, опирающийся на пушку, запорожец, который хохочет, ухватившись руками за живот, тот, что указывает рукой в сторону Османской империи и многие другие… Много лет ушло у Репина на то, чтобы найти эту прекрасную композицию. И главный замысел и самые большие находки принадлежат именно ему!

Поэтому когда Яворницкий в своих воспоминаниях пишет, что после того, как они с Репиным познакомились, «картина была начата», – он вовсе не имеет ввиду, что художник начал работу с нуля, а только то, что Репин после многолетних поисков наконец решился пристроить на огромном мольберте холст высотой два и шириной три с половиной метра и, отставив в сторону эскиз, начал рисовать *картину*.

Но ведь решился Репин благодаря Яворницкому!

Кстати, как пишет Ольга Лясковская, «эскиз, известный нам в настоящее время, не соответствует тому, который был созданный Репиным в 1880 году. Последний был переделан художником, вероятно, после окончания двух других вариантов картины на

больших холстах. Репин переписал голову атамана Сирко, придав ему черты лица и выражение, сходные с образом в ленинградском варианте картины».

Этот эскиз художник и подарил Яворницкому, а потом его (за посредничеством Репина) приобрел Третьяков. Как уточняет Лясковская: «Эскиз был продан в декабре 1891 г. Поступил в собр. П.М. Третьякова в 1893 г.». Сирко с демоническим выражением лица сохранился только на харьковском варианте картины. (Поэтому на масляном эскизе, что его Репин впервые показывает Яворницкому в явлении 6, нужно воспроизвести демонический взгляд Ивана Сирка именно за тем вариантом «Запорожцев», которым владеет Харьковский художественный музей. Кстати, размер эскиза – 67х87 см, а картины – 203х358. Поэтому эскиз надо немного увеличить – иначе зрители ничего на нем не увидят, а картину, наоборот, – уменьшить, чтобы она не была слишком громоздкой).

5. «Мастер исторических дел»

Известный искусствовед, один из редакторов «Художественного наследства» И.С. Зильберштейн в своем подробном исследовании «Репин в работе над «Запорожцами» (том II) писал: «Картина Репина «Запорожцы, сочиняющие письмо к турецкому султану» принадлежит к небольшому числу тех созданий художника, которые не только зрители и критики, но и сам он ценил весьма высоко. Репин знал, что «Запорожцы» – одно из самых популярных произведений его кисти. И действительно, ни одна из его картин не разошлась в таком количестве репродукций, как эта, и ни одну не копировали так часто еще при жизни художника.

…Услыхав летом 1878 г. в Абрамцеве содержание смехотворного, издевательского ответа, посланного запорожскими казаками… турецкому султану, – художник набросал первый карандашный эскиз «Запорожцев»… Но завершил это свое произведение Репин лишь через двенадцать лет, что засвидетельствовал сам, проставив на холсте даты: «1880–1891».

В чем же причина такой необычной для Репина той поры медлительности в работе над данной картиной, почему Репин в те же годы завершил другие свои капитальные замыслы, большая часть которых зародилась значительно позже «Запорожцев», а «Запорожцы» оставались незавершенными? Ведь после 1880 г. Репин закончил «Вечорниці», …«Крестный ход в Курской губернии», …«Не ждали», …«Ивана Грозного», …а «Запорожцы», начатые еще в 1880 г., были впервые продемонстрированы Репиным лишь в ноябре 1891 г.

Вне всякого сомнения, Репин отложил работу над «Запорожцами» поневоле, а отнюдь не потому, что другие замыслы захватили его сильнее. Избрав сложную историческую тему,

требующую больших и специальных познаний, Репин оказался не в силах осуществить свой замысел без советчика, который доставлял бы ему необходимые документальные материалы, иконографию, ориентировал бы в музейных фондах. В создании первых исторических полотен Репину неизменно помогал В.В. Стасов, много потрудившийся над разысканием материалов для «Славянских композиторов», для «Царевны Софьи» и для «Грозного». Но в работе над «Запорожцами» Стасов не мог быть полезен Репину в той же степени, потому что он не являлся знатоком истории Украины. К тому же Стасов не оценил замысла новой картины Репина, принадлежавшей к числу тех, на которые он, по замечанию художника, вначале «и смотреть не стал»… *(Когда картина была уже нарисована, В.В. Стасов дал ей очень высокую оценку. «Запорожцы» – великое произведение русской художественной школы», – утверждал он в своей статье, напечатанной в «Северном вестнике». А в письме к П.М. Третьякову от 20 января 1892 года критик писал по поводу покупки «Запорожцев» императором: «Кажется, хотя и покупают за 35 000, и хвалят, и все-таки не разумеют, что эта картина – родной братец гениальной картины Веласкеза Las Lanzas» – В.Г.).*

И долго возле Репина не было человека, который поверил бы в его замысел и мог бы ознакомить его с бытовым укладом эпохи, с оружием, утварью и прочими подлинными предметами обихода запорожцев XVII века, с литературно-историческими источниками и, наконец, мог бы подыскивать для него живую «натуру». Лишь около 1887 г. Репин познакомился с настоящим «мастером исторических дел», да еще специалистом именно по истории запорожского казачества. Это был профессор Д.И. Эварницкий…

К моменту знакомства с Репиным Д.И. Эварницкий… сделал уже немало для изучения исторических судеб Запорожья. По окончании в 1881 г. Харьковского университета он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории (чтение курса по истории Украины тогда не допускалось). Темой своей магистерской диссертации Эварницкий взял «Историю запорожских казаков». Еще в студенческие годы он начал собирать на Екатеринославщине и Харьковщине предания, думы и песни о запорожцах, изучать уцелевшие исторические памятники, посещать те места, где была когда-то Запорожская Сечь, участвовать в археологических раскопках, разыскивать уцелевшие историко-бытовые материалы. Около 1886 г. Эварницкий переехал на жительство в Петербург, где принялся за работу в архивах…

Прослышав про то, что Д.И. Эварницкий переселился в Петербург, Репин предпринял шаги, чтобы познакомиться с ним… Скоро Репин убедился, что Эварницкий будет ему чрезвычайно полезен в деле завершения его давнишнего замысла. Общительный, великолепно знающий подлинные документальные и археологические материалы изучаемой им эпохи, Эварницкий был в истории прежде всего художником-энтузиастом: недаром украинский поэт Я.И. Щеголев называл его «завзятым запорожцем… семь раз ломавшим

руку на Днепровских порогах и готовым семьдесят раз поломать ноги, лишь бы только окунуться в Днепр и взобраться на его скалы». Самое ценное в многочисленных работах Эварницкого – это художественная их сторона, личные впечатления автора от посещения исторических мест и записанные им исторические предания и апокрифы. Именно эти качества работ Эварницкого и представляли для Репина неоценимую прелесть.

Немалую роль в их сближении сыграло и то, что Эварницкий принялся помогать Репину с большой охотой и действительно сделал для него все, что мог: позировал сам для центральной фигуры писаря, подыскивал для Репина живую «натуру» среди современников-украинцев, рассказывал ему исторические события тех лет, снабжал его документальными материалами, ознакомил его с коллекциями предметов запорожской старины и, наконец, предоставил в распоряжение Репина собственное собрание украинских древностей: тут были и жупаны, и «сапьянці» (сафьяновые сапоги), и «люльки» всех размеров, и оружие, и даже графин, выкопанный с «горілкою» в могиле близ места бывшей Сечи (очевидно, этот самый графин и написан на картине перед «писарем» – Эварницким). Нечего и доказывать, что все это должно было стимулировать дальнейшую работу Репина и приблизить день завершения «Запорожцев».

Дружескую помощь историка Репин принимал с большой благодарностью. Через несколько месяцев после знакомства художник предоставил в распоряжение Эварницкого девять рисунков для его двухтомного исследования «Запорожье в остатках старины и преданиях народа». Некоторые из этих рисунков были исполнены им специально… В тот же период Репин подарил Эварницкому первый законченный эскиз «Запорожцев» (масло), ныне хранящийся в Третьяковской галерее.

В Петербурге Эварницкий прожил до 1892 г., затем бывал в столице лишь наездами. Каждый раз, когда Эварницкий приезжал в Петербург, он неизменно виделся с Репиным *(Так, в письме Репина к Яворницкому от 9 февраля 1897 года читаем: «Дорогой Дмитрий Иванович. Я очень, очень рад, если Вы осчастливите мои казенные хоромы Вашим бесподобным чтением, в обществе любезных наших земляков. Я бы просил Вас, если у Вас не предположится раньше где-нибудь – прямо ко мне с вокзала и остановиться у меня». – В.Г.).* А с переездом историка в 1902 г. на постоянное жительство в Екатеринослав, где он энергичнейшим образом занялся осуществлением заветной мечты – созданием музея украинской старины, – его связь с Репиным продолжала поддерживаться перепиской. Когда, в ноябре 1913 г., в Екатеринославе состоялось торжественное заседание, посвященное тридцатилетию литературно-ученой деятельности Д.И. Эварницкого, Репин прислал юбиляру приветственную телеграмму: «Дружески обнимаю бессмертную душу Запорожья». Их переписка продолжалась – с некоторыми перерывами – до последнего года жизни великого художника. Всех писем Репина в архиве Эварницкого сохранилось свыше

шестидесяти: последнее из них датировано 31 мая 1930 г.; это значит, что оно было написано Репиным за четыре месяца до смерти».

Это вообще одно из последних писем Репина. И то, что оно адресовано именно Д.И. Яворницкому, говорит само за себя…

«Дорогой, милый, ласковый Дмитрий Иванович. Зима была холодная, и я никакого труда своего не подвинул. Всю весну, несмотря на ангельски хорошую погоду и тепло. Мое здоровье вообще становится все хуже и хуже. Появилась слабость: ноги теперь уже почти разучились ходить. Из предположенных работ ничего уже не подвигалось. И ах, какое это печальное время!.. Однако Вы меня простите, ну, с какой стати я сообщаю Вам об этих неприятностях?.. Простите, простите! Душа моя полна лучшими пожеланиями Вам и супруге Вашей Серафиме Дмитриевне. Всего Вам лучшего!.. Искренне преданный Вам *Илья Репин*. Простите за это неудачное письмо».

Огромная роль Яворницкого в истории создания Репиным картины «Запорожцы» для исследователей настолько очевидна, что ни один из них не обходит молчанием этот неоспоримый факт. Так, О. Лясковская в монографии «Илья Ефимович Репин» подчеркивает, что именно «знакомство с Д.И. Яворницким дало Репину возможность углубиться в изучение Запорожской Сечи и ее памятников, потому что историк предоставил в его распоряжение все свои материалы», а С. Пророкова в своей книге «Репин», которая увидела свет в серии «Жизнь замечательных людей», пишет, что «возле этого холста у художника с Яворницким возникла крепкая дружба, которая сохранилась и потом»…

О. Лясковская даже приводит конкретные примеры этой близкой дружбы. Так, уже в начале своей монографии, описывая первые, очень трудные годы жизни художника в Петербурге, она ссылается на воспоминания академика Д.И. Яворницкого «Художник И.Е. Репин», в которых приводятся такие признания Репина своему другу: «… на первых порах мне пришлось очень круто: чтобы не погибнуть от голода, я бросался на всякую работу – красил на домах железные крыши, красил экипажи, даже железные ведра». «Только Яворницкому, с которым его многое чисто по-человечески связывало, рассказал Репин о той острой нужде, которую ему пришлось терпеть первое время в Петербурге», – пишет дальше Лясковская. Много места уделила этой дружбе и М. Шубравская в своей книге «Д.И. Яворницкий».

После написания «Запорожцев» Репин еще не раз обращался за помощью к своему другу. 25 декабря 1903 года художник писал ему из Петербурга: «Дорогой Дмитрий Иванович. Понадобилось мне то запорожское знамя с *галерой*, копия с которого гостила у меня больше 10 лет назад, Вами воспроизведенное… Вы, конечно, хорошо помните, где оригинал. Будьте добры и милы по-всегдашнему, черкните мне, где мне искать его. Мне очень оно теперь нужно». В это время Репин уже работал над «Черноморской вольницей».

Кто знает – не с той ли копии, сделанной в свое время Яворницким и предоставленной в распоряжение Ильи Ефимовича, и зародился замысел картины?!

А 9 мая 1909 года, рисуя гайдамак, Репин снова обращается к Яворницкому: «Дорогой Дмитрий Иванович. К Вам просьба. Вам, разумеется, известна форма *священного ножа* гайдамак? Может быть, в Вашем музее есть образцы? Если есть возможность иметь фотографию с такого ножа, я был бы очень счастлив». И историк сразу же откликнулся. В музее имени А.Н. Поля, которым он руководил, тогда находилось два таких ножа. Были сделаны фотографии и сразу же отосланы в «Пенаты».

Много исторических книг и фотографий отправил Д.И. Яворницкий И.Е. Репину, когда художник писал картину «Гопак» в 1926–1930 годах. Их переписка свидетельствует, что в это время Яворницкий поддерживал Репина, как никто другой! (Отрывки из писем художника, подтверждающие это, приводятся в начале явления 8 драмы «Гопак»).

6. Пушка, которой не видно

Есть на картине «Запорожцы» одно интересное место – это очень странная, я даже сказал бы, неестественная поза кошевого атамана Ивана Сирко. Все запорожцы либо сидят за столом, либо стоят вокруг стола. И только кошевой атаман как-то полусогнулся и, резко подавшись вперед, оперся на спину козака, который сидит рядом с писарем (да еще облокотившись на бок правой рукой)… Яворницкий в своих мемуарах написал, что прославленный кошевой атаман «сидит», не уточнив на чем. Но ведь он не «сидит»! И не стоит… И вот так бесцеремонно навалиться на спину товарища он тоже не может: этикет запорожского братства, где запорожцы и обращались-то друг к другу не иначе, как «пане-товаришу», это просто исключает…

Объяснение этой непонятной позе центрального персонажа дала Ольга Лясковская, которая в своей монографии «Илья Ефимович Репин» отметила: «Первоначально Сирко был написан в позе, близкой к этюду, исполненному в 1880 году с В.В. Тарновского, изображенного в красном кунтуше, *опирающимся на пушку (*выделено мною. – *В.Г.)*». А во втором томе «Художественного наследства» на странице 75 помещена репродукция картины И. Репина «Гетман» (1880-е гг.), где гетман изображен точно в такой же позе, как нарисованный на «Запорожцах» Иван Сирко, только опирается он левой рукой на ствол пушки, который направлен на зрителя! На своей картине Репин один к одному передал эту позу, когда изображал кошевого, но вместо ствола пушки нарисовал голову козака. Вот теперь и получается, что Сирко опирается на его спину.

Исследователи же, которые пишут о «Запорожцах», до сих пор пишут, что «Сирко опирается на пушку». Поэтому в моей пьесе актеры театра Кропивницкого приносят с собой

небольшой фальконет и, когда Репин расстанавливает их вокруг стола и «рисует» из них живую картину, художник говорит: «За писарем обопрется на пушку Иван Сирко», иначе – на что же он обопрется, чтобы принять такую позу, как на картине? Ведь пушки на «Запорожцах» – уже нет! Жаль, что нет… Это был бы сильный художественный ход – опираясь на нее, кошевой атаман словно опирался бы на всю могущественную козацкую силу (хотя запорожцы не любили с артиллерией возиться и часто говорили: «Навіщо гармати, якщо є кулаки?»). Да и зрителю было бы понятно, почему кошевой атаман и не стоит, и не сидит…

Но художник решил, что еще один оригинальный тип запорожца будет выигрышным для его картины, и зарисовал дуло пушки с такой же решимостью, как соскоблил перед этим с холста не одного козака… Но пушка все же есть, и Сирко опирается именно на нее. Просто за лицом и спиной запорожца ее никому не видно.

Что-то похожее произошло и с советами Яворницкого Репину, когда тот создавал свой шедевр. Они, бесспорно, были. И в работе над «Запорожцами» художник опирался на эти советы точно так же, как на пушку – кошевой атаман! Но их, как и той пушки, не видно, потому что ни Яворницкий, ни Репин своих воспоминаний об этом не оставили: Репину помешали непредвиденные обстоятельства, а Яворницкому не позволила его скромность – вслед за другими он и сам считал себя «не представителем науки, а глашатаем славы запорожской» и никогда не преувеличивал своих заслуг.

И.С. Зильберштейн тоже написал, что «самое ценное в многочисленных работах Эварницкого – это художественная их сторона, личные впечатления автора от посещения исторических мест и записанные им исторические предания и апокрифы». Но тут же искусствовед добавил: «Именно эти качества работ Эварницкого и представляли для Репина неоценимую прелесть»!

7. «Неоценимая прелесть»

Сравнивать масляный эскиз «Запорожцев» с картиной я взялся не случайно.

Эскиз был написан в 1879–1887-х годах, то есть в основном еще перед приездом Яворницкого в Петербург, а за саму картину Репин принялся сразу же после знакомства с историком. Поэтому эти большие отличия между эскизом и картиной, которые видно невооруженным глазом и которые были приведены в пятом разделе, бесспорно, связаны с Д.И. Яворницким. Но как доказать, что именно с ним?!

Ответ – в трудах Яворницкого.

Помните, И.С. Зильберштейн написал, что Яворницкий при встречах с Репиным «рассказывал ему исторические события тех лет, снабжал его документальными

материалами»? А то, что они встречались очень часто, видно из уже упоминаемой статьи Д.И. Яворницкого «Как создавалась картина «Запорожцы». «После этого *(то есть после первой встречи, во время которой Репин показал Яворницкому масляный эскиз «Запорожцев». – В.Г.)* я стал бывать у Репина каждое воскресенье, а он у меня вечером в субботу, когда у меня собиралась столичная украинская молодежь – художники, певцы, музыканты, артисты», – вспоминает историк.

Элементарная логика подсказывает, что, встречаясь с художником, Яворницкий рассказывал Репину о жизни запорожцев то же самое, что писал в своих исследованиях, а значит, нужно только найти в его книгах те места, которые «представляли для Репина неоценимую прелесть»… Тем более, что значительная их часть появилась в печати именно тогда, когда художник рисовал своих «Запорожцев», а к двухтомному труду историка «Запорожье в остатках старины и преданиях народа» он даже предоставил девять своих рисунков с изображением запорожской бандуры, ружья, сабли и т. д.

И вот они наконец – подтверждения!

Весь первый раздел второй части «Запорожья…» посвящен рассказу «единственного представителя павшаго Запорожья, сына запорожскаго козака Недоступа» – 116-летнего «глубокого старика» Ивана Гнатовича Россолоды, который живым народным языком, с чрезвычайно интересными деталями и подробностями рассказывает Яворницкому про запорожских козаков:

«Оружіє у їх було добре, дуже добре, усе вбране в золото та в срібло, на оружіє та на коня вони все багатство своє покладали. То й не козак, як у нього погане оружіє… Були у їх і шаблі, і пістолі, і келепи, і списи… Списи робились довгі, аршин п’ять, на легеньких древках, покрашених червоною та черною краскою, як ото красять стовпи», – читаем в книге и сразу же отмечаем, что на картине Репина, в отличие от эскиза, уже сверкает «усе вбране в золото та в срібло» запорожское оружие, а над головами козаков поднимаются покрашенные «червоною та черною краскою» длинные копья!

«Одежа у їх була на дроту (усередині дріт поставлений: скільки хочеш бий, то не проб’єш) та на бавовні, на шовкових шнурках та на ґудзиках, із тонкого сукна, та все разних цвітів: той надіне голубе, той – зелене, той – червоне, – хто якого забажа; тільки сорочки були своєї рукодії… На голову надівали високу шапку, гостру, з смушевою околицею… з суконним червоним або зеленим дном… з золотою перепискою, з срібною китицею на самому вершечку… Шапки робились більш по куреням: який курінь, така і шапка, такий і цвіт на неї», – рассказывает дальше дед Иван Яворницкому, Яворницкий – Репину, а Репин, изобразив это на своей бессмертной картине, – уже всем нам!

Говорится там и о том, что «кожний козак мав при собі люльку, а то ще і в кожному курені була люлька, – «обчиською» звалась, – велика така, повицяцькована бляхами,

повсажена намистами та повибита дорогими камінням»… Вот она на картине – над столом! Рассказывает дед, как запорожцы «молились Богу, і молились добре: знали і «Отче-нашу» і «Вірую», – отсюда и Евангелие на столе, и крестики на шеях козаков! А то, что рядом с Евангелием, лежат карты, так это тоже святая правда…

Кстати, о картах.

Когда же Яворницкий увидел на эскизе козака без рубашки (он там стоит в левом углу и смеется, ухватившись руками за живот), то посоветовал Репину усадить его за стол и положить перед ним колоду карт. Об этом на страницах екатеринославского журнала «Дніпрові хвилі» историк рассказал еще в 1912 году в своей статье «Як писав Рєпін своїх «Запорожців»: «Налево около стола сидит затылком к зрителю приятель художника и Д.И. Яворницкого – прославленный пьяница-гуляка Б., сидит он без сорочки, в одних штанах. Это потому, что он играл в карты, которые раскиданы по столу, а если у запорожцев играли в карты, то чтоб не было шулерства и некуда было прятать карты, сбрасывали сорочку (но не штаны, ибо это было для «лыцаря» срам и великое бесчестие»). «Чудесная деталь, объясняющая трактовку этой полуголой фигуры», – отмечает в своем исследовании И.С. Зильберштейн.

Подсказка Репину изобразить на картине рядом с писарем и судьей отставного седоусого сечевика, бесспорно, тоже принадлежала Яворницкому, который в альбоме «Из украинской старины» дал целый раздел под названием «Січовий дід абшитований» и сказал много теплых слов о старых запорожцев, которые «відігравали вельми важливу роль як носії і суворі оборонці старожитніх козацьких звичаїв». Частично эта тема звучит и в рассказе Ивана Гнатовича Россолоды…

А то, что «головний відсоток прибулих на Січ давала, звичайно, Україна», хоча «в Січі можна було зустріти всілякі народності, вихідців чи не з цілого світу – українців, поляків, литовців, білорусів, великоросів, донців, болгар, волохів, чорногорців, турків, татар, євреїв…» – это уже из первого тома «Історії запорозьких козаків». Отсюда на картине и упоминаемый Яворницким «кацап Никишка, кучер В.В. Тарновского», который едко смеется и показывает куда-то рукой, и «молодой брюнет… в левом углу картины, с польским красивым лицом», как написал в своем «Дневнике» А. Жиркевич, потому что именно с него Репин и рисовал этого поляка, и студент-татарин с белозубой улыбкой, и даже два персонажа, которые похожи на турок и угрюмо посматривают из-под поднятой запорожцем руки. Более того, как пишет историк, были там и «западные люди, чуждые русским, маловедомые». А теперь обратите внимание на темнокожего «запорожца» без рубашки в правом углу картины (он стоит за широкой спиной одетого в серый «кобеняк з відлогою» козака)…

На картине И. Репина не все запорожцы смеются: серьезные лица у кошевого атамана Сирко, полковника с перевязанной головой, судьи… Это понятно, ведь козаки не просто насмехаются над султаном – они вызывают его на войну! А есаул, которого художник рисовал с актера Стравинского и который выглядывает из-за толстяка в красном жупане, вообще смотрит исподлобья, словно этим письмом обидели именно его… Объяснение этому выражению лица дает Д.И. Яворницкий в разделе «Тип запорожця», помещенном в альбоме «З української старовини»: «Справжній запорожець завжди позирав якось похмуро й спідлоба, чужих зустрічав попервах непривітно, відповідав на запитання дуже неохоче, але затим поволі м'якшав…» Нет сомнения, что историк рассказывал про это Репину и раньше, и художник воспроизвел этот образ на своем холсте.

Ну, а то, что Ивана Сирко будет неправильно изобразить на картине с таким хищным и демоническим выражением лица, как на эскизе, потому что, «повоевавши врага, он отказывался от всякой добычи, гнушаясь корыстолюбием», Яворницкий сказал Репину сразу же, так как это тоже было написано в его «Запорожье»!

Кстати, как пишет Ольга Лясковская, «эскиз, известный нам в настоящее время, не соответствует тому, который был созданный Репиным в 1880 году. Последний был переделан художником, вероятно, после окончания двух других вариантов картины на больших холстах. Репин переписал голову атамана Сирко, придав ему черты лица и выражение, сходные с образом в ленинградском варианте картины».

Этот эскиз художник и подарил Яворницкому, а потом его (за посредничеством Репина) приобрел Третьяков. Как уточняет Лясковская: «Эскиз был продан в декабре 1891 г. Поступил в собр. П.М. Третьякова в 1893 г.». Сирко с демоническим выражением лица сохранился только на харьковском варианте картины. (Поэтому на масляном эскизе, что его Репин впервые показывает Яворницкому в явлении 6, необходимо отобразить лютый взгляд Ивана Сирко именно по тому варианту «Запорожцев», которым владеет Харьковский художественный музей. Кстати, размер эскиза – 67х87 см, а картины – 203х358. Поэтому эскиз надо немного увеличить – иначе зритель ничего не увидит. А картину надо несколько уменьшить в размерах, потому что в полном объеме она будет на сцене слишком громоздкая).

Очень долго я это искал… Зато в пьесе максимально правдиво передан разговор Репина и Яворницкого возле масляного эскиза!

8. Репин танцует гопак! Но не в драме «Запорожцы»…

Есть в пьесе «Запорожцы» сцена, в которой актеры театра Марка Кропивницкого показывают Репину, а значит, и зрителям, сценическую версию картины «Запорожцы пишут

письмо турецкому султану», да еще инсценируют песню про Байду, которая является как бы песенным продолжением издевательского письма.

Это тоже правда. Но – правда *художественная*! Потому что встреча Репина с актерами действительно была, но все происходило несколько иначе…

Яворницкий об этом вспоминает так: «Бывая часто у Репина, я часто же видел его и у себя по субботам на «збіговищах». В одну из суббот он явился ко мне как раз в то время, когда у меня были, кроме обычных друзей, еще и приехавшие в столицу украинские артисты – М.Л. Кропивницкий, Н.К. Садовский, П.К. Саксаганский, М.К. Заньковецкая, А.П. Затыркевич и др. Из завсегдатаев были: художник Панас Сластьон, прекрасно игравший на кобзе, и художник Хома Бондаренко, «співець пісень і танцюра»… Когда закончился ужин, мой любимый кобзарь взял в руки кобзу, сел по-турецки прямо на пол и запел, под аккомпанемент кобзы, тихим, задушевным голосом старинную козацкую думу «Плач бідних невольників в тяжкій турецькій неволі»… Эта дума глубоко «вразила» сердца слушателей и вызвала из их очей горячие, непритворные слезы. Не одну слезу уронил и Репин.

– Кобзарю… ану змахни з наших очей сльози… ушквар нам веселої!

И кобзарь «ушкварив» гопака…

Тут как выпорхнет на середину залы Заньковецкая, а вслед за нею Садовский! Обутая в «червоні черевички», одетая в нарядную цветистую плахту, она, легкая и грациозная, точно летала по воздуху…

И вдруг на диво всем внезапно срывается с места Илья Ефимович, бросается на середину залы и пускается в пляс! И как пошел, как пошел «викозулювати» ногами, так «куди там»! Кудри у него разлетаются во все стороны, а ноги у него! То стукнет по полу носком сапога, приударит каблуком так, что вся посуда задребезжит на столе; то мелкою и ровною «дрібушкою» по полу от одной стены до другой вперед, а потом такою же «дрібушкою», не поворачивая лица, назад. И после всего того вдруг опустился на диван, сел и сидит, как будто и не он! Гром аплодисментов – награда плясуну». (О своем увлечении танцами еще с юных лет художник писал так: «…танцевали до упаду – я очень любил танцевать»).

Красивая сцена и точная *фотография* получилась бы, если бы я так и отобразил эту встречу в пьесе: кобзарь пел бы старинную думу про невольников, актеры сидели бы и плакали, а потом Репин и Заньковецкая «ушкварили б гопака»…

Хвала Всевышнему, что Он есть и спасибо Ему, что не дает мне из каждой фотографии делать драматургию!

Поэтому я подумал: «Репин с актерами у Яворницкого встречался? Встречался. Думу кобзарь пел? Пел. Гопак был? Был. Так разве будет большим грехом, если я эту встречу в своем литературном произведении подам несколько иначе: Репин «нарисует» из актеров

живую картину, и они сначала разыграют яркую сцену с письмом к султану, а потом еще инсценируют историческую песню про Байду, где Байда, гуляя «у Царграді на риночку», частично и исполнит гопак?.. Ведь лучшего хода, чтобы ознакомить читателя и зрителя с текстом письма запорожцев к турецкому султану, – и не придумаешь!.. А Илья Ефимович пусть уж простит… Он должен не «шкварити гопака», а смотреть, мотать все на ус и набираться сил – возле своей картины он еще натанцуется «до упаду»…

9. Натурщица на заднем плане

В пьесе мало женских ролей.

Их и не может быть много – ведь это произведение про запорожских козаков, которые вообще женщин на Сечь не пускали! Поэтому, чтобы драма отвечала духу картины Ильи Репина «Запорожцы», пришлось ограничить количество женских ролей… Остались две молодые особы, которые реально существовали в жизни Репина и Яворницкого: Елизавета Званцева (о ней будет отдельный разговор) и Варвара Кокина (в сцене развода с историком).

Варвара Кокина – не является негативным персонажем. Если эта молодая, красивая женщина не захотела разделить со своим мужем его готовности к самопожертвованию, не вынесла нищеты и вечных долгов, то это не значит, что она – плохая. И хоть Яворницкий и писал Г.И. Маркевичу в письме от 28 августа 1885 года: «…я разошелся со своей женой (и не по моей вине… Да храните мою тайну…)», то и Варвару очень уж виноватой в этом он тоже не считал. Иначе через двадцать лет после развода не интересовался бы ее судьбой и не просил бы в конце 1906 года своего харьковского товарища Халанского: «Кстати, если знаешь что-нибудь о Варваре и о Кокиных, также сообщи».

Но подробнее я хотел бы остановиться на третьей красавице из драмы.

Есть в пьесе еще Натурщица – особа полностью вымышленная, но которая прекрасно вписалась в это достаточно реалистическое произведение. Она придумана вовсе не для того, чтобы потешить зрителя и поднести ему что-то «пикантное» – ее роль значительно серьезнее, чем кажется на первый взгляд…

Уже были обдуманы разговор Репина и Яворницкого перед эскизом, инсценировка актерами переписки запорожцев с турецким султаном, но я все время чувствовал, что чего-то не хватает… И не мог понять, чего именно… Потом я этими словами так и начал сцену Репина с Натурщицей, когда художник, сравнивает нарисованное с натурой и говорит: «Нет, что-то не то… А что именно – и сам не пойму… Какое-то оно безжизненное получается, это твое красивое белое тело, Маришка… Какая-то ты неживая…»

Вот такими «неживыми» казались мне тогда и разговоры моих героев о том, что запорожские козаки, защищая родную землю, отказывали себе и в семейном уюте, и в

личном счастье… Ну, конечно же, это правда. Но зачем в пьесе сто раз рассказывать от чего козаки отказывались, если можно один раз показать?

А вместе с тем подчеркнуть верность своему призванию и главных героев драмы – ведь, поговорив о женщинах и проведя глазами Натурщицу, Репин и Яворницкий остаются возле «Запорожцев»!

…Образ обнаженной Натурщицы появился не на голом месте… Даже уже под старость, в 1920-е годы, Илья Репин нарисовал картину «Натурщица» (это обыграно в пьесе «Гопак». Только тут при создании образа Натурщицы автор отталкивался от мемуаров М.Я. Паур, которая семь лет служила Репину моделью для многих его картин и чьи воспоминания напечатаны в книге «Новое о Репине»). А в молодости эта тема фигурировала в его творчестве еще чаще. Так, в «Художественном наследстве» есть фотография 1890-х годов, на которой Менделеева, Репин, Матэ и еще три художника рисуют обнаженную натурщицу, которая сидит на специальном возвышении перед ними. Есть и фотография «Репин в кругу своих учеников» (1897–1898 гг.), где на заднем плане – высоко над головами художников – будто напоказ выставлена обнаженная натурщица. Помещена тут и репродукция совместной картины «Постановка натуры в мастерской Репина»… (История написания этой работы подана в пьесе «Черноморская вольница»).

Поэтому моя Натурщица вписалась в драму естественно и органично.

Но на сцене Натурщицу надо подать очень деликатно, изысканно, без грубого смакования женской наготы. Сам Репин всегда очень строго относился к этому. Так, В. Москвинов в своей монографии «Репин в Москве» приводит по этому поводу интересный эпизод… Случилось это в 1908 году на Передвижной выставке в помещении Исторического музея: «Здесь произошел инцидент, в который пришлось вмешаться Репину. Художник Н.К. Бодаревский решил выставить два своих «Nu» – картины с изображением обнаженных женщин. Жюри выставки приняло их и уже вывесило, но затем постановило снять. Жестоко обидевшись, автор поехал жаловаться Репину. В сопровождении художника К.В. Лемоха Репин прибыл на место происшествия и начал было упрекать товарищей, но тут увидел предмет спора. Весь пыл защитника с него мгновенно спал, и он сам обрушился на Бодаревского, решительно заявив о недопустимости порнографии в искусстве».

10. «Лучше было бы мне не встречаться с Вами вчера…»

Зато следующая красавица принадлежит к реальным персонажам.

Это – Елизавета Николаевна Званцева (30.XI.1864 – 22.VIII.1921): художница, ученица И.Е. Репина, владелица имения Тарталеи, впоследствии основательница школы (студии) рисования и живописи в Санкт-Петербурге.

Образ Е.Н. Званцевой, в которую был страстно влюблен Репин, появился в драме позже других. Она должна была стать украшением отдельной пьесы, и мне очень не хотелось «выдергивать» ее из этого материала. *(Драма «Портрет Званцевой» была написана значительно позже «Запорожцев». – В.Г.)*.

Но так уж случилось, что самые бурные страсти разгорались между Репиным и Званцевой именно в период создания «Запорожцев» и эти отношения то помогали, то мешали художнику в работе над дорогим ему холстом… Об этом много есть в письмах учителя к ученице. Поэтому, рассказывая о «Запорожцах», нельзя не вспомнить Званцеву и – наоборот!

Их совместная судьба не сложилась...

Но Репин всю жизнь берег портрет Званцевой, так никому и не продав эту одну из лучших своих работ. А Званцева до конца своих дней берегла письма Репина и так никогда и не вышла замуж…

Это были высокие чувства.

Поэтому сцены встреч Репина и Званцевой в драме «Запорожцы» вышли такие же высокие.

В драме «Черноморская вольница» они встречаются только раз – на выставке работ учеников рисовальной школы Е.Н. Званцевой. Репин был просто разъярен, когда увидел «писания» молодых импрессионистов, из которых в глаза лезли «отвратительные малевания циклопов». Естественно, что разговор у них тогда не получился…

Но, как пишет в своей книге «Репин» С. Пророкова: «После этой ссоры возле ярких и сумбурных полотен Репин встречался со Званцевой не раз. Он приходил ей на помощь, когда она особенно нуждалась. А так бывало: школа дохода не приносила, маленькое имение тоже не было прибыльным… К.И. Чуковский рассказывал нам о своем знакомстве со Званцевой в Петербурге. Он бывал на литературных «средах» у писателя Вячеслава Иванова. Эти встречи происходили в здании, где на верхнем этаже помещалась рисовальная школа Званцевой. «Каждую среду, – вспоминает Корней Иванович, – Званцева подходила ко мне и долго расспрашивала о Репине: как он работает, в каком настроении, как ему живется. Расспрашивала настойчиво, с какой-то, я бы сказал, ревнивой заинтересованностью в мельчайших подробностях жизни и творчества Репина. В этих расспросах чувствовалась плохо скрываемая горечь».

ВНИМАНИЕ! Поскольку портрет Е.Н. Званцевой также неоднократно фигурирует в пьесе, то тут надо сделать одну важную *художественную* поправку…

Сначала портрет Елизаветы Званцевой был нарисован на *сером* фоне и в таком виде сохранялся в доме художника долгие годы. Но, как пишет С. Пророкова, «случилось так, что Репин незадолго до смерти взял из столовой этот портрет в свою мастерскую и зарисовал

серый фон розовой краской. Он что-то хотел сказать этим розовым фоном. Прощаясь с жизнью, он снова ласкал своими кистями дорогой ему образ любимой девушки».

Значит, на сцене портрет Званцевой должен быть на сером фоне, а не на розовом, как мы видим на картине теперь.

11. Терещенко и Третьяков

И.Н. Терещенко (1854 – 1903) и П.М. Третьяков (1832 – 1898) выведены в драме только в одном явлении (в дальнейшем же в романе образ Третьяков получил широкое развитие и он представлен в семи пьесах!). Поэтому информация о них очень скупа – о них говорит разве что их подвижническая деятельность. Единственное, на чем хочется сделать ударение: при постановке эти персонажи должны быть поданы хоть и с некоторыми элементами комизма в сцене спора за первоочередное право на покупку картины (этого требует и ситуация, и основное настроение драмы), но все же высоко и достойно, как и надлежит показывать основателей двух самых больших картинных галерей украинского и русского искусства в Киеве и Москве.

А соперничество между Терещенко и Третьяковым за право приобретения у известных художников их картин и вправду было.

Так, в своей книге «Меценаты Киева» В. В. Ковалинский наводит эпизод, когда между И.Н. Терещенко и П.М. Третьяковым возник заочный спор за картину Репина «Монахиня», которую потом приобрел Иван Николович. В одном из писем к художнику Павел Михайлович Третьяков с нескрываемой досадой писал: «Что делать, цена Ваша мне не подходит, очень жаль. Знаю, что сейчас можно подумать… Да дело-то в том, что приходится платить, когда знаешь наверное, что Терещенко давал эту цену и дал бы больше и только, если бы я не купил, то все бы стали жалеть и говорить, как это я упустил такую редкую вещь… Терещенко посчастливилось у Вас несколько дешевых покупок сделать: «Поприщин», «Старик с книгой» (из-под носа ушел у меня) и, наконец, портрет Гаршина, так что ему можно теперь и подороже заплатить, но если я узнаю, что ему продается дешевле – это будет обида, не мне, разумеется, а моему делу».

Как видим, конкуренция между двумя великими коллекционерами была.

Но я все же долго не решался включать эту сцену в драму… И не потому, что сцена спора Терещенко и Третьякова за право приобретения «Запорожцев» показалась мне слабой. Наоборот – неожиданное появление этих персонажей добавило пьесе свежести и динамизма. Тем более, что этот разговор построен на реальных фактах, ибо оба промышленника очень хотели иметь в своих коллекциях этот шедевр. Вот только каждый из них вел эти переговоры

с художником отдельно и такого совместного визита Терещенко и Третьякова к Репину в реальной жизни не было.

Более того, в письме от 10 января 1892 года к Т.Л. Толстой художник написал: «А я очень рад, что государь приобрел моих «Запорожцев». Третьяков не выражал желания приобрести ее. Терещенко, интересовавшийся ранее и даже, когда я был в Киеве, показывавший стену в своем великолепном доме, на которой он повесит эту мою картину, ни одним словом не дал знать о своем существовании с тех пор, как открылась моя выставка».

Может, уже во время выставки Третьяков и вправду «не выражал желания»… Но предварительные переговоры между коллекционером и художником относительно покупки «Запорожцев» были! Об этом Третьяков напоминал Репину в письме от 23 января 1892 года: «Дорогой Илья Ефимович… Я отказался от эскиза «Запорожцев», имея надежду приобрести картину, хотя после того, узнав от Вас цену 40 тысяч, я уже имел мало надежды, но все-таки не терял совсем; при открытии выставки, узнав решительную цену 35 тысяч и что имеется ввиду Терещенко…я очень обрадовался, что эскиз можно было приобрести и очень Вам благодарен, что Вы не отомстили мне за мое недоверие к Вам».

На основании этого письма некоторые исследователи, в том числе и Ольга Лясковская, пришли к заключению, что Третьяков не приобрел «Запорожцев», потому что они с Репиным *не сошлись в цене*. Но лично я в это не верю. Почему? Потому что позже Третьяков купил у Репина второй вариант картины, находящийся теперь в Харькове, и даже масляный эскиз 1880 года, которые были хоть и намного дешевле, но и значительно слабее в художественном исполнении! А Павел Михайлович Третьяков – был не тот коллекционер, который покупал картины только потому, что они были дешевле…

То же самое касается и Терещенко, с которым у И.Е. Репина и в дальнейшем сохранились теплые, дружеские отношения. Так, на второй день после открытия своей выставки с «Запорожцами» (уже купленными императором Александром III) в Москве, 13 февраля 1892 года художник писал В.В. Стасову: «Знаете ли, с кем я сейчас обедал? Ни за что не угадаете – с «Васютой» *(художником В.В. Верещагиным. – В.Г.)* у Ивана Николаевича Терещенка»…

Тогда почему оба коллекционера при открытии выставки в Петербурге «ни одним словом не дали знать о своем существовании», когда этим шедевром восхищались все ценители настоящего искусства, а в прессе это полотно называли «картиной единственною»?

Мне кажется, что дело было вовсе не в «высокой» цене картины: 35 тысяч рублей – разве это большие деньги за «Запорожцев», когда, например, И.Н. Крамскому, который не имел такого мирового признания, как Репин, еще совсем недавно платили «по пяти тысяч рублей за портрет»?! А 12 лет работы над картиной! А прямые затраты на три поездки на Украину и на Кубань! А краски и все остальные художественные принадлежности, а

тяжелый физический труд возле холста, а усыхающая от переутомления правая рука! Разве такой труд стоит не больше семи портретов?! Сколько их можно было написать вместо «Запорожцев» за эти долгие 12 лет!!!

Третьяков и Терещенко это хорошо знали.

И не только они.

Вспомните, как написала газета «Русские ведомости»: «Об этой картине говорили давно и ждали много»…

Поэтому она и должна была попасть в руки *особого покупателя*… Терещенко и Третьяков, очевидно, уже перед открытием выставки были об этом информированы (а может, и строго предупреждены). И вынуждены были с этим смириться – не могли же они устраивать аукцион с участием самого царя!

Но Репин ждал на своей выставке великих ценителей искусства Терещенко и Третьякова и их появление в пьесе вполне оправдано и закономерно.

12. Репин и Яворницкий

Это была настоящая дружба, где никто не обращал внимания ни на какие опасности – сначала Илья Репин не испугался того, что Дмитрий Яворницким был «неблагонадежным» в глазах царской охранки, а позже Яворницкий не побоялся быть причисленным к «врагам народа», когда после революции посылал Репину в Финляндию бандероли с книгами о Запорожской Сечи и писал ему «исторические» письма!

В своем подвижничестве они тоже были похожи друг на друга.

Я уже цитировал строки из письма И. Репина к Т.Л. Толстой, где он пишет о своих трудных временах во время работы над «Запорожцами»: «Признаюсь Вам, что дела мои вообще были плоховаты: чтобы кончить картину, я два года почти отказывался от всех заказов; почти все сбережения пошли в ход». А теперь почитаем письмо Д. Яворницкого к Г.И. Маркевичу от 14 ноября 1890 года, в котором идет речь о тех же временах: «Теперь пока я переживаю невероятно тяжелое время: существую лишь тем, что продаю свои не только лишние, а даже необходимые вещи. В Петербурге же держусь лишь потому, что работаю над полной историей запорожских козаков»…

Бескорыстными, способными к самопожертвованию они и выведены в драме.

Образы Репина и Яворницкого созданы исключительно на основе достоверных фактов и документально подтвержденных материалов.

Многое из того, что они говорят, напрямую взято из их воспоминаний и писем. Часто дословно или почти дословно, потому что иногда приходилось что-то сокращать или переставлять местами слова, чтобы из эпистолярного стиля сделать живой разговор. Поэтому

читатель может не сомневаться, что Репин и Яворницкий высказывают в драме свои собственные мысли и взгляды.

Иногда эти высказывания мне приходилось брать даже из более поздних времен, если это было необходимо для полного воспроизведения образа.

Так случилось, например, со словами Ильи Репина о его безмерной любви к искусству: «Искусство я люблю больше добродетели, больше, чем людей, чем близких, чем друзей, чем всякое счастье и радости жизни нашей. Люблю тайно, ревниво, как старый пьяница, неизлечимо… Где бы я ни был, чем бы я ни развлекался, кем бы я ни восхищался, чем бы я ни наслаждался… Оно, всегда и везде, в моей голове, в моем сердце, в моих желаниях лучших, сокровеннейших. Часы утра, которые я посвящаю ему, – лучшие часы моей жизни. И радости, и горести, радости до счастья, горести до смерти – все в этих часах, которые лучами освещают или омрачают все эпизоды моей жизни. Вот почему: Париж или Парголово, Мадрид или Москва – все второстепенно по важности в моей жизни – важно утро от 9 до 12 перед картиной». Эти слова Репин написал В.В. Стасову 27 июля 1899 года, но я, кое-что подсократив, подал их в разговоре художника со Званцевой, то есть перенес в 1889 год…

А разве художник не мог высказать эту мысль раньше?

Вот же она – в письме от 18 апреля 1892 года к Т.Л. Толстой: «Я теперь исключительно живу только для своего искусства; как пьяница, как человек, предающийся какой-нибудь тайной страсти, я везде скучаю по своим затеям, если я не с ними»…

Из писем Репина к друзьям, его статей и мемуаров взяты и другие высказывания, которые вложены в его же уста! То же самое и с Толстым, Стасовым, Крамским, Яворницким…

Например, лекция о запорожских козаках, которую историк читает в Петербурге перед знакомством с Репиным, – это тоже дословная цитата из созданного им альбома «Из украинской старины». Причем я пользовался изданием А.Ф. Маркса 1900 года, потому что мне был нужен текст Яворницкого, написанный именно на русском языке.

Кто-то скажет: «Да это же плагиат»! Я с этим не соглашусь. Когда воруют, то скрывают факт воровства, а я почти каждый раз указываю, что и откуда взято. И делаю это вовсе не для того, чтобы на читательском суде мне это засчитали как «явку с повинной»! Для меня важно, чтобы читатель убедился, что мое произведение – очень серьезный исследовательский труд. Нельзя писать биографию великого человека, придумывая то, чего не было и не могло быть!

Выдумки здесь тоже хватает, но все самое главное построено на фактическом материале. Иногда автору достаточно было зацепиться за одну-две фразы, чтобы выстроить на их основе целый эпизод. Некоторые из них уже упоминались в сносках к «Бурлакам»,

«Крестному ходу» и другим пьесам. К ним я хочу добавить, что явление 1 в драме «Гопак» (Струнников и Яворницкий в музее) основывается на фразе Н.И. Струнникова из письма к И.Е. Репину от 24 июня 1926 года: «В 1925 г. в июле был у Дмитра Ивановича Эварницкого, вспоминали Вас». Явление 2, где Репин принимает в «Пенатах» певицу М.Н. Кузнецову-Бенуа и ее мужа, тоже писалось всего лишь за двумя фразами из писем художника к Н.Д. Кузнецову, написанных в феврале 1926 года: «Нам посчастливилось в *Выборге слышать* Марусю!.. У нас были Мария Николаевна с мужем. Как пели!!!.. Чудеса!!!..» То, что Григорий Шрам, Никита Омельченко и другие лоцманы угощали Яворницкого лоцманской кашей у Кодацкого порога, есть в воспоминаниях Г.Н. Омельченко «Встреча на порогах» (сборник «Современники про Д.И. Яворницкого»). Только рассказ о том, как перед последним походом через пороги пили «настоящую запорожскую горилку» из ложек, заимствован у другого непосредственного участника этих событий – В.И. Сокола («Козацким ходом…», там же).

Конечно же, такие детали можно было легко заменить, придумать что-нибудь другое, свое, которое было бы ничем ни хуже. Но, на мое твердое убеждение, задача и состоит именно в том, чтобы не лепить жизнеописания великих людей из того, что в голову придет, а выискивать вот такие конкретные детали. Яворницкий «не вылезал» из архивов, когда писал историю запорожских козаков! И его многочисленные ссылки на первоисточники никоим образом не умаляют его собственных заслуг. Это я пишу не в свое оправдание, а потому что над серьезными вещами именно так и надо работать.

Иначе быть не должно! Как писал Репин про «Запорожцев», где он выписал все до малейших подробностей, пользуясь архивами, описаниями, зарисовками, фотографиями: «Это уже не могло быть иначе».

13. «Это синтез всей Сечи…»

После того, как Илья Ефимович перебрался в «Пенаты», он очень близко сошелся в Куоккале со своим соседом – писателем К.И. Чуковским (31.III.1882 – 28.X.1969). Именно Корней Иванович и убедил художника написать книгу мемуаров «Далекое близкое», став ее редактором. А через много лет написал и свои воспоминания про И.Е. Репина и в этой чрезвычайно интересной книге («Илья Репин») оставил нам бесценные сведения о жизни и творчестве гениального живописца.

Много места в воспоминаниях Чуковского отведено и картине «Запорожцы». Впервые сослался на эти свидетельства И.С. Зильберштейн, который в своем исследовании отметил: «Десятки альбомов Репин заполнил рисунками в период создания «Запорожцев». К.И. Чуковский, перелиставший в 1915 г. эти альбомы, пишет: «Одних только этюдов (т.е.

рисунков. – *И.З.*) к «Запорожцам» было у Репина несколько сот, и мне чудилось, что в них даже штрих украинский: мягкий, музыкальный, лиричный».

Это наблюдение Чуковского очень верно. И оно совсем не случайное! С Украиной у него давние и серьезные связи – в «Шевченковском словаре» (Киев, Институт литературы им. Т.Г. Шевченко АН УССР, 1977) написано, что Корней Иванович Чуковский «в детские и юношеские годы жил на Украине. Хорошо знал украинский язык. По воспоминаниям Ч., Шевченко был одним из его самых любимых поэтов (Чуковский К. Современники. М., 1962, с. 167). В статье «Шевченко» (1911) исследовал художественное мастерство его произведений, связь поэта с народом, сравнивал образы поэзии Шевченко с образами народных песен».

Вот оно что! Вот почему в книге «Далекое близкое» сохранено так много украинских слов, предложений и даже абзацев – редактор «хорошо знал украинский язык» и оставлял все так, как и написал автор мемуаров! Но Чуковский знал Украину намного глубже и шире, потому что в книге «Илья Репин» написал следующее: «В каждую лучшую свою картину Репин всегда вносил столько широкого и могучего чувства, что даже малые, казалось бы, сюжеты, которые у другого художника так и остались бы в области мелкого жанра, вырастали у него до необъятных размеров. Его «Запорожцы», например, вовсе не группа смеющихся казаков – это синтез всей Сечи, квинтэссенция обширного периода украинской истории!»

«Это синтез всей Сечи». Точнее не скажешь!

14. Отдельные замечания к образу Репина

А.И. Менделеева, которая впервые увидела художника на одной из выставок, вспоминает: «Среднего роста, с небольшими светлыми глазами, с негустой бородкой – в нем не было ничего яркого; только большая шапка волос отличала его. Стоя с немного опущенной головой, с легкой улыбкой слушая других, он как-то стушевывался. Я была очень удивлена, – Репина я представляла себе видным, выделяющимся, не таким, каким он был».

Важные штрихи к образу художника добавляет и С.Л. Толстой, сын выдающегося писателя: «Я не раз встречал Илью Ефимовича Репина в нашем доме в Москве и в Ясной Поляне. В первый раз я видел его в 1884 г. в нашем Хамовническом доме. Он производил впечатление молодого человека, хотя ему было уже 40 лет; его лицо было без морщин; он был хорошо сложен, скорее худ, чем полон, носил бородку клином, густые волосы его были не так длинны, как у некоторых художников. Одет он был опрятно, без претензий; на его лице часто появлялась добродушная, несколько хитрая улыбка».

Эта «несколько хитрая улыбка» зафиксирована на фотографии Репина, которую он подарил А.В. Жиркевичу в 1890 году и которая представлена на 93 странице моей книги «Репин и Яворницкий». Но тут я хочу особое внимание обратить на вот эту запись Жиркевича в его «Дневнике»: «Основное выражение лица Репина – неизмеримая доброта и энергия. Вы чувствуете, что человек этот способен как на всякий подвиг добра, так и на достижение всего, что найдет нужным сделать. *Первоначальное же выражение хитрости, которым будто бы отличается лицо Репина, при дальнейшем с ним знакомстве заменяется выражением осторожности, печатью осторожного опыта (*выделено мною. – *В.Г.)»*.

Согласитесь, «хитрая улыбка» и «печать осторожного опыта» – разные вещи. Поэтому при воспроизведении образа Репина – это надо особо учесть…

Словно подтверждая слова С.Л. Толстого о том, что Репин одевался «опрятно, без претензий», Жиркевич тоже пишет: «Ничто не кричит в его туалете и не бросается в глаза, разве одна только скромность его!» И это также очень важная деталь к характеристике художника и для правдивого отображения его на сцене.

Я останавливаюсь на этом так подробно, потому что есть и другие трактовки образа Репина, и одну из них дает Ольга Лясковская в своей книге. Так, в конце пятой главы исследовательница пишет: «К началу 80-х годов относится воспоминание Н.А. Прахова об облике Репина в этот период времени. «Лукавая улыбка, курчавые русые волосы, привычка крутить длинный ус, подвижность, звонкий смех и какая-то вычурность как будто всегда немного надуманной разговорной речи – остались в моей памяти *с детских дней (*выделено мною. – *В.Г.)* как яркие признаки внешнего облика Репина».

Строить сценический образ художника по воспоминаниям Прахова, которые он сохранил *«с детских дней»*, было бы не только неправильно, но и недопустимо. Во-первых, эта трактовка будет очень далека от настоящего, внутреннего образа Ильи Репина. А во-вторых, «лукавая улыбка», «привычка крутить длинный ус» и «звонкий смех» – это и вовсе что-то из характеристики не художника, а гусара.

И уже совсем нельзя допустить, чтобы воспроизведенному на сцене образу Репина была присуща «какая-то вычурность как будто всегда немного надуманной разговорной речи» – содержание писем великого художника не только далеко от какой-либо «вычурности» и «надуманности», а, наоборот, свидетельствует о чрезвычайной серьезности и вдумчивости, с какой автор относился к каждому своему слову. Да и вообще – трудно поверить, чтобы человек, который одевался «опрятно, без претензий», вдруг начал какой-то «вычурностью» «чрезмерно украшать свою речь»!

Конечно, слова Жиркевича о том, что «Репин – очень энергичный, подвижный, прекрасно сложенный господин с довольно простыми и изящными манерами, но с жестами, по которым часто отличаешь художника, актера», при воспроизведении на сцене образа

Ильи Репина тоже надо помнить. Но это должны быть только штрихи. И то не тогда, когда Репин рисует!

Как пишет в своих воспоминаниях А.Н. Бенуа: «…в манере работы Репина не было ничего хлесткого, никакого щегольства. Писал он необычайно просто, почти методично, без показной «бравуры» и как-то «сосредоточенно-уютно», весь поглощенный вниманием к натуре… И лично сам Репин был весь такой ясный, светлый, приятный, без тени чванства, доступный, простой, непосредственный, отзывчивый…» И – чрезвычайно скромный!!! Как вспоминает С.Л. Толстой: «Однажды моя сестра Татьяна по поводу одного его этюда сказала: «Как вы талантливы, Илья Ефимович!» На что он, улыбаясь, сказал: «Я не талантлив, я трудолюбив». А в родном Чугуеве, во время чествований, связанных с его семидесятилетием, Репин сознался: «…душа у меня самая чернорабочая, я готов всякий, самый торжественный момент моего личного торжества променять на часы уединенного труда своего в излюбленном искусстве…»

Этим замечаниям я отвожу отдельный раздел не случайно – часто люди от искусства, которые никогда в своей жизни не знали, каким вкусным бывает «черный хлеб с крупной серой солью», воспроизводят образы своих великих предшественников достаточно поверхностно и лепят их по чисто визуальным, но второстепенным признакам.

Образ же Ильи Ефимовича Репина – чрезвычайно глубокий образ. И его надо не воспроизводить, а прожить им!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА И.Е. РЕПИНА

1844 – 24 июля (5 августа по нов. ст.). В г. Чугуеве Харьковской губернии в семье военных поселенцев Ефима Васильевича Репина и его жены Татьяны Степановны (урожденной Бочаровой) родился сын Илья. (Мальчика так назвали в честь Пророка Ильи, день которого праздновался тогда 20 июля по старому стилю (по нов. ст. – 2 августа).

1855 – Ученичество в топографической школе.

1858 – Обучение у художника-иконописца И.М. Бунакова.

1859 – Первая датированная работа И.Е. Репина – акварель «Бандурист».

1860–1863 – Самостоятельное выполнение церковных заказов. Работа над иконостасными образами с. Пристен Купянского уезда Харьковской губернии, роспись церквей в с. Каменка и с. Сиротине Воронежской губернии.

1863 – 1 ноября – Приезд в Петербург. Рисовальная школа на Бирже. Знакомство с И.Н. Крамским.

1864 – конец января – Поступление вольнослушателем в Академию художеств. *7 сентября* – перевод из вольнослушателей в ученики академии.

1867 – Поездка в Чугуев на каникулы. Портрет матери.

1869 – Знакомство с искусствоведом и критиком В.В. Стасовым.

1870 – лето – Четырехмесячная поездка на Волгу для сбора этюдов к картине «Бурлаки».

1871 – Первая золотая медаль за картину «Воскрешение дочери Иаира» и право на шестилетнюю заграничную поездку на казенный счет.

1872 – Женитьба на В.А. Шевцовой. Знакомство с П.М. Третьяковым.

1870–1873 – «Бурлаки на Волге».

1873 – апрель – Пенсионерская поездка за границу. Вена, Венеция, Флоренция, Рим, Неаполь, Альбано. *В октябре* – переезд в Париж.

1874–1876 – Портрет Тургенева. «Парижское кафе», «Еврей на молитве», «Садко», «Украинка у плетня», «Негритянка».

1876 – июль – Возвращение в Петербург.

1876–1877 – с октября по август – Репины жили в Чугуеве. «Под конвоем», «Парубок из Мохначей», «Протодьякон».

1877 – сентябрь – Репины переехали в Москву. Сближение с П.М. Третьяковым. «Проводы новобранца», портреты Поленова, Куинджи, Шишкина, Мамонтова, Мурашко.

1878 – средина февраля – И.Е. Репин вступает в Товарищество передвижных выставок. *26 июля* – эскиз картины «Запорожцы» (карандаш, первая мысль картины). В этот день, гостюя у Саввы Мамонтова в Абрамцево, под Москвой, художник в который раз услышал

напечатанное Николаем Костомаровым знаменитое письмо запорожских козаков к турецкому султану, но впервые посмотрел на этот эпизод глазами художника.

1879 – сентябрь – Посещение больной матери в Чугуеве. Портрет отца.

1880 – 3 мая – Умерла мать Репина, Татьяна Степановна.

1880–1881 – Знакомство со Л.М. Толстым. *С мая по сентябрь* по совету Н. Костомарова Репин с юным Серовым ездил на Запорожье собирать материалы для «Запорожцев» и «Вечерниц». Был в Качановке у Тарновского. В Абрамцево и Хотьково под Москвой писал этюды к «Крестному ходу» (в частности – горбуна).

1881 – «Вечорниці», «Портрет композитора М.П. Мусоргского».

1882 – сентябрь – Переезд в Петербург. «Отдых» (портрет жены).

1880–1883 – «Крестный ход в Курской губернии». Портреты Крамского, Писемского, Ге, Стрепетовой, Гаршина, Третьякова, Кузнецова.

1883 – Поездка за границу со Стасовым: Берлин, Дрезден, Париж, Амстердам, Венеция, Мадрид… Дрезденский портрет Стасова.

1884 – «Не ждали».

1884–1885 – «Иван Грозный и сын его Иван».

1879–1885 – «Отказ от исповеди перед казнью».

1886 – Знакомство с украинским историком Д.И. Яворницким. Переход от масляного эскиза к работе над картиной «Запорожцы».

1887 – с 9 по 16 августа – Был у Л. Толстого в Ясной Поляне. Портрет Толстого. «Пахарь. Л.Н. Толстой на пашне». Портреты Глинки, Шевченко, Мясоедова, Сурикова, Матэ. Разрыв с женой.

1888 – Поездка на Кубань для сбора материалов к «Запорожцам». Знакомство с молодой художницей Елизаветой Званцевой, которая стает его ученицей и в которую страстно влюбляется Репин.

1889 – «Портрет Е.Н. Званцевой», «Портрет С.М. Драгомировой».

1890 – Вторая поездка на Украину.

1878–1891 – «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

1891 – ноябрь – Первая персональная выставка работ И.Е. Репина к двадцатилетию его творческой деятельности (Петербург, Академия художеств).

1892 – 12 февраля – Открытие этой же выставки в залах Исторического музея в Москве. *Конец февраля* – поездка со Л.Н. Толстым по голодным губерниям. Эскиз «Толстой на голоде».

1892 – Куплено имение Здравнево вблизи Витебска. «Осенний букет» (портрет В.И. Репиной), «Охотник (Н.И. Репина с ружьем)». Временное примирение с женой, которая, как и отец художника, переезжает в Здравнево.

1893 – 25 ноября – Репин получил звание профессора живописи. *1 декабря* – утвержден действительным членом Академии художеств.

1894 – 3 июня – Смерть отца, Ефима Васильевича. *Сентябрь* – начало педагогической деятельности в академии.

1895–1897 – Портреты Римского-Корсакова, Вержбиловича, Тарханова.

1900 – Поездка с Н.Б. Нордман в Париж на Всемирную выставку. Вторая женитьба. Переезд на дачу «Пенаты» в г. Куоккала рядом с Петербургом. Портрет Нордман.

1901–1907 – Портреты Толстого, Стасова, Серова, Антокольского, Горького, Менделеева.

1907 – 1 ноября – После тринадцати лет преподавательской деятельности Репин ушел из академии.

1902–1908 – «Черноморская вольница».

1908–1915 – Работа над книгой воспоминаний «Далекое близкое» вместе с редактором К.И. Чуковским. Портреты Чуковского, Короленко, Маяковского, Чистякова.

1913 – 16 января – Приезд в Москву в связи с покушением на картину «Иван Грозный» и повреждением ее. Реставрация картины в течение последующих месяцев.

1914 – Болезнь и смерть второй жены. *8-13 июля* – последний приезд в Чугуев и освящение места, отведенного под «Деловой двор», который по замыслу И.Е. Репина должен был стать «Запорожьем искусств»!

1898 – 1917 – «Гайдамаки» (или «Освящение ножей», или «Максим Зализняк»).

1918 – апрель – Закрывается граница с Финляндией, на территории которой остаются «Пенаты», и художник оказывается в вынужденной эмиграции.

1920-е годы – «Голгофа», «Неверие Фомы», «Натурщица».

1922 – В издательстве «Солнце» (Ленинград) тиражом 2000 экземпляров напечатан раздел «Бурлаки на Волге» из книги «Далекое близкое». (Полностью эту книгу К.И. Чуковскому удалось издать только в 1937 году).

1924 – «Финские знаменитости».

1926–1930 – «Гопак».

1930 – 29 сентября – Илья Ефимович Репин умер в «Пенатах» и похоронен в своем саду.

Перечень картин И.Е. Репина, представленных в романе

«Бурлаки на Волге» *(1870 – 1873)*

«Парижское кафе» *(1874 – 1875)*

«Негритянка» *(1876)*

«Украинка у плетня» *(Портрет Зои Ге, 1876)*

«Протодьякон» *(1877)*

«Крестный ход в дубовом лесу» *(1877 – 1891)*

«Крестный ход в Курской губернии» *(1880 – 1883)*

«Вечорниці» *(1881)*

«Портрет композитора М.П. Мусоргского» *(1881)*

«Портрет В.В. Стасова» *(1883)*

«Портрет П.М. Третьякова» *(1883)*

«Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» *(1885)*

«Портрет Л.Н. Толстого» *(1887)*

«Пахарь. Л.Н. Толстой на пашне» *(1887)*

«Запорожцы» *(масляный эскиз, 1879 – 1887)*

«Запорожцы пишут письмо турецкому султану» *(1880 – 1891)*

«Портрет Е.Н. Званцевой» *(1889)*

«Портрет С.М. Драгомировой» *(1889)*

«Осенний букет» *(Портрет В.И. Репиной, 1892)*

«Охотник» *(Портрет Н.И. Репиной, 1892)*

«Черноморская вольница» (*(1908; вариант, представленный в книге О. Лясковской, с. 294)*

«Гайдамаки» *(или «Освящение ножей», или «Максим Зализняк», 1898 – 1917)*

«Натурщица» *(1920-е годы)*

«Гопак» *(1926 – 1930)*

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

И.Е. Репин, Далекое близкое. Изд-во Академии художеств СССР, М., 1961.

И.Е. Репин и И.Н. Крамской. Переписка. Изд-во «Искусство», М. – Л., 1949.

И.Е. Репин и Л.Н. Толстой, 1 и 2 тт. Переписка с Л.Н. Толстым и его семьей. Изд-во «Искусство», М. – Л., 1949.

И.Е. Репин, Переписка с П.М. Третьяковым. Изд-во «Искусство», М., 1946.

И.Е. Репин и В.В. Стасов, Переписка. 1, 2 и 3 тт., изд-во «Искусство», М., 1948 – 1950.

И.Е. Репин, Избранные письма в двух томах. 1867 – 1930. Изд-во «Искусство», М., 1969.

И.Е. Репин, Письма к художникам и художественным деятелям. Изд-во «Искусство», М., 1952.

О.А. Лясковская, Илья Ефимович Репин. Изд-во «Искусство», М., 1961.

С.А. Пророкова, Репин. Серия «Жизнь замечательных людей». Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 1960.

К. И. Чуковский, Илья Репин. Серия «Жизнь в искусстве». Изд-во «Искусство», М., 1969.

В.Н. Москвинов, Репин в Москве. Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, М., 1954.

В.Н. Москвинов, Репин на Харьковщине. Харьковское книжное издательство, 1959.

«Художественное наследство», «Репин», 1 и 2 тома. Изд-во Академии наук СССР, М. – Л., 1948 – 1949.

«Новое о Репине». Изд-во «Художник РСФСР», Л., 1969.

Илья Ефимович Репин – альбом. Изогиз, М., 1957.

В.В. Стасов, Избранное в двух томах. Изд-во «Искусство», М. – Л., 1950 – 1951.

В.В. Стасов, «Вот наши строгие ценители и судьи». Журнал «Северный вестник», 1892, № 1.

А.П. Боткина, Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. Изд-во Государственной Третьяковской Галереи, М., 1951.

Письма Л.Н. Толстого к жене, 1862 – 1910 г. Под редакцией А.Е. Грузинского, 1913.

Е.В. Сахарова, Василий Дмитриевич Поленов. Письма, дневники, воспоминания. Изд-во «Искусство», М., 1950.

Переписка И.Н. Крамского, И.Н. Крамской и П.М. Третьяков, 1869 – 1887. Изд-во «Искусство», М., 1953.

П.П. Чистяков, Письма, записные книжки, воспоминания. 1832 – 1919. Изд-во «Искусство», М., 1953.

М.П. Мусоргский, Избранные письма. Государственное музыкальное издательство, М., 1953.

А.А. Орлова, Труды и дни М.П. Мусоргского. Летопись жизни и творчества. Государственное музыкальное издательство, М., 1963.

Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. Репринтное воспроизведение издания 1880 года. М., «Книга принтшоп», 1990.

М.М. Шубравская, Д.И. Яворницкий. Жизнь, фольклористически-этнографическая деятельность. Изд-во «Наукова думка», К., 1972.

Г.А. Нудьга, Переписка запорожцев с турецким султаном. Изд-во Академии наук Украинской ССР, К., 1963.

Эварницкий Д.И., Запорожье в остатках старины и преданиях народа. Часть I. Часть II. Изд-во Л.Ф. Пантелеева, С.-Петербург, 1888.

Эварницкий Д.И., История запорожских козаков. Т. первый. Типография И.Н. Скороходова. С.-Петербург, 1892.

Из украинской старины. Альбом. Рисунки академиков С.И. Васильковского и Н.С. Самокиша. Пояснительный текст проф. Д.И. Эварницкого. Изд. А.Ф. Маркса, С.-Петербург, 1900.

Д.И. Яворницкий, Неопубликованные письма к И.Е. Репину. Ж. «Радуга», 1967, №10.

ОБ АВТОРЕ

Валерий Назарович Герасимчук – поэт, прозаик, драматург – родился 20 апреля 1956 года в селе Дениховка Тетиевского района Киевской области. Окончил филологический факультет Львовского государственного университета имени Ивана Франко. Много лет работал в аппарате Национального союза писателей Украины: был секретарем НСПУ по работе с областными организациями, директором Дома писателей Украины, заместителем председателя Киевской организации НСПУ…

Пишет на украинском и на русском языках. Автор книг «Калиновая свирель» (1984), «Исповедь» (1991), «Пьесы о великих» (2002, 2003), «Азартные игры» (2008), «Сорванные лепестки (размышления об искусстве)» (2009), «Плач скрипок» (2012), «Репин и Явороницкий» (2013), «Ты пытался спасти мир (страницы из литературной автобиографии)» (2017) и др. Особенно много работает в драматургии. Написал более тридцати пьес: трагедии «Распятие» и «Шумеры»; драмы «Поэт и король, или Кончина Мольера», «Трагедия Нобеля и драма Хемингуэя», «Оковы для Чехова», «Цикута для Сократа», «Душа в огне» – драма о Солнцевой и Довженко, «Любимые Бетховена и любовницы Паганини», «Укрощение... Шекспира!»; комедии «Ангел-хранитель», «Амазонки», «Ошибка Сервантеса», «Азартные игры»…

Пьесы печатались в ведущих украинских журналах «Витчызна», «Киев», «Днипро», «Дзвин», в газете «Литературная Украина», звучали на Украинском радио, ставились в Украине, Канаде (Торонто), шли на сценах Польши и США.

Заслуженный деятель искусств Украины.

СОДЕРЖАНИЕ

Бессмертие Репина, или Запорожцы против кокоток (предисловие) – 3

РЕПИН

(биографический роман в пьесах)

«Бурлаки на Волге» *(драма в двух действиях)* – 12

«Парижское кафе» *(драма в двух действиях)* – 49

«Крестный ход» *(драма в двух действиях)* – 76

«Портрет Мусоргского» *(драма в двух действиях)* – 107

«Портрет Стасова» *(драма в двух действиях)* – 142

«Иван Грозный» *(драма в двух действиях)* – 180

«Вечорниці» *(драма в двух действиях)* – 205

«Толстой на пашне» *(драма в двух действиях)* – 230

«Запорожцы» *(драма в двух действиях)* – 257

«Портрет Третьякова» *(драма в двух действиях)* – 308

«Черноморская вольница» *(драма в двух действиях)* – 362

«Гайдамаки, или Освящение ножей» *(драма в двух действиях)* – 398

«Гопак» *(драма в двух действиях)* – 425

«Портрет Званцевой» *(драма в двух действиях)* – 455

Как рисовалась картина. И как писалась пьеса «Запорожцы» – 495

Основные даты жизни и творчества И.Е. Репина – 520

Краткая библиография – 524

Об авторе – 526

Литературно-художественное издание

ГЕРАСИМЧУК

Валерий Назарович

РЕПИН

«Бурлаки на Волге», «Парижское кафе», «Крестный ход», «Портрет Мусоргского», «Портрет Стасова», «Иван Грозный», «Вечорниці», «Толстой на пашне», «Запорожцы», «Портрет Третьякова», «Черноморская вольница», «Гайдамаки, или Освящение ножей», «Гопак», «Портрет Званцевой»

Биографический роман

в пьесах

Редактор

Компьютерная верстка

Подписано к печати . Формат 60x84 1⁄16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Печать офсетная.

Усл. печ. л. . Усл. изд. л. .

Тираж . Зак.